ОЧЕРКИ

БЫТА

БУДДІЙСКИХЪ МОНАСТЫРЕЙ И БУДДІЙСКАГО ДУХОВЕНСТВА

ВЪ МОНГОЛІИ

ВЪ СВЯЗИ СЪ ОТНОШЕНІЯМИ СЕГО ПОСЛѢДНЯГО КЪ НАРОДУ.

А. Позднѣева.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1887.

ОЧЕРКИ

БЫТА

БУДДІЙСКИХЪ МОНАСТЫРЕЙ И БУДДІЙСКАГО ДУХОВЕНСТВА

ВЪ МОНГОЛІИ

ВЪ СВЯЗИ СЪ ОТНОШЕНІЯМИ СЕГО ПОСЛѢДНЯГО КЪ НАРОДУ.

А. Позднѣева.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1887.

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Отдѣльный оттискъ XVI-го тома Записокъ по Отдѣленію Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН

V. Богослуженія или хуралы.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая книга представляетъ собою почти дословную выписку изъ дневниковъ, которые велъ я во время своего путешествія по Монголіи въ 1876—1879 гг. Возвращаясь изъ этого путешествія, я думалъ было обработать и издать эти дневники непосредственно по прибытіи въ Петербургъ; но вотъ миновало уже болѣе семи лѣтъ, а между тѣмъ, если не считать изданныхъ мною «Образцовъ народной литературы монгольскихъ племенъ», то изъ всего записаннаго я успѣлъ составить лишь двѣ монографіи: «Ургинскіе хутухты» и «Города Сѣверной Монголіи»; отвлекаемый разнаго рода научными работами я лишенъ былъ возможности осуществить свое намѣреніе. Въ послѣднее время обстоятельства снова позволили мнѣ обратиться къ обработкѣ моихъ журналовъ и, конечно, недостатка въ выборѣ вопросовъ, подлежащихъ изслѣдованіямъ, не было. Какъ ни велики за послѣдніе годы результаты нашего изученія Монголіи, они все таки оставляютъ массу не рѣшеннаго и недоговореннаго даже въ томъ, что подвергалось тщательнымъ наблюденіямъ; а такіе, напр., вопросы, каковы юридическіе, еще и вовсе не обращали на себя вниманія нашихъ путешественниковъ. Я постараюсь, по возможности, скорѣе обнародовать собранныя мною свѣдѣнія и по этой части; но въ настоящемъ случаѣ мнѣ представлялось и болѣе благовременнымъ, и болѣе важнымъ сгруппировать собранныя мною

свѣдѣнія о бытѣ буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи. Обстоятельства, опредѣлившія такой выборъ, были самыя различныя; ими же въ значительной степени обусловливалась и та форма, въ которой является настоящее изданіе.

Свое изданіе очерковъ быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи я считалъ благовременнымъ особенно потому, что настоящій 1887-й годъ почитается у монголовъ годомъ трехсотъ-лѣтняго юбилея возрожденія буддизма въ Халхѣ. Извѣстно, что первый буддійскій, собственно ламайскій, монастырь, Эрдэнй-цзў, былъ начатъ въ Халхѣ постройкою въ 1585 году; въ 1586 году онъ былъ оконченъ, а въ 1587-мъ изъ Тибета прибылъ въ этотъ монастырь лама Шиддитў-габчжў, который совершилъ великое освященіе (йэхэ̀ рабнай) эрдэнй цзў'-скихъ храмовъ и учредилъ здѣсь правильное ламское общежитіе. «Съ этого времени», говорятъ халхаскія лѣтописи, «вѣра будды «какъ солнце просіяла въ Халхѣ; животворные лучи ея согрѣли «души халхасовъ и смирили ихъ жестокіе нравы: халхасы совер«шенно вступили на путь десяти бѣлыхъ добродѣтелей и стали «весьма прилежны къ дѣяніямъ высокородныхъ - святыхъ» [1]).

Такіе отзывы монгольскихъ лѣтописцевъ о халхасахъ, не смотря на свою напыщенную и высокопарную форму, повидимому, исполнены олицетворенной правды. Въ самомъ дѣлѣ, едва успѣло миновать полстолѣтія со времени закладки Эрдэнй-цзў'скаго монастыря, и мы видимъ, что халхасы не довольствуются уже проповѣдью и руководительствомъ обыкновенныхъ ламъ,—имъ потребовался высшій, необычайный первосвященникъ: и вотъ въ Халхѣ является первый хубилганъ Чжэбцзўнъ - дамба̀ - хутухты. Черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ сего халхасовъ имѣлъ возможность наблюдать іезуитскій миссіонеръ Жербильонъ и въ составленныхъ имъ запискахъ онъ характеризуетъ нравы халхасовъ слѣдующими словами: «Ils sont fort dévots dans leur fausse secte, «et presque tous portent des chapelets au col, sur lesquels ils ré-

---

1) Эрдэни цзуйнъ тӯхэ, л. 17-й.

«citent leurs prieres. S'ils avoient embrassé la vraie religion, je «crois qu'ils seroient de fervens chrétiens: quoique pourtant, à dire «vrai, ils sont tellement entêtez de leurs Lamas et de leurs erreurs, «qu'il y a peu d'aparence qu'on pût les convertir à la foi, à moins «que Dieu ne fît un de ces miracles de la grâce, par lesquels sa «main toute puissante sçait changer les pierres en enfans d'Abra«ham. Il n'y a guerres de prince Mongou qui n'ait quelque pagode «dans ses Etats, quoiqu'il n'y ait pas une seule maison»[1]. Въ минувшемъ столѣтіи, въ описаніяхъ Георги, Ланга и Палласа мы находимъ почти такіе же отзывы о монголахъ. Наконецъ съ началомъ нынѣшняго вѣка сношенія европейцевъ съ Монголіей сдѣлались еще болѣе часты, но каждый изъ путешественниковъ, представляя намъ свои замѣтки о монголахъ, свидѣтельствовалъ передъ нами тоже самое распространеніе буддизма въ Монголіи. Читая подробнѣйшіе дневники путешествій Тимковскаго и Іакинфа, можно по истинѣ удивляться тому обилію ламъ, которое встрѣчали путники на проходимыхъ ими пространствахъ и той религіозной преданности, которую они изображаютъ въ монголахъ. Лазаристъ Гюкъ по этому поводу передаетъ свои наблюденія надъ монголами еще болѣе ярко. «Монголы», говоритъ онъ, «очень набожны: будущая жизнь занимаетъ ихъ непрерывно и «земныя дѣла въ глазахъ ихъ ничтожны. Оттого живутъ они въ «этомъ мірѣ, какъ бы не принадлежа ему»[2]. Наконецъ нашъ последній путешественникъ, г. Пржевальскій, объѣхавшій теперь почти уже всѣ страны, принявшія ученіе Цзонхавы, прямо удостовѣряетъ насъ, что «ламайское ученіе пустило въ Монголіи «такіе глубокіе корни, какъ, можетъ быть, ни въ одной другой «странѣ буддайскаго міра»[3].

Такіе успѣхи буддизма не могутъ показаться удивительны для людей, знакомыхъ съ основными догматами этой вѣры. Цзонхава, реформаторъ буддизма и основатель секты такъ назы-

---

1) Du Halde. Description géograph. histor. chronol. polit. et physique de l'empire de la Chine T. IV, p. 46.

2) Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie par M. Huc. T. I, p. 48.

3) Пржевальскій. — Монголія и страна Тангутовъ, — стр. 52.

ваемаго желтаго ученія, исповѣдуемаго въ настоящее время монголами, не менѣе Сакъямуни заботился о томъ, чтобы его послѣдователи презирали все земное, отказывались отъ міра, принимали обѣты и вступали въ духовное званіе. «Коренной источникъ всѣхъ добродѣтелей и достоинствъ въ человѣкѣ», говорилъ онъ, «составляютъ священные обѣты, а потому должно прежде всего заботиться объ ихъ храненіи». ([illegible]) [1]) Принятіе духовнаго званія почиталъ онъ за основу блага религіи и говорилъ, что «если этотъ отдѣлъ ученія будетъ святъ и безупреченъ, то и религія будетъ пребывать въ чистотѣ и святости»: ([illegible]) [2]). Понятно отсюда, какое значеніе придавалъ Цзонхава̀ принятію духовнаго званія, послѣдователи же его ученія всецѣло усвоили себѣ его взгляды. Проф. Васильевъ въ своемъ сочиненіи «Религіи Востока» говоритъ, что, «по понятіямъ буддистовъ, чѣмъ больше считается у нихъ ламъ, тѣмъ больше почитается у нихъ процвѣтающею религія» [3]), и это совершенно справедливо. Такой взглядъ былъ, очевидно, усвоенъ халхасами съ самаго перваго времени и засимъ развивался тѣмъ болѣе, чѣмъ дольше находились халхасы подъ вліяніемъ ламства. Вотъ почему уже Жербильонъ замѣчалъ, что почти у каждаго халхаса висятъ на шеѣ молитвенныя четки, а Гюкъ, изучивъ характеръ монгольскихъ народностей, пришелъ къ положительному заключенію, что монголы до такой степени набожны, что живутъ въ этомъ мірѣ какъ бы не принадлежа ему. Другими словами это значитъ, что буддизмъ руководитъ теперь не только всѣми дѣяніями, но и сужденіями, и намѣреніями монголовъ. Нужно ли говорить послѣ этого о важности, какую представляетъ собою тщательное и основательное изученіе

---

1) Богда Цзонхаваинъ намтаръ. Гл. 6 л., 32-й.
2) Ibid., л. 43-й.
3) Васильевъ. — Религіи Востока, — стр. 5-я.

буддизма въ дѣлѣ ознакомленія съ жизнью монголовъ вообще? Признаніе этой важности служило также причиною, побудившею меня приступить къ изданію моихъ замѣтокъ прежде всего о буддизмѣ въ Монголіи.

Съ другой стороны Россія въ настоящее время можетъ считать у себя уже милліоны поклонниковъ будды по сектѣ Цзонхавы, а между тѣмъ, что знаемъ мы о Цзонхавинскомъ вѣроученіи, объ его обрядахъ, объ его требованіяхъ, о духовной жизни его послѣдователей, о правилахъ и обязанностяхъ, начертанныхъ для представителей этого вѣроученія — ламайскаго духовенства? Почти ровно ничего. Въ нашихъ коротенькихъ описаніяхъ отдѣльныхъ событій изъ быта ламаитовъ, равно какъ и въ замѣткахъ путешественниковъ мы постоянно встрѣчаемъ курьезныя описанія буддійскихъ капищъ, наполненныхъ идолами; но что это за идолы, каково ихъ значеніе, какъ учитъ о нихъ самъ буддизмъ и какъ слѣдовательно смотрятъ на нихъ сами буддисты? Намъ постоянно твердятъ о томъ, что духовенство у ламаитовъ отличается своею невѣжественностью и своимъ корыстолюбіемъ; что повсюду оно гнететъ народъ, не неся на себѣ ни какихъ общественныхъ обязанностей и живя исключительно на счетъ труда другихъ; что это чуть ли ни самый развратный и своевольный классъ народа. Но дѣйствительно ли это такъ? Ставлю этотъ вопросъ не для того, чтобы вселить подозрѣніе къ этимъ описаніямъ ламства, а единственно съ цѣлью охарактеризовать самыя описанія. Мы читаемъ и слышимъ въ нихъ только огульное порицаніе цѣлаго класса, но мало узнаемъ примѣровъ и еще менѣе пріобрѣтаемъ данныхъ для сужденія о дѣйствительномъ значеніи этихъ примѣровъ. Намъ говорятъ, что ламство невѣжественно; но чему же должно оно обучаться и что изучаетъ въ дѣйствительности? Намъ говорятъ, что ламство угнетаетъ народъ; но какъ же проявляется этотъ гнетъ и въ чемъ скрываются его причины? Намъ говорятъ о бездѣятельности ламства; но въ чемъ же должна состоять его дѣятельность и какія его обязанности? Намъ говорятъ, что ламство своевольно; но развѣ мыслимо существованіе цѣлыхъ общинъ, не

имѣющихъ ни правилъ, ни порядковъ, да при томъ еще религіозныхъ общинъ? Намъ говорятъ, что у буддистовъ народъ не участвуетъ въ богослуженіяхъ; но тогда что же это за религія, если она не ставитъ ни какихъ отношеній между божествомъ и человѣкомъ? Вопросы эти всегда вселяли во мнѣ охоту къ изслѣдованію ихъ и я не могу не сказать, что это изслѣдованіе представило мнѣ очень многое совершенно въ обратномъ видѣ. При ближайшемъ знакомствѣ съ буддизмомъ я нашелъ въ буддійскихъ монастыряхъ стройныя правила жизни ламъ и, повозможности, ознакомился со всѣми монастырскими поставленіями, видѣлъ отношеніе ламъ къ народу и религіозную жизнь самаго народа. Все это я передаю теперь въ печати, ибо мнѣ кажется несомнѣннымъ, что для правильнаго отношенія къ ламству и ламаитамъ, намъ необходимо знать ихъ собственныя правила и воззрѣнія; безъ этого мы никогда не достигнемъ своей пользы въ нашихъ отношеніяхъ къ исповѣдующимъ ламаизмъ инородцамъ Россіи.

Законы ламаитовъ повсюду одинаковы. Посѣтивъ въ періодъ своего путешествія степи Монголіи и Забайкальскаго края, я естественно говорю въ своей книгѣ только о видѣнномъ въ этихъ мѣстахъ; но я полагаю, что совершенно тоже можно находить и у ламаитовъ, обитающихъ при кульджинскихъ границахъ. Къ этому убѣжденію приводитъ меня еще больше то обстоятельство, что, посѣщая калмыцкія степи астраханской губерніи, я находилъ въ нихъ тоже самое, что видѣлъ и въ Монголіи. Въ нашей литературѣ о калмыкахъ не рѣдко приходится встрѣчать мнѣніе, что калмыки уже значительно забыли свою религію—буддизмъ, что она во многомъ отличается у нихъ не только отъ буддизма у монголовъ, но даже и у бурятъ. Мнѣніе это представляется однако въ высшей степени поверхностнымъ и далеко не оправдываемымъ на дѣлѣ, чтобы не сказать невѣрнымъ во все. Правда, калмыки не имѣютъ у себя хутухтъ, или живыхъ воплощеній бодисатвъ, но что же это значитъ? Культъ ихъ не теряетъ равно ничего отъ этого недостатка: если монголы и буряты возносятъ даньшикъ и мандалъ передъ живыми хутухтами, калмыки совершаютъ тотъ же самый хуралъ и тѣже самые об-

ряды передъ кумирами буддъ и бодисатвъ. Правда, у калмыковъ нѣтъ четырехсаженныхъ кумировъ Майдари, какіе находимъ мы въ халхаской Ургѣ, или въ бурятскомъ Гусино-озерскомъ дацанѣ; но у нихъ масса такихъ же кумировъ въ четыре вершка, а не все ли равно для существа религіи будетъ ли кумиръ измѣряться вершкомъ, или саженью? Говорятъ, что у калмыковъ и вообще нѣтъ многихъ бурхановъ; это опять таки не совсѣмъ справедливо и, мнѣ кажется, что люди, высказывающіе такое положеніе, разумѣютъ бурхановъ только литыхъ; но я хорошо знаю, что въ калмыцкихъ степяхъ если нѣтъ всѣхъ изображеній бурхановъ литыхъ, такъ есть рисованные, а развѣ это видоизмѣняетъ сущность дѣла? Что касается религіозныхъ обрядовъ, то въ этомъ отношеніи калмыки опять таки не разнятся ни отъ монголовъ, ни отъ бурятъ. Въ хурулахъ ихъ ведется рѣшительно тотъ же порядокъ службъ, читаются тѣ же номы, исполняются тѣ же обряды. Недостаточность духовенства, правда, препятствуетъ имъ совершать нѣкоторыя богослуженія, какъ напр. чжудъ, цамъ и др.; но несомнѣнно также и то, что изъ числа калмыцкихъ ламъ очень многіе основательно изучаютъ тарнистическія системы и высшую догматику буддизма, слѣдовательно состояніе ихъ религіи и въ этомъ отношеніи не отличается отъ буддизма въ Монголіи и у бурятъ. Въ отношеніяхъ къ простолюдинамъ духовенство калмыцкихъ степей совершаетъ тѣ же самые обряды, какіе мы видимъ и въ Монголіи. Наблюдающіе жизнь калмыковъ несомнѣнно найдутъ, что у нихъ, при рожденіи ребенка, также точно совершается обрядъ «хӯхэтъ аршалаху», а за симъ, по мѣрѣ возраста человѣка, будутъ слѣдовать надъ нимъ тѣ же «мэнгэйнъ цзасалъ», «чжиліинъ оролгонъ», брачные обряды; также призываются у калмыковъ духовныя лица къ больному, также направляютъ они и умершаго въ блаженное царство Сукавади.

Эта общность буддизма какъ въ Монголіи, такъ въ Забайкальи и наконецъ въ нашихъ калмыцкихъ степяхъ, безъ сомнѣнія, хорошо извѣстна всѣмъ, поставленнымъ въ необходимость имѣть близкія отношенія къ буддистамъ и заинтересованнымъ

въ дѣлѣ изученія практическихъ сторонъ буддизма. Послѣднимъ обстоятельствомъ я именно и объясняю себѣ, почему собранные мною свѣдѣнія касательно быта монгольскихъ монастырей и монголо-буддійскаго духовенства въ свое время встрѣтили себѣ самое лестное вниманіе со стороны нашихъ администраторовъ Восточно-Сибирскаго края какъ духовнаго, такъ и гражданскаго вѣдомствъ. Эти лица не только выражали мнѣ свое желаніе, а даже указывали на необходимость изданія моихъ замѣтокъ по возможности скорѣе. Въ частныхъ бесѣдахъ они выяснили мнѣ и тѣ нужды, которымъ собственно долженъ бы былъ удовлетворять мой трудъ. Отъ него требовалось, чтобы онъ далъ свѣдѣнія о должной, обыденной обстановкѣ и жизни буддійскихъ монастырей и монаховъ, излагалъ бы именно тѣ правила, которыми руководствуется теперь буддійское духовенство, сообщалъ бы о каждомъ предметѣ именно то ученіе, тѣ понятія и вѣрованія, которыя распространены о немъ у современныхъ буддистовъ. Само собою разумѣется, что для практическихъ дѣятелей,—для людей, поставленныхъ въ ближайшее отношеніе къ буддистамъ, такого рода свѣдѣнія гораздо болѣе необходимы, чѣмъ даже научныя изысканія объ историческомъ ходѣ развитія буддійскихъ идей; лучшимъ же способомъ удовлетворенія этихъ нуждъ я почиталъ именно представленіе дословныхъ выписокъ изъ моего дневника, въ который заносилось мною все, что я видѣлъ, всѣ тѣ объясненія, которыя передавались мнѣ устно и наконецъ всѣ тѣ переводы буддійскихъ сочиненій, которыя давали мнѣ ламы въ дополненіе своихъ толкованій.

Издавая свой трудъ, я принялъ за правило сообщать названія предметовъ именно по способу монгольскаго ихъ произношенія. Такимъ образомъ я пишу: «Вачѝръ-вàни», или «Очѝръ-вàни», вм. «Вàчжра-пàни», Мàйдари вм. Майтрèя, Бирỳзана вм. Вайрòчана, «чòй чжинъ» вм. «чòйчжонъ» или «чòйчжунъ» и др. Для многихъ такое правописаніе можетъ показаться неправильнымъ и не научнымъ, такъ какъ большинство этихъ именъ принадлежитъ языкамъ санскритскому и тибетскому, а у монголовъ, очевидно, является въ извращенной формѣ. Но говоря о буддизмѣ

у монголовъ, я всегда почитаю за болѣе вѣрное давать вещамъ и монгольскія названія. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ мы знаемъ, что русское слово «ангелъ» есть не полное греческое «ἄγγελος», что слово «іерей» есть искаженіе греческаго «ἱερεύς»; и однако, пиша о христіанствѣ въ Россіи, никто не станетъ, въ видахъ научности, называть эти предметы ихъ греческими именами, а употребитъ слова для обозначенія ихъ именно въ той формѣ, въ какой усвоены они русскими. Съ другой стороны, такое правописаніе имѣетъ за собою и то преимущество, что читающему книгу дается возможность всецѣло войти въ область именно монгольскаго буддизма, а за симъ провѣрять и дополнять мои свѣдѣнія личными изслѣдованіями. Между тѣмъ спросите у любаго монгольскаго, бурятскаго, или калмыцкаго ламы показать вамъ хурульную принадлежность «ва̀чжра» и онъ затруднится найти ее вамъ только потому, что привыкъ называть ее вачи̊р'омъ, или очи̊р'омъ.

Нѣкоторое различіе встрѣтятъ за симъ читатели и въ моемъ произношеніи словъ тибетскаго литературнаго текста; какъ, мною на равнѣ употребляется чтеніе слова «ду̊йцзанъ» и «ду̊йчанъ» (= ду̊йчинъ) и др. Произошло это оттого, что сами монголы имѣютъ у себя двоякое чтеніе тибетскихъ буквъ: букву, или слогъ ཚ одни читаютъ *цза*, а другіе *ча*. Отдавать преимущество тому или другому чтенію мы не имѣемъ никакого основанія; оттого какъ въ своихъ дневникахъ, такъ и въ настоящей книгѣ я всецѣло удерживалъ транскрибцію того чтенія, какое я слышалъ въ каждомъ данномъ случаѣ выходившимъ изъ устъ монгола.

Другихъ, требующихъ объясненія особенностей предлежащаго изданія мнѣ не представляется въ настоящую пору и я приношу только извиненіе передъ читателями за встрѣчающіяся въ немъ погрѣшности съ внѣшней стороны. Обращая вниманіе главнымъ образомъ на содержаніе книги, я знаю, что опустилъ многое со стороны формальной; но надѣюсь, что именно это внут-

реннее достоинство моей работы послужитъ искупленіемъ ея опущеній со стороны внѣшней.

Въ заключеніе считаю долгомъ выразить мою глубокую признательность Проф. В. П. Васильеву, сообщившему мнѣ имѣвшійся у него списокъ монгольскихъ хубилгановъ и Высокопреосвященному Веніамину Иркутскому, который доставилъ мнѣ два фотографическихъ рисунка, приложенныхъ къ настоящей книгѣ.

А. Позднѣевъ.

I.

Общія замѣчанія о буддійскихъ монастыряхъ Монголіи.

Ламайскіе монастыри извѣстны въ Халхѣ обыкновенно подъ тремя различными наименованіями. Одни изъ нихъ называются «хӳрѣ» ([illegible]), другіе носятъ прозваніе «сӳмэ» ([illegible]), третьи извѣстны подъ именемъ «хит'овъ» ([illegible]). Каждое изъ этихъ названій, имѣя за собой свое особенное значеніе, усвояется тому или другому монастырю сообразно съ тѣмъ, къ какому изъ этихъ названій подходитъ монастырь ближе по особенностямъ своей жизни и по складу своего быта. Собственно слово «хӳрѣ» обозначаетъ на монгольскомъ языкѣ понятіе о какомъ либо станѣ, жилыя зданія котораго располагаются кругомъ. Такъ какъ, по обычаямъ буддизма, кельи ламъ, или буддійскихъ монаховъ, должны располагаться вокругъ зданія кумирни, то на этомъ основаніи монголы даютъ названіе «хӳрѣ» только тѣмъ изъ своихъ монастырей, при которыхъ постоянно живутъ ламы и которые по тому самому представляютъ собою не одни только зданія кумирень, но заключаютъ еще въ своихъ стѣнахъ и кельи монаховъ. Слово «сӳмэ» по буквальному его значенію знаменуетъ собою кумирню, или молитвенный храмъ буддистовъ и потому именемъ «сӳмэ» обозначаются у халхасовъ тѣ монастыри, братія которыхъ не живетъ при монастырскихъ кумирняхъ постоянно, а кочуетъ въ различныхъ частяхъ степей и собирается къ своему

монастырю только въ праздники и въ дни, назначенные для великихъ хураловъ (= богослуженій). Что касается третьяго прозванія «хитъ», то оно усвояется въ Халхѣ тѣмъ монастырямъ, которые служатъ мѣстопребываніемъ монаховъ—отшельниковъ; къ разряду ихъ халхасы относятъ ламъ — созерцателей, или — даянчи (ᠳᠠᠶᠠᠨᠴᠢ), ламъ, исполняющихъ разнаго рода подвиги и проч.

Таково основное различіе буддійскихъ монастырей въ Халхѣ по ихъ названіямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это различіе въ первое время существованія и развитія буддизма въ Халхѣ имѣло свое полное примѣненіе и на дѣлѣ; но теперь всѣ эти названія уже перемѣшались и утратили свое значеніе. Проѣзжая по степямъ Халхи, не трудно замѣтить, что названіе «хӱрѣ» за частую усвоено теперь за одинокими степными кумирнями, при которыхъ давно уже не живетъ ни одного монаха и на оборотъ есть такіе монастыри, которые, продолжая носить названіе «сӱмэ», превратились въ настоящее время въ громадныя монастырскія обители; въ свою очередь и прозваніе хит'овъ не рѣдко можно встрѣчать за такими монастырями, которымъ гораздо болѣе приличествовало бы нынѣ наименованіе «хӱрѣ». Все это, конечно, обусловливается тѣмъ общечеловѣческимъ закономъ, по которому предметы, въ силу разнаго рода жизненныхъ и историческихъ условій подвержены различнымъ перемѣнамъ, но тѣмъ не менѣе неуклонно сохраняютъ за собою одно и тоже, усвоенное имъ названіе. Такимъ образомъ самое общее прозваніе того или другаго монастыря всегда можетъ служить у монголовъ матеріаломъ для его исторіи, ибо оно всегда имѣетъ за собою историческую подкладку. Въ четырехъ верстахъ отъ монастыря Эрдэни-цзу располагается значительная буддійская обитель, при которой живетъ теперь до 500 ламъ и которая извѣстна нынѣ подъ именемъ «Гэгэ̄нэй бӯтэ̄лійнъ сӱмэ». Просматривая исторію Халхи, мы узнаемъ, что монастырь этотъ при своемъ построеніи во все не предназначался для постояннаго жительства при немъ буддійскихъ монаховъ, а былъ сооруженъ въ видѣ отдѣльной кумирни для перваго халхаскаго хубилгана Чжэбцзунъ-дамба хутухты

съ исключительною цѣлію совершенія богослуженій этимъ послѣднимъ, когда посѣщалъ онъ своихъ родителей. Точно такимъ же образомъ на берегахъ озера Угэй-нура высится теперь общежительный буддійскій монастырь, извѣстный подъ именемъ «Оромбо-гэгэнэй хит'а»: монастырское преданіе разказываетъ однако, что монастырь этотъ по первоначалу служилъ именно мѣстомъ подвижничества тибетскаго Оромбо- (Ромба) хутухты и только впослѣдствіи ламы устроили здѣсь свое общежитіе.

Причины, вліявшія на подобныя видоизмѣненія въ бытѣ халхаскихъ монастырей, заключаются съ одной стороны въ той обстановкѣ, при которой извѣстный монастырь получалъ свое начало, а съ другой—въ тѣхъ матеріальныхъ средствахъ, которыми располагалъ онъ для своего дальнѣйшаго существованія. Просматривая лѣтописи халхасовъ и собирая устныя преданія этого народа, можно не безъ основанія заключать, что всѣ халхаскіе монастыри въ отношеніи своего происхожденія могутъ быть раздѣлены на четыре категоріи. Одни изъ нихъ были воздвигаемы маньчжурскими императорами въ Китаѣ на счетъ китайскаго государственнаго казначейства,—это такъ называемые императорскіе монастыри и храмы; другіе устроялись халхасами на пользу ихъ гэгэновъ, хутухтъ и хубилгановъ, какъ мѣста, въ которыхъ должны были проживать эти гэгэны и молиться за народное благо,—это такъ называемые монастыри гэгэновскіе или хутухтинскіе; третьи возникали на суммы, составлявшіяся изъ пожертвованій частныхъ лицъ, представлявшихъ собою какое-либо отдѣльное сообщество, — таковы всѣ монастыри, принадлежавшіе въ старину отдѣльнымъ родамъ ([illegible]) халхасовъ, а въ настоящее время, когда халхасы уже совершенно утратили свой родовой бытъ, принадлежащіе той или другой административной единицѣ, на которыя раздѣляются теперь халхасы,—это такъ называемые хошунные и сумунные монастыри; четвертые наконецъ сооружались на суммы отдѣльныхъ частныхъ личностей, каковы богатые монгольскіе князья, или знатные и извѣстные своимъ богатствомъ и добродѣтелями ламы.

Изъ числа четырехъ помянутыхъ видовъ халхаскихъ мона-

стырей самыми богатыми и обширными безспорно являются монастыри гэгэновскіе или хутухтинскіе. Построеніе ихъ, какъ я сказалъ уже выше, совершалось обыкновенно халхасами съ спеціальною цѣлью дать мѣстожительство и устроить милитвенный храмъ для какого нибудь прославившагося своими чудесами хубилгана. Устроивъ храмъ, халхаскіе князья дарили его обыкновенно хутухтѣ, при чемъ каждый князь отдѣлялъ еще изъ числа своихъ данниковъ нѣсколько семей и также передавалъ ихъ на вѣчное владѣніе хутухтѣ. Съ тѣхъ поръ эти семьи составляли уже собою отдѣльное вѣдомство и получали названіе шабинаровъ того хутухты, которому онѣ были подарены. Они освобождались навсегда отъ платы податей своимъ прежнимъ свѣтскимъ правителямъ и взамѣнъ сего обязаны были содержать своего хутухту, равно какъ и принадлежащій ему монастырь; въ кочевья имъ отводились обыкновенно земли вокругъ этого монастыря и въ административномъ отношеніи они зависѣли отъ монастырскаго начальства. Число шабинаровъ у различныхъ халхаскихъ хутухтъ, обусловливается главнымъ образомъ знатностью и значеніемъ въ народѣ самыхъ этихъ хутухтъ, а потому весьма различно: мы знаемъ напр., что количество шабинаровъ Чжэбцзунъ-дамба хутухты превосходитъ 20,000 семей, между тѣмъ какъ у Оромбо-гэгэна едва насчитывается ихъ до 150. Само собою разумѣется, что отъ этого количества шабинаровъ не мало зависитъ и богатство каждаго монастыря, но за всѣмъ тѣмъ всякій хутухта всегда и совершенно вѣрно разсчитываетъ, что благосостояніе монастыря его вполнѣ упрочено, коль скоро у него явилось 50 или 100 семей шабинаровъ. Источники доходовъ отъ шабинаровъ у монастыря и хутухтъ самые разнообразные, тѣмъ болѣе что въ вѣдѣніи монастырей и хутухтъ обыкновенно ни одинъ человѣкъ не остается безъ дѣла. Бобыли и бездомные одиночки по большей части живутъ при монастырскихъ табунахъ и стадахъ монастырскаго скота, а въ самыхъ монастыряхъ они исполняютъ обязанности работниковъ; семейные и зажиточные отъ этихъ работъ увольняются, но за то они несутъ на себѣ повинности, которыя, конечно, приносятъ хутухтамъ еще болѣе важ-

ные доходы. Первымъ видомъ доходовъ, доставляемыхъ этими послѣдними шабинарами, являются прямыя подати: каждый шабинаръ изъ имѣющихся у него двадцати овецъ обязанъ отдать ежегодно въ пользу монастыря одну; при этомъ пять коровъ, три лошади, или два верблюда приравниваются къ двадцати овцамъ. Если шабинаръ имѣетъ менѣе двадцати овецъ, тогда онъ платитъ подать хлѣбомъ, чаемъ, или наконецъ деньгами. Съ десятка овецъ, или двухъ коровъ у различныхъ хутухтъ шабинары платятъ различно: отъ пяти до шести котловъ проса, отъ четырехъ до пяти кирпичей чаю, или же отъ двухъ до двухъ съ половиною ланъ серебра; съ пяти овецъ, или одной коровы почти у всѣхъ вносится три котла проса, два кирпича чаю, или же лана серебра деньгами. Но уходъ за скотомъ и вообще всякаго рода домоводство лежитъ у монголовъ, какъ извѣстно, на обязанности женщинъ; отсюда помянутая подать, собственно говоря, берется съ женскаго труда и достатка; что же касается мужчинъ, то они въ свою очередь не мало платятся достатками своего труда въ монастырь. Въ этомъ отношенiи для хутухтъ особенно выгоднымъ является извозничество шабинаровъ. Китайскiе купцы, постоянно перевозя свои товары изъ Китая въ Монголiю и обратно изъ Монголiи за великую стѣну, обыкновенно пользуются для этого транспорта монгольскими вьючными животными. Но такъ какъ для нихъ всегда удобнѣе, выгоднѣе и безопаснѣе имѣть дѣло съ зажиточными возчиками, то они въ этихъ случаяхъ прежде всего заботятся о томъ, чтобы сдать весь транспортъ въ руки и на отвѣтственность одного лица. Въ Халхѣ въ настоящее время уже никто, кажется, такъ не богатъ скотомъ, какъ монастырскiя обители и потому ежели какому либо китайцу потребуется караванъ въ 50, 60 верблюдовъ, то поставщикомъ такого каравана всегда является казначейство того или другаго монастыря, того или другаго хутухты. Отправляя животныхъ изъ своихъ стадъ, монастырское казначейство посылаетъ при этомъ погонщиками тѣхъ самыхъ бобылей изъ своихъ шабинаровъ, которые дома у него или ухаживаютъ за монастырскимъ скотомъ, или же состоятъ при монастырѣ въ качествѣ работни-

ковъ. Очень часто бываетъ при этомъ, что въ составѣ такихъ монастырскихъ каравановъ и не всѣ животныя принадлежатъ монастырю, но часть ихъ составляетъ собственность шабинаровъ, причисленныхъ къ вѣдомству хутухты. Въ этомъ случаѣ у халхасовъ идетъ, такъ сказать, круговая порука. Шабинаръ, имѣющій у себя три, пять, десять верблюдовъ, не могъ бы единолично получить для себя выгоднаго подряда, и вотъ онъ присоединяется съ своими верблюдами къ хутухтинскому каравану и везетъ транспортъ какъ бы везли его верблюды хутухтинскаго казначейства. Этотъ способъ особливо практикуется въ казначействахъ хутухтъ малозначительныхъ и небогатыхъ, которые безъ взаимной помощи своихъ шабинаровъ не могли бы, пожалуй, сами по себѣ и держать подрядовъ; но не менѣе часто можно видѣть тоже самое и въ караванахъ снаряжаемыхъ отъ богатыхъ монастырей, потому что такое присоединеніе шабинаровъ къ ихъ караванамъ является далеко не безвыгоднымъ для монастырскихъ казначействъ. Дѣло въ томъ, что каждый шабинаръ, пожелавшій присоединиться къ монастырскому каравану, обязанъ платить за это позволеніе присоединиться, или, другими словами, платить за то, что ему доставляется выгодная работа; за то, что по немъ поручаются; за то наконецъ, что ему будетъ легче и безопаснѣе идти въ большомъ караванѣ,—и плата за все это полагается довольно значительная. Какой либо нормы для опредѣленія ея мнѣ никогда не приходилось встрѣчать въ монгольскихъ монастыряхъ и, собственно говоря, этой нормы, по всей вѣроятности, не существуетъ вовсе; ибо я наблюдалъ, что при договорѣ съ своимъ шабинаромъ со стороны монастырскихъ ламъ всегда принимается въ разсчетъ выгодность заключеннаго ими подряда, дальность и удобство пути, время совершенія путешествія, количество верблюдовъ шабинара и вообще всѣ, идущія къ дѣлу обстоятельства. Высшую плату, какъ мнѣ пришлось видѣть въ монастырѣ Угэй-нор'скомъ, составляло то, что при подрядѣ отъ Улясутая до Урги (при цѣнѣ 12 ланъ за каждаго вьючнаго верблюда) изъ числа трехъ верблюдовъ шабинара одинъ шелъ въ пользу монастырскаго казначейства; самая низшая плата была

наблюдаема мною въ монастырѣ Барӯнъ-хӯрѣ, гдѣ, при перевозѣ товаровъ на пространствѣ отъ монастыря Эрдэни-цзу до Урги, въ пользу монастыря шелъ только восьмой верблюдъ шабинара. Но, какъ бы то ни было, извозничество шабинаровъ даетъ значительные доходы хутухтамъ и благодаря ему казначейства хутухтинскихъ монастырей безъ всякихъ затратъ обогащаются на счетъ своего крѣпостнаго люда.

Не менѣе важный доходъ представляетъ въ хутухтинскихъ монастыряхъ подрядъ на содержаніе почтовыхъ станцій. Извѣстно, что отбываніе натуральныхъ повинностей, въ какой бы мѣстности оно ни требовалось, возлагается въ Халхѣ на всѣ четыре аймака; но отсюда возникаетъ цѣлая масса неудобствъ и трудностей: живущимъ по р. Кэрулену сэцэнъ-хановцамъ приходится содержать станціи близь Кобдо и на оборотъ кочующіе по Цзабхану цзасакту-хановцы обязаны отбывать почтовую повинность по дорогѣ отъ Долōнъ-нӯра къ русскимъ карауламъ въ Восточной Сибири. Мало того, хошӯны часто не находятъ въ своей средѣ людей, которые согласились бы отбывать натуральную повинность даже въ своихъ родныхъ кочевьяхъ. Чтобы избѣжать этихъ трудностей отбыванія подводной повинности особливо въ мѣстахъ удаленныхъ отъ родныхъ кочевьевъ, халхасы обыкновенно нанимаютъ за себя туземцевъ и вотъ въ этихъ то случаяхъ подрядчиками являются опять таки хутухтинскія и монастырскія казначейства, всегда богатыя скотомъ и юртами. По прямой дорогѣ отъ Урги на Улясутай (такъ называемой «бага ӧртōнӧй цзамъ) почти весь трактъ снятъ съ подряда хутухтами,— такъ: отъ Урги до станціи Чинъ-тологой почтосодержателями являются въ большинствѣ случаевъ шабинары Чжэбцзунъ-дамба-хутухты; станціи Тахильту и Улāнъ-шубӯ сняты казначействомъ Оромбо гэгэна; на станціяхъ Шубукту и Дзӯнъ-модо обязанности подводчиковъ исполняютъ шабинары Зая-пандиты; еще далѣе къ Улясутаю нѣсколько станцій содержится монастыремъ Илагуксанъ хутухты,—послѣдній при томъ снимаетъ подряды и на большомъ улясутайскомъ трактѣ на Саиръ-усу. Плата за содержаніе почтовыхъ станцій полагается самая раз-

личная, смотря по количеству разъѣздовъ и разстоянія одной станціи отъ другой; но обыкновенно она колеблется на суммѣ отъ 200 до 600 ланъ серебра, т. е. отъ 400 до 1200 р. серебромъ въ годъ съ каждой почтовой юрты.

Богатства хутухтинскихъ монастырей, значительное количество живущихъ въ нихъ ламъ и наконецъ почти постоянное стеченіе сюда поклонниковъ, почти всегда привлекаютъ въ эти обители торгующихъ китайцевъ; но за право торговли при монастырѣ хутухтинскія казначейства также точно назначаютъ взносъ съ китайцевъ. Такимъ образомъ въ монастырѣ Эрдэни-цзу'скомъ этотъ взносъ равняется 20-ти ланамъ серебра въ годъ съ каждой китайской лавки, у Зая-пандиты 25-ти, а въ Барӯнъ-хӯрѣ 12-ти ланамъ. Въ Южной Монголіи мнѣ пришлось встрѣтить, что въ монастырѣ Хара-хадайнъ-сӯмэ такіе китайскіе торговцы построили для себя даже байшинъ на монастырской землѣ; взносъ ихъ какъ поземельный, такъ и за право торговли=50-ти ланамъ.

Такъ собирая отовсюду, хутухтинскіе монастыри богатѣютъ съ каждымъ годомъ и это обстоятельство даетъ имъ возможность наживаться еще отдавая свои деньги подъ проценты: казначейство Чжэбцзунъ-дамба-хутухты постоянно ссужаетъ хошӯны суммами въ 3, 5, 8 тысячъ ланъ серебра, получая за нихъ отъ 10 до 30 годовыхъ процентовъ; тѣже самыя операціи производятъ и казначейства другихъ хутухтинскихъ монастырей. Отсюда то всегда происходило и происходитъ то, что незначительные гэгэновскіе сӯмэ и хиты, вслѣдъ за поднесеніемъ хутухтѣ шабинаровъ, постоянно преобразовываются въ болѣе или менѣе значительные монастыри Халхи. Въ настоящее время можно постановить уже общимъ правиломъ, что каждый хутухтинскій монастырь, будетъ ли онъ называться хӯрѣ, сӯмэ, или хит'омъ, непремѣнно представляетъ собою общину буддійскихъ ламъ, постоянно живущихъ при своемъ монастырѣ и совершающихъ въ немъ свои хуралы (богослуженія). Мало того, болѣе состоятельные изъ халхаскихъ хутухтъ содержатъ общежительные монастыри не только при своей резиденціи, но устраиваютъ ихъ еще и въ другихъ мѣстахъ. Такимъ образомъ извѣстный

хубилганъ Чжэбцзунъ-дамба-хутухты имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи и содержитъ на свои средства слѣдующіе монастыри:

1) *Ургу* — монастырь, который за свою обширность получилъ у насъ уже названіе города и въ которомъ находится, какъ извѣстно резиденція Чжэбцзунъ-дамба-хутухты.

2) *Барӯнъ-хӯрѣ,* — монастырь, находящійся въ 25 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ монастыря Эрдэни-цзу.

3) *Ребунъ-гэчжи-линъ* [1]), построенный на южномъ скатѣ Гэнтэйскихъ горъ въ верховьяхъ р. Кэрулэна.

4) *Эруанчинъ-ган-данъ-шат-дуб-линъ,* — монастырь, посвященный богинѣ Дара-эхэ и стоящій въ мѣстности Цэцэрлигійнъ-эрдэни-тологой.

5) *Шат-дуб-чойн-коръ-линъ,*—монастырь, извѣстный у монголовъ подъ именемъ Цзӯнъ-хӯрѣ.

6) *Гэгэнэй бӯтэлыинъ сӯмэ,* — монастырь, находящійся верстахъ въ 4-хъ отъ Эрдэни-цзу.

9) *Даянчійнъ-хитъ,* — монастырь ламъ созерцателей, построенный въ мѣстности Улāнъ бахча, отстоящей въ 6 верстахъ къ сѣверу отъ Урги.

Всѣ эти монастыри построены на средства самаго Чжэбцзунъ-дамба-хутухты, или, по крайней мѣрѣ, при непосредственномъ участіи его своими средствами въ ихъ постройкѣ. Содержаніе свое помянутыя обители получаютъ, конечно, прежде всего отъ своихъ доходовъ, т. е. текущихъ приношеній поклонниковъ; но за симъ, если бы приношенія эти оказались недостаточными для покрытія всѣхъ монастырскихъ издержекъ, въ такомъ случаѣ онѣ пользуются поддержкою, выдаваемою изъ общаго сана (каз-

---

[1]) Собственныя имена монастырей въ настоящемъ случаѣ, равно какъ и всѣ остальныя тибетскія слова, я транскрибирую здѣсь согласно общему произношенію этихъ словъ у монголовъ. Очень можетъ быть, что нѣкоторыми это будетъ признано не правильнымъ, или по крайней мѣрѣ не научнымъ; но съ своей стороны мы затрудняемся даже и сказать, какъ должно транскрибировать тибетскія слова, въ виду разности ихъ чтенія и обилія нѣмыхъ буквъ. Имя настоящаго монастыря по тибетскимъ буквамъ должно быть прочитано «Риво-рГьясъ-гЛинъ».

нохранилища) Чжэбцзунъ-дамба-хутухты, наконецъ избытокъ доходовъ одного монастыря часто служитъ поддержкою для другаго. Эта круговая порука является одною изъ основныхъ причинъ, по которымъ халхаскіе монастыри, принадлежащіе тому или другому хутухтѣ, не только никогда не падаютъ въ своемъ значеніи, но напротивъ годъ отъ года все болѣе и болѣе расширяются въ своихъ размѣрахъ. Халхасы, строители монастырскихъ обителей, давно уже сознали важность для монастыря быть причисленнымъ къ вѣдомству какого либо хутухты и оттого, построивъ монастырь, не рѣдко прямо подносили его въ даръ хутухтамъ. Такимъ образомъ помимо помянутыхъ семи монастырей, въ вѣдѣніи Чжэбзцунъ-дамба-хутухты, находится еще 8-я обитель, извѣстная подъ именемъ «*Донъ-коръ-маньчжушрі-йинъ сўмэ*». Монастырь этотъ располагается верстахъ въ 40 отъ Урги, на южной сторонѣ Хāнъ-ӯлы. Основаніе его было положено въ 1733 году ламою Донъ-коръ-маньчжушри, который на мѣстѣ настоящаго монастыря построилъ только одинъ громадный храмъ тибетской архитектуры и поднесъ его Чжэбцзунъ-дамба-хутухтѣ. Чжэбцзунъ-дамба въ тоже время отдѣлилъ изъ Урги нѣсколько ламъ и отправилъ ихъ для постояннаго жительства и совершенія хураловъ въ Донъ-коръ-маньчшушрі-йинъ сўмэ. Съ тѣхъ поръ монастырь этотъ не переставалъ увеличиваться и въ настоящее время ламы, живущіе при немъ, раздѣляются уже на 6 аймаковъ, общее же число ихъ доходитъ до 1000 человѣкъ. Подобнымъ же образомъ въ вѣдѣніи Чжэбцзунъ-дамба-хутухты находится 9-й монастырь «*Амуръ баясхуланту*», расположенный на р. Ибэнъ и 10-й *Шачжини бадарагулухчи сўмэ*, извѣстный у Монголовъ болѣе подъ именемъ «Дамба дорчжи» и находящійся верстахъ въ 5-ти къ сѣверу отъ Урги на берегу р. Сельбы. Оба эти монастыря были построены на счетъ китайскаго императора какъ мѣсто для погребенія хубилгановъ ургинскихъ хутухтъ, но засимъ Чжэбцзунъ-дамба-хутухты также завели при этихъ храмахъ постоянныя буддійскія обители.

Императорскіе монастыри въ Халхѣ въ настоящее время являются уже значительно бѣднѣе хутухтинскихъ, хотя при

своемъ сооруженіи они получали обыкновенно нѣкоторое обезпеченіе отъ богдохāна. Просматривая лѣтописи монголовъ, мы видимъ, что богдохāны, сооружая храмы въ Халхѣ, въ тоже время постоянно заботились и о томъ, чтобы при храмахъ этихъ жило постоянно извѣстное количество духовенства, равно какъ и о томъ, чтобы духовенство это было обезпечено въ своемъ существованіи. Первымъ способомъ къ этому обезпеченію было прямое назначеніе жалованья духовенству; но такъ какъ способъ этотъ былъ весьма обременителенъ для государственнаго казначейства, то онъ практиковался очень рѣдко и обыкновенно не надолго. Вотъ почему императорскіе монастыри Халхи прежде всего превращались изъ общежительныхъ обителей въ одинокіе и пустынные храмы какъ скоро для ламъ переставали высылать жалованье изъ Пекина, они, не находя достаточныхъ средствъ къ своему существованію, невольно должны были оставлять монастырь и поселяться въ степяхъ у своихъ родственниковъ и однохошӯнцевъ; монастырь съ этого времени естественно становился пустыннымъ храмомъ и ламы являлись къ нему только въ дни великихъ хураловъ. Другой способъ, которымъ обезпечивали маньчжурскіе императоры содержаніе духовенства и совершеніе богослуженій при построенныхъ ими кумирняхъ заключался въ томъ, что, построивъ кумирню, императоры дѣлали воззваніе къ монгольскимъ князьямъ и предлагали имъ откомандировать къ новоустроенной обители по одному ламѣ отъ каждаго хошӯна, при чемъ каждый хошӯнъ обязывался и обезпечивать содержаніе командированнаго имъ ламы. Способъ этотъ особливо практиковался во времена императоровъ Канси и Юнъ-чжэн'а, а равно и въ первые годы правленія Цянь-лун'а, но впослѣдствіи, когда халхасы годъ отъ года становились бѣднѣе въ своихъ средствахъ, они постоянно прекращали командировки ламъ въ императорскія кумирни, такъ что въ настоящее время собственно въ Халхѣ не содержится, кажется, ни одного монастыря на подобныхъ началахъ. Единственный примѣръ подобнаго ламскаго общежитія мнѣ удалось повстрѣчать въ 1878 году при долōнъ-нӯр'ской императорской кумирнѣ, извѣстной подъ именемъ «Шара-сӯмэ». По

воззванію императора Канси, сдѣланному при построеніи этого монастыря, здѣсь должны были жить ламы отъ всѣхъ хошӯновъ какъ сѣверной такъ и южной Монголіи; но въ періодъ моего пребыванія въ Шара-сӯмэ здѣсь недоставало представителей отъ очень многихъ хошӯновъ. Что касается четырехъ халхаскихъ аймаковъ, то они также точно прежде содержали въ Шара-сӯмэ своихъ ламъ; но отчасти обѣднѣніе Халхи, отчасти дальность разстоянія халхаскихъ кочевьевъ отъ Долōнъ-нӯра привели къ тому, что въ мое время при помянутой императорской кумирнѣ жило только нѣсколько ламъ отъ хошӯновъ сэцэнъ-хāновскаго аймака, уцѣлѣло еще два лама изъ аймака Тушѣтӯ-хāна; изъ сайнъ-нояновскихъ же послѣдній лама умеръ года за два до моего пріѣзда и съ тѣхъ поръ его мѣсто оставалось вакантнымъ, потому что ни одинъ изъ хошӯновъ сайнъ-нояновскаго саймака не могъ послать своего ламы. Разспрашивая о средствахъ существованія у этихъ ламъ, я узналъ, что всѣ они получаютъ отъ своихъ хошӯновъ нѣкоторое количество денегъ въ видѣ жалованья; но такъ какъ суммы этого жалованья ассигнуются хошӯнными властями совершенно произвольно, то у различныхъ ламъ жалованье естественно разнствуетъ по своей величинѣ и количество его обусловливается, главнымъ образомъ, богатствомъ того хошӯна, къ которому принадлежитъ лама. Высшій окладъ, какъ мнѣ пришлось узнать изъ монастырскихъ бумагъ, назначался въ свое время халхаскими хошӯнами сайнъ-нояновскаго аймака,—онъ равнялся 62-мъ ланамъ серебра въ годъ (т. е. 124 серебряныхъ рубля); другіе халхаскіе хошӯны давали по 60 и 56 ланъ серебра, а нѣкоторые хошӯны южной Монголіи ассигновывали только по 50,000 чохъ, что составляетъ въ Долōнъ-нӯрѣ отъ 34-хъ до 38-ми ланъ серебра, въ годъ. Кромѣ жалованья каждый хошӯнъ, содержавшій своего ламу въ Шара-сӯмэ, обязанъ былъ построить для него особый байшинъ (домъ, или келью) за отдѣльной оградой. Такимъ образомъ всѣ монастырскія зданія при этой императорской кумирнѣ представляютъ собою собственность различныхъ хошӯновъ. По положенію хошӯны обязаны были исправлять байшины черезъ каждые десять лѣтъ, но это правило выполнялось

далеко не точно, а потому мнѣ пришлось видѣть десятка три байшиновъ въ совершенно разрушенномъ состояніи, ламы же, хозяева ихъ, или проживали въ чужихъ байшинахъ, или ставили себѣ войлочныя юрты за чужими оградами. Всѣ байшины были построены здѣсь изъ сырцеваго кирпича и имѣли одну форму продолговатыхъ, одноэтажныхъ зданій. Каждый байшинъ раздѣлялся на три комнаты, вытянутыхъ въ рядъ и имѣвшихъ отдѣльные входы; внутренность ихъ была совершенно въ китайскомъ вкусѣ. Въ Халхѣ построеніе такихъ байшиновъ при императорскихъ кумирняхъ никогда не вмѣнялось въ обязанность правителямъ, и отъ того ламы, высылаемые изъ различныхъ хошуновъ къ императорскимъ кумирнямъ Халхи, проживали здѣсь обыкновенно въ своихъ кочевыхъ юртахъ. Вотъ почему въ настоящее время, когда командировки ламъ изъ халхаскихъ хошуновъ прекратились, императорскія кумирни являются въ Халхѣ дѣйствительно одинокими зданіями степи, и ничто даже не въ состояніи напомнить намъ о томъ, что когда то существовали при нихъ цѣлыя обители буддійскихъ монаховъ. Единственное исключеніе изъ сказаннаго правила мнѣ пришлось видѣть въ городѣ Кобдо, гдѣ при императорской кумирнѣ, извѣстной подъ именемъ «Ту̊гэмэль амурчжигу̊лухчи су̊мэ», еще и донынѣ видны остатки отъ байшиновъ, — жилыхъ помѣщеній когда то проживавшихъ здѣсь ламъ; но эти зданія были построены не халхасами, а на счетъ того же императорскаго казначейства, которое соорудило и самый храмъ. По своей внѣшней формѣ эти байшины ни чѣмъ не отличаются отъ видѣнныхъ мною въ долōн-нурскомъ Шара-су̊мэ, только построены они были въ свое время, очевидно, гораздо прочнѣе и изящнѣе долōнъ-нурскихъ, что естественно обусловливалось различіемъ средствъ строителей. Просматривая исторію этого храма «Ту̊гэмэль амурчжигу̊лукчи» и собирая различныя преданія о его существованіи, я между прочимъ натолкнулся и на третій способъ, которымъ маньчжурскіе императоры обезпечивали содержаніе ламайскаго духовенства при своихъ храмахъ. Способъ этотъ состоялъ въ томъ, что вслѣдъ за построеніемъ храма, по высочайшему повелѣнію богдохāна, со всей Халхи было

собрано громадное количество скота, который въ теченіе трехъ лѣтъ долженъ былъ оставаться при монастырѣ и пастись на близь лежащихъ къ нему пастьбищахъ. По истеченіи трехъ лѣтъ монастырь долженъ былъ снова возвратить собранный скотъ его владѣльцамъ, но приплодъ, получившійся въ теченіе помянутыхъ трехъ лѣтъ, остался въ монастырскую пользу. Такимъ образомъ черезъ какіе нибудь три года императорскій монастырь имѣлъ уже свои значительныя имущества, которыми вполнѣ обезпечивалось общежитіе состоявшихъ при немъ ламъ. На дѣлѣ однако это средство оказалось весьма не прочно. Едва миновало какихъ-нибудь двадцать, двадцать пять лѣтъ, какъ большая часть скота, составлявшаго монастырское имущество, погибла отъ падежей, зимнихъ холодовъ и шургановъ; ламы опять были лишены средствъ къ своему существованію и должны были разойтись по степямъ. Такимъ то образомъ императорскіе монастыри въ Халхѣ, не смотря на то, что каждый изъ нихъ всегда являлся при своемъ сооруженіи до нѣкоторой степени обезпеченнымъ въ своемъ сусуществованіи, постоянно падали въ своемъ благосостояніи и въ настоящее время только тѣ изъ нихъ и представляютъ еще собою монастырскія обители, которые были поручены императоромъ вѣденію того или другаго хутухты; всѣ же прочіе представляются одинокими, степными кумирнями, къ которымъ только по нѣскольку разъ въ годъ собираются для богослуженій ламы изъ ближайшихъ къ кумирнѣ мѣстностей.

Хошӯнные монастыри въ Халхѣ, число которыхъ, согласно количеству халхаскихъ хошӯновъ, восходитъ до 86, всѣ до одного представляютъ собою буддійскія обители, постоянно вмѣщающія въ себѣ болѣе или менѣе значительное число ламъ. Сооруженія и поправки этихъ монастырей всегда производились и до нынѣ производятся въ Халхѣ главнымъ образомъ на средства того хошӯна, которому принадлежитъ монастырь. При каждой постройкѣ въ монастырѣ новаго храма, или при необходимости какой-либо поправки въ немъ, со всего хошӯна дѣлается единовременный сборъ въ пользу монастыря и этими суммами покрываются издержки по тому или другому предпріятію. Опредѣлен-

ныхъ субсидій за симъ эти монастыри никогда и ни откуда не получаютъ, а содержатся почти исключительно на доходы, собираемые ими при общественныхъ и частныхъ богослуженіяхъ. Чтобы по возможности увеличить эти доходы, хошўнные монастыри всегда располагаются не подалеку отъ ставки хошўннаго князя, или же вблизи хошўнныхъ ямуней (присутственныхъ мѣстъ), такъ какъ мѣста эти, служа административнымъ центромъ въ хошўнѣ, естественно привлекаютъ къ себѣ большое число обитателей, которые вмѣстѣ съ симъ являются и постоянными поклонниками и милостынедателями ([illegible]) въ монастырѣ. Что касается ламъ, составляющихъ братство въ хошўнныхъ хўрѣн'яхъ, то они по своему происхожденію всегда и исключительно принадлежатъ тому хошўну, въ вѣдомствѣ котораго состоитъ и хўрѣнь. Въ большинствѣ случаевъ эти ламы имѣютъ всегда собственную юрту и собственный скотъ, т. е. представляются на столько зажиточными, что свободно могутъ проживать на собственныя средства, гдѣ бы только они не пожелали; но за всѣмъ тѣмъ, разъ рѣшившись жить въ монастырѣ, они всегда поселяются въ монастырѣ именно хошўнномъ и поступаютъ такъ, безъ сомнѣнія, потому что жизнь въ этихъ монастыряхъ является и разнообразнѣе и богаче.

Въ совершенную противуположность хошўннымъ хўрѣ, *сумўнные* монастыри халхасовъ являются почти всегда одинокими степными храмами, при которыхъ много много если кочуетъ три, или четыре монгольскихъ юрты. Являясь плодомъ беззавѣтной преданности и ревности халхасовъ къ религіи будды, эти храмы возникаютъ обыкновенно въ годины общаго довольства. Минетъ три, четыре плодородныхъ года, 150 или 200 семей халхасовъ, составляющихъ собою отдѣльную административную единицу, извѣстную на монгольскомъ языкѣ подъ именемъ «сумўн'а», нѣсколько побогатѣютъ,—и вотъ, на первомъ же своемъ сеймовомъ собраніи старшины ихъ начинаютъ толковать о постройкѣ монастыря въ своей маленькой общинѣ. Вскорѣ собирается сумма въ 5,6 тысячъ рублей; при недостаточности средствъ посылаются сборщики доброхотныхъ подаяній ([illegible]) по близь

лежащимъ хошунамъ, проходитъ еще годъ и зданіе монастыря готово. Само собою разумѣется, что все здѣсь ограничивается только постройкою небольшой деревянной кумирни, да нѣсколькихъ, состоящихъ при ней служебныхъ зданій. Обезпеченія для своего существованія эти храмы не имѣютъ ни какого. На первое время, какъ къ новинкѣ, къ монастырю собираются сумунные ламы; нѣкоторое время живутъ при немъ и совершаютъ здѣсь свои хуралы (молебствія); но за симъ снова расходятся по своимъ кочевьямъ съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи собираться къ этой кумирнѣ только въ дни великихъ хураловъ. Иначе впрочемъ оно и не мыслимо; ибо какое-же обезпеченіе и какіе доходы могутъ доставить монастырю 150 семей его прихожанъ, или, какъ говорятъ монголы, милостынедателей? Въ халхаскихъ монастыряхъ живутъ по большей части такіе ламы, которые могутъ содержаться на свой счетъ; но таковые, какъ я уже сказалъ, уходятъ обыкновенно въ монастыри хошунные или въ гэгэновскіе, такъ какъ положеніе въ этихъ послѣднихъ все таки обезпеченнѣе, доходы встрѣчаются чаще и богаче, да и самая жизнь въ этихъ монастыряхъ веселѣе и обильнѣе событіями.

Еще пустыннѣе и безлюднѣе кажутся теперь монастыри, построенные какими либо частными благотворителями. Встарину, когда монголы были богаче, ихъ ревность въ дѣлѣ устройства храмовъ могла проявляться въ гораздо большихъ размѣрахъ. Проповѣди и увѣщанія ламъ, по которымъ признается безразличнымъ, сдѣлаетъ ли доброе дѣло человѣкъ самъ лично, или же исполнитъ его чрезъ другихъ, всегда находили для себя полнѣйшій отголосокъ въ душѣ халхасовъ; отсюда чрезмѣрное число построенныхъ кумирень, масса воздвигнутыхъ бурхановъ, громадныя библіотеки рукописныхъ номовъ (священныхъ книгъ буддизма), находящіяся въ монастыряхъ. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ мнѣ приходилось напр. встрѣчать цѣлыя сотни экземпляровъ одного и того-же сочиненія. Можно было бы спросить, для чего потребовалась такая масса? Оказывается однако, что нужды тутъ ни какой не было. Все дѣло въ томъ, что въ концѣ этой книги, за переписку ея переписчику обѣщается возрожденіе въ

блаженномъ царствѣ Сукавади; а такъ какъ сдѣлать добро все равно самому, или чрезъ другаго ([illegible]), то всякій зажиточный монголъ и заставляетъ ламъ переписывать это благодѣтельное сочиненіе. Тоже самое относится до монастырей и бурхановъ. Соорудителями монастырей являлись особенно халхаскіе князья и богатые тайчжи (княжескіе родственники). Монастырь, построенный тѣмъ или другимъ тайчжи, обыкновенно привлекалъ къ себѣ нѣсколько ламъ, которые жили и питались на счетъ строителя монастыря; но благочестивый мужъ умиралъ, его наслѣдники на нѣкоторое время удерживали старый порядокъ, а потомъ отказывали ламамъ въ содержаніи. Такимъ образомъ монастырь дѣлался пустыннымъ. Въ настоящее время большая часть такихъ монастырей перешла въ полное владѣніе и распоряженіе сумунныхъ общинъ; но эта передача никогда не спасала эти монастыри отъ безлюдья, такъ какъ сумуны имѣютъ свои собственные монастыри, о которыхъ естественно болѣе и заботятся. Что же касается таковыхъ, построенныхъ частными лицами и переданныхъ въ вѣдѣніе сумуновъ кумирень, то къ нимъ даже въ дни великихъ хураловъ много много если собирается десятка полтора ламъ.

Вышеуказанное различіе въ средствахъ для сооруженія и содержанія халхаскихъ монастырей и кумирень естественно обусловливаетъ собою то, что они разнятся другъ отъ друга по своей величинѣ, обстановкѣ и отдѣлкѣ. Самыми бѣдными и незначительными являются въ настоящее время именно монастыри и храмы, построенные или частными лицами, или сумунными обществами. По своей обширности они походятъ на наши южно-русскія киновіи и въ большинствѣ случаевъ представляютъ собою одну только кумирню, посвященную въ честь какого либо божества ([illegible]); хотя, по понятіямъ буддистовъ, имѣть въ монастырѣ одну только кумирню почти невозможно. Извѣстно, что каждый буддійскій монастырь, будучи разсадникомъ вѣры и священнаго ученія, непремѣнно избираетъ себѣ въ постоянные покровители одного изъ докшитовъ, т. е. геніевъ, хранителей священнаго буддійскаго ученія ([illegible]), котораго онъ

и чествуетъ преимущественно предъ другими докшитами. Историческіе памятники Монголіи, правда, свидѣтельствуютъ намъ, что въ первые времена развитія здѣсь буддизма, монголы оставляли свои монастыри безъ избранія генія хранителя иногда на довольно долгое время (такимъ образомъ въ Эрдэни-цзу Гȍнбо-гуру былъ избранъ только черезъ 70 лѣтъ, послѣ основанія монастыря); но въ настоящее время чествованіе генія хранителя начинается обыкновенно со времени освященія храма, а избраніе спеціальнаго генія хранителя совершается даже до времени основанія и закладки монастыря. Такими покровителями избраны въ Ургѣ—Чжамсарȁнъ, въ Эрдэни-цзу—Гȍнбо-гуру, въ Барȳнъ-хȳрѣ — Чжикчжи̇тъ, въ Гусино-озерскомъ дацанѣ нашихъ Бурятъ—Хлȁма, въ Цугэльскомъ и Эгэтуевскомъ—Чȍйчжиль, въ Анинскомъ—Чжамсарȁнъ и проч. Въ честь избраннаго монастыремъ генія хранителя у монголовъ принято въ обычай сооружать также отдѣльный храмъ; вотъ почему въ каждомъ монгольскомъ монастырѣ почти обязательнымъ является уже не одинъ, а непремѣнно два храма, т. е. помимо «гōлъ сӯмэ», въ нихъ еще бываетъ «докшидыйнъ сӯмэ». Въ большихъ монастырскихъ обителяхъ принадлежащее къ нимъ духовенство, у монголовъ принято въ обычай, для удобства управленія, раздѣлять на аймаки, или отдѣльныя части; при этомъ каждый изъ такихъ аймаковъ непремѣнно имѣетъ свой «гōлъ сӯмэ», въ которомъ и отправляетъ ежедневныя службы. Для соборныхъ служеній ламъ всѣхъ аймаковъ въ такихъ монастыряхъ устраивается еще особый храмъ, который носитъ названіе «цокчи̇нъ», т. е. соборнаго храма. Само собою разумѣется, что въ этихъ большихъ монастыряхъ по преимуществу сосредоточивается изученіе буддизма, высшія школы котораго извѣстны подъ именемъ «цанит'а». Ламы, изучающіе это высшее богословіе, совершаютъ свои богослуженія и производятъ религіозные диспуты въ особо для того назначенныхъ храмахъ, получающихъ названіе «цанидыйнъ сӯмэ». Окончившіе курсъ цанит'а получаютъ у монголовъ право совершать тарнистическія багослуженія, для которыхъ также устраиваются особые храмы — «Чжудыйнъ сӯмэ». Ламы, избирающіе спеціаль-

ностью для своего изученія не богословіе, а какіе либо другіе отдѣлы знаній, какъ напр. астрономію и медицину, совершаютъ свои богослуженія еще въ особыхъ храмахъ; такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ монастыряхъ можно встрѣчать «цзурхàйнъ сÿмэ», т. е. храмъ астрологовъ и «эмчйинъ сÿмэ», т. е. храмъ лекарей. Послѣдній въ большинствѣ случаевъ называется еще «мàнлайнъ сÿмэ» отъ имени бурхана Мàнлы, въ честь котораго онъ обыкновенно устраивается и который почитается покровителемъ медицины.

Не смотря однако на такое различіе халхаскихъ монастырей, изъ которыхъ одни представляютъ собою цѣлые города, а другіе являются совершенно безлюдны, всѣ они основываются и существуютъ по однимъ и тѣмъ же правиламъ, которыя съ одной стороны являются составленными и утвержденными китайскимъ правительствомъ, а съ другой — установленными и освященными самымъ ученіемъ буддизма. Впрочемъ требованія китайскаго правительства въ дѣлѣ сооруженія халхаскихъ монастырей представляются весьма умѣренными; короче сказать, китайцы всѣ свои правила касательно возведенія монастырскихъ и храмовыхъ построекъ въ Халхѣ выразили въ одномъ только постановленіи, по которому при избраніи мѣста для вновь устраиваемаго монастыря или храма должно непремѣнно принимать въ разсчетъ, не произойдетъ ли отъ этой постройки какого либо ограниченія, или вреда для земледѣльцевъ, имѣющихъ гдѣ либо по близости свои пашни. Всякое подобное предпріятіе, соединенное съ стѣсненіемъ земледѣльцевъ, должно, по китайскимъ законоположеніямъ, почитаться противузаконнымъ и непозволительнымъ. Что касается до буддизма, то онъ въ отношеніи устройства монастырей и храмовъ предписываетъ множество правилъ и первымъ изъ нихъ должно почитать то, что каждая буддійская обитель должна отстоять отъ какого либо города, селенія и вообще отъ жилищъ простолюдиновъ не менѣе какъ на такое пространство, на которомъ можетъ быть слышимъ человѣческій голосъ ([illegible]). Обстоятельство это должно служить для ламъ и простолюдиновъ видимымъ знакомъ полной отрѣшенности

монастыря и его обитателей отъ міра и всего мірскаго ([illegible]) [1].

Что касается до устройства самыхъ храмовъ, то, несмотря на ихъ различіе по спеціальности ихъ назначенія, они устраиваются всегда по однимъ и тѣмъ же правиламъ буддійской каноники, а потому естественно не могутъ и не должны отличествовать один отъ другаго ни по обрядамъ своего построенія, ни по своимъ главнѣйшимъ составнымъ частямъ. За все время трехлѣтняго пребыванія моего въ Монголіи мнѣ ни разу не пришлось видѣть буддійскихъ обрядовъ, совершаемыхъ при основаніи и закладкѣ монастыря или храма. Единственный случай для сего представлялся мнѣ въ 1879-мъ году близь Улясутая въ монастырѣ Ханбо̀ ламы, или Ханбо̀ гэгэна [2]), гдѣ устрояли въ ту пору

---

1) Этотъ законъ уже нѣсколько разъ давалъ поводъ ургинскимъ ламамъ переносить свой монастырь съ мѣста на мѣсто. Содержа въ своихъ стѣнахъ тысячъ до 20 жителей, Урга, или точнѣе сказать, ургинскій монастырь, естественно привлекаетъ къ себѣ массу китайцевъ — купцовъ, которые, для удобства сбыта товаровъ, всегда стараются лѣпиться поближе къ самому монастырю. Въ 1836-мъ году, ургинскіе ламы, безуспѣшно ведшіе судебное дѣло въ Пекинѣ объ удаленіи китайскихъ торговцевъ отъ монастыря, должны были укочевать съ р. Сельбы на р. Толу и такимъ образомъ освободились отъ осаждавшихъ ихъ китайскихъ лавокъ. Во время моего пребыванія въ Ургѣ, монастырь снова былъ уже обстроенъ зданіями купеческихъ домовъ: русскія и китайскія лавки располагались не далѣе 50 саженъ отъ монастырской ограды. Въ 1880 г. Чжэбцзунъ-дамба хутухта опять началъ хлопотать въ Пекинѣ объ удаленіи торговцевъ и въ 1882-мъ году представилъ докладъ къ императору о томъ, что Урга будетъ перенесена въ Эрдэницзу, если торговцы не будутъ удалены отъ стѣнъ ея. Послѣ сего лавки китайскихъ купцовъ были отсюда удалены, но русскія постройки остались на старыхъ мѣстахъ, благодаря толковому веденію этого дѣла и д. консула В. М. Успенскимъ.

2) Ханбо гэгэнъ, или Ханбо лама явился въ Монголію изъ Тибета въ началѣ настоящаго столѣтія и въ 1879 году имѣлъ уже два перерожденія въ Монголіи. Изъ Тибета онъ пришелъ самъ, безъ всякаго приглашенія и подъ видомъ простаго ламы. Сначала онъ поселился въ небольшой юртѣ, гдѣ былъ у него и сумэ, потомъ построилъ монастырь на берегу рѣки Тэкши-буянту (рѣка эта составляетъ правый притокъ Идэра, течетъ въ Сайнъ нояновскомъ аймакѣ и составляетъ собою границу для кочевьевъ халхасовъ средняго лѣваго знамени и крайняго знамени праваго крыла; или какъ говорятъ въ просторѣчіи, границу между хошунами Далай вана и Джа-батуръ-цзасака); здѣсь онъ и скончался, сдѣлавшись извѣстнымъ подъ именемъ благочестиваго тойна. Впослѣдствіи начали искать его перерожденія и оба послѣдующіе хубилганы

новую кумирню; но, по несчастію, я опоздалъ на самую церемонію закладки и пріѣхалъ уже спустя двѣ недѣли послѣ того, какъ были покончены всѣ обряды. Новизна событія позволяла однако ламамъ разказывать обо всемъ болѣе подробно и изъ этихъ разказовъ я узналъ, что обряды, предшествовавшіе постройкѣ храма, начались по крайней мѣрѣ за годъ до его закладки. Первымъ изъ нихъ было то, что главнѣйшія лица монастыря Ханбо-гэгэна отправили отъ себя посольство въ Ургу, къ тамошнимъ астрологамъ, или цзурхайчіямъ, съ цѣлью просить ихъ опредѣлить мѣсто для постройки храма. Посольство явилось въ Ургу, поднесло мандалъ Чжэбцзунъ-дамба-хутухтѣ и обратилось съ своей просьбой къ его цзурхайчіямъ; но дѣло не окончилось еще такъ скоро. Потому ли что ургинскіе цзурхайчи не знали кочевьевъ, въ которыхъ проживалъ Ханбо-гэгэнъ, или потому что они предвидѣли получить при этомъ обстоятельствѣ малую толику, но они отказались исполнить просьбу посольства въ Ургѣ, а порѣшили, что имъ необходимо ѣхать въ самыя кочевья Ханбо-гэгэна, отстоящія приблизительно верстъ на 550 отъ Урги. Прибывъ на мѣсто, они въ теченіе цѣлаго мѣсяца служили молебствія, совершая свои гаданія на различныхъ мѣстахъ и только по истеченіи этого времени могли указать точное мѣсто для постройки храма. Ламы, разказывавшіе мнѣ объ этомъ обстоятельствѣ, были совершенно убѣждены, что оно было дѣломъ великой важности и что исполненіе его было необычайно трудно, потому что при этомъ должны быть приведены въ

его являлись въ хошунѣ Далай вана, хотя монастырь Ханбо-ламы принадлежитъ собственно кочевьямъ Джа-цзасака. 12-го февраля 1879 г. я, проѣзжая изъ Урги въ Улясутай, видѣлъ этотъ монастырь Ханбо гэгэна на берегу Тэкши гола, но уже оставленнымъ и пустыннымъ. Въ стѣнахъ его находилось до 150 деревянныхъ байшиновъ, въ которыхъ жили ламы и шесть дугановъ (храмовъ), изъ которыхъ 5 было деревянныхъ и 6-й изъ глины. Все это повторяю, было оставлено, потому что монастырь былъ перенесенъ верстъ на 8 къ западу отсюда, въ долину рѣки Чжиргаланту. Перенесеніе монастыря совершилось вслѣдствіе болѣзни гэгэна: мѣсто при р. Тэкши буянту было признано несчастнымъ, а потому и оставлено вмѣстѣ съ построенными на немъ зданіями и монастырскою утварью.

согласіе всѣ примѣты, исчисленныя въ буддійскихъ астрологическихъ книгахъ. Такимъ образомъ здѣсь принимались въ разсчетъ положеніе горъ и скалъ, окружающихъ мѣстность, видъ самаго мѣста, отношеніе къ нему близь лежащихъ рѣкъ, колодцевъ и другихъ водъ и т. п. Когда отыскано было мѣсто для постройки храма, тѣже цзурхайчи обязаны были указать откуда нужно было брать матеріалы для постройки кумирни и день, въ который можно было начать самую постройку. На первый изъ помянутыхъ вопросовъ цзурхайчи, такъ какъ зданіе кумирни въ данномъ случаѣ предполагалось деревянное, указали брать лѣсъ съ горъ Хангая. Это было приблизительно верстъ за 300 отъ мѣста постройки, хотя матеріалъ для нея можно было найти гораздо ближе, наконецъ еще проще, легче и дешевле можно было купить его у мѣстныхъ китайскихъ торгашей, ведущихъ лѣсное дѣло. Все это было обойдено, ибо при самой заготовкѣ матеріала надлежало совершить еще новые обряды. Отпустивъ съ подарками цзурхайчіевъ, верховное духовенство монастыря Ханбо гэгэна со своимъ штатомъ, а всего въ количествѣ 62 человѣкъ, отправилось въ Хангай на мѣсто, гдѣ должно было брать матеріалъ для постройки, или, точнѣе сказать, рубить лѣсъ. Здѣсь они въ теченіи 15-ти дней (съ 1-го по 15-е число мѣсяца) совершали молебствія и приносили жертвы съ тою цѣлью, какъ объясняли мнѣ ламы, чтобы во 1-хъ испросить у геніевъ, хранителей этого мѣста позволеніе рубить деревья, а во 2-хъ дать знать духу каждаго дерева, что жилище его будетъ разрушено и просить его заблаговременно куда либо переселиться, чтобы такимъ образомъ не остаться ему безъ крова. За тѣмъ ко дню, назначенному цзурхайчіями для самой закладки кумирни, весь матеріалъ, потребный къ ея постройкѣ, былъ уже на мѣстѣ. Самый день закладки съ ранняго утра начатъ былъ богослуженіемъ. Съ принесеніемъ жертвъ и балиновъ ламы освящали мѣсто будущей кумирни, содержаніе же читаемыхъ при этомъ молитвъ представляетъ просьбу къ божествамъ о покровительствѣ вновь устраиваемаго храма и объ изгнаніи нечистыхъ духовъ, господствовавшихъ надъ этимъ пространствомъ. Послѣ сего было окончательно

обозначено мѣсто постройки храма, т. е. проведены черты, по которымъ должны быть основаны самыя его стѣны. Черты эти обозначилъ по первоначалу старѣйшій лама широкимъ слѣдомъ чугунной фигурки черепахи, которую протащилъ онъ по мѣсту будущихъ стѣнъ кумирни, а за симъ каждый изъ сослужившихъ съ нимъ ламъ долженъ былъ провести по этому слѣду особую борозду рогомъ звѣря, котораго называютъ монголы «оронгò». Видимымъ знакомъ подавленія злыхъ духовъ этого пространства было зарываніе въ самомъ центрѣ квадрата, предназначеннаго для постройки храма, сосуда (бумбà), наполненнаго разнаго рода священными драгоцѣнностями. Зарываніе было произведено при самомъ концѣ молебствія, совершеннаго при случаѣ освященія мѣста будущаго храма. По правиламъ, бумбà эта не можетъ быть дѣлаема ни изъ желѣза, ни изъ желтой мѣди, ни изъ чугуна; но должна быть золотая, серебряная, или изъ красной мѣди, а наполненіе ея святынею, даетъ ей преимущественное право на названіе «санъ бумбà», т. е. драгоцѣнная бумбà. Въ составъ предметовъ, полагаемыхъ внутрь ея входятъ во 1-хъ душистыя и лекарственныя травы, извѣстныя подъ тибетскими именами цзати, ли-ши, гур-гумъ, га-гула и суб-милъ [1]); во 2-хъ драгоцѣнности: золото, серебро, кораллъ, жемчугъ, опалъ (мусарага) [2]),

---

1) Мушкатный орѣхъ, гвоздика, шафранъ и кардамонъ.

2) Монгольское названіе камня [illegible] я приспособляю къ опалу, хотя и не ручаюсь за точность этого опредѣленія. Ковалевскій въ своемъ лексиконѣ на стр. 2037, записавъ слово [illegible], не опредѣляетъ его значенія. Въ тибетско-монгольскомъ толковомъ словарѣ для слова [illegible] находимъ слѣдующее опредѣленіе: [illegible], т. е. «Мусарага иначе называется гэгэру. Родъ его есть чрезвычайно высокій родъ изъ числа драгоцѣнностей; и имѣетъ цвѣтъ, видоизмѣняющійся въ синій, желтый и бѣлый. Ледъ, когда про-

рубинъ и сапфиръ. Бумба̀, наполненная этими предметами и сверхъ того вмѣщающая въ себѣ нѣсколько листовъ, исписанныхъ молитвами и разнаго рода священными заклинаніями, обертывается въ желтый шелковый хадакъ и поставляется въ склепѣ, такъ что остается непридавливаемою массою накидываемой на нее земли.

Теперь мы намѣрены представить своимъ читателямъ подробное описаніе внѣшняго и внутренняго вида монгольскихъ монастырей и кумирень, чтобы такимъ образомъ дать понятіе о буддійскихъ монастыряхъ и кумирняхъ, а равно и познакомить съ церковною утварью буддистовъ.

II.

Монголо-буддійскія кумирни и ихъ принадлежности.

Изъ тѣхъ короткихъ указаній, которыя были сдѣланы выше относительно сооруженія кумирень, читателямъ уже можно было догадываться, что буддійскіе монастыри и храмы въ Халхѣ представляютъ собою не кочевыя и подвижныя, а прочныя деревянныя, или каменныя постройки. Дѣйствительно, за все время своего путешествія, я находилъ буддійскіе храмы помѣщавшимися въ войлочныхъ кибиткахъ только у Ӧлӧтовъ заселяющихъ мѣста древней Чжунгаріи, да у Дӧрбӧтовъ, кочующихъ близь оз. Убса; говорятъ, что два или три такихъ кочевыхъ монастыря находится еще въ южныхъ хошӯнахъ халхаскаго Цзасакту-ха̄на, но мнѣ не удалось посѣтить ихъ, такъ что всѣ монастыри и храмы, видѣнные мною въ собственной Халхѣ, были именно осѣдлыми и прочными постройками.

Внѣшній видъ у буддійскихъ монастырей, какъ у бѣдныхъ такъ и у богатыхъ, довольно однообразенъ. Снаружи всѣ они

существуетъ до тысячи лѣтъ, пріобрѣтаетъ (буквально: устанавливается) въ шарообразную форму. (Таковую) драгоцѣнность называютъ «мусарага». Цвѣтъ ея бѣлый, синеватый и желтый.

непремѣнно обносятся оградами, которыя устраиваются или изъ сплошь стоящихъ бревенъ, или же складываются изъ сырцеваго кирпича и обмазываются глиною. Въ императорскихъ сўмэ̀ ограда всегда бываетъ кирпичная, съ бордюромъ по верхнему краю, выдѣланнымъ изъ того же кирпича и непремѣнно окрашенная въ розовую краску, что составляетъ особое преимущество и отличіе именно императорскихъ кумирень. По угламъ этихъ стѣнъ, или заборовъ, равно какъ надъ воротами, надъ калитками и вообще на всѣхъ, выдающихся мѣстахъ и столбахъ привѣшивается, или же водружается на шестикахъ такъ называемый «дарцо̀къ». Это небольшіе (въ полъ-аршина величиною) лоскутки разноцвѣтныхъ матерій съ начертанными на нихъ словами священныхъ молитвъ, или отдѣльныхъ мистическихъ изрѣченій. Дарцо̀к'амъ приписывается чудесная сила отгонять все злое отъ монастырскихъ зданій. Они смѣняются каждый годъ 4-го числа 1-й луны при совершеніи особыхъ богослуженій. Саженяхъ въ 30-ти не доходя до этой монастырской ограды, прямо противъ главныхъ монастырскихъ воротъ, ставятся двѣ слеги приблизительно саженей въ пять, или шесть вышиною. Это, такъ называемыя, «тахилы̀йнъ модо̀» ([illegible]),—первыя религіозныя принадлежности каждаго буддійскаго монастыря ([illegible]), съ которыми встрѣчается наблюдатель, подходя къ монастырской оградѣ. Въ дни великихъ праздниковъ, когда въ кумирняхъ совершаются торжественные хура̀лы, ламы ставятъ на одну изъ этихъ слегъ сосудъ съ куреніями, а на другой утверждаютъ фонарь съ лампадою. Въ параллели этихъ слегъ, т. е. также точно не доходя саженей тридцати, вокругъ всего монастыря располагается иногда по одному съ каждой стороны, а иногда и нѣсколько десятковъ «ма̀нійнъ хўрдэ̀». Это особаго рода приборъ, состоящій изъ поставленнаго вертикально, круглаго, или же восьмиграннаго цилиндра. Посрединѣ этого цилиндра и чрезъ оба дна его проходитъ также точно вертикально водруженная, наглухо прикрѣпленная къ цилиндру, но сама по себѣ подвижная желѣзная ось. Къ нижнему концу этой оси придѣлывается металлическая или деревянная рукоятка, служащая для удобства вращанія оси, а вмѣстѣ съ нею конечно и цилиндра.

Хӯрдэ̀ имѣетъ сверху отверстіе, при посредствѣ котораго въ средину его закладываютъ нѣсколько тысячъ отдѣльныхъ листковъ, сплошь исписанныхъ шестисложною мистическою формулою: «омъ-ма-ни-пад-мэ-хумъ», иногда еще въ хӯрдэ̀ вкладываютъ листы и фолліанты другихъ молитвъ, а иногда даже и цѣлыя религіозныя сочиненія. Назначеніе этого прибора состоитъ въ томъ, чтобы всякій вѣрующій, проходя мимо монастырской ограды, могъ повернуть его; при чемъ буддисты вѣруютъ, что каждое круговращаніе хӯрдэ̀ равняется прочтенію всѣхъ тѣхъ молитвъ и всѣхъ тѣхъ мàни, которыя въ него положены. Нѣтъ сомнѣнія, что смыслъ и значеніе этого прибора—«мàнійнъ хӯрдэ̀» имѣетъ ближайшую связь съ «нàйманъ хэгэ̄сӯтӯ» и другими видами хӯрдэ̀, о которыхъ буду говорить я ниже, теперь же отмѣчу только одно сообщеніе, сдѣланное мнѣ въ Ургѣ тибетскимъ ламою Чòйндономъ, которое кажется мнѣ въ высшей степени интереснымъ, потому что, по моему мнѣнію, оно бросаетъ намъ нѣкоторый свѣтъ на первоначальное происхожденіе обычая вращанія хӯрдэ̀. По словамъ Чòйндона тибетцы значительно религіознѣе монголовъ. Во всемъ Тибетѣ, говорилъ онъ, не только ламы, но даже и простолюдины иначе не входятъ въ храмъ, какъ предварительно прочитавши «мàни», «итэгэ̀ль» (символъ вѣры) и «микчжѝмъ». Большинство знаетъ наизусть эти молитвы, для незнающихъ же и малолѣтнихъ предъ дверями храма вкапывается столбъ, на которомъ написаны помянутыя молитвы со всѣхъ сторонъ. Въ большихъ монастыряхъ, гдѣ собирается много народа и гдѣ вѣрующимъ неудобно обходить вокругъ столба, чтобы прочитать все написанное на немъ, — «мàни», «итэгэ̀ль» и «микчжѝмъ» пишутся на подвижныхъ, вращающихся кругомъ, столбахъ. Прочитавши написанное на одной сторонѣ столба, поворачиваешь его и прочитываешь написанное на другой; чѣмъ больше разъ прочтешь, тѣмъ достойнѣе вступаешь въ храмъ. Отсюда сама собою дѣлается понятною мысль о вращаніи хӯрдэ̀: чтобы достойнѣе вступить въ храмъ, нужно было большее число разъ прочитать молитвы, а слѣдовательно и повернуть столбъ: отъ поворотовъ для чтенія до механическаго поворачиванія переходъ уже очень небольшой и мнѣ кажется, весьма вѣ-

роятнымъ, что время теперь только изгладило изъ памяти буддистовъ первоначальное происхожденіе ихъ хӱрдэ, придало ему новое значеніе, а за симъ, сообразно этому значенію изобрѣтало для него и новыя формы. Но Чойндонъ напрасно обвинялъ монголовъ въ недостаткѣ религіозности, потому что благоговѣніе, съ которымъ приближается каждый степнякъ богомолецъ къ своему монастырю, по истинѣ заслуживаетъ только удивленія. Подъѣзжая къ монастырю, халхасъ всегда по крайней мѣрѣ за полъ-версты слѣзаетъ съ своей лошади и далѣе идетъ пѣшкомъ; приблизившись къ оградѣ, онъ привязываетъ лошадь у обыкновенно устраиваемой здѣсь коновязи, а самъ становится посреди «тахилъйинъ модо», т. е. какъ разъ противъ главныхъ монастырскихъ воротъ, и кладетъ здѣсь три земныхъ поклона; за симъ онъ обходитъ посолонь три раза вокругъ всей монастырской ограды и при этомъ считаетъ своимъ долгомъ повернуть каждое хӱрдэ;—только обошедши въ третій разъ весь монастырь, вступаетъ онъ въ его ограду. Само собою разумѣется, что я описываю здѣсь обычаи богомольцевъ, а не входъ тѣхъ лицъ, которые живутъ въ монастырѣ постоянно, или являются сюда по причинамъ, лежащимъ внѣ ихъ религіозныхъ потребностей. Относительно «тахилъйинъ модо» и стоящихъ вокругъ монастыря хӱрдэ мы почитаемъ должнымъ замѣтить еще, что они соединяютъ въ себѣ значеніе пограничныхъ знаковъ земли, принадлежащей монастырю. Внутри этихъ знаковъ, т. е. на монастырской землѣ, невозможно убивать животныхъ, сюда нельзя вносить водку и вино, здѣсь нельзя оставлять ночевать женщину, или же возможно только съ разрѣшенія начальника монастыря. Если бы что либо подобное сдѣлалъ лама, или кто изъ монастырскихъ прислужниковъ, то таковымъ въ наказаніе назначается положить 1000 поклоновъ въ кумирнѣ.

Проходовъ за ограду буддійскихъ монастырей всегда устраивается нѣсколько и главнѣйшимъ изъ нихъ почитаются широкія створчатыя ворота, устраиваемыя на южной сторонѣ монастыря. Впрочемъ ворота эти почти весь свой вѣкъ бываютъ на замкѣ, такъ какъ на телѣгахъ во дворъ монастырей никто и никогда не въѣзжаетъ, да и не можетъ въѣзжать согласно уставамъ буддій-

ской каноники; для прохода же монастырскихъ ламъ, поклонниковъ и посѣтителей монастыря помимо этихъ воротъ устраиваются особыя калитки. Главныя ворота, называемыя «богдо̀йнъ замъ», или «богдо̀йнъ ха̄лга» ([illegible]), т. е. путь и ворота святительскія, въ богатыхъ хутухтинскихъ монастыряхъ представляютъ собою цѣлыя зданія. Они всегда устраиваются нѣсколько выше общей монастырской ограды, а иногда дѣлаются даже двухъ-этажными, при чемъ второй этажъ, называемый «ха̄лганай аса̀ръ», имѣетъ значеніе нашихъ часовенъ, потому что въ немъ всегда ставится нѣсколько бурхановъ, жертвенный столъ и принадлежности жертвъ. Нижній этажъ воротъ, назначаемый собственно для прохода чрезъ него хутухтъ и ламъ при совершеніи этими послѣдними нѣкоторыхъ религіозныхъ церемоній, закрывается съ наружной стороны створчатыми дверями, которыя иногда украшаются рисунками драконовъ, а въ большинствѣ случаевъ бываютъ просто окрашены въ красную краску. Когда двери эти отворяются, то можно видѣть, что нижній этажъ воротъ представляетъ собою галлерею по обѣимъ сторонамъ которой расположены по два въ рядъ четыре кумира. Это фигуры такъ называемыхъ четырехъ махаранцза, — царственныхъ геніевъ, живущихъ по четыремъ странамъ Сӯмэръ-ӯлы и сторожащихъ спокойствіе міра. Первый изъ этихъ кумировъ изображается съ синимъ лицемъ; въ правой рукѣ онъ держитъ обнаженный мечъ, а въ лѣвой употребляемую при буддійскихъ богослуженіяхъ раковину. Второй, съ тѣломъ краснаго цвѣта, держитъ въ рукахъ извивающуюся змѣю. Третій, съ тѣломъ желтаго цвѣта, держитъ въ правой рукѣ Чжокбо̀, а въ лѣвой мышь и наконецъ четвертый, съ тѣломъ бураго цвѣта, играетъ на лютнѣ [1]). Въ бѣдныхъ сумунныхъ кумирняхъ «богдо̀йнъ ха̄лга» представля-

---

1) Въ Юмѣ находимъ названія этихъ четырехъ махаранцза (= махарачжа); первый изъ нихъ называется Варутаки ([illegible]); второй — Вирупакши ([illegible]); третій — Дрити-раштра ([illegible]) и четвертый — Вайсравани ([illegible]).

ются въ видѣ простыхъ створчатыхъ воротъ, украшеній на себѣ они почти никакихъ не имѣютъ, равно какъ не поставляется надъ ними и никакихъ бурхановъ. Въ императорскихъ кумирняхъ надъ главными воротами монастыря прикрѣпляется обыкновенно продолговатая дощечка, окрашенная въ синюю краску и обдѣланная въ изящно вырѣзанную рамку; на этой дощечкѣ золотыми буквами надписывается на языкахъ китайскомъ, тибетскомъ, монгольскомъ и маньчжурскомъ названіе кумирни, пожалованное ей императоромъ; кромѣ того на одномъ только китайскомъ языкѣ обозначается время окончанія постройки храма и пожалованія ему этой самой дощечки. Такая же дощечка прикрѣпляется за симъ въ императорскихъ кумирняхъ и надъ главными дверями самаго храма.

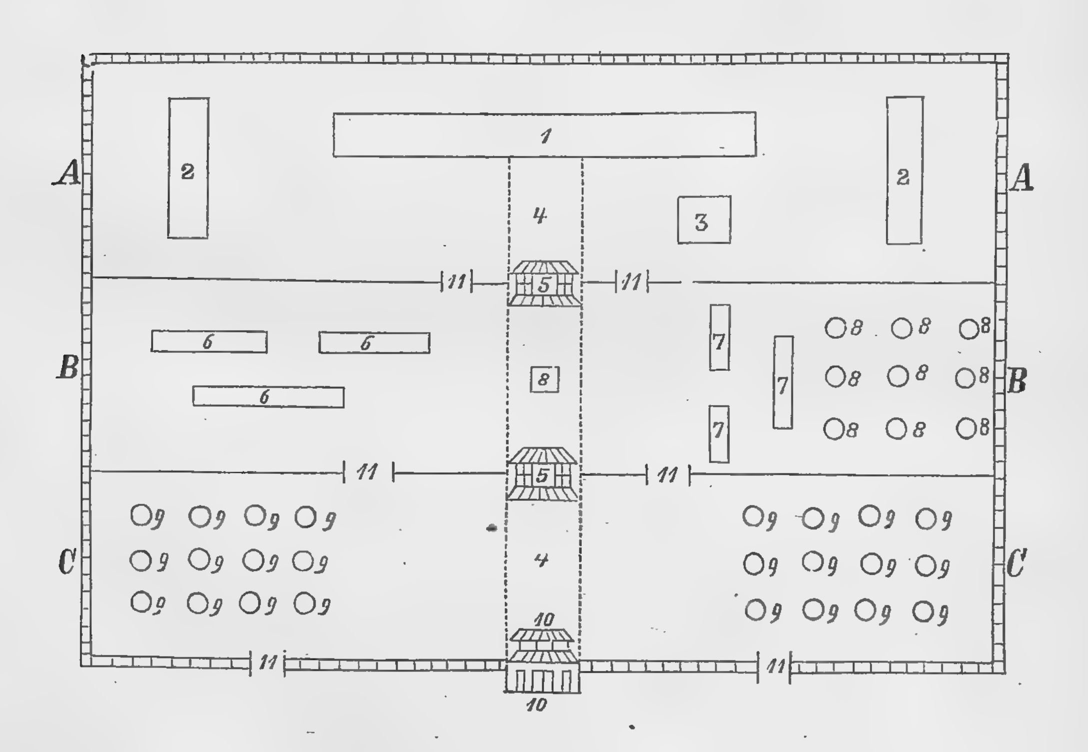
Вступивъ черезъ калитку въ монастырскую ограду, мы находимъ, что общее пространство монастырскаго двора раздѣляется здѣсь заборами обыкновенно на три или на четыре отдѣленія, при чемъ только одно изъ такихъ отдѣленій составляетъ собственно храмовой дворъ, а два, или три другихъ назначаются для постройки на нихъ разнаго рода службъ и жилищъ обитающихъ при монастырѣ монаховъ. Располагаютъ эти отдѣльные дворы двумя способами: или такъ, что одинъ дворъ предшествуетъ другому и тогда заборы внутри общаго монастырскаго двора пересѣкаютъ его вдоль; или же служебные и жилые дворы располагаются по бокамъ двора храмоваго и тогда заборы ихъ пересѣкаютъ монастырскій дворъ поперегъ. Первый способъ расположенія соблюдается по преимуществу въ императорскихъ кумирняхъ, при чемъ главный храмъ устраивается обыкновенно въ самой глубинѣ дворовъ, т. е. за второю, или даже за третьей оградой; второй способъ расположенія чаще всего можно находить въ степныхъ монастыряхъ хутухтинскихъ, или хошўнныхъ. Во всякомъ случаѣ однако дворы эти находятся въ одной общей монастырской оградѣ и взаимно соединяются между собою воротами и калитками. Внутреннія ворота, смотря по богатству монастыря устраиваются также точно съ бо́льшимъ или меньшимъ великолѣпіемъ: иногда они представляютъ собою простыя калитки, въ другой разъ

всѣ строятся двухъ-этажными, имѣя во второмъ этажѣ часовни, или даже небольшія кумирни.

Что касается расположенія зданій на монастырскомъ дворѣ, то главное изъ нихъ, т. е. «гōлъ сӯмэ», всегда строится посреди своего двора и при томъ двери его непремѣнно находятся параллельно главнымъ воротамъ (богдо̀йнъ ха̀лга) общей монастырской ограды. Отъ этихъ воротъ вплоть до самыхъ дверей храма устраивается съ нѣкоторымъ возвышеніемъ противъ общаго уровня двора широкая дорога, выстилаемая плитами тесанаго бѣлаго камня и иногда огораживаемая перилами. Это «высокій путь» назначаемый для шествованія гэгэновъ, если бы имъ вздумалось когда либо посѣтить храмъ, а также и для торжественныхъ религіозныхъ церемоній, когда ламамъ нужно бываетъ выходить за ограду монастыря и совершать какой либо церковный обрядъ за его стѣнами. На этомъ высокомъ пути, какъ разъ на половинѣ разстоянія между воротами ограды и дверями главной кумирни, сооружается каменный жертвенникъ въ видѣ четырехъ-угольнаго столба, аршина въ два вышиною, а на вершинѣ его ставится чугунный сосудъ, имѣющій видъ или небольшой урны, или фигуры того чудовищнаго и уродливаго животнаго, съ безобразными формами котораго китайцы и монголы соединяютъ понятіе льва. Въ этомъ сосудѣ въ дни великихъ праздниковъ разжигаются угли и сжигается большое количество истолченнаго можжевельника ([illegible]), почитаемаго монголами за его благовоніе священною травою. Влѣво отъ этого жертвенника, т. е. на юго-восточной сторонѣ «гōлъ-сӯмэ» въ нѣкоторыхъ монастыряхъ устраивается еще «бӯрѣйнъ шата̀». Это деревянный помостъ, воздвигнутый на четырехъ столбахъ, сажени въ полторы, или въ двѣ вышиною; къ помосту пристраивается деревянная лѣстница для того чтобы всходить по ней на вершину помоста. Назначеніе этой постройки состоитъ въ томъ, чтобы призывать съ нея ламъ къ совершенію хураловъ. Передъ началомъ каждаго хурала обыкновенно входитъ на этотъ помостъ лама съ раковиною, или бишкӯромъ и, по установленному порядку трубитъ три раза, чѣмъ и оканчивается благовѣстъ въ буддійскихъ монастыряхъ. Въ императорскихъ

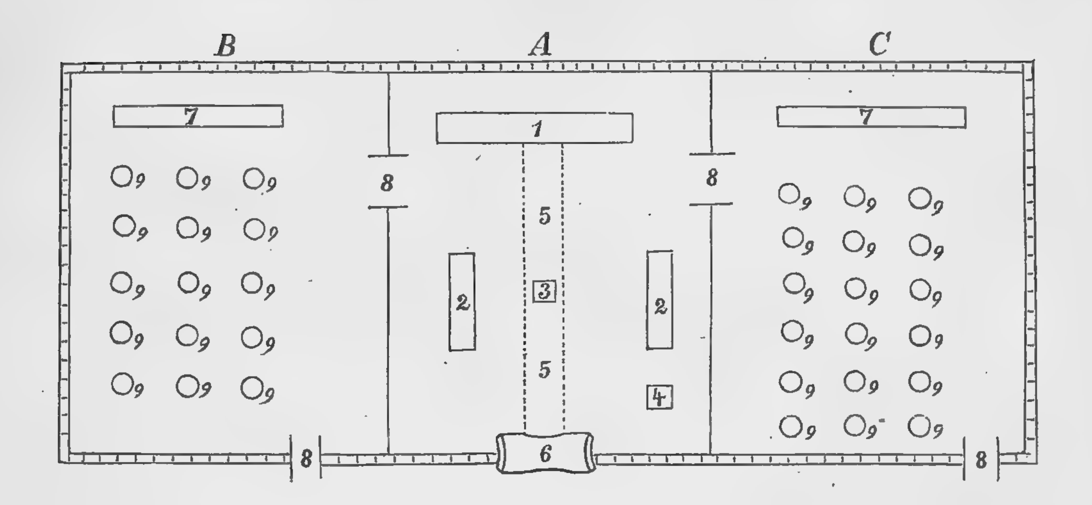
монастыряхъ передъ гōлъ сўмэ можно встрѣчать иногда особый кіоскъ, или часовню съ каменописнымъ памятникомъ, въ которомъ раскрывается или исторія построенія монастыря, или другаго какого замѣчательнаго событія, совершившагося подъ его стѣнами. Помимо сего на обширныхъ дворахъ степныхъ храмовъ не бываетъ никакихъ строеній: всѣ зданія монастырскихъ службъ и кладовыхъ, равно какъ и жилища ламъ, находятся обыкновенно за оградою храма, а внутри ея дворы всегда представляются совершенно пустынными: они густо поростаютъ травою и на всемъ занимаемомъ ими пространствѣ только ясно видны двѣ, три дорожки, по которымъ приходятъ въ кумирню ламы, да бѣлыя плиты «высокаго пути», выглядывающія изъ подъ травы, поросшей въ ихъ промежуткахъ.

Расположеніе императорскихъ и богатыхъ хутухтинскихъ монастырей.



А. Главный дворъ. 1) Гōлъ-сўмэ. 2) Боковые храмы, или жилище хутухты. 3) Часовня съ императорскимъ памятникомъ. 4) Высокій путь. 5) Внутреннія ворота. В. Второй дворъ. 6) Кладовыя монастыря. 7) Байшины ламъ. 8) Юрты почтенныхъ ламъ, живущихъ въ монастырѣ. 8) Жертвенникъ куреній. С. Третій дворъ. 9) Юрты низшихъ ламъ. 10) Богдойнъ хāлга. 11) Калитки.

Расположеніе обыкновенныхъ степныхъ монастырей.



А. Главный дворъ. 1) Го̄лъ сӯмэ. 2) Боковые храмы. 3) Жертвенникъ куреній. 4) Бӯрѣйнъ шата. 5) Высокій путь. 6. Богдойнъ ха̄лга. В. Второй дворъ. С. Третій дворъ. 7) Кладо̄выя монастыря. 8) Калитка. 9) Юрты монастырскихъ ламъ.

Въ архитектурномъ отношеніи сами монголы раздѣляютъ свои храмы на два отдѣльныхъ вида: въ 1-хъ храмы тибетскаго и во 2-хъ храмы китайскаго типовъ. Кумирни перваго рода представляютъ собою въ большинствѣ случаевъ квадратныя, или же нѣсколько продолговатыя съ запада на востокъ зданія; они почти всегда бываютъ одноэтажныя, но за всѣмъ тѣмъ являются гораздо выше даже двухъ-этажныхъ китайскихъ построекъ. Въ фасадѣ ихъ нѣтъ ничего затѣйливаго. Это ровныя четырехъугольныя зданія, въ которыхъ отъ самой ихъ основы вплоть до верхушки крыши не выдается ни одинъ уголокъ, ни одной колонны, ни одного выпуклаго карниза, ни одной вогнутой ниши. Нашъ совершенно ровный деревянный срубъ, общитый тесомъ и выкрашенный въ бѣлую краску можетъ служить лучшимъ подобіемъ монголо-буддійскихъ храмовъ тибетской архитектуры. Крыша ихъ состоитъ изъ связанныхъ въ пучки и гладко обрѣзанныхъ корней самшитоваго дерева (Buxus sempervirens; мон-

гол. «даланъ-халису»), накладываемыхъ толщиною приблизительно въ пять, или шесть четвертей. Сверхъ этого слоя снова продолжается бѣлая стѣна храма, также приблизительно на аршинъ, или на три четверти и этимъ зданіе оканчивается. Такимъ образомъ смотря на зданіе кумирни тибетской архитектуры, мы вовсе не видимъ въ немъ выдающейся кверху по европейскому, или по китайскому образцу крыши. Собственно крышу составляютъ у этихъ зданій корни самшита, но придавленные верхней частью стѣны они выглядываютъ наружу какъ прессованные и, почернѣвъ отъ времени, кажутся только чернымъ бордюромъ для общаго фона бѣлыхъ стѣнъ храма. На этотъ черный бордюръ монголы накладываютъ какъ украшеніе, въ каждой сторонѣ храма по нѣскольку кружковъ изъ желтой мѣди, ярко блестящихъ на солнцѣ и довершающихъ для европейца новизну внѣшняго вида кумирни. Таковы храмы собственно тибетскаго образца; но въ настоящее время въ Монголіи ихъ уже имѣется не много, такъ что зданія подобной формы мнѣ удалось видѣть только въ монастырѣ Эрдэни-цзу, въ Барўнъ-хўрѣ да въ хошўнномъ хитѣ Хлабэйсэ на Кэрулэнѣ, въ большей же части храмовъ тибетской архитектуры, относящихся по своей постройкѣ къ послѣднему времени, монголы всегда устраиваютъ крышу китайскаго образца; иногда они надстраиваютъ надъ ними даже мезонинъ, какъ это напримѣръ сдѣлано въ загородномъ монастырскомъ храмѣ, служащемъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ ургинскаго хутухты, а иногда даже нѣчто въ родѣ византійскаго купола, какъ въ ургинскомъ храмѣ Майдари. Окна въ храмахъ тибетской архитектуры обыкновенно располагаются очень высоко, почти подъ самою крышею и при томъ съ трехъ сторонъ: восточной, западной и южной. Въ сѣверной стѣнѣ кумирень оконъ никогда не дѣлаютъ, потому что эта стѣна, какъ увидимъ ниже, бываетъ почти сплошь закрыта стоящими у нея бурханами.

Храмы китайской архитектуры несравненно сложнѣе, фигурнѣе и красивѣе тибетскихъ по своему внѣшнему виду. Какъ и храмы тибетскаго образца они представляютъ собою квадратныя, но еще чаще продолговатыя съ запада на востокъ зданія и по

своему основному стилю должны были бы быть гораздо ниже тибетскихъ. Впрочемъ монголы за послѣднее время значительно измѣнили фасадъ храмовъ китайской архитектуры, такъ что храмы эти можно теперь опять таки подраздѣлить на два типа. Собственно императорскія кумирни, которыя должны почитаться истинными представителями храмовъ китайской архитектуры въ Монголіи, бываютъ всегда одноэтажными. Строятся они по большей части изъ обозженаго кирпича, а крыша обыкновенно устраивается у нихъ на два ската и дѣлается или изъ сѣрой простой, или же изъ зеленой, глазированной черепицы, имѣющей форму кругловатыхъ бревенъ, продольно спускающихся отъ охлупня кровли къ верхнимъ оконечностямъ стѣнъ зданія. Такія формы кровли являются безспорно самыми фигуральными частями зданія. Охлупень ихъ, или бревно, связывающее обѣ половины кровли ([illegible]), обыкновенно поднимается въ видѣ гребня на полъ, или даже четверти на три аршина противъ общаго уровня крыши; онъ украшается за симъ на своихъ бокахъ лѣпными фигурами цвѣтовъ, различными соединеніями кружковъ и линій, образующими затѣйливыя фигурки, которыя чередуются между собою въ послѣдовательномъ порядкѣ на всемъ протяженіи охлупня. Эта особенность придаетъ чрезвычайно своеобразный видъ всему зданію. Отъ охлупня по скатамъ, направляющимся собственно къ четыремъ угламъ зданія, иногда разставляются какъ украшенія небольшія статуетки звѣрей, птицъ и баснословныхъ животныхъ: онѣ также дѣлаются лѣпныя изъ глины, или же бываютъ гончарныя съ глазурью и муравою. Нѣсколько пониже крыши, на лицевой сторонѣ зданія устраивается еще навѣсъ ([illegible]) надъ папертью храма. Кровля этого навѣса вполнѣ походитъ на общую храмовую крышу, точно также украшается статуетками, но еще больше чѣмъ храмовая крыша раскрашивается у своего карниза въ самыя яркія краски. Углы храмовой крыши, равно какъ и кровли навѣса всегда загибаются кверху и иногда оканчиваются лѣпнымъ изображеніемъ головы дракона съ разинутою пастью и высунутымъ, извивающимся жаломъ. Кровля помянутаго навѣса, служащаго собственно папертью пе-

редъ дверями кумирни, поддерживается снизу колоннами, число которыхъ бываетъ весьма различно, смотря по величинѣ кумирни, но всегда колонны эти бываютъ окрашены въ какую либо яркую краску и испещрены или лѣпными, или же рисованными изображеніями цвѣтовъ, драконовъ, крылатыхъ змѣй и проч. Между этими колоннами въ обычное время дня ставятся искустно вырѣзанныя, подвижныя, деревянныя рѣшетки ([illegible]), которыя преграждаютъ входъ на паперть для животныхъ, но легко могутъ быть отодвинуты каждымъ, желающимъ пройти къ дверямъ храма человѣкомъ. При входѣ на паперть, у главныхъ колоннъ передъ дверями храма, нерѣдко поставляются каменныя фигуры львовъ ([illegible]), а иногда ихъ замѣняютъ такіе же каменные сосуды въ родѣ урнъ, или большихъ вазъ. Посреди паперти, передъ самыми дверями храма, довольно часто можно еще повстрѣчать хӳрдэ, которое, передъ своимъ входомъ въ храмъ, поворачиваетъ каждый благочестивый поклонникъ. Двери въ кумирняхъ всегда бываютъ створчатыя, деревянныя, хотя они также разнятся по своему устройству: однѣ изъ нихъ бываютъ глухія, т. е. цѣликомъ сколоченныя изъ досокъ; эти двери обыкновенно окрашиваются въ красную краску и разрисовываются раззолоченными изображеніями четырехъ махаранцза, а иногда въ нихъ симметрично вколачиваютъ, какъ украшеніе, нѣсколько десятковъ гвоздей съ широкими позолоченными шляпками ([illegible]), при чемъ двери пріобрѣтаютъ видъ испещреннаго золотыми кружками пространства. Другой, не менѣе часто наблюдаемый въ императорскихъ кумирняхъ, способъ устройства храмовыхъ дверей, представляютъ собою такъ называемые монголами «ханайнъ-халга» ([illegible]). По этому способу верхняя половина дверей дѣлается въ видѣ рѣшетчатой оконной рамы, а нижняя часть ея остается сплошною и также точно украшается или рѣзными, или же раскрашенными фигурками. Окна въ храмахъ китайской архитектуры всегда располагаются только на южной сторонѣ зданія, или что тоже со входа въ храмъ. Они бываютъ обыкновенно такъ велики, что занимаютъ всю верхнюю половину южной стѣны и представляютъ собою сплошной рядъ

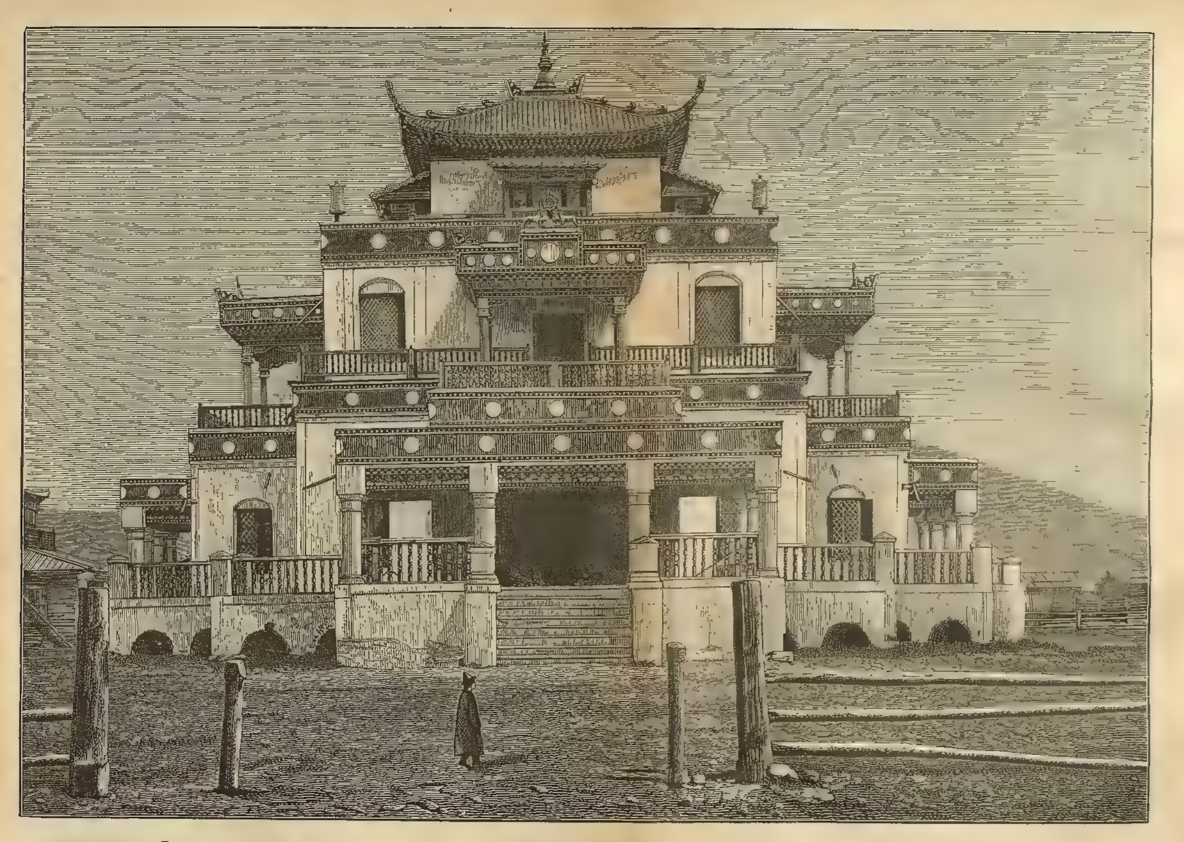
оконныхъ рамъ, съ самою вычурною рѣзьбою. Сочетанія различныхъ геометрически правильныхъ угловъ и ломаныхъ линій варіируются здѣсь на различные манеры и образуютъ затѣйливый, красивый и стройный рисунокъ. Гораздо чаще впрочемъ въ кумирняхъ китайской архитектуры оконъ не бываетъ вовсе, такъ что онѣ освѣщаются только тѣмъ свѣтомъ, который врывается черезъ двери кумирни. Вокругъ стѣнъ зданія кумирень въ императорскихъ монастыряхъ всегда дѣлается кирпичная или плитовая постилка для принятія и стока дождевой воды съ кровли. Монголы, какъ уже было сказано выше, значительно измѣнили этотъ типъ китайской постройки. Прежде всего они обыкновенно иначе и не строятъ храмовъ китайской архитектуры, какъ надстраивая надъ ними нѣчто въ родѣ мезонина; эта прибавка особенно сильно способствуетъ къ измѣненію основнаго типа. Нижній этажъ зданія остается въ своихъ частяхъ, собственно говоря, точно такимъ же, какимъ онъ бываетъ и въ императорскихъ кумирняхъ; но такъ какъ свои постройки монголы возводятъ изъ дерева, то понятно, что уже въ силу самаго матеріала ихъ, зданія не могутъ принимать тѣхъ грандіозныхъ и граціозныхъ формъ, которыя обусловливаютъ собою красоту китайской архитектуры. Фигуральный охлупень и глазированную черепицу китайской крыши здѣсь замѣняетъ простая слѣга и ровныя тесаныя драницы, окрашенныя подъ одинъ цвѣтъ въ красную краску. Но еще чаще монголы вовсе не дѣлаютъ охлупня, а устраиваютъ крыши своихъ кумиренъ въ видѣ остроконечной четырехъ-сторонней пирамиды, что придаетъ имъ уже совершенно своеобразный видъ. Впрочемъ если храмы измѣненной монголами китайской архитектуры и не такъ фигуральны по своей отдѣлкѣ, то тѣмъ не менѣе на нихъ всегда бываетъ не мало привѣсныхъ украшеній. Подъ крышею по 4-мъ угламъ навѣса не рѣдко прикрѣпляются небольшіе колокольчики, которые издаютъ весьма мелодичные звуки при каждомъ движеніи вѣтра. Кромѣ сего отъ каждаго угла навѣса въ различныхъ направленіяхъ протягиваются веревочки или снуры, къ которымъ прикрѣпляются разноцвѣтныя ленточки, лоскутки матерій и проч. Иногда на этихъ лоскуткахъ рисуютъ изобра-

женія бурхановъ, иногда надписываютъ отдѣльныя тарнистическія изрѣченія, а иногда лоскуткамъ даютъ просто форму бада̀на (духовнаго знамени) и въ этомъ случаѣ лоскутокъ уже самымъ своимъ цвѣтомъ символически изображаетъ бурхана: желтый баданъ знаменуетъ собою знамя Эсруа̀-тенгри, бѣлый баданъ — знамя тенгрія Хорму̀сты и т. д. Должно замѣтить еще, что всѣ вышеописанныя формы построекъ не усвояются въ Монголіи однимъ только храмамъ: въ точно такихъ же зданіяхъ живетъ большинство монгольскихъ хутухтъ, гэгэновъ и даже настоятелей въ большихъ монастыряхъ, какъ Эрдэни-цзу, Барӯнъ-хӯрѣ и пр. Каждый изъ нихъ любитъ жить въ домахъ (лабри̇нъ), похожихъ на храмы и представлять изъ себя если не божество, то по крайней мѣрѣ существо, отличное отъ прочихъ смертныхъ.

Буддійская каноника для наружнаго и внутренняго устройства храмовъ поставляетъ еще свои опредѣленные и неизмѣнные законы, а именно: входъ въ нихъ долженъ быть всегда съ юга, а главная часть обращена на сѣверъ, гдѣ, по ученію буддистовъ, находится «Шамбала̀йнъ-оронъ», современное мѣстопребываніе Шигэмӯни. На вершинѣ храма должно быть поставлено изображеніе лежащаго полукруга луны, водруженнаго на немъ солнца и выходящаго изъ него огненнаго языка; все это въ знакъ того, что вѣра шигэмуніанская столь же благотворна и блестяща какъ эти предметы, и также чиста въ своихъ правилахъ какъ свѣтъ лучей ихъ. Въ другихъ храмахъ, и въ Монголіи даже болѣе обыкновенно, можно встрѣтить водруженный на кровлѣ ганчжи̇ръ (тибетск. цзут-данъ, монгол. са̀нъ тэгӯльдэръ, что значитъ «полный сокровищъ»), который поставляется какъ разъ по срединѣ крыши. Ганчжи̇ръ дѣлается изъ мѣди и золотится; по формѣ онъ представляетъ собою вазу съ высокимъ, съуживающимся кверху и закругленнымъ горломъ; при освященіи храма онъ наполняется до верха печатными «ма̀ни», почему вѣроятно и получилъ свое имя у монголовъ. Кромѣ сего на кровляхъ сӯмэ принято у монголовъ ставить чжалца̀нъ (རྒྱལ་མཚན་ санск. dhvadja, а монголы зовутъ его «илагӯхсану тэмдэ̀къ», или ᠢᠯᠠᠭᠤᠭᠰᠠᠨ ᠤ ᠲᠡᠮᠳᠡᠭ, т. е. знакъ побѣдителя). Чжалца̀новъ обыкновенно ставится въ

храмахъ тибетской архитектуры или четыре — по четыремъ угламъ зданія, или два, на углахъ сѣверо-восточномъ и юго-западномъ; въ храмахъ китайской архитектуры ихъ ставится также иногда по два и въ этомъ случаѣ чжалцȁны утверждаются по бокамъ ганчжи̇ра на охлупнѣ кровли, а иногда по четыре и тогда чжалцȁны ставятся опять таки по четыремъ угламъ храма. Чжалцȁнъ дѣлается обыкновенно мѣдный, позолоченный. Онъ имѣетъ форму закрытаго съ обѣихъ сторонъ цилиндра и при освященіи храма, какъ и ганчжи̇ръ наполняется письменами мȁни и другихъ нȍмовъ. Кромѣ того въ него всегда кладутъ сочиненіе «Боди̇ мӱр'ӱнъ цзӱиль». Говорятъ, что чжалцȁнъ въ Тибетѣ въ древнее время всегда поставлялся на высокихъ мѣстахъ и будто бы отъ того получилъ свое имя; что же касается до времени, съ котораго началъ онъ поставляться на кровляхъ сӱмэ, то оно относится къ періоду пребыванія въ Тибетѣ Чжу-адиши. Послѣдній, написавъ свое сочиненіе «Боди̇ мӱр'ӱнъ цзӱиль», будто бы положилъ его въ чжалцȁнъ и поставилъ его на кровлѣ храма. Обстоятельство это дало поводъ ученикамъ Чжу-адиши ввести въ обычай постановку чжалцȁна на кровляхъ, а изъ Тибета обычай этотъ перешелъ и въ Монголію. Наконецъ надъ дверями сӱмэ, на кровлѣ поставляется еще одно позолоченное изваяніе. Оно представляетъ собою восьми-радіусный кругъ, или колесо,—«хӱрдэ», на которое, поднявъ свои головы, смотрятъ двѣ, стоящія на колѣняхъ газели. Основная мысль этой фигуры, по словамъ сочиненія «Цоктӱ ямандагȁйнъ эгӱсхэль», лежитъ въ слѣдующемъ историческомъ фактѣ. Въ древности Эсруȁ тэнгри поднесъ буддѣ 1000 радіусное колесо, сдѣланное изъ золота Цзамбо и просилъ его начать свою проповѣдь. Когда будда заговорилъ, двѣ золотистыя газели, самецъ и самка, выбѣжали изъ лѣса и, глядя на верхушку этого колеса, прослушали ученіе Будды. Поклонники будды, говоритъ далѣе сочиненіе, должны неусыпно бодрствовать надъ ученіемъ, потому что и неразумные звѣри стремятся внимать ему.

Внутри монгольскій сӱмэ состоитъ обыкновенно изъ одной комнаты въ величину всего зданія, при̇ чемъ въ сѣверной, т. е.



Бурятская кумирня, въ Забайкальской области, близь Верхнеудинска. Съ фотогр. Дингеса, грав. М. Рашевскій.

Заимствовано изъ „Нивы" 1884 г. №

противуположной входу стѣнѣ иногда устраивается ниша для постановки бурхановъ, чрезвычайно напоминающая собою алтари католическихъ кастеловъ. Въ тѣхъ кумирняхъ, гдѣ этой ниши не выведено, у сѣверной стѣны дѣлается небольшое возвышеніе, въ родѣ солеи нашихъ храмовъ, — возвышеніе это также точно назначается для того, чтобы опредѣлить собою мѣсто буддійскаго алтаря и иногда отдѣляется отъ общей моленной залы рядомъ колоннъ, идущихъ такимъ образомъ по сѣверной стѣнѣ храма. Помимо сего по моленной залѣ проходитъ еще съ юга на сѣверъ два, а иногда, смотря по величинѣ кумирни, и четыре ряда колоннъ, раздѣляющихъ эту залу на три, или на пять частей. Всѣ таковыя колонны окрашиваются въ красную краску и украшаются рѣзными и рисованными изображеніями золотыхъ, синихъ и зеленыхъ драконовъ, львовъ, чудовищной птицы гàриди и прочихъ могущественныхъ существъ, которыхъ буддизмъ постоянно представляетъ въ своихъ священныхъ книгахъ, то какъ образцы для дѣятельности человѣка, то какъ существа, имѣющія отношеніе къ самой жизни и судьбѣ его. Между рядами колоннъ, расположенныхъ въ моленной залѣ, параллельно восточной и западной стѣнамъ храма, устанавливаются сѣдалища ламъ, которыя занимаютъ они при совершеніи своихъ молебствій. Мѣста старшихъ ламъ располагаются въ первомъ ряду, а нисходящая постепенность мѣстъ выражается во 1-хъ предпочтеніемъ лѣвой стороны храма передъ правою, а во 2-хъ приближеніемъ къ югу, къ дверямъ, или что тоже удаленіемъ отъ алтаря и бурхановъ. Правила объ устройствѣ ламскихъ сѣдалищъ у монгольскихъ буддистовъ довольно сложны. Прежде всего, напримѣръ, всѣ старшіе ламы, въ отличіе отъ ламъ низшихъ разрядовъ всегда имѣютъ у себя болѣе высокія сѣдалища. Настоятели монастырей и лица, занимающія въ монастырѣ высшія должности, помѣщаются обыкновенно на отдѣльныхъ, обтянутыхъ какою либо матеріей табуретахъ, но, смотря по рангу ламы, табуретъ его отличается покрышкою. Первою и обязательною покрышкою табурета является всегда цыновка, витая изъ мочалы, или плетеная изъ тонкаго камыша; употребленіе этой цыновки несомнѣнно обосновывается

на ученіи Будды, которое предписывало каждому бикшу подкладывать траву подъ подстилку своего сѣдалища. По верхъ цыновки на табуреты высшихъ ламъ кладутъ тонкія подушки или, какъ называютъ ихъ монголы, олбо̀ки. Олбо̀къ имѣетъ форму квадратнаго четырехъ-угольника, каждая сторона котораго имѣетъ у себя четвертей пять длины; онъ дѣлается изъ двухъ или трехъ, наложенныхъ одинъ на другой и простеганныхъ вмѣстѣ войлоковъ, послѣ чего эти войлоки обтягиваются какою либо матеріею по преимуществу желтаго цвѣта. Въ большинствѣ случаевъ олбо̀ки бываютъ одноцвѣтные, но на нѣкоторые изъ нихъ нашивается еще такъ называемое «тō» ([illegible]). По буквальному значенію въ языкѣ монголовъ, *тō* обозначаетъ—пядень; но въ данномъ случаѣ словомъ тō называется квадратный кусочекъ красной матеріи величиною въ пядень, нашиваемый въ самой срединѣ олбо̀ка. Обычай нашивать тō также точно лежитъ въ основномъ ученіи Будды. Дѣло въ томъ, что Будда, предписывая различныя правила своимъ послѣдователямъ, между прочимъ обязывалъ ихъ пользоваться употребляемой для сидѣнья и лежанья подстилкой въ теченіе шести лѣтъ, ранѣе этого срока ни одинъ бикшу не могъ себѣ сдѣлать новой подстилки; за симъ, когда проходило шесть лѣтъ, и бикшу дѣлалъ новый тюфякъ, онъ долженъ былъ взять изъ стараго одну квадратную четверть и нашить ее на новый. Таково происхожденіе тō. Въ настоящее время оно для монголовъ уже утратило свой смыслъ и употребляется у нихъ скорѣе какъ украшеніе, почему тōтōй олбо̀ки (т. е. подушки съ нашитыми на нихъ тō) можно встрѣчать даже въ юртахъ самыхъ простыхъ монголовъ; но такъ или иначе, потому ли что подстилки старѣйшихъ ламъ, согласно ученія Будды, естественно должны имѣть на себѣ тō, или потому что эти тōтōй олбо̀ки почитаются монголами за болѣе красивые, высшее буддійское духовенство всегда постилаетъ на свои табуреты именно тōтōй олбо̀ки. Число олбо̀ковъ, полагаемыхъ на табуреты ламъ, бываетъ опять таки различно, смотря по важности лица, которому принадлежитъ сѣдалище. Есть ламы, которымъ предоставлено класть на свой табуретъ и сидѣть на семи олбо̀кахъ, другіе пользуются пятью, а иные имѣютъ только

три олбо̀ка. Лицамъ, которыя имѣютъ право сидѣть на семи и пяти олбо̀кахъ, предоставляется еще имѣть у своего табурета «тӯшилгэ̀». Это такая же подушка какъ и олбо̀къ, но обдѣланная въ четырехъ-угольную, деревянную рамку и приставляемая къ табурету какъ спинка кресла. Тѣ ламы, которые сидятъ на трехъ олбо̀кахъ, имѣютъ право сидѣть на особомъ табуретѣ, но безъ «тӯшилгэ̀», имѣющіе же менѣе трехъ олбо̀ковъ, два, или одинъ, отдѣльными табуретами не пользуются, а помѣщаются, сообразно своимъ степенямъ, уже на общихъ ламскихъ сѣдалищахъ—чжабда̀нъ. Чжабда̀нъ имѣетъ форму скамьи, ширина которой равняется приблизительно аршину, длина достигаетъ отъ $1^1/_2$ до 2-хъ саженей, а вышина отъ одной до двухъ четвертей аршина. Сверху эта скамья покрывается сначала цыновкой, а потомъ длиннымъ и широкимъ войлокомъ съ оторочкою изъ какой либо красной полотнянной или холщевой матеріи. Эту оторочку монголы называютъ хӯбō ([illegible]) и почитаютъ ее, также точно какъ и тō, украшеніемъ; хотя весьма вѣроятно, что она опять таки имѣетъ свое основаніе въ ученіи буддизма. Извѣстно, что Будда предписывалъ своимъ послѣдователямъ употреблять подстилку не свыше 2-хъ локтей въ длину и $1^1/_2$ въ ширину, но, въ случаѣ большаго роста бикшу, ему дозволялось еще приставлять къ своей подстилкѣ кайму. Очень можетъ быть, что эта первоначальная кайма превратилась теперь въ простую оторочку и является въ понятіяхъ монголовъ какъ украшеніе сѣдалищной подстилки. Передъ сѣдалищами старшихъ ламъ поставляются еще особые столики на низенькихъ ножкахъ, называемые у монголовъ «лӯ ширē». Такое названіе эти столики несомнѣнно получили отъ своихъ орнаментовъ, такъ какъ по бокамъ они всегда украшаются рѣзными изображеніями драконовъ (лӯ), слоновъ, львовъ и цвѣтовъ, раскрашиваемыхъ въ самыя яркія краски. На этихъ столикахъ передъ ламами располагаются ихъ музыкальныя принадлежности во время богослуженія, таковы: хонхо̀ и неразлучный съ нимъ очи̇̀ръ, дама̀ру и пр. Помимо сего ламы кладутъ на нихъ свои четки, чаврунъ или пузырекъ съ аршаномъ, служащимъ у нихъ водою для полосканія рта послѣ принятія пищи и проч. Въ тѣхъ

монастыряхъ, гдѣ имѣютъ свое мѣстопребываніе хутухты и гэгэны, для нихъ устраивается въ храмѣ особое мѣсто, при чемъ оно поставляется даже и не въ ряду ламъ. Гэгэны сидятъ обыкновенно какъ и бурханы по сѣверной стѣнѣ и смотря лицомъ на югъ. Торжественное сѣдалище ихъ составляетъ такъ называемый «львиный престолъ» ([illegible] санскр. Sinhasâna). Каѳедра эта имѣетъ форму квадратнаго четырехъ-угольнаго стола ([illegible]), стоящаго на пьедесталѣ ([illegible]) изъ трехъ порожковъ и съ таковымъ же количествомъ зубцовъ антаблемана ([illegible]). Стержень стола украшается изображеніемъ четырехъ, или восьми львовъ, изъ которыхъ каждый, стоя на пьедесталѣ тремя ногами, четвертою—правою переднею, а иногда при томъ и головою, поддерживаетъ карнизъ верхней части стола. Въ Сумбўмѣ Чжидòръ-хамбò о значеніи этого престола говорится такъ: «львиный престолъ на верху долженъ быть шире и эта выдающаяся ширина его поддерживается восьмью львами. Есть обычай поддерживать ее и четырьмя, но во всякомъ случаѣ она поддерживается львами. Это имѣетъ то знаменованіе, что, подобно тому какъ левъ подавляетъ своимъ величіемъ прочихъ звѣрей, имѣющіе силу могущественнаго ламы могутъ подавлять своимъ величіемъ еретиковъ и шимнусовъ. Восемь львовъ знаменуютъ собою восемь могущественныхъ богатствъ [1]), а четыре

1) Подъ именемъ «восьми могущественныхъ богатствъ ([illegible]) на языкѣ буддистовъ разумѣется 1) *могущественное богатство тѣла*, по которому существо имѣетъ способность за одинъ разъ показывать безчисленное число видоизмѣненій своего тѣла; 2) *могущественное богатство слова*, т. е. способность проповѣдывать священное ученіе заразъ безчисленнымъ одушевленнымъ существамъ и притомъ каждому на его языкѣ; 3) *могущественное богатство мысли*, т. е. способность, будучи совершенно чуждымъ матеріи, знать все, что можно знать; 4) *могущественное богатство хубилганства*, или способность, лишь только пожелаешь, показать безчисленныя превращенія; 5) *могущественное богатство вездѣсущія*, т. е. способность быть всеобщимъ, существовать во всякое время и во всякомъ мѣстѣ; 6) *могущественное богатство пожеланій*, т. е. способность исполнить свое пожеланіе лишь только чего либо захочешь; 7) *могущественное богатство творчества*, т. е. способность принять на себя видъ и сущность всего, что только пожелаешь; 8) *могущественное богатство достоинствъ*, т. е. быть исполненнымъ всѣхъ преимущественныхъ особенностей, главнѣйшими изъ которыхъ почитаются десять силъ.

льва обозначають четыре безстрашія[1]), которыми обладають сидящіе на львиномъ престолѣ. Волосы этихъ львовъ бѣлые, а грива искрасна желтая; ногти ихъ необыкновенно остры. Правою ногой они поднимають сѣдалище къ небу, а потому она поднята вверхъ, а лѣвою ногою они попирають фундаментъ и потому она обращена къ низу. То, что они вперили свои глаза въ небо, есть знакъ, что они стерегутъ злое навожденіе бѣсовъ, живущихъ на верху, демоновъ и драконовъ, находящихся въ низу, чертей и привидѣній, находящихся въ промежуткѣ (между небомъ и землею). Далѣе, что престолъ этотъ наикрасивѣйшимъ образомъ унизанъ драгоцѣнностями, будучи самъ по себѣ истиннымъ свойствомъ драгоцѣнности, это есть знакъ удовлетворенія нуждъ ищущихъ успокоенія одушевленныхъ существъ». На таковомъ то львиномъ престолѣ возсѣдаютъ хутухты. Въ Халхѣ принято въ обычай ставить сѣдалище хутухтъ не въ ряду бурхановъ, а впереди ихъ и при томъ нѣсколько сбоку, или точнѣе сказать въ промежуткѣ между бурханами и первою колонною лѣвой стороны храма; на югѣ Монголіи львиный престолъ (арсалантў тэбцэ̆нъ) хутухтъ и гэгэновъ ставится хотя и также параллельно сѣверной стѣнѣ, но въ самой срединѣ перваго ряда колоннъ, или что тоже прямо противъ входныхъ дверей въ храмъ, такъ что сидящій на престолѣ гэгэнъ совершенно заграждаетъ своимъ тѣломъ главнаго бурхана въ храмѣ. Должно замѣтить, что гэгэны, какъ и всѣ прочіе ламы, различаются, смотря по своему значенію, количествомъ олбо̆ковъ, на которыхъ они имѣютъ право сидѣть: есть гэгэны, имѣющіе девять олбо̆ковъ, у другихъ ихъ семь и пять, но менѣе пяти ни одинъ изъ хубилгановъ имѣть не можетъ. Тѣ гэгэны, которые имѣютъ у себя какъ преимущество семь и девять олбо̆ковъ, обыкновенно устраиваютъ для себя еще особое мѣсто

---

1) Существомъ, обладающимъ четырьмя безстрашіями ([illegible]) называется то, которое a) хранитъ въ себѣ увѣренность, что оно достигло состоянія будды; b) что оно уничтожило въ себѣ суетность ([illegible]) и освободилось отъ препятствій — матеріи; c) что оно прониклось божественною святостью и d) что оно проповѣдало священное ученіе. — (Хайби-чжунай, л. 169-й).

въ ряду ламъ. Мѣсто это поставляется всегда на лѣвой сторонѣ и конечно впереди всѣхъ ламскихъ сѣдалищъ; по формѣ своей оно представляетъ обыкновенное ламское кресло, т. е. табуретъ съ приставленнымъ къ нему «тӯшилгэ̇», на которомъ лежитъ то число олбо̇ковъ, которое имѣетъ право употреблять гэгэнъ. На мѣстахъ этихъ гэгэны, собственно говоря, никогда и не сидятъ, но всегда ставятъ ихъ и едва ли только не для того, чтобы было извѣстно, сколько они имѣютъ олбо̇ковъ, такъ какъ на обыкновенномъ своемъ престолѣ, т. е. на «арсаланту̇ тэбцэ̇нъ», ни въ какомъ случаѣ не могутъ они употреблять свыше пяти олбоковъ. Помимо сего у самыхъ дверей храма, по обѣимъ сторонамъ ихъ, и на нѣкоторомъ возвышеніи отводится еще два мѣста, которыя назначаются для храмовыхъ гэбгу̇евъ, или блюстителей порядка во время совершенія богослуженій. Мѣста гэбгу̇евъ представляютъ собою такіе же табуреты съ тӯшилгэ̇, какіе бываютъ и у высшихъ ламъ, а количество лежащихъ на нихъ олбо̇ковъ сообразуется съ заслуженностью личности гэбгу̇я, хотя и никогда не бываетъ менѣе трехъ.

Главнѣйшимъ предметомъ чествованія въ буддійскомъ храмѣ являются *шӯтэ̄ны* ([illegible]), или изображенія божествъ, которыми наполняютъ буддисты всѣ свои храмы. Болѣе обыкновенно эти шӯтэ̄ны на языкѣ монголовъ, какъ и самыя божества, носятъ названіе бурхановъ. По способу своего приготовленія, изображенія бурхановъ бываютъ весьма разнообразны, такимъ образомъ они дѣлаются литыми и коваными изъ золота, серебра, бронзы и преимущественно изъ мѣди (цатхама̇лъ ལུགས་སྐུ); бываютъ также рѣзные изъ дерева, лѣпные изъ глины и изъ папье-маше, вытесанные изъ камня, высѣченные на камнѣ и наконецъ рисованные на кожѣ, на бумагѣ, а чаще всего на полотнѣ (хӯру̇къ སྐུ་ཐང་). Главнѣйшіе изъ нихъ, являющіеся въ формѣ статуй, всегда разставляются въ кумирнѣ по ея сѣверной стѣнѣ; рисунки располагаются по боковымъ стѣнамъ, или же на длинныхъ снурахъ свѣшиваются съ потолка.

Происхожденіе бурхановъ, т. е. изображеній божествъ, буддисты относятъ къ самому первоначальному времени существо-

ванія своей религіи, употребленіе же ихъ при храмахъ почитаютъ заповѣдью самого Шигэмӯни-будды. Въ сочиненіи «Гэртэ̀нъ бэ̄р тахи̇ль бэлэтхэхӯ йосо̀нъ» разказывается, что въ одно время Маньчжӯшри обратился къ буддѣ съ такою рѣчью: Всесовершенный, нынѣ предметомъ чествованія для всѣхъ одушевленныхъ существъ являешься ты, дѣйствительно существующій и пребывающій среди насъ будда; какъ же поступать намъ, когда ты сдѣлаешься нирваною (умрешь)? Будда отвѣчалъ: «теперь друзья мои чествуютъ меня самого, въ будущемъ же времени, если будутъ благоговѣйно чествовать мои изображенія, то это хотя и будетъ нѣсколько разниться, однако добродѣтель въ сущности будетъ одна и таже и значеніе будетъ одно и тоже, потому что такое дѣяніе освящено буддою. Младенчествующіе умомъ и глупые не могутъ постигнуть этого». Находящіеся въ настоящее время въ Хлассѣ кумиры, такъ называемыхъ большаго и малаго цзӯ (изображенія Шигэмунія), по вѣрованію буддистовъ, подробно изложенному въ сочиненіи «Хла̀ссайнъ мӯнъхэ цзӯйнъ оро̀нъ», получили свое начало во времена Шигэмунія и были самолично освящены имъ. Такимъ образомъ чествованіе кумировъ, какъ изображеній божествъ, буддисты почитаютъ заповѣдью самого Шигэмунія; они относятся къ этимъ кумирамъ съ величайшимъ почтеніемъ; тѣмъ не менѣе было бы весьма ошибочно полагать, что буддисты именно эти кумиры почитаютъ своими божествами: по ученію буддизма, шӯтэ̄ны, или бурханы, долженствуютъ только напоминать вѣрующимъ о тѣхъ божествахъ, которыя они изображаютъ. Въ этомъ отношеніи высшую степень отвлеченія представляетъ собою кумиръ Лама̀-Чэтбо̀. Фигура этого бурхана представляетъ собою обыкновеннаго ламу, одѣтаго въ духовныя одежды ([illegible]), держащаго въ рукахъ книгу и сидящаго въ молитвенной позѣ ([illegible]). По своему названію лама-чэтбо̀ (монгол. йэхэ бакшѝ) въ дословномъ переводѣ значитъ — великій учитель, и какъ, по ученію будды, каждый правовѣрный буддистъ долженъ вѣровать, воздавать почести и покланяться своему учителю также точно какъ и буддѣ, то на этомъ основаніи кумиру лама-чэтбо̀ усвояется именно выраженіе идеи

учителя: каждый, преклоняясь предъ этою статуею, долженъ видѣть въ нѣй своего наставника, возноситься мыслью къ его духу и возсылать къ нему свои хвалы и моленія.

Изображенія своихъ божествъ буддисты раздѣляютъ главнымъ образомъ на два отдѣла: a) амурлингӯй бурхановъ (божествъ покойныхъ) и b) докшитовъ (божествъ свирѣпыхъ и грозныхъ). Оба эти вида бурхановъ рѣзко различаются между собою по своимъ внѣшнимъ формамъ и имѣютъ у себя развѣ только одно общее — подставку, или пьедесталъ, на которомъ представляются они стоящими, или сидящими: таковою подставкою какъ у амурлингӯй бурхановъ, такъ и у докшитовъ является священный львиный престолъ, подробное описаніе и значеніе котораго уже было представлено выше. Что касается покрышекъ львинаго престола, на которыхъ собственно водружаются статуи бурхановъ, то онѣ являются уже различными: такъ у однихъ бурхановъ покрышкою престола бываетъ цвѣтокъ падма (nelumbium speciosum), знаменующій свою отчужденность сидящаго на немъ отъ всякой нечистоты грѣха; у другихъ — солнце, или луна, которыя обозначаютъ, что сидящій на львиномъ престолѣ бурханъ или содержитъ въ своей власти средства ([illegible]) спасенія, или же въ высшей степени обладаетъ мудростью, при посредствѣ которой получается спасеніе ([illegible]). На этомъ основаніи у амурлингӯй бурхановъ на львиномъ престолѣ бываетъ постлана или луна, или же цвѣтокъ падма и луна; а у докшитовъ — солнце. Впрочемъ бурхановъ, отливаемыхъ въ небольшихъ размѣрахъ буддисты представляютъ сидящими на львиномъ престолѣ очень рѣдко: въ этомъ видѣ ихъ обыкновенно лишаютъ божественнаго трона, предоставляя имъ какъ сѣдалище только цвѣтокъ падму, да изображеніе солнца и луны.

По своей внѣшней формѣ амурлингӯй бурханы раздѣляются на два рода: къ первому разряду принадлежатъ такъ называемые «*дэгэдӯ амугуланъту бурханай шӯтэнъ*», — это изображенія такихъ божествъ, почитаніе которыхъ составляетъ основу буддійскаго вѣроученія, изображенія такихъ буддъ, о которыхъ проповѣдалъ и училъ самъ Шигэмӯни, или же которые жили и дѣй-

Забайкальская область. Бурятскіе бурханы въ Онинскмъ Дацанѣ. Съ фотогр. Днигеса, грав. М. Рашевскій.

1) Тараната, первосвященникъ. 2) и 4) Одинъ изъ 16 бурхановъ одного названія. 3) Даженсенъ, ѣдыка монголовъ. съ дѣтьми—богъ плодородія. 5) Братъ Даженсена—Янла-Бжанъ.

Заимствовано изъ „Нивы“ 1884 г.

ствовали въ его время; ко второму разряду относятся *амугуланъту бурханай шутэнъ*, т. е. изображенія такихъ божествъ, ученіе о которыхъ не было проповѣдано Шигэмуніемъ, но которые достигли состоянія высшей буддійской святости и сдѣлались буддами уже послѣ пребыванія его на землѣ, послѣдуя его ученію и заботясь о распространеніи и развитіи этого ученія. Общими чертами въ изображеніи бурхановъ обоихъ помянутыхъ родовъ является то, что всѣ они имѣютъ у себя глаза, потупленные внизъ и на половину закрытые, и это долженствуетъ выражать собою ту мысль, что святые этого рода не только отрѣшили отъ всѣхъ матеріальныхъ вліяній свой духъ, но и всецѣло погрузились имъ въ созерцаніе, сдѣлавшись чуждыми всему, происходящему во внѣшности. Это состояніе полнѣйшаго буддійскаго покоя, достигаемое неуклоннымъ упражненіемъ духа въ дѣлахъ вѣры и добродѣтели. Сообразно этой основной мысли, всѣ эти бурханы имѣютъ у себя покойныя и улыбающіяся лица, а въ рукахъ (которыхъ бываетъ до тысячи) необходимо держатъ какія либо принадлежности церковной утвари, какъ-то: книгу, вачиръ, колокольчикъ, чашку, извѣстную подъ именемъ бадра, цвѣтокъ падма и проч. Обращаясь къ самымъ формамъ, въ которыхъ изображаютъ монголы амурлингуй бурхановъ перваго рода, т. е. «дэгэду амугуланъту бурхановъ», нельзя не сказать, что онѣ очень не разнообразны, особливо если принять въ разсчетъ то громадное количество бурхановъ, которое признается буддизмомъ. Всѣ дэгэду амугуланъту бурханы имѣютъ у себя волосы, всчесанные въ одинъ пучекъ на макушкѣ (усниръ) и, какъ особеннымъ признакомъ божественной красоты, обладаютъ необыкновенно длинными ушами. Тѣло ихъ на половину обнажено и по большей части не имѣетъ на себѣ никакой одежды кромѣ оркимчжи, или широкаго плата, накидываемаго на лѣвое плечо, а отсюда спускающагося внизъ и плотно окутывающаго нижнюю часть тѣла, начиная нѣсколько ниже пупка. Поза, въ которой сидятъ эти бурханы и которую монголы называютъ «очиръ цзабилатъ», есть поджатыя впереди себя ноги и переплетенныя такъ, что вывороченная стопа каждой ноги лежитъ на колѣнной кости другой ноги. Вотъ общая форма, въ ко-

торой изображаются всѣ дэгэду амугуланъту бурханы. Такъ какъ физіогноміи ихъ совершенно одинаковы, то узнавать ихъ главнымъ образомъ можно или по предметамъ, которые они держатъ въ рукахъ, или по цвѣту, въ который они окрашены, потому что цвѣтъ лица у бурхановъ различенъ,—есть бѣлые, желтые, красные, зеленые, синіе и проч. Но и всѣ эти различія могутъ помочь весьма мало и при посредствѣ ихъ можно узнать, собственно говоря, только самыхъ обыкновенныхъ шутэновъ, изображенія которыхъ можно встрѣчать почти въ каждомъ храмѣ. Объ этихъ бурханахъ буддизмъ разказываетъ довольно подробно, имѣетъ ихъ исторіи и объясняетъ значеніе всего, что составляетъ ихъ аттрибуты. Таковъ напримѣръ будда Шигэмуни, основатель буддизма, который, какъ проповѣдникъ нищенства, завѣщавшій своимъ послѣдователямъ питаться только отъ сбора подаяній, изображается съ одною только чашею въ рукахъ; таковъ желтотѣлый Майдари; таковъ одиннадцати-лицый Арія-бало, который въ древности, скорбя о порокахъ одушевленныхъ существъ, разбилъ свою голову на одиннадцать частей, изъ которыхъ каждая образовала потомъ собою отдѣльную голову; такова наконецъ Дара-эхэ, которая впервые отъ начала бытія, пожелала, не измѣняя своего женскаго тѣла на мужское, устроять благо одушевленныхъ существъ и получила высшую степень бодисатвы. Изображенія этихъ божествъ, говорю я, обосновываются или на ихъ исторіи, или на приписываемыхъ имъ качествахъ; они легки для изученія и служатъ нагляднымъ пособіемъ къ запоминанію самаго ученія о божествахъ и усвояемыхъ имъ свойствахъ: такъ, изображеніе Маньчжушри, держащаго въ лѣвой рукѣ падму съ книгою, а правою поднявшаго мечь (по толкованію, посѣкающій неразуміе), прямо свидѣтельствуетъ о немъ, какъ о богѣ мудрости. Но что сказать о массѣ божествъ, не имѣющихъ ни какого отличія и изображаемыхъ по общимъ пріемамъ съ усниромъ на головѣ и круглымъ лицемъ, съ узенькими глазками и длинными ушами, съ полуобнаженнымъ тѣломъ, сложенными на колѣнахъ руками и вывороченными ногами? Такія изображенія надо считать тысячами и понятно, что при этой общности формъ опредѣлять бур-

хановъ очень трудно. Самый ученѣйшій лама не может назвать бурхановъ, если только имена ихъ не будутъ обозначены подписью, потому что другихъ средствъ для распознаванія нѣтъ и не можетъ быть, хотя бы изображеніе было самое подробное. Дѣло въ томъ, что буддисты, наполнивъ свой духовный міръ безконечнымъ множествомъ буддъ трехъ временъ: прошедшаго, настоящаго и будущаго, создали ихъ ѳеософію весьма обще, а тѣмъ конечно осудили на бѣдность и иконологію. Впрочемъ, то и другое весьма естественно, потому что какъ бы ни была велика фантазія человѣка, она все таки не въ состояніи начертать столькихъ отдѣльныхъ образовъ и отдѣльныхъ событій, сколько потребно было бы для всѣхъ созданныхъ буддизмомъ божествъ. Въ настоящее время можно поистинѣ даже удивляться икономаніи буддистовъ, старавшихся во чтобы то ни стало достигнуть того, чтобы число внѣшнихъ изображеній бурхановъ соотвѣтствовало бы числу буддъ и бодисатвъ, упоминаемыхъ въ ихъ обширномъ ученіи о божествахъ. Шигэмуни проповѣдалъ, напримѣръ ученіе о 1000 буддъ, имѣющихъ явиться въ мірѣ: онъ разказалъ, какъ будутъ каждаго изъ нихъ звать по имени, изъ какого сословія будетъ каждый изъ нихъ происходить, какъ будутъ звать у каждаго изъ нихъ отца и мать, въ какомъ городѣ каждый изъ нихъ родится и сколько лѣтъ будетъ управлять міромъ; но засимъ не очертилъ ихъ больше ни какими красками. Что же оставалось дѣлать буддійскимъ иконологамъ? Откуда брать сразу столько разнообразныхъ изображеній? Они и порѣшили разумнымъ судомъ раздѣлить этихъ 1000 буддъ на пять отдѣловъ, да и изображать по двѣсти буддъ одинаково. Такимъ образомъ отливаются и рисуются изображенія цѣлой тысячи различныхъ буддъ всего только по пяти образцамъ, которые отличаются другъ отъ друга лишь тѣмъ, что у одного обѣ руки сложены на колѣнахъ, другой одну руку держитъ на колѣнѣ, а другою благословляетъ и т. д. Должно замѣтить, что изображенія этихъ 1000 буддъ необходимо находятся въ каждой монгольской кумирнѣ. Такъ какъ металлическія статуи ихъ стоятъ довольно дорого (не менѣе 3000 серебряныхъ рублей), то въ большинствѣ монгольскихъ кумирень изображенія

ихъ встрѣчаются рисованныя и всегда на одномъ громадномъ полотнянномъ свиткѣ; но въ большихъ монастыряхъ ваяныя фигуры тысячи буддъ составляютъ необходимую принадлежность. Они располагаются обыкновенно по восточной и западной стѣнамъ храма въ шкафахъ, раздѣленныхъ на полки, которыя въ свою очередь перегорожены на клѣточки; въ каждой клѣточкѣ ставится по три бурхана, статуя же Шигэмўнія царитъ среди всѣхъ ихъ единично.

Что касается втораго отдѣла амурлингўй бурхановъ, иначе называемыхъ амугуланътў бурханами, то изображенія ихъ хотя и болѣе разнообразны, однако же не менѣе трудны для опредѣленія. Прежде всего нужно сказать, что всѣ эти бурханы суть изображенія различныхъ ламъ, въ разное время дѣйствовавшихъ на пользу буддизма, отсюда характеристичными чертами для познанія ихъ служатъ прежде всего ихъ одежды и особливо шапки. Бурханы, чествованіе которыхъ заимствовано изъ Индіи, которые жили, дѣйствовали и прославились въ Индіи, естественно разнятся по своимъ изображеніямъ отъ бурхановъ, культъ которыхъ обосновался въ Тибетѣ. Тибетскіе вѣропроповѣдники и святители краснаго толка въ свою очередь различествуютъ отъ тибетскихъ же вѣропроповѣдниковъ желтаго ученія, а эти послѣдніе конечно разнятся отъ тѣхъ, которые жили и прославились уже въ собственной Монголіи. Такимъ образомъ представляется весьма не труднымъ отличить статуи Пӑдма Самбавы̆ или Чжу-адишӑ[1]) отъ статуи Цзонхавы̆, а статую Цзонхавы̆ отъ изображенія халхаскаго Чжэбцзўнъ-дамбӑ-хутухты; но коль скоро дѣло доходитъ до прославленныхъ буддистами многочисленныхъ дѣятелей, принадлежащихъ одной какой либо странѣ и школѣ, то опять и невольно возникаютъ недоумѣнія. У одного Цзонхавы̆, напримѣръ, насчитывается свыше 70 главныхъ учениковъ, которые всѣ почитаются бодисатвами и прославляются буддистами: всѣ они изо-

1) Такъ произносятъ собственно монголы, тибетцы же говорятъ Чжо-адиша (ཇོ་ཨ་ཏི་ཤ).

бражаются на одно лицо, всѣ одѣты въ священныя «номту̀ дэбэ̀ль» и различаются развѣ тѣмъ, что одинъ держитъ книгу, другой колокольчикъ, третій благословляетъ одною рукою, четвертый двумя и т. д. Удержать въ памяти всѣ эти особенности конечно трудно и опредѣлять точно бурхановъ дѣлается еще невозможнѣе, когда нѣсколько изъ нихъ изображаются совершенно одинаково.

Изображенія докшитовъ (т. е. свирѣпыхъ божествъ ᠳᠣᠭᠰᠢᠳ) какъ бы въ совершенную противуположность амурлингу̀й бурханамъ, соединяютъ въ себѣ все, что можетъ представить безобразнаго и уродливаго человѣческая фантазія. Какъ божествъ, буддисты раздѣляютъ докшитовъ на два рода: одни изъ нихъ суть будды, — собственно «ида̀мъ бурханы», каковы Яма̀ндага (Yamantaka འཇིགས་བྱེད་པ་), Махага̀ла (санск. Mahâkâla тиб. མགོན་པོ་) и проч.; другіе еще находятся на степеняхъ бодисатвъ, таковыми, представляются всѣ Чо̀й-чжины, (ཆོས་སྐྱོང་ или по монгольски «номы̄йнъ сакӯсун'ы», санск. dharmapâla). Съ внѣшнею позою, въ которой обыкновенно изображаютъ докши̇̀товъ, монголы соединяютъ понятіе пляски и поза эта у всѣхъ докши̇̀товъ одна и та же: широко разставленныя ноги съ нѣсколько согнутымъ правымъ колѣномъ, распростертыми, нѣсколько приподнятыми вверхъ руками и загнутою влѣво головою. Далѣе по внѣшней формѣ изображенія докши̇̀товъ могутъ быть раздѣлены на три рода: во 1-хъ) докши̇̀ты въ сладострастныхъ формахъ (ӯцзӯгӯргэхӯй байдал-та̀нъ); во 2-хъ) докши̇̀ты въ формахъ, которыя монголы называютъ богатырскими (бага̄туръ байдал-та̀нъ) и въ третьихъ докши̇̀ты въ формахъ ужасныхъ (сӯрхэ̀й, гова̀бусу̀ байдал-та̀нъ), т. е. докши̇̀ты съ лицами полными гнѣва и окруженными принадлежностями смерти, пытки и мученій. Докши̇̀товъ, изображаемыхъ въ формахъ самаго чувственнаго сладострастія (тачія̀нгуй ба̀йдал), чрезвычайно много. Всѣ божества этого рода изображаются съ совершенно обнаженнымъ тѣломъ, даже съ непокрытыми половыми органами, которые при томъ изображаются въ возбужденномъ состояніи. Для при-

мѣра беремъ фигуру Чойчжила, или Эрликъ-хана, изображеніе котораго можно встрѣтить въ каждой кумирнѣ и почитаніе котораго едва ли не самое распространенное между монгольскими буддистами. Въ своей пляшущей позѣ онъ стоитъ на украшенномъ самыми разнообразными привѣсками и соединяющемся съ женщиною быкѣ. Чойчжиль имѣетъ человѣческое тѣло и какія то звѣриныя ноги, украшенныя впрочемъ золотыми браслетами, усыпанными драгоцѣнными камнями. Въ распростертой правой рукѣ онъ держитъ скипетръ, изображающій собою скелетъ ребенка съ удлиненнымъ становымъ хребтомъ, который и служитъ рукояткою для скипетра. Въ лѣвой рукѣ Чойчжиль держитъ трезубчатыя вилы и этою же рукою онъ хочетъ обнять подающую ему, наполненный кровью человѣческій черепъ (габала), женщину, совершенно голую. Голова Чойчжила бычья, съ тіарою изъ пяти человѣческихъ череповъ и необыкновенно большими рогами, а глаза смотрятъ искоса на подходящую женщину; все тѣло украшено превосходными ожерельями, драгоцѣнными опоясаніями, а на рукахъ блестящія запястья. Другіе докшиты изъ отдѣла сладострастныхъ также подобны Чойчжилю. Большинство ихъ изображается съ какими либо звѣриными головами и всѣ они или цѣлуются, или совокупляются съ женщинами на самые разнообразные манеры.

Второй родъ докшитовъ, имѣющій, какъ говорятъ монголы, богатырскій видъ (батурлахуй янцзутанъ), изображается обыкновенно въ формахъ человѣческаго тѣла, только формамъ этимъ, сообразно приписываемой докшитамъ этого рода силѣ, придаются размѣры и видъ, свидѣтельствующіе объ ихъ крѣпости и могуществѣ. Такимъ образомъ челюсти этихъ докшитовъ обладаютъ огромными глазными зубами, выдающимися наружу въ видѣ клыковъ; руки и ноги ихъ необыкновенно жилисты и толсты, съ огромными, похожими болѣе на когти, ногтями пальцевъ. Какъ бы въ доказательство своей силы, они всегда попираютъ или какихъ либо дикихъ звѣрей, или чудовищъ, измышленныхъ фантазіею буддійскихъ иконологовъ. Другой способъ для олицетворенія силы, приписываемой этимъ докшитамъ, есть увеличеніе числа чле-

КАРТОГР. ЗАВ. А. ИЛЬИНА С.П.Б.

БУРХАНЪ ИЗЪ ОТДѢЛА „ДОКШИТЪ".

новъ ихъ тѣла; такимъ образомъ являются докшиты съ нѣсколькими головами, громаднымъ числомъ рукъ, ногъ и проч.

Наконецъ третій отдѣлъ докшитовъ—ужасныхъ и безобразныхъ (сурхэй гова-бусу) по своимъ личнымъ формамъ почти ни чѣмъ не разнится отъ докшитовъ батуровъ, они только не попираютъ ни какихъ чудовищъ, а или стоятъ прямо на усвоенномъ всѣмъ докшитамъ кругѣ солнца, или же изображаются сидящими верхомъ на какомъ либо животномъ: лошади, мулѣ, слонѣ, львѣ, тигрѣ и проч. Въ рукахъ докшиты этого рода обыкновенно держатъ черепа и человѣческія кости, разнаго рода оружіе, змѣй, гадовъ и пр. Нахмуренныя брови и искаженныя отъ злобы морщинами лица составляютъ особый и отличительный признакъ бурхановъ этого рода.

Страннымъ и даже просто непонятнымъ могутъ показаться для человѣка, незнакомаго съ буддизмомъ эти циничныя и ужасныя формы божествъ; но въ глазахъ буддистовъ все это имѣетъ свой великій смыслъ и свое таинственное значеніе. Такимъ образомъ общее для всѣхъ докшитовъ безобразіе и искаженіе злобою лицъ ихъ служитъ прямымъ выраженіемъ ихъ отвращенія отъ предметовъ матеріальнаго міра и постояннаго стремленія ихъ подавить матеріальное, грѣховное начало. Чудовищныя формы тѣла докшитовъ знаменуютъ собою ихъ страшную силу, которая даетъ имъ полную возможность бороться и побѣждать злое начало въ мірѣ. Изображеніе докшитовъ въ совершенной наготѣ свидѣтельствуетъ о полнѣйшемъ удаленіи (свободѣ) ихъ отъ всѣхъ препятствій къ спасенію. Подавливаніе ими различныхъ чудовищъ знаменуетъ побѣду ихъ надъ врагами спасенія. Объятіямъ женщинъ и совокупленіямъ съ ними придается иносказательный смыслъ полнѣйшаго удовлетворенія всѣхъ пожеланій и распространенія великаго блаженства. Говорить болѣе подробно о значеніи докшитскихъ изображеній мы здѣсь не будемъ и желающихъ познакомиться съ этимъ значеніемъ нѣсколько основательнѣе отсылаемъ къ статьѣ о докшитахъ, изложенной въ примѣчаніяхъ къ нашему сочиненію «Ургинскіе хутухты» (стр. 51—63); хотя почитаемъ долгомъ замѣтить здѣсь, что выяснить въ частности смыслъ

каждаго докшитскаго изображенія почти невозможно, именно въ силу сложности предмета и обилія его значеній. Каждый докшитъ имѣетъ свои особыя формы и всякой изъ этихъ формъ усвояется опять таки особое духовное значеніе: каждая рука, нога, каждый глазъ и чуть ни каждый волосъ на головѣ имѣетъ свое значеніе въ иконологіи буддистовъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ изслѣдованіе ея ученій относительно изображенія божествъ, должно составить цѣлые томы. Не менѣе точны и пособія, данныя буддизмомъ его иконографамъ; пособія, въ которыхъ обыкновенно ни одного слова не говорится о значеніи той или другой части бурхановъ, но въ которыхъ подробно выясняется, каковы именно должны быть по своимъ внѣшнимъ формамъ изображенія бурхановъ. Такъ какъ европейская литература до сего времени еще не была знакома съ характеромъ монголо-буддійскихъ сочиненій по иконографіи, то я позволяю себѣ представить нѣсколько краткихъ выдержекъ изъ сочиненій этого рода, чтобы съ одной стороны познакомить своихъ читателей съ характеромъ помянутыхъ произведеній монгольской литературы, а съ другой еще точнѣе и обстоятельнѣе, словами самихъ монголовъ, указать формы изображенія буддійскихъ бурхановъ.

Такъ какъ будда Шигэмӯни почитается основателемъ буддизма, то указаніями его изображеній обыкновенно начинается каждое иконографическое сочиненіе монголовъ. Въ сочиненіи «Цагӯнъ-хӯрдэ», говорится, что «вообще всесовершеннѣйшаго будду приличнѣе изображать въ тѣхъ формахъ, какія имѣлъ онъ на землѣ и при этомъ разказывается, что Шигэмӯни отъ вершины уснӣра (иначе [illegible] санск. uchnîcha, тиб. གཙུག་ཏོར) до подошвы ступни былъ вышиною въ 125 пальцевъ[1]); точно также и при распростертыхъ рукахъ отъ оконечности правой руки до оконечности лѣвой онъ имѣлъ тоже 125 пальцевъ; короче

[1]) При наименованіи различныхъ мѣръ у буддійскихъ иконографовъ принято принимать за одно: 12-ть хуби (частей), одну ладонь, одну пядень и двѣнадцать пальцевъ. Одинъ палецъ, одна малая хуби, и восемь ячменныхъ зеренъ также одинаковы. Одно ячменное зерно и одно кунжутное зерно также одинаковы.

сказать сверху внизъ и справа на лѣво онъ былъ одинаковъ, — квадратный. Нѣтъ сомнѣнія, что именно на этомъ основаніи въ статуяхъ Шигэмӯнія насъ особенно поражаетъ длина его рукъ.

Въ сочиненіи «Вачир’ӯнъ ицзагӯр’ун цзабса̀ръ» относительно изображеній Шигэмӯни въ его натуральную величину говорится нѣсколько подробнѣе, а именно: «у всесовершеннѣйшаго будды отъ вершины уснӣра до междубровія — одна ладонь; отъ междубровія до горла одна ладонь; отъ горла до сердца — одна ладонь; отъ сердца до пупка одна ладонь; наконецъ одна ладонь отъ пупка до скрытыхъ частей ([illegible]). Такова верхняя часть тѣла. Въ нижней части, лядвія = 25 пальцамъ; сѣдалищная кость = 4-мъ пальцамъ; колѣнная чашка = 4-мъ пальцамъ; голенная кость = 25-ти пальцамъ; толщина ступни въ ногѣ = $4\frac{1}{2}$ пальцамъ и подошва ступни въ ногѣ въ длину = 14 пальцамъ. Въ ширину тѣло будды должно быть слѣдующаго размѣра: отъ центра груди въ одну сторону $12\frac{1}{2}$ пальцевъ, плечевая кость 20-ть пальцевъ, локтевая кость 16 пальцевъ; ладонь въ рукѣ до оконечности пальцевъ = 12-ти пальцамъ. Между плечевою и локтевою костью — одинъ палецъ; между плечевою костью и ключицею — одинъ палецъ. Точно также и съ другой стороны. Еще болѣе подробно главнѣйшія части лица будды измѣряются такъ: величина уснӣра на головѣ = 4-мъ пальцамъ; за симъ до оконечности волосъ $4\frac{1}{2}$ пальца; лобъ = 4-мъ пальцамъ; носъ = 4-мъ пальцамъ; ротъ и подбородокъ = $4\frac{1}{2}$ пальцамъ.

Въ сочиненіи «Дэгэ̄дӯ амугула̀нъ санва̀ръ» относительно изображенія всѣхъ вообще бурхановъ говорится: «Форма лица блаженныхъ (амугуланъту̀) буддъ подобна куриному яйцу, т. е. почти круглая, съуживающаяся книзу; у Дагӣни (женскихъ божествъ) похожа на кунжутное зерно, т. е. болѣе продолговатая; у бирӣтовъ и чертей (бута̀), а также у бурхановъ докшӣтовъ (свирѣпыхъ, гэніевъ хранителей ученія) она или совершенно круглая, или же четырехугольная. Въ тѣлахъ ихъ должно быть соблюдаемо слѣдующее различіе: у бурхановъ, принадлежащихъ къ отдѣлу высокоблаженныхъ (дэгэ̄дӯ амугуланъту̀) тѣло равняется 10-ти ладонямъ; вышина головной повязки = одной ладони; цвѣтъ линхоа̀,

или па̀дма, составляющій подножіе бурхана = 3-мъ пальцамъ; изображеніе солнца на подножіи = 1-му пальцу; попираемыя бурханами существа долженствуютъ быть величиною въ восемь пальцевъ, все же подножіе вмѣстѣ взятое = 12-ти пальцамъ, или одной ладони, а въ итогѣ отъ подножія до вершины усни̊ра бурханы помянутыхъ родовъ должны имѣть 12 ладоней. У всѣхъ Дара̀ эхэ̀ (женскихъ божествъ) величина тѣла должна быть въ 9-ть ладоней, потому что только при этомъ условіи объемъ ихъ будетъ находиться въ соотвѣтствіи съ изображеніями другихъ божествъ, а равно и согласоваться съ нашими представленіями (сэтхи̊ль-ду̊р цзохиста̊й). Докши̊ты имѣютъ въ тѣлѣ восемь четвертей, поднятые на головѣ волосы ихъ равняются одной четверти, равно и подножіе — одной четверти, такъ что все вмѣстѣ изображеніе докши̊товъ должно равняться десяти четвертямъ.

Тоже сочиненіе относительно изображенія Бурханъ-бакши̊, т. е. будды Шигэму̊ни съ большею подробностью сообщаетъ, что у Шигэму̊ни вышина прически волосъ (усни̊ръ) должна быть въ 4-ре пальца; длина глаза = 4-мъ пальцамъ, а ширина = 2-мъ пальцамъ; длина отверстія уха въ 2 пальца; отверстіе въ срединѣ уха $1/2$ пальца; длина рта = 4-мъ пальцамъ отъ подбородка до горла у него 8 пальцевъ; ключица величиною = одной пяди; верхняя оконечность плечевой кости величины двухъ пальцевъ; отъ ямки мышцъ до оконечности пальцевъ 4 пяди; ладонь руки по длинѣ = 7-ми пальцамъ; средній палецъ = 5-ти пальцамъ; указательный палецъ ниже его на половину верхняго сустава, на четыре ячменныхъ зерна ниже средняго пальца палецъ безымянный; а ниже его на суставъ мизинецъ. У этихъ четырехъ пальцевъ на третьемъ верхнемъ суставѣ ногти, а у большаго пальца ноготь на второмъ суставѣ; палецъ этотъ нѣсколько ниже половины перваго сустава пальца указательнаго. Всѣ пальцы въ окружности должны имѣть величину 12-ти пальцевъ. Отъ мышцы до мышцы — 12 пальцевъ, таже мѣра и назади; впадина мышцъ = 5-ти пальцамъ. Сосокъ грудей величины ячменнаго зерна, а красноватое вокругъ него величины 4-хъ ячменныхъ зеренъ. Дѣтородный удъ величиною въ половину лица; шулята въ длину 5

пальцевъ, а толщиною у основанія въ 4 пальца. Лядвія имѣютъ въ длину 25 пальцевъ; голенная кость тоже 25 пальцевъ; въ промежуткѣ между ними голенная чашка равняется тремъ пальцамъ [1]); щиколка величиною въ 2 пальца, толщина подошвы = 4-мъ пальцамъ [2]), толщина пятки 6 пальцевъ».

Въ сочиненіи «Цагӯн-хӯрдэ» говорится: «Очи (нитà) всесовершеннаго будды имѣютъ въ ширину 2 ячменныхъ зерна, а въ длину 2 пальца и 6 ячменныхъ зеренъ [3]), по формѣ же они подобны луку. У амугуланъту̇ бурхановъ очи имѣютъ въ ширину 4 ячменныхъ зерна, а въ длину 20 ячменныхъ зеренъ и имѣютъ форму цвѣтка Утбàла. Очи «докшѝтовъ» должны имѣть въ ширину 10 ячменныхъ зеренъ, а въ длину 14 и такимъ образомъ представляются почти круглыми. У дагѝни (женскихъ божествъ) óчи шириною въ 6 ячменныхъ зеренъ, а длиною въ 15 и похожи на рыбій пузырь. Ширина носэ у Бурханъ-бакшѝ — 2 пальца; вышина $1^1/_2$ пальца, ноздри въ поперечникѣ $^1/_2$ пальца, а въ длину $1^1/_2$ пальца, промежутокъ между двумя ноздрями $^1/_2$ пальца. Лицо его въ окружности отъ одного уха до другаго по лицевой сторонѣ—18 пальцевъ, по задней—14 пальцевъ, а всего имѣетъ въ окружности 32 пальца. Горло въ окружности 24 пальца; плечевая кость — 20 пальцевъ; локтевая — 16 пальцевъ; локтевая у ладони (царбагӯ) — 12 пальцевъ. Отъ груднаго соска назадъ до оконечности реберъ — 12 пальцевъ. Окружность всего тѣла у реберъ—45 пальцевъ, у пупка—46; ниже пупка на 8 пальцевъ, т. е. тамъ, гдѣ полагается вершина опоясанія, — 18 пальцевъ. На вершинѣ каждая лядвія у будды имѣетъ въ окружности 36 пальцевъ, въ срединѣ — 32; окружность голени = 28 пальцамъ, окружность ноги посрединѣ икры = 21-му пальцу, а на оконечности икръ = 14-ти пальцамъ».

Вотъ образецъ тѣхъ наставленій, которыя даетъ буддизмъ своимъ иконографамъ для изображенія бурхановъ; по этимъ же

1) А по сочиненію «Вачирӯнъ ицзагӯрун цзабсàръ», = 4 пальца.

2) По тому же сочиненію — $4^1/_2$ пальца.

3) Слѣдовательно только $2^2/_4$ пальца, тогда какъ по сочиненію «Дэгэ̄дӯ амугуланъту̇ санвàръ» длина глаза должна быть въ 4 пальца.

наставленіямъ мы можемъ себѣ представить и фигуры и объемъ буддійскихъ кумировъ. Должно однако замѣтить, что бурханы, встрѣчающіеся въ монгольскихъ храмахъ не всѣ отливаются въ указанной величинѣ, равно какъ и рисованныя изображенія буддійскихъ божествъ бываютъ у монголовъ въ высшей степени разнообразны, начиная отъ величины трехъ, четырехъ саженей и кончая фигурками меньшими вершка. Тѣмъ не менѣе при дѣланіи бурхановъ монгольскими художниками всегда и обязательно принимаются къ руководству всѣ вышеуказанныя правила: каждая часть тѣла бурхановъ увеличивается, или уменьшается совершенно пропорціонально съ общимъ увеличеніемъ, или уменьшеніемъ ихъ изображенія, формы же каждаго бурхана, конечно остаются однѣ и тѣже, какъ въ большихъ, такъ и въ малыхъ изображеніяхъ. Это обстоятельство весьма важно въ томъ отношеніи, что въ иконографіи буддистовъ никогда не встрѣчается ничего произвольнаго, а отсюда въ буддійскихъ кумирняхъ никогда нельзя встрѣтить и такихъ вольныхъ и небрежныхъ изображеній, какія исполняются, напримѣръ, нашими владимірскими богомазами.

Помимо литыхъ изображеній бурхановъ у главной, т. е. сѣверной стѣны храма, поставляются еще бронзовыя же фигуры субургановъ, обыкновенно называемыхъ у насъ пирамидами. Субурганы (санск. tchaitya, тиб. མཆོད་རྟེན་) суть собственно ничто иное какъ миніатюрное изображеніе древнихъ индійскихъ ступъ. По сказаніямъ буддистовъ, устройство субургановъ, какъ памятниковъ замѣчательнѣйшихъ священныхъ событій, начато было въ Индіи еще при жизни Шигэмунія будды; впослѣдствіи субурганы воздвигались тамъ не только на мѣстахъ замѣчательныхъ событій, но служили еще гробницами для ламъ, извѣстныхъ святостью своей жизни и своими подвигами на благо буддійской вѣры. Понятно отсюда, что субурганы, устрояемые въ различныхъ мѣстностяхъ и въ разное время, должны были имѣть у себя и разныя формы; но у монголо-буддистовъ субурганы по своему внѣшнему виду особенно не разнятся. Разсматривая фигуру субургана въ архитектурномъ отношеніи, мы находимъ,

что онъ состоитъ вообще изъ трехъ частей: пьедестала (сэнтэ̀й), главной части (бу́мба) и шпица; въ частности же пьедесталъ можетъ быть раздѣленъ еще на слѣдующія составныя части:

a) *плинтъ*, состоящій изъ четырехъ ступеней, при чемъ нижняя ступень наиболѣе массивна и высота ея представляетъ сумму высотъ остальныхъ четырехъ ступеней.

b) *фустъ*, представляющій сплошной паралепипедъ. Высота его равна высотѣ плинта, а апофема нѣсколько менѣе діаметра послѣдней ступени плинта.

c) *карнизъ*, состоящій изъ трехъ ступеней, при чемъ верхняя наиболѣе массивна и высота ея равняется суммѣ высотъ двухъ остальныхъ ступеней.

Главная часть субурга̀на, *бу́мба*, покоится на базѣ (банърѝмъ), состоящей изъ четырехъ главныхъ, равныхъ по высотѣ ступеней и двухъ меньшихъ, при чемъ одна изъ этихъ меньшихъ (гэбчжу̀) лежитъ при основаніи базы, а другая (бум-да̀нъ) на вершинѣ.

Самое бу́мба представляетъ собою два, наложенные другъ на друга, усѣченные конуса съ равными радіусами большихъ основаній. Нижній конусъ обращенъ большимъ основаніемъ вверхъ, а верхній внизъ; образующая линія нижняго конуса вдвое болѣе образующей верхняго. Высота бу́мба равна высотѣ плинта, сложенной съ высотою фуста.

Шпицъ, или третья часть субурга̀на, состоитъ изъ трехъ частей:

a) шейки, или основанія (бра̀й).

b) собственно шпица, представляющаго довольно высокій, усѣченный конусъ, украшенный тринадцатью металлическими кольцами (чо̀йнъкоръ чжису́мъ) и

c) коронующей части, состоящей изъ двухъ, обращенныхъ другъ къ другу широкими основаніями, усѣченныхъ конусовъ (діаметръ большаго основанія верхняго конуса—*тукъ-кэбъ*, вдвое больше діаметра большаго основанія нижняго конуса — *тукъ-тунъ*), увѣнчиваемыхъ изображеніями луны, солнца и пламенѣю-

щаго огня премудрости (на́да). Высота всего шпица равна высотѣ пьедестала и высотѣ базы, на которой покоится бу́мба.

Служа изображеніемъ священныхъ предметовъ, долженствующихъ напоминать о славныхъ событіяхъ изъ исторіи буддизма, субурга̀ны являются для буддистовъ такими же предметами чествованія какъ и кумиры бурхановъ, или божествъ [1]).

---

1) Монголо-буддисты насчитываютъ у себя множество субурга̀новъ, которые всѣ болѣе или менѣе однообразны по своему внѣшнему виду, но различаются по своимъ названіямъ, а равно и по происхожденію, преданіе о которомъ твердо хранится въ разказахъ ламъ. Главнѣйшіе изъ субурга̀новъ чествуемыхъ въ Монголіи, какъ удалось намъ замѣтить суть слѣдующіе:

a) [illegible] — «Субурга̀нъ, обладающій многочисленными вратами премудрости», впервые воздвигнутый будто бы въ Индіи въ то время, когда будда впервые началъ свою проповѣдь въ городѣ Варанаши (Vâr̂anasa, нынѣ Бенаресъ).

b) [illegible] — «Святой (боди) субурга̀нъ» о происхожденіи котораго разказываютъ, что онъ былъ построенъ впервые царемъ Роба-гарби и обитателями Магады въ воспоминаніе того событія, когда Шигэму̀ни на р. Наранъджана укротилъ полчища шимну̀совъ и сдѣлался всесовершеннымъ буддой.

c) [illegible] «Субурга̀нъ укрощенія Шимну̀совъ», воздвигнутый будто бы тѣмъ же царемъ Роба-гарба и по поводу того же событія прославленія Шигэму̀ни при р. Нараньджана.

d) [illegible] — «Субурга̀нъ смерти» (проникновенія нирваной), — впервые воздвигнутый обитателями города Куша, въ то время, когда будда показалъ видъ прехожденія изъ страданій (этой жизни).

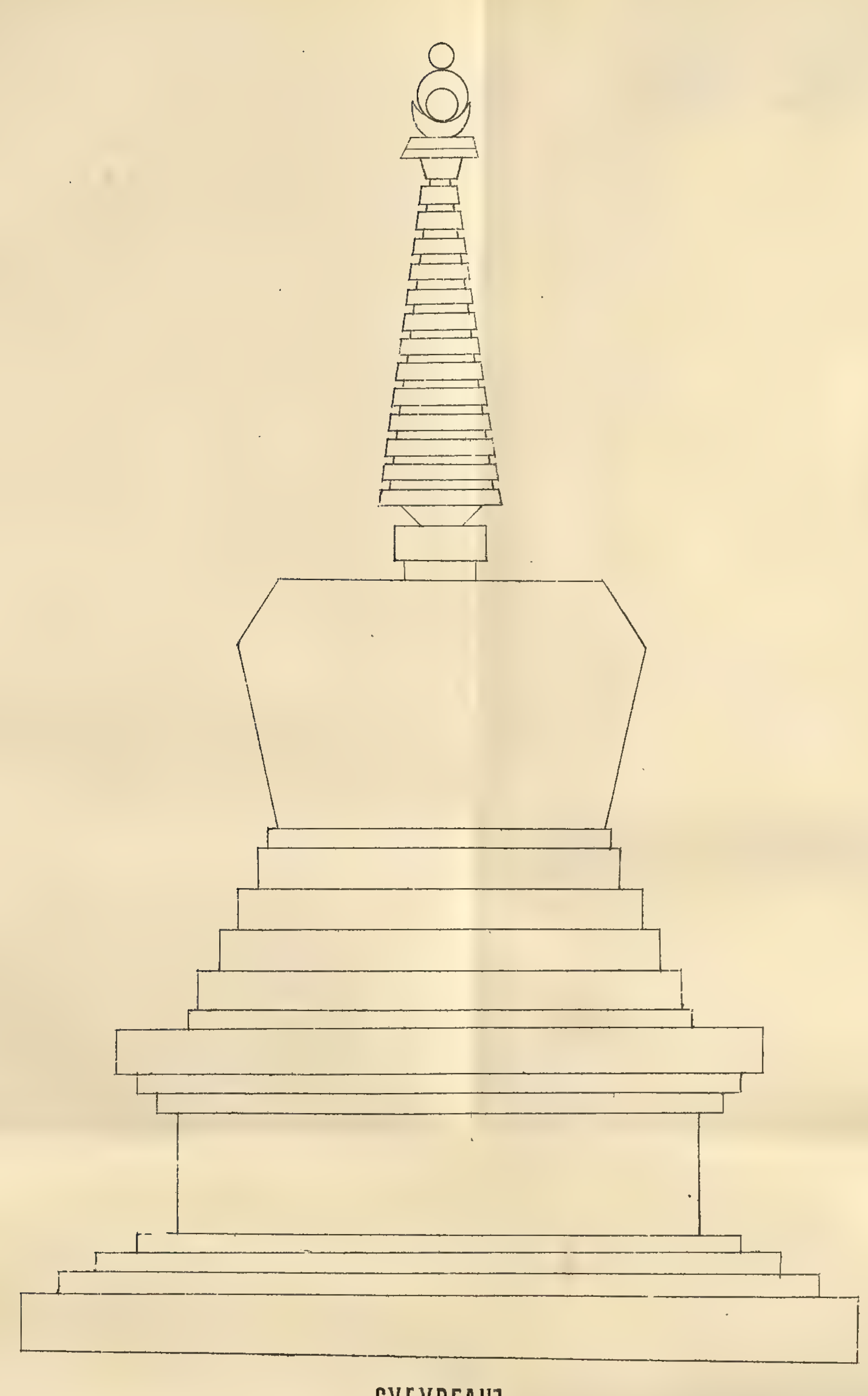
e) [illegible] — «Субурганъ примиренія разошедшихся хувара̀ковъ» — впервые построенный будто бы жителями Рачжагрихи и Магады въ то время, когда будда, въ лѣсу Нома, примирилъ пришедшихъ между собою въ несогласіе хувара̀ковъ (духовныхъ лицъ).

f) [illegible] — «Субурганъ чудотворныхъ превращеній», — воздвигнутый якобы обитателями Шравасты въ то время, когда будда въ лѣсу Зада укротилъ дерзкія притязанія представителей различныхъ еретическихъ ученій.

g) [illegible] «Субурганъ всесовершенной побѣды» — воздвигнутый обитателями города Вайсали въ то время, когда будда благословилъ и укрѣпилъ свое физическое существо для дѣятельности на благо одушевленныхъ существъ.

h) [illegible] — «Субурганъ нисхожденія съ неба» воздвигнутый обитателями города Вайсали въ память того событія, что будда низпустился на землю изъ царства тенгріевъ.

i) [illegible] — Субурганъ,



СУБУРГАНЪ.

Съ не меньшимъ почтеніемъ относятся монголо-буддисты и къ почитанію такъ называемыхъ «Эцзэн'ӱ сӱльдэ», — особаго рода императорскихъ дощечекъ, составляющихъ исключительную принадлежность императорскихъ кумирень. «Эцзэн'ӱ сӱльдэ» по внѣшнему виду представляетъ продолговатую дощечку, въ аршинъ длиною и вершковъ въ 10 ширины. Дощечка всегда бываетъ окрашена въ синюю краску и обдѣлана золоченую и украшенную рѣзнымъ золотымъ бордюромъ рамку. Посреди ея золочеными китайскими іероглифами начертывается слѣдующее изрѣченіе: «хуанъ-ди вань суй, вань суй, вань вань суй», что по буквальному переводу значитъ: «Императоръ (да живетъ) десять тысячъ лѣтъ, десять тысячъ лѣтъ, десять тысячъ десятковъ тысячъ лѣтъ». Въ императорскихъ кумирняхъ Эцзэн'ӱ сӱльдэ обыкновенно поставляется на жертвенникъ впереди главнаго бурхана и передъ нимъ, какъ необходимая принадлежность, ставится двѣ китайскихъ свѣчи. Свѣчи эти собственно сальныя, но обливаются тонкимъ слоемъ воска, вслѣдствіе чего онѣ не текутъ. Воскъ окрашивается въ красную краску и разрисовывается изображеніями золотыхъ цвѣтовъ и китайскихъ іероглифовъ. Свѣтильня въ таковыхъ свѣчахъ дѣлается обыкновенно изъ стеблей кунжутнаго дерева, обвитыхъ ватою, а иногда какимъ то тонкимъ хлопкомъ, который, по удостовѣренію китайцевъ, составляетъ сердцевину растенія изъ породы бузины. Нижняя часть такой свѣтильни саломъ не покрывается и служитъ ножкой, при посредствѣ которой свѣчу утверждаютъ на подсвѣчникѣ. Съ этою цѣлью и подсвѣчники устраиваются у китайцевъ въ родѣ нашихъ параффитокъ, т. е. съ выдающимся стержнемъ, на который втыкается свѣча. Помимо этихъ свѣчъ передъ «эцзэн'ӱ сӱльдэ» иногда ставятся лампады и возжигаются хӱчжи, т. е. благовонныя куренія.

построенный шакъяскимъ царемъ Суддадан'ою въ память возрожденія будды въ человѣческомъ видѣ, которое совершилось въ саду Ломби.

j) [illegible] «Субурганъ проповѣди» построенный индійскимъ царемъ Самбо въ то время, когда будда впервые началъ свою проповѣдь въ городѣ Варанаши.

Что касается рисованныхъ бурхановъ ([illegible], тиб. སྐུ་ཐང), то они обыкновенно развѣшиваются по стѣнамъ храмовъ и бываютъ самой разнообразной величины, начиная отъ двухъ, трехъ саженей до четверти аршина и менѣе. Обыкновенная форма ихъ есть продолговатый четырехугольникъ, матеріаломъ же, на которомъ пишутся храмовые рисунки бурхановъ, въ большинствѣ случаевъ является или полотно, или же льняная холстина. Краски разводятся на рыбьемъ клеѣ и растираются стеклянным шаромъ, съ придѣланной къ нему деревянной рукояткой. Холстъ крѣпко натягиваютъ на деревянную раму и потомъ накладываютъ на него грунтъ изъ мѣлу. Когда грунтъ высохнетъ, разогрѣваютъ рыбій клей и намазываютъ имъ обѣ стороны полотна, а когда и клей высохнетъ, тогда полотно полируется волчьимъ или кабаньимъ зубомъ. Живопись, почти исключительно акварель, является здѣсь въ однихъ только обрисахъ, безъ тѣней, но всегда отличается рѣзкими контрастами цвѣтовъ, и блещетъ необыкновенною яркостью красокъ. Говорятъ, что монгольскіе художники для приданія большей яркости краскамъ подкладываютъ въ нихъ коровью желчь, но мнѣ лично не приходилось наблюдать этого. Рисунокъ, приготовленный на полотнѣ, обшивается за симъ каймами изъ шелковой матеріи, а сверху и снизу къ нему прикрѣпляются деревянныя скалки. Въ этомъ видѣ онъ во 1-хъ можетъ быть совершенно безъ поломки, свернутъ въ одну трубку, а во 2-хъ повѣшенный на стѣнѣ храма виситъ ровно и не заворачивается кверху.

Содержаніе рисунковъ, развѣшиваемыхъ въ храмахъ, составляютъ прежде всего отдѣльныя изображенія буддъ и бодисатвъ, при чемъ послѣдніе, по своимъ внѣшнимъ формамъ ни чѣмъ не разнятся и отъ своихъ литыхъ изображеній. Особенность рисунковъ бурхановъ составляетъ то, что на верхнихъ двухъ углахъ каждаго рисунка пишется изображеніе солнца и луны. Самая фигура бурхана всегда обводится кругомъ, иногда окрашиваемымъ въ синюю краску и испещреннымъ золотыми лучами, исходящими отъ тѣла бурхана. Эти лучи уже легко даютъ понять, что кругъ, всегда изображаемый на рисункахъ амурлингуй бурхановъ и бла-

женныхъ ламъ, вѣроучителей буддизма, знаменуетъ собою сіяніе, исходящее изъ ихъ тѣла, почему и называется онъ гэрэ̀ль (сіяніе). У всѣхъ амурлингўй бурхановъ помимо этого круга, обнимающаго изображеніе, рисуется еще особый кругъ, обрамливающій только лицо бурхана. Этотъ послѣдній кругъ, называемый «солонгò» (ᠰᠣᠯᠣᠩᠭ᠎ᠠ), знаменуетъ собою радугу, по вѣрованію буддистовъ, всегда распространяющуюся надъ головою буддъ въ моменты ихъ прославленія. Изображенія докши̇товъ не имѣютъ у себя ни сіянія вокругъ тѣла, ни радуги вокругъ головы; но взамѣнъ сего докши̇ты изображаются окруженными пламенемъ, по толкованію, пожигающимъ всѣ препятствія ко спасенію.

Кромѣ изображенія буддъ, бодисàтвъ и разнаго рода священныхъ, мифическихъ животныхъ буддизма (драконы, птица гàриди и проч.) въ развѣшенныхъ храмовыхъ рисункахъ можно не рѣдко встрѣтить изображенія, заимствованныя изъ исторіи буддизма. Такова напримѣръ картина, носящая названіе «Бурхàнъ-бакшi̇йнъ арбàнъ-хоя̀ръ цзŏхōлъ» или двѣнадцати явленій изъ жизни Шигэмўнія. Рисунокъ этотъ имѣетъ въ своей срединѣ обыкновенное изображеніе Шигэмўнія, по краямъ же его располагаются изображенія изъ жизни Шигэмўнія въ слѣдующемъ порядкѣ:

На самомъ верху рисунка изображено (№ 1-й) нѣчто въ родѣ представленнаго въ разрѣзѣ буддійскаго храма, въ срединѣ котораго возсѣдаетъ желтолицый бурханъ Мàйдари. Это область Туши̇та [1]), въ которой Шигэмўни, намѣреваясь спуститься на землю, оставилъ намѣстникомъ Мàйдари, увѣнчавъ его священною тіарой. Подъ этимъ изображеніемъ видите вы (№ 2-й) фигурку бѣлаго слона, по толкованію — священнаго, отличительную особенность котораго составляетъ то, что на спинѣ у него есть при-

---

1) Туши̇тъ, (санскр. Тушита, монгол. Тэгўсъ баясхулантў ордòнъ) т. е. область совершенной радости, — названіе небесной страны, принадлежащей къ третьей области органическаго міра, въ которой имѣютъ свое мѣстопребываніе будды до воплощенія въ человѣка и гдѣ преподаютъ они тэнгріямъ (= небожителямъ) свое ученіе о вѣрѣ. По вѣрованіямъ буддистовъ, Шигэмўни, низпустившись на землю, оставилъ въ области Туши̇та намѣстникомъ своего ученія Мàйдари.

родное изображеніе чиндамàни [1]). Этотъ слонъ есть первое превращеніе Шигэмỳни, который, какъ извѣстно, низпустился съ неба на землю, принявъ на себя видъ бѣлаго слона. Въ дальнѣйшемъ рисунокъ является нѣсколько непослѣдовательнымъ (хотя, замѣтимъ кстати, эта непослѣдовательность была обща для всѣхъ тѣхъ экземпляровъ, которые намъ случалось когда либо видѣть) и для продолженія событій изъ жизни Шигэмỳнія въ ихъ хронологическомъ порядкѣ, намъ нужно обратиться къ отдѣлу № 5-й. Здѣсь изображено дерево̀, на вѣтвь котораго опершись правою рукою, стоитъ женщина, а нѣсколько ниже ея мужчина, держащій въ рукахъ кусокъ бѣлаго полотна, на которомъ покоится ребенокъ. Этотъ рисỳнокъ изображаетъ собою рожденіе Шигэмỳнія, который, по легендамъ, спустившись съ неба въ видѣ бѣлаго слона, вошелъ въ утробу царицы Махамàи и черезъ десять мѣсяцевъ послѣ сего родился изъ подъ правой мышки ея въ то время, какъ она прогуливалась въ саду Лòмби. При этомъ событіи немедленно же явился Хормустà тэнгри, который принялъ чудесно появившагося младенца въ бѣлое полотно. На ряду съ этимъ рисункомъ изображается (№ 6-й) шесть бѣлыхъ цвѣтковъ и на седьмомъ изъ нихъ стоитъ фигура Шигэмỳнія уже въ его взросломъ и прославленномъ видѣ. Это означаетъ тотъ фактъ, что Шигэмỳни, родившись, тотчасъ же сдѣлалъ семь шаговъ, при чемъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ ступилъ своею ногою, выросло по одному бѣлому лотусу (пàдма). Выше этого рисунка видится (№ 3-й) опять таки изображенный въ разрѣзѣ буддійскій храмъ, но въ данномъ случаѣ онъ изображаетъ собою дворецъ Арю̄нъ идэ̄нъ хàна, (санск. çuddhôdana) т. е. отца Шигэмỳнія. Храмъ представляется раздѣленнымъ на двѣ комнаты и въ одной изъ нихъ сидитъ женщина, держа въ рукахъ ребенка, а въ другой—вы видите постель, на которой лежитъ женщина,—въ ногахъ ея по одну сторону сидитъ мужчина въ царской тіарѣ, а по другую—юноша, въ почтительной (т. е. согбенной) позѣ. Оба эти рисунка долженствуютъ

---

1) Чиндамани—мифическій камень, представляющій собою драгоцѣнность способную удовлетворить всѣ пожеланія.

БУРХА̀НЪ БАКШІЙНЪ АРБА̀НЪ ХОЯ̀РЪ ЦЗОХО̄ЛЪ.

знаменовать собою воспитаніе Шигэмўнія въ домѣ родителей, а именно: первый изъ нихъ его воспитаніе во младенчествѣ, а второй — въ періодъ отрочества. Сюда должно причислить рисунокъ (№ 4), на которомъ тотъ же юноша Шигэмўни представляется сидящимъ въ царскихъ носилкахъ, везомыхъ парою бѣлыхъ лошадей и окруженнымъ нѣсколькими слугами. Это прогулки Шигэмўнія, которыя предпринималъ онъ, живя въ домѣ своихъ родителей. Далѣе въ послѣдовательномъ порядкѣ является нѣсколько небольшихъ рисунковъ, долженствующихъ изображать обученіе Шигэмўнія. Первые два изъ этихъ рисунковъ (№№ 7, 8) одинаково представляютъ Шигэмўнія, сидящимъ въ обществѣ старцевъ и держащимъ въ рукахъ книгу, — это обученіе грамотѣ, математикѣ и медицинѣ. Далѣе слѣдуетъ рисунокъ (№ 9), изображающій Шигэмўнія, сидящимъ на слонѣ, — это обученіе верховой ѣздѣ. Еще далѣе изображается (№ 10) семь насквозь пронизанныхъ стрѣлою деревьевъ, передъ которыми стоитъ Шигэмўни, держа въ рукахъ лукъ, — это обученіе стрѣльбѣ изъ лука, при чемъ Шигэмўни, прострѣливъ семь деревьевъ, впервые показалъ свою сверхъестественную силу, проявившуюся еще впослѣдствіи въ укрощеніе слоновъ, въ борьбѣ со сверстниками и въ играхъ. Все это также точно имѣетъ свое мѣсто на рисункѣ. Такимъ образомъ на ряду съ прострѣленными деревьями мы видимъ (№ 11) Шигэмўнія, стоящимъ посреди лежащихъ на землѣ и побѣжденныхъ имъ товарищей; еще далѣе (№ 12) виднѣется изображеніе летящаго вверхъ слона, котораго, по толкованіямъ, Шигэмўни, играя, подбросилъ къ небу однимъ большимъ пальцемъ своей ноги. Рисунокъ (№ 13) изображаетъ снова дворецъ, въ которомъ можно видѣть, что Шигэмўни сидитъ рядомъ съ своею женою, а передъ ними въ почтительныхъ позахъ стоятъ ихъ домочадцы (иногда къ этому прибавляется еще столъ, наполненный плодами и яствами): по толкованію это означаетъ чисто райскую жизнь, которую проводилъ Шигэмўни въ своемъ царственномъ дворцѣ. За симъ Шигэмўни является изображеннымъ на крыльцѣ того же дворца и созерцающимъ четыре основныхъ мученія въ мірѣ, а именно: рожденіе, смерть, болѣзнь

и старость. Олицетвореніе этихъ мученій на рисункѣ представляется въ томъ, что передъ крыльцемъ дворца Шигэмӯнія изображенъ (№ 14) человѣкъ, несущій за спиною какой то тюкъ; по толкованію, это завернутый въ кожу трупъ ребенка (такъ будто бы хоронили въ древности). Рядомъ съ этимъ пѣшеходомъ (№ 15) лежитъ еще человѣкъ, у котораго лама щупаетъ пульсъ, — это конечно знаменованіе болѣзни. Еще далѣе (№ 16) представляется фигура согбеннаго старца. Рожденіе на рисункѣ не изображается, но въ взамѣнъ сего представляется (№ 17) фигура ламы, отъ котораго, по толкованію, Шигэмӯни получилъ наставленіе о необходимости оставить этотъ міръ, полный страданій и искать успокоенія духа въ принятіи духовнаго званія. Шигэмӯни, рѣшившись послѣдовать совѣту ламы, ночью, въ сопровожденіи своего вѣрнаго слуги, тайкомъ, убѣжалъ изъ дому и событіе это изображается на рисункѣ (№ 18) въ видѣ фигуры Шигэмӯнія, ѣдущаго на бѣлой лошади со своимъ слугою къ рѣкѣ Нараньчжана, гдѣ онъ остановился у бѣлаго субургана и, объявивъ слугѣ свое намѣреніе, поручилъ ему возвратиться домой. Вслѣдъ за симъ онъ собственноручно обрѣзалъ свою косу и такимъ образомъ принялъ священные обѣты. На рисункѣ (№ 19) видно изображеніе Шигэмӯнія сидѣвшаго у бѣлаго субургана; лѣвою рукою онъ держитъ свою косу, а правою намѣревается отрѣзать ее большою сѣкирой. Передъ нимъ на колѣнахъ стоитъ Хормустà-тенгрѝ и подаетъ ему монашескія одежды. Слуга, видѣвшій совершившіяся обстоятельства, долженъ былъ возвратиться домой: на рисункѣ (№ 20) онъ изображается плачущимъ и правою рукою закрывшимъ свои глаза, а лѣвою держащимъ лошадь; лошадь въ свою очередь изображается обернувшеюся назадъ и смотрящею на святаго отшельника. По принятіи духовнаго званія, Шигэмӯни удалился на берега рѣки Нараньчжана и здѣсь въ теченіе шести лѣтъ просидѣлъ въ глубокомъ созерцаніи; на рисункѣ (№ 21) это состояніе образно выражается въ изображеніи сидящаго Шигэмӯнія, котораго два маленькіе ребенка толкаютъ пальцами. По толкованію, Шигэмӯни такъ глубоко погрузился въ діяну (= созерцаніе) и сидѣлъ такъ непо-

движно, что дѣти не могли даже узнать, живой ли это человѣкъ, или мертвый. Слава объ отшельникѣ однако скоро распространилась, почему нѣкоторыя благочестивыя женщины захотѣли принести ему въ даръ пищу. На рисункѣ (№ 22) по этому поводу изображаются женщины, изъ которыхъ одна гонитъ коровъ, а другая кипятитъ молоко на таганѣ. Далѣе слѣдуетъ картина искушеній Шигэмӯнія: къ нему явились три прекрасныхъ дѣвицы съ цѣлью соблазнить духъ его нечистою похотью; но Шигэмӯни превратилъ ихъ въ дряхлыхъ старухъ. Согласно этого сказанія на рисункѣ (№ 23) изображается сидящій въ діянѣ Шигэмӯни, при чемъ по одну сторону его стоятъ три дѣвицы, а по другую изображаются три согбенныя и плачущія старухи. Окончивъ діяну и перенесши всѣ искушенія, Шигэмӯни достигъ состоянія будды. На рисункѣ (№ 24) это отмѣчается только тѣмъ, что Шигэмуни, нарисованный въ своей обыкновенной формѣ, имѣетъ вокругъ своей головы кругъ — солонгȯ и гэрȯль вокругъ всего тѣла. Далѣе на отдѣльныхъ рисункахъ изображается поднесеніе жертвъ Шигэмӯнію. Такимъ образомъ рисунокъ (№ 25) изображаетъ поднесеніе четырьмя Махарȧчжами Шигэмӯнію бȧдры, т. е. монашеской чашки; (№ 26) поднесеніе Эсруȧ-тэнгріемъ хӯрдэ; (№ 27) поднесеніе Хормустȧ-тэнгріемъ мȧндала. Всѣ эти рисунки одинаково представляютъ Шигэмӯнія сидящимъ въ позѣ бурхана, при чемъ ему колѣнопреклоненно подается извѣстнымъ лицемъ тотъ или другой предметъ. Дальнѣйшій рисунокъ (№ 28) изображаетъ проповѣдническую дѣятельность Шигэмӯнія. Передъ сидящимъ Шигэмӯніемъ стоитъ хӯрдэ, по сторонамъ котораго двѣ колѣнопреклоненныя газели, вокругъ же самаго Шигэмӯнія изображается народъ, слушающій его проповѣдь. Непосредственно за этимъ изображеніемъ дѣятельности Шигэмӯнія слѣдуетъ картина (№ 29) его смерти. Здѣсь снова изображается храмъ въ его разрѣзѣ, посреди храма стоитъ кровать (иногда впрочемъ она изображается и стоящею подъ деревомъ, а иногда и просто въ какомъ то неопредѣленномъ, какъ будто степномъ пространствѣ), на которой лежитъ Шигэмӯни на боку, правую руку подложивъ подъ щеку, а лѣвую протянувъ до колѣнъ. Во-

кругъ одра стоятъ колѣнопреклоненные ученики будды. Вслѣдъ за этимъ изображеніемъ слѣдуетъ рисунокъ (№ 30) бѣлой урны, изъ которой пылаетъ огонь. Это сожженіе тѣла будды, пепелъ отъ котораго былъ потомъ собранъ въ восемь чашъ, чтобы передать ихъ восьми царствамъ. Рисунокъ (№ 31) этихъ восьми чашъ, стоящихъ на тахилыйнъ ширэ̀, заканчиваетъ собою кругъ рисунка «Бурха̀нъ-бакшійнъ арба̀нъ хоя̀ръ цзӧхōлъ».

По этому же примѣру на хӯрӯкахъ нѣкоторыхъ, прославившихся своею дѣятельностію на благо одушевленныхъ существъ и знаменитыхъ въ исторіи ламъ, хутухтъ, хубилгановъ, бодисатвъ и буддъ не рѣдко изображаются событія изъ ихъ жизни. Въ этихъ случаяхъ изображеніе самаго бурхана обыкновенно полагается въ срединѣ, въ увеличенномъ размѣрѣ, рисунки же, изображающіе черты и событія изъ жизни бурхана, полагаются вокругъ его изображенія по краямъ самой картины въ рамкахъ въ родѣ отдѣльныхъ небольшихъ квадратовъ. Этотъ способъ рисованія бурхановъ совершенно подобенъ тому, какъ въ нашей православной церкви рисуются напр. иконы Святителя Николая и проч. Иногда вмѣсто этихъ рисунковъ, изображающихъ событія изъ единичной жизни какого либо единичнаго буддійскаго святителя, въ помянутыхъ квадратахъ по краямъ рисунка помѣщаются изображенія его хубилгановъ, т. е. различные виды, которые принималъ на себя тотъ или другой будда, или бодисатва въ различныхъ своихъ перерожденіяхъ. Въ этой формѣ чаще всего встрѣчаются изображенія богини Дара̀-эхэ̀; (монг. [illegible] тиб. སྒྲོལ་མ་) при чемъ всрединѣ, въ болѣе увеличенномъ размѣрѣ, рисуется изображеніе одного изъ особливо чествуемыхъ въ Монголіи хубилгановъ Дара̀-эхэ̀, а именно или ного̀нъ (зеленой) Дара̀-эхэ̀, или цага̀нъ (бѣлой) Дара̀-эхэ̀, по краямъ же рисунка въ отдѣльныхъ квадратикахъ изображаются остальные двадцат хубилгановъ этой небесной дѣвы [1]). Въ хӯрӯкахъ

1) Дара-эхэ, иначе называемая Дол-ма, на своемъ первомъ перожденіи была извѣстна подъ именемъ Янъ-чжанъ-ма, т. е. «благозвучной дѣвы» и въ то время, ради сохраненія вѣры отъ враговъ и бѣдствій, превратилась въ злую

ЦАГА́НЪ ДАРА́ ЭХЭ̀.

Шигэмунія и другихъ вѣроучителей буддизма, имѣвшихъ у себя особенно много послѣдователей (таковы напр. Наганчжуна, Бромъ-бакши, Цзонхава и др.), замѣчается та особенность, что по краямъ ихъ рисунковъ не рѣдко изображаются въ уменьшенномъ размѣрѣ послѣдователи того или другаго вѣроучителя, при чемъ изображеніе этихъ послѣдователей всегда располагаются систематически. Съ правой стороны рисунка располагаются изображенія ламъ, развивавшихъ теорію того или другаго вѣроученія ([illegible]); а съ лѣвой — ламъ, проводившихъ извѣстную буддійскую теорію въ народную жизнь и собственнымъ примѣ-

---

женщину, истреблявшую всѣхъ, кто такъ или иначе хотѣлъ нанести вредъ буддизму. За такое содѣйствіе благу вѣры въ своемъ послѣдующемъ перерожденіи она явилась спасительною и любвеобильною Дара-эхэ. Она родилась тогда дочерью одного хана, благоговѣвшаго предъ ученіемъ явившагося въ ту пору будды—Кэнгэрэ-дуту и носила имя Ишгэ-дава (=луна высочайшей премудрости). Дѣвушка въ теченіе ста тысячъ билліоновъ лѣтъ чествовала жертвами будду Кэнгэргэ-дуту вмѣстѣ съ его учениками и наконецъ у нее возродилось стремленіе къ святости. Тогда гэлуны всего царства собрались къ ней и въ бесѣдахъ сказали слѣдующее: «Ты утвердилась теперь въ добродѣтели, а потому перемѣни свое женское тѣло на мужское и исполняй дѣла вѣры; если ты въ молитвахъ изложишь такое желаніе, то оно непремѣнно исполнится». Нѣтъ, отвѣчала дѣвушка, въ мірѣ уже было много мужчинъ и желающихъ, и достигшихъ святости — боди; а такъ какъ до сего времени не было еще устрояющихъ благо одушевленныхъ существъ женщинъ, то я останусь женщиной до тѣхъ поръ, пока не сокрушу орчилана, и поклялась въ этомъ. Послѣ сего въ теченіе 100,000 билліоновъ лѣтъ она жила въ своемъ царскомъ дворцѣ и исполняла подвиги созерцанія и постигла діяну, называемую «спасительницею существъ». По силѣ этой діяны, она каждое утро спасала отъ мірскихъ пожеланій по милліону существъ и, не исполнивъ этого, не принимала и утренней пищи, тоже самое дѣлала она и передъ вечернимъ кушаньемъ. Съ этого времени имя ея измѣнилось и она сдѣлалась извѣстною подъ именемъ Дара-эхэ. Всѣ послѣдующіе ея хубилганы, въ отношеніи своей дѣятельности походятъ на свой первообразъ. Хубилгановъ (перерожденій) этихъ считается 21. Монголы и тибетцы особливо чествуютъ изъ нихъ два вида, — ногонъ дара-эхэ и цаганъ дара-эхэ, потому что въ этихъ двухъ своихъ видоизмѣненіяхъ Дара-эхэ явилась женою Сронцзанъ-гамбо хана тибетскаго и распространила буддизмъ въ Тибетѣ. Такъ какъ главнѣйшія сношенія Россіи съ Монголіей начались въ царствованіе Екатерины второй и слава о мудрости ея правленія зашла и въ Монголію, то ламы пріурочили ее къ одному изъ хубилгановъ Дара-эхэ. Названіе русскаго царя «бѣлымъ» дало этому признанію еще большую пищу и опредѣленность; и со временъ Екатерины всѣ русскіе государи почитаются у Монголовъ за хубилгановъ цаганъ дара-эхэ.

ромъ показавшихъ примѣненіе этой теоріи на практикѣ ([illegible]).

По мимо такого изображенія бурхановъ въ каждомъ буддійскомъ храмѣ можно встрѣтить еще особые рисунки, носящіе названіе «хото̀ ма̀ндалъ» (монг. [illegible], тиб. དཀྱིལ་ཁང་ или དཀྱིལ་འཁོར་གྱི་ཁང་ག) и изображающіе собою планы обиталищъ того или другаго бурхана. Смотря по имени бурхана, жилище котораго изображается на планѣ, рисунки эти носятъ различныя наименованія: «Ма̀нлайнъ-хото̀», «Ямандага̀йнъ-хото̀», «Аю̀шійнъ-хото̀» (т. е. обиталище Ма̀нлы, Ямандаги̇, Аю̀ши) и проч. Такъ какъ по своимъ формамъ всѣ эти рисунки жилищъ почти одинаковы, то мы опишемъ болѣе подробно только одинъ изъ нихъ, именно Ма̀нлайнъ-хото̀ и за симъ укажемъ на существеннѣйшія различія, находящіяся въ другихъ рисункахъ этого рода.

Въ самой срединѣ ху̀ру̀ка «Ма̀нлайнъ-хото̀» рисуется кружокъ, въ которомъ изображается небольшой столикъ (ширэ̄), съ лежащею на немъ открытою книгою. Она знаменуетъ собраніе ученія, которое проповѣдалъ будда Шигэму̀ни о Ма̀нлѣ, а равно и вѣщанія самого Ма̀нлы. Вокругъ этой книги въ особомъ кругѣ изображается восемь буддъ ([illegible]), составляющихъ восемь особыхъ перерожденій, или хубилгановъ Ма̀нлы, которые, являясь въ мірѣ, дѣйствовали на благо одушевленныхъ существъ. Этотъ кругъ восьми буддъ составляетъ первое и главнѣйшее отдѣленіе дворца Ма̀нлы: онъ очерчивается первымъ квадратнымъ четырехугольникомъ, изображающимъ собою первый дворъ Ма̀нлы. Здѣсь обитаютъ 16 бодиса̀твъ, которые достигли своего высокаго званія, шествуя по пути ученія Ма̀нлы. За симъ слѣдуетъ второй, еще бо̀льшій квадратный четырехугольникъ, знаменующій собою второй дворъ Ма̀нлы: здѣсь живутъ во 1-хъ двѣнадцать но-чжинъ, т. е. существъ, спасшихся слѣдуя по пути Манлы, а во 2-хъ десять чойчжинъ (монг. [illegible], тиб. ཆོས་སྐྱོང), которые охраняютъ десять странъ свѣта и суть хубилганы Махага̂лы (монг. [illegible], санск. Ма-

hâkâla, тиб. མགོན་པོ་),—генія хранителя ученія Мàнлы. Въ четырехугольникѣ этого же двора помѣщаются и два сòй-бун'а (བསྙེ་དཔོན), т. е. прислужника Манлы — Нимà-даръ и Давà-даръ. Въ слѣдующемъ за симъ, третьемъ дворѣ располагаются по два на каждой сторонѣ четырехугольника, а всего восемь озеръ, усѣянныхъ цвѣтами падма; по бокамъ же каждаго озера находится по одному дереву. Это восемь озеръ и 16 деревьевъ, которые чудотворною силою произвелъ Мàнла. Въ этомъ третьемъ дворѣ обитаютъ четыре Махарацза (монг. [monguolian script], санск. mahâradja), почитаемые вообще геніями хранителями буддійскаго ученія. Въ четырехъ стѣнахъ этого двора рисуется четверо воротъ, которые ведутъ въ жилище Мàнлы.

Хотò другихъ бурхановъ по своей формѣ вообще подобны хотò Мàнлы, но отличаются отъ него во 1-хъ тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ среднемъ кругѣ полагается не книга, а какая нибудь другая принадлежность буддизма; во 2-хъ числомъ изображаемыхъ бурхановъ, что обусловливается количествомъ хубилгановъ того бурхана, жилище котораго изображается и въ 3-хъ тѣмъ, что не на каждомъ изъ рисунковъ хотò изображаются озера и деревья.

Къ числу изображеній бурхановъ монголы относятъ также и встрѣчающіяся съ недавняго времени въ халхаскихъ храмахъ картины съ изображеніемъ отдѣльныхъ частей будды; таково изображеніе стопы Шигэмỳнія, которое лѣтъ пятьнадцать тому назадъ начали распространять по Монголіи и у нашихъ бурятъ ламы Брайбунгскаго монастыря изъ Тибета.

Помимо изображеній бурхановъ въ монгольскихъ кумирняхъ встрѣчаются еще и картины религіозно-нравственнаго содержанія и изъ числа ихъ первое мѣсто занимаетъ рисунокъ такъ называемаго «сансарыйнъ хỳрдэ» (монг. [mongolian script], тибет. སྲིད་པའི་འཁོར་ལོ), что по буквальному переводу значитъ — колесо міра. Въ этомъ рисункѣ вкратцѣ и образно изложено все нравственное ученіе буддизма съ показаніемъ ученія о возмездіи за дѣла. Происхожденію этого рисунка буддисты приписываютъ

глубокую древность и относятъ его ко временамъ самаго будды Шигэму̀нія. Извѣстно, что одинъ изъ старѣйшихъ учениковъ Шигэму̀нія — Мутгальва̀ни, (Mônġalyana. монг. [illegible] [illegible] или [illegible] [illegible] [illegible]) или, какъ обыкновенно называютъ его монголы, — Моло̀нъ то̀йнъ, занятый дѣломъ спасенія своей матери, постепенно посѣщалъ всѣ царства міра, въ которыхъ возраждалась его мать. Такимъ образомъ онъ побывалъ во всѣхъ двадцати отдѣленіяхъ ада, былъ въ царствѣ бири̇товъ, наблюдалъ царство животныхъ и людей, посѣтилъ царства асу̇ріевъ и тэ̀нгріевъ; вмѣстѣ съ нимъ въ тѣ же царства міра отправлялся и Шарипу̇тра (Çâriputtra), — первый изъ учениковъ будды. Когда дѣло спасенія матери Мутгальва̀нія было окончено, оба ученика явились къ буддѣ и начали разказывать сперва четыремъ своимъ друзьямъ, а потомъ и всѣмъ слушателямъ будды о мученіяхъ, видѣнныхъ ими въ различныхъ царствахъ міра. Будда, желая сохранить этотъ разказъ въ наставленіе вѣрующихъ всѣхъ временъ и народовъ, приказалъ изобразить живописью состояніе всѣхъ царствъ, видѣнныхъ его учениками и рисунокъ этотъ начертать на пяти стороннемъ цилиндрѣ, который и поставить передъ дверями своего дома. Всякій входящій могъ разсматривать рисунокъ, для толкованій же его къ цилиндру былъ приставляемъ одинъ изъ учениковъ будды. Впослѣдствіи ученики будды также точно рисовали эту картину всегда на пяти-стороннемъ цилиндрѣ и ввели въ обычай ставить этотъ цилиндръ передъ дверями храмовъ. Каждое изъ шести царствъ занимало собою отдѣльную сторону цилиндра и только царства тэ̀нгріевъ и асу̇ріевъ рисовались вмѣстѣ, т. е. на одной сторонѣ цилиндра. Такъ какъ содержаніемъ рисунка было изображеніе только матеріальнаго міра — санса̀ры, а рисовался онъ на пятистороннемъ цилиндрѣ — ху̇рдэ, то за нимъ и утвердилось названіе — сансары̇йнъ ху̇рдэ. Сансары̇йнъ ху̇рдэ также точно какъ и ма̀нийнъ ху̇рдэ дѣлалось вращающимся на оси, такъ что зритель, просмотрѣвъ одну сторону цилиндра, могъ, не сходя съ мѣста, повернуть его и разсматривать рисунокъ, изображенный на другой сторонѣ. Говорятъ, что въ нѣкоторыхъ монастыряхъ Тибета, сансары̇йнъ ху̇рдэ въ

этой формѣ и донынѣ ставится передъ дверями храмовъ, но въ Монголіи я всегда находилъ его въ видѣ картины, рисованной на полотнѣ и при томъ въ составъ этого рисунка помимо изображеній отдѣльныхъ царствъ міра привзошли еще и другія составныя части.

Такимъ образомъ видѣнные мною въ Монголіи рисунки сансары̆йнъ хӯрдэ представляли собою уже не одинъ кругъ съ изображеніемъ отдѣльныхъ царствъ, или областей санса̂ры, а три круга послѣдовательно заключенныхъ одинъ въ другой. Въ центральномъ изъ этихъ круговъ полагается изображеніе свиньи, змѣи и курицы, какъ эмблематическое выраженіе трехъ золъ (ᠭᠤᠷᠪᠠᠨ ᠬᠣᠣᠷ), присущихъ духовной природѣ человѣка и служащихъ основою для всякаго рода грѣховной дѣятельности. Извѣстно, что причиною всевозможныхъ пороковъ, по буддизму, почитаются невѣжество, гнѣвъ и сладострастіе; такимъ образомъ свинья является здѣсь эмблемою невѣжества, змѣя — эмблемою гнѣва, а курица — эмблемою сладострастія. Второй кругъ, заключающій въ себѣ собственно изображеніе шести царствъ матеріальнаго міра раздѣляется четырьмя радіусами на пять отдѣленій и въ каждомъ изъ этихъ отдѣленій является рисунокъ отдѣльнаго царства.

Въ самомъ низу полагается царство ада. (монг. ᠲᠠᠮᠤ, санскр. táma, тиб. དམྱལ་བ་. Отдѣльными чертами царство это раздѣляется на двадцать клѣточекъ, изъ которыхъ въ первой и самой верхней изображается жилище Эрли̂къ-ха̂на, (санскр. Yama, тиб. གཤིན་རྗེའི་རྒྱལ་པོ་) т. е. блюстителя ада. Самъ Эрли̂къ-ха̂нъ представляется здѣсь сидящимъ на престолѣ и производящимъ судъ надъ явившеюся къ нему душою человѣка. Онъ держитъ въ рукахъ своихъ зеркало (толи̂), въ которомъ всегда отражаются какъ добрыя, такъ и дурныя дѣянія каждаго человѣка. Такимъ образомъ, посмотрѣвъ въ это зеркало, Эрли̂къ-ха̂нъ всегда имѣетъ возможность знать истину о дѣятельности всякаго, явившагося на судъ его. Не смотря на то, онъ заставляетъ каждую, представшую предъ него душу человѣка разказывать о своей оконченной жизни и о своихъ

поступкахъ. Такъ какъ человѣкъ, явившись на судъ Эрлйка, можетъ позабыть нѣкоторые изъ сдѣланныхъ имъ грѣховъ и добродѣтелей, то поэтому вмѣстѣ съ нимъ являются на судъ еще и родившіеся вмѣстѣ съ нимъ добрый и злой геніи. Эти геніи, сопутствуя человѣку на всѣхъ путяхъ его жизни, собираютъ, каждый по своей спеціальности, одинъ добродѣтельныя, а другой грѣховныя дѣла. На картинѣ изображается именно тотъ моментъ, когда представшая предъ Эрлйкъ-хāна душа человѣка разказываетъ ему свою прошлую жизнь. Душа изображается въ видѣ маленькаго человѣчка, стоящаго передъ Эрлйкъ-хāномъ на колѣнахъ; по бокамъ ея стоятъ геніи, изъ которыхъ одинъ сыплетъ изъ мѣшка бѣлые кружки, а другой — черные, — это конечно олицетвореніе добрыхъ и злыхъ дѣяній. Царство это служитъ, повидимому, и первымъ отдѣленіемъ ада. Остальныя девятьнадцать клѣтокъ заняты изображеніемъ девятьнадцати различныхъ отдѣленій ада: девять изъ этихъ отдѣленій представляютъ такъ называемые горячіе ады ([illegible]) и десять — холодные ([illegible]). Высшее отдѣленіе изъ числа первыхъ, т. е. горячихъ адовъ, называется «адомъ постоянно исцѣляющихся» ([illegible]): мученіе грѣшниковъ состоитъ здѣсь въ томъ, что черти прокалываютъ ихъ пиками, а грѣшники не только не умираютъ отъ этого, но исцѣляются отъ нанесенной имъ раны тотчасъ же послѣ того, какъ вынута пика и исцѣляются опять таки для того, чтобы снова терпѣть тоже страданіе. Второе отдѣленіе есть такъ называемый «адъ черныхъ линій» ([illegible]). Мученіе грѣшниковъ состоитъ здѣсь въ томъ, что черти распиливаютъ ихъ тѣло, или же вколачиваютъ въ него гвозди по чернымъ линіямъ, начертаннымъ на тѣлѣ мучащихся. Въ третьемъ отдѣленіи ада — «адъ распадающихся» ([illegible]), въ четвертомъ — «адъ тихо плачущихъ» ([illegible]), въ пятомъ — «адъ громко плачущихъ» ([illegible]), въ шестомъ — «горячій адъ» ([illegible]), въ седьмомъ — «очень горячій адъ» ([illegible]), и въ восьмомъ — «адъ страш-

ный, въ которомъ не знаютъ успокоенія ([illegible]) — разобрать по рисунку страданій грѣшниковъ уже невозможно. Все, что наблюдается здѣсь это, — огненные языки, изображаемые въ видѣ отдѣльныхъ красныхъ полосъ, между которыми тамъ и сямъ видны различныя части человѣческаго тѣла, и въ которыхъ слѣдовательно жгутъ и жарятъ грѣшниковъ. Наконецъ девятый адъ, называемый ([illegible]) является болѣе опредѣленнымъ: здѣсь видно, что мученіе грѣшниковъ состоитъ въ томъ, что они бѣгаютъ по мечамъ, ножамъ, гвоздямъ и тому подобнымъ острымъ орудіямъ и такимъ образомъ естественно наносятъ себѣ раны этими орудіями; нѣкоторые изъ грѣшниковъ при этомъ падаютъ, отчего опять таки прокалываются мечами. Холодные ады, въ противуположность горячимъ, изображаются краскою блѣдно-голубаго цвѣта, что, по толкованію, должно означать холодную воду и ледъ. Въ первыхъ девяти отдѣленіяхъ этихъ адовъ, называемыхъ: α) холодный адъ ([illegible]), β) адъ накожныхъ прыщей, ([illegible]), γ) адъ лопающихся (прорывающихся) накожныхъ прыщей ([illegible]), δ) адъ кричащихъ: татай! татай! ([illegible]), ε) адъ кричащихъ: ай, халай, хохой! ([illegible]), ζ) адъ скрежещущихъ зубами, ([illegible]), η) адъ, въ которомъ грѣшники разсыпаются какъ цвѣтокъ утбала ([illegible]), ϑ) адъ, въ которомъ грѣшники разсыпаются какъ лотусъ ([illegible]) и ι) адъ, въ которомъ грѣшники сильно разсыпаются какъ лотусъ ([illegible]), — какъ и въ послѣднихъ пяти горячихъ адахъ опредѣлить мученія грѣшниковъ невозможно; что же касается послѣдняго холоднаго ада, называемаго ближайшимъ адомъ ([illegible]), то въ немъ мученія грѣшниковъ выражаются въ сажаніи на колъ, вколачиваніи въ тѣло гвоздей, раздираніемъ тѣла на части и проч.

Къ верху отъ областей ада въ особомъ отдѣленіи круга, расположенномъ на правой сторонѣ рисунка помѣщается изобра-

женіе царства бирітовъ. ([illegible], санскр. prêta, тиб. ཡི་དྭགས). Это также область страданія. На рисункѣ представлено нѣсколько обнаженныхъ человѣческихъ фигуръ. Формы ихъ показываютъ страшную худобу тѣла, голова непомѣрно развита, а шея наоборотъ представляется очень тонкою. У каждаго изъ нихъ открытъ ротъ, причемъ у нѣкоторыхъ изо рта пышетъ ярко-красное пламя. По толкованію, страданія бирітовъ состоятъ въ томъ, что они постоянно ощущаютъ страшный голодъ и отсюда внѣшняя худоба ихъ тѣла. Стремясь утолить свой голодъ, біриты постоянно отыскиваютъ пищу, но къ принятію ея у нихъ являются какъ внутреннія, такъ и внѣшнія препятствія. Отсюда возникаетъ дѣленіе бирітовъ на два отдѣла: біриты съ внутренними (субъективными, въ нихъ самихъ находящимися) препятствіями ([illegible]) и біриты съ внѣшними препятствіями ([illegible]). Къ первому отдѣлу принадлежатъ біриты, которые, нашедши пищу не могутъ принять ее: одни—потому что лишь только поднесутъ ее ко рту, какъ изо рта у нихъ тотчасъ же распространяется огонь, который не только сожигаетъ эту пищу, но и самое ихъ тѣло; другіе — потому что горло ихъ величиною не больше соломинки и слѣдовательно неспособно проглотить куска. Біриты съ внѣшними препятствіями также точно мучатся голодомъ: имъ постоянно кажется, что гдѣ нибудь въ отдаленіи отъ нихъ лежитъ вкусная пища; они бѣгутъ туда, но лишь только приближаются къ лакомому куску, какъ онъ превращается въ огонь, или разнаго рода нечистоты. На рисункахъ изображаются въ большинствѣ случаевъ только эти два рода бирітовъ.

Въ отдѣленіи, противуположномъ царству бирітовъ, т. е. на лѣвой сторонѣ рисунка, представляется царство животныхъ, (монг. [illegible], тибетск. སྦྱོལ་སོང་གི་གནས་). На первомъ планѣ здѣсь являются домашнія животныя, какъ: лошади, быки, овцы, верблюды; далѣе слѣдуютъ полевые, дикіе и хищные звѣри; наконецъ среди голубоватыхъ полосъ, долженствующихъ изображать морскія волны, рисуется цѣлая масса головъ, по толкованію, при-

надлежащихъ безчисленному множеству существъ, обитающихъ подъ водою.

Обращаясь отсюда снова на правую сторону рисунка, въ отдѣленiи, помѣщаемомъ надъ царствомъ бири̂товъ, находимъ царство людей (ᠬᠦᠮᠦᠨ ᠦ ᠣᠷᠣᠨ). На рисункѣ изображаются два дома, въ каждомъ изъ которыхъ сидитъ по одному ламѣ; тутъ же видно зданiе кумирни, изъ котораго ламы выходятъ цѣлою толпою.

На ряду съ царствомъ людей, въ пятомъ и послѣднемъ кругѣ изображаются двѣ области тэ̀нгрiевъ и асўрiевъ. Область тэ̀нгрiевъ (ᠲᠩᠷᠢ, тибетск. ལྷ) расположена на верху. Здѣсь представленъ дворецъ, внутри котораго обитаетъ Хормуста̀, — владыка тэ̀нгрiевъ; ниже дворца въ облакахъ видны изображенiя небесныхъ дѣвъ, а подъ ними тэ̀нгрiи, сражающiеся съ асўрiями. Вся нижняя часть отдѣленiя, долженствующая представить царство асўрiевъ, (ᠠᠰᠤᠷᠢ санскр. asoura, тиб. ལྷ་མིན་) наполнена изображенiемъ человѣческихъ фигуръ, одѣтыхъ въ панцыри и шлемы, — это и есть асўрiи. Вся жизнь этихъ существъ проходитъ въ непрестанной борьбѣ съ тэ̀нгрiями. Рисунокъ представляетъ именно эту борьбу. Асўрiи держатъ въ рукахъ мечи и пики, а тэ̀нгрiи стрѣляютъ въ нихъ очи̂рами.

Таково изображенiе шести областей санса̀ры.

Третiй и послѣднiй кругъ сансарыйнъ хӯрдэ наполненъ символическими изображенiями двѣнадцати Ни̂данъ (тиб. རྟེན་འབྲེལ་ монг. шитўнъ-барилдулга̀), долженствующими напоминать вѣрующимъ основное ученiе буддизма о причинахъ и слѣдствiяхъ, которымъ объясняется по буддизму какъ происхожденiе явленiй мiра матерiальнаго и духовнаго, такъ равно и происхожденiе перерожденiй. Ламы, конечно, увѣряютъ, что ученiе это было проповѣдано самимъ буддою, въ толкованiяхъ же о ни̂данахъ обыкновенно слѣдуютъ не «Пра̀джна-пара̀митѣ», принимающей за исходную точку отправленiя *невѣжество*, а «Лали̂та-ви̂старѣ», толкующей ни̂даны въ обратномъ порядкѣ. Чтобы дать читателямъ болѣе ясное представленiе объ этомъ ученiи, мы сопоста-

вимъ слышанныя нами объясненія ламъ съ изложеніемъ ученія о нйданахъ, находящимся у Бюрнуфа въ его «Introduction à l'histoire du Bouddhisme indien».

Извѣстно, что въ основу всего своего ученія Будда положилъ идею о мученіи, а цѣлью его поставилъ избавленіе отъ всякихъ страданій. Мученія слагаются главнымъ образомъ отъ болѣзни, старости и смерти; чтобы найти средства избавиться отъ нихъ нужно было отыскать ихъ основную причину. Старость и смерть представляютъ собою по буддизму вѣнецъ всякаго зла и страданія. Это первая нйдана, которая образно представляется на рисункѣ въ видѣ согбеннаго старика, едва могущаго стоять и принужденнаго балансировать своими руками, чтобы только не потерять равновѣсія и не упасть. Отыскивая исходную причину старости и смерти, будда въ глубокомъ созерцаніи задался такимъ вопросомъ: «что такое то, что, существуя, даетъ причину старости и смерти (санск. djarâmarana, тиб. кэ-ши, монг. ӱтӱлхӱй, ухӱхӱй) и какая причина старости и смерти? Тогда такая мысль пришла ему на умъ: старость и смерть существуютъ вслѣдствіе *рожденія* (санск. djâti, тиб. к'жэ-ба, монг. тӱрӱхӱй) и имѣютъ своею причиною рожденіе. Это вторая нйдана, для изображенія которой подъ фигурою старика (первой нйданы) наглядно представленъ самый процессъ рожденія. Лежитъ обнаженная и покрытая одѣяломъ женщина, — между ногами ея виденъ ребенокъ.

Потомъ такая мысль пришла на умъ бодисатвѣ: что такое то, что своимъ существованіемъ даетъ мѣсто рожденію и какая причина рожденія? Въ отвѣтъ на это пришла ему на умъ такая мысль: рожденіе существуетъ вслѣдствіе присущихъ всѣмъ существамъ душевныхъ наклонностей, доводящихъ эти существа до инстинктивнаго влеченія къ всему суетному, и заключающемуся въ матеріальномъ мірѣ. Символически это олицетворяется въ фигурѣ курицы, насиживающей свои яйца. Эта третья причина, или нйдана по санскритски называется bhava, а по монг. сансàръ [1]).

---

1) Бюрнуфъ, въ Introduction p. 493—494, толкуетъ терминъ — «бава» не

Потомъ такая мысль пришла на умъ бодисатвѣ: что такое то, что существованіемъ своимъ даетъ мѣсто бытію душевной наклонности и влеченія къ суетному и какая причина этого влеченія? Тогда пришла ему на умъ такая мысль: влеченіе образуется вслѣдствіе принятія и усвоенія (себѣ чего бы то ни было, — желаній, воззрѣній дѣятельности и проч.); влеченіе имѣетъ своею причиною принятіе (санск. upâdâna, тиб. лэн-ба, монг. абхуй). Эта четвертая нидана изображается на рисункѣ подъ видомъ человѣка, собирающаго съ дерева плоды.

Потомъ такая мысль пришла на умъ бодисатвѣ: что такое то, что существованіемъ своимъ даетъ мѣсто бытію принятія, или усвоенія (существомъ чего либо — желанія, воззрѣнія, дѣятельности и пр.) и какая причина принятія? Тогда пришла ему на умъ такая мысль: принятіе существуетъ вслѣдствіе страстнаго *желанія* (не разставаться съ прежде испытаннымъ удовольствіемъ и вообще чѣмъ либо пріятнымъ); принятіе имѣетъ своею причиною страстное желаніе (санскр. trichnâ, тиб. срэ-ба, монг. хурицахуй). Эта пятая нидана олицетворяется на рисункѣ въ видѣ человѣка, пьющаго вино, или, лучше сказать, держащаго стаканъ съ виномъ.

Потомъ такая мысль пришла на умъ бодисатвѣ: что такое то, что, существуя, даетъ мѣсто страстному желанію и какая причина желанія? Тогда такая мысль пришла ему на умъ: желаніе существуетъ вслѣдствіе чувствованія (т. е. способности ощущать удовольствіе или неудовольствіе), — желаніе имѣетъ своею причиною чувствованіе (санскр. vêdanâ, тиб. чжор-ба, монг. мэдэрихуй). Это шестая нидана. На рисункѣ изображается человѣкъ, пораженный стрѣлою въ глазъ и такимъ образомъ дости-

---

согласно съ нашимъ толкованіемъ, которое прослушали мы отъ ламъ и въ настоящемъ случаѣ представляемъ; но, кажется, что представляемое толкованіе ламъ распространено какъ въ Монголіи такъ и въ Тибетѣ. Георги, въ своемъ Alphabetum tibetanum, говоря о ниданахъ располагаетъ ихъ по Праджня парамитѣ и при томъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Повидимому, термину «бава» у него дается толкованіе какъ «Propensio ad malum, sive spiritus, vel genius improbus». Въ общемъ это будетъ до нѣкоторой степени сходно съ понятіями ламъ. См. Alph. tib. 499.

гается цѣль изображенія способности чувствованія съ указаніемъ на высшій изъ органовъ чувствъ.

Потомъ такая мысль пришла на умъ бодисатвѣ: что такое то, что существованіемъ своимъ даетъ мѣсто чувствованію и какая причина чувствованія? Тогда пришла ему на умъ такая мысль: чувствованіе происходитъ вслѣдствіе *соприкосновенія* (съ субъектомъ чувствующимъ внѣшнихъ предметовъ),—соприкосновенія, оставляющаго слѣдъ въ душѣ и служащаго залогомъ для возникновенія желанія повторить ощущеніе; чувствованіе имѣетъ своею причиною соприкосновеніе (санск. sparça, тиб. рэг-ба, монг. хўрўльцэхўй). Это седьмая нидана. На рисункѣ изображаются мужчина и женщина, обнаженные и заключившіе другъ друга въ объятія; словомъ — избранъ фактъ, когда соприкосновеніе должно возбудить высшую степень напряженности чувствованія.

Потомъ такая мысль пришла на умъ бодисатвѣ, что такое то, что своимъ существованіемъ даетъ мѣсто соприкосновенію (внѣшнихъ предметовъ) и какая причина соприкосновенія? Тогда пришла ему на умъ такая мысль: соприкосновеніе существуетъ вслѣдствіе шести чувствъ (порождающихъ и собирающихъ по мелочамъ ([illegible]) матеріалы для нашихъ познаній и нашего мышленія); соприкосновеніе имѣетъ причиною шесть чувствъ (санск. chadâyatana, тиб. с'гжэ-цэ-трунгъ, монг. тўрўнъ тўгэ̄хўй). Это восьмая нидана. Аллегорическое изображеніе ея заключается въ картинкѣ пустаго дома, съ которымъ въ буддизмѣ постоянно сравнивается существо человѣка. Человѣкъ, говорятъ буддисты, это пустой домъ, безъ главы, безъ хозяина, безъ распорядителя; но домъ, занятый ворами, изъ которыхъ каждый дѣйствуетъ въ немъ безпрекословно, по своему особому направленію. Эти воры суть наши чувства, развлекающія духъ и лишающія его возможности сосредоточиться: такимъ образомъ зрѣніе постоянно наслаждается наружностью предметовъ, слухъ внимаетъ звукамъ, обоняніе — запахамъ, вкусъ и осязаніе различнымъ, подлежащимъ имъ ощущеніямъ, между тѣмъ какъ внутреннее чувство (шестое) обращается ко всѣмъ этимъ ощу-

Лит. А. Ильина С. П.Б.

ЦАМЪ

САНСАРЫИНЪ ХӰРДЭ

щеніямъ въ отдѣльности [1]). Такова аллегорія при изображеніи шести чувствъ въ видѣ пустаго дома.

Потомъ такая мысль пришла на умъ бодисатвѣ, что такое то, что существованіемъ своимъ даетъ мѣсто существованію шести чувствъ и какую причину имѣютъ шесть чувствъ? Тогда такая пришла ему мысль: шесть чувствъ существуютъ вслѣдствіе имени и формы (если бы существующее внѣ насъ было безформенно, оно не могло бы быть предметомъ нашего ощущенія и дѣйствовать на наши чувства; если бы оно не имѣло имени, то ничто не напоминало бы о немъ нашему уму; въ этомъ то смыслѣ) шесть чувствъ имѣютъ своею причиною имя и форму (санскр. nâmarûpa, тиб. минъ-танъ-цу, монг. нэрэ̀-ӳнъгэ̀). Это девятая нидана. Аллегорически она изображается на представляемомъ рисункѣ въ видѣ лодки (онгоцо̀), въ которой, по замѣчанію ламъ, должны быть изображены еще сидящими четыре человѣка. Эти четыре человѣка знаменуютъ собою имя, а лодка форму; но какимъ образомъ составилась такая аллегорія, мнѣ узнать не пришлось.

Потомъ такая мысль пришла бодисатвѣ, что такое то, что своимъ существованіемъ даетъ мѣсто имени и формѣ. Тогда такая пришла ему мысль: имя и форма существуютъ вслѣдствіе сознанія, (которое направляется ко всѣмъ предметамъ, распознаетъ ихъ качества, отличаетъ одни предметы отъ другихъ и даетъ имъ имена; такимъ то образомъ) имя и форма имѣютъ своею причиною сознаніе (санск. vidjnâna, тиб. намъ-ба-рэ-шэба, монг. тэйнъ мэдэхӳй). Это десятая нидана. Символическимъ изображеніемъ ея на разсматриваемой картинѣ, какъ и вообще символомъ сознанія, по буддизму, является обезьяна, вслѣдствіе отличительнаго свойства ея перебѣгать отъ одного предмета къ другому.

Потомъ [illegible]я мысль пришла на умъ бодисатвѣ: что такое [illegible] существованіемъ даетъ мѣсто сознанію. Тогда [illegible]

ра[illegible]

[1]) [illegible]дэбъ биликъ барамитъ Л. 82 обор.

такая мысль пришла ему въ голову: сознаніе существуетъ вслѣдствіе дѣятельности (собственно духовной, по которой человѣкъ изучаетъ предметы внѣшняго міра и даетъ наименованія предметамъ своего міра внутренняго); сознаніе имѣетъ своею причиною дѣятельность (санск. samskâra, тиб. б'ду-б'чжэт, монг. хура̀нъ ӱйлэтхӱй). Это одиннадцатая нѝдана. Аллегорическое изображеніе дѣятельности представляется на картинѣ въ видѣ горшечника, окончившаго выдѣлкою три сосуда. Собственно аллегорія здѣсь въ количествѣ сосудовъ, ибо всю дѣятельность человѣческую и всѣ дѣла человѣка буддисты раздѣляютъ на три категоріи: дѣла добродѣтельныя ([illegible]), дѣла грѣховныя ([illegible]) и дѣла непоколебимыя ([illegible]).

Потомъ такая мысль пришла на умъ бодисатвѣ: что такое то, что, существуя, даетъ мѣсто дѣятельности и какая причина дѣятельности? Тогда пришла ему такая мысль: дѣятельность существуетъ вслѣдствіе невѣжества, (по которому человѣкъ не въ состояніи ясно понять и дать истинное направленіе своей жизни и дѣятельности; даетъ цѣну предметамъ міра матеріальнаго, тогда какъ въ сущности они — ничто); такимъ образомъ дѣятельность имѣетъ своею причиною невѣжество (санскр. avidyâ, тиб. ма-ри-г-ба, монг. мунха̀къ). Символическимъ изображеніемъ этой послѣдней двѣнадцатой нѝданы — невѣжества служитъ фигура слѣпой старухи, которая совершенно не знаетъ, куда она идетъ.

Такъ толкуютъ нѝданы и ихъ символическія и аллегорическія изображенія на сансарӹйнъ хӱрдэ монгольскіе ламы. Ясно, что всѣ эти изображенія должны напоминать собою буддистамъ основное ученіе ихъ вѣроучителя о призрачности и не дѣйствительности всего этого міра, въ основѣ нашихъ отношеній къ которому лежитъ невѣжество и результатомъ которыхъ должна являться привязанность къ нему, а отсюда новый рядъ перерожденій и соединеннаго съ ними страданія.

Чтобы закончить описаніе сансарӹйнъ хӱрдэ, мы должны еще сказать, что кругъ его на рисункѣ представляется держимымъ въ зубахъ краснаго мангӱса, —слуги владыки смерти. Ман-

гу̀съ этотъ имѣетъ образъ человѣка, но съ чудовищными формами тѣла, острыми когтями, клыками и пр. Надъ головою его, съ правой стороны изображается кругъ, знаменующій солнце, а нѣсколько далѣе — фигура ламы, которой придается значеніе изображенія ученика Будды, объясняющаго смыслъ сансарьійнъ хўрдэ.

Наконецъ въ кумирняхъ можно встрѣчать и рисунки съ изображеніемъ буддійскихъ святынь, таковы изображенія У-тай-ша̀н'я и Хлассы. У-тай-ша̀нь, какъ извѣстно, есть названіе горы, находящейся въ Китайской провинціи Шань-си и почитаемой буддистами за постоянное мѣстопребываніе Маньчжу̀шри. Хласса, тибетскій городъ — монастырь, служащій резиденціею Далай ламы — первосвященника желтаго ученія. Оба эти рисунка представляютъ собою самый примитивный способъ живописи. У-тай-шань является въ видѣ отдѣльно возвышающихся пяти горныхъ пиковъ, на которыхъ по мѣстамъ разбросаны группы деревьевъ, — это лѣса; въ другихъ мѣстахъ изображаются маленькія подобія пещеръ и въ каждой изъ нихъ непремѣнно сидитъ въ молитвенной позѣ по одному ламѣ, — это должно знаменовать ламъ - отшельниковъ и созерцателей; наконецъ по мѣстамъ разбросаны здѣсь изображенія буддійскихъ кумиренъ, — это обозначаетъ монастыри. Въ изображеніи Хлассы на первомъ планѣ является высокая монастырская или крѣпостная стѣна, изъ за которой выглядываютъ крыши и верхнія части зданій храмовъ. Дворецъ Далай-ламы, какъ высшая святыня, располагается въ срединѣ и непомѣрно превосходитъ своею величиною всѣ прочія зданія. Нѣтъ сомнѣнія, конечно, что всѣ эти рисунки не могутъ доставить никакихъ дѣйствительныхъ понятій объ изображаемыхъ ими предметахъ, лучшимъ же подобіемъ исполненія ихъ могутъ быть наши лубочныя картины Аѳонской горы, или святаго града Іерусалима.

Помимо вышеозначенныхъ, чисто буддійскихъ изображеній, у самыхъ дверей нѣкоторыхъ монгольскихъ кумиренъ попадается еще изображеніе Цага̄нъ-эбу̀гэна, культъ котораго чрезвычайно распространенъ во всей сѣверо-восточной Азіи. Цага̄нъ-эбу̀гэна

чествуютъ монголы—буддисты, китайцы—конфуціанцы и даосы, наконецъ буряты — шаманисты; послѣдніе при томъ убѣждены, что и православная церковь чествуетъ Цаг͞анъ-эбӯгэ̄на, объединяя личность послѣдняго со святителемъ Николаемъ. Цаг͞анъ-эбӯгэ̄нъ изображается въ видѣ маститаго и убѣленнаго сѣдинами старца, одѣтаго въ бѣлый халатъ и держащаго въ рукѣ посохъ съ изображеніемъ драконовой головы (а иногда и двухъ;—нашъ архіерейскій жезлъ въ значительной степени походитъ на посохъ Цаг͞анъ-эбӯгэ̄на и вѣроятно въ представленіи бурятъ служитъ не малою причиною для объединенія святителя Николая съ Цаг͞анъ-эбӯгэ̄номъ). Буддисты даютъ въ своихъ кумирняхъ Цаг͞анъ эбӯгэ̄ну самое послѣднее мѣсто и не почитаютъ его въ числѣ своихъ бурхановъ; а говорятъ, что это «хара̀ шачжина̀й бурха̀нъ», т. е. божество «черной вѣры», или шаманистовъ. За всѣмъ тѣмъ они признаютъ почитаніе его, ибо самъ Будда, въ періодъ своей жизни на землѣ, встрѣчался съ Цаг͞анъ эбӯгэ̄номъ и удостоилъ его своею бесѣдою. Этого конечно для буддистовъ было уже достаточно, чтобы допустить чествованіе Цаг͞анъ-эбӯгэ̄на [1]).

---

1) Прослѣдить культъ Цаг͞анъ эбӯгэ̄на было бы въ высшей степени интересно. Мы съ своей стороны не имѣли для сего достаточно времени; но въ бесѣдахъ съ ламами намъ удалось однажды узнать, что въ буддизмѣ о личности Цаг͞анъ эбӯгэ̄на имѣется даже писанное ученіе, хотя книга, или сутра о Цаг͞анъ эбӯгэ̄нѣ, якобы очень рѣдкая. Въ библіотекѣ Чжэбцзӯнъ-дамба-хутухты «Цаг͞анъ-эбӯгэ̄н'у судӯръ» (ученіе о Цаг͞анъ-эбӯгэ̄нѣ) впервые попала въ наши руки. Это небольшое сочиненіе, всего на трехъ листкахъ, писанное вѣроятно въ довольно позднее время, но поддѣланное подъ форму сутръ. Въ виду краткости этого сочиненія и интереса самаго предмета, мы представляемъ здѣсь точный переводъ этой брошурки, дающей хоть какое нибудь опредѣленное понятіе о личности Цаг͞анъ эбӯгэ̄на.

«Я слышалъ, что говорили такъ: Въ одно время всесовершеннѣйшій Будда съ Ана́ндою и пріемлющими жертву въ чашу, съ главнѣйшими изъ бодиса̀твъ и хувара́ками, проходилъ у горы, которая называлась Чжимистӯ-о́й (плодовитый лѣсъ) и въ это время увидалъ одного старца, достигшаго уже до предѣловъ человѣческой жизни: волосы и борода его были совершенно бѣлые, онъ былъ одѣтъ въ бѣлую одежду и держалъ въ своей рукѣ посохъ съ наконечникомъ, изображающимъ драконову голову. Такого старца увидѣлъ будда и спросилъ его: «Зачѣмъ въ одиночествѣ живешь ты у горы?» Всесовершеннѣйшій Будда, отвѣчалъ старикъ, я жилъ на этой горѣ, имѣющей имя Чжимсала̀нъ (плодовитая); я жилъ на горѣ, и выше меня было небо, а внизу мать ӯтӯгэ̄нъ

Такимъ образомъ, помимо помѣщаемаго у самыхъ дверей Цагāнъ эбӳгэна, всѣ хӯрӯки, т. е. рисованныя изображенія бурхановъ, картины религіозно-нравственнаго содержанія и виды буддійскихъ святынь располагаются обыкновенно по восточной, западной и южной стѣнамъ кумирни, а иногда на длинныхъ тесьмахъ свѣшиваются еще и съ потолка ея. Буддисты не имѣютъ

([illegible]; ӯтӳгэ̇нъ — шаманское названіе земли). Я повелитель дикихъ звѣрей, ядовитыхъ змѣй, людей и животныхъ, геніевъ земли ([illegible]) и гэніевъ воды, гэніевъ хранителей правленія (= царствъ [illegible]). Какъ ни свирѣпы геніи 24 странъ,—я могу управлять всѣми. На горахъ — я владыка горъ, я владыка земли, я владыка воды; въ храмахъ ([illegible]) — я владыка пространства, на которомъ помѣщаются священныя книги, я владыка воды; въ городахъ — я владыка мѣста, на которомъ стоитъ городъ, я владыка воды. Я въ точности знаю добродѣтели и грѣхи людей, населяющихъ вселенную; долгота и краткость человѣческой жизни въ моемъ вѣдѣніи. Я даю счастіе совершать добродѣтельныя дѣла; поступки добродѣтели и грѣха, основы благихъ дѣлъ, почтительность къ родителямъ, вѣру въ три драгоцѣнности, все это разсѣяваю я, низпускаясь 1-го и 16-го числа каждаго мѣсяца; а въ день мыши низпускаются вмѣстѣ два докшина, черный горный демонъ ([illegible]), повелитель привратниковъ ада и владыка огня: они подробно и безъ пропусковъ описываютъ всѣ дурныя и добрыя дѣянія, которыя сдѣлали люди, я же принимаю эту запись. Кто по жестокости убилъ кого, не былъ почтителенъ къ родителямъ, злоумышленно не оказалъ почтенія къ тремъ драгоцѣнностямъ, всѣхъ тѣхъ и обо всемъ томъ небесные геніи записываютъ. Потомъ я, вмѣстѣ съ докшинами земли и воды, владыками несчастныхъ дней, девяти звѣздъ пяти свирѣпыхъ галабовъ, съ владыками земли и владыками водъ, съ владыками городовъ и мѣстностей схожу и таковыхъ грѣховныхъ существъ предаю чертямъ, принадлежащимъ къ 100 различнымъ родамъ ([illegible]), навожу на нихъ болѣзни, воровъ, раны, сыпи, и дурныя сновидѣнія въ такомъ обиліи какъ дождь. Обманы, невыгоды, порчу въ вещахъ, убытки, смерть и мученіе, — все это даю я. На эту рѣчь повелителя неба всесовершеннѣйшій Будда сказалъ: «хорошо, хорошо»! и потомъ произнесъ, обращаясь къ ученикамъ: «Дѣти высокородныхъ, дайте клятву предъ моимъ лицемъ въ томъ, что вы будете охранять одушевленныя существа и помогать имъ!» Кто эту книгу перепишетъ, пріобрѣтетъ, покажетъ другимъ, или прочтетъ, заслуги того безгранично велики; а если кто прочтетъ ее семь разъ, тотъ избавится отъ болѣзней. Такъ сказалъ Будда и произнесъ слѣдующія тарни: «Омъ-на-мо-са-лу-то-ма-дока-то-ло-тонъ омъ-то-ло-то-ло дій-я-сва-ха-ха-ха-ха». Услыхавъ эти тарни, всѣ геніи земли и воды возблагоговѣли предъ Буддою и, сложивъ ладони, поклонились». (Цагāнъ-эбӳгэн'у судӯръ орошибā).

обыкновенія ни возжигать передъ ними свѣтильниковъ, ни совершать куренія, ни приносить жертвы; все это совершается исключительно передъ главными кумирами, т. е. литыми изображеніями бурхановъ, располагаемыми, какъ было сказано выше, у сѣверной стѣны храма. Здѣсь поэтому поставляется и тахильйнъ ширэ ([illegible]), или, что тоже, жертвенникъ.

Поставляемый всегда передѣ главнымъ бурханомъ, жертвенникъ въ буддійской кумирнѣ является стоящимъ прямо противуположно ея входнымъ дверямъ. Онъ имѣетъ видъ обыкновеннаго, деревяннаго продолговатаго стола, шириною въ $1\frac{1}{4}$ или въ $1\frac{1}{2}$ аршина, а длиною до 4 и даже 5 и болѣе аршинъ, смотря по величинѣ и богатству кумирни. Сверху столъ этотъ кругомъ обтягивается матеріею и за симъ покрывается еще пеленою, обыкновенно дѣлаемою изъ шелковой матеріи и оторочиваемою позументомъ, или шелковой бахрамой. Въ видѣ жертвъ передъ бурханами на немъ располагаются прежде всего на сѣверной сторонѣ:

А) Даши дакчжатъ, или по монгольски «ўлцзэйтў найманъ тэмдэкъ», иначе называемыхъ еще «найманъ тахиль», т. е. восемь жертвъ; въ составъ которыхъ входятъ:

α) *Ринчинъ дукданъ* — благовознесенный на ручкѣ драгоцѣнности стяжанія добродѣтелей, отстраняющій и уничтожающій жаръ грѣховныхъ пожеланій ([illegible]) *бѣлый зонтъ* ([illegible]).

β) *Сернья* — сдѣланные изъ чистаго золота и живущіе въ Цзамбу—рѣкѣ блаженства и пользы ([illegible]) рыбы.

γ) *Дунъ-гаръ* — символъ счастія благолѣпнаго обращенія въ правую сторону и издающая на десять странъ свѣта пріятные звуки ([illegible]) бѣлая раковина ([illegible]).

δ) *Бадма* — отрѣшенная отъ нечистоты и порчи, благолѣпно знаменующая собою залогъ спасительной нирваны — бѣлая падма ([illegible]).

ε) *Бум-ба*—нескончаемое и полное сокровище всѣхъ пожеланій, совершенный изъ драгоцѣнностей сосудъ — бумба ([illegible]).

ζ) *Бал-бэ* — удивительный на взглядъ рисунокъ, символъ доведеннаго до окончанія совершенства духа — нить счастія ([illegible]).

η) *Чжалцанъ* — благолѣпно возстановленная на вершинѣ высокаго дворца спасенія и соединенная попарно — доцза ([illegible]).

ϑ) *Хорло* — всегда приводящее къ безконечному совершенству, всечистѣйшее, золотое, тысяче-радіусное колесо — хӱрдэ ([illegible]).

На ряду съ этимъ восьмичленнымъ приборомъ, а иногда составляя собою слѣдующій рядъ, располагается другой жертвенный приборъ «Долōнъ эрдэнѝ», т. е. семь драгоцѣнностей, составляющихъ, по толкованію, принадлежность каждаго хāна Чакравàрти ([illegible]) почему приборъ этотъ болѣе полно и называется Чакравàрти-хāн'у тӱрӱйнъ долōнъ эрдэнѝ. Въ составъ этого прибора входятъ:

a) *Хӱрдэ - эрдэнѝ*, (тиб. འཁོར་ལོ་) представляющее собою кругъ съ расположенными въ немъ восьмью радіусами. По однимъ толкованіямъ, хӱрдэ эрдэнѝ служитъ символомъ совершенства, молитвы и должно составлять предметъ благоговѣнія; по другимъ, — оно должно быть тысяче-радіуснымъ и достоинство его состоитъ въ томъ, что оно, поднимаясь по небу подобно солнцу, разсѣявающему безчисленные лучи, можетъ доставить во всякую недостигаемую страну. ([illegible])

b) *Чиндамàни эрдэнѝ*, (санскрит. tchintamani, тибетск. ཡིད་བཞིན་ནོར་བུ). Оно имѣетъ восемь угловъ и испускаетъ изъ себя пятицвѣтные лучи; высокое достоинство его составляютъ способности, — въ жаркое время доставлять прохладу, а въ холодное время производить теплоту. Въ мѣстѣ, гдѣ бываетъ драгоцѣнность Чиндамàни не бываетъ болѣзни и безвременной смерти; оно исполняетъ всякое пожеланіе и своимъ внѣшнимъ видомъ слу-

жить къ развлеченію хана Чакравàрти. ([illegible]).

c) *Хатýнъ эрдэнй*, (тибет. བཙུན་མོ།). Фигурка представляетъ собою сидящую женщину. По толкованію, это жена хāна Чакравàрти. Она обладаетъ красотою и благовоніемъ; можетъ успокоить всякую душевную тревогу; одно прикосновеніе къ ней даетъ спокойствіе, ибо она услаждаетъ душу, не возбуждая въ ней сладострастныхъ пожеланій; кромѣ того она какъ мать печется о благѣ каждаго и увеселяетъ Чакравàрти хāна. ([illegible]).

d) *Тӱшимэ̀ль эрдэнй*, (тибетск. བློན་པོ་). Фигурка изображаетъ сидящаго сановника. По толкованію, онъ заботится обо всѣхъ одушевленныхъ существахъ какъ о своихъ дѣтяхъ, своими щедрыми подаяніями отклоняетъ отъ нихъ всякій недостатокъ и своимъ правосудіемъ обезпечиваетъ ихъ благосостояніе; онъ мудръ въ исполненіи всѣхъ дѣлъ своего государя и всѣ пріобрѣтенія хāна Чакравàрти совершаются черезъ него ([illegible]).

e) *Зāнъ эрдэнй*, (тибет. གླང་པོ་ཆེ་). Драгоцѣнность — слонъ представляетъ собою статуетку слона, у котораго на спинѣ водружено восьмирадіусное хӱрдэ. По однимъ толкованіямъ, этотъ слонъ носитъ на себѣ 84,000 священныхъ книгъ ученія будды и служитъ знакомъ безпредѣльнаго развитія религіи; по дру-

гимъ — онъ безъ всякихъ страданій для ѣдущаго можетъ съ быстротою вѣтра доставить его въ желаемое мѣсто и имѣетъ способность давить враговъ. ([illegible]).

f) *Дэгэду морйнъ эрдэнй* — драгоцѣнность лошадь представляетъ собою статуетку лошади, у которой на спинѣ водружена драгоцѣнность — чиндамàни. По толкованію, дэгэду морѝ обладаетъ способностью избавлять всякаго ѣдущаго на ней отъ всевозможныхъ страховъ, быстра какъ вѣтеръ и скоро пробѣгаетъ громадныя пространства даже до береговъ (внѣшняго моря) ([illegible]).

g) *Цэриг'унъ ноянъ эрдэнй*, (тиб. དམག་དཔོན). Фигурка изображаетъ сидящаго военачальника, который, по толкованію, мечемъ божественной премудрости уничтожаетъ всѣ козни и самъ лично исполненъ силы, способной выйти съ побѣдою изо всякой битвы ([illegible]).

Впереди этихъ жертвъ по южному краю стола ставится еще семь жертвенныхъ чашечекъ, которыя на монгольскомъ языкѣ называются «долōнъ цӯгӯцэ» и служатъ сосудами для принесенія въ нихъ жертвъ. Обыкновенно двѣ изъ этихъ чашечекъ наполняются водою, въ третью кладутъ цвѣтокъ, въ четвертую втыкаютъ хӯчжи, т. е. курительную свѣчу, пятая представляетъ собою лампаду, шестая наполняется водою и седьмая яствами. Происхожденіе этихъ жертвъ ламы относятъ къ глубокой древности и говорятъ, что въ древности таковыми предметами привѣтствовали царей, при посѣщеніи ими чужихъ домовъ, а именно: имъ сперва подносили воду для омовенія ногъ, затѣмъ воду для омовенія лица, посыпали и ставили передъ ихъ сѣдалищами цвѣты, зажигали и подносили благовонныя куренія и наконецъ

подносили пищу. Впослѣдствіи эти жертвы, обращаемыя къ царямъ, перенесены были на чествованіе бурхановъ. Объясненіе это представляется мнѣ весьма правдоподобнымъ и хотя оно не встрѣчалось мнѣ въ толкованіяхъ церковныхъ утварей буддизма, однако въ различныхъ молитвенникахъ буддистовъ, я находилъ перечисленіе всѣхъ предметовъ, которые должны быть приносимы въ семи цӱгӱцэ̀ (чашечкахъ) и имена ихъ на языкахъ санскритскомъ, тибетскомъ и монгольскомъ, равно какъ и предписываемый порядокъ въ разстановкѣ жертвъ до нѣкоторой степени свидѣтельствуютъ истинность сказаннаго объясненія. Такъ въ сочиненіи «Бу̀мба нигуху̀ цза̀нъ ӱйлэ» говорится, что жертва воды должна быть полагаема въ первой чашкѣ; она называется по санскритски *бадъимъ*, тибетское имя ея — «шаб-сэль», что переводится по монгольски «ӱлмэ̀йнъ сэригӱ̄цэлгэ» и означаетъ — прохладительное для ногъ. Вода, налитая во вторую чашку, носитъ санскритское названіе «анзаманамъ», тибетское — «шалъ-сэль», монгольское — «нигӯр’ӱ̀нъ сэригӱ̄цэлгэ», что значитъ прохладительное для лица. Наименованія этихъ двухъ первыхъ жертвъ прежде всего свидѣтельствуютъ объ ихъ первоначальномъ происхожденіи и значеніи, хотя теперь все это стало означать не болѣе какъ жертву, а потому начало терпѣть и видоизмѣненія. Такимъ образомъ жертва третьей чашки удержала свой порядокъ въ постановкѣ, она называется по санскритски «буйби̇», по тибетски — «мэ-до-хъ», а монгольски цэцэ̀къ, т. е. цвѣтокъ. По настоящимъ правиламъ относительно принесенія жертвъ, этотъ цвѣтокъ долженъ быть не изъ рода ядовитыхъ, не изъ такихъ, на которыхъ живутъ червячки или бабочки и наконецъ не долженъ быть завядшимъ. Въ Монголіи при неимѣніи цвѣтовъ, особливо въ зимнее время, цвѣтки для жертвы замѣняются металлическими изображеніями цвѣтовъ и бываютъ золотые или серебрянные; въ бѣдныхъ же храмахъ вмѣсто цвѣтка въ третью чашечку кладутъ сѣмена ячменя или пшеницы. Очевидно отсюда, что прежнее чествованіе цвѣтами приняло теперь просто характеръ принесенія жертвы отъ произведеній земли. Жертва четвертой чашки называется по санскритски «Дӱ̀й-бэ», по тибетски

— «дуг-бой», по монгольски — «утухў кўчжи», т. е. дымящееся куреніе. У Монголовъ съ этою цѣлью куренія употребляются особыя душистыя свѣчи ([illegible], тиб. བདུག་སྤོས་), приготовляемыя изъ алоеваго дерева. Пятая чашка называется по санскритски — алогй, — по тибетски зовется «мар-мэ», а по монгольски — цзула̀, т. е. лампада. Шестая — носитъ санскритское имя «ганьди», тибетское — «ди-габъ» и монгольское ўнўртў усў, что значитъ благовонная вода: она приготовляется изъ обыкновенной воды, въ которой предварительно размачиваются лепестки индійскаго шафрана ([illegible] [illegible]); отъ настоя на этихъ лепесткахъ вода пріобрѣтаетъ особый запахъ и окрашивается въ ярко желтый цвѣтъ. Наконецъ седьмая чашка по санскритски называется «Ньйбди», по тибетски — «шалъ-цзай» и по монгольки — «гэгэ́нў цзо̆къ», или, по переводу, — святительская пища. Здѣсь по правиламъ должна быть приносима въ жертву пища растительная, какъ то, хлѣбные плоды, фрукты, можно класть за симъ сахаръ, конфекты, всякаго рода кушанья, приготовляемыя изъ молока, но невозможно класть мяса, или какихъ либо наркотическихъ снадобьевъ.

Съ перенесеніемъ этихъ жертвъ на чествованіе бурхановъ произошло и нѣкоторое усложненіе въ нихъ; такъ, въ настоящее время передъ нѣкоторыми бурханами ставятъ по восьми чашекъ, а передъ нѣкоторыми, какъ напр. предъ Намсара̀емъ и Лама̀-чэтбо̀ю даже по девяти. Прибавляется при этомъ двѣ чашки съ водою, изъ которыхъ первая называется по санскритски — «агамъ», по тибетски «чод-онъ», или онъ-чабъ, по монгольски — «табйкъ-усў» (= жертвенная вода); а вторая по санскритски борокча̀намъ, по тибетски — «санъ-даръ», а по монгольски — «аригӯланъ сацухўйнъ усў» (= вода чистаго кропленія). Относительно времени происхожденія этихъ жертвъ ламы не говорятъ уже никакихъ преданій и всѣ разсказы ихъ касательно этихъ жертвъ ограничиваются лишь сообщеніемъ тѣхъ правилъ, по которымъ эти жертвы должны быть приносимы, а равно и указаніемъ значенія этихъ жертвъ въ отношеніи къ приносящимъ оныя. Такимъ образомъ относительно жертвы воды (табйкъ-усў) правила ламаи-

стовъ сообщаютъ, что жертвенная вода эта должна быть безъ насѣкомыхъ, чистая и прозрачная. Такъ какъ назначеніе воды вообще состоитъ въ томъ, чтобы очищать нечистоты и увеличивать влагу; то чрезъ принесеніе въ жертву чистой воды очистятся грѣхи и препятствія къ достиженію святости, а также и духовному корню дарована будетъ духовная влага, (способствующая) дающая ему силы къ произведенію благихъ отростковъ. Принесенную въ жертву чистую воду, чтобы вполнѣ очистить ее отъ всякихъ нечистотъ, должно смахнуть сверху вѣникомъ, непремѣнно мягкимъ, чтобы не нанести вреда насѣкомымъ, плавающимъ поверхъ воды. Впослѣдствіи должно омыть этотъ вѣникъ въ томъ колодцѣ, откуда взята вода для жертвы; такимъ образомъ тѣ животныя, которыя будутъ сняты съ жертвенной воды, будутъ снова пущены въ свой родной источникъ.

По самой срединѣ ряда этихъ семи жертвенныхъ чашекъ на тахильіинъ ширэ̄ поставляется еще въ видѣ жертвы одна большая лампада, (йэхэ̀ цзула̀, ᠶᠡᠬᠡ ᠵᠣᠯᠠ, тиб. མར་མེ) и одно хӱчжи, т. е. благовонное куреніе (བདུག་སྤོས); — это жертва монастырской братіи, долженствующая быть неугасимою, тогда какъ цзула̀, стоящая въ ряду долōнъ цӱгӱцэ̀, зажигается только во время совершенія богослуженій. Относительно этой жертвы лампады существуетъ нѣсколько правилъ. Фитиль ея долженъ быть сдѣланъ изъ ростка отъ вѣтки дерева гуша (kuça) и обернутъ чистою ватою; онъ долженъ быть тонокъ и прямъ для того, чтобы могъ горѣть долго и главное ярко: совершенно воспрещается держать свѣтъ лампады мерцающимъ, поблекшимъ, такъ что лампада не то что горитъ, и не то что гаснетъ. Хӱчжи также точно предписывается имѣть благовонныя и воспрещается имѣть китайскія, овальныя и длинныя, такъ какъ они слишкомъ дымятъ и своею копотью чернятъ бурхановъ. Хӱчжи не должны еще имѣть запахъ мускуса, потому что этотъ запахъ не терпятъ пресмыкающіеся и змѣи и слѣдовательно онъ можетъ удалять ихъ отъ храма. Въ лѣтнее время, согласно церковнымъ правиламъ, какъ хӱчжи такъ и лампаду необходимо предписывается содержать въ фонарѣ; ибо въ

противномъ случаѣ налетающія на нихъ мошки легко могутъ погибнуть предъ ликомъ будды, что усугубляетъ грѣхъ, хотя бы то и не намѣреннаго со стороны человѣка, лишенія жизни одушевленныхъ существъ. Рядомъ съ хӱчжи на тахильйинъ ширэ̄ поставляется еще особый небольшой и продолговатый ящичекъ: онъ носитъ названіе «хӱчжинэй онгоцо̀» и служитъ для собиранія пепла отъ сожженія хӱчжи.

Помимо сего при отправленіи богослуженій бурхану Ма́нла (монг. [illegible]), а равно и при освященіи храма на тахильйинъ ширэ̄ поставляется еще восемь жертвенныхъ чашекъ, носящихъ названіе «ӱлцзэйтӱ на́йманъ э́дъ», что значитъ восемь благословенныхъ веществъ. «Предметы, входящіе въ составъ жертвъ, полагаемыхъ въ этихъ чашечкахъ, почитаются благословенными, потому что всѣ они были поднесены въ даръ буддѣ Шигэмунію различными лицами. Такимъ образомъ первая изъ этихъ жертвъ, носящая на тибетскомъ языкѣ названіе *«мэлонъ»*, མེ་ལོང་, а на монгольскомъ *«толи»*, т. е. зеркало, была принесена въ даръ Шигэмӱнію Охѝнъ тэ̀нгріемъ.

Вторую — *гэхамъ* (ཇྷིཾ་), поднесъ Шигэмӱнію Норчжинъ, въ силу чего будда очистилъ весь міръ отъ трехъ препятствій къ спасенію.

Третью — тибет. *«шо»* (ཞོ་), монгол. «тарàкъ», т. е. кислое молоко было поднесено Шигэмӱнію дѣвицею Лэ́кчжэма и съ того времени пища эта почитается священнымъ подаяніемъ.

Четвертую — тибет. *Дур-бай* (དུར་བས་), монгол. «ӧбӧсӱнъ», т. е. трава, которую поднесъ буддѣ сынъ продавца зелени Дашѝ.

Пятую — тибет. «бѝльба», (བིལ་བ монг. «модонòй тэмэсӱнъ») т. е. древесные плоды поднесъ Шигэмӱнію Эсруа̀ тэнгрѝ.

Шестую — тибетск. «ду́нъ», (དུང་) монг. «лабàй», т. е. раковина, которую поднесъ буддѣ Хормуста̀ тэнгрѝ.

Седьмую — тиб. «литѝ», (ལི་ཁྲི་) — (шу́нда) — сурикъ, поднесенную Шигэмӱнію буддѣ бирамномъ Гарчжа̀л'омъ (браминъ Гарчжа̀лъ).

Восьмую — тибет. Юнъ-гāръ, (ཡུངས་ཀར) монгол. «цагāнъ хичжӣ», т. е. манная крупа, которую поднесъ Шигэмӯнію Очирвàни (Vadjrapâni).

Къ числу принадлежностей тахилы̆йнъ ширэ̄ причисляются также:

а) Иногда поставляемый на немъ приборъ, именуемый «табӯнъ хӯсэль» или жертва пяти чувствамъ. Въ составъ его входятъ во 1-хъ небольшой, блестящій металлическій кружокъ, называемый *толй*, т. е. зеркало, — это жертва для зрѣнія; 2) жертвою для слуха служитъ раковина (дӯнгъ); 3) какъ жертву обонянію приносятъ положенные въ особую чашечку мушкатные орѣхи; 4) жертву для вкуса составляютъ также стоящіе въ отдѣльной чашкѣ плоды, или сахаръ и наконецъ 5) жертвою для осязанія является въ большинствѣ случаевъ кусочекъ желтаго, шелковаго флера (хӣбъ-торгò).

b) *Бадӣръ аягà* (pâtra), т. е. древне-буддійская чашка, которую будда Шигэмӯни поставлялъ въ необходимость имѣть при себѣ каждому своему послѣдователю. Бадӣръ аягà дѣлается обыкновенно изъ глины, окрашивается въ черную краску и по формѣ имѣетъ видъ нашего горшка.

с) *Харсйль* (མཁར་གསིལ монгольск. *дулдӯй*), т. е. жезлъ, который употребляли въ древнее время странствующіе ученики будды. Онъ состоитъ изъ двухъ желѣзныхъ, полыхъ по концамъ своимъ прутьевъ, которые соединяются вмѣстѣ при помощи деревянной палочки. Собственно нижнюю часть жезла составляетъ остріе, какъ бы предназначенное для того, чтобы жезлъ былъ удобнѣе для опоры. Выше этого острія дѣлается круглое яблоко, на подобіе «яблокъ» въ нашихъ архіерейскихъ жезлахъ, которое знаменуетъ собою запоръ для закрытія дверей, ведущихъ къ тремъ злополучнымъ перерожденіямъ. Выше этого яблока нижняя часть жезла представляетъ собою семигранный и, какъ было сказано выше, полый на верхнемъ концѣ своемъ прутъ; эти семь граней знаменуютъ собою семь отдѣловъ святости [1]) (བྱང་ ཆ

1) Семь отдѣленій святости, или семь частей совершенства составляютъ:

[illegible]), а находящееся на оконечности прута отверстіе предназначается для соединенія нижней части прута съ верхнею посредствомъ вставки въ нихъ деревянной палочки. Самое соединеніе двухъ частей дулдуя въ таинственномъ смыслѣ означаетъ соединеніе *средствъ* къ спасенію ([illegible]) и *мудрости* ([illegible]), необходимой для достиженія состоянія будды. Верхній прутъ дулдŷя дѣлается восьми-граннымъ, что долженствуетъ напоминать о восьми отдѣленіяхъ пути святыхъ ([illegible]). Набалдашникъ дулдŷя состоитъ изъ четырехъ выгнутыхъ и соединенныхъ во едино роговъ, которые обозначаютъ собою совокупность четырехъ отдѣловъ ученія будды, излагающихъ четыре истины ([illegible]); на каждый изъ этихъ роговъ навѣшивается по три кольца, которыя вмѣстѣ, составляя число двѣнадцать, знаменуютъ собою двѣнадцать благовѣстительныхъ словесъ будды ([illegible] [1]). Соединеніе этихъ двухъ роговъ обозначаетъ собою свойство духовности будды ([illegible]), а въ срединѣ ихъ утверждается фигура субургàна, которая обозначаетъ собою свойство всеблаженства будды ([illegible]); на самой вершинѣ соединенія роговъ поставляется наконецъ второй субургàнъ, обозначающій собою свойство хубилгàнства будды ([illegible]). Такимъ образомъ дулдŷй имѣетъ своимъ назначеніемъ напоминать носящему его гелŷну всѣ основныя части ученія будды.

Помимо жертвъ на тахилы̆йнъ шире̄ поставляются еще и

---

a) вѣрная память; b) способность распознавать истину; c) дѣятельность; d) удовольствіе; e) очищеніе или упражненіе духа; f) погруженіе духа въ созерцаніе; g) совершенное равнодушіе.

1) [illegible]

нѣкоторыя принадлежности буддійскихъ хура̀ловъ (= богослуженій). Среди ихъ первое мѣсто занимаетъ:

а) *Ма́ндалъ* (санск. mandala, тиб. དཀྱིལ་འཁོར་). Это ничто иное какъ металлическое блюдо, кованное изъ золота, серебра, или изъ мѣди. Особенность его состоитъ въ томъ, что на немъ выковывается изображеніе всего міра въ томъ видѣ, въ какомъ существуетъ онъ по понятіямъ буддійской космологіи. Такимъ образомъ по самой срединѣ ма̀ндала (въ подражаніе существованію посреди всего міра) выковывается возвышеніе, знаменующее гору Сумэ̀рў. Гора Сумэ̀рў, по космологіи буддизма, состоитъ изъ четырехъ драгоцѣнностей, а именно, вся восточная сторона ея состоитъ изъ серебра, южная изъ лазурика, западная изъ яхонта, а сѣверная изъ золота. Согласно этому ламы по четыремъ сторонамъ возвышенія, дѣлаемаго на ма̀ндалѣ и долженствующаго изображать гору Сумэ̀рў, вставляютъ отдѣльные кусучки серебра, ляписъ лазури, яхонта и золота. Далѣе на четырехъ сторонахъ круга такимъ же точно образомъ дѣлаются изображенія четырехъ большихъ ти̇бовъ [1]), восьми малыхъ и т. д. Назначеніе ма̀ндала состоитъ въ томъ, чтобы приносить на немъ жертвы; поэтому въ кумирнѣ на ма̀ндалѣ можно всегда видѣть насыпанными зерна пшеницы, перемѣшанныя съ разноцвѣтными раковинками, кусочками серебра и мелкими монетами. Въ молитвѣ, читаемой при возношеніи ма̀ндала, излагаются различныя миѳологическія понятія буддистовъ и какъ таковыхъ понятій насчитывается 37, при чемъ каждому понятію должна соотвѣтствовать особая кучка зеренъ, то понятно, что число кучекъ на ма̀ндалѣ собственно должно равняться 37-ми; но число это нерѣдко сокращается на семь, ибо кучки зеренъ часто кладутся

---

1) По представленію буддистовъ міръ состоитъ изъ четырехъ большихъ частей, или острововъ — *тибъ* (санскр. двипа). Эти части свѣта расположены на одной плоскости, по четыремъ сторонамъ горы Сумэ̀рў, находящейся въ срединѣ всего міра. Четыре большіе двипа раздѣлены между собою морями и при каждомъ изъ нихъ состоитъ еще по два малыхъ двипа. Подробности о семъ можно найти въ «Буддійской космологіи» сочиненной О. Ковалевскимъ въ Учен. Зап. Казан. Унив. 1835 г. т. III.

не въ честь каждаго понятія, а въ честь цѣлой группы понятій. Вознося ма̀ндалъ, умоляютъ напр. объ увеличеніи въ мірѣ семи драгоцѣнностей [1]): при перечисленіи названій каждой изъ этихъ драгоцѣнностей должна быть положена особая кучка зеренъ, но вмѣсто сего не рѣдко кладутъ одну только кучку, знаменующую собою всѣ семь. Кучки эти извѣстны у монголовъ подъ тибетскимъ именемъ Цомба ཚོམ་པ་. Символическое значеніе принесенія въ жертву ма́ндала есть врученіе всего міра покровительству и заступничеству того божества, въ честь котораго приносится ма́ндалъ; отсюда принесеніе ма́ндала составляетъ высшее доказательство человѣколюбія и вѣры приносящаго. Ма́ндалъ полагается обыкновенно на правомъ углу тахилы̀йнъ ширэ̄, въ промежуткѣ между приборами «на́йманъ тахѝль» и «долōнъ цӳгӳцэ̀».

b) Другой, также металлическій кругъ, дѣлаемый изъ желтой, полированной блестящей мѣди, называется — «толѝ» (т. е. зеркало, санск. âdarça, тиб. མེ་ལོང་). Онъ употребляется при богослуженіяхъ для освященія рашія̀на (rasâyana), т. е. освященной воды. Его мѣсто прямо противуположно ма̀ндалу; другими словами, — толѝ поставляется въ особливо устроенномъ для него поставцѣ на лѣвомъ углу «тахилы̀йнъ ширэ̄». При совершеніи обряда освященія воды, толѝ вынимаютъ изъ поставца, а по минованіи надобности влагаютъ опять, предварительно отерши губкою.

c) Освященная вода или рашія̀на (rasâyana въ просторѣчіи «аршанъ») хранится въ буддійскихъ кумирняхъ также на «тахи-

---

1) [illegible] въ поясненіе этихъ драгоцѣнностей добавляется [illegible]: Объясненіе драгоцѣнности Мусарага, представленное на стр. 23-й, добавляется словами: [illegible] Свѣдѣнія эти мы заимствовали изъ сочиненія [illegible]; весьма небольшаго по объему, но имѣющаго интересъ особливо въ дѣлѣ разъясненія терминологіи.

льйинъ ширэ̄» въ особомъ сосудѣ, называемомъ «бу́мба» བུམ་པ་.
Сосудъ этотъ имѣетъ форму вазы, съ продолговатымъ горлышкомъ и въ вышину не превышаетъ 6,7 вершковъ. Дѣлается бу́мба всегда безъ ручки, а равно не имѣетъ у себя и пробки; вмѣсто этой послѣдней въ горлышко бу́мба вкладывается кропило, связываемое изъ большихъ павлиньихъ перьевъ ([illegible]) со множествомъ глазковъ, что придаетъ ему довольно красивый видъ. Бу́мба вмѣстѣ съ своимъ кропиломъ обыкновенно занимаетъ мѣсто рядомъ съ толи̇.

d) На противуположной ему сторонѣ, на ряду съ ма̀ндаломъ полагается другой священный сосудъ, называемый «*Габа̀ла*» (kapâla тиб. ཐོད་པ་): онъ выпиливается изъ человѣческаго черепа и обдѣлывается въ своей срединѣ и по краямъ серебромъ, или золотомъ. Габа̀ла употребляется при совершеніи тарнистическихъ богослуженій, а еще чаще при служеніи «докши̇товъ», когда она наполняется кровью животныхъ, приносимою въ жертву докши̇тамъ. Приготовленіе этого сосуда (габала) почитается у монгольскихъ ламъ дѣломъ чрезвычайной трудности. Суть въ томъ, что для габа̀лы не можетъ быть употребленъ черепъ каждаго человѣка. Прежде всего человѣкъ, изъ черепа котораго можетъ быть приготовлена габа̀ла, долженъ быть полнѣйшимъ дѣвственникомъ, умереть естественною смертью и во весь свой вѣкъ не убить сознательно ни одного животнаго. Что касается самаго черепа, изъ котораго должно выдѣлывать габа̀лу, то на наружной сторонѣ его, у темени должно быть естественное и ясное изображеніе вачи̇ра, да помимо того еще и черты, находящіяся во внутренней сторонѣ, должны соединяться между собою извѣстнымъ образомъ. Говорятъ, что эти внутреннія черты, расположенія и значенія которыхъ мнѣ впрочемъ ламы не разказали, поставляютъ особенное препятствіе къ пріобрѣтенію габа̀лы, такъ какъ фигура вачи̇ра встрѣчается на человѣческихъ черепахъ чаще, да при томъ, въ крайнемъ случаѣ, ее дозволяется изображать и рѣзцомъ. Знатоки примѣтъ могутъ опредѣлить еще и у живаго человѣка, годенъ ли его черепъ для габа̀лы и если найдется чело-

вѣкъ съ такимъ черепомъ, то ламы отправляютъ къ нему посольство съ просьбою отдать свой черепъ послѣ смерти въ пользу монастыря. Если согласіе будетъ получено, то по смерти черепъ изслѣдуется снова и коль скоро будетъ признанъ удовлетворительнымъ, то его отпиливаютъ кругомъ по параллели глазной орбиты, отдѣлываютъ серебромъ, освящаютъ и вводятъ въ употребленіе. Впрочемъ такъ какъ пріобрѣтеніе настоящей габа̀лы почитается весьма труднымъ, то въ монгольскихъ монастыряхъ гораздо чаще можно встрѣтить габа̀лы, т. е. фигуры череповъ, приготовленные изъ серебра.

Таковы вещи, хранящіяся на жертвенникѣ буддійскихъ кумиренъ и таково расположеніе ихъ на тахилы̀йнъ ширэ̄. Относительно расположенія необходимо однако замѣтить, что оно не всегда одинаково: однообразнымъ по всюду является только положеніе приборовъ «на́йманъ тахѝль» и «долōнъ эрдэнѝ», занимающихъ собою сѣверный край тахилы̀йнъ ширэ̄ и прибора «долōнъ цӯгӯцэ̀», поставляемаго на южной сторонѣ, прочія же вещи располагаются всегда посреди стола въ промежуткѣ этихъ приборовъ, но, по-видимому, не имѣютъ опредѣленнаго мѣста. Такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ храмахъ мнѣ приходилось видѣть ма́ндалъ лежащимъ посрединѣ «тахилы̀йнъ ширэ̄», а толѝ — на правой сторонѣ его. Справедливость требуетъ однако замѣтить, что болѣе обыкновенно ма́ндалъ съ габа̀лою кладутся на правой сторонѣ стола, а толѝ съ бу́мба на лѣвой. Надъ тахилы̀йнъ ширэ̄, равно какъ и надъ главными бурханами въ монгольскихъ кумирняхъ не рѣдко устраивается нѣчто въ родѣ сѣни, носящей у ламъ названіе *лаба̀ри* (иначе лабри и ла̄ри བླ་བྲེ монг. [illegible]). По своимъ формамъ эта сѣнь совершенно подобна киворіямъ, устраиваемымъ въ нашихъ храмахъ и иногда утверждается на двухъ, или даже на четырехъ колоннахъ, а иногда является въ видѣ прикрѣпленной къ стѣнѣ, продолговатой четырехугольной рамы, обтянутой какою либо матеріею и окаймленной по краямъ низпускающимися предъ бурханомъ завѣсами; иногда такая рама прямо подвѣшивается къ потолку кумирни.

Помимо сего передъ бурханами, какъ украшенія и жертвы, развѣшиваются:

a) *Бада̀нъ*, (བ་དན་ монг. [illegible]) т. е. длинныя и широкія ленты, сшиваемыя изъ матерій пяти цвѣтовъ: синяго, бѣлаго, краснаго, желтаго и зеленаго. Цвѣта эти знаменуютъ собою пять мистическихъ бодисатвъ, почитаемыхъ буддистами.

b) *Чжалца̀нъ*, — круглые и продолговатые цилиндры, величиною отъ трехъ четвертей до полутора аршина и болѣе, сшиваемые также изъ трехъ разноцвѣтныхъ матерій, а именно: желтой, красной и синей. Это раздѣленіе чжалца̀новъ по цвѣту матеріи на три части знаменуетъ собою три отдѣла, на которые раздѣляется ученіе будды ([illegible]), а именно: тарнійнъ ӱндӱсӱнъ (или чжӱдъ), дӱльба и илэрхэй а̀ймакъ саба̀ [1]).

c) *Хадакѝ* — (ཁ་བཏགས་ монг. [illegible]) родъ продолговатыхъ платковъ, дѣлаемыхъ изъ шелковой и бумажной матеріи и окрашиваемыхъ обыкновенно въ какой либо изъ слѣдующихъ четырехъ цвѣтовъ: желтый, черный, бѣлый и сиреневый. Самые длинные шелковые хадакѝ бываютъ въ двѣ и три маховыхъ сажени, но есть и въ полтора, два аршина. Хадакѝ этого рода по большей части дѣлаются съ украшеніями: такимъ образомъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ бываютъ вытканы изображенія различныхъ бурхановъ (по большей части бурхана Аюши, почитаемаго покровителемъ долгоденствія); эти хадакѝ называются — «ва̀нданъ»; на другихъ (въ большинствѣ случаевъ желтыхъ) бываютъ вытканы кружки шелками радужныхъ цвѣтовъ, это хада̀къ — «соно̀мъ». Малые хадакѝ величиною въ аршинъ, или три четверти аршина, бываютъ безъ бурхановъ, но украшаются вы-

---

1) Характеризуя въ краткихъ словахъ эти три отдѣла ученія, монголы-буддисты говорятъ: [illegible]

тканными цвѣтами, — они называются — «дашѝ хада̀къ»; бумажные хадакѝ безъ всякихъ украшеній называются — «самба̀й».

d) *Шу̀ку̀ръ*, (ᠰᠢᠬᠦᠷ, санскр. tchhatra, тиб. གདུགས) т. е. большой круглый зонтъ, имѣющій приблизительно аршина два, или даже болѣе въ діаметрѣ. Шу̀ку̀ръ по формѣ подобенъ нашимъ зонтамъ и дѣлается обыкновенно изъ желтой шелковой матеріи.

e) *Чима̀-пурма̀* — украшеніе, имѣющее видъ круглаго шара. Чима̀-пурма̀ дѣлается изъ одиннадцати продолговатыхъ и разноцвѣтныхъ мѣшочковъ, сшиваемыхъ вмѣстѣ. При приготовленіи мѣшочки эти наполняются душистыми травами, а сшитыя представляютъ совершенно мячъ, употребляемый для игры у нашихъ дѣтей.

f) *Дэнъ-лу̀* (кит. 燈 籠 дэнъ-лунъ), т. е. фонари, которые въ буддійскихъ храмахъ встрѣчаются въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, бываютъ круглые, четырехугольные, трехугольные, многогранные и проч.; приготовляются они также изъ самыхъ разнообразныхъ матеріаловъ, есть шелковые одноцвѣтные и разноцвѣтные, стеклянные, роговые, бумажные, сдѣланные изъ слюды и т. п.

Всѣ эти украшенія развѣшиваются передъ бурханами, прикрѣпляясь или прямо къ потолку храма, или же къ нарочно протянутымъ для сего веревкамъ и жердямъ, которыя укрѣпляются на колоннахъ, ведущихъ отъ входа въ храмъ къ сѣверной стѣнѣ его. Вотъ почему при входѣ въ каждое монгольско-буддійское капище и особливо еще при господствующемъ здѣсь всегда полумракѣ, съ перваго раза нельзя, собственно говоря, ничего увидѣть, кромѣ множества разнообразныхъ и разноцвѣтныхъ лоскутковъ шелковой и бумажной матеріи, висящихъ отъ потолка и почти до самаго полу.

Такова главная, срединная часть буддійской кумирни; въ боковыхъ частяхъ ея уже не находится никакихъ святынь, — онѣ остаются совершенно пустыми, и только по стѣнамъ располагаются здѣсь иногда въ шкафахъ, а иногда въ особаго рода поставцахъ, имѣющихъ форму нашихъ этажерокъ, — священныя

книги, принадлежащія храму и инструменты, употребляемые при ламайскихъ богослуженіяхъ. Говорить здѣсь подробно о библіотекахъ ламайскихъ кумирень конечно невозможно по ихъ громадному различію. Чѣмъ богаче кумирня, тѣмъ естественно и обширнѣе ея библіотека; но вообще должно замѣтить, что монгольскія кумирни не богаты своими книгохранилищами. Въ большинствѣ случаевъ онѣ имѣютъ у себя только богослужебныя книги, требники и молитвенники; сборники Ганьчжу̀ра и Даньчжу̀ра (исключительно на тибетскомъ языкѣ) можно находить только въ монастыряхъ хутухтинскихъ и хошу̀нныхъ, прочіе же монастыри обыкновенно имѣютъ у себя развѣ сборникъ извѣстный подъ именемъ Юма, да нѣсколько мелкихъ догматическихъ сочиненій. Изъ числа послѣднихъ болѣе часто можно встрѣчать:

Йэхэ̀ боди̇̀ му̀р'у̀нъ цзэргэ̀.

Алта̀нъ гэрэ̀ль.

Ма́ни га́мбумъ.

Хутухту̀ на́йманъ минга̀нъ шу̀лу̀кту̀.

Соносога̄тъ йэхэдэ̀ тонилгахчи̇̀.

Хутухту̀ тарнис'у̀нъ хуріа́нгуй сунду̀й.

Хутухту̀ са́йнъ цагу̀нъ нэрэту̀.

Улигэру̀нъ дала̀й.

Улигэру̀нъ но́мъ.

Хори̇̀нъ табу̀нъ мингату̀.

Цага̄нъ линъхоа̀.

Ба́дма гата̀нъ.

Са́йнъ цагу̀д'унъ номлалга̀, гайхамши̇̀къ баясхула́нг'и эгӯсхэхчи суду̀ръ.

За симъ изъ числа буддійско-историческихъ сочиненій болѣе часто встрѣчаются, біографіи: Шигэму̀нія, Моло̀нъ то́йна, Чжу адиши̇̀, Цзонхавы̀, 5-го Далай ламы, Чжэбцзу̀нъ-дамба̀-хутухты и За̀я-панди̇̀ты.

Что касается музыкальныхъ инструментовъ, то, по разсказамъ ламъ, они дѣлятся на четыре разряда: 1) Потрясаемыя ([illegible]) 2) ударныя ([illegible]), духовыя ([illegible]), струнныя ([illegible]),

при чемъ всѣхъ отдѣльныхъ инструментовъ считается 24. Въ настоящее время струнные инструменты при богослуженіяхъ монголовъ уже не употребляются и нынѣ каждый монгольскій сӯмэ въ составѣ своихъ музыкальныхъ принадлежностей имѣетъ только слѣдующіе:

a) По первому разряду:

1) *Хонхо̀* (санскр. khantâ—тибет. དྲིལ་བུ་) или небольшой колокольчикъ съ рукояткою, имѣющею форму иногда половины вачи̇ра, а иногда изображенія богини Дара̀-эхэ̀, также увѣнчанной вачи̇ромъ. На наружной сторонѣ колокольчика начертывается шесть мистическихъ слоговъ — «Омъ-ма-ни-падъ-мэ-хумъ». При служеніяхъ хонхо̀, какъ музыкальный инструментъ составляетъ принадлежность первенствующаго въ хура̀лѣ, который въ установленное время (по большой части при произнесеніи та̀рни) беретъ хонхо̀ въ лѣвую руку и звонитъ.

Необходимую принадлежность хонхо̀ составляетъ еще вачи̇ръ (vadjra, тиб. རྡོ་རྗེ),—родъ небольшаго скипетра. Назначеніе этого прибора — прогонять препятствія и демоновъ, которые всегда стараются смущать духъ служащихъ. Первенствующій, держа въ лѣвой рукѣ колокольчикъ, въ правой въ тоже время имѣетъ у себя вачи̇ръ.

2) *Дама́ру* (санскр. ramaru, тиб. ཌ་མ་རུ་)—родъ небольшаго барабанчика, или колотушки. Дама́ру представляетъ собою пустой деревянный цилиндръ, отверстія котораго обтягиваются кожей; посреди цилиндра, на особомъ ремешкѣ привязываются два шарика, которые, при быстромъ поворачиваніи цилиндра, ударяютъ по натянутой на немъ кожѣ и производятъ звукъ въ родѣ барабанной дроби.

b) по второму разряду:

3) *Кэнгэргэ̀*, (санскр. bhêri, тиб. རྔ) — турецкій плоскій барабанъ, стѣнки котораго обыкновенно дѣлаются деревянныя, берестовыя, въ вышину около пяти вершковъ, окрашиваются въ красную краску и украшаются изображеніемъ пяти, или семи взаимно

переплетающихся драконовъ. На эти стѣнки барабана безъ посредства обручей натягивается козья кожа, выдѣланная на подобіе пергамена, размѣромъ аршина въ $1\frac{1}{2}$ и болѣе въ поперечномъ діаметрѣ. Такой барабанъ укрѣпляется на подставкѣ, ударяютъ же въ него особою, выгнутою палочкой, называемою «*докӯръ*» (монг.). Докӯръ состоитъ изъ рукоятки, оканчивающейся рѣзнымъ изображеніемъ головы Матáра (санскр. makarâ); въ ротъ этого матáра вкладывается выгнутая часть докӯра, которою и ударяютъ въ барабанъ.

4) *Ца̀нъ* (ཟངས་) — мѣдныя тарелки (дэ̀льбэ) съ головками (цара̀нъ) по срединѣ; головки эти служатъ вмѣсто рукоятки и, держась за нихъ, можно ударять тарелками одна о другую. Болѣе часто ца̀нъ дѣлается изъ композиціи, составляющейся изъ мѣди, чугуна и серебра[1]).

5) *Цэльни̇нъ* — по формѣ своей совершенно подобенъ ца̀ну, только цара̀нъ, или головки тарелокъ бываютъ въ цэльни̇нѣ нѣсколько менѣе чѣмъ у ца̀на, а дэ̀льбэ, или самыя тарелки у него нѣсколько болѣе плоски. Во внутренней сторонѣ цэльни̇нскаго цара̀на полагается изображеніе двухъ, крестообразно выгравированныхъ вачи̇ровъ, на которыхъ санскритскими буквами начертывается извѣстная мистическая формула буддистовъ: «омъ-ма-ни-пад-мэ-хумъ».

6) *Хáранга* — (монг. [монг.], тиб. [тиб.]) мѣдный тазъ, въ который ударяютъ на подобіе нашего бубна.

7) *Дэнши̇къ* — двѣ мѣдныя выгнутыя тарелочки, соединенныя ремешкомъ за свои рукоятки. При богослуженіяхъ, лама, держащій эти тарелочки, ударяетъ одною тарелочкой о другую, отчего получается звукъ, похожій на ударъ колокольчика, но гораздо болѣе мягкій и мелодичный.

---

1) Такъ передавали мнѣ о составѣ этой композиціи ламы, хотя замѣтно было, что они говорили или не вѣрно, по догадкамъ, или не полно. Китайскій ца̀нъ имѣетъ особенно рѣзкій и сильный звукъ, а металлъ его не колется и не ломается; напротивъ при холодной ковкѣ принимаетъ почти пружинную упругость и крѣпость стали.

8) *Дӯударма* — особаго рода музыкальный приборъ. Онъ состоитъ изъ четырехугольной деревянной рамки съ рукояткою на одной сторонѣ. Въ срединѣ эта рамка раздѣляется перегородками на девять, или двѣнадцать квадратиковъ, въ каждомъ изъ которыхъ помѣщается по одной мѣдной тарелочкѣ, различной величины. Удары палочкою, производимые съ различною силою и по различнымъ частямъ различныхъ тарелочекъ, даютъ возможность извлекать изъ этого прибора множество различныхъ звуковъ.

c) Изъ числа духовыхъ музыкальныхъ инструментовъ въ буддійскихъ кумирняхъ первое мѣсто занимаетъ:

9) *Дунъ-буръ*, (དུང་ иначе называемый «*дунъ-гаръ*» санскрит. sankha, монг. лабай) — т. е. обыкновенная морская раковина, звукъ которой подобенъ рогу. Употребленіе раковины какъ инструмента при богослуженіяхъ буддисты относятъ ко временамъ Шигэмӯни. Въ біографіи Цзонхавы̆ разказывается, что однажды царь драконовъ поднесъ Шигэмӯнію бѣлую раковину, которую потомъ ученики будды употребляли вмѣсто бӯрē (трубы) для призванія къ богослуженіямъ въ лѣтнее время. Потомъ будда приказалъ Мутгальвàни отправиться въ страну краснолицыхъ тибетцевъ и спрятать эту раковину подъ горою Дуритхӯ, причемъ якобы предсказалъ, что она будетъ найдена Цзонхавòю, — что и дѣйствительно случилось при постройкѣ Галдàнъ-хи́та. Въ этомъ монастырѣ помянутая раковина хранится и до нынѣ какъ чудотворная святыня.

10) *Бишкӯръ* — (монг. [монгольское слово], тиб. རྒྱ་གླིང) музыкальный инструментъ, звуки котораго походятъ на звукъ свирѣли. Бишкӯръ состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ частей: средняя дѣлается изъ крѣпкаго дерева, или рога, а обѣ конечныя изъ мѣди; длиною онъ бываетъ нѣсколько больше трехъ четвертей аршина. Время введенія бишкӯра въ церковное употребленіе монгольскіе ламы относятъ къ періоду пребыванія Чжу-адиши̇ въ Тибетѣ и разказываютъ, что когда этотъ проповѣдникъ буддизма прибылъ изъ Индіи въ Тибетъ, то, не находя здѣсь многаго изъ того, что

почиталось священнымъ въ Индіи, онъ задумалъ удовлетворить этому какимъ бы то ни было образомъ. Такъ, здѣсь не оказалось священной птицы Галандага (kalandakâ) и дерева Галбаварасъ (kalpavrikca), употребляемаго для куреній. Для подражанія голосу первой онъ, говорятъ, и изобрѣлъ бишкӯръ; а взамѣнъ втораго приготовилъ красныя курительныя свѣчи (ᠤᠯᠠᠭᠠᠨ ᠬᠦᠵᠢ). Замѣчательно, что во время игры на бишкӯрѣ предъ играющимъ всегда зажигаютъ красныя курительныя свѣчи.

11) *Ганълйнъ*—(монг. ᠭᠠᠩᠯᠢᠩ ᠪᠦᠷᠢᠶ᠎ᠡ, тиб. རྐང་གླིང་) духовой инструментъ, состоящій также изъ трехъ частей, при чемъ средняя часть дѣлается изъ берцовой человѣческой кости, а двѣ конечныя изъ серебра. Передняя часть ганлйна обыкновенно бываетъ нѣсколько сжатою и на одной изъ своихъ сторонъ имѣетъ два отверстія, носящихъ названіе «ачжинâй морин’й хамарыйнъ нухэ, т. е. лошадиныя ноздри. Звуки ганълйна долженствуютъ напоминать собою ржаніе мифическаго коня «ачжинâй морйнъ», который переноситъ вѣрующихъ изъ этого міра въ блаженныя обители Сукавâди.

12) *Бӯрѣ*—(ཚོས་དུང་) большая мѣдная труба приблизительно въ сажень длиною и 13) *Ухэръ-бӯрѣ* такая же мѣдная труба, длиною сажени въ двѣ съ половиною; рычаніе ея весьма густо и производитъ потрясающее дѣйствіе на нервы. О происхожденіи этихъ трехъ послѣднихъ духовыхъ инструментовъ разказывается, что когда Падма-Самбаву приглашали въ Урджанъ [1]), то онъ отказался идти туда по той причинѣ, что въ Индіи онъ не могъ слышать во 1-хъ ржаніе ачжинâй морйнъ, а во 2-хъ рычаніе небесныхъ слоновъ. Индійскіе поклонники Падма Самбавы, непремѣнно желавшіе имѣть у себя этого святителя, изобрѣли тогда ганлйнъ для подражанія ржанію лошади и бӯрѣ для подражанія реву слона.

Таковъ вообще внѣшній и внутренній видъ монголо-буддій-

---

1) Урджанъ, Уджайнъ, Удджъяни въ Малавѣ, или Мальвѣ, бывшая столица царя Викрамадитьи и одинъ изъ семи священныхъ индійскихъ городовъ.

скихъ кумирень съ ихъ составными частями, украшеніями и принадлежностями богослуженій. Кумирни такого образца можно встрѣчать во всей Монголіи и только въ Ургѣ онѣ значительно разнятся по своему устройству. Особенность ихъ состоитъ именно въ томъ, что ургинскія кумирни, противъ всеобщаго обыкновенія, раздѣляются на двѣ отдѣльныя части, помѣщающіяся даже въ двухъ отдѣльныхъ, хотя и соединенныхъ между собою зданіяхъ. Первая изъ этихъ частей, спеціально назначаемая для совершенія въ ней ламскихъ молебствій, называется хурулы̀йнъ сӯмэ̀, (тиб. духанъ འདུ་ཁང་). Она представляетъ собою обыкновенное зданіе кумирни, образующее въ срединѣ одну большую комнату, по обычаю, раздѣляемую на три части двумя рядами колоннъ, между которыми устроены ламскія сѣдалища (чжабда̀нъ) при совершеніи богослуженій. У сѣверной стѣны ея также поставляется нѣсколько кумировъ будды и тахилы̀йнъ ширэ̄; но все это здѣсь крайне бѣдно и миніатюрно; потому что всѣ важнѣйшіе бурханы хранятся здѣсь именно во второй части храма, которая непосредственно соприкасается съ сѣверною стѣною хурулы̀йнъ сӯмэ̀ и называется шӯтэ̄нэй öргō. Шӯтэ̄нэй öргō буддійскихъ храмовъ въ Ургѣ, въ совершенную противуположность хурулы̀йнъ сӯмэ̀, сполна заставлены бурханами, передъ которыми навѣшено безчисленное множество хадако̀въ, бада́новъ и т. п. украшеній, а за симъ стоитъ громадный «тахилы̀йнъ ширэ̄» со всевозможными на немъ жертвами. Ламскихъ сѣдалищъ здѣсь уже нѣтъ, да и негдѣ ихъ поставить, ибо тахилы̀йнъ ширэ̄ въ шӯтэ̄нэй öргō стоитъ не далѣе какъ въ двухъ шагахъ отъ входа въ эту часть храма. Такимъ образомъ въ шӯтэ̄нэй öргō никогда не совершается и богослуженій цѣлымъ соборомъ ламъ и только одинъ очередной лама входитъ сюда для прочтенія обычной дневной службы. Но таковое устройство храмовъ, повторяю, является въ Монголіи какъ особенность, которую мнѣ пришлось повстрѣчать только въ ургинскихъ кумирняхъ, да въ двухъ гэгэновскихъ храмахъ монастыря Эрдэнй-цзӯ. Въ прочихъ монастыряхъ Халхи нѣчто подобное можно встрѣчать но уже не въ кумирняхъ, назначаемыхъ для совершенія бого-

служеній, а, такъ сказать, въ часовняхъ, выстроенныхъ для храненія въ нихъ какихъ либо святынь. Такимъ образомъ нѣчто подобное находимъ мы въ тѣхъ монастыряхъ, гдѣ хранятся мощи ([Mongolian script] санск. châriîra) какихъ либо хутухтъ. Для мощей халхаскіе ламы обыкновенно устраиваютъ сӯмэ̀, (монг. [Mongolian script] тиб. གདུང་རྟེན་) наполняютъ его литыми изображеніями бурхановъ, а посреди этого сӯмэ̀ на высокомъ столѣ ставятъ субурганъ съ мощами, передъ которымъ располагается тахилы̀йнъ ширэ̄. Въ этомъ видѣ сӯмэ̀ является очень похожимъ на шӯтэ̄нэй ӧргӧ̄ ургинскихъ кумирень. Другимъ обстоятельствомъ, побуждающимъ монголовъ строить кумирни въ своихъ обыкновенныхъ монастыряхъ безъ предназначенія ихъ къ совершенію богослуженій, является постановка бурхана Ма̀йдари. Въ Монголіи за послѣднее время вошло въ особенное обыкновеніе ставить громадныя статуи Ма̀йдари, величиною въ нѣсколько саженей; понятно, что для такого кумира требуется особая храмина, занятая почти исключительно одною этою статуею. Всѣ кумирни этого рода весьма походятъ на кумирню ургинскаго Ма̀йдари, подробности о которой читатели могутъ найти въ нашемъ сочиненіи «Города сѣверной Монголіи».

Что касается кочевыхъ монастырей, которые хотя и въ самомъ незначительномъ числѣ, но все же встрѣчаются еще въ западной Монголіи и которые наблюдалъ я у Дӯрбетовъ на озерѣ Убса, то они отличаются отъ монастырей халхаскихъ только тѣмъ, что храмы ихъ помѣщаются не въ каменныхъ или деревянныхъ зданіяхъ, а въ войлочныхъ юртахъ, или кибиткахъ. Само собою разумѣется, что эти помѣщенія только въ незначительной степени измѣняютъ храмовую обстановку. Такимъ образомъ въ кочевыхъ монастыряхъ нельзя уже встрѣтить такихъ громадныхъ кумировъ, какіе попадаются въ монастыряхъ осѣдлыхъ; но всѣ принадлежности культа и богослуженій здѣсь остаются тѣже самыя. Нечего говорить конечно, что обыденная жизнь монаховъ, равно какъ и монастырскія правила ни чѣмъ не отличаются какъ въ монастыряхъ осѣдлыхъ, такъ и кочевыхъ.

Особенность послѣднихъ составляетъ единственно обычай перекочевывать съ лѣтовки на зимовку. Эти перекочевки совершаются хӯрѣнемъ всегда съ большою торжественностью и производятъ много шума въ степяхъ. Приготовленія къ перекочевкѣ начинаются недѣли за двѣ до ея совершенія. Прежде всего цзуруха̀йчи, или астрологи, опредѣляютъ время для перекочевки и назначаютъ счастливые дни какъ для того, чтобы хӯрѣню подняться съ мѣста, такъ и для того, чтобы построиться, или, по буквальному выраженію монголовъ, «спуститься» ему на новомъ мѣстѣ. Отъ этого назначенія счастливыхъ дней часто случается то, что пространство въ 40, или 50 верстъ, на которое перекочевываетъ хӯрѣнь, ламы проходятъ иногда въ 4 и 5, а иногда въ 8 и 10 дней. Поѣздъ хӯрѣня заключаетъ въ себѣ цѣлыя сотни подводъ на лошадяхъ и верблюдахъ. Для перевозки большихъ бурхановъ, употребляются въ большинствѣ случаевъ лошади, непремѣнно иноходцы и при томъ для каждаго амурлинъгӯй бурхана приготовляются исключительно бѣлыя лошади, а для перевоза бурхановъ докшитовъ употребляются лошади разныхъ мастей, но при этомъ принимается въ соображеніе какой бурханъ и на какой лошади ѣздитъ. Для постановки бурхана на лошадь, устраиваются особыя широкія сѣдла съ позолоченными луками и подушками, обтянутыми или краснымъ сукномъ, или какою либо матеріею краснаго цвѣта. По верхъ подушки сѣдла поставляется еще «сӯри», родъ ящика съ невысокими стѣнками, въ который ставится кіотъ (ᠮᠣᠩᠭᠣᠯ ᠪᠢᠴᠢᠭ) съ находящимся въ немъ бурханомъ. Малые бурханы, книги и всѣ прочія храмовыя принадлежности перевозятся обыкновенно въ ящикахъ и сундукахъ, или абда̀р'ахъ, навьючиваемыхъ на верблюдовъ. Сбруя послѣднихъ при этомъ также точно бываетъ очень разукрашена: хо̀мы обшиваются матеріями синяго и краснаго цвѣтовъ и по бокамъ расшиваются узорами, цвѣтами, или же наконецъ священными изрѣченіями. При каждой остановкѣ на ночлегъ, ламами совершается особенное молебствіе гацзарыйнъ эцзэн'у, т. е. духу, хранителю той мѣстности, на которой совершается ночлегъ. Прибывъ на мѣсто перекочевки, ламы точно также, еще не развью-

чивая животныхъ, начинаютъ служить установленное молебствіе гацзарыйнъ эцзэн'у, а потомъ уже начинаютъ устанавливать хӯрѣнь и все что въ немъ на свое мѣсто. Вслѣдъ за симъ начинается ихъ старая жизнь, общая каждому времени и мѣсту.

III.

Духовенство.

Если подъ духовенствомъ сѣверной Монголіи разумѣть всѣхъ лицъ, принявшихъ духовное званіе и священные обѣты, то оно составитъ собою такой многочисленный классъ въ Халхѣ, что охватитъ болѣе $^5/_8$ всего халхаскаго народа. Явленіе это, кажущееся поразительнымъ на первый взглядъ, обусловливается однако до нѣкоторой степени самымъ ученіемъ буддизма. Дѣло въ томъ, что будда Шигэмӯни всегда и совершенно признавалъ единственнымъ средствомъ для спасенія полное отрѣченіе человѣка отъ міра, презрѣніе ко всему мірскому и исключительную дѣятельность человѣка на пользу духа. Такимъ образомъ по основному и первоначальному ученію будды, всѣ его послѣдователи должны были бы быть отшельниками, — аскетами. Но позднѣйшіе толкователи буддизма хорошо понимали конечно, что не возможно же все человѣчество обратить къ полному монашеству и аскетизму, оттого поклонниковъ будды и раздѣлили они на монаховъ, — «отрѣшившихся отъ міра» (монг. [illegible]) и на мирскихъ людей, собственно «женатыхъ» (монг. [illegible]). Эти послѣдніе могутъ развивать свой духъ также точно до значительной степени совершенства; почему въ самыя раннія времена буддизма въ литературѣ его извѣстны женатые бодисатвы. Въ настоящее время буддизмъ, являющійся въ формѣ ламаизма, по основному ученію Цзонхавы, изложенному въ сочиненіи: «Боди мӯр'ӯнъ цзэргэ», обязываетъ своихъ послѣдователей только заботиться о спасеніи ихъ духа и употреблять для этого всѣ средства, которыя только будутъ имъ по силамъ. ([illegible]
[illegible]

[illegible]»). Таким̆ образом̆ пост̆ и молитва, воздержаніе от̆ всякой угоды плоти остались основными требованіями религіи и притом̆ чѣм̆ болѣе примет̆ на себя человѣк̆ обѣтов̆ воздержанія, тѣм̆ вѣроятнѣе его спасеніе, ибо ни одна из̆ добродѣтелей не может̆ сравниться с̆ добродѣтелью обѣтов̆. «Добродѣтель от̆ поднесенія драгоцѣнностей побѣдителям̆ врагов̆ ([illegible], санск. arhan) не стоит̆ и одной сотой, даже тысячной части против̆ добродѣтели единаго соблюденія поста». За единственное соблюденіе поста назначается в̆ будущей жизни возрожденіе в̆ «хӳсэл'ӳн̆ тэнгрй». «Соблюдающій восьми-членный обѣт̆ восьмаго, пятьнадцатаго и тридцатаго числа каждаго мѣсяца и в̆ мѣсяц̆ ритй хубилга́на, а равно заботящійся о постѣ, приходит̆ в̆ мою вѣру», сказал̆ будда. Понятно, что при таких̆ основах̆ вѣроученія, каждый монгол̆ естественно стремится сам̆, хотя бы и в̆ період̆ возмужалости принять обѣты убашй, а своим̆ дѣтям̆ по возможности ранѣе даровать духовные обѣты с̆ тѣм̆, чтобы они потом̆ могли легче восходить к̆ степеням̆ высших̆ духовных̆ обѣтов̆. Это дѣлается у монголов̆ не из̆ какой либо выгоды, а просто по религіозности; их̆ восхожденіе к̆ высшим̆ степеням̆ духовнаго званія опять таки не обусловливается жаждою почестей, но является для них̆ завѣтною мечтою именно потому, что принятіе обѣтов̆ дает̆ важное преимущество человѣку в̆ дѣлѣ спасенія. Наконец̆, самое ученіе будды раздѣляется на три части: одно из̆ них̆ высшее, другое — среднее, третье — низшее. Изучать то или другое ученіе и слѣдовательно усвоивать его себѣ человѣк̆ может̆ только послѣ принятія соотвѣтствующих̆ обѣтов̆; не принявъ же посвященія, читать священныя книги почитается грѣховным̆. Это положеніе, всецѣло соблюдаемое у современных̆ монголо-буддистов̆, служит̆ одною из̆ главных̆ причин̆, по которым̆ монголы принимают̆ на себя духовное званіе и посвящают̆ ему своих̆ дѣтей еще во младенчествѣ. Ребенок̆, не будучи посвящен̆, не имѣет̆ права читать священных̆ книг̆, а слѣдовательно не только приготовляться к̆ высшим̆ степеням̆ священства, но и знать основательно правила своей рели-

гіи[1]). Таковы основныя причины того, на первый разъ кажущагося страннымъ, явленія, по которому въ Халхѣ принимаютъ обѣты убаши дѣти четырехъ, и пяти лѣтняго возраста и многіе изъ нихъ окончательно поступаютъ въ монашество, принимая посвященіе въ баньди въ періодъ отъ 7 до 10 и уже ни какъ не позже 12 лѣтъ.

Возникающее отсюда чрезмѣрное увеличеніе монашества въ Халхѣ должно было бы, повидимому, естественно отразиться на благосостояніи этой страны и вызвать собою ограниченія со стороны китайскаго правительства тѣмъ болѣе, что послѣднее всегда держалось и еще до нынѣ держится правила объ освобожденіи духовенства отъ всякаго рода податей, повинностей и налоговъ; но китайцы въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, являются довольно своеобразны по своей политикѣ. Не стѣсняя убѣжденій подвластнаго народа, китайское правительство предоставляетъ ему жить и дѣйствовать какъ онъ хочетъ, лишь бы только были исполнены всѣ требованія самого правительства. Китайцы несомнѣнно знаютъ, что въ Халхѣ въ настоящее уже время цѣлыхъ $^5/_8$ населенія приняло ламскіе обѣты, но дѣйствительными ламами, т. е. свободными отъ всякаго рода гражданскихъ повинностей, они признаютъ только тѣхъ, которые имѣютъ у себя грамоты на духовное званіе. Чтобы получить такого рода грамоту, каждый монгольскій лама долженъ прежде всего испросить отъ своего сумуна, (т. е. отъ своей военной роты) свидѣтельство, которое удостовѣряло бы, что сумунное общество желаетъ имѣть его ламою и исполнитъ за него всѣ обязанности, налагаемыя на мон-

1) Эта ревнивая охрана изученія религіи является въ высшей степени своеобразнымъ способомъ охраненія религіознаго ученія въ чистотѣ. По правиламъ, практикующимся нынѣ въ Монголіи и у нашихъ Бурятъ, чтеніе буддійскихъ догматическихъ сочиненій, принадлежащихъ къ отдѣлу «йэхэ хўлгэнъ», не возможно нынѣ безъ особаго посвященія даже и для ламъ; для того же, чтобы изучать произведенія этого рода необходимо во 1-хъ принять особое посвященіе (тиб. лунъ-абишикъ), а во 2-хъ прослушать толкованіе ученія отъ человѣка, уже знакомаго съ нимъ. Ламы преподающіе ученіе такимъ образомъ называются «ўндўсунъ лама». Въ этомъ отношеніи иногда и простолюдинъ можетъ явиться руководителемъ ламы, если онъ уже прослушалъ извѣстное ученіе, а ламѣ почему либо не пришлось сдѣлать этого.

гольскія общины гражданскими постановленіями Китая. Это свидѣтельство лама долженъ представить своему хошўнному цзасакў (правителю) и просить его ходатайствовать предъ Палатою Внѣшнихъ Сношеній въ Пекинѣ о дарованіи ему ламской грамоты. Хошўнный цзасàкъ представляетъ это прошеніе вмѣстѣ съ сумўннымъ свидѣтельствомъ и своимъ заключеніемъ на сеймъ монгольскихъ князей, послѣ чего сеймовой старшина (чигўлгану даргà) входитъ по этому дѣлу въ сношеніе съ Пекиномъ. Пекинская Палата Внѣшнихъ Сношеній выдаетъ грамоты на духовное званіе уже своею властью, но о количествѣ выданныхъ грамотъ она ежегодно обязана составлять отдѣльную вѣдомость и представлять ее на усмотрѣніе богдохана. Такимъ образомъ полученіе грамоты на духовное званіе необходимо предполагаетъ собою длинную процедуру ходатайствъ, переписокъ и обсужденій, при извѣстномъ же взяточничествѣ китайскихъ чиновниковъ оно необходимо сопряжено еще и съ значительными матеріальными затратами. Это обстоятельство служитъ причиною того, что монгольскіе ламы почти никогда не имѣютъ у себя грамотъ на духовное званіе, выдаваемыхъ отъ Пекинскаго правительства и даже тѣ изъ нихъ, которые живутъ постоянно при монастыряхъ обыкновенно довольствуются однимъ лишь разрѣшеніемъ своего хошўннаго князя. Китайцы, повторяю снова, смотрятъ на это принятіе духовнаго званія сквозь пальцы, а монгольскіе князья, по своимъ убѣжденіямъ, едва ли даже не почитаютъ грѣхомъ воспретить тому или другому изъ своихъ данниковъ принятіе духовныхъ обѣтовъ. При такомъ положеніи дѣлъ возростаніе ламства въ Монголіи представляется весьма естественнымъ. Необходимость за симъ породила сама собою невозможность уклоненія ламъ отъ исполненія государственныхъ повинностей и въ настоящее время ламу, пожалуй, даже чаще можно встрѣтить отбывающимъ всякаго рода повинности, чѣмъ простолюдина. Правда, мнѣ никогда не приходилось встрѣчать ламъ, которые прямо бы отбывали военную повинность въ военномъ лагерѣ и служили бы въ строю какъ солдаты; но, проживая лѣтомъ 1877 г. въ Барўнъ-хўрѣ, я не рѣдко видалъ какъ молодые хуварàки на ряду съ

солдатами занимались стрѣльбою въ цѣль изъ лука. Это конечно могло быть не больше какъ развлеченіемъ, но тѣмъ не менѣе должно свидѣтельствовать, что ламамъ не чуждо искуство стрѣлять. Впрочемъ, если принять въ разсчетъ, что ламы, наравнѣ съ простолюдинами служатъ на пограничныхъ пикетахъ, то почему же не сказать, что они отбываютъ и военную повинность? Что касается отправленія почтовой повинности, то здѣсь ламы являются уже положительно безразличны отъ свѣтскихъ: на каждой станціи ихъ можно встрѣтить то содержателями почтоваго станка, то подводчиками, то пастухами почтовыхъ табуновъ и проч. [1]). Очевидно стало быть, что ламы въ настоящее время исполняютъ въ Монголіи рѣшительно всѣ повинности, налагаемыя на монголовъ китайскимъ правительствомъ. Отъ отбыванія этихъ повинностей, по обычаю, освобождаются только тѣ, которые живутъ постоянно въ монастыряхъ. Число ихъ является сравнительно уже очень незначительнымъ, ибо на вѣчную жизнь

---

1) Все сказанное представляетъ собою дословныя выписки изъ моего дневника 1879 года, составленныя на основаніи моихъ личныхъ наблюденій надъ жизнью ламайскаго духовенства въ Монголіи. Въ минувшемъ 1885 г. въ жизни монгольскаго духовенства (собственно въ зап. Монголіи, или въ Чжунгаріи) совершилось чрезвычайно крупное новшество. Начальникъ чугучакскаго военнаго округа, амбань Ши, пріѣхавъ изъ Китая на мѣсто своей службы, обратилъ вниманіе на многочисленный и всю свою жизнь проводящій въ бездѣятельности классъ духовенства. Считая нужнымъ положить конецъ праздному препровожденію времени особливо молодыми хуварàками, состоящими въ званіи гэцулей, онъ еще въ 1884 году укорилъ въ письменномъ посланіи старѣйшинъ монгольскаго народа въ поощреніи ими молодежи къ разврату и праздности и, рѣшивъ, что молодежь обязана быть полезною государству, въ видѣ опыта собралъ до сотни гэцӯлей подъ знамена; а вскорѣ за симъ и всѣ молодые гэцӯли были переписаны въ кочевьяхъ, собраны въ Дӯрбӯлчжѝнъ и взяты въ военную службу. Дѣло обошлось безъ особаго затрудненія, пришлось только наказать не многихъ крикуновъ, наиболѣе шумѣвшихъ противъ нарушенія ихъ будто бы священныхъ правъ. Такимъ образомъ изъ собранныхъ гэцӯлей составилось почти цѣлое знамя. Генералъ-майоръ Щетининъ въ 1885 г. видѣлъ этотъ полкъ солдатъ-монаховъ. По словамъ его они были одѣты въ куртки и панталоны изъ бязи, заправленные въ короткіе, конской кожи сапоги. Куртки и панталоны желтаго цвѣта, присвоеннаго духовенству желтой вѣры. Все знамя гэцӯлей представляетъ собою конницу и часть, до ста человѣкъ, пріучена къ дѣйствію при большихъ крѣпостныхъ ружьяхъ, или фальконетахъ, которые возятся на вьюкахъ.

въ монастыряхъ посвящаютъ себя весьма не многіе. Большинство монгольскихъ ламъ поступаетъ въ монастырь въ періодъ отъ 8 до 10 лѣтняго возраста, проживаетъ въ немъ лѣтъ до 17-ти, пока изучаетъ полный кругъ богослуженій и за симъ возвращается въ степи съ тѣмъ, чтобы проводить тамъ обыденную жизнь простолюдина; все отличіе этихъ ламъ состоитъ только въ томъ, что они приписываются къ своимъ сумӯннымъ хӯрѣ и обязаны являться сюда для совершенія богослуженій въ дни великихъ хура̊ловъ. Обо всѣхъ ламахъ, живущихъ въ томъ, или другомъ монастырѣ, постоянно ведется списокъ у настоятеля монастыря и у гэбкӯй'я (благочиннаго); послѣдніе обязаны ежегодно представлять этотъ списокъ своему хошӯнному цзасакӯ, который хранитъ его отдѣльно; не включая поименованныхъ въ немъ личностей въ общій списокъ жителей своего хошӯна. Ламы, которые живутъ въ степи внѣ монастыря, наоборотъ, записываются въ общемъ спискѣ данниковъ своего князя съ обозначеніемъ только противъ ихъ имени того званія, которое они имѣютъ: гэлӯнъ, гэцӯль, или ба́ньди. Кромѣ того всѣ эти ламы выписываются хошӯннымъ правителемъ въ особые списки по сумӯнамъ и каждый такой списокъ препровождается къ настоятелю сумӯннаго монастыря, чтобы послѣдній могъ знать о количествѣ принадлежащаго къ его монастырю духовенства. Это включеніе степныхъ ламъ въ общій списокъ данниковъ уже прямо показываетъ на то, что въ понятіяхъ самихъ монголовъ эти ламы должны отбывать повинности на ряду со всѣми прочими податными монголами. Что касается ламъ, проживающихъ въ монастырѣ, то они, какъ уже было сказано, въ списокъ данниковъ не включаются: о нихъ ведетъ особую вѣдомость монастырское начальство, оно ими управляетъ, оно ихъ судитъ, оно и принимаетъ на себя отвѣтственность за нихъ. Въ силу этихъ установившихся обычаемъ порядковъ, включеніе въ монастырскій списокъ того, или другаго лица совершается въ халхаскихъ обителяхъ съ довольно большою осмотрительностью. Всякій, пришедшій на жительство въ монастырь безъ позволенія своего хошӯннаго князя, никогда не вносится въ монастырскіе списки до тѣхъ поръ, пока

не представитъ этого позволенія. Но и этого мало. Не только взрослый лама, но даже и каждый ребенокъ, поступившій въ монастырь, въ теченіе перваго года своего пребыванія въ немъ также точно не можетъ быть записанъ въ монастырскій списокъ; — этотъ годичный срокъ новопоступившій пробываетъ, такъ сказать, на испытаніи у членовъ монастырской общины. Тоже самое соблюдается и въ отношеніи прислужниковъ, лицъ, не могущихъ опредѣлить съ точностью своего происхожденія и проч. Вопросъ о включеніи новыхъ личностей въ число монастырской братіи, равно какъ и о выпискѣ выбывшихъ членовъ обсуждается всегда соборомъ всѣхъ монастырскихъ ламъ въ дни великихъ хура̀ловъ.

Посвященіе въ убашѝ, равно какъ и постриженіе въ ба́ньди, т. е. въ первую степень буддійскаго монашества, можетъ быть совершено во всякомъ простомъ домѣ; поэтому монголъ простолюдинъ, желающій дать обѣты убашѝ своему сыну, обыкновенно приглашаетъ для этого таинства имѣющаго совершать его ламу къ себѣ на домъ. Преподать посвященіе можетъ каждый гэлӯнъ, тѣмъ не менѣе такъ какъ всякій заботится о томъ, чтобы принять обѣты отъ лица, стоящаго на высшей степени іерархіи, то для дарованія обѣтовъ обыкновенно приглашаютъ или порчжѝ (намѣстника монастыря), или же въ крайнемъ случаѣ гэбкӯй'я (т. е. монастырскаго благочиннаго). Для обряда посвященія назначается только два дня въ мѣсяцѣ и именно 8-е и 15-е числа. Сообразно совершенію высокаго таинства, въ юртѣ монгола къ назначенному дню все убирается и вычищается: обмываются столики, на которыхъ поставляются бурханы, чистятся мѣдныя жертвенныя чашечки, кіоты бурхановъ и проч.; за симъ вся юрта окуривается благовонною травою, которую монголы называютъ арца̀ и которая похожа на душистую полынь. Будучи высушена и истолчена, трава эта получаетъ названіе сангы̀йнъ идэ̄ ([illegible]) и для куренія посыпается на уголья въ кадильницу ([illegible]); помимо сего въ юртѣ возжигаютъ хӯчжи, или курительныя свѣчи; какъ необходимая принадлежность совершенія таинства, въ юрту вносится литое изображеніе Шигэмӯни, которое

поставляется впереди всѣхъ, имѣющихся бурхановъ и книга обряда посвященія. «Хотя бы, говорятъ правила буддизма, посвящающій и зналъ наизусть всѣ обряды и молитвы, тѣмъ не менѣе книга обрядовъ посвященія должна быть здѣсь какъ доказательство, что посвященіе должно быть именно таковымъ, какимъ оно преподается». За симъ приготовляются жертвы для бурхановъ, главнѣйшею изъ которыхъ почитается «табӯнъ чихулȧ хӯсэхӯй» и наконецъ необходимое угощеніе для приглашенныхъ къ посвященію ламъ.

Когда приходитъ лама, имѣющій преподавать обѣты посвящаемому, ему подносятъ чашку «съ водою для возліянія» ([illegible]) и цвѣтокъ. Принявъ чашку съ водою, онъ выливаетъ нѣсколько капель на руки и передаетъ ее подавшему, а потомъ, взявъ отъ него цвѣтокъ, садится на первое мѣсто, по лѣвую сторону отъ бурхановъ. Въ это время ему подставляютъ столикъ, на который кладетъ онъ свою шапку, четки и проч. Обрядъ посвященія начинается тѣмъ, что посвящающій заставляетъ посвящаемаго сдѣлать сначала девять поклоновъ предъ изображеніемъ Шигэмӯнія и три передъ собою, а потомъ сажаетъ его передъ собою такъ, какъ можно сидѣть, ставши предварительно на колѣна ([illegible]), приказываетъ посвящаемому сложить руки на груди андреевскимъ крестомъ и обращаетъ къ нему слѣдующую рѣчь: «Намѣреваясь принять посвященіе въ убашй, вы должны разсуждать такъ: существуютъ три царства матеріальнаго міра; но въ которомъ бы изъ нихъ ни родиться, необходимо будешь претерпѣвать страданія; поэтому необходимо всесовершенно избавиться отъ страданій орчилана (матеріи) и, ради блага одушевленныхъ существъ, дѣлать только то, что способствуетъ пріобрѣтенію святости всесовершеннаго будды, которая всецѣло избавляетъ отъ страданій. Для сего то необходимо вамъ, предпославъ вѣру въ три драгоцѣнности, принять обѣты убашй, содержащаго пять заповѣдей и сохранять ихъ съ этого времени до смерти. Положите начало твердому и непоколебимому стремленію (къ исполненію обѣтовъ) и храните его съ этихъ поръ до смерти».

На эту рѣчь посвящаемый отвѣчаетъ: «тѝйнъ, соизволь вѣдать, я (такой то по имени) съ этого времени и пока буду живъ, буду вѣровать въ будду высочайшаго изъ двуногихъ [1]), буду вѣровать въ ученіе — высочайшее изъ безстрастій, буду вѣровать въ духовенство, — высочайшее изъ сонмовъ; соизволь же, тѝйнъ, преподать мнѣ посвященіе въ убашѝ до самой моей смерти. Тѝйнъ, соизволь принять (меня)!» Такъ какъ эти слова посвящаемаго должны быть повторены три раза, то посвящающій заставляетъ посвящаемаго повторить тоже самое во второй разъ. По исполненіи этого требованія, посвящающій заставляетъ посвящаемаго сказать тоже самое въ третій разъ и при этомъ объясняетъ ему, что, когда будетъ говорить онъ слова «соизволь же, тѝйнъ, преподать мнѣ посвященіе въ убашѝ», онъ, посвящающій, сдѣлаетъ рукою щелчокъ въ воздухѣ и въ то самое мгновеніе онъ, посвящаемый, сдѣлается принявшимъ обѣты убашѝ, а онъ, посвящающій, сдѣлается его учителемъ: поэтому то оканчивать свою рѣчь онъ долженъ уже не словами: «тѝйнъ, соизволь принять меня», а словами: «учитель, соизволь принять меня». Послѣ произнесенія указаннымъ образомъ этихъ трехъ обѣтовъ и просьбы въ третій разъ и по совершеніи таинства, посвящающій снова обращается къ посвящаемому съ слѣдующею рѣчью: «И такъ ты получилъ обѣты убашѝ; но если, получивши, ты не будешь сохранять ихъ, то не только не будетъ пользы, а будетъ еще великій грѣхъ. Поэтому нужно соблюдать ихъ. Правила, которыя нужно соблюдать, слѣдующія: Святые, удаляясь мыслями отъ пяти грѣховныхъ дѣлъ, во главѣ которыхъ стоитъ убійство, воздерживались отъ нихъ своимъ тѣломъ и языкомъ; поэтому и ты обѣщайся подражать имъ». На эту рѣчь посвящаемый отвѣ-

1) Монгольское выраженіе « » буквально значитъ «двуногіе» и я всегда принималъ его за эпитетъ понятія «человѣкъ», подобно тому, какъ слово—четвероногій—можетъ служить эпитетомъ для животныхъ; но ламы слово принимаютъ здѣсь въ значеніи «средство для спасенія»; на этомъ основаніи, переводъ этихъ словъ, по толкованію ихъ, выходитъ не «вѣрую въ будду, высочайшаго изъ людей», а «вѣрую въ будду, высочайшаго изъ обладающихъ двумя средствами спасенія».

чаетъ такъ: «Учитель, соизволь вѣдать, подобно тому какъ святые и побѣдители враговъ отрекались отъ лишенія жизни (какихъ либо одушевленныхъ существъ), и воздерживались отъ убійства, точно также и я, (такой-то по имени) съ этой минуты и до конца жизни отрекаюсь отъ убійства и буду воздерживаться отъ лишенія жизни. Черезъ эту основную заповѣдь я буду поучаться правиламъ святыхъ и побѣдителей враговъ, буду исполнять ихъ, буду поступать по нимъ. Далѣе, подобно тому какъ святые и побѣдители враговъ на всю свою жизнь отрекались отъ того, чтобы брать не дарованное (воровать), возбуждаться грѣховными пожеланіями, говорить ложь, употреблять вино изъ плодовъ и вообще все опьяняющее и дающее поводъ къ нецѣломудрію, подобно тому, какъ они воздерживались отъ употребленія вина изъ плодовъ, приготовленнаго вина и отъ всего опьяняющаго, точно также и я (такой то по имени), съ этой минуты и на всю жизнь отрекшись отъ того, чтобы брать недарованное, возбуждаться грѣховными пожеланіями, говорить ложь, употреблять вино изъ плодовъ, приготовленное вино и все опьяняющее и дающее поводъ къ нецѣломудрію, буду воздерживаться отъ вина изъ плодовъ, приготовленнаго вина и отъ всего опьяняющаго и дающаго поводъ къ нецѣломудрію. Чрезъ эти пять заповѣдей я буду поучаться правиламъ святыхъ и побѣдителей враговъ, буду исполнять ихъ, буду поступать по нимъ».

Выслушавъ эти обѣты отъ посвящаемаго, посвящающій говоритъ ему: «И такъ ты вполнѣ получилъ обѣты убаши̇; поэтому я преподамъ тебѣ ученіе о томъ, чему предпосылалъ ты вѣру. Такъ какъ ты обѣщался вѣровать въ будду, то ты не долженъ покланяться и чествовать другихъ тэнгріевъ и божествъ. Такъ какъ ты обѣщался вѣровать въ священное ученіе, то ты долженъ отречься отъ того, чтобы вредить одушевленнымъ существамъ и мучить ихъ. Такъ какъ ты обѣщался вѣровать въ сонмъ хуварàковъ, то ты не долженъ входить въ общеніе съ еретиками, и вообще благоговѣть предъ высокими святыми, полагаться на нихъ, слушать ученіе святыхъ, разсуждать о томъ, какъ слѣдуетъ поступать согласно священному ученію и исполнять священное

ученіе; ты не долженъ чрезмѣрно возбуждать свои чувства, долженъ принимать, на сколько хватитъ у тебя силъ, обѣты, относится съ любовію и состраданіемъ ко всѣмъ одушевленнымъ существамъ и поучаться въ прилежаніи къ чествованію трехъ драгоцѣнностей. Если преступишь ты главные четыре обѣта, во главѣ которыхъ убіеніе человѣка, то твои обѣты уничтожатся и тогда ты принимай ихъ снова; если преступишь пять обѣтовъ, во главѣ которыхъ лишеніе жизни какого либо одушевленнаго существа помимо человѣка, то раскайся предъ кѣмъ либо, имѣющимъ полные обѣты (какимъ либо гэлўномъ)».

Этимъ наставленіемъ оканчивается посвященіе въ убашѝ. Какъ видно изъ совершенія этого обряда, посвящаемый въ убашѝ не получаетъ при своемъ посвященіи ни какихъ отличій: онъ остается тѣмъ же мiряниномъ, не имѣя права ни на какую либо особую одежду, ни на бритье головы, что составляетъ собственно особенность уже принявшихъ обѣты ба́ньди. Въ Халхѣ почти всѣ простолюдины имѣютъ обѣты убашѝ; но по внѣшнему виду эти посвященные сохраняютъ все мирское. Впрочемъ у бурятъ и у калмыковъ, равно какъ и въ западной Монголіи убашѝ доставили таки себѣ отличіе, усвоивъ обычай носить по принятіи обѣтовъ красную ленту черезъ правое плечо. Въ самой Халхѣ обычай этотъ исполняютъ очень не многіе, развѣ ужь престарѣлые старики, да пожалуй еще нищіе, въ доказательство своего особаго благочестія, почитаютъ эту ленту необходимою принадлежностью своего костюма.

Посвященіе въ убашѝ, совершаемое надъ малолѣтными, служитъ въ Халхѣ обыкновенно только пріуготовленіемъ посвящаемыхъ къ принятію ими обѣтовъ монашества, т. е. собственно — первой монашеской степени — ба́ньди; отъ этого оба эти посвященія не рѣдко производятся совершенно одновременно, хотя обряды преподаванія тѣхъ и другихъ обѣтовъ не смѣшиваются между собою. Все различіе состоитъ только въ томъ, что когда посвящаемому хотятъ одновременно преподать обѣты убашѝ и ба́ньди, то для совершенія обрядовъ приглашаютъ уже не одного гэлўна, а нѣсколько, или точнѣе, никакъ не менѣе четырехъ лицъ;

обрядъ посвященія въ убаши совершаетъ при этомъ обыкновенно старшій изъ присутствующихъ. По окончаніи обряда посвященія въ убаши, посвящающій приступаетъ къ обряду постриженія въ званіе бáньди и начинаетъ этотъ обрядъ также точно, какъ началъ бы и совершая его отдѣльно отъ посвященія въ убаши.

Обрядъ постриженія въ бáньди начинается тѣмъ, что первенствующій лама приказываетъ постригаемому сѣсть противъ себя, сложивъ руки на груди андреевскимъ крестомъ и обращается къ нему съ слѣдующею рѣчью. «Если вы желаете быть монашествующимъ, то необходимо, чтобы у васъ не было ни какихъ препятствующихъ этому обстоятельствъ. Если люди, причастные таковыхъ, возбраняющихъ обстоятельствъ, примутъ монашество, то въ духовной природѣ ихъ не установятся обѣты, или если установятся, то не разовьются; на этомъ-то основаніи не только не будетъ пользы для вашего существа, но и мнѣ самому будетъ грѣхъ. И такъ внимательно отвѣчайте на мои вопросы.

1) Не принадлежите ли вы къ исповѣдующимъ еретическое ученіе?

2) Не находитесь ли вы въ возрастѣ менѣе 15-ти лѣтъ?

3) Если вы и достигли 15-ти лѣтняго возраста, не находитесь ли вы въ состояніи неспособности прогнать воронъ [1])?

4) Если вы способны прогнать воронъ, не находитесь ли вы въ возрастѣ менѣе семи лѣтъ?

5) Не рабъ ли вы?

6) Не должникъ ли вы?

7) Получили ли вы разрѣшеніе отъ своихъ отца и матери?

8) Не (находитесь ли вы) въ мѣстѣ, на пребываніе ваше въ которомъ не были согласны ваши отецъ и мать?

9) Не больны ли вы?

10) Не мучили ли вы и не злословили ли своихъ родителей, или духовныхъ лицъ?

---

1) Т. е. въ состояніи такого безсилія, чтобы не мочь прогнать птицъ, которыя могутъ прилетѣть и склевать пищу.

11) Не присвоили ли вы себѣ чужаго имущества тайно, или неправильными средствами?

12) Не существо ли вы вездѣсущее?

13) Не принадлежите ли вы къ существамъ призрачнымъ? ([illegible]).

14) Не двуполый ли вы?

15) Не хубилганъ (= оборотень) ли вы?

16) Не безсловесное ли вы животное?

17) Не находитесь ли вы въ сношеніяхъ съ еретиками?

18) Не убили ли вы свою мать?

19) Не убили ли вы своего отца?

20) Не убили ли вы архан'а?

21) Не клеветали ли вы на духовенство?

22) Не пролили ли вы злонамѣренно кровь изъ тѣла будды?

23) Не подвергались ли вы какому либо изъ четырехъ унизительныхъ паденій [1])?

24) Не увѣчный ли вы?

25) Не принадлежите ли вы къ имѣющимъ одинъ ноготь? ([illegible]).

26) Не выбраны ли вы къ исполненію какой либо обязанности ха̄номъ, или правительствомъ?

27) Не поросли ли вы волосами?

28) Имѣете ли вы дозволеніе на принятіе духовнаго званія отъ ха̄на?

29) Не находитесь ли вы въ мѣстѣ, недозволенномъ ха̄номъ?

30) Не извѣстны ли вы въ обществѣ какъ воръ и разбойникъ?

31) Не посрамлены ли вы?

32) Не обманщикъ ли вы?

33) Не палачъ ли вы?

---

1) Подъ именемъ четырехъ унизительныхъ паденій ([illegible]) разумѣются: a) убіеніе человѣка, b) великая ложь, c) воровство, и d) прелюбодѣяніе.

34) Не принадлежите ли вы къ низкому происхожденію?

35) Не принадлежите ли вы къ существамъ, отдѣльнымъ отъ человѣка?

36) Не принадлежите ли вы къ сѣверному тибу зловѣщихъ?

37) Не имѣютъ ли ваши члены трехъ измѣненій?

38) Не женщина ли вы подобная мужчинѣ?

39) Не имѣете ли вы какихъ либо грѣховныхъ отличительныхъ примѣтъ?

40) Не рождены ли вы на какомъ либо другомъ тибѣ, или не имѣете ли вы какихъ либо другихъ внѣшнихъ формъ?

Когда посвящаемый дастъ на всѣ эти вопросы удовлетворительные отвѣты, то тотчасъ же, смотря по удобству помѣщенія, по правую или по лѣвую сторону первенствующаго въ совершеніи обряда гэлӯна кладутъ сложенныя одежды и принадлежности духовныхъ лицъ, которыя должны быть преподаны посвящаемому при совершеніи надъ нимъ обряда. Это во 1-хъ *номтӯ дэбискэ̀ръ*, или коверъ духовной особы; во 2-хъ *шантȁбъ* и въ 3-хъ *номтӯ дэбэ̀лъ*. Поверхъ ихъ ставятъ 4) *аягȁ*, т. е. чашку, въ которую, чтобы не была она пустою, по уставу, кладутъ нѣсколько рису, или пшена, и 5) вѣничекъ для обмахиванія воды. Вслѣдъ за симъ первенствующій гэлӯнъ обращается къ старѣйшему изъ сослужащихъ съ нимъ и говоритъ: «Другъ добродѣтели (такой то по имени), доложи хуварȁкамъ о посвященіи въ духовное званіе такого-то (имя рекъ). На это предложеніе гэлӯнъ, къ которому обращена рѣчь, спрашиваетъ у первенствующаго: «совершенно ли свободенъ этотъ (имя рекъ) отъ духовныхъ препятствій»? Первенствующій отвѣчаетъ: «совершенно свободенъ». Тогда гэлӯнъ, которому предложено сдѣлать докладъ, беретъ посвящаемаго, заставляетъ его сдѣлать три поклона передъ сидящими ламами и потомъ снова сажаетъ его, поставивъ на колѣна и приказавъ сложить руки на груди андреевскимъ крестомъ. Посвящаемый долженъ быть одѣтъ при этомъ въ бѣлую рубаху, если же таковой не имѣется, то быть опоясаннымъ бѣлымъ поясомъ. По совершеніи поклоненія гелӯнъ-докладчикъ сообщаетъ призваннымъ къ обряду ламамъ, что такой-то (имя посвящаемаго)

желаетъ принять посвященіе отъ такого-то (имя посвящающаго) и что по свидѣтельству этого посвящающаго онъ, посвящаемый, совершенно свободенъ отъ препятствующихъ обстоятельствъ. И такъ, заключаетъ онъ, сдѣлаете ли вы его тòйномъ (монахомъ)? «Если онъ совершенно свободенъ отъ препятствій, то можно», отвѣчаютъ ламы. Тогда посвящаемаго снова заставляютъ сдѣлать передъ первенствующимъ гелӱномъ три поклона и сажаютъ его со сложенными на груди руками, а первенствующій говоритъ ему: «для того, чтобы сдѣлать тебя тòйномъ (монахомъ), тебѣ необходимъ руководитель» ([illegible])[1]. Быть руководителемъ можетъ всякій хубилганъ и хутухта, хотя бы онъ былъ въ низшихъ степеняхъ посвященія, но изъ простыхъ ламъ не можетъ быть всякій: необходимъ гэлӱнъ, прослужившій уже десять лѣтъ, мудрый и способный доставить пользу; таковаго только и можно сдѣлать руководителемъ. Такъ какъ каждый посвящаемый въ бàньди обыкновенно дѣлаетъ своимъ руководителемъ ([illegible]) того ламу, который преподалъ ему обѣты убашѝ, и слѣдовательно почитается его учителемъ, то на сказанную рѣчь посвящающій обыкновенно отвѣчаетъ первенствующему ламѣ такъ: Учитель, соизволь вѣдать, я (такой то по имени) прошу васъ, моего учителя, быть моимъ руководителемъ, учитель, соизволь быть моимъ руководителемъ; учитель, руководитель! меня должно сдѣлать монашествующею духовной особой (собственно: «оставившимъ міръ тòйномъ»). Слова эти посвящаемый долженъ произнесть три раза; при произнесеніи въ третій разъ словъ «учитель соизволь быть

---

1) Слово «убадѝни», санскр. upaďhyâya, въ монгольскихъ лексиконахъ толкуется во 1-хъ какъ — ученый, свѣдущій; во 2-хъ учитель, преимущественно духовная особа, имѣющая высшую степень священства и приготовляющая другихъ въ духовное званіе, а равно и къ полученію высшихъ степеней въ этомъ званіи. Но въ практикѣ монголовъ такое значеніе не всегда соединяется съ этимъ словомъ. Убашѝ, принимая обѣты бàньди въ присутствіи какого либо хутухты, непремѣнно уже имѣетъ въ немъ своего убадѝни, хотя въ дальнѣйшей жизни онъ находится подъ руководствомъ совершенно другаго ламы, который и приготовляетъ его къ полученію высшей степени гэцӱл'я. Такимъ образомъ слово «убадѝни» нѣсколько утратило у монголовъ свое значеніе и стало выражать первенствующаго, или руководящаго обрядомъ посвященія; отсюда ему усвояется значеніе «одоригӯлсунъ».

моимъ руководителемъ», первенствующій дѣйствительно становится его руководителемъ; поэтому продолжая свою рѣчь, посвящаемый уже не говоритъ въ третій разъ «учитель, руководитель! меня должно....», а просто: «руководитель, меня должно.... и т. д.». Послѣ сего первенствующій гэлўнъ сообщаетъ посвящаемому, что правила буддизма предписываютъ каждому духовному лицу полагаться на своего руководителя и почитать его какъ самого будду, изъявлять своему руководителю всегдашнюю признательность, приносить ему жертвы и воздавать почести, докладывать ему обо всѣхъ своихъ дѣлахъ и во всемъ поступать согласно его приказаніямъ, отступленіе же отъ этихъ правилъ составляетъ великій грѣхъ. Потомъ обращаясь къ гелўну, который назначенъ обрѣзывать косу посвящаемому, первенствующій говорить: «Такой-то (имя рекъ), исполните обрѣзаніе косы и прочее сему принадлежащее надъ этимъ (имя рекъ)». Гелўнъ, получивши это приказаніе, встаетъ и, взявъ въ лѣвую руку пучекъ волосъ на головѣ посвящаемаго, а въ правую ножницы, говоритъ: «О такой-то (имя рекъ), радуешься ли ты своему постриженію?» «Радуюсь» отвѣчаетъ постригаемый и тогда гелўнъ, отрѣзавъ у него клочекъ волосъ сзади, подаетъ эти волосы первенствующему руководителю, а послѣдній, разсѣявъ ихъ предъ кумиромъ будды, произноситъ: «тэнгри, хранители бѣлой стороны, соизвольте возвеселиться!» Вслѣдъ за симъ посвящаемаго омываютъ, смотря по времени года, если зимою, то теплой водой, а если лѣтомъ, то холодной. Собственно, по уставамъ, слѣдуетъ омывать при этомъ все тѣло посвящаемаго, но обыкновенно обрядъ этотъ оканчивается только омовеніемъ рукъ, ногъ и головы, что дозволяется дѣлать, если посвящаемый будетъ боленъ, или окажется недостатокъ въ водѣ. За симъ посвящаемаго снова приводятъ къ ногамъ первенствующаго гелўна и, заставивъ его сдѣлать три поклона, сажаютъ, поставивъ на колѣна. На лѣвое плечо его кладутъ *номтў дэбискэ̀ръ*, *шантабъ* и *номтў дэбэ̀ль* при томъ такъ, что номтў дэбэ̀ль приходится уже на оконечности лѣвой руки посвящаемаго. Первенствующій гэлўнъ, положивъ правую руку на *номтў дэбэ̀ль* произноситъ: «Эта номтў дэбэ̀ль

(священная одежда), носимая на раменахъ и на груди и называемая «высокимъ одѣяніемъ», составляетъ особенное отличіе отъ мірянъ и еретиковъ. Такъ какъ она даруется тебѣ какъ одежда, долженствующая возвышать духъ шрамани и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ одежда, долженствующая защищать тебя отъ мухъ, комаровъ, вѣтра, солнца, холода и зноя; то ты долженъ подумать и положить въ своемъ сердцѣ рѣшимость навсегда принять это «высокое одѣяніе». Съ этими словами онъ полагаетъ номтӯ дэбэль на правое плечо посвящаемаго. Точно такимъ же образомъ положивъ свою руку и на шантȁбъ, первенствующій гелӯнъ произноситъ: «это шантȁбъ, надѣваемый на поясницу: онъ служитъ покрышкою для наготы нижней части тѣла и скрытыхъ частей, а равно и долженствуетъ защищать отъ прикосновенія мошекъ и прочаго. Это одѣяніе составляетъ особенное отличіе отъ мірянъ и еретиковъ и дается тебѣ какъ одежда, долженствующая возвышать мысли шрамани; поэтому ты долженъ положить въ своемъ сердцѣ рѣшимость носить постоянно такой напольникъ (хормӧкчи). Учитель будда, нося точно такіе нагрудникъ и напольникъ, пріобрѣлъ званіе будды; ученикамъ своимъ онъ также точно пожаловалъ это платье; поэтому и ты, одѣвшись въ такой же нагрудникъ и напольникъ, долженъ смирять и успокоивать свой духъ». Съ этими словами онъ полагаетъ шантȁбъ, какъ и номтӯ дэбэль, на правое плечо посвящаемаго. За тѣмъ, положивъ въ чашу нѣсколько рису и другихъ какихъ нибудъ зеренъ, онъ поставляетъ чашу на лѣвую руку посвящаемаго, а правою заставляетъ придерживать ее сверху и говоритъ: «Это чаша, называемая бадӣръ (pȧtra), представляетъ собою особое отличіе отъ сосудовъ, употребляемыхъ для пищи мірянами, отъ чашъ, въ которыя собираютъ подаянія еретики, и отъ чашъ людей низшихъ, не принадлежащихъ къ духовному званію. Подобно тому какъ наполняешь ты ее яствами, наполняй премудростью свою духовную природу и подобно тому какъ наслаждаешься изъ нея пищею, наслаждайся священнымъ ученіемъ. Учитель будда, установилъ ее какъ сосудъ для собиранія подаяній ([illegible]); поэтому и ты долженъ положить въ своемъ сердцѣ рѣшимость при-

нять на всегда эту чашу. Преподавъ точно такимъ же образомъ и номту̀ дэбискэ̀ръ (подстилку), первенствующій гэлу̀нъ говоритъ: «Это номту̀ дэбискэ̀ръ. Въ то время когда будешь ты находиться въ какомъ либо другомъ мѣстѣ (помимо монастыря) и придется тебѣ пользоваться бѣлыми, или пестрыми подстилками мірянъ, наконецъ вообще подстилками, отличными отъ монашескихъ, рогожныхъ, долженъ ты этимъ номту̀ дэбискэ̀р'омъ покрывать свое сѣдалище». Наконецъ онъ подаетъ ему вѣничекъ для обмахиванія воды и говоритъ: «Это такъ называемый «водяной вѣничекъ» (усун'у шу̀ху̀ръ). Такъ какъ вѣроученіе будды отличается милосердіемъ и основная заповѣдь его состоитъ въ томъ, чтобы воздерживаться отъ вреда другимъ; то поэтому необходимо тебѣ отрѣшиться отъ нанесенія вреда всякому одушевленному существу. Въ особенности же при употребленіи воды легко можно сдѣлать большой грѣхъ. Такъ какъ воду необходимо употреблять утромъ и вечеромъ, то (предварительно употребленія ея), необходимо, держа этотъ вѣничекъ, обмахнуть ее, чтобы не нанести вредъ одушевленнымъ существамъ, живущимъ въ водѣ». Послѣ сего первенствующій гэлу̀нъ приказываетъ повязать посвящаемому шанта̀бъ, а поверхъ его одѣть номту̀ дэбэ̀ль (священную одежду), самъ же кладетъ на голову посвящаемаго цвѣтокъ, и, обращаясь къ сидящимъ и сослужащимъ ламамъ, говоритъ: «не соизволитъ ли сонмъ хувара̀ковъ сказать свои молитвенныя благожеланія?» Ламы, посыпая цвѣты на голову посвящаемаго, произносятъ въ одинъ голосъ: «да утвердится основа его спасенія; да достигнетъ онъ до конца жизни, шествуя по пути добродѣтели; да будетъ исполнена имъ чаша обѣтовъ; да будетъ онъ сполна причастенъ обѣтовъ монашества во всѣхъ и въ каждомъ изъ своихъ перерожденій». При этихъ словахъ ламъ на посвящаемаго надѣвается «номту̀ дэбэ̀ль. Между тѣмъ одинъ изъ участвующихъ гэлу̀новъ беретъ «номту̀ дэбискэ̀ръ» и, сложивъ его вдвое такъ, что изнанка приходится на верху, постилаетъ его передъ первенствующимъ гэлу̀номъ. На этотъ дэбискэ̀ръ возводитъ онъ потомъ посвящаемаго и, заставивъ его сдѣлать три поклона предъ руководителемъ, сажаетъ его со сложенными на

груди руками. Тогда первенствующій гэлўнъ снова обращается къ посвящаемому съ такою рѣчью: «Твое желаніе сдѣлаться монашествующимъ тойномъ благодѣтельно. Причины этого излагаются въ священныхъ сутрахъ, по ученію которыхъ, различіе между мірянами и монашествующими чрезвычайно велико. Всѣ будды трехъ временъ, живя по правиламъ монашества, достигли состоянія будды и нѣтъ ни одного изъ нихъ, который сдѣлался бы буддою, живя по правиламъ мірскихъ людей».

«И такъ, продолжаетъ онъ далѣе, ты долженъ теперь измѣниться: ты долженъ помышлять о грѣхахъ и опущеніяхъ мірянъ и о пользѣ и достоинствѣ монашества; ты долженъ стремиться, чтобы стяжать себѣ, ради блага одушевленныхъ существъ, достоинство будды; ты долженъ имѣть твердое намѣреніе, принявъ обѣты монашества, сохранить ихъ до самой своей смерти. Во всегдашній знакъ напоминанія объ этомъ, я перемѣняю тебѣ имя и называю тебя такъ-то (имя рекъ)». Новое имя посвящаемаго обыкновенно соотвѣтствуетъ или названію монастыря, къ которому намѣренъ онъ причислиться, или же имени самого посвящающаго. Въ отвѣтъ на эту рѣчь посвящаемый говоритъ: Руководитель, соизволь вѣдать, я, такой то по имени (при этомъ онъ называетъ себя уже своимъ новымъ монашескимъ именемъ) съ этого времени и на всю свою жизнь буду вѣровать въ будду, высочайшаго изъ двуногихъ; буду вѣровать въ ученіе высочайшее изъ безстрастій; буду вѣровать въ собраніе духовенства — высочайшее изъ сонмовъ. Послѣдуя всесовершенному, неизмѣняемому и побѣдоносному буддѣ Шигэмўни, льву Шакъя'сцевъ и шакъя'скому владыкѣ, я сдѣлался тойномъ; я отказался отъ всего, свойственнаго мірянамъ и всецѣло принялъ все, свойственное монашествующимъ». Эти слова посвящаемый говоритъ три раза, послѣ чего старѣйшій гэлўнъ произноситъ: «По этимъ правиламъ, необходимо тебѣ, оставивъ все мірское, положиться на своего руководителя, въ совершенствѣ исполненнаго свойствъ истинно монашествующаго». Послѣ сего посвящаемый снова дѣлаетъ три поклона передъ ламами, руководитель же и ламы, посыпая цвѣты на его голову, произносятъ свои молитвенныя бла-

гожеланія: «Да утвердятся основы (его) спасенія; да достигнетъ онъ до конца жизни, шествуя по пути добродѣтели; да будетъ совершена имъ сполна чаша обѣтовъ; да будетъ онъ сполна причастенъ обѣтовъ монашества во всѣхъ и въ каждомъ изъ своихъ перерожденій». Этими благожеланіями оканчивается обрядъ посвященія въ ба́ньди.

Получивъ посвященіе въ первую монашескую степень — ба́ньди, дѣти халхасовъ впредь до поступленія въ монастырь обыкновенно остаются жить въ домѣ своихъ родителей и въ воспитаніи своемъ ровно ни чѣмъ не отличаются отъ своихъ сотоварищей. Ихъ жизнь проходитъ также точно въ ребяческихъ забавахъ и исполненіи кое какихъ домашнихъ дѣлъ. Обѣты поста ими конечно не соблюдаются, но ребенокъ — ба́ньди все таки всегда имѣетъ бритую голову, бываетъ одѣтъ или въ ба́нцзаль, или въ монашескій халатъ и носитъ на головѣ особую монашескую шапочку — тōрцокъ, похожую на ермолку, у которой тулья сдѣлана изъ какой либо матеріи желтаго цвѣта, а по краямъ полагается опушка, въ родѣ краснаго околыша. Эти особенности всегда даютъ возможность отличить посвященнаго ребенка отъ непринимавшаго обѣтовъ; и такое отличіе почитается даже необходимымъ, такъ какъ къ ба́ньди, хотя бы и ребенку, всѣ должны относиться съ бо̀льшимъ вниманіемъ, чѣмъ къ обыкновеннымъ дѣтямъ. Посторонніе никогда не рѣшатся ни ударить, ни наказать ребенка — ба́ньди за какую нибудь шалость и даже родители рѣдко наказываютъ его, — это можетъ сдѣлать развѣ только какой нибудь лама. Благодаря этой относительной свободѣ, дѣти монголовъ, принявшіе обѣты монашества, бываютъ крайне шаловливы, своевольны, капризны и упрямы. Съ дѣтства привыкаютъ они къ отличіямъ, такъ какъ ребенку — ба́ньди всегда и первое мѣсто и первый кусокъ; не рѣдко можно видѣть, что отецъ монголъ сажаетъ своего шести или семилѣтняго сына — ба́ньди выше себя и очевидно заботится о томъ, чтобы угодить ему. Въ монастырь приходятъ въ періодъ отъ 7 до 10 лѣтняго возраста и изъ этихъ дѣтей образуются впослѣдствіи ламы. Взрослые поступаютъ въ монастыри очень рѣдко и при томъ,

поступивъ въ монастырь, они не изучаютъ номовъ, а потому рѣзко отличаются отъ ламъ. Пришедшіе въ періодъ дѣтства называются впослѣдствіи «зая лама» (т. е. сдѣлавшійся ламою по опредѣленію судьбы) и могутъ постепенно пріобрѣтать высшіе обѣты, взрослые же сохраняютъ за собою только посвященіе въ убаши. Приходящимъ въ монастырь малолѣтнимъ монахамъ, если они принадлежатъ къ богатому дому, родители строятъ юрты, гдѣ и живутъ эти баньди подъ попеченіемъ какого либо бѣдняка старшаго ламы, который пользуется при этомъ пищей и одеждой отъ своего воспитанника. Иногда бѣднякъ отплачиваетъ съ своей стороны богатому мальчику тѣмъ, что учитъ его номамъ, а иногда просто трудится для него, т. е. собираетъ топливо, приноситъ воду, ухаживаетъ и проч. Бѣдные мальчики поступаютъ въ монастырь обыкновенно не моложе десяти лѣтняго возраста, т. е. когда они дѣлаются способными къ исполненію какой либо работы. Они живутъ у богатыхъ ламъ, пользуются отъ нихъ духовною пищею, а равно получаютъ и все необходимое для своего физическаго существованія.

Родители, желающіе опредѣлить своего ребенка въ монастырь, предварительно отправляются въ избранную ими обитель и здѣсь испрашиваютъ иногда непосредственно отъ самого цорчжи (намѣстника монастыря), а иногда черезъ посредство гэбкуя, позволеніе сдѣлать своего сына ламою въ этомъ монастырѣ. Гэбкуй спрашиваетъ о лѣтахъ мальчика, есть ли у него необходимое имущество, т. е. юрта, пища, одежда, книги для ученія и проч. и если все это оказывается, то даетъ позволеніе привести мальчика въ извѣстный день. Если для мальчика отецъ его даетъ особую юрту, гэбкуй спрашиваетъ, сколько человѣкъ будетъ въ ней жить, на что отецъ назначаетъ число одного или двухъ ламъ, которыхъ и проситъ гэбкуя назначить въ общество для своего сына. Если мальчикъ на столько бѣденъ, что не имѣетъ своей юрты, то отецъ проситъ гэбкуя помѣстить его сына къ какому либо ламѣ также по усмотрѣнію гэбкуя. Должно замѣтить, что въ монастыряхъ, гдѣ есть раздѣленіе на аймаки, ребенокъ при-

числяется обыкновенно въ составъ того аймака, къ которому принадлежитъ отецъ его какъ милостынедатель.

Въ день, назначенный для приведенія ребенка въ монастырь въ домѣ его родителей съ ранняго утра начинаются сборы: отецъ навьючиваетъ на верблюда имущество своего сына и всѣ домашніе помогаютъ ему при этомъ въ его работахъ. На проводы собираются сосѣди, которые высказываютъ ребенку свои благожеланія и наставленія. Сверстники приносятъ отъѣзжающему въ подарокъ исключительно деньги; если же есть въ хотонѣ (стойбищѣ) старшіе и уже учившіеся ламы, то они отдаютъ свои книги. При окончательномъ прощаніи плачутъ всѣ старики, какъ женщины, такъ и мужчины. Сосѣди провожаютъ поѣздъ на пол-дороги, а за тѣмъ возвращаются, въ послѣдній разъ сказавъ свои благожеланія; такимъ образомъ ребенка привозятъ въ монастырь только отецъ, да мать.

Прибывъ въ монастырь, они тотчасъ же начинаютъ строить юрту, раскладываютъ имущество и устанавливаютъ его по мѣстамъ, разстилаютъ войлоки и устанавливаютъ постель. Когда все въ юртѣ убрано, раскладываютъ огонь, варятъ чай и ставятъ передъ бурханами жертвы. Между тѣмъ, со времени прибытія поѣзда, къ отцу мальчика постоянно приходятъ знакомые ламы и приносятъ на новоселье его сына вареный чай, какія либо молочныя кушанья и проч. Ребенокъ въ свою очередь долженъ отдаривать всѣхъ ихъ хадаками и помимо того отдариваетъ тѣми же самыми предметами, которые принесены, отдавая за чай — чай, за сыръ — сыръ и т. п. Послѣ принесенія подарковъ, ламы возвращаются по своимъ домамъ, а отецъ мальчика идетъ къ цорчжи (намѣстнику) и проситъ его придти и освятить юрту. цорчжи является въ обществѣ двухъ или трехъ ламъ и, прочитавъ коротенькую молитву, окропляетъ стѣны аршаномъ. Послѣ этого обряда онъ пьетъ чай, ѣстъ мясо и возвращается домой, сопровождаемый отцомъ мальчика, который уже въ домѣ цорчжи подаетъ ему еще въ подарокъ хадакъ и въ награду за трудъ даритъ овцу или деньги. Вечеромъ того же дня мать возвращается домой, а отецъ остается ночевать съ сыномъ.

На другой день отецъ съ сыномъ отправляются прямо къ настоятелю монастыря (ханбо̀-ламѣ). Ему отецъ подноситъ хадàкъ и получаетъ здѣсь приказаніе, помолившись въ храмахъ, представить сына гэбку̀ю. Согласно съ этимъ приказаніемъ мальчикъ обходитъ съ своимъ отцомъ всѣ монастырскія кумирни, гдѣ приноситъ бурханамъ хадакѝ, цзу̀лы и ху̀чжи. Наконецъ они отправляются къ гэбку̀ю, которому также приносятъ хадàкъ; здѣсь отецъ заявляетъ съ кѣмъ именно будетъ жить въ монастырѣ его сынъ и кто будетъ его учителемъ. Этимъ выборомъ учителя располагаютъ въ большинствѣ случаевъ связи, родство и отношенія, если же монголъ, опредѣляющій въ монастырь своего сына, не имѣетъ у себя заранѣе ни одного изъ ламъ, которому намѣренъ онъ поручить ребенка, то, прося гэбку̀я наставлять сына монастырскимъ правиламъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ и указать ему особаго ламу, которому будетъ ввѣренъ надсмотръ надъ ребенкомъ и который такимъ образомъ сдѣлается его наставникомъ. Отъ гэбку̀я отправляются къ этому указанному ламѣ воспитателю. Его бурханамъ приносятъ цзу̀лу, ху̀чжи и хадàкъ, а ему самому тарелку, наполненную мясомъ и домбо̀ (кувшинъ) чаю. Отецъ проситъ ламу получше учить его сына и обѣщаетъ за это награду, которая въ первый разъ доставляется обыкновенно дня черезъ два. Само собою разумѣется, что эта награда, смотря по состоянію молодаго монаха, бываетъ весьма различна: одни приводятъ пару лошадей, другіе даютъ 10, 5, или даже 2 барана, третьи ограничиваются принесеніемъ халата изъ какой нибудь бумажной матеріи. Окончаніемъ визитовъ оканчивается и опредѣленіе ребенка въ монастырь: дня черезъ два отецъ его уѣзжаетъ и вслѣдъ за тѣмъ для молодаго монаха наступаютъ дни его обыденной жизни.

Эти дни обыденной монастырской жизни, по крайней мѣрѣ для молодыхъ послушниковъ, начинаются обыкновенно очень рано, — ламы встаютъ съ восходомъ солнца. Вставши съ постели, молодой послушникъ умывается, ставитъ лампаду передъ бурханомъ и отправляется въ хурàлъ для совершенія утренняго богослуженія. Отсюда, зашедши домой и взявъ свою учебную книгу, онъ идетъ къ учителю, гдѣ сдаетъ заданный ему вчера вечеромъ

урокъ. Урокъ онъ отвѣчаетъ стоя на колѣняхъ, сложивши руки на груди андреевскимъ крестомъ и согнувши спину такъ, что кажется почти приклонившимся къ землѣ. Если урокъ выученъ, учитель задаетъ ему дальше, т. е. прочитываетъ дальнѣйшихъ четыре или пять строкъ, при чемъ ученикъ повторяетъ каждое прочитанное ему слово. Урокъ учитель прочитываетъ трижды и слѣдовательно трижды повторяетъ за нимъ ученикъ; этимъ все наставленіе и оканчивается. Понятно, что при этомъ методѣ обученіе идетъ чисто механически. Такъ какъ священное писаніе и богослужебныя книги написаны у монголовъ на тибетскомъ языкѣ, то очевидно, что ученикъ не пріобрѣтаетъ чрезъ это обученіе ничего, кромѣ умѣнья разбирать и заучиванія наизустъ совершенно непонятныхъ ему звуковъ тибетской рѣчи; переводовъ и толкованія смысла на первый разъ не допускается во все и только послѣ того какъ ученикъ прочтетъ и выучитъ уже весь кругъ потребныхъ молитвъ, учитель начинаетъ упражняться съ нимъ снова въ переводахъ прочитаннаго и выученнаго, при чемъ подстрочно диктуетъ ему каждое слово и каждую агглунативную частицу, что заучивается ученикомъ опять таки тѣмъ же способомъ. Если ученикъ не выучилъ своего урока, онъ доучиваетъ его въ юртѣ своего учителя и за тѣмъ сидитъ здѣсь до тѣхъ поръ, пока самъ учитель не пошлетъ его пить чай. Напившись чаю, ученикъ снова приходитъ къ учителю и учится здѣсь пока не придетъ время служить новый хуралъ, что бываетъ около полудня. Во время этого хурала, если того требуетъ обрядъ, ученикъ пьетъ чай и обѣдаетъ, а если нѣтъ, то послѣ хурала идетъ домой и ѣстъ дома. Часовъ въ пять вечера снова отправляется онъ къ учителю, который, выслушавъ урокъ, заданный утромъ, тѣмъ же порядкомъ задаетъ ему урокъ на вечеръ. Вечеромъ урокъ слушается и задается новый часовъ въ девять. Такимъ образомъ учитель ежедневно трижды выслушиваетъ ученика и трижды въ день задаетъ ему уроки. За невыучиваніе урока учитель иногда бьетъ ученика палкою по согбенной во время отвѣта урока спинѣ, иногда привязываетъ къ столбу передъ дверями юрты, оставляетъ безъ чаю и безъ обѣда, зимою выставляетъ

голымъ на морозъ и проч. Высшимъ наказаніемъ считается повѣшеніе голымъ передъ дверями кумирни на все время богослуженія, т. е. приблизительно часа на $1^1/_2$. Для этого передъ дверями кумирни съ крыши спускаются двѣ веревки, къ которымъ привязываютъ руки наказываемаго. Это ужасное наказаніе мнѣ пришлось видѣть только однажды, — оно было опредѣлено мальчику лѣтъ 12-ти за упорную лѣность и шалости. При хорошихъ успѣхахъ ученики изучиваютъ полный курсъ богослуженій лѣтъ въ пять, а иногда сидятъ за нимъ и лѣтъ десять [1]). Участвовать въ большихъ хурȁлахъ ученики начинаютъ въ періодъ отъ 15-ти до 18-ти лѣтняго возраста, на что, по засвидѣтельствованіи учителя, получаютъ они разрѣшеніе отъ гэбкӱя. Это приглашеніе участвовать въ большихъ хурȁлахъ обозначаетъ то, что послушникъ уже сполна ознакомился съ кругомъ богослужебныхъ книгъ и изучилъ его. Послѣ сего очень многіе изъ послушниковъ, особливо бѣдные, оставляютъ монастырь, возвращаются домой въ степи и

1) Курсъ обязательнаго ламскаго ученія состоитъ исключительно изъ молитвъ, читаемыхъ во время хурȁловъ. Эта рамка конечно черезъ чуръ обща и на практикѣ она разнообразится также точно, какъ разнообразны способности и желаніе учащихся. Есть ламы, которые изучиваютъ сполна весь богослужебный кругъ наизустъ; но большинство обходится заучиваніемъ только болѣе употребительныхъ хурȁловъ. Для спеціалистовъ, могущихъ прослѣдить наши сообщенія по монгольскимъ и тибетскимъ сумбумамъ, мы выписываемъ здѣсь требованія, представляемыя монгольскими ламами къ ученикамъ, оканчивающимъ курсъ и выходящимъ изъ монастыря. Они должны знать наизустъ: 1) Итэгэ̀ль; 2) Цоктӱ цзáнданъ; 3) Дарȁ эхэ̀; 4) Билúкъ барáмитъ; 5) Арсалáнъ тэригӱту; 6) Базȁръ бадаранȁ; 7) Дӱрма эргӱхӱ; 8) Ухіялъ; 9) Мáндалъ ӱргӱхӱ; 10) Цансӱмъ; 11) Цага̄нъ балúнъ; 12) Ца̄йнъ тахúль; 13) Микчжúмъ; 14) Ламáинъ тахúль; 15) Табӱнъ иругэ̄лъ; 16) Цага̄нъ шикӱртэй; 17) Долога̄нъ культú; 18) Ургумȁлъ цзалахӱ; 19) Шачжúнъ бадарангӱй; 20) Укӱхсэ̀нъ, амидӱйнъ ирӱгэ̄лъ; 21) Тэгӱсъ цоктӱ ха̄ну айлатхӱ; 22) Чидакчú эркэтӱ; 23) Сáйнъ оӱту; 24) Гурбȁнъ учиртӱ; 25) Аго̀й шитугэ̄нъ; 26) Сáйнъ ябудал'ӱнъ ирӱгэ̄лӱнъ хага̄нъ. — Изъ отдѣла докшитовъ: 27) Ямандагȁ; 28) Нигӱ̄ца хуріянгуй; 29) Аӱши; 30) Бирӱзана; 31) Цага̄нъ Махагáла; 32) Махагáла; 33) Эрлúкъ ха̄нъ; 34) Ухúнъ-тэнгрú; 35) Бисмáнъ тэнгрú; 36) Сóръ; 37) Линкȁ; 38) Гáлъ-мáндалъ; 39) Обога̄ тахихӱ. Зная всѣ вышеуказанныя чтенія, лама можетъ покинуть монастырь, при этомъ только еще разъ его испытываютъ въ способности и умѣньи прочитать всякую тибетскую книгу (конечно безъ перевода прочитаннаго) и за симъ берутъ съ него обязательство, что, будучи приглашенъ кѣмъ либо изъ милостынедателей для какого нибудь случайнаго хурȁла, онъ напередъ приготовитъ всѣ потребныя молитвы.

ведутъ тамъ обычную жизнь монгольскаго простолюдина, являясь только въ свои хошӯнные и сумӯнные хӯрѣ для совершенія богослуженій въ дни великихъ хуралловъ. Другіе, намѣревающіеся прожить въ монастырѣ, всю свою жизнь, со времени участія въ монастырскихъ хуралахъ пріобрѣтаютъ названіе «старшихъ» учениковъ и выжидаютъ своего посвященія во второй санъ—гэцӯля. Въ эту пору нѣкоторые изъ нихъ продолжаютъ изучать буддизмъ, другіе начинаютъ учиться своей родной, монгольской грамотѣ. Замѣчательно, что до времени окончанія изученія полнаго богослужебнаго круга на тибетскомъ языкѣ монгольскіе ламы никогда не начинаютъ учиться монгольской письменности; оттого въ средѣ монгольскихъ ламъ часто встрѣчаются личности, которые будутъ основательно знать тибетскій языкъ, хорошо переводить съ тибетскаго языка на монгольскій, и въ тоже время не будутъ умѣть написать ни одного слова по монгольски. При нуждѣ передать въ письменности свою монгольскую рѣчь, они изображаютъ ее тибетскимъ алфавитомъ. Переписку между собою ламы ведутъ въ большинствѣ случаевъ именно этимъ способомъ, а еще лучшіе примѣры сказаннаго мы можемъ находить въ архивныхъ дѣлахъ русскаго консульства въ Ургѣ и дипломатической миссіи въ Пекинѣ. Такъ какъ транспортъ по доставкѣ русскаго чая и пересылкѣ русскихъ товаровъ принимаютъ на себя по большей части ламы, то излагаемыя ими въ контрактахъ условія доставки часто пишутся на монгольскомъ языкѣ, но тибетскимъ алфавитомъ. Можно почти навѣрное сказать, что изъ числа ламъ, оставляющихъ монастырь по окончаніи въ немъ курса буддійскаго ученія, едва ли и одна десятая часть выучивается писать по монгольски, хотя всѣ они умѣютъ читать по тибетски и даже пишутъ тибетскіе тексты довольно красиво и правильно.

Принятіе ба̀ньді'ями обѣтовъ гэцӯля, второй степени монашества, совершается у монголовъ въ періодъ отъ 15 до 25 и даже 30 лѣтъ и не можетъ быть совершено иначе какъ по засвидѣтельствованіи учителя, подъ руководствомъ котораго занимался ба̀ньди, объ успѣхахъ его ученика въ изученіи но̀мовъ и его способности принять эти новые и высшіе обѣты. По хода-

тайству учителя, цорчжи изъявляетъ свое согласіе на посвященіе и назначаетъ день для совершенія обряда.

Обрядъ совершается въ храмѣ. По окончаніи утренняго, или полуденнаго богослуженія ламы остаются на своихъ мѣстахъ, только гэлўнъ, подъ руководствомъ котораго состоялъ имѣющій быть посвященнымъ въ гэцўли бáньди, встаетъ и, обращаясь къ первенствующему въ хурáлѣ, говоритъ: О, много слышавшій и содержащій винаю, великій гэлўнъ такой-то (имя рекъ), я прошу васъ такому-то (имя рекъ) бáньди пожаловать обѣты гэцўля. Въ отвѣтъ на эту просьбу первенствующій спрашиваетъ: «А всецѣло ли свободенъ этотъ бáньди (имя рекъ) отъ духовныхъ препятствій?» «Всецѣло свободенъ», отвѣчаетъ лама-наставникъ и вслѣдъ за симъ выводитъ своего ученика на средину сўмэ, заставляетъ его сдѣлать по три поклона сначала передъ кумиромъ бурханъ-бакши (= Шигэмўни), а потомъ предъ первенствующимъ гэлўномъ. Иногда бываетъ такъ, что наставникомъ бáньди является тоже самое лицо, которое и первенствуетъ при посвященіи; въ этомъ случаѣ предыдущихъ опросовъ уже не бываетъ, но первенствующій, онъ же и наставникъ, прямо вызываетъ имѣющаго принимать обѣты бáньди и заставляетъ его сдѣлать по три поклона сначала предъ бурханомъ, а потомъ передъ собою. Послѣ сего бáньди становится на колѣна и садится предъ имѣющимъ посвящать его, первенствующимъ гэлўномъ, сложивъ свои руки на груди андреевскимъ крестомъ. Тогда первенствующій гэлўнъ говоритъ ему такую рѣчь: «Чтобы сдѣлаться тебѣ гэцўлемъ, тебѣ совершенно необходимо твердое намѣреніе всецѣло покинуть міръ. Припомни, что написано въ сутрахъ! Адскія существа терпятъ мученія отъ адскаго огня; бириты мучатся отъ голода и жажды; животныя страдаютъ въ силу того, что пожираютъ одинъ другаго; люди угнетены краткостью своей жизни; тэнгри претерпѣваютъ мученія въ силу своей неспособности возбудить самосознаніе; во всемъ мірѣ никогда и ни въ чемъ нѣтъ спокойствія. И въ самомъ дѣлѣ, въ какой бы изъ четырехъ областей орчилáна (= матеріальнаго міра) ты ни существовалъ,—то будетъ область страданій; съ кѣмъ бы ты ни сошелся, — то будетъ другъ стра-

данiй; чѣмъ бы ты ни воспользовался,—то будетъ предметъ страданiй. Вотъ почему необходимо ради блага одушевленныхъ существъ прiобрѣтать святость всесовершеннаго будды, который одинъ есть высшее спасенiе и существо отрѣшившееся отъ всѣхъ и всякихъ страданiй. А для сего, положившись на священное ученiе, которое указуетъ намъ путь къ прiобрѣтенiю святости будды и на сонмъ хувараковъ, необходимо принять обѣты гэцуля и всецѣло сохранять десять заповѣдей по всюду и во всякое время». На эту рѣчь посвящаемый говоритъ: «Я (такой-то по имени) начиная съ этого времени и до самой своей смерти буду вѣровать въ будду, высочайшаго изъ двуногихъ ([illegible]) буду вѣровать въ священное ученiе, высочайшее изъ безстрастiй; буду вѣровать въ духовенство, высочайшее изъ сонмовъ. Сдѣлавъ меня гецулемъ, то̀йнъ [1]), соизволь принять меня!» По произнесенiи этихъ словъ, посвящающiй дѣлаетъ посвящаемому предложенiе повторить снова эти слова и когда они будутъ произнесены, то предлагаетъ сказать тоже самое въ третiй разъ, при чемъ объясняетъ, что когда онъ, посвящаемый, будетъ говорить слова, «сдѣлавъ меня гэцулемъ», въ третiй разъ, то въ тоже время посвящающiй вскрикнетъ «ха!» и сдѣлаетъ щелчокъ въ воздухѣ; въ это мгновенiе онъ, посвящаемый, исполнится обѣтовъ гэцуля, почему послѣднiя слова должно будетъ произносить не «то̀йнъ, соизволь принять меня», а «бакшѝ (учитель) соизволь принять меня». По совершенiи всего этого, всѣ ламы, доселѣ безмолвно присутствовавшiе въ кумирнѣ, произносятъ: «образъ посвященiя въ гэцули вѣренъ»!

Можно сказать, что этимъ и оканчивается обрядъ посвященiя въ гэцули, ибо далѣе слѣдуютъ только рѣчи и наставленiя, обращаемыя первенствующимъ ламою къ посвящаемому. Но чтобы

1) Этимъ названiемъ «то́йнъ» посвящаемый называетъ посвящающаго только въ томъ случаѣ, если до сего времени онъ не состоялъ съ нимъ ни въ какихъ отношенiяхъ; но если посвящающiй былъ учителемъ посвящаемаго, то послѣднiй называетъ его «учитель» (бакшѝ); если посвящающiй въ гэцули посвящалъ и въ ба́ньди, его называютъ руководителемъ ([illegible]).

понять значеніе этихъ рѣчей, намъ необходимо сказать, что въ то время, какъ происходитъ этотъ обрядъ посвященія въ кумирнѣ, внѣ оной въ свою очередь совершается особое дѣйствіе. Это — измѣреніе солнечной тѣни для опредѣленія времени, въ которое совершено посвященіе. Какимъ образомъ производится это измѣреніе, мнѣ не пришлось ни однажды видѣть; я знаю только, что инструментомъ для этого опредѣленія тѣни и времени служитъ палочка, раздѣленная на градусы. Измѣреній существуетъ два: дѣленіе, указуемое верхними градусами палочки, называется по монгольски «ара̀тъ», а нижними — «ху́ль». Измѣреніе тѣни производитъ обыкновенно гэлӱнъ-цзуруха́йчи (астрономъ), который, исполнивъ свое дѣло, входитъ въ храмъ въ то время, когда еще оканчивается обрядъ посвященія и сообщаетъ первенствующему результаты своихъ наблюденій. Вслѣдъ за симъ первенствующій обращаетъ къ новопосвященному гэцӱлю такую рѣчь. «Когда я намѣревался посвятить тебя въ гэцӱли, то, для того чтобы ты зналъ кого тебѣ нужно почитать и чествовать, я приказалъ изслѣдовать время. Время, когда въ природѣ твоей обосновались обѣты гэцӱля, если различать его по годамъ, то такой-то годъ (положимъ годъ мыши), по временамъ года — такое-то время (зима) [1]); изъ трехъ мѣсяцевъ этого времени — такой-то мѣсяцъ (средній зимній); изъ друхъ частей этого мѣсяца новой и старой, — такая-то часть (новая = новолуніе) изъ пятьнадцати сутокъ этихъ частей, — такія-то сутки (пятьнадцатыя); изъ двухъ частей этихъ сутокъ, — такая-то часть (день); изъ четырнадцати частей этого дня, — такой-то часъ; мѣра тѣни — столько-то (градусовъ) аратъ и столько-то (градусовъ) хуль. Ты долженъ помнить, что въ это время, въ такомъ-то (имя рекъ) монастырѣ и отъ такого-то (имя рекъ) гэлӱна получилъ ты обѣты гэцӱля и согласно этому ты долженъ чествовать всѣхъ гэлӱновъ и гэцӱлей, которые старше тебя. Ихъ (т. е. гэцӱлей

1) Здѣсь я почитаю умѣстнымъ замѣтить, что въ буддійской церкви практикуется нѣсколько иное отъ обычнаго дѣленія временъ года. Всѣхъ ихъ считается пять, и при томъ нѣтъ осени, а существуетъ: зима, весна, лѣто, короткое лѣто и длинное лѣто.

старшихъ) ты долженъ сажать выше себя, подносить имъ жертвы, кланяться имъ и вставать напередъ ихъ. Если ты будешь поступать такъ, то получишь награду за вѣру въ обѣты другихъ. Отъ старшихъ гэлу̇новъ и гэцу̇лей ты не долженъ принимать поклоновъ, но отъ гэцу̇лей младшихъ, отъ принявшихъ обѣты убаши̇ и убáсанцы, безъ различія будутъ-ли они молодые или старые, ты долженъ принимать поклоненія и чествованія, ибо поступая такъ, ты получишь награду за вѣрованіе въ свои собственные обѣты. При встрѣчѣ съ гэцу̇лемъ сверстникомъ (по посвященію), вамъ не должно кланяться одному предъ другимъ и мѣсто ваше будетъ, смотря по тому, кто пришелъ раньше и кто позже. Поступая такимъ образомъ, ты пріобрѣтешь награду за исполненіе повелѣній будды».

«Во вторыхъ, не возможно ограничиться только тѣмъ, что ты примешь обѣты, надо еще и исполнять ихъ. Правила, которыя ты долженъ соблюдать, суть слѣдующія. Всѣ «побѣдители враговъ», рѣшившись отрѣчься въ своихъ мысляхъ отъ десяти отверженій ([illegible]), воздерживались и отъ совершенія этихъ, долженствующихъ быть отвергнутыми дѣяній своимъ тѣломъ и языкомъ. Тебѣ должно дать обѣтъ, что и ты съ этой минуты и до самой своей смерти рѣшился отречься въ своихъ мысляхъ отъ этихъ десяти отверженій и не совершать ихъ своимъ тѣломъ и языкомъ» По этому приглашенію дать обѣты, посвящаемый, обращаясь къ посвящающему, говоритъ: «Учитель, соизволь вѣдать: подобно тому, какъ архȧты на всю свою жизнь отрекались отъ лишенія жизни (какихъ либо одушевленныхъ существъ) и воздерживались отъ убійства, точно также и я (такой-то по имени) съ этой минуты и до конца жизни отрекаюсь отъ убійства и буду воздерживаться отъ лишенія жизни. Чрезъ эту основную заповѣдь я буду поучаться правиламъ святыхъ архȧтовъ, буду исполнять ихъ, буду поступать по нимъ. Сверхъ сего, подобно тому, какъ эти святые и архȧты на всю свою жизнь отрекались отъ того, чтобы: a) брать не дарованное, b) поступать нецѣломудренно, c) говорить ложь, d) употреблять вино изъ плодовъ, приготовленное вино и все такое, опьяняющее; отрекались отъ: e) пѣ-

сенъ и плясокъ, f) музыки и зрѣлищъ, g) отъ кропленія благовоніями и отъ украшеній h) отъ высокихъ сѣдалищъ и отъ просторныхъ сѣдалищъ, i) отъ безвременнаго принятія пищи и j) отъ принятія серебра; подобно тому какъ они воздерживались отъ принятія серебра, точно также и я (такой-то по имени) съ этого времени и до конца своей жизни отрекаюсь отъ того, чтобы брать не дарованное, поступать нецѣломудренно, говорить ложь, употреблять вино изъ плодовъ, приготовленное вино и вообще все опьяняющее, отрекаюсь отъ пѣсенъ и плясокъ, отъ музыки и зрѣлищъ, отъ кропленія благовоніями и отъ украшеній, отъ высокихъ и просторныхъ сѣдалищъ, отъ безвременнаго принятія пищи и отъ принятія серебра; а равно и буду воздерживаться отъ принятія серебра. Чрезъ эти десять заповѣдей я буду поучаться правиламъ святыхъ и архатовъ, буду выполнять ихъ, буду поступать по нимъ». «Хорошо! восклицаетъ посвящающій; теперь я скажу тебѣ, что если изъ числа данныхъ тобою обѣтовъ, ты преступишь четыре основныхъ, то это будетъ грѣхъ, который разрушитъ твое посвященіе; если нарушишь одну изъ шести послѣдующихъ заповѣдей, то это будетъ грѣхъ, который должно загладить покаяніемъ; наконецъ если ты преступишь какое либо изъ правилъ, спеціально принадлежащихъ къ обѣтамъ гэцӯля, то это будетъ грѣхъ, подлежащій временному наказанію. Послѣ сего всѣ присутствующіе при посвященіи ламы произносятъ свои молитвенныя благожеланія въ той же формѣ, въ какой произносятся они и при посвященіи въ бáньди; т. е. «да утвердится начало (его) спасенія; да достигнетъ онъ до конца жизни, шествуя по пути добродѣтели; да будетъ исполнена имъ всецѣло чаша обѣтовъ; да будетъ онъ сполна причастенъ обѣтовъ гэцӯля во всѣхъ и въ каждомъ изъ своихъ перерожденій». Этими благожеланіями посвященіе оканчивается.

Гэцӯли почитаются уже сполна изучившими кругъ буддійскихъ богослуженій и потому они не называются учениками. По желанію, они конечно могутъ совершенствовать себя въ познаніи буддизма, изучая какъ догматическое, такъ и обрядовое его ученіе. Въ этомъ случаѣ каждый гэцӯль долженъ избрать себѣ осо-

баго наставника, на обязанности котораго лежитъ преподать изучающему лунъ, т. е. нѣчто въ родѣ посвященія, дающаго право на изученіе той или другой священной книги. Тотъ же учитель объясняетъ гэцу̊лю непонятное для него и вообще руководитъ въ уразумѣніи истиннаго смысла изучаемаго. Впрочемъ такое изученіе буддизма не входитъ собственно въ кругъ непремѣнныхъ обязанностей гэцу̊лей. Долгъ ихъ собственно состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы каждодневно являться въ кумирню, для совершенія хура̀ловъ; помимо же сего на нихъ возлагаются и нѣкоторыя монастырскія послушанія. Богатые изъ гэцу̊лей, достигнувъ двадцати лѣтняго возраста, получаютъ высшую у буддистовъ степень гэлу̊на, такъ какъ они сами начинаютъ ходатайствовать объ этомъ предъ высшимъ монастырскимъ начальствомъ и духовенствомъ; болѣе бѣдные обыкновенно получаютъ это посвященіе позже, такъ какъ, не имѣя возможности ходатайствовать, они выжидаютъ, когда признаетъ нужнымъ возвысить ихъ до степени гэлу̊на само монастырское начальство.

Посвященіе въ гэлу̊ны можетъ быть совершено надъ гэцу̊лемъ не ранѣе какъ по достиженіи имъ 20-ти лѣтняго возраста. Обрядъ совершается въ кумирнѣ. Ко дню обряда посвящаемый обязательно приготовляетъ себѣ новыя духовныя одежды, новую чашку и новый священный коврикъ. Къ посвященію онъ приглашаетъ всѣхъ монастырскихъ монаховъ и съ особыми подарками и приглашеніями обращается къ тремъ лицамъ, выбираемымъ изъ старѣйшихъ членовъ братіи: лицамъ этимъ предназначается одному быть посвящающимъ ([illegible]), другому блюстителемъ при совершеніи обряда ([illegible]), а третьему исповѣдникомъ посвящаемаго ([illegible]). Предъ совершеніемъ обряда посвященія въ гэлу̊ны, всѣ, присутствующіе при обрядѣ гэлу̊ны обязаны сами совершить обрядъ покая̀нія (т. е. отслужить сочжи̇нъ), за тѣмъ передъ самымъ совершеніемъ обряда они поютъ общій покаянный канонъ ([illegible]) и особое молебствіе Цокту́-цза́нданъ. Въ кумирнѣ на первомъ мѣстѣ поставляется литое изображеніе Шигэму̊ни. Передъ посвящающимъ на особомъ столикѣ кладутся священныя одежды

посвящаемаго и его коврикъ, свернутыя такимъ же точно образомъ какъ мы это видѣли при посвященіи въ бáньди. Чашка посвящаемаго и его водяной вѣничекъ кладутся сбоку посвящающаго; на мѣстѣ, гдѣ долженъ сидѣть посвящаемый во время совершенія обряда, полагается нѣсколько камней, которые покрываются сверху сѣномъ. Предъ началомъ обряда, въ то время, когда гэлӯны поютъ еще Цоктӯ-цзáнданъ, посвящаемаго вводятъ въ кумирню и сажаютъ на самомъ нижнемъ концѣ сѣдалища гэлӯновъ, но уже выше мѣста гэцӯлей. По окончаніи пѣнія Цоктӯ-цзáнданъ, посвящающій съ нѣсколькими ламами, которые должны принимать дѣятельное участіе въ совершеніи обряда, должны быть, такъ сказать, прислужниками, встаетъ съ своего мѣста, подаетъ посвящаемому цвѣтокъ и всѣ они, вмѣстѣ съ посвящаемымъ, дѣлаютъ три поклона предъ сидящими ламами. За симъ посвящающій, согнувшись въ поясной поклонъ, говоритъ: «Тȍйны и хуварáки! Такой-то (по имени) гэцӯль желаетъ получить отъ васъ посвященіе въ гэлӯны; если вы скажете, чтобы сдѣлать его гэлӯномъ, то я прошу васъ, чтобы вы согласились на бытіе (при этомъ посвященіи) содержащаго винаю и старѣйшаго гэлӯна такого-то (имя рекъ) блюстителемъ при совершеніи обряда; прошу, чтобы вы согласились на бытіе содержащаго винаю и старѣйшаго гэлӯна такого-то (имя рекъ) исповѣдникомъ посвящаемаго; прошу, чтобы вы разрѣшили быть такимъ-то (имя рекъ) гэлӯнамъ служителями при совершеніи обряда; прошу васъ дозволить мнѣ со всѣми поименованными лицами, преподать этому (имя рекъ) обѣты всечистѣйшаго званія гэлӯна». Сказавъ эту рѣчь посвящающій и посвящаемый посыпаютъ цвѣты передъ кумиромъ будды и предъ всѣми сидящими ламами. За симъ посвящающій обращаетъ къ посвящаемому новую рѣчь, въ которой приказываетъ ему сдѣлать три поклона передъ кумиромъ будды, съ представленіемъ, что это есть дѣйствительный будда Шигэмӯни и по три поклона предъ каждымъ изъ сидящихъ ламъ съ мысленною мольбою о достойномъ вхожденіи его, посвящаемаго, въ общество лицъ, принявшихъ высшіе обѣты. Поклоненіе передъ ламами можетъ быть двухъ родовъ: посвящаемый или

долженъ совершенно распростираться по полу, такъ чтобы ладони рукъ его, ноги и голова прямо лежали на землѣ; или же онъ долженъ просто кланяться въ ноги и при этомъ обнимать ступни ламъ. Все это посвящающій объясняетъ въ своей рѣчи и въ то время какъ посвящаемый дѣлаетъ свои поклоны передъ ламами, каждый гэлӯнъ произноситъ: «да обоснуются въ возможной скорости обѣты гэлӯна въ духовной природѣ сего монашествующаго!» и посыпаетъ цвѣты на его голову. По окончаніи поклоненія посвящаемый снова возвращается на свое убогое сѣдалище изъ камней, покрытыхъ травою, дѣлаетъ здѣсь три поклона передъ посвящающимъ и садится, сложивъ руки на груди андреевскимъ крестомъ. Тогда посвящающій говоритъ ему: «То, что ты почелъ для себя необходимымъ принять обѣты гэлӯна — очень хорошо. Въ сутрѣ «Машида̀ хайралакчѝ» говорится: гэлӯнъ — это глава священнаго ученія, гэлӯнъ — это стержень крѣпости и силы, гэлӯнъ — это существо, отрѣшившееся отъ страданій, гэлӯнъ — это сынъ побѣдоносныхъ, гэлӯнъ — это существо, пресѣкающее жизненныя силы матеріи и грѣха, гэлӯнъ — это существо, идущее по пути спасенія, гэлӯнъ — это тотъ, который усвоилъ себѣ всецѣло и всеконечно истинныя свойства духовности». Въ отвѣтъ на эту рѣчь посвящаемый проситъ посвящающаго преподать ему эти обѣты гэлӯна приблизительно въ тѣхъ же словахъ, какъ мы это видѣли при принятіи обѣтовъ ба́ньди и гэцӯля. «Тѐйнъ, соизволь вѣдать, я (такой-то по имени), прошу тебя быть моимъ убадѝни (посвящающимъ). Тѐйнъ, соизволь быть моимъ убадѝни! Тѐйнъ убадѝни, соизволь преподать мнѣ обѣты гэлӯна»! При этомъ иногда происходятъ въ рѣчи тѣже самыя измѣненія, о которыхъ мы говорили при разказѣ о принятіи обѣтовъ гэцӯля, т. е. что посвящаемый при извѣстныхъ условіяхъ называетъ посвящаемаго «бакшѝ, при другихъ называетъ его убадѝни и т. д. Послѣ этой просьбы посвящающій говоритъ: «сдѣлай предо мною три поклона и приблизься ко мнѣ». Въ это время прислуживающіе при обрядѣ гэлӯны начинаютъ подавать посвящающему духовныя одежды посвящаемаго и начинается облаченіе. Посвящаемый испрашиваетъ благословенія

на каждую изъ одеждъ, подаваемыхъ ему по порядку. Такимъ образомъ ему преподается намчжаръ, шамтабъ, лагой и т. д. Когда всѣ одежды будутъ одѣты, посвящающій беретъ чашку посвящаемаго и передаетъ одному изъ прислуживающихъ при обрядѣ гэлуновъ, а послѣдній вмѣстѣ съ посвящаемымъ обходитъ каждаго изъ присутствующихъ ламъ; посвящаемый дѣлаетъ при этомъ каждому ламѣ по поясному поклону, а прислужникъ показываетъ чашку посвящаемаго и говоритъ: «Тойнъ (имя рекъ), соизволь посмотрѣть на чашку сего монашествующаго (имя рекъ): не велика-ли она, не мала-ли она, не бѣловата-ли она?» При этомъ каждый долженъ сказать, что чашка хороша и за симъ уже она преподается посвящаемому съ наставленіемъ не покидать ее, какъ принадлежность духовнаго званія, до конца жизни. Обрядъ передачи посвящаемому священнаго ковра и вѣничка для обмахиванія воды совершается такимъ же порядкомъ и съ тѣми же наставленіями, какія бываютъ при этомъ и во время посвященія въ низшія степени. Послѣ сего старѣйшій изъ прислуживающихъ при обрядѣ гэлуновъ встаетъ со своего мѣста и спрашиваетъ: «Убадини (имя рекъ) докладывалъ, что кто-то будетъ исповѣдникомъ монашествующаго такого-то (имя рекъ); кто сей»? «Это я, гэлунъ (имя рекъ)», отвѣчаетъ лама, долженствующій быть исповѣдникомъ. Прислужникъ, обращаясь теперь уже прямо къ отозвавшемуся на вопросъ ламѣ, снова спрашиваетъ его: «гэлунъ такой-то (имя рекъ) желаете-ли вы быть исповѣдникомъ монашествующаго (имя посвящаемаго), которому будетъ преподавать обѣты гэлуна убадини такой-то (имя рекъ)»? «Желаю» отвѣчаетъ исповѣдникъ. Прислужникъ, обращаясь ко всему сидящему духовенству, говоритъ: «Тойны и хувараки, соизвольте вѣдать: Убадини такой то (имя рекъ) представилъ гэлуна такого-то (имя рекъ) въ исповѣдники ищущему принятія обѣтовъ гэлуна такому-то (имя рекъ); если вы желаете, то время уже наступило; если вы согласны, то выразите свое одобреніе». Всѣ ламы въ одинъ голосъ изъявляютъ свое согласіе. Тогда гэлунъ исповѣдникъ отводитъ посвящаемаго въ скрытое мѣсто, заставляетъ его сдѣлать предъ собою три поклона, сажаетъ его, приказавъ сложить

руки на груди андреевскимъ крестомъ и говоритъ: «для того, чтобы преподать тебѣ обѣты гэлўна, необходимо, чтобы ты былъ исполненъ десяти достоинствъ; изъ среды ихъ первое это то, чтобы ты былъ совершенно чистъ, а второе, — чтобы ты былъ свободенъ отъ препятствующихъ обстоятельствъ. Чтобы знать есть ли у тебя препятствующія обстоятельства или нѣтъ, я буду предлагать тебѣ вопросы, а ты отвѣчай на каждый изъ нихъ. Слушай, духовный! Теперь наступило время, когда тебѣ должно открыть всю истину: я буду спрашивать тебя, а ты, безъ утайки, то что есть, говори есть, а нѣтъ — нѣтъ.

1) Мужчина ли ты?

2) Сполна ли ты имѣешь всѣ органы мужчины?

3) Исполнилось ли тебѣ 20 лѣтъ?

4) Всѣ ли у тебя въ надлежащей цѣлости духовныя одежды и цѣла ли твоя чашка?

5) Если есть у тебя отецъ и мать, то получилъ ли ты ихъ согласіе?

6) Не рабъ ли ты?

7) Не воръ ли ты?

8) Не искатель ли ты выгодъ?

9) Не состоишь ли ты посредникомъ въ какомъ нибудь мірскомъ спорѣ?

10) Не купленъ ли ты кѣмъ либо?

11) Не избранъ ли ты ха̄номъ къ исполненію какой либо должности?

12) Не доставилъ ли ты какой либо тревоги ха̄ну?

13) Не замыслилъ ли ты сдѣлать зло ха̄ну?

14) Не сдѣлалъ ли ты, или не побуждалъ ли кого сдѣлать зло ха̄ну?

15) Не извѣстенъ ли ты въ обществѣ какъ воръ и разбойникъ?

16) Не гермафродитъ ли ты?

17) Не досаждалъ ли ты женщинамъ гэлўнамъ?

18) Не присвоивалъ ли ты себѣ чужаго неправедными средствами?

19) Не существо ли ты вездѣсущее?

20) Не существо ли ты призрачное?

21) Не принадлежишь ли ты къ еретическому ученію?

22) Не убилъ ли ты отца?

23) Не убилъ ли ты мать?

24) Не убилъ ли ты архата?

25) Не клеветалъ ли ты на духовенство?

26) Не пролилъ ли ты съ злымъ умысломъ кровь всесовершеннаго будды?

27) Не хубилгàнъ (оборотень) ли ты?

28) Не безсловесное ли ты животное?

29) Не увѣчный ли ты?

Когда посвящаемый на этотъ послѣдній вопросъ отвѣтитъ нѣтъ, то исповѣдникъ продолжаетъ:

30) Если у тебя есть долги, большіе-ли то или малые, то по принятіи обѣтовъ гэлỳна будешь ли ты въ состояніи уплатить ихъ?

31) Не принималъ ли ты прежде духовныхъ обѣтовъ?

32) Не совершилъ ли ты какого-либо изъ четырехъ грѣховъ, за которые монашествующій отлучается отъ общины?

33) Получилъ ли ты посвященіе въ бàньди и въ гэцỳла?

34) Живешь ли ты добродѣтельно и цѣломудренно?

На этотъ вопросъ посвящаемый категорически отвѣчаетъ «живу добродѣтельно и цѣломудренно».

35) Какъ тебя зовутъ?

36) Какъ зовутъ твоего убадѝни; при этой необходимости ты можешь назвать его имя.

37) Слушай монашествующій, въ человѣческомъ тѣлѣ случаются слѣдующія болѣзни: шейныя раны; чесотка, прыщи, веснушки, лишаи, зудъ, парши на головѣ, раны на ногахъ, кашель, сухотка, падучая болѣзнь, обжорство, водяная болѣзнь, парши на ногахъ, возбужденіе дѣтородныхъ частей, сибирская язва, лихорадки однодневныя, двудневныя, трехдневныя, періодическія и постоянныя, насморкъ, отрыжка, одышка, ломота въ костяхъ, желчь, кровохарканіе, болѣзнь печени, геморой, тошнота, исто-

щеніе силъ, горячка и пр. нѣтъ-ли у тебя этихъ или какой либо другой болѣзни?

Когда посвящаемый дастъ удовлетворительные отвѣты на всѣ эти вопросы, исповѣдникъ продолжаетъ: «слушай монашествующій, то, что я теперь у тебя спрашивалъ, будетъ снова спрашивать у тебя весь сонмъ духовенства; ты долженъ сказать имъ безъ утайки и говорить одну только истину: то что есть, — говори есть, чего нѣтъ, — говори нѣтъ. Сиди здѣсь, пока я ни позову тебя! Я возвращусь, доложивши ламамъ, что ты свободенъ отъ препятствій». Вслѣдъ за симъ онъ, вошедши въ хуралъ, гдѣ совершается обрядъ, становится сбоку старѣйшихъ ламъ и, согнувшись въ полупоклонъ, говоритъ: «Тойны и хувараки, соизвольте вѣдать, убадини такой-то (имя рекъ) поручилъ мнѣ произвести тайную исповѣдь монашествующему такому-то (имя рекъ); извѣщаю васъ, что онъ совершенно свободенъ отъ препятствующихъ обстоятельствъ; позволите-ли ввести его?» Всѣ говорятъ: «если онъ совершенно чистъ, то привести можно». Послѣ этого исповѣдникъ снова вводитъ посвящаемаго въ хуралъ и, заставивъ его въ дверяхъ кумирни сдѣлать три поклона ламамъ, направляетъ его на мѣсто, а самъ садится на свое мѣсто. Посвящаемый, взошедши на свое сѣдалище (изъ камней), дѣлаетъ три поклона предъ кумиромъ бурханъ бакши и три поклона ламамъ. Тогда старѣйшій изъ прислужниковъ при обрядѣ, говоритъ ему: «сдѣлай три поклона мнѣ и садись, сложивъ руки на груди андреевскимъ крестомъ». Посвящаемый исполняетъ приказаніе и тогда прислужникъ говоритъ ему: «Для того, чтобы тебя сдѣлали гэлўномъ, ты долженъ троекратно высказать свою просьбу хуваракамъ; поэтому говори за мною: «Тойны и хувараки соизвольте вѣдать, я такой-то (имя рекъ) желаю принять отъ убадини такого-то (имя рекъ), имя котораго я произношу только въ силу необходимости, и отъ васъ обѣты гэлўна. Тойны и хувараки, соизвольте сдѣлать меня гэлўномъ! Тойны и хувараки соизвольте поруководить меня! Тойны и хувараки, соизвольте принять меня! Тойны и хувараки, соизвольте наставить меня! Милосердые тойны и хувараки, ради проявленія вашего милосердія, умилосердитесь надо мною и со-

изволте устроить меня». Эту рѣчь посвящаемый вслѣдъ за первымъ прислуживающимъ при обрядѣ повторяетъ три раза. Послѣ сего тотъ же прислуживающій, обращаясь ко всему сонму духовныхъ восклицаетъ: «Тòйны и хуварàки, соизвольте вѣдать: Убадѝни (имя рекъ) желаетъ, чтобы такой-то (имя рекъ) получилъ отъ васъ обѣты гэлу̇на; если для хуварàковъ теперь время удобно, то соблаговолите разрѣшить и я спрошу при хуварàкахъ монашествующаго (имя рекъ) о препятствующихъ обстоятельствахъ». Обращаясь за тѣмъ къ посвящаемому, онъ приказываетъ ему сдѣлать передъ собою три поклона и говоритъ ему: «Для того, чтобы сдѣлать тебя гэлу̇номъ, тебѣ необходимо быть чистымъ отъ всякаго рода препятствующихъ обстоятельствъ. Хотя объ этихъ препятствующихъ обстоятельствахъ у тебя уже спрашивалъ на единѣ твой исповѣдникъ, тѣмъ не менѣе есть препятствія, которыя являются внезапно, можно и припомнить то, о чемъ забылъ прежде, въ особенности же ради полной увѣренности хуварàковъ въ твоей чистотѣ, я снова буду спрашивать тебя, а ты, не скрывая, о томъ, что есть, говори есть, а о томъ чего нѣтъ, говори нѣтъ». Сказавъ это наставленіе, онъ снова переспрашиваетъ у него всѣ тѣ вопросы, на которые посвящаемый уже отвѣчалъ исповѣднику. По окончаніи вторичнаго опроса, прислуживающій обращаясь къ хуварàкамъ говоритъ: «Тòйны и хуварàки, соизвольте вѣдать: Убадѝни (имя рекъ) желаетъ, чтобы такой-то (имя рекъ) получилъ отъ васъ хуварàковъ обѣты гэлу̇на; убадѝни такой-то (имя рекъ) докладываетъ, чтобы вы разрѣшили воспринять обѣты гэлу̇на монашествующему (имя рекъ). Онъ мужчина, обладаетъ всѣми органами мужчины, имѣетъ 20 лѣтъ отъ роду, три духовныя одежды и чаша его въ цѣлости и чистотѣ, онъ совершенно чистъ отъ всѣхъ препятствующихъ обстоятельствъ. Такъ какъ убадѝни (имя рекъ) просилъ, чтобы такой-то (имя рекъ) получилъ отъ васъ, хуварàки, обѣты гэлу̇на, то если вы, хуварàки, дѣлаете такого-то (имя рекъ) гэлу̇номъ, молчите, тѣ же, которые не согласны, пусть скажутъ свое слово». Эту рѣчь прислуживающій повторяетъ три раза и когда говоритъ ее въ третій разъ, то останавливается на словахъ: «такъ какъ

убадйни (имя рекъ) просилъ, чтобы такой-то (имя рекъ) получилъ отъ васъ, хувараки, обѣты гэлӯна».... Въ это мгновенiе убадйни восклицаетъ «ха!» и дѣлаетъ щелчокъ въ воздухѣ, а прислуживающiй доканчиваетъ свою рѣчь словами: «то онъ и сдѣлался гэлӯномъ». Послѣ сего всѣ присутствующiе ламы говорятъ молитвенныя благожеланiя новопосвященному.

Далѣе, подобно тому какъ это дѣлается при преподаванiи обѣтовъ гэцӯля, при посвященiи въ степень гэлӯна такъ же точно измѣряется время, въ которое совершено посвященiе, и опредѣленiе его сообщается новопосвященному съ тѣми же самыми наставленiями относительно почитанiя старшихъ. Наконецъ для того, чтобы новопосвященный не дѣлалъ опущенiй въ обѣтахъ, но постоянно совершенствовалъ себя въ добродѣтели, ему въ особой рѣчи напоминаются основныя заповѣди монашествующихъ; это — жить цѣломудренно, не воровать, не убивать, не говорить лжи, не воздавать оскорбленiемъ за оскорбленiе, враждою за вражду, побоями за побои, жадностью за жадность, не быть сребролюбивымъ, беречь свои священныя одежды, коверъ и пр. для лучшаго же знакомства съ обѣтами ему рекомендуется изучить пратимокшу. По окончанiи этой рѣчи всѣ гэлӯны произносятъ общее при посвященiи молитвенное пожеланiе, которое мы уже представляли выше и только замѣняютъ послѣднее изъ нихъ словами: «да будетъ онъ сполна причастенъ обѣтовъ гэлӯна во всѣхъ и въ каждомъ изъ своихъ перерожденiй». Этимъ обрядъ и оканчивается.

Разказываютъ, что въ старину, при посвященiи въ гэлӯны, новопосвященный по окончанiи обряда во всѣхъ своихъ священныхъ одеждахъ или оставался въ кумирнѣ, или же уходилъ въ уединенное мѣсто и просиживалъ въ созерцанiи въ теченiи 49 сутокъ; но въ настоящее время эти благочестивые обычаи отошли уже въ область преданiй: теперь лама, посвятившись въ гэлӯна, только доходитъ до дому въ священныхъ одеждахъ, затѣмъ тотчасъ же переодѣвается, а черезъ какой нибудь часъ уже встрѣчаетъ своихъ гостей, приходящихъ къ нему съ поздравленiями.

Тѣ одежды ламъ, въ которыя облачаются они при своихъ посвященіяхъ въ различныя степени, суть собственно одежды, надѣваемыя теперь только при богослуженіяхъ; обыденную же одежду ламъ въ настоящее время составляютъ:

Бàнцзаль, (санск. pantchali, тиб. [Tibetan]) родъ короткой юбки, простирающейся отъ пояса до колѣнъ. Бàнцзаль дѣлается обыкновенно изъ синяго полотна и замѣняетъ собою шальвары. Штановъ настоящіе, т. е. постоянно живущіе въ монастыряхъ ламы никогда не носятъ; бàньди, отправляясь зимою въ дальній путь, еще позволяютъ себѣ одѣвать поверхъ бàнцзаля мѣховые штаны, но гэлўнъ почитаетъ для себя положительнымъ грѣхомъ одѣть это мірское платье.

Цамцà—родъ кофты, замѣняющей собою рубашку, дѣлается изъ бѣлаго полотна и безъ застежекъ. Другіе ламы не надѣваютъ даже и этой кофты, а просто обвертываютъ кусочкомъ полотна свою шею и одѣваютъ прямо на голое тѣло

Дэбэ̀ль, (въ просторѣчіи дэ̄ль) т. е. халатъ. Послѣдній бываетъ двухъ сортовъ. Лѣтній дѣлается или полотняный, или изъ какой-либо шелковой матеріи, а зимній всегда на мѣху (преимущественно бѣломъ) и покрытый также или полотняною, или шелковою матеріею. По цвѣту ламскіе халаты бываютъ трехъ сортовъ. Ламы низшихъ степеней, какъ старшіе и младшіе бàньди, носятъ халаты коричневаго цвѣта; гэцўли въ большинствѣ случаевъ носятъ халаты красные, а гэлўны почти исключительно желтые. Воротникъ у халатовъ первыхъ двухъ цвѣтовъ дѣлается всегда одноцвѣтный и простегивается въ семь или девять стежекъ, на гэлўнскихъ же халатахъ желтаго цвѣта воротникъ всегда дѣлается черный, плисовый съ таковыми же лацканами. По покрою, воротникъ ламскаго халата всегда бываетъ косой, застегивающійся съ лѣваго плеча подъ правую мышку. Разказываютъ, что эта форма одежды у монгольскихъ ламъ была изобрѣтена въ Халхѣ Ундўръ-гэгэ̀номъ, — первымъ халхаскимъ хубилгàномъ Чжэбцзўнъ-дамбà-хутухты.

Шапки, или малахàй монгольскихъ ламъ по своимъ формамъ

особенно многочисленны; но самыя употребительныя изъ нихъ, по преданію, изобрѣтены тѣмъ же Ундŷръ-гэгэ̂номъ. Шапка первой формы, общая для ламъ всѣхъ степеней и классовъ, состоитъ изъ конической тульи и загнутыхъ кверху полей; тулья дѣлается спереди круче, а сзади положе; верхушка шапки закруглена. Тулья шапки покрывается матеріею желтаго цвѣта и простегивается тридцатью двумя параллельными линіями отъ верхушки къ основанію. На верхушкѣ шапки прикрѣпляется плетеное изъ желтаго же снурка изображеніе вачи̂ра. Поля шапки спереди выше чѣмъ сзади и на задней сторонѣ имѣютъ разрѣзъ; оконечности полей у этого разрѣза впрочемъ соединяются между собою желтымъ же снуркомъ, къ которому прикрѣпляются двѣ ленты изъ краснаго штофа. По толкованію, Ундŷръ-гэгэ̂нъ, составляя эту форму для ламской шапки, имѣлъ намѣреніе дать ламамъ всегдашній знакъ того, что они должны стремиться и при этомъ стремленіи дѣйствительно достигнуть святости ва̂чжра да̂ры ([illegible]). Съ этою цѣлью верхушку шапки онъ украсилъ изображеніемъ вачи̂ра (вачжра); постановилъ простегивать на тульѣ тридцать двѣ линіи, что соотвѣтствуетъ числу Сандŷй бурхановъ; наконецъ велѣлъ прикрѣплять двѣ ленты въ знаменованіе двухъ путей — сŷтръ и та̂рни, шествуя по которымъ, ламы могутъ достигнуть совершенствъ будды ([illegible]). Вторая шапка, носящая у монголовъ названіе Шана̂мъ-малаха̂й, была предназначена Ундŷръ-гэгэ̂номъ исключительно для ламъ, живущихъ и служащихъ въ монастырѣ, почему ламы, ушедшіе изъ монастыря и живущіе въ степи уже не носятъ ея. Она имѣетъ форму нашей солдатской безкозырной фуражки; дѣлается съ краснымъ околышемъ и тульею желтаго цвѣта. Поверхъ этой тульи пришивается одна большая кисть изъ желтыхъ шелковыхъ нитокъ, такъ что нитки эти спускаются съ шапки въ видѣ растрепанныхъ волосъ и закрываютъ собою верхнюю часть лица ламы, надѣвшаго шапку. По толкованію, Ундŷръ-гэгэ̂нъ, представивъ такую шапку

хуваракамъ, объяснилъ при этомъ, что подобно тому, какъ всѣ волосы на этой шапкѣ обращены къ низу, каждый лама долженъ быть смиреннымъ особливо въ воззрѣніяхъ на самого себя; и, подобно тому какъ на шапкѣ каждый верхній волосокъ покрываетъ нижній, высшіе начальники должны призрѣвать низшихъ, сильные должны защищать слабыхъ, мужественные охранять нѣжныхъ. Эти два рода шапокъ монгольскіе ламы носятъ только на улицахъ и не входятъ въ нихъ въ хуралы; въ нижеслѣдующихъ же шапкахъ они не только ходятъ по городу или монастырю, но и совершаютъ свои богослуженія:

1) *Шасэръ.* Носятъ ее духовные всѣхъ степеней и званій, начиная съ самыхъ высокихъ хубилгановъ и оканчивая простымъ баньди. Шасэръ бываетъ вышиною около полу-аршина и дѣлается остроконечною, съ наклоненіемъ въ переднюю сторону, а на задней сторонѣ ея прикрѣпляется шерстяной гребень. Лучшее подобіе шасэра представляютъ собою старыя прусскія гренадерскія шапки.

2) *Обōтай* принято носить только духовнымъ высшихъ степеней и притомъ занимающимъ въ монастырѣ административныя должности. Шапка эта также высокая и по формѣ была бы совершенно овальною, если бы на самой вершинѣ ея не встрѣчался маленькій выгибъ внутрь, вслѣдствіе чего она является уже остроконечною. Обōтай бываетъ трехъ сортовъ, которые взаимно различаются между собою только полями. Есть обōтаи, у которыхъ поля обходятъ вокругъ всей шапки и являются загнутыми кверху; у другихъ — поля также загнуты кверху, но, огибая шапку сзади, они напереди доходятъ только до висковъ, наконецъ обōтаи третьяго рода имѣютъ поля, огибающіе шапку сзади и напереди доходящіе до висковъ, но опущенные книзу и простирающіеся, смотря по важности особы, до щекъ и даже до плечей.

Необходимую принадлежность костюма каждаго гелуна составляетъ еще привѣшиваемый къ поясу съ лѣвой стороны *Цабари.* (ཚ་བ་རི་ལ, монг. [illegible], а въ просторѣчіи цабри, чаври и чаврунъ). Это четырехъ-угольный, квадратный мѣшечекъ въ одну четверть аршина величины, сшиваемый обыкновенно изъ

Ламы, служащіе хуралъ.

краснаго сукна. Въ мѣшечекъ вставляется небольшая фляжка съ мѣднымъ горлышкомъ. Назначается эта фляжка для храненія въ ней расая̆ны (освященной воды), которою гэлўны должны полоскать ротъ послѣ принятія пищи. Далѣе къ числу принадлежностей гэлўнскаго костюма слѣдуетъ отнести еще *Гусўнъ-тўкъ*. Это небольшая книжечка, которую гэлўнъ всегда держитъ при себѣ за пазухой и которую, при необходимости благословить кого либо, возлагаетъ онъ на голову просящаго благословенія. Иногда это бываетъ просто связка разрозненныхъ листовъ, на которыхъ написаны разныя молитвы и завернуты въ кусокъ красной матеріи. На шеѣ нѣкоторые изъ ламъ носятъ еще изображенія бурхановъ, заключенныя въ серебрянные, четырехугольные складни. Кромѣ того всѣ вообще ламы имѣютъ у себя за пазухой деревянную чашечку, такъ какъ ни одинъ изъ истинныхъ монастырскихъ ламъ никогда не станетъ пить или ѣсть изъ чужой чашки. Богатые монгольскіе ламы отдѣлываютъ свои чашки въ рединѣ серебромъ. Тибетскіе гэлўны, не рѣдко являющіеся въ Монголію за сборомъ подаяній, дѣлаютъ себѣ чашки изъ человѣческихъ череповъ; мода эта начала входить въ послѣднее время и въ Монголіи.

Къ поясу ламы, подобно всѣмъ простолюдинамъ, пристегиваютъ разные мѣшечки, употребленіе которыхъ заимствовали они отъ китайцевъ; таковы, мѣшечекъ для храненія табакерки съ нюхательнымъ табакомъ, кисетъ для курительнаго табаку, футляръ для вкладыванія въ него ножа и китайскихъ палочекъ, замѣняющихъ вилки и пр. Были слухи въ годъ выѣзда моего изъ Монголіи, что Чжэбцзўнъ дамба̂ намѣренъ воспретить ламамъ употребленіе всѣхъ этихъ мѣшечковъ, находя что китайскія удобства непристойны для ношенія ламамъ; но состоялось-ли это опредѣленіе, мнѣ неизвѣстно въ точности.

Выходя изъ дому куда-либо на прогулку, или въ гости, ламы надѣваютъ курму, ([illegible]) — тоже китайская одежда. Она представляетъ собою однобортную кофту, съ широкими рукавами и лѣтомъ дѣлается изъ какой нибудь легкой матеріи, а зимою бываетъ мѣховая и покрывается или сукномъ, или шелковою матеріей.

Высшіе ламы, отправляясь въ хура̀лъ, надѣваютъ мантію безъ рукавовъ, въ родѣ альмавивы, но гораздо длиннѣе и съ небольшимъ крагиномъ, обрѣзаннымъ фестонами. Обыкновенно эта мантія дѣлается изъ грубаго тибетскаго сукна и бываетъ или желтаго, или краснаго цвѣтовъ; на языкѣ Монголовъ она носитъ названіе *Занчи*, (тиб. (གཟན་ཆེམ་).

Наконецъ каждый лама имѣетъ еще при себѣ четки (санскр akchamâlâ, тиб. ཕྲེང་བ་), состоящія изъ 108 ровныхъ шариковъ, раздѣляемыхъ на 9-ть отдѣленій шариками или другаго цвѣта, или бо̀льшаго калибра. Самый большой изъ этихъ шариковъ, отъ котораго считаютъ начало четокъ, называется «то̄». Ламы никогда не разстаются съ четками и въ свободное отъ занятій время всегда читаютъ по нимъ «ма̀ни», т. е. ведутъ по нимъ счетъ прочитанныхъ «ма̀ни». При богослуженіяхъ ламы кладутъ четки передъ собою, снимая ихъ съ руки; но всегда опять берутъ въ руки при произношеніи та̀рни въ то время, какъ первенствующій въ хура̀лѣ держитъ вачѝръ и звонитъ въ колокольчикъ.

Степенью гэлу̇на оканчиваются посвященія ламъ и дальнѣйшая ламская іерархія обосновывается уже на занятіи ламами тѣхъ или другихъ должностей и на исполненіи ими болѣе или менѣе высшихъ обязанностей въ монастырѣ. Должностей въ буддійскихъ монастыряхъ вообще сравнительно очень много и, слѣдя за большею или меньшею степенью важности ихъ, онѣ могутъ быть расположены въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) *Ханбо̀-ламà*. (, тиб. མཁན་པོ, санскр. upâdhyâya). Эта должность, или лучше сказать званіе, соотвѣтствуетъ должности настоятелей нашихъ лавръ, въ которыхъ всегда помимо настоятелей полагаются еще намѣстники. Ханбо̀ лама почитается первенствующимъ лицомъ въ монастырѣ, ему доносятъ обо всѣхъ главнѣйшихъ монастырскихъ событіяхъ и всѣ важнѣйшія предпріятія въ монастырѣ совершаются съ его вѣдома и разрѣшенія; но онъ не входитъ въ дѣла лично и выслушиваетъ всѣ доклады, равно какъ и дѣлаетъ всѣ свои распоряженія у себя на дому.

Въ Монголіи ханбо̀ ламы полагаются только въ большихъ, по преимуществу въ хутухтинскихъ монастыряхъ. Они выбираются изъ лицъ старѣйшаго духовенства (преимущественно изъ цорчжѝ ламъ) и утверждаются въ степныхъ монастыряхъ хутухтами въ сообществѣ съ хошу̀ннымъ княземъ. Въ Ургѣ ханбо̀ лама по выборѣ его хутухтою и высшимъ духовенствомъ, утверждается въ своемъ званіи богдоха̀номъ и получаетъ при этомъ высочайшій рескриптъ слѣдующаго содержанія:

«Указъ велѣніемъ неба повелѣвающаго временами Хуа̀нди.

«Я, соединившій во едино обитающихъ во вселенной, есмь великій владыка духовнаго и гражданскаго правленія. Если есть люди, способные доставлять пользу вѣрѣ и гражданскому правленію, то я непремѣнно отличаю ихъ и дѣлаю видными изъ среды другихъ. Цорчжѝ (такой-то)! Ты, прилежа къ изученію священнаго писанія и сохраняя обѣты ламы, всегда съ истиннымъ усердіемъ поступалъ по правиламъ, руководствующимъ къ созиданію блага буддійской вѣры. Я взиралъ на это съ одобреніемъ и, имѣя въ виду устроить прочность и спокойствіе въ вѣрѣ и правленіи Чжэбцзу̀нъ-дамба̀ хутухты, доставляя особенную милость, возвожу тебя въ званіе ханбо̀-хому̀нъ ха̀на, начальствующаго въ ламскихъ дѣлахъ и первенствующаго при чтеніи но̀мовъ ламами монастыря просвѣтителя вѣры и благодѣтеля одушевленныхъ существъ Чжэбцзу̀нъ дамба̀ хутухты; при чемъ выдаю тебѣ настоящій указъ и жалую золотую печать. Такъ какъ ты удостоился этого очевиднаго благоволенія, то, присоединяясь къ моему конечному желанію расширить желтую вѣру и создать спокойствіе и довольство одушевленныхъ существъ, постарайся прилежать къ ученію вѣры и устроить благо вѣры и одушевленныхъ существъ. Поступай чистосердечно и съ истинною тщательностію при чтеніи священныхъ но̀мовъ и при совершеніи всякой добродѣтели въ монастырѣ Чжэбцзу̀нъ-дамба̀-хутухты. Управляя ламами и шабинарами, храни государственныя постановленія и тщательно избѣгай всякой оплошности.

Данъ въ такое-то лѣто правленія такого-то, такой-то луны, такого-то числа».

2) *Цорчжѝ ламà* (ཆོས་རྗེ་) есть намѣстникъ монастыря. Вся монастырская жизнь совершается подъ его непосредственнымъ надзоромъ и руководствомъ: онъ раздаетъ свои приказанія и о совершеніи хурàловъ и о приготовленіи всего потребнаго къ нимъ; назначаетъ ламъ къ совершенію тѣхъ или другихъ богослуженій внѣ монастыря; увольняетъ ламъ въ отпускъ на болѣе продолжительные сроки; наблюдаетъ за изученіемъ ими нòмовъ и т. д. Въ небольшихъ монастыряхъ, гдѣ не полагается особаго ханбò ламы, цорчжѝ лама является обыкновенно въ роли настоятеля и составляетъ главное начальствующее лицо въ монастырѣ.

3) *Ширѣ̄тў ламà* (ᠰᠢᠷᠡᠭᠡᠲᠦ ᠯᠠᠮᠠ), по буквальному переводу титулъ этотъ означаетъ каѳедральнаго ламу. Ширѣ̄тў лама есть собственно предсѣдательствующій при богослуженіяхъ. Въ монастыряхъ, гдѣ имѣютъ свое мѣстопребываніе ханбò лама и цорчжѝ лама, ширѣ̄тў не несетъ уже на себѣ никакихъ административныхъ обязанностей и вся дѣятельность его ограничивается надзоромъ за правильнымъ совершеніемъ богослуженій. Въ тѣхъ степныхъ сўмэ̀, въ которыхъ ламы не живутъ постоянно, и въ которыхъ богослуженія совершаются только въ дни великихъ хурàловъ, ширѣ̄тў бываетъ главнымъ лицемъ и можетъ быть почитаемъ настоятелемъ этихъ монастырей, хотя опять таки дѣятельность его ограничивается исключительно предсѣдательствомъ при богослуженіи и надзоромъ за совершеніемъ хурàла, такъ какъ хозяйства и собственности эти монастыри у себя не имѣютъ и причисляющіеся къ нимъ ламы, живя разбросанно по степямъ, не могутъ быть непосредственно руководимы своимъ настоятелемъ. Эти три должности могутъ быть причислены къ высшимъ и первокласснымъ должностямъ въ монастырѣ. За ними будутъ слѣдовать:

4) *Лацàбъ*—иногда называемый дэ̀дъ-ширѣ̄тў-ламà—почетный помощникъ ширѣ̄тўя, избираемый изъ старѣйшихъ и почтеннѣйшихъ ламъ. По правиламъ, лацàбъ долженъ бы быть учителемъ, который объясняетъ религіозныя постановленія и руководитъ гэлўновъ въ ихъ изученіи буддизма; но такъ какъ гэлўны

(по мимо состоящихъ въ школахъ) никогда не занимаются таковымъ изученіемъ, то лацàбъ не несетъ на себѣ собственно никакихъ обязанностей, а бываетъ только всегдашнимъ замѣстителемъ ширѢтўя, если послѣдній боленъ, или по какой либо причинѣ не можетъ явиться къ совершенію богослуженія. Лацàбовъ въ каждомъ монастырѣ бываетъ по нѣскольку и по крайней мѣрѣ не менѣе того числа, сколько находится въ монастырѣ кумирень. Это дѣлается на тотъ случай, чтобы, когда въ монастырѣ совершается одновременно богослуженіе во всѣхъ кумирняхъ, въ каждой изъ нихъ предсѣдательствовалъ бы непремѣнно одинъ каѳедральный лама, т. е. имѣющій право сидѣть на ширѢ, или каѳедрѣ.

5) *Гэбкӱй* или гэбгӱй и гэсгӱй (тиб. དགེ་བསྐོས་ въ переводѣ на монгольскій языкъ [illegible]) можетъ соотвѣтствовать нашему благочинному. На обязанности его лежитъ въ кумирнѣ—наблюдать за порядкомъ и тишиною во время совершенія богослуженій; внѣ кумирни—слѣдить вообще за нравственностью духовенства. Отъ него непосредственно исходятъ по монастырю всѣ распоряженія относительно отправленія богослуженій и образа жизни низшихъ ламъ; онъ назначаетъ одному дѣлать то, другому — другое; онъ же разслѣдуетъ и проступки ламъ. Отличительный знакъ званія гэбкӱя составляетъ жезлъ называемый Чжукбò; (тиб. དབྱུག་ཏོ, монг. [illegible]) онъ дѣлается обыкновенно изъ какого-то благовоннаго дерева Агàру (санск. akourou, монг. ᠠᠭᠠᠷᠤ) и бываетъ въ $^3/_4$ арш. длиною и въ вершокъ толщиною. На чжуктò у гэбкӱя всегда бываетъ навѣшано нѣсколько хадакòвъ, составляющихъ благодарственные подарки подчиненныхъ. Съ жезломъ этимъ гебкӱй никогда не долженъ разставаться ни въ кумирнѣ, ни внѣ оной. Если во время богослуженія въ кумирнѣ возбудится шумъ, или говоръ между хуварàками, гэбкӱй встаетъ и ударяетъ своимъ жезломъ по одной изъ кумиренныхъ колоннъ, тогда шумъ смолкаетъ. Провинившихся гэбкӱй подзываетъ къ себѣ, послѣ чего виноватый подходитъ къ гэбкӱю, становится на колѣна и подставляетъ свою спину. Гэбкӱй, хотя бы это было

и въ кумирнѣ, тотчасъ же отсчитываетъ по согбенной передъ нимъ спинѣ извѣстное число ударовъ, и затѣмъ посылаетъ виноватаго на мѣсто. Должность гэбку̀я ламаисты почитаютъ одною изъ самыхъ старѣйшихъ въ буддизмѣ и въ доказательство ея высокаго достоинства разказываютъ, что во время Цзонха̀вы эту должность исполнялъ первый хубилга̀нъ Дала̀й-ламы; въ Индіи, въ монастырѣ Налѝндара, въ теченіи 12-ти лѣтъ исполнялъ обязанности гэбку̀я учитель Наганцзу̀на; при буддѣ Шигэму̀ни слушателями его управлялъ въ должности гэбку̀я одинъ изъ старѣйшихъ учениковъ его—Ана̀нда. Гэбку̀евъ въ каждомъ монастырѣ полагается при главной кумирнѣ два старшихъ и два младшихъ; это число почитается уже обязательнымъ для каждаго монастыря, а затѣмъ количество гэбку̀евъ ограничивается обыкновенно числомъ монастырскихъ кумирень и слѣдовательно, смотря объ обширности монастыря оно бываетъ весьма различно.

6) *Умза̀тъ*, или *унза̀тъ* (тиб. དབུ་མཛད་, монгол. ᠤᠮᠵᠠᠳ или ᠤᠨᠵᠠᠳ)—уставщикъ и вмѣстѣ кононархъ. Умза̀тъ подобно гэбку̀ю есть лицо, необходимо присутствующее при каждомъ храмовомъ богослуженіи: онъ, согласно сдѣланному гэбку̀емъ назначенію того или другаго богослуженія, ведетъ порядокъ всей службы, первый начинаетъ чтеніе каждой молитвы и только вслѣдъ за нимъ чтеніе или распѣвъ подхватываютъ всѣ прочіе, участвующіе въ хура̀лѣ ламы. Такъ какъ монастырскія правила предписываютъ ламамъ всегда произносить слова молитвы одновременно съ умза̀томъ, то умза̀ты обыкновенно выбираются изъ ламъ, отличающихся силою своего голоса и обладающихъ густымъ и обширнымъ басомъ. Буддійскія правила впрочемъ предписываютъ выбирать на эту должность особенно отличающихся знаніемъ устава и не обращать вниманія на голосъ. Число умза̀товъ въ монастыряхъ бываетъ не равномѣрно. Подобно гэбку̀ямъ ихъ полагается при главномъ монастырскомъ храмѣ два старшихъ, два младшихъ и два такъ называемыхъ сверхштатныхъ, или вольныхъ умза̀та (ᠰᠤᠯᠠ ᠤᠮᠵᠠᠳ); за симъ въ дальнѣйшемъ количествѣ принимается въ разсчетъ число монастырскихъ кумирень.

7) *Гэйкъ* долженъ быть почитаемъ за ближайшаго помощника гэбкӱя, такъ какъ на обязанности его лежитъ слѣдить за точнымъ исполненіемъ всѣхъ приказаній перваго и руководить исполняющихъ. Онъ присматриваетъ напримѣръ за тѣмъ, чтобы въ кумирнѣ все было приготовлено къ хура̀лу и находилось въ должномъ порядкѣ, если при хура̀лѣ полагается чай, или ма̀нцза для служащихъ, онъ разсчитываетъ потребное число продуктовъ и расходовъ; если въ монастырь поступаютъ какія нибудь пожертвованія и заказы, гэйкъ принимаетъ ихъ и, доложивъ гэбкӱю, проситъ у него соотвѣтствующихъ распоряженій.

Низшія должности ламъ, собственно прислуживающихъ при богослуженіи, составляютъ:

8) *Тахи̃льчи*, (тиб. མཆོད་པ་, монг. ᠲᠠᠬᠢᠯᠴᠢ) — это ламы, завѣдующіе принесеніемъ жертвъ бурханамъ. Они приготовляютъ и зажигаютъ лампады и хӱчжи, перемѣняютъ жертвенную воду и прочія жертвы, чистятъ жертвенныя чашки и чашечки, заботятся о приготовленіи всего, что необходимо при принесеніи жертвъ во время богослуженій и проч.

9) *Джама̀*, — (тиб. ཇ་མ་ на монгольскомъ языкѣ буквально означаетъ ᠴᠠᠢᠴᠢ) т. е. лицо, на обязанности котораго лежитъ приготовленіе чая, но въ дѣйствительности въ монгольскихъ монастыряхъ джама̀ есть лама, котораго вообще можно назвать монастырскимъ поваромъ. Онъ приготовляетъ необходимыя къ богослуженію жертвы, какъ-то: балѝнъ (གཏོར་མ་), со̄ръ (ཟོར) и др., а равно распоряжается о приготовленіи чая, или ма̀нцзы для служащихъ ламъ. Должность «джама̀», хотя и причисляется къ разряду низшихъ, однако же ее замѣщаютъ всегда старѣйшими, и, сравнительно, весьма учеными ламами. Въ испытаніи, производимомъ кандидатамъ на эту должность самымъ труднымъ почитается приготовленіе балѝн'овъ. Извѣстно, что каждому бурхану приносится особый балѝнъ и всѣхъ ихъ насчитываютъ до тысячи. Знать особенности каждаго балѝна, а за симъ еще и толкованіе относящееся до значенія, причинъ и смысла этихъ особенностей — дѣло дѣйствительно не легкое.

10) *Джинджўки*, собственно помощники унза̀та, которые руководятъ игрою на музыкальныхъ инструментахъ подобно тому, какъ унцза̀тъ руководитъ чтеніемъ молитвъ. Обыкновенно впрочемъ джинджўками называютъ теперь всѣхъ ламъ музыкантовъ, играющихъ во время богослуженій на различныхъ инструментахъ. Принимая въ разсчетъ самые малые монастыри, число ихъ выразится приблизительно такъ:

a) Бишкўрчи, (ᠪᠢᠰᠢᠭᠦᠷᠴᠢ, тиб. སྦྱིང་བུ་པ་), т. е. играющіе на бишкурѣ 2

b) Ганълѝнчи (монг. ᠭᠠᠩ ᠯᠢᠩᠴᠢ, тибет. རྐང་གླིང་པ་ или རྐང་དུང་པ་), т. е. играющіе на ганълѝнѣ 2

c) Дунчѝ, или лаба̀йчи (ᠳᠤᠩᠴᠢ, тиб. དུང་པ་མཁན་), т. е. играющіе на раковинѣ 2

d) Кэнгэргэ̀чи (ᠺᠡᠩᠭᠡᠷᠭᠡᠴᠢ, тиб. རྔ་པ་) т. е. бьющіе въ барабанъ 4

e) Бўрѣ̄чи (ᠪᠦᠷᠡᠴᠢ), т. е. играющіе на трубѣ 4
изъ нихъ двое играютъ на ўхэръ бўрѣ̄, и двое на бўрѣ̄.

f) Цанъчѝ (тиб. ཟངས་མཁན་), т. е. бьющіе въ цанъ 2

g) Цэльнѝнчи (ᠴᠡᠯᠨᠢᠩᠴᠢ, тиб. སིལ་སྙན་མཁན་), т. е. бьющіе въ цэльнинъ 2

h) Харанга̀чи (ᠬᠠᠷᠠᠩᠭᠠᠴᠢ), т. е. бьющіе въ харанга 2

i) Дўдармачѝ (ᠳᠤᠳᠠᠷᠮᠠᠴᠢ), т. е. ударяющіе въ дўдарма . 1

И такъ всего 21 человѣкъ и это самое меньшее число, которое мнѣ приходилось когда либо видѣть; но число джинджўковъ въ большихъ монастыряхъ доходитъ до двухъ и трехъ сотенъ. Въ ургинскихъ храмахъ и въ монастырѣ Эрдэнѝ-цзў, присутствуя на великихъ хуралахъ, я встрѣчалъ по 49 бўрѣ̄, по 49 барабановъ и по 9 дўдарма; число другихъ музыкантовъ у меня осталось незаписаннымъ, но общее число ихъ вмѣстѣ съ гэлўнами, ударяющими въ колокольчикъ, въ обоихъ случаяхъ доходило до трехсотъ.

11) *Дуганьчи* (тиб. འདུ་ཁང་པ།), т. е. церковный сторожъ. Онъ наблюдаетъ за чистотою кумирни, приготовляетъ потребныя къ богослуженію инструменты, книги и проч.

12) *Цабрачй* ([illegible]) разноситъ чай и пищу ламамъ во время совершенія ими богослуженій, по окончаніи же трапезы подаетъ ламамъ воду для омовенія рукъ и полосканія рта.

13) *Мэдэчи* ([illegible]) суть ламы, на обязанности которыхъ лежитъ призывать къ богослуженіямъ или ударами въ харанга, или трубя въ бўрѣ и раковину.

14) Всѣ упомянутые ламы низшихъ должностей находятся подъ ближайшимъ управленіемъ одного старшаго ламы, имѣющаго титулъ «цзахирахчй» ([illegible]).

Ученое сословіе ламъ, не имѣющихъ ближайшаго значенія въ администраціи, но тѣмъ не менѣе необходимо находящихся въ каждомъ монастырѣ, составляютъ:

15) *Ном'ўнъ ламà*, болѣе извѣстный у монголовъ подъ тибетскимъ названіемъ, — чòйчжинъ. Его обязанность главнымъ образомъ ученая: онъ изучаетъ и толкуетъ догматы вѣры, указываетъ всѣ подробности богослуженій; кромѣ того онъ изучаетъ магическія тàрни и такимъ образомъ пріобрѣтаетъ силу: a) произносить заклинанія на злыхъ духовъ, b) совершать молитвы и обряды, при посредствѣ которыхъ низводится на землю, или отгоняется идущій уже дождь, c) опредѣлять мѣсто возрожденія душъ умершихъ людей и проч. [1]).

---

1) Отъ этихъ чòйчжиновъ — ном'ўнъ-ламà, должно строго отличать еще другихъ чòйчжиновъ, называемыхъ по монгольски «сангасàкъ». Эти послѣдніе представляютъ собою нѣчто среднее между магиками буддійскими и шаманами. Они причисляются обыкновенно къ монастырямъ, но въ самыхъ монастыряхъ не живутъ никогда. Всѣ они принимаютъ ламскіе обѣты, тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ нихъ живутъ съ женами и это не только не почитается предосудительнымъ, но даже законнымъ; разумѣется, что уже одно это обстоятельство должно убѣждать насъ, что чòйчжины — сангасàкъ, въ понятіяхъ монголовъ, представляютъ собою нѣчто отличное отъ обыкновенныхъ ламъ. Проѣзжая по хошўну Далай-гўна, Сайнъ-нояновскаго àймака въ 1879 г., я познакомился здѣсь съ тремя чòйчжинами — сангасàкъ: всѣ они принимали обѣты баньди, но жили своими семьями. Права свои чòйчжины получаютъ въ Тибетѣ отъ

16) *Эмчи* (ᠡᠮᠴᠢ, тибет. སྨན་པ) монастырскій лекарь, на обязанности котораго лежитъ также и преподаваніе медицины желающимъ [1]).

Далай-ламы или Баньчэнь-богдо, хотя сами въ Тибетъ не ѣздятъ и никакихъ спеціальныхъ посвященій не принимаютъ. Обыкновенно монастырь, желающій пріобрѣсти себѣ чойчжина, отправляетъ посольство въ Тибетъ и рекомендуетъ предъ Далай-ламой своихъ кандидатовъ, представляя ихъ имена и годъ рожденія. Далай-лама утверждаетъ, или отказываетъ уже по своей волѣ. Говорятъ, что въ старину чойчжины приходили въ Монголію изъ Тибета и что тамъ еще и до нынѣ есть монастыри, спеціально устроенные для образованія чойчжиновъ. Эти разказы монголовъ подтвердили мнѣ показанія Георги о томъ же предметѣ; но съ другой стороны слѣдуетъ замѣтить, что въ Монголіи чойчжины—сангасакъ не имѣютъ у себя ни книгъ, ни правильныхъ обрядовъ богослуженій. Все обученіе ихъ передается устно. Спеціальность чойчжиновъ состоитъ въ даваніи предсказаній и въ отвращеніи несчастій. То и другое совершаютъ они силою призыванія четырехъ Махаранзъ — геніевъ хранителей четырехъ странъ міра. Извѣстно, что эти геніи 15-го и 30-го числа каждаго мѣсяца низпускаются на землю и укрощаютъ злыхъ духовъ, наносящихъ бѣдствія людямъ. Чойчжины — сангасакъ силою своихъ призываній могутъ заставить ихъ низпуститься во всякое время. Эти призыванія чойчжиновъ во многихъ случаяхъ напоминаютъ собою камланье шамановъ и даже въ костюмѣ ихъ много шаманскаго, такимъ образомъ они употребляютъ напр. орогой (шаманскую шапку) и кэцэ (шаманскій бубенъ). Жилища чойчжиновъ не отличаются рѣшительно ничѣмъ отъ обычныхъ юртъ монголовъ, только въ числѣ ихъ бурхановъ первое мѣсто всегда долженъ занимать кумиръ Падма Самбавы, котораго почитаютъ они основателемъ своего ученія.

1) Монгольскіе ламы медики не мало интересовали меня во все время пребыванія моего въ Монголіи, хотя я долженъ сказать, что мои изслѣдованія о нихъ крайне ограниченны и это не могло быть иначе, такъ какъ для изученія ламской медицины не достаточно одного знанія языка, дающаго возможность провѣрять разказы ламъ по книжкамъ и наконецъ прочитать эти книжки, а необходимо имѣть еще спеціальную подготовку въ области медицины. Сообщу впрочемъ хотя общія понятія о монгольскихъ медикахъ и монгольской медицинѣ.

Основы медицинской науки для монгольскихъ ламъ составляетъ тибетская медицина, но помимо того они заимствовали еще весьма многое изъ медицины китайской и даже европейской. Извѣстно, что еще во времена Канси китайцами, подъ руководствомъ іезуитскихъ миссіонеровъ, было сдѣлано очень много переводовъ съ европейскихъ языковъ на китайскій сочиненій по части астрономіи, географіи, естественныхъ наукъ и медицины. Съ китайскаго эти сочиненія переводились на языкъ монгольскій и образцы такого рода литературы были пріобрѣтены мною и представлены въ Библіотеку С.-Петербургскаго Университета. Въ Европѣ чрезвычайно распространено мнѣніе о томъ, будто бы монгольская медицина не имѣетъ никакого понятія ни объ анатоміи, ни о кровообращеніи, не знаетъ химическихъ свойствъ лечебныхъ растеній и

17) *Цзурухайчи*, (монгол. [illegible], санск. ganaka, тибет. རྩིས་མཁན་)—астрологи. Они занимаются вычисленіями, составляютъ ежегодно календари, опредѣляютъ время, въ которое должно быть совершаемо то или другое чествованіе духовъ; указываютъ счастливые дни для совершенія разнаго рода предпрія-

---

пр. Мы можемъ смѣло утверждать, что это мнѣніе если нельзя назвать во все несправедливымъ, то во всякомъ случаѣ оно должно подлежать значительнымъ ограниченіямъ. Конечно, химическій составъ лекарственныхъ растеній извѣстенъ ламамъ сравнительно мало, тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы онъ былъ неизвѣстенъ имъ вовсе. При составленіи своихъ лекарствъ и аптекъ ламы руководствуются главнымъ образомъ наружнымъ описаніемъ лекарственныхъ растеній и описанія эти составлены въ ихъ книгахъ дѣйствительно мастерски, съ подробнѣйшими указаніями наружнаго вида растенія, его мѣстонахожденія, его видоизмѣненій во время роста, времени его собиранія, каковымъ обусловливается цѣлебная сила лекарства и проч.

Такой составъ ламской фармакологіи самъ собою свидѣтельствуетъ, что медицина ламъ по преимуществу основывается на опытѣ и съ этой стороны ихъ лечебники, безъ сомнѣнія, заключаютъ въ себѣ очень много полезнаго. Я могу свидѣтельствовать только, какъ факты, то. что болѣзни, которыя казались неизлечимыми по европейской наукѣ, излечивались ламами и больные, отъ которыхъ совершенно отказывались европейскіе и русскіе врачи, оздоравливали, принимая лекарства ламъ. Въ этомъ нѣтъ конечно ничего удивительнаго и странно было бы отвергать, что восточные народы, существуя цѣлыя тысячелѣтія, не могли бы подмѣтить нѣкоторыхъ цѣлебныхъ травъ и растеній и не приспособить ихъ къ дѣлу; напротивъ, гдѣ собственно и можетъ быть открыто такое множество таинственныхъ силъ природы, какъ ни у тѣхъ народовъ, которые живутъ съ нею о-бокъ?

Медицинскихъ сочиненій у ламъ очень много и при этомъ они обыкновенно раздѣляются ламами на два рода: «основныя», т. е. излагающія медицину научнымъ образомъ и «прикладныя», — имѣющія видъ нашихъ лечебниковъ. Изъ числа основныхъ медицинскихъ сочиненій особенною извѣстностью пользуется «Хлантабъ», громадное сочиненіе, раздѣляющееся въ общемъ на восемь отдѣленій ([illegible]), а въ частности на 156 главъ. Изъ числа главныхъ восьми отдѣловъ хлантаба 1-й трактуетъ какъ въ физіологическомъ такъ и въ патологическомъ отношеніи о взросломъ человѣкѣ; 2-й разсматриваетъ такимъ же образомъ дѣтскій возрастъ и дѣтскія болѣзни; 3-й горитъ о женщинахъ и женскихъ болѣзняхъ; 4-й излагаетъ истерическія болѣзни, 5-й — хирургическія болѣзни; 6-й — болѣзни, происходящія отъ отравленія, а р авно разсматриваетъ свойство ядовъ; 7-й—старческія болѣзни; 8-й трактуетъ объ укрѣпленіи старчества. Каждый изъ этихъ отдѣловъ подраздѣляется еще на большее или меньшее число главъ, въ которыхъ въ одинаковомъ, послѣдовательномъ порядкѣ разсматриваются вообще: а) болѣзни, происходящія вслѣдствіе нарушенія газовозобновленія ([illegible]); b) болѣзни, происходящія вслѣд-

ті,й какъ предпринимаемыхъ монастыремъ, такъ и принадлежащими къ этому монастырю простолюдинами и милостынедателями.

18) *Цзура̄чи* (монгол. [Mongolian script], санск. tchitrakara, тибет. [Tibetan script]) — иконописцы.

19) *Биликтӯ* ([Mongolian script]) выбираются по испытаніи изъ

ствіе нарушенія возобновленія желчи ([Mongolian script]) и с) болѣзни, происходящія вслѣдствіе нарушенія слизевозобновленія ([Mongolian script]). Въ частности по тремъ вышеупомянутымъ подраздѣленіямъ расматриваютя здѣсь какъ физіологическомъ, такъ и въ патологическомъ отношеніи: a) голова съ ея частями (глаза, носъ, ротъ, уши и проч.; b) грудь; c) туловище, которое подраздѣляется по числу входящихъ въ составъ его органовъ на одиннадцать частей,—это во 1-хъ пять плотныхъ органовъ: печень, почки, легкія, сердце и селезенка и во 2-хъ шесть полыхъ органовъ: желудокъ, тонкія кишки, толстыя кишки, мочевой пузырь, сѣмянной пузырь, (а въ главѣ о женщинахъ—матка) и желчный пузырь; и наконецъ d) излагается физіологическое и патологическое состояніе оконечностей.

Изъ этихъ указаній содержанія одного только медицискаго сочиненія читатели могутъ усмотрѣть, что медицинѣ ламъ являются извѣстными какъ фармакологическій такъ и хирургическій способы леченія болѣзней; но наблюдая дѣятельность монгольскихъ врачей по практикѣ ламъ, нельзя не отмѣтить, что главное леченіе ламъ состоитъ во внутреннемъ употребленіи лекарствъ; наружныя же средства практикуются ими очень рѣдко. Эти послѣднія состоятъ въ разнаго рода втираніяхъ, кровопусканіяхъ, рожкахъ, массажѣ, наконецъ въ припаркахъ, и такъ сказать горячихъ ваннахъ, вмѣсто которыхъ больнаго по большей части завертываютъ въ шкуру только что убитаго животнаго. Операцій и отнятій пораженныхъ членовъ у ламъ, кажется, не практикуется вовсе.

Каждый монгольскій эмчи, или лама-лекарь, непремѣнно имѣетъ у себя и аптеку. Лекарства, въ составъ которыхъ входятъ главнымъ образомъ травы, а потомъ уже минералы и металлы, лама всегда приготовляетъ самъ. Сначала онъ толчетъ нужныя ему сѣмена, или корни въ порошокъ, потомъ въ извѣстной, указанной книгою пропорціи, соединяетъ все это вмѣстѣ и такимъ образомъ получается у него лекарственный составъ, который всыпаетъ онъ въ особый кожанный мѣшечекъ. Такихъ мѣшечковъ у иныхъ лекарей бываетъ до 300 и болѣе штукъ; чтобы не сбиться, къ завязкѣ каждаго мѣшечка прикрѣпляется надпись съ наименованіемъ состава лекарства. Все это вмѣстѣ складывается потомъ въ одинъ большой мѣшокъ, туда же закладывается потомъ и небольшая металлическая ложечка, которая замѣняетъ собою для ламы всѣ аптекарскіе вѣсы и мѣры.

При опредѣленіи болѣзни, ламы обращаютъ главное вниманіе на состояніе пульса, щупая который они прижимаютъ вмѣстѣ съ пульсовой жилой еще и двѣ другихъ и внимательно наблюдаютъ біеніе каждой. Иногда, изслѣдовавъ пульсъ одной руки, они щупаютъ въ обоихъ рукахъ сразу и производятъ ка-

ламъ, особенно хорошо усвоившихъ себѣ тибетскій языкъ. Обязанность ихъ состоитъ собственно въ переводахъ богослужебныхъ книгъ съ тибетскаго языка на монгольскій; помимо же того они занимаются составленіемъ новыхъ молитвъ, пишутъ житія замѣчательныхъ ламъ, описанія монастырей, кумировъ, цзурýковъ и другихъ святынь; наконецъ они же ведутъ и монастырскую лѣтопись, если таковая заведена въ ихнемъ монастырѣ.

21) *Тòйны* (иначе [illegible] тиб. སྤར་མཁན་) типографщики. На обязанности ихъ лежитъ вырѣзывать типографскія доски для печатанія книгъ, разныхъ бурхановъ, мистическихъ формулъ, имѣющихъ для буддистовъ значеніе талисмановъ и пр. Свою работу тòйны обыкновенно производятъ на гладко выточенныхъ, осиновыхъ доскахъ. При вырѣзываніи, на такую доску наклеивается

кое-то взаимное сличеніе; другой разъ одновременно щупаютъ пульсъ руки и боевую жилу на вискахъ, на шеѣ и пр. При внутренныхъ болѣзняхъ выслушиваютъ дыханіе и всегда смотрятъ урину. Помимо распросовъ это главнѣйшіе способы для опредѣленія болѣзней, послѣ которыхъ лама уже прямо даетъ лекарство, почти всегда предписывая при этомъ діету. Лучшіе изъ врачей постоянно ведутъ у себя книги, записывая въ нихъ какъ исторію болѣзни, такъ и употребляемыя средства. Записки эти, по смерти ламы-доктора, всегда поступаютъ къ одному изъ лучшихъ и возлюбленныхъ учениковъ его; къ сожалѣнію такого рода практическіе журналы издаются очень рѣдко, хотя обработанные ходятъ въ рукописяхъ между ламами. Во время пребыванія моего въ Ургѣ, при нашемъ консульствѣ проживалъ эмчи шестаго хубилгана Чжэбцзýнъ-дамбà-хутухты, тибетецъ Чòйндонъ. Записки его, составлявшія до двадцати громаднѣйшихъ томовъ, были переданы имъ излюбленнѣйшему ученику его Лубсàнъ-галсàну, проживавшему въ Оромбò-гэгэ̀нэй-хитѣ. Когда я посѣтилъ этотъ послѣдній монастырь, то Лубсàнъ-галсàнъ занимался именно обработкою этихъ записокъ. Не знаю было ли этой работѣ суждено появиться въ печати, но уже въ мое время къ Лубсàнъ-гàлсану пріѣзжали многіе эмчѝ, чтобы сдѣлать себѣ списки съ этого новаго труда.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ средѣ монголо-тибетскихъ врачей не мало шарлатановъ, которые, какъ и всякаго рода шарлатаны, унижаютъ только достоинство своего дѣла. Но я думаю, что практическому уму европейцевъ нельзя судить о тибетской медицинѣ, основываясь лишь на дѣйствіяхъ и показаніяхъ этихъ шарлатановъ. Вотъ почему было бы крайне желательно, чтобы кто либо изъ нашихъ медиковъ занялся изслѣдованіемъ тибетско-монгольской медицины, конечно не съ исключительною цѣлью критиковать ее и указывать ея недостатки, какъ это дѣлось доселѣ даже и поверхностно не бывшими знакомыми съ тибетской медициной врачами, а съ благою цѣлью выбрать изъ нея все то, что можетъ быть съ пользою примѣнено къ дѣлу.

нужный рисунокъ, или экземпляръ рукописи и по нему-то вырѣзываются потребныя черты тонкимъ ножемъ, въ родѣ пинцена.

Хозяйственныя обязанности въ монастырѣ несутъ на себѣ:

22) *Нирба* (གཉེར་པ་), должность котораго соотвѣтствуетъ должности казначея. Онъ покупаетъ и принимаетъ все, поступающее въ монастырское казначейство; ведетъ отчетность по монастырскому имуществу; заключаетъ условія по подрядамъ, которые беретъ на себя монастырь и проч.

23) *Цзасакъ лама*, (ᠵᠠᠰᠠᠭ ᠯᠠᠮᠠ) иногда называемый еще «дэмчи — (དེམ་ཆེ་) лама», есть ближайшій помощникъ нирбы. Въ вѣденіи его находятся всѣ, состоящіе при монастырѣ рабочіе, которыми распоряжается онъ, назначая ихъ на ту, или другую работу; помимо того онъ ревизуетъ монастырскія имущества, находящіяся внѣ монастыря, осматриваетъ стада монастырскаго скота, смотритъ за полевыми работами, если монастырь имѣетъ у себя пашни и проч.

Канцелярію монастыря составляетъ:

24) *Донiръ* — монастырскій секретарь, избираемый изъ молодыхъ и смышленыхъ ламъ. Подъ непосредственнымъ наблюденіемъ ханбо-ламы и цорчжи онъ ведетъ переписку со всѣми правительственными мѣстами и разсылаетъ нужные указы и отповѣди. Внѣшнимъ отличіемъ донира является стеклянный шарикъ коричневаго цвѣта, который прикрѣпляется у него на шапку, вмѣсто вачира.

Въ тѣхъ хутухтинскихъ монастыряхъ, которые имѣютъ у себя приписныхъ шабинаровъ, учиняется обыкновенно еще особое управленіе, завѣдующее именно этими шабинарами. Засѣдаютъ и рѣшаютъ дѣла въ этомъ управленіи:

25) *Шанцзотба*, (тиб. ཕྱག་མཛོད་པ) онъ назначается изъ ламъ, не принимающихъ высшихъ обѣтовъ гэлуна, но изъ старѣйшихъ и опытнѣйшихъ. Шанцзотба ургинскаго Чжэбцзунъ-дамба-хутухты обыкновенно выбирается совмѣстно съ хутухтинскимъ правительствомъ еще монгольскимъ и маньчжурскимъ амбанями (губерна-

торами восточной Халхи, жительствующими въ Ургѣ) и утверждается въ своемъ званіи пекинскимъ правительствомъ послѣ личнаго представленія богдохану, при чемъ выдается ему золотая печать и грамота, по содержанію подобная выше представленной грамотѣ ханбо ламы. У другихъ, имѣющихъ шабинаровъ, хутухтъ (число которыхъ замѣтимъ кстати не особенно значительно) шанцзотба выбирается и назначается самимъ хутухтою, но утверждается съ согласія сейма аймачныхъ князей. Опредѣленнаго жалованья шанцзотба никогда не получаетъ, но онъ пользуется всѣмъ необходимымъ изъ сана (казначейства) своего хутухты и пользуется всегда съ большимъ достаткомъ, потому что должность шанцзотбы, по ея значенію, справедливо можетъ быть относима къ числу первоклассныхъ должностей въ монастырѣ. По гражданскимъ узаконеніямъ Монголіи, шанцзотба Чжэбцзунъ дамба хутухты совершенно приравнивается къ высшей должности въ Халхѣ — начальника сейма князей одного аймака; шанцзотбы другихъ хутухтъ сравниваются въ правахъ съ хошунными князьями. Въ виду такого важнаго значенія этой должности, всякій шанцзотба имѣетъ право носить на шапкѣ красный коралловый шарикъ 1-го класса. Для управленія и рѣшенія дѣлъ, состоящихъ въ его вѣденіи шабинаровъ, каждый шанцзотба всегда имѣетъ еще у себя совѣтъ, въ составъ котораго входятъ:

26) *Да-лама.* Должностныхъ лицъ этого званія при каждомъ шанцзотбѣ полагается всегда два, изъ которыхъ одинъ считается старшимъ, а другой младшимъ. Да ламы, подобно самому шанцзотбѣ, не принимаютъ высшихъ монастырскихъ обѣтовъ. Они выбираются изъ числа ламъ шабинскаго вѣдомства и утверждаются въ Ургѣ амбанями, а въ шабинскихъ вѣдомствахъ другихъ хутухтъ по выбору и представленію этихъ хутухтъ начальниками аймачныхъ сеймовъ.

27) *Зайсанъ-лама*, который присутствуетъ при разборѣ дѣлъ шанцзотбою и да-ламами и назначается для засѣданій въ шабинскомъ ямунѣ отъ каждаго шабинскаго отока по очереди на три года. Понятно, что число зайсановъ при каждомъ шанцзотбѣ весьма неопредѣленно и обусловливается количествомъ ша-

бинаровъ подвѣдомственныхъ тому или другому хутухтѣ. Внѣшній знакъ отличія зайсановъ шанцзотбинскаго ямуня, какъ и донировъ составляетъ стеклянный коричневый шарикъ.

При хутухтахъ, а слѣдовательно и въ каждомъ хутухтинскомъ монастырѣ состоятъ еще:

28) *Сойбунъ лама*, (монг. ᠰᠣᠶᠢᠪᠤᠨ или ᠰᠣᠶᠢᠪᠤᠩ и тиб. བསོའི་དཔོན) завѣдующій личнымъ штатомъ хутухты. Собственно должность начальника хутухтинскаго штата исполняетъ *одинъ* лама и только у ургинскаго Чжэбцзунъ-дамба хутухты сойбуновъ полагается четыре; но въ послѣднее время должность сойбуна въ Халхѣ стала обозначать собою придворное званіе у хутухты, а потому сойбуновъ въ вѣдомствѣ каждаго хутухты и при каждомъ хутухтинскомъ монастырѣ можно встрѣтить нѣсколько.

29) *Хя-лама*, (тиб. སྐྱུ་སྐྱུང་ по буквальному значенію слова обозначаетъ адъютантовъ при хутухтахъ; но въ настоящее время эта должность опять таки получила характеръ титула, выдаваемаго какъ отличіе нѣкоторымъ ламамъ.

30) *Хāлгачи*, ᠬᠠᠭᠠᠯᠭᠠᠴᠢ, т. е. привратникъ, разумѣется—при дверяхъ хутухтинскаго ōргō, или хутухтинской юрты; нынѣ эта должность опять таки обратилась въ званіе.

Не смотря на это, сравнительно большое число ступеней въ буддійской іерархіи и на обиліе разнаго рода высшихъ и низшихъ должностей, между ламами обыкновенныхъ монастырей халхаскихъ царствуетъ почти братское равенство. Настоятели монастырей и весь старшій клиръ держатъ себя въ отношеніи къ младшимъ чрезвычайно просто: гордость и заносчивость, повидимому, совершенно чужды монастырскимъ ламамъ и каждый изъ начальниковъ доступенъ для подчиненнаго почти также, какъ товарищъ. Происходитъ ли это отъ патріархальной простоты нравовъ, свойственной монголамъ вообще, или же это обусловливается самыми монастырскими постановленіями — сказать довольно трудно; но во всякомъ случаѣ за постановленіями халхаскихъ монастырскихъ общинъ и именно въ отдѣлѣ о начальствующихъ нельзя не признать довольно высокой степени обдуманности.

Въ этомъ случаѣ важно прежде всего то, что лица, назначаемыя на ту или другую должность въ монастырѣ, всегда опредѣляются по выбору и на извѣстный срокъ. Принимаемыя къ руководству во Халхѣ правила монастырской жизни, составленныя ламою Цаганъ-даянчи, по буквальному переводу ихъ гласятъ слѣдующее: «Такъ какъ старшіе ламы, если будутъ они долго на своихъ мѣстахъ, ссорятся и дѣлаются самовластны, а чрезъ это могутъ появиться опущенія въ дѣлахъ, то ихъ слѣдуетъ смѣнять; при этомъ если смѣнять ихъ часто, то въ свою очередь могутъ возникнуть опущенія отъ непривычки къ дѣятельности. На этотъ конецъ, срокъ службы полагается: для ханбо ламы, цорчжи ламы, ширэту и лацаба—9 лѣтъ; для гэбкуя, умзата, гэика и нирбы—7 лѣтъ, для демчея и донира — 5 лѣтъ. Если они исправны въ своихъ должностяхъ, и, по прослуженіи срока службы, окажутъ только одну опытность, то могутъ быть назначаемы и еще на свои мѣста, хотя подобное оставленіе на должность не можетъ производиться болѣе трехъ разъ.» Въ дѣйствительности это правило, конечно, почти никогда не примѣняется къ дѣлу: избранный однажды ханбо лама, въ большинствѣ случаевъ, оканчиваетъ свою жизнь на этой должности, прочіе же члены обители необходимо повышаются въ своихъ рангахъ прежде чѣмъ окончить третій срокъ службы.

Назначеніе обязанностей почти каждому изъ старѣйшихъ ламъ и удовлетвореніе нуждамъ своихъ прихожанъ служитъ причиною того, что ламы, принявшіе обѣты гэлуна, уже рѣдко являются къ совершенію богослуженій. Выше я имѣлъ случай замѣтить, что ламъ, посвящающихъ себя на всегдашнюю жизнь въ монастырѣ, въ Монголіи сравнительно очень не много. Въ хошунѣ Мэргэнъ вана въ 1878 г. считалось напр. всѣхъ ламъ различныхъ степеней 2384 человѣка, а въ хошунныхъ монастыряхъ проживало только 118 человѣкъ. Замѣчательно при этомъ, что лама, проживающій въ монастырѣ, почитается въ народѣ гораздо почтеннѣе и достойнѣе чѣмъ лама, проживающій въ степи. Вотъ почему не смотря на обиліе духовенства, не смотря на то, что ламу можно всегда найти въ любомъ хотонѣ; каждый, мало-

мальски состоятельный халхасъ, при совершенiи какой либо требы, никогда не пригласитъ своихъ степныхъ, живущихъ о-бокъ съ нимъ ламъ, а непремѣнно отправляется въ монастырь и привозитъ оттуда хотя бы то одного гэлу̀на,—степные ламы приглашаются развѣ только какъ сослужащiе ему.

Благодаря такимъ воззрѣнiямъ народа, у монгольскихъ монастырскихъ ламъ и особливо старшихъ, получившихъ посвященiе въ гэлу̀на, всегда бываетъ масса работы по приходу и они постоянно бываютъ въ разъѣздахъ. Ниже, въ главѣ о богослуженiяхъ, мною будутъ указаны всѣ тѣ требы, которыя исполняются ламами въ домахъ ихъ милостынедателей. Количество этихъ требъ, равно какъ и религiозная ревность халхасовъ будутъ ясною порукою за широкую дѣятельность ламъ; теперь же я укажу на ламскую жизнь и ламское служенiе собственно въ предѣлахъ монастыря.

День монастырскаго ламы начинается обыкновенно часовъ съ пяти утра. Проснувшись и еще лежа въ постели, гэлу̀нъ начинаетъ будить живущихъ въ одной съ нимъ юртѣ гэцу̀лей и ба̀ньди. Быстро вскакиваютъ на ноги ребятишки—ба̀ньди; болѣе медленно поднимаются уже пользующiеся нѣкоторою самостоятельностью гэцу̀ли. Одѣвшiйся ба̀ньди подноситъ своему ламѣ гэлу̀ну его одежду, сапоги и другiя принадлежности костюма, тогда этотъ послѣднiй начинаетъ одѣваться. Одѣвшись, онъ выходитъ изъ юрты умываться, а послушникъ (ба̀ньди) въ это время прибираетъ его постель и приводитъ въ должный порядокъ не прихотливую и не многосложную обстановку юрты. Послѣ этого послушникъ начинаетъ приготовлять лампады и жертвы для бурха̀новъ, а возвратившiйся лама садится на свое мѣсто и приступаетъ къ совершенiю обряда, носящаго у монголовъ названiе «Усу̀нъ-бали̇̀нъ». Обрядъ этотъ совершается въ халхаскихъ монастыряхъ ежедневно всѣми ламами, принявшими обѣты гэлу̀на. Основную цѣль его составляетъ, какъ объясняютъ ламы, дѣло благотворительности: a) одушевленнымъ существамъ, обитающимъ въ воздушномъ пространствѣ, b) душамъ умершихъ, но не принявшихъ еще новаго перерожденiя, c) бири̇̀тамъ, обитающимъ въ

преддверіяхъ ада и наконецъ d) самымъ адскимъ существамъ. Принадлежности обряда составляютъ: a) небольшая серебрянная габа̀ла, въ которую лама наливаетъ воды; b) ма̀ндалъ, на который насыпается зерновой хлѣбъ и наконецъ c) вачи̇̀ръ и d) колокольчикъ, употребляемые при произнесеніи молитвенныхъ та̀рни. Самое чтеніе при совершеніи обряда состоитъ изъ одной молитвы, распадающейся по своему содержанію на три части. Въ первой упоминается о заповѣди Шигэму̇̀нія благотворить всѣмъ одушевленнымъ существамъ и испрашивается помощь тэ̀нгріевъ совершающему обрядъ къ должному исполненію самаго обряда; во второй идетъ призываніе всѣхъ вышеупомянутыхъ существъ, при чемъ отдѣльно поименовываются всѣ роды бири̇̀товъ и всѣ отдѣлы жаркихъ и холодныхъ адовъ: призываніе это совершается произнесеніемъ та̀рни, при чемъ лама каждый разъ ударяетъ въ хонхо̀ и поднимаетъ къ верху вачи̇̀ръ; въ третьей части всѣ эти существа приглашаются вкусить отъ приносимой имъ жертвы: здѣсь снова идетъ перечисленіе всѣхъ этихъ существъ и, приглашая каждаго изъ нихъ, лама предварительно уподобляетъ свою жертву тѣмъ яствамъ и питіямъ, которыми въ древности удовлетворяли злополучныхъ существъ подвизавшіеся на благо ихъ бу̀дды и бодиса̀твы. Напр: [illegible] ", т. е. «удовлетворяю бритовъ потокомъ молока, низшедшаго отъ руки могущественнаго хутухту̇̀ Ниду̇̀бэ̀ръ у̇̀цзэкчи̇̀. Да прохлаждаются они всегда омовеніями». Послѣ такого вступленія лама, съ произнесеніемъ тарни, омокаетъ средній палецъ въ воду и щелчкомъ сбрасываетъ въ воздухъ удержавшіяся на немъ капли, равно бросаетъ на воздухъ и нѣсколько зеренъ. Все это въ таинственномъ смыслѣ должно знаменовать собою питаніе одушевленныхъ существъ, находящихся подъ гнетомъ злополучной судьбы. Такъ какъ обрядъ этотъ довольно длиненъ, то лама просиживаетъ надъ нимъ отъ $1^1/_2$ до 2-хъ часовъ. Въ это время низшими членами духовенства въ кумирняхъ совершается первое утреннее богослуженіе дня. Окончивъ обрядъ «усу̇̀нъ бали̇̀нъ», лама-гэлу̇̀нъ

пьетъ чай и одновременно съ этимъ начинается его общественная дѣятельность. Если онъ занимаетъ какую либо должность въ монастырѣ, служитъ напр. при монастырскомъ сѝнѣ (казначействѣ), при монастырской канцеляріи, или несетъ на себѣ другія какія нибудь обязанности, его тотчасъ же приглашаютъ къ дѣламъ по части распорядительной, или исполнительной; если онъ не несетъ общественной службы, къ нему приходятъ ученики, съ которыми онъ занимается; раздѣлавшись съ ними часовъ въ 10 утра, гэлӱнъ отдыхаетъ въ бесѣдахъ съ приходящею къ нему монастырскою братіею и еще чаще съ какимъ либо милостынедателемъ, пріѣхавшимъ изъ степи иногда просто ради поклона и выслушиванія религіозныхъ наставленій, а иногда съ цѣлью пригласить ламу къ себѣ на домъ для духовной бесѣды, или же для совершенія молебствія. Приглашеніе ламъ для духовной бесѣды и преподаванія наставленій въ домѣ милостынедателей бываетъ не часто и совершается только богатыми монголами; но ни одинъ лама не имѣетъ права отказаться отъ исполненія этой требы. Согласно завѣту будды, обязанность каждаго ламы состоитъ прежде всего въ проповѣди. «Непрестанно, говорилъ будда своимъ ученикамъ, вѣщайте мое ученіе міру, живите въ горахъ и лѣсахъ открытыхъ, не бѣгите въ полное уединеніе и не забывайте главной задачи — проповѣди». Какъ видно по этому завѣщанію, для наставленія вѣрующихъ ламы должны были бы даже ходить по дорогамъ и жить подъ открытымъ небомъ, чтобы имѣть возможность произносить свое ученіе каждому встрѣчному; но теперь буквальное выполненіе этого завѣщанія будды не находитъ для себя охотниковъ: ламы не отказываются лишь отъ проповѣди по приглашенію, добровольно же произносятъ свои наставленія только въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится имъ бывать въ юртѣ милостынедателя для совершенія какой либо требы, или молебствія. Что касается до выѣздовъ ламъ въ степь для совершенія молебствій у милостынедателей, то они бываютъ двухъ родовъ. Если молебствіе совершается по какому нибудь необычайному случаю, то милостынедатель отправляется всегда напередъ къ цзурухàйчи и отъ него получаетъ наставленіе

какъ о томъ, какое молебствіе должно быть совершено, такъ и о томъ, кто именно изъ ламъ долженъ совершить его. Получивъ эти указанія, милостынедатель отправляется къ монастырскому гэбкӱю, и, объяснивъ обстоятельства своего дѣла, проситъ его отпустить къ себѣ на домъ для совершенія молебствія, согласно указаній цзурухайчи, одного или нѣсколькихъ ламъ. Выслушавъ просьбу, гэбкӱй дѣлаетъ соотвѣтствующее распоряженіе и ламы отправляются въ степь. Если милостынедатель приглашаетъ къ себѣ ламу для совершенія молебствія безъ всякаго чрезвычайнаго къ тому повода, а просто по благочестію ([illegible]), то онъ отправляется прямо къ тому ламѣ, котораго желаетъ пригласить и послѣдній уѣзжаетъ изъ монастыря иногда испросивъ разрѣшеніе у гэбкӱя, а иногда и безъ всякаго спроса,— извѣстивъ только объ отлучкѣ своихъ домочадцевъ. Подобныя отлучки практикуются прежде всего тогда, когда лама, будучи приглашенъ не подалеку, удаляется изъ монастыря только на нѣсколько часовъ; а во вторыхъ тогда, когда эти отлучки ламы въ общемъ уже извѣстны какъ монастырскому начальству, такъ и всей братіи. Есть напр. не мало милостынедателей, которые имѣютъ у себя на дому «годовыя» молебствія, совершаемыя въ опредѣленныя числа каждый мѣсяцъ. Къ совершенію такихъ молебствій монастырское начальство съ наступленіемъ каждаго года назначаетъ опредѣленное число очередныхъ ламъ. Само собою разумѣется, что эти ламы въ назначенные дни уѣзжаютъ для отправленія своихъ обязанностей въ домахъ милостынедателей уже безъ всякихъ переговоровъ съ гэбкӱемъ. Вообще же относительно ламскихъ отлучекъ въ халхаскихъ монастыряхъ, принадлежащихъ собственно вѣденію Чжэбцзӱнъ-дамба̀ хутухты, практикуются слѣдующія правила. Если ламѣ представится нужда уйти изъ монастыря, то на срокъ до трехъ дней онъ беретъ разрѣшеніе отъ гэбкӱя; на срокъ до семи дней — отъ ширѣ̄ту, или цорчжи̂; на срокъ до пятьнадцати дней отъ ханбо̀ ламы. Если по дѣламъ общественнымъ, или же собственнымъ лама долженъ будетъ отлучиться отъ монастыря на срокъ свыше пятьнадцати дней, то онъ приноситъ въ хура̀лъ угощеніе чаемъ и доклады-

ваетъ о своей отлучкѣ всему собранію хувара̀ковъ, которое и соглашается на его отпускъ, отмѣчая эту отлучку изъ монастыря въ монастырскихъ спискахъ передъ именемъ отлучившагося. По возвращеніи своемъ въ монастырь, лама тѣмъ-же порядкомъ приноситъ чай духовенству и возвѣщаетъ ему о своемъ прибытіи, что также отмѣчается въ спискахъ. Ламы, которые, по требованію своихъ должностей, постоянно бываютъ въ отлучкахъ, также точно отмѣчаются въ спискахъ. О томъ, какъ ведется это дѣло въ хушу̀нныхъ монастыряхъ мнѣ не пришлось разспрашивать, но, вѣроятно, порядокъ этотъ соблюдается одинаково повсюду. Выѣхавъ въ степь для совершенія молебствія не подалеку отъ монастыря, лама возвращается часа черезъ три, четыре. Пріѣхавъ, онъ или снова начинаетъ возиться съ своими учениками, или долженъ бываетъ отправиться на сходку для обсужденія монастырскихъ дѣлъ, такъ какъ такого рода сходки всегда устраиваются передъ вечеромъ, часовъ въ 5 по полудни, или наконецъ занимается собственными хозяйственными дѣлами. Часовъ въ семь вечера гэлу̀нъ ѣстъ мясо и потомъ, снова позанявшись съ учениками, ложится спать около 10 часовъ вечера. Вообще день каждаго ламы гэлу̀на полонъ дѣятельности; но совсѣмъ не то должно сказать о гэцу̀ляхъ и старшихъ ба̀ньди. Это самый вольный народъ. Прошедши курсъ наукъ, т. е. изучивъ кругъ богослуженій, каждый гэцу̀ль, равно какъ и старшій ба̀ньди, если только не имѣютъ они собственной склонности къ занятіямъ, остаются свободными и безъ присмотра на цѣлый день. Въ урочное время они три раза въ день присутствуютъ при монастырскихъ богослуженіяхъ въ кумирнѣ, весь же остальной свой досугъ посвящаютъ ничего недѣланью, бродя изъ юрты въ юрту, или шатаясь гдѣ либо за стѣнами монастыря. Такъкакъ живущіе въ степи милостынедатели монастыря по большей части приглашаютъ только старшихъ ламъ съ званіемъ гэлу̀на, то гэцу̀ли и ба̀ньди уходятъ для исполненія требъ сравнительно рѣдко. Обусловливается это конечно тѣмъ, что приглашеніе монастырскихъ ламъ для совершенія молебствій обходится милостынедателямъ довольно дорого: нужно внести приношеніе въ монастырь, нужно затѣмъ дать

еще и каждому отдѣльно. Не удивительно отсюда, что милостынедатели обыкновенно берутъ изъ монастыря одного старшаго ламу, а въ сослужители ему приглашаютъ своихъ ламъ — хотòнныхъ, т. е. вышедшихъ изъ монастыря и живущихъ въ степи своими домами. Не имѣя такимъ образомъ опредѣленныхъ занятій и наскучивъ однообразіемъ ежедневныхъ службъ, эти гэцӯли и бàньди не рѣдко предпринимаютъ путешествія по монастырямъ. Уходятъ они, конечно, съ разрѣшенія общины и въ дорогу не берутъ съ собою ровно ничего, помимо лишь маленькаго ручнаго хӯрдэ, которое вертятъ все время, идучи по дорогѣ. Все необходимое содержаніе въ пути они получаютъ отъ доброхотныхъ дателей и отказать такому страннику монголъ почитаетъ для себя страшнымъ грѣхомъ. Въ монастыряхъ эти странники никогда не заживаются долго, — самое большое недѣлю, или дней десять и засимъ предпринимаютъ новый переходъ въ другой монастырь. Общее названіе, подъ которымъ извѣстны такіе путешественники въ Монгòліи, — сӯцзӯктӯ, что значитъ «благоговѣйные». По окончаніи странствованія возвратившись въ свой монàстырь, они выставляютъ у своей кибитки голубой флагъ, исписанный тибетскими молитвами. Это отличіе, которое получаютъ они за свое благочестивое паломничество. Помимо сего они ничего не выгадываютъ и для нихъ начинается таже обычная жизнь съ очередными хурàлами. Въ дни поста ([illegible], санскр. upavasta, тиб. བསྙེན་གནས་), т. е. 8-го, 15-го и 30-го числа каждаго мѣсяца, а равно и въ дни великихъ хурàловъ, всѣ монастырскіе ламы уже положительно цѣлый день проводятъ въ богослуженіяхъ.

Здѣсь, при этихъ краткихъ замѣткахъ о жизни буддійскаго духовенства въ Монголіи, я почитаю умѣстнымъ сказать, что вообще въ нашей литературѣ часто приходится встрѣчать мнѣніе, будто монгольскіе ламы представляютъ собою классъ лѣнивыхъ тунеядцевъ, вѣчно ничего не дѣлающихъ, привольно живущихъ, пожалуй, даже вносящихъ развратъ въ среду монгольскаго народа. Мнѣніе это едва ли можетъ быть признано безусловно вѣрнымъ. Безспорно, среди монгольскихъ ламъ, какъ и во всякомъ

другомъ кругу, какъ и у всякаго другаго народа, встрѣчаются и лѣнивцы, и тунеядцы, и развратники; но за всѣмъ тѣмъ клеймить изъ за нихъ позоромъ цѣлое сословіе будетъ въ высшей степени не логично. И думается мнѣ, что если бы авторы помянутыхъ мнѣній, прослѣдили бы жизнь ламъ болѣе основательно, и, не увлекаясь ни завзятыми взглядами, ни кое-какими, заимствованными главнымъ образомъ изъ Пекина да Урги примѣрами, посмотрѣли на дѣло какъ оно есть, они никогда не написали бы своихъ жестокихъ приговоровъ. Въ самомъ дѣлѣ, говорятъ, что ламы тунеядцы, обирающіе народъ и живущіе на народный счетъ. Но вѣдь уже по оффиціальнымъ даннымъ число принявшихъ монашескіе обѣты въ Монголіи превышаетъ $^5/_8$-хъ всего населенія. Спрашивается, кого же будутъ обирать эти ламы, если число ихъ является даже больше, чѣмъ людей свѣтскихъ и нужно ли послѣ этого говорить, что самою жизнью ламы поставлены въ необходимость работать на ряду съ мiряниномъ. Такъ оно и есть въ дѣйствительности. Жизнь кочевника монгола не богата трудомъ вообще, на этомъ основаніи и у каждаго ламы довольно празднаго досуга, въ который онъ или лежитъ, или, на нашъ взглядъ, ничего не дѣлаетъ; но надо же помнить, что это обусловливается не какою либо сословною гарантіею, а составляетъ общій типъ жизни кочевника; тамъ же, гдѣ есть дѣло, трудятся совершенно одинаково и ламы, и простолюдины. Откройте книгу любаго путешественника и вы увидите, что ламы попадаются ему работниками въ каждомъ встрѣчномъ караванѣ, отправляютъ обязанности возницъ на почтовыхъ станціяхъ, ѣздятъ смотрѣть на табуны своихъ лошадей; чего же больше, какую еще желать дѣятельность отъ монгола, если въ жизни его и нѣтъ другой дѣятельности? Мы рѣшаемся положительно утверждать, что ламы, живущіе въ степи, рѣшительно ничѣмъ не разнятся отъ людей свѣтскихъ. Они существуютъ точно такими же честными трудами, живутъ точно такими же добрыми семьянинами, какъ и всякій монголъ. Правда, сходясь съ женщиной, лама не платитъ колыма ([illegible]), не совершаетъ ни какихъ религіозныхъ церемоній, а просто перевозитъ въ свою юрту возлюбленную и дѣ-

лаетъ ее хозяйкой; правда, онъ не передаетъ своего имени дѣтямъ и въ оффиціальныхъ спискахъ хошӯна его дѣти значатся при имени ихъ матери; но все это вѣдь внѣшнія формы, которыя, при ихъ обычности, мало имѣютъ значенія для нравственнаго чувства,—въ сущности лама точно также любитъ свою жену и своихъ дѣтей, какъ и монголъ, сочетавшійся бракомъ при исполненіи всѣхъ религіозныхъ обрядовъ и всѣхъ старинныхъ преданій. Могутъ сказать, что такихъ ламъ нечего и считать ламами. Съ этимъ конечно можно согласиться отчасти, ибо, погрузившись въ житейскую суету, они въ самомъ дѣлѣ забываютъ и свои обѣты и свою монастырскую жизнь. Замѣчательно при этомъ, что на равнѣ съ простолюдинами они приносятъ свои пожертвованія въ монастырь и даютъ подаянія своимъ монастырскимъ сотоварищамъ. Мало того, степной лама, даже будь онъ гэлӯнъ, никогда не отслужитъ у себя на дому самаго простаго молебна и при каждой требѣ приглашаетъ ламу изъ монастыря. Короче сказать, — эти степные ламы дѣлаются ламами только въ дни великихъ хуралòвъ, когда отправляются они въ свой сумӯнный хӯрē и совершаютъ, по чину, всѣ свои богослуженія. Обвинять въ тунеядствѣ, въ лѣности и развратѣ ламъ, живущихъ по монастырямъ, тоже не представляется возможнымъ. Мы описали день монастырскаго ламы и, надѣемся, изъ этого описанія видно, что у монгольскихъ ламъ, живущихъ по монастырямъ, не мало заботы на каждый день; хотя все сказанное доселѣ относилось лишь до общественной дѣятельности ламъ, а сколько у нихъ еще частной, домашней работы? Возмемъ хоть переписку книгъ, почитаемую, по буддизму, за самое святое и необходимое дѣло, вслѣдствіе чего каждый домохозяинъ непремѣнно уже имѣетъ у себя нѣсколько нòмовъ. Эта переписка номòвъ совершается иногда съ удивительнымъ искуствомъ и рукописи ламъ являются по истинѣ великолѣпными произведеніями. Притомъ не мало вѣдь фоліантовъ въ 300, 400 листовъ. Получить одинъ такой заказъ — и вотъ уже почти на годъ самой усидчивой работы, ибо писать тибетско-монгольскія рукописи ламскимъ ӯцзӯкомъ—дѣло очень кропотливое и медленное. Прибавимъ еще, что религіозная ревность мон-

головъ побуждаетъ ихъ и заказывать, и исполнять копіи съ возможно большимъ совершенствомъ, а это послѣднее никогда не достигается безъ усилій вообще; въ частности же, въ дѣлѣ переписки монгольскихъ священныхъ книгъ, трудность достиженія совершенства обусловливается еще и самымъ матеріаломъ для переписки, такъ какъ достоинство копіи увеличивается чернилами, которыя употребляются при перепискѣ. Копія, начертанная киноварью, въ 108 разъ благодѣтельнѣе чѣмъ написанная черными чернилами; копія серебрянными чернилами въ 108 разъ благодѣтельнѣе чѣмъ киноварью, копія, написанная золотыми чернилами, въ 108 разъ выше, чѣмъ написанная серебрянными; наконецъ,—написанная соединеніемъ семи цвѣтовъ радуги, въ 108 разъ выше написанной золотомъ. Помимо переписки книгъ, ламы занимаются еще выдѣлкой бурхановъ: они лѣпятъ ихъ изъ папье-маше и изъ глины; выдѣлываютъ кіоты для бурхановъ и нòмовъ, отливаютъ жертвенныя чашечки и лампады, рисуютъ бурхановъ, вытачиваютъ четки, сшиваютъ амулеты, въ родѣ нашихъ ладанокъ, дѣлаютъ жертвенные столы съ точеными ножками и украшеніями и проч. Конечно все это бездѣлье на наши глаза, выдѣлку бурхановъ и амулетовъ мы также назовемъ шарлатанствомъ, но все это почитаютъ великимъ дѣломъ тѣ, которые вѣруютъ въ святость и значеніе всего этого для духовной жизни. Впрочемъ производительность монастырскихъ ламъ не направлена къ удовлетворенію лишь потребностей духовныхъ: въ средѣ ихъ всегда находятся и лучшіе портные, ткачи, красильщики и т. д. Наконецъ самый необходимый предметъ для жизни монголовъ, юрты — выдѣлываются также въ монастыряхъ и так. образ. монгольскіе монастырскіе ламы являются строителями всѣхъ домовъ во всей Монголіи вообще и для каждаго монгола въ частности. Читателямъ ясно отсюда, что монгольскіе монастырскіе ламы трудятся въ дѣйствительности гораздо больше, чѣмъ монгольскій простолюдинъ и обвинять ихъ въ бездѣятельности будетъ вполнѣ не справедливо. Еще менѣе справедливо будетъ почитать ихъ пьяницами и развратниками. Безъ дѣла монгольскіе ламы никогда почти не выходятъ изъ монастыря, а въ стѣнахъ его развѣ по

вечерамъ посѣщаютъ они другъ друга, поговорятъ о новостяхъ, вспомнятъ былое и разойдутся. Угощеній при этомъ почти никогда не бываетъ, развѣ кто, получивъ изъ степей какую либо подачку, предложитъ ее своему гостю: случится при этомъ «архи» (водка), выпьютъ по чаркѣ архи; но покупать водку и пьянствовать въ монгольскихъ монастыряхъ не въ обычаѣ, да при томъ ламы не обладаютъ для сего и достаточными средствами.

Относительно дѣлежа доходовъ у ламъ различныхъ монастырей мнѣ приходилось наблюдать различныя правила. Въ монастыряхъ тѣхъ хутухтъ, которые имѣютъ у себя шабѝнàровъ, содержаніе монастырскихъ зданій, равно какъ и самого хутухты, относится на счетъ податей, собираемыхъ съ шабинàровъ; доходы же, получаемые отъ богослуженій, всѣ сполна идутъ въ раздѣлъ ламамъ, поэтому-то ламы хутухтинскихъ монастырей получаютъ сравнительно больше, чѣмъ ламы другихъ обителей. Общимъ постановленіемъ относительно дѣлежа доходовъ можно считать только то, что, при раздѣлѣ доходовъ, имѣютъ право на часть только лица, вошедшіе въ монастырскіе списки и окончившіе полный курсъ ученія. За симъ въ посѣщенныхъ мною монастыряхъ ургинскаго Чжэбцзўнъ-дамбà-хутухты, равно какъ и въ другихъ хутухтинскихъ монастыряхъ можно замѣтить слѣдующее: Дѣлежъ доходовъ совершается *иногда* непосредственно послѣ богослуженія и *непремѣнно* въ дни мацаковъ, т. е. 8, 15 и 30 чиселъ мѣсяца. Дѣлежъ непосредственно послѣ богослуженія бываетъ главнымъ образомъ тогда, когда отъ богослуженія много доходовъ, или когда оно совершается по частной просьбѣ какого нибудь милостынедателя; въ послѣднемъ случаѣ необходимымъ условіемъ является, чтобы приношеніе милостынедателя было настолько значительно, что могло бы удовлетворить всѣхъ участниковъ богослуженія полученіемъ одной, равной для всѣхъ доли. (Единицею мѣры служитъ при этомъ во всей Монголіи — шарà-цàй [1]), и если приношеніе таково, что на каждаго изъ участвую-

---

1) О значеніи слова «шарà-цàй». См. наше сочиненіе «Ургинскіе хутухты», стр. 83.

щихъ въ богослуженіи членовъ общины не хватитъ и по одному шара̀-ца̀ю, то доходъ уже не дѣлится). Если доходъ отъ молебствія, совершаемаго по заказу, большой, то старшимъ ламамъ, гэбкӱю и унза̀ту даютъ прибавочныя части; если же доходъ только удовлетворяетъ всѣхъ членовъ, то дѣлятъ безъ прибавки лишнихъ частей. Если доходъ отъ обычнаго дневнаго служенія, или же отъ заказнаго молебствія, такъ незначителенъ, что не достаетъ и по одной части (по одному шара̀-ца̀ю) на каждаго служащаго, то всю сумму дохода кладутъ въ са̀нъ (казнохранилище) и записываютъ, доводя объ этомъ до всеобщаго свѣденія хуваракòвъ; доходы нѣсколькихъ дней, собранные такимъ образомъ и дѣлятся 8, 15 и 30 числа. Если доходъ совершенно ничтоженъ и выражается въ одномъ какомъ нибудь грошевомъ хадакѣ, то его отдаютъ унза̀ту. Дѣлежъ доходовъ 8, 15 и 30 чиселъ есть собственно дѣлежъ оффиціальный и совершаемый по всѣмъ правиламъ монастырскихъ уставовъ. Сумма, подлежащая раздѣлу въ это время, составляется не изъ однихъ только оставшихся не раздѣленными доходовъ отъ храмовыхъ богослуженій, но еще, и притомъ главнымъ образомъ, изъ приношеній милостынедателей, которыя дѣлаютъ эти послѣдніе въ монастырскій са̀нъ, приглашая ламъ для отправленія требъ у себя въ домѣ. По своему количеству сумма эта всегда бываетъ на столько значительна, что даетъ возможность отличить бо̀льшими частями дохода старѣйшихъ ламъ и наградить прибавками отличившихся. Кромѣ ламъ, начальствующихъ въ хура̀лѣ и завѣдующихъ въ монастырѣ отдѣльными частями управленія и хозяйства, всѣ остальныя хувара̀ки безъ различія своихъ степеней и безъ различія тѣхъ обязанностей, которыя исполняли они въ хура̀лахъ, получаютъ равныя части. На этомъ основаніи обыкновенный гэлӱнъ не отличается отъ обыкновеннаго гэцӱля; ба̀ньди, читавшій молитвы, не отличается отъ ба̀ньди, прислуживавшаго при богослуженіи, равно и музыкантамъ лишнихъ частей не полагается, хотя обязанности ихъ несравненно труднѣе. Если всѣ они отлично отправляютъ свою должность, или же особливо отличится своимъ стараніемъ и ловкостью одинъ какой либо изъ нихъ; то въ этомъ случаѣ

даютъ имъ лишнія части, но не иначе какъ въ видѣ частной награды. Такимъ же образомъ удостоиваютъ награды лишнею частью дохода и тѣхъ, которые отличаются своимъ чтеніемъ молитвъ. Низшимъ прислужникамъ, которые варятъ и подносятъ чай при богослуженіи духовенству, даютъ, если доходъ очень большой, по полной части, а если средній — по половинѣ части, если доходъ незначительный, то не даютъ вовсе. Тѣмъ хуваракамъ, которые остаются въ домахъ для охраны ламскихъ жилищъ во время совершенія богослуженія, также даютъ по полной, или по половинной части. Ламѣ, который находится въ отлучкѣ по дѣламъ хурала, тому кто не могъ участвовать въ богослуженіи по болѣзни, а равно и тому, кто, съ вѣдома гэбкўя, находился дома, присматривая за больнымъ, выдается полная, положенная часть; но если кто отправился въ степи къ милостынедателямъ по собственному желанію, или же поѣхалъ по личному приглашенію милостынедателя, но безъ спроса у гэбкўя, тѣмъ условленная часть дохода не выдается. Хуваракамъ, которые состоятъ при ханбо-ламѣ и старшихъ ламахъ или въ качествѣ ихъ прислужниковъ, или же завѣдуя въ домахъ ихъ какими нибудь дѣлами, сколько бы этихъ хуваракöвъ ни было, выдается полная часть. Если какого нибудь ламу пригласятъ для совершенія какого либо богослуженія въ степи и онъ будетъ по этой причинѣ отсутствовать въ монастырскомъ хуралѣ, то ему части не полагается; если же онъ отправится, доложивши объ этомъ гэбкўю, а тѣмъ паче по назначенію сего послѣдняго, то ему выдается слѣдующая часть. Лишнія части однако не выдаются при этомъ ни въ какомъ случаѣ. Что касается этихъ лишнихъ частей, то они выражаются слѣдующимъ образомъ: ханбо-ламѣ полагается 5 частей (слѣдовательно лишнихъ 4); цорчжи и ширѣтў — 4 части; лацабу, гэбкўю, унзату и нирбѣ — 3 части; другія прибавочныя и наградныя части не опредѣленны: могутъ дать въ награду пол-части, одну часть, но никогда не свыше двухъ; во всякомъ случаѣ это зависитъ отъ опредѣленія главныхъ ламъ совмѣстно съ гэбкўемъ и, безъ ихъ согласія и опредѣленія, хувараки сами по себѣ выдать лишнихъ частей никому не могутъ.

Въ посѣщенныхъ мною хошӯнныхъ монастыряхъ, содержимыхъ исключительно на средства, получаемыя отъ богослуженій и приношеній милостынедателей, доходы дѣлятся такъ: 7 частей откладываются въ монастырскій са̀нъ и идутъ на мелкія нужды кумирни и принадлежности богослуженій. За симъ цорчжй-лама получаетъ 6 частей; ширэ̄тӯ — 5 частей; лаца̀бъ, старшіе гэбку̊и, старшіе унза̀ты и старшіе дэмчѝ по 4 части; младшіе гэбку̊и, младшіе унза̀ты, и нирба̀ по 3 части; сверхштатные унза̀ты, гэйкъ и цабрачѝ по 2 части; дэмчѝ и младшіе дэмчѝ по $1\frac{1}{2}$ части; остальные получаютъ по одной части. Бурѣ̄чи, бишкӯрчи и прочіе музыканты лишнихъ частей не получаютъ, хотя имъ можетъ быть прибавлено по цѣлой части, или по половинѣ. Отсутствующимъ въ хура̀лѣ даютъ по полной части только въ томъ случаѣ, если доходъ значителенъ, при незначительности же суммы дѣлежа имъ даютъ по половинной части.

Управленіе монастыремъ равно какъ и всѣмъ причисленнымъ къ нему духовенствомъ ведется старѣйшими ламами, по видимому, главнымъ образомъ на основаніи ихъ личныхъ соображеній; но нельзя не сказать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, хотя и весьма рѣдко, они руководствуются еще постановленіями пекинскаго правительства, а равно и указаніями собственно буддійскихъ каноновъ относительно образа жизни и поведенія духовенства. На основаніи этихъ послѣднихъ, и еще болѣе на основаніи выработавшихся жизнью и переходящихъ по преданію обычаевъ, въ нѣкоторыхъ монастыряхъ составились свои особыя правила, обязательныя къ исполненію для всѣхъ начальствующихъ въ монастырѣ, такъ что по этимъ правиламъ они уже неотступно и судятъ нарушителей монастырскихъ постановленій. Въ мои руки попадало только двѣ различныхъ редакціи этихъ правилъ и я въ обоихъ случаяхъ сдѣлалъ точные переводы ихъ, которые и представляю теперь читателямъ. Первый экземпляръ правилъ былъ полученъ мною отъ гэбку̊я Эрдэнй-цзӯ'скаго монастыря. По преданію, эти правила были якобы редактированы окончательно четвертымъ монгольскимъ хубилганомъ Чжэбцзӯнъ-дамба̀-хутухты и съ тѣхъ поръ введены къ руководству въ большей ча-

сти монастырей этого гэгэна. Вотъ подлинный текстъ ихъ въ переводѣ:

«Если гэлунъ, гэцуль, или баньди сдѣлаютъ преступленіе, относящееся до четырехъ основныхъ обѣтовъ монашества, или если будутъ уличены въ пьянствѣ, то такъ какъ они почитаются потерявшими обѣты, съ нихъ снимаютъ всѣ ламскія одежды и принадлежности и даютъ 80 ударовъ; за симъ, если есть у нихъ намѣреніе исправиться, то имъ возстановляютъ обѣты и даютъ имъ новое, низшее мѣсто при богослуженіи; если же они упорно будутъ закоснѣвать въ порокѣ, то выгоняютъ изъ монастыря. Если при этомъ произведутъ они какой либо безпорядокъ, или совершатъ какое нибудь преступленіе внѣ монастыря, то безусловно изгоняются изъ обители и судятся по свѣтскимъ законамъ, а имущество ихъ поступаетъ въ монастырское казначейство.

Если лама только не много отступитъ отъ четырехъ основныхъ обѣтовъ монашества, если выпьетъ водку въ видѣ лекарства, или если пригубитъ, будучи упрашиваемъ и принуждаемъ другими, то онъ назначается на три дня мести монастырскій дворъ и очищать монастырскія нечистоты; за симъ ему назначаютъ сдѣлать 1000 поклоновъ и внести въ монастырское казчейство одну лошадь, или же такое количество денегъ, какое стоитъ лошадь. Если нѣтъ у него денегъ и имущества, то онъ обязанъ отработать потребное число дней и только послѣ того имѣетъ право присутствовать при богослуженіяхъ.

Если лама будетъ упорно повторять одни и тѣже проступки, уходить отъ своего учителя, ссориться съ другими, то ему даютъ 50 ударовъ и поручаютъ обратно учителю; какое затѣмъ назначить ему наказаніе дома — усматриваетъ учитель; въ противномъ случаѣ провинившагося посылаютъ на черныя работы при монастырскомъ казначействѣ,—копать землю, выносить нечистоты и проч.; если не исправится онъ и послѣ этого, то выгоняютъ его изъ монастыря.

Если какой лама будетъ совершать требы не по правиламъ, или станетъ лечить неправильно и нерадиво, то слѣдуетъ поставить его на колѣна въ кумирнѣ во всѣхъ богослуженіяхъ одного

дня. Данный ему гонораръ обратить въ монастырское казнохранилище и наконецъ назначить ему 1000 поклоновъ.

Если какой лама будетъ не по правиламъ, а по своимъ личнымъ соображеніямъ переводить священныя книги, или будетъ неправильно гадать ([illegible]), то таковаго слѣдуетъ поставить на колѣна въ кумирнѣ во всѣхъ богослуженіяхъ одного дня, оштрафовать принесеніемъ чая въ пользу совершающихъ богослуженіе хуваракѳвъ, назначить ему 1000 поклоновъ и взять клятву, что онъ не будетъ такъ поступать впослѣдствіи.

Если какой лама будетъ переносить сплетни и клеветать, а чрезъ это поссоритъ хуваракѳвъ, то разслѣдуютъ это дѣло, виновнаго же клеветника или сплетника не принимаютъ за симъ въ свидѣтели по какому бы то ни было дѣлу на будущее время.

Если сплетня или клевета будетъ такого рода, что значеніе ея можетъ оказаться и за стѣнами монастыря, то виновному слѣдуетъ дать 30 ударовъ и взять съ него клятву, что онъ не будетъ поступать такъ впослѣдствіи.

Если какой лама, безъ всякой нужды, оставитъ у себя ночевать мірянина, то слѣдуетъ его поставить на колѣна въ кумирнѣ на время одного богослуженія; если же чрезъ это возбудится дѣло внѣ монастыря, то лама тотъ наказывается какъ и за сплетню.

Если какой лама произведетъ что-либо безчестящее другихъ, то слѣдуетъ поставить его на колѣна на время одного хурала и обязать внести чай, потребный для хуваракѳвъ въ одномъ хуралѣ.

Если какой лама начнетъ какую нибудь срамную игру, то онъ наказывается 5-ю ударами.

Если два ламы поссорятся между собою изъ за какого нибудь не важнаго дѣла, то обоимъ дать по десяти ударовъ; если произведутъ ссору, ненавиствуя другъ на друга, то обоимъ дать по 25 ударовъ и за тѣмъ взять съ нихъ клятву, что они не будутъ помнить зла; если ссора перейдетъ въ драку, которая будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ раны, то виновнаго судятъ, соображая величину и количество побоевъ.

Если какой лама произведетъ ссору со старшимъ себя, то слѣдуетъ ему предъ лицемъ того старшаго дать десять ударовъ;

если же старшій несправедливо прибьетъ младшаго, то поставить его на одинъ часъ на колѣна въ кумирнѣ предъ полнымъ собраніемъ духовенства.

Въ особенности же если какой лама во время совершенія богослуженія начнетъ ссориться съ гэбкўемъ, не слушая его приказаній и упрямствуя встанетъ съ своего мѣста, таковаго наказать 40 ударами и больше.

Если ламы произведутъ ссору во время хурàла, то виновнымъ даютъ по 25-ти ударовъ, если же ссора будетъ имѣть какія либо послѣдствія, то разбираютъ дѣло.

Если какой лама самовольно уйдетъ изъ хурáла, или же самовольно будетъ сидѣть дома, то дать ему столько десятковъ ударовъ, сколько часовъ онъ пропустилъ; если же будетъ уклоняться отъ богослуженія, то на сколько часовъ опоздаетъ, на столько часовъ поставить его на колѣна въ кумирнѣ предъ всѣмъ собраніемъ духовенства.

Если кто оставитъ дома свое оркимчжѝ, чашу и другія принадлежности, или, забывши ихъ, пойдетъ снова домой и возьметъ, то таковаго поставить на колѣна въ кумирнѣ на одинъ часъ.

Если при чтеніи молитвъ, читающіе будутъ произносить слова молитвы не внятно, какъ бы шепотомъ, бормоча и забѣгая впередъ, то должно испытать ихъ знаніе; если они окажутся незнающими на изустъ, или плохо усвоившими себѣ молитву, то и учителей и учениковъ должно поставить на колѣна. Если во время богослуженія не будетъ кто читать молитвъ по лѣности, то поставить его на колѣна на одинъ часъ; если же не будетъ читать и послѣ этого, то наказать его по правиламъ объ упорствѣ.

Если кто либо умышленно испортитъ музыкальный инструментъ, какую-либо принадлежность богослуженія, или разорветъ листъ изъ книги, то таковаго надлежитъ наказать 20-ю ударами и заставить исправить попорченное.

Если какой бàньди, хотя бы и не во время хурàла, безъ позволенія учителя и гэбкўя пойдетъ въ гости, то наказать его 25-ю ударами. Если кто отправится съ разрѣшенія, но пропуститъ

срокъ, то на сколько дней опоздаетъ, столько пятковъ ударовъ слѣдуетъ дать ему въ наказаніе.

Въ другихъ подобныхъ же случаяхъ, если бы кто либо сдѣлалъ то, чего не должно дѣлать, виновные наказываются сообразно съ мѣрою своего проступка.

Если какой либо изъ первенствующихъ ламъ (ханбо̂, цорчжй, ширѣту̂) будетъ немилосердно жестокъ, не будетъ заботиться о хуварàкахъ, будетъ небрежно относится къ преподаванію священнаго ученія, нарушать постановленія и распоряжаться самовольно, то слѣдуетъ низвести его въ разрядъ простыхъ ламъ, а на мѣсто его поставить человѣка съ хорошими достоинствами, прямодушнаго, умнаго и внимательнаго къ хуварàкамъ.

Также точно и гэбку̂й, если будетъ онъ неспособенъ къ управленію, не будетъ заботиться о правилахъ вѣры, будетъ двоедушенъ, будетъ льстить и снисходить къ знатнымъ и нападать на низшихъ, если будетъ невнимателенъ къ хуварàкамъ и допускать различныя опущенія, низводится въ разрядъ простыхъ ламъ и замѣщается достойнымъ человѣкомъ.

Если первенствующіе ламы и гэбку̂й сдѣлаются (по преклонности лѣтъ своихъ, или болѣзни) слабы и малоспособны къ прохожденію порученныхъ имъ частей управленія, то въ помощь имъ нужно придать способнаго человѣка.

Если они сдѣлаютъ опущенія по небрежности къ хурàлу, и если опущеніе будетъ большое, то оштрафовать ихъ принесеніемъ чая духовенству; если опущеніе будетъ среднее, — лишить ихъ одной части дохода; если они совершатъ одно изъ основныхъ преступленій монашества, будутъ пить вино, то низводятся въ разрядъ простыхъ ламъ и потомъ судятся; но при этомъ имъ слѣдуетъ назначать столько сотенъ поклоновъ, сколько ударовъ слѣдуетъ давать въ наказаніе обыкновенному ламѣ, столько сотенъ круговращеній во кругъ кумирни, сколько часовъ слѣдуетъ простоять на колѣнахъ обыкновенному ламѣ. Колѣностояніе одного дня замѣняется 700-ми круговращеній.

Если гэлу̂нъ затѣетъ игры или какое нибудь увеселеніе, ему назначается 500 поклоновъ, но при этомъ соразмѣряется еще и

величина самой затѣи; подобнымъ образомъ рѣшаются дѣла и относительно другихъ духовныхъ — гэцулей и баньди.

Если нирба будетъ нерадѣть о казнѣ и стадахъ хуваракoвъ, не будетъ знать цѣну имуществамъ, будетъ самовольно производить расходы, не будетъ приготовлять необходимаго и вообще обнаружитъ опущенія по должности, то отчислить его отъ управленія сан'омъ (казначействомъ) и на его мѣсто поставить человѣка способнаго и достойнаго; если онъ окажется растратившимъ имущество и скотъ, то заставить его пополнить растрату, при недостаточности же средствъ къ пополненію, отдать въ работы.

Если унзатъ не будетъ заниматься изученіемъ чтеній, музыкальной игры и напѣвовъ, но, живя въ лѣности и проводя время праздно, оставитъ всѣ дѣла и произведетъ своими распоряженіями безпорядокъ въ храмовомъ богослуженіи, то у него отнимаютъ присвоенную ему часть доходовъ и наказываютъ, поставивъ на колѣна во время богослуженія; если онъ сдѣлается вовсе не способнымъ, то низводится въ разрядъ простыхъ хуваракoвъ; если онъ не будетъ исполнять приказаній, то подлежитъ наказанію по правиламъ объ упрямствѣ.

Если гэйкъ произведетъ опущеніе въ какомъ либо дѣлѣ, будетъ нерадивъ въ исполненіи порученій, если вмѣсто того, чтобы обойти и осмотрѣть тѣ мѣста, которыя приказано ему посѣтить, онъ самовольно пойдетъ куда либо еще, если вообще онъ выкажетъ лѣность, то наказывается пятью, десятью, пятьнадцатью и болѣе ударами, смотря по величинѣ проступка. Если помимо сего онъ еще растратитъ, или попортитъ порученныя ему монастырскія вещи, то, наказавъ его 25-ю ударами, заставить возмѣстить причиненный имъ монастырю убытокъ. Если онъ не будетъ въ состояніи возмѣстить убытковъ, то надлежащую сумму слѣдуетъ взыскать съ цорчжи, гэбкуя и унзата».

Вторая редакція монастырскихъ правилъ была пріобрѣтена мною въ южной Монголіи и именно отъ цорчжи-ламы-монастыря чахарскаго Дабанъ цзалана, кочевья котораго располагаются верстахъ въ 25 отъ Калгана и верстахъ въ 12 отъ иньшаньскаго перевала Цаганъ-тологой. Правила эти, какъ говорятъ, были

первоначально составлены хутухтою Донкòръ маньчжу̀шри, а изъ монастыря его разошлись по всѣмъ монастырямъ чахарскимъ; впослѣдствіи они якобы подверглись нѣкоторымъ измѣненіямъ въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, хотя измѣненія эти весьма не существенны. Вотъ дословный переводъ ихъ по редакціи, бывшей въ моихъ рукахъ:

«Вообще если кѣмъ либо изъ ламъ будетъ совершенъ незначительный проступокъ, то провинившемуся слѣдуетъ назначить положить нѣсколько поклоновъ въ кумирнѣ во время совершенія великаго хура̀ла и послать его исполнять черныя работы въ монастырѣ; если проступокъ будетъ средній, то провинившемуся должно назначить сварить чай для хувара̀ковъ, представить цзэдъ къ богослуженію и, раскаяваясь въ своемъ грѣхѣ, класть поклоны; если проступокъ будетъ большой, то гэбку̀й наказываетъ провинившагося нѣсколькими ударами палкою (чжукбò), или же наконецъ виноватаго изгоняютъ вовсе изъ монастыря и снимаютъ съ него обѣты. Но если, при разборѣ проступка низшаго ламы, окажется, что виною проступка являются начальствующіе монастыря, если цорчжй-лама и гэбку̀й будутъ недостаточно строго управлять хувара̀ками, не будутъ ихъ учить, если нерадивость ихъ сдѣлается извѣстною, или же будетъ засвидѣтельствована какимъ либо побочнымъ человѣкомъ, то слѣдуетъ обвинить этихъ начальствующихъ.

Если какой либо лама или ба̀ньди завѣдомо совершитъ чрезвычайный проступокъ и произведетъ какое либо постыдное дѣло, его навсегда изгоняютъ изъ монастыря и судятъ по гражданскимъ законамъ. Если при этомъ выяснится, что начальствующіе монастыря поступаютъ не строго, то должно лишить званія начальствующихъ монастыря, а потомъ заставить ихъ принести духовенству ма̀нцзу и сдѣлать извѣстное число поклоновъ въ кумирнѣ. Если важный проступокъ будетъ совершенъ обыкновеннымъ ламой по нечаянности, то виноватому по окончаніи наказанія, которымъ долженъ онъ загладить этотъ проступокъ, назначаютъ принести ма̀нцзу въ кумирню, сдѣлать въ хура̀лѣ 10,000 поклоновъ и даютъ ему снова обѣты.

Если какой лама выпьетъ водки и напьется пьянымъ, или совершитъ завѣдомо другое какое-либо, важное и постыдное дѣяніе, то проступокъ его заглаживается внесеніемъ въ монастырское казначейство одного девятка скота, помимо того ему назначаютъ 5,000 поклоновъ и заставляютъ его поновить обѣты. Если у провинившагося не будетъ скота, тогда ему даютъ 100 ударовъ плетью. Если при этомъ цорчжй и гэбкӯй будутъ относиться снисходительно къ виноватому, назначатъ ему меньшее наказаніе, то ихъ должно оштрафовать въ пользу монастыря одною лошадью. Если лама будетъ уличенъ въ такого рода проступкахъ три раза, то его навсегда изгоняютъ изъ монастыря и обращаютъ въ простолюдина съ передачею въ вѣдомство хошӯннаго князя.

Если какой лама совершитъ важный проступокъ безъ умысла, если онъ будетъ ссориться съ своимъ учителемъ, если будетъ преступать монастырскія правила о благочиніи, будетъ разказывать о монастырскихъ дѣлахъ людямъ постороннимъ, въ средѣ самихъ хуварȧковъ посѣетъ смуту и раздоры, то онъ наказывается внесеніемъ въ монастырскій санъ одного девятка скота и кромѣ того ему назначается положить въ храмѣ 3,000 поклоновъ. Если у него нѣтъ скота, то ему даютъ 80 плетей. Если цорчжй будетъ судить за эти проступки слабо, то ему должно назначить 1,000 поклоновъ.

Если какой лама будетъ отступать отъ правилъ, принятыхъ въ монастырѣ, не будетъ являться въ хошӯнный хурȧлъ, будетъ возбуждать несправедливые споры и противодѣйствовать начальникамъ монастыря, будетъ заниматься куплей и продажей и производить другія неприличія такого рода, то его должно оштрафовать одною лошадью въ пользу монастыря и назначить 1,000 поклоновъ; если нѣтъ у него скота, то дать ему 50 плетей. Если начальникъ монастыря будетъ въ этихъ случаяхъ давать послабленіе, то ему назначается простоять на колѣнахъ во все время совершенія одного хурȧла.

Если кто либо изъ ламъ своими смутами возбудитъ ссору между хуварȧками, будетъ скрывать проступки другаго, безъ

позволенія цорчжи и гэбкуя будетъ держать у себя водку, оставитъ ночевать женщину; если гэлунъ или гэцуль будетъ ѣсть вечеромъ пищу, то оштрафовать ихъ одною ланою серебра (по большей части одною овцою) въ пользу монастыря и назначить положить 300 поклоновъ; если же у провинившагося не будетъ скота, то дать ему 25 плетей. Если цорчжи будетъ давать въ этихъ случаяхъ послабленіе, то наказать его поклонами въ кумирнѣ.

При ссорахъ, перешедшихъ въ драку и имѣвшихъ своими послѣдствіями раны и увѣчья, виновные хуваракп подлежатъ суду гражданскихъ и духовныхъ властей совмѣстно, и наказываются по гражданскимъ законамъ.

Штрафъ, взятый съ ламъ за преступленія касательно пищи и водки, а равно и за произведеніе междоусобной смуты въ средѣ хуваракововъ, поступаетъ въ монастырское казначейство (санъ); по другимъ же преступленіямъ, каковы: воровство, разбой и проч. мѣстоназначеніе этого штрафа опредѣляется по гражданскимъ законамъ.

Нѣкоторые, не пріобрѣтши въ дѣйствительности никакихъ знаній, дѣлаютъ изъ себя видъ ученыхъ, или, основываясь на протекціи, на богатствѣ и происхожденіи, нарушаютъ установленные монастырскіе обычаи; таковыхъ, смотря по величинѣ проступка и происшедшихъ отъ него результатовъ, должно ставить на колѣна на одинъ часъ во время совершенія хурала, или же наказывать 30, и 40 ударами плети.

Нѣкоторые, шатаясь безъ дѣла, не посѣщаютъ богослуженій; выставляютъ разныя причины, чтобы уйти отъ богослуженія; безъ дѣла бродятъ по юртамъ окружающихъ монастырь милостынедателей; во время совершенія богослуженія различными голосами безобразятъ общій и должный строй пѣнія, или же сидятъ, не читая молитвъ; если дадутъ имъ барабанъ, или какой нибудь музыкальный инструментъ, они не берутъ его; таковыхъ самовольниковъ слѣдуетъ ставить на колѣна въ хуралѣ и давать имъ, смотря по проступку, 20, или 30 ударовъ. Если кто сдѣлаетъ незначительный обманъ, не будетъ учиться въ то время, когда

можетъ учиться, будетъ постоянно думать объ играхъ и забавахъ, будетъ небреженъ и не исполнителенъ въ совершеніи того, что ему извѣстно, таковаго, смотря по величинѣ проступка, слѣдуетъ наказывать 10 или 20-ю ударами и кромѣ того дать ему еще правило».

Всякое большое или малое слѣдствіе о проступкахъ ламъ, а равно и соотвѣтствующее наказаніе за преступленіе производится во время хура̀ла. Въ это время виновный выводится передъ собравшихся хувара̀ковъ и тогда обстоятельства его преступленія излагаются подробно и во всеуслышаніе. Назначенные въ наказаніе поклоны и круговращенія считается гэ̀икъ; если опредѣляется наказаніе ударами палкою (чжукбо̀), то эти удары отсчитываетъ тутъ же, въ кумирнѣ, гэбкўй; удары плетьми производятся на крыльцѣ кумирни и подъ надзоромъ гэ̆ика. Если опредѣляютъ выгнать ламу изъ монастыря, то для производства этого дѣйствія ударяютъ въ кэнгэргэ̀ (барабанъ) и собираютъ всѣхъ монастырскихъ ламъ въ кумирню. Здѣсь они усаживаются на своихъ мѣстахъ, а осужденный становится посреди кумирни, лицомъ къ бурханамъ. Вслѣдъ за симъ ламы начинаютъ читать молитву, называемую «билигўнъ чжирўхэ̀нъ (сердце премудрости) и когда оканчиваютъ ее, то начинаютъ хлопать въ ладоши и трубить въ бўрѣ. Въ это время къ осужденному подходитъ гэ̆икъ, держа въ одной рукѣ бўйпўръ (кадильницу) съ наложнымъ въ него куреніемъ изъ можжевельника, а въ другой — палку, величиною въ аршинъ. Толкнувъ этою палкой въ правое плечо осужденнаго, онъ поворачиваетъ его въ сторону, противуположную солнцехожденію ([illegible]) лицемъ къ дверямъ, затѣмъ медленно гонитъ его палкой изъ кумирни, окуривая каждый, пройденный имъ шагъ. У воротъ монастыря изгнаннаго ламу передаютъ хошўнному, или сумўнному гражданскому чиновнику, который на этотъ случай всегда командируется мѣстнымъ правителемъ хушўна.

Если изгнанный изъ монастыря лама снова пожелаетъ исправиться и вступить въ число членовъ монастырской братіи, онъ заявляетъ объ этомъ прежде всего своему хошўнному князю. Получивъ согласіе князя, онъ обращается съ просьбою къ первен-

ствующимъ ламамъ монастыря, за симъ къ гэбку̀ю и унза̀ту; если и эти послѣдніе согласятся на его принятіе, то объявляютъ о просьбѣ всей монастырской братіи, когда соберется она для совершенія богослуженія. По выслушаніи согласія ламъ, гэбку̀й назначаетъ изгнанному возобновленіе обѣтовъ; черезъ нѣсколько дней выводитъ его въ хура̀лѣ передъ сидящихъ ламъ, заставляетъ его сдѣлать девять поклоновъ передъ бурханами и девять поклоновъ передъ ламами и затѣмъ указываетъ ему новое мѣсто, которое онъ долженъ занимать во время богослуженій.

Довольно часто бываетъ, что ламы и сами добровольно снимаютъ съ себя обѣты и уходятъ изъ монастыря. Это бываетъ во первыхъ, въ случаѣ смерти братьевъ, когда на ламѣ лежитъ обязанность жениться, чтобы продолжить свой родъ и, по выраженію монголовъ, «не погасить своего очага»; во вторыхъ, — въ военное время, когда многіе ламы, по своему желанію, поступаютъ въ военную службу и въ третьихъ, наконецъ, при недостаточности родителей, когда они состарѣваются и ихъ не кому пропитывать. Добровольно снятіе обѣтовъ совершается уже безъ всякихъ церемоній и даже не въ хура̀лѣ, а въ юртѣ настоятеля монастыря. Снимающій обѣты является къ настоятелю, принося ему лампаду, ху̀чжи, домбо̀ чаю и тарелку мяса. За симъ настоятель монастыря читаетъ молитву, а уходящій дѣлаетъ въ это время 500 поклоновъ; окончивъ поклоны, онъ подползаетъ на колѣнахъ къ настоятелю, который даетъ ему благословеніе ([illegible]) возложеніемъ на голову его священной книги. Этимъ церемонія оканчивается и снявшій ламскіе обѣты, одѣвшись въ платье простолюдина, уходитъ изъ монастыря, забравъ все свое имущество.

Помимо вышеописанныхъ ламъ-монаховъ, живущихъ по монастырямъ, имѣющихъ различныя посвященія, совершающихъ хура̀лы, несущихъ разныя монастырскія должности и состоящихъ въ ближайшемъ отношеніи къ міру, вслѣдствіе необходимости удовлетворять духовнымъ потребностямъ своихъ милостынедателей — прихожанъ, въ буддійскихъ монастыряхъ являются еще ламы, не имѣющіе отношеній къ міру, но всецѣло посвятив-

шіе себя изученію буддизма и его научныхъ трактатовъ по части богословіи, философіи, логики, риторики, поэзіи, просодіи, этики, медицины, астрологіи, алхиміи и пр. Общины такихъ ламъ мы встрѣчаемъ исключительно въ большихъ хутухтинскихъ обителяхъ, какъ напр. въ Ургѣ, Эрдэни-цзу, долонъ-нурскомъ Шара-сумэ и др. Это, такъ называемые, «цанитскіе аймаки ламъ». Съ внѣшней стороны эти аймаки, или монастырскія отдѣленія, рѣшительно ничѣмъ не отличаются и отъ другихъ монастырскихъ аймаковъ: они имѣютъ у себя обыкновенныя кумирни, съ тѣми же начальствующими и должностными лицами, управляющими какъ дѣлами ламъ, такъ и дѣлами хураловъ; но внутренняя жизнь цанитскихъ общинъ уже совершенно разнствуетъ отъ жизни прочихъ монастырскихъ ламъ. Ламы «цанита» занимаются исключительно наукой. Составъ цанитскихъ аймаковъ пополняется изъ обыкновенныхъ монастырскихъ монаховъ, но никто не приходитъ сюда иначе какъ по сознательной и доброй волѣ, влекущей его къ наукѣ. Понятно, что при этомъ условіи, число цанитскихъ ламъ никогда не бываетъ велико: въ Ургѣ изъ общаго числа ламъ, доходящаго до 13,000, къ цанитскому аймаку едва принадлежитъ 150 человѣкъ. По моимъ наблюденіямъ въ Ургѣ, въ цанитскій аймакъ обыкновенно перечисляются молодые ламы въ возрастѣ отъ 15 до 20 лѣтъ; это тѣ любознательные юноши, въ которыхъ ихъ наставники успѣли развить благородное стремленіе къ основательности и полнотѣ знаній. Не будучи удовлетворяемы обыкновенными учителями, они заявляютъ о своемъ желаніи слушать цанитъ настоятелю монастыря и послѣдній всегда немедленно же исполняетъ ихъ просьбу, сообщая только непосредственнымъ начальникамъ аймаковъ о перечисленіи такого то желающаго ламы изъ такого то аймака въ аймакъ цанитскій. Послѣ сего желающій прослушать цанитъ лама уже свободно переходитъ въ новую для него общину ламъ, гдѣ открывается ему и новая жизнь и новая наука.

Слово «цанитъ» (མཚན་ཉིད) съ тибетскаго въ переводѣ на русскій языкъ состоитъ изъ двухъ словъ: *цана* (མཚན་མ་,

монг. [illegible])—мудрость и *нитъ* (ཉིད་, монг. [illegible])—основное свойство, сущность; то есть «ученіе, излагающее сущность мудрости»; въ буддійской терминологіи такъ называется ученіе высшей догматики буддизма. Собственно цанѝтъ есть упорядоченное толкованіе на отдѣльныя части Ганьчжу̀ра. Такъ какъ послѣдній, по предметамъ, входящимъ въ составъ его изслѣдованій, раздѣляется на 4 части: 1) илэрхэ̀й а̀ймакъ саба̀, 2) судуру̀нъ а̀ймакъ саба̀, 3) вина̀йнъ а̀ймакъ саба̀ и 4) ӱндӱсӱ̀, то и цанѝтъ раздѣляется на тѣ же части. Самый краткій учебникъ цанѝта, который по преимуществу и преподается въ Монголіи, заключается въ пяти томахъ. Онъ содержитъ въ себѣ краткую выборку мыслей, и толкованіе ихъ изъ первыхъ трехъ частей Ганьчжу̀ра, а именно, илэрхэ̀й а̀ймакъ саба̀ и судуру̀нъ а̀ймакъ саба̀ излагаются въ первыхъ четырехъ томахъ, а вина̀инъ а̀ймакъ саба̀ въ одномъ томѣ, — пятомъ. Изученіе первыхъ двухъ отдѣловъ (т. е. илэрхэ̀й а̀ймакъ саба̀ и судуру̀нъ а̀ймакъ саба̀) дозволяется буддизмомъ всякому; изученіе же вина̀и, по правиламъ ламъ, предоставляется только принявшимъ духовные обѣты; при этомъ еще вина̀я раздѣляется на части: одна принадлежитъ принявшимъ обѣты убашѝ, другая — принявшимъ обѣты гэцу̀ля, все же сполна доступно только изученію гэлу̀на. Чжу̀дъ, или ӱндӱсӱ̀ изучается отдѣльно отъ помянутыхъ частей и обыкновенно уже послѣ всѣхъ ихъ, ибо смыслъ его, по свидѣтельству ламъ, не можетъ быть даже и понятенъ незнакомымъ по крайней мѣрѣ съ двумя первыми частями.

Изученіе трактатовъ цанѝта начинаютъ въ Ургѣ по большей части изслѣдованіемъ внѣшней природы вещей; таковъ трактатъ о внѣшней формѣ предметовъ, ихъ цвѣтѣ и пр.; за симъ переходятъ къ трактату о бытіи (существованіи) предметовъ и небытіи (ши-дубъ, монг. шитӱгэ̀нъ-бӱтӱгэ̀хсэнъ); здѣсь изслѣдуются вопросы о происхожденіи предметовъ: вѣчны ли они, или не вѣчны, подвержены ли разрушенію, или нѣтъ, существуетъ ли что либо вѣчно, могутъ ли быть названы вѣчными или нѣтъ стихія воздуха, духъ, божественная премудрость и пр. и почему? За симъ

излагается о причинахъ и слѣдствіяхъ (чжу-брай, རྒྱུ་འབྲས, монг. шилтага̄нъ ӱрэ); сюда принадлежатъ вопросы о томъ, есть ли въ природѣ вещи безпричинныя, или не имѣющія послѣдствій, какія именно, почему они могутъ быть названы, или не могутъ быть причисленными къ отдѣлу безпричинныхъ, или не имѣющихъ послѣдствій и пр. Новый, слѣдующій за симъ отдѣлъ, разсматриваетъ свойства человѣческаго духа (мысли, знаній и другихъ проявленій его), этотъ отдѣлъ называется «оюну цзӱйлъ».

Отдѣлъ «судурӱнъ а̀ймакъ саба̀» начинаютъ изученіемъ парчи̇на, въ которомъ излагается путь къ достиженію святости будды, дѣянія бодисатвъ, исторія будды Шигэмӱнія и пр. Должно замѣтить, что все ученіе цани̇та излагается въ вопросахъ, по данному же отдѣлу вопросы предлагаются въ родѣ слѣдующихъ: гдѣ находился будда послѣ того, какъ рѣшился онъ дѣйствовать на благо существъ; гдѣ онъ перерождался, у кого и отъ кого? Или: что должно лежать въ основѣ стремленія къ достиженію состоянія будды? (желаніе быть буддою). Зачѣмъ и почему такое желаніе? и пр. Толкованій парчи̇на весьма много, едва ли не болѣе всѣхъ другихъ отдѣловъ цани̇та. Такимъ образомъ изъ біографіи Цзонхавы̇ мы узнаемъ, что еще во времена Цзонхавы̇ было издано пространное толкованіе парчи̇на Чжамца̀нъ ламою, но, несмотря на его величину, Цзонхава̀ призналъ его менѣе удовлетворительнымъ, чѣмъ найденное имъ въ монастырѣ Нарта̀нъ и составленное гэбши̇ ламою Нья-бо-Гун-га-балъ. Всего же по біографіи Цзонхавы̇ мы видимъ болѣе 20 различныхъ сочиненій по предмету толкованія парчи̇на. Вторая часть отдѣла «судурӱнъ а̀ймакъ саба̀» — Ума̀ говоритъ прежде всего о скептицизмѣ въ знаніяхъ, а основу дальнѣйшихъ трактатовъ имѣетъ въ трехъ отдѣленіяхъ Юма: объясняетъ истинныя свойства пустоты и указываетъ путь избавленій отъ орчила̀на.

Отдѣлъ «вина̀инъ а̀ймакъ саба̀» разсматриваетъ ученіе о постахъ и обѣтахъ, при чемъ излагаются въ подробномъ перечнѣ всѣ обѣты, случаи ихъ нарушенія и пр. Таковы вопросы о томъ, можетъ ли считаться нарушеннымъ постъ, если человѣкъ про-

глотилъ застрявшее въ зубахъ его со вчерашняго дня мясо? Кромѣ того, въ винаѣ же изложенъ уставъ богослуженій: какимъ образомъ и когда какія должны быть совершаемы, какія богослуженія содѣйствуютъ отпущенію какого рода грѣховъ, болѣзней и пр.

Время происхожденія цанитскаго ученія въ точности неизвѣстно, но въ біографіи Цзонхавы, между прочимъ, сообщается, что Цзонхава на 19-мъ году отъ роду, въ годъ зайца (1375) отправился въ монастыри Сан-пу и Даванчинъ и установилъ здѣсь «богослужебный обмѣнъ» (хуралунъ-хэсулгэ). Въ объясненіе этого термина приводится самый порядокъ установленнаго обряда, именно: по оповѣщеніи монастырскаго духовенства, все множество его, имѣя во главѣ верховныхъ ламъ, совершало богослуженіе. Послѣ сего всѣ ученые монастыря и прежде всего первенствующіе вставали и излагали ученіе; при этомъ, подробное разъясненіе смысла ученія, которое могло быть представляемо въ отвѣтъ на всякій вопросъ каждымъ знающимъ ламой, и называлось «богослужебнымъ обмѣномъ» [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ описаніи біографіи разумѣется именно школа цанита, но установилъ ли Цзонхава цанитъ въ это время, или онъ только ввелъ его уже существовавшій въ помянутые монастыри, этого нельзя рѣшить по не опредѣленности текста. Припомнимъ однако, что самъ Цзонхава имѣлъ своимъ воспитателемъ цорчжи Дунрубъ-ринчина, который носилъ званіе гэбши, даваемое только изучающимъ цанитъ. Монгольскіе ламы введеніе цанита приписываютъ Цзонхавѣ но, кажется, съ большею достовѣрностію можно положить, что Цзонхава былъ только учредителемъ и изобрѣтателемъ обрядовой стороны цанита, изученіе котораго существовало и прежде вмѣстѣ съ его званіями и, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыми, учеными степенями. Послѣднее мнѣніе кажется намъ тѣмъ болѣе справедливымъ, что изъ той же біографіи видно, какъ Цзонхава постепенно переходилъ къ составляемой имъ

1) Хамуги айладухчи йэхэ богда Цзонхаваинъ гэгэну намтаръ. Гл. 3-я, л. 7—10-й.

формѣ цанита. Уже послѣ основанія въ помянутыхъ монастыряхъ «хуралу̀нъ-хэсу̀лгэ», онъ самъ, слушая чжудъ (རྒྱུད་) у ламы Римдамба̀, прослушалъ часть *наставительно*, получая урокъ и наставленіе на каждый отдѣльный трактатъ; а часть *состязательно*, или, какъ говоритъ сама біографія, «прослушалъ, вводя разговорный способъ объясненій, свойственный тому, который практикуется и нынѣ у изучающихъ цанитъ». ([illegible]).

Эти же самые способы наставительнаго и состязательнаго изученія цанита практикуются и въ настоящее время. Лама, перечислившійся въ цанитскій а̀ймакъ, прежде всего слушаетъ цанитъ наставительно, изучая цанитское ученіе и слушая толкованіе его отъ своего наставника. Когда онъ изучитъ такимъ образомъ первые четыре тома цанита, заключающіе въ себѣ «илэрхэ̀й а̀ймакъ саба̀» и «судуру̀нъ а̀ймакъ саба̀», а равно и соотвѣтствующую своимъ посвященіямъ часть винаи, онъ получаетъ званіе «гэбши», (དགེ་བཤེས་, монг. [illegible]) и можетъ принимать участіе въ изученіи цанита состязательномъ. Впрочемъ къ состязательному изученію цанита именно въ эту пору приступаютъ очень не многіе. Въ цанитскіе а̀ймаки приходятъ по большей части ламы, имѣющіе посвященіе гэцу̀ля; поэтому, окончивъ соотвѣтствующее степени своего посвященія изученіе отдѣла «вина̀йнъ а̀ймакъ саба̀», они принимаютъ посвященіе въ гэлу̀на и продолжаютъ дальнѣйшее изученіе вина̀и. Еще дальше они принимаютъ бодисаду̀йнъ санва̀ръ и тарнійнъ санва̀ръ, послѣ чего приступаютъ къ изученію послѣдней части цанита у̀ндусу̀ (རྒྱུད་). Только изучивъ цанитъ сполна и запасшись всѣми благодатными силами, даруемыми посвященіемъ, монгольскіе ламы и приступаютъ къ цанитскимъ состязаніямъ, или диспутамъ.

Порядокъ этихъ диспутовъ въ настоящее время слѣдующій. По окончаніи утренняго богослуженія, ламы, намѣревающіеся давать объясненія встаютъ съ своихъ обычныхъ мѣстъ и са-

дятся на приготовленныхъ для нихъ сѣдалищахъ у горнаго мѣста кумирни. Имѣющій давать вопросы встаетъ, снимаетъ шапку и мантію, оставляя ихъ на своемъ мѣстѣ въ общемъ ламскомъ кругѣ, и подходитъ къ своимъ диспутантамъ. Ставъ передъ ними и держа четки въ правой рукѣ, онъ прежде всего ударяетъ правою ладонью лѣвую, послѣ чего разводитъ руками, опуская лѣвую ладонь къ низу, а правую поднимая вверхъ, причемъ произноситъ «дисъ»! Опущеніе лѣвой ладони къ низу въ таинственномъ смыслѣ знаменуетъ прикрытіе дверей адовъ, дабы не возрождались въ нихъ существа; поднятіе правой руки означаетъ возведеніе изъ мѣстъ злополучныхъ перерожденій существъ, которыя наслѣдовали эти перерожденія прежде, за свои грѣховныя дѣянія; возгласъ «дисъ» составляетъ слогъ, изображающій сердечную сущность (чжирўкхэ̀нў тàрни) Маньцзушри, почитаемаго источникомъ мудрости, и назначается какъ бы для свидѣтельства о призываніи божественной помощи къ разъясненію истины. Послѣ сего лама-совопросникъ предлагаетъ свой вопросъ первому изъ сидящихъ и если тотъ не отвѣчаетъ, снова ударяетъ въ ладоши, и снова предлагаетъ тотъ же вопросъ; ударъ въ ладоши долженствуетъ свидѣтельствовать собою горячность, съ которою спрашивающій относится къ диспуту. Если разрѣшающій вопросъ не отвѣтитъ послѣ повторенія ему вопроса въ третій разъ, спрашивающій касается рукою до праваго плеча его, что означаетъ побѣду, и переходитъ ко второму сидящему для отвѣтовъ ламѣ съ тѣмъ же вопросомъ. Когда вопросъ разрѣшенъ удовлетворительно, предлагается къ обсужденію другой и т. д.

Каждый лама, сполна изучившій цанѝтъ (гэбшѝ) и удовлетворительно выдержавшій по каждой изъ частей его состязательное испытаніе, получаетъ званіе габчжу (དཀའ་བཅུ, монг. [illegible]). Говорятъ, что съ этого времени цанѝтскіе ламы получаютъ право носить особую шапку, ([illegible]) которая дѣлается изъ гладкой бересты, по формѣ своей тульи представляетъ котелокъ и снабжена громадными, прямыми полями. Съ наружной стороны эта шапка вся вызоло-

чена, тулья ея украшена изображеніемъ «ӱлцзэй-утасӱ», а на вершинѣ утверждается превосходящее обычное по своимъ размѣрамъ, вызолоченное изображеніе вачира. Получивъ званіе габчжӱ, нѣкоторые изъ цанитскихъ ламъ иногда уходятъ добровольно, а иногда назначаются въ другіе монастыри, въ которыхъ цанитъ не преподается: въ этихъ монастыряхъ они обыкновенно занимаютъ должность «ном'ӱнъ ламȧ». Должно сказать однако, что такое назначеніе дѣлается не иначе, какъ по желанію самаго ламы, а желаніе это не обнаруживаютъ многіе. Большая часть цанитскихъ ламъ, по полученіи званія «габчжӱ», остается по старому въ своемъ цанитскомъ ȧймакѣ и приступаетъ къ спеціальному изученію какой либо одной части буддійской науки. Эти ламы причисляются такъ сказать къ одному избранному факультету и изучаютъ или a) илэрхэй ȧймакъ сабȧ, или b) судурӱнъ ȧймакъ сабȧ, или c) винаинъ ȧймакъ сабȧ, или d) медицину, или e) астрологію, или наконецъ f) тарнистическія системы, т. е. отдѣлъ магіи и заклинаній. Замѣтимъ при этомъ, что предметы, входящіе въ составъ этого послѣдняго факультета, почитаются самыми трудными, почему изученію ихъ предшествуетъ весьма многое изъ отдѣла «илэрхэй ȧймакъ сабȧ». При такомъ составѣ факультета ламы его, естественно, являются и болѣе учеными и болѣе почтенными: они не только знаютъ точный смыслъ писаній, но еще держатъ въ своихъ рукахъ таинственныя силы управленія природой.

Жизнь цанитскихъ ламъ, съ тѣхъ поръ какъ причисляются они къ избранному факультету, дѣлается похожею на жизнь ученыхъ вообще. Все свое время они проводятъ въ чтеніи и составленіи выписокъ изъ различныхъ сочиненій по своей спеціальности, изучаютъ различныя толкованія по отдѣльнымъ, занимающимъ ихъ вопросамъ, производятъ сличенія текстовъ и пр. и пр. Весьма часто, неудовлетворяясь запасомъ ученыхъ пособій и изысканій въ своемъ монастырѣ, они предпринимаютъ путешествія въ другіе монастыри, славные своей постановкой цанита. Эти путешествія, какъ и блужданія ламъ «сӱцзӱктӱ», совершаются рѣшительно безъ всякихъ средствъ и весь багажъ путешествую-

щаго цанитскаго ламы ограничивается небольшою котомкой, въ которой лежатъ его духовныя одежды, да нѣсколько необходимыхъ книгъ и выписокъ. Все содержанiе въ дорогѣ цанитскiй лама получаетъ отъ милостынедателей. Достигнувъ цѣли своего путешествiя, т. е. извѣстнаго цанитскаго монастыря, лама прямо съ своей котомкой, надѣвъ только духовныя одежды, входитъ въ хуралъ, садится на свое мѣсто [1]) и вмѣстѣ съ совершенно незнакомыми ему хувараками начинаетъ чтенiе отправляемаго богослуженiя. По окончанiи хурала, когда начинаются религiозные диспуты, онъ выходитъ первымъ и прямо предлагаетъ интересующiе его вопросы. На представляемые ему отвѣты онъ высказываетъ возраженiя и возбуждаетъ обыкновенно самые оживленные споры. По окончанiи хурала его обступаютъ всѣ съ вопросами, откуда онъ, куда идетъ, чего ищетъ, что имѣетъ въ литературѣ замѣчательнаго его монастырь и такъ дальше: дѣло бесѣдъ сводится за симъ на отдѣльныя выраженiя въ какомъ либо сочиненiи, которыя нужно провѣрить, сличить и проч. Послѣ этихъ первыхъ бесѣдъ, лама путешественникъ остается въ юртѣ какого либо монаха, живетъ на общiй монастырскiй счетъ, штудируетъ неизвѣстныя ему сочиненiя, прослушивая толкованiя ихъ отъ знакомыхъ уже съ этими сочиненiями ламъ и т. д. Такъ проживаетъ онъ въ чужомъ монастырѣ, смотря по нуждѣ, два, три мѣсяца, полгода, а иногда годъ и больше. Окончивъ занятiя, лама-путешественникъ или возвращается домой, или же направляется за разъясненiемъ другихъ, интересующихъ его вопросовъ въ новый цанитскiй монастырь. Такъ ведутъ дѣло монгольскiе

---

1) Выше, при описанiи чжабдановъ, или ламскихъ сѣдалищъ въ кумирнѣ я забылъ упомянуть одну частность относительно ихъ постановки. Чжабданы, какъ было сказано, поставляются рядами и, смотря по количеству ламъ, числящихся въ спискахъ монастыря, такихъ рядовъ бываетъ два, три, пять, десять и больше; проходы между этими рядами устраиваются никакъ не шире $^3/_4$ аршина. За симъ въ нѣкоторомъ отдаленiи поставляется еще рядъ чжабдановъ, на которыхъ сидятъ ламы, еще не вошедшiе въ монастырскiе списки; а отдѣльно отъ нихъ устраивается еще одинъ рядъ, назначаемый для ламъ чужихъ монастырей. Такимъ то образомъ каждый лама всюду можетъ найти свое мѣсто.

цанитскіе ламы въ своей родной Монголіи; но завѣтную мечту для каждаго изъ такихъ ученыхъ представляютъ тангутскіе монастыри, какъ напр. Гумбумъ, а еще больше Тибетъ, — эта сокровищница буддійской мудрости и всякаго рода пособій къ пріобрѣтенію ея. Путешествіе въ Тибетъ представляетъ однако собою для монгольскихъ ламъ уже значительныя трудности, ибо оно не можетъ быть совершено подобно тому, какъ путешествуютъ ламы по Монголіи, — безъ всякихъ средствъ; хотя нужно сказать, что монгольскіе ламы умѣютъ обходиться подъ часъ весьма не многимъ. Мнѣ случалось видѣть въ Ургѣ цанитскихъ ламъ, которые, имѣя 200 и даже 170 ланъ серебра (около 400 и 340 рублей), умѣли не только съѣздить въ Тибетъ, но даже прожить тамъ по два года. Положеніе цанитскихъ ламъ въ Тибетѣ является опять таки отличнымъ отъ положенія ихъ въ цанитскихъ монастыряхъ монгольскихъ и если мы видѣли, что на родинѣ у себя каждый цанитскій лама является въ чужой монастырь какъ въ свой, входитъ прямо въ хуралъ, вступаетъ прямо въ диспуты, то далеко не такъ бываетъ въ Тибетѣ. Самый ученый монгольскій габчжу, пришедши въ Тибетъ, дѣлается простымъ ученикомъ: избираетъ себѣ учителя, слушаетъ его толкованія и только по его рекомендаціи можетъ получить право на участіе въ состязаніяхъ. Конечно, хорошо подготовившіеся дома монгольскіе ламы получаютъ это право сравнительно очень скоро, — самое долгое, говорятъ, мѣсяца черезъ три; съ этого же времени они приступаютъ и къ спеціальнымъ занятіямъ по избранному ими факультету, такъ какъ выдерживать полный искусъ состязаній для полученія степени габчжу, имъ, какъ уже получившимъ таковую, признается не нужнымъ. Взамѣнъ они должны являться къ каждому состязательному хуралу, относящемуся до спеціальности ихъ знаній, слушать происходящіе диспуты и наконецъ принимать участіе въ нихъ. Прошедшіе полный курсъ по избранной спеціальности и успѣшно выдержавшіе диспуты получаютъ для себя новыя, высшія, ученыя степени, полученіе которыхъ уже невозможно въ Монголіи. Первая изъ такихъ степеней есть — Рабчжамба (རབ་བྱམས་པ་ монг. [illegible]). Монгольскихъ ламъ,

имѣющихъ эту степень, можно встрѣчать довольно часто и едва ли не будетъ вѣрно сказать, что каждый порядочный цанѝтскій лама, прослушавшій курсъ цанѝта въ Тибетѣ, получаетъ степень Рȁбчжамба. Болѣе рѣдко попадаются въ Монголіи ламы, имѣющіе степень—«До́рамба», которую получаютъ они главнымъ образомъ въ тибетскомъ монастырѣ Лабранъ. По разказамъ монголовъ, изученіе цанѝта въ этомъ монастырѣ самое обширное: ламы ведутъ здѣсь свои состязанія не только въ хурȁлахъ, но и дома, на улицахъ, въ степи, — словомъ гдѣ бы только они ни сошлись. Оффиціальные диспуты производятся предъ дверями главной кумирни, на особомъ каменномъ портикѣ, называемомъ «дабчжȁ».—Ламы, прослушавшіе въ Тибетѣ курсъ тарнистическаго ученія, получаютъ степень Нгарамба (སྔགས་རམས་པ). Наконецъ выдержавшіе цанѝтское состязаніе передъ кумиромъ Хлȁсскаго Цзȳ удостоиваются еще, по слухамъ, степени Хла́-рамба (ལྷ་རམས་པ་); но таковыхъ въ Монголіи, кажется, во все не имѣется, по крайней мѣрѣ мнѣ никогда не приходилось встрѣчать ни одного хлȁ-рамбы, да и собесѣдники мои монголы не могли припомнить мнѣ кто-бы изъ монголовъ получалъ эту степень.

Совершенно особый классъ духовенства составляютъ въ Монголіи такъ называемые «даян̆чи», (ᠳᠢᠶᠠᠨᠴᠢ, тиб. བསམ་གཏན་པ་) или ламы созерцатели. Въ народѣ они прямо пользуются названіемъ святыхъ и это весьма естественно, не только потому что отличная отъ всѣхъ прочихъ жизнь даян̆чи поражаетъ собою простолюдина, но и потому что само ученіе буддизма жизнь созерцательную предпочитаетъ жизни дѣятельной, или практической. Въ сочиненіи «Рашія̆нъ нȍмъ» напр. прямо говорится, что «человѣкъ, стяжавшій своею дѣятельностью собраніе добродѣтельныхъ поступковъ, пріобрѣтетъ въ будущемъ только высокій родъ (перерожденіе); такъ какъ добродѣтель и плоды ея осуждены все таки на то, чтобы вращаться въ орчилȁнѣ (мірѣ матеріальномъ); но тотъ, кто будетъ совершать созерцанія, стараясь уразумѣть смыслъ основныхъ свойствъ пустоты, несомнѣнно отрѣшится отъ всего матеріальнаго и пріобрѣтетъ святость

будды. ([illegible]). Не смотря однако на обѣщаніе такой высокой награды, ламъ, посвящающихъ на подвиги созерцанія всю свою жизнь, въ Монголіи очень и очень не много; и гораздо чаще можно встрѣчать только временныхъ даянчи. Руководитъ ли этими послѣдними дѣйствительное религіозное чувство, или простое желаніе пріобрѣсти себѣ уваженіе въ народѣ — опредѣлить довольно трудно; тѣмъ не менѣе можно почти навѣрное сказать, что изъ числа богатыхъ ламъ, по крайней мѣрѣ, двадцатый человѣкъ непремѣнно сидѣлъ въ діянѣ. Совершается это очень просто. Наступитъ теплое, лѣтнее время, богатенькій лама, надумавъ посидѣть въ созерцаніи, беретъ съ собою юрту, провизію, одного или двухъ прислужниковъ и уѣзжаетъ изъ монастыря куда нибудь на уединенный островокъ рѣки, или въ горы, въ которыхъ обыкновенно не кочуютъ монголы лѣтомъ [1]). Выбравъ удобное для созерцанія мѣсто, лама ставитъ саженяхъ въ 200, или 300 отъ него юрту, гдѣ помѣщаетъ своихъ прислужниковъ, назначаетъ имъ часъ и время, когда они должны приносить ему пищу, а самъ садится на подвигъ. Созерцаніе продолжается

1) Монголы кочуютъ въ горахъ только зимою. Происходитъ это отъ того, что лѣтомъ они не нуждаются въ защитѣ отъ вѣтровъ и холода и слѣдовательно спокойно могутъ проводить время въ открытыхъ степяхъ и равнинахъ; между тѣмъ зимою для нихъ необходимы именно горы, которыя защищаютъ кочевья отъ вѣтровъ. Въ лѣтнее время горы въ Монголіи совершенно пустынны и даже пастухи съ своими стадами удаляются отсюда опять таки безъ сомнѣнія для того, чтобы не истреблять травъ и подготовить болѣе тучныя пастьбища на зиму.

иногда 30 дней, а иногда 49. Въ теченіе этого времени лама-созерцатель не видитъ никого изъ людей, принимаетъ пищу иногда разъ въ день, а иногда разъ въ два и три дня. Пищу эту готовитъ и приноситъ прислужникъ и ставитъ въ зауроченное мѣсто, послѣ чего беретъ ее созерцатель но такъ, чтобы опять таки не видать и своего прислужника. Окончивъ созерцаніе, лама возвращается въ монастырь и начинаетъ вести свою обычную жизнь съ тою только разницею, что за нимъ закрѣпляется слава созерцателя и слѣдовательно онъ начинаетъ пользоваться бо̀льшимъ почетомъ. Мнѣ много разъ приходилось встрѣчаться, жить и говорить съ такими даянчи, но добиться отъ нихъ чего либо дѣльнаго по отношенію къ вопросамъ, какъ провелъ каждый изъ нихъ время въ созерцаніи, какъ и что созерцалъ, что испыталъ и прочувствовалъ, — я рѣшительно не могъ: одни изъ этихъ созерцателей, отъ которыхъ можно было бы узнать что либо, отвѣчали мнѣ, что это нигуца (тайна); другіе были такъ неразвиты и невѣжественны, что трудно и представить, что могли они думать, сидя въ созерцаніи? Мнѣ кажется, что подъ своей діяной они ничего не могли разумѣть помимо подвига одиночества и поста. Но совершенно другаго сорта даянчи, посвятившіе на подвиги созерцанія всю свою жизнь; для таковыхъ въ Монголіи имѣются и особые монастыри, носящіе названіе «кит’овъ», или «хит’овъ». Мнѣ, въ періодъ моего пребыванія въ Монголіи, удалось посѣтить два такихъ монастыря: одинъ—неподалеку отъ Урги, въ мѣстности «Уланъ бахча», другой—неподалеку отъ Цаганъ улайнъ сумэ, въ кочевьяхъ Чахаровъ. Монастыри эти живутъ на совершенно особыхъ началахъ. Они содержатся прямо на счетъ шабинаровъ и собственныхъ доходовъ не имѣютъ почти никакихъ. Богослуженій въ нихъ также почти не совершается, ибо ламы обитатели монастыря, большею частью просиживаютъ, заключившись въ одиночество и исполняя трудные подвиги діяны. При монастырѣ имѣются должностныя лица въ званіи цорчжи, гэбкуя, унзата и нирбы, остальныхъ же не полагается за исключеніемъ низшихъ прислужниковъ каковы, тахильчи, джама и дуганчи. Въ чахарскомъ даянчіинъ хит’ѣ я прожилъ шесть дней,

но говорить съ кѣмъ либо изъ ламъ созерцателей мнѣ не пришлось. Остановившись на квартирѣ у нирбы, я только въ бесѣдахъ съ нимъ могъ удовлетворять свое любопытство, хотя добродушный старикъ могъ разказать мнѣ очень не многое. По словамъ его, всѣ ламы, поступающіе въ хитъ (въ 1878 году ихъ со всѣхъ чахарскихъ кочевьевъ было только 23 человѣка), являются сюда, изучивъ предварительно высшую догматику буддизма въ школахъ цанитскихъ. Приходятъ по преимуществу въ возрастѣ отъ 35 до 40 лѣтъ, въ 30 лѣтъ даянчи являются очень рѣдко, а ранѣе 30-ти ихъ не бываетъ вовсе. Дозволеніе остаться въ монастырѣ они испрашиваютъ у цорчжи, который, оставивъ новоприбывшаго, на первое время поселяетъ его въ своей юртѣ, испытываетъ его въ знаніи молитвъ и богослуженій и наконецъ, убѣдившись лично въ его нелицемѣрномъ стремленіи къ созерцаніямъ, поручаетъ его руководству одного изъ старѣйшихъ ламъ созерцателей. Выборъ наставника опредѣляется чисто случаемъ. Новоприбывшій отшельникъ ввѣряется руководительству того изъ старѣйшихъ даянчи, который прежде другихъ по времени очнется отъ своихъ созерцаній и, вышедши изъ своего заключенія, явится въ кумирню для совершенія хурала. Здѣсь цорчжи рекомендуетъ ученика его «судьбою предназначенному» руководителю ([illegible]) и съ этого дня новоприбывшій включается въ списокъ монастырскихъ ламъ-даянчи. Въ тотъ же день ему ставится юрта на ряду съ юртою его учителя, хотя первые десять, пятьнадцать дней ученикъ и не живетъ въ этой юртѣ, а пробываетъ въ юртѣ и обществѣ своего руководителя, выслушивая его наставленія. Утвердившись въ правилахъ новой жизни, молодой даянчи переходитъ уже въ свою келью и начинаетъ предаваться созерцаніямъ. Съ своимъ наставникомъ на первое время онъ видится черезъ два, три дня; потомъ въ дни мацаковъ, т. е. 8, 15 и 30 чиселъ; при совершенствѣ въ созерцаніяхъ является къ нему только въ случаѣ нужды. Объ этихъ свиданіяхъ ученика съ учителемъ нирба передавалъ мнѣ множество интересныхъ разказовъ. Ученикъ, являясь къ учителю долженъ непремѣнно распростереться предъ нимъ ницъ по землѣ и крѣпко обнять его

колѣна; подняться же и сдѣлать нужный докладъ учителю онъ можетъ только тогда, когда учитель благословитъ его, положивъ руку на его голову; но при этомъ даянчи обязаны взаимно охранять спокойствіе другъ друга. Бывали случаи, что ученикъ, явившись къ учителю и распростершись предъ нимъ ницъ, заставалъ его погруженнымъ въ созерцаніе и вотъ, чтобы не прервать мысль учителя, онъ оставался безъ движенія въ своемъ распростертомъ положеніи три дня. Съ другой стороны бывало и то, что учитель, очнувшись отъ діяны, видѣлъ предъ собою своего распростершагося ученика; но въ тоже время онъ замѣчалъ, что руки этого ученика сжимаютъ его колѣна не съ должною силою, что они ослабѣли, а это вѣрный признакъ того, что ученикъ самъ погрузился въ діяну. Учитель долженъ въ этомъ случаѣ охранять покой ученика еще съ большею ревностью, ибо созерцаніе предъ ликомъ учителя самое счастливѣйшее и нерѣдко приводитъ къ полному просвѣтлѣнію. Въ знакомствѣ съ кѣмъ либо изъ ламъ-созерцателей цорчжи даянчійнъ хита, равно какъ и мой гостепріимный хозяинъ—нирба мнѣ рѣшительно отказали; такимъ образомъ поговорить о душевномъ настроеніи, которое испытывается въ періодъ созерцанія съ самими созерцателями мнѣ не пришлось. «Что же дѣлаютъ эти даянчи и какъ производятъ они свои созерцанія»? спрашивалъ я у нирбы. «Ничего, былъ отвѣтъ, просто сидятъ и въ это время, даже не перебирая четокъ, созерцаютъ». (Цзўгэръ сўгатал, эрихэ чи татал уга, бисылгал бисылгачжи байна). Я попросилъ нирбу показать мнѣ созерцателей хотя бы украдкою, и онъ согласился на это, обѣщая взять меня съ собою въ то время, когда пойдетъ разносить пищу [1]). Мы отправились. Я полагалъ, что нирба имѣлъ намѣреніе поразить меня видомъ созерцателей и потому повелъ меня къ юртѣ самаго строгаго подвижника. Приподнявъ дэбуръ, я посмотрѣлъ въ

---

1) Даянчіинъ хитъ можно скорѣе всего назвать общежитіемъ. Для всѣхъ ламъ пища приготовляется здѣсь въ одномъ котлѣ и часовъ въ 5 пополудни она разносится по юртамъ созерцателей въ небольшихъ деревянныхъ ведеркахъ, вмѣщающихъ въ себѣ стакановъ по пяти воды. Въ одну изъ такихъ ведерокъ наливаютъ бульону съ небольшимъ кускомъ мяса, въ другую кир-

юрту. Это было обыкновенное ламское жилище съ божницей у сѣверной стѣны юрты, съ кроватью на лѣвой сторонѣ, а на правой были просто разостланы войлоки, да къ стѣнѣ была прикрѣплена полка, на которую обыкновенно ставится пища отшельника. У кровати, на обычномъ мѣстѣ хозяина, было постлано два олбо̀ка, на которыхъ сидѣлъ созерцатель. Но, Боже мой, что это была за фигура! Видъ его былъ изможденный до крайности, лице такое блѣдное и исхудалое, что ламу этого можно было принять скорѣе за восковую статую, чѣмъ за человѣка. Онъ сидѣлъ неподвижно въ молитвенной позѣ ([illegible]), руки были опущены на колѣна, въ правой рукѣ онъ держалъ четки, но дѣйствительно даже не перебиралъ ихъ, какъ говорилъ мнѣ нирба̀; глаза его были совершенно закрыты, лице, повидимому, покойное, но совершенно безчувственное. Пока нирба̀ ставилъ ведерочки съ пищею отшельника и ходилъ въ монастырскую кухню, чтобы взять новыя для другаго такого же созерцателя, я все оставался у первой юрты и смотрѣлъ на невиданнаго мною человѣка. Я простоялъ минутъ пять, но ни одинъ мускулъ его не дрогнулъ въ это время. Эта мертвая неподвижность произвела на меня какое-то ужасное, гнетущее впечатлѣніе, когда, отошедши отъ этой юрты, я послѣдовалъ за нирбо̀ю къ другой; еще сильнѣе заговорило это чувство, когда переходилъ я къ третьей и т. д. Мое предположеніе о томъ, что нирба̀ хотѣлъ поразить меня, рѣшительно не оправдалось; ибо и въ другихъ юртахъ увидалъ я тоже самое. Изъ 18 посѣщенныхъ нами келій, въ двухъ нашли мы созерцателей спящими, въ одной дая̆нчи зажигалъ лампады передъ своими бурханами, въ остальныхъ же наблюдалось однообразное зрѣлище: тѣже казенныя юрты съ божницею, кроватью и полкою для постановки пищи; тѣ же изможденныя, исхудалыя и восковыя фигуры добровольныхъ стра-

пичнаго чаю. Это дневной провьянтъ созерцателя. Подавая обѣдъ тѣмъ ламамъ, которые сидятъ въ дія̆нѣ, нирба̀ уже не входитъ въ юрту, но приподнимаетъ дэ̆буръ (войлокъ, образующій крышу юрты) и чрезъ это отверстіе опускаетъ ведерки на прикрѣпленныя внутри юрты полки. При мнѣ бывали случаи, что и эта скудная пища оставалась нетронутою.

дальцевъ съ неподвижнымъ и безчувственнымъ лицемъ, таже мертвая тишина, не прерываемая даже вздохомъ и доказывающая глубокое самопогруженіе созерцателя.

Цѣлый вечеръ просидѣлъ я съ нирбою и, взволнованный необычайными наблюденіями, распрашивалъ его о созерцателяхъ. Потому ли что лама замѣтилъ мое волненіе и принялъ его за благоговѣйное чувство, потому ли что мои неотступные вопросы о предметѣ созерцанія ламъ подѣйствовали на доброе сердце этого старика, или наконецъ просто потому, что я случайно предложилъ вопросъ о томъ, нѣтъ ли какихъ либо правилъ, по которымъ должно производить созерцанія. онъ, какъ бы напавъ на мысль какъ удовлетворить меня, обѣщалъ мнѣ дать сочиненіе, въ которомъ излагаются всѣ основныя понятія и порядокъ созерцаній. На другой день сочиненіе было у меня и нирба не отказался даже прочитать его со мною, доставляя при этомъ нужныя поясненія. Это была небольшая рукопись на 24 листкахъ подъ заглавіемъ: «Діян'у гол-утха хигэтъ, бисылгаху-йнъ цзанъ уйлэйги унэхэръ уцзэгулухчи хэмэхдэху орошибай». Кѣмъ и когда было составлено это сочиненіе, для меня осталось неизвѣстнымъ; но, по словамъ нирбы, оно служитъ для всѣхъ обитателей даянчійнъ хита какъ-бы программой для дѣятельности отъ начала и до конца созерцательной жизни. Чтобы познакомить своихъ читателей съ буддійскими даянчи, я представлю по этому свѣденія объ ихъ жизни, заимствованныя изъ этого сочиненія вмѣстѣ съ поясненіями, которыя сообщилъ мнѣ мой престарѣлый и добродушный руководитель.

Созерцаніе вообще имѣетъ громадное приложеніе въ буддійской аскетикѣ и отсюда чрезвычайное разнообразіе его видовъ. Для буддиста созерцаніе служитъ всеобщимъ средствомъ для того, чтобы а) возвысить его разумъ отъ матеріальнаго міра въ сокровенную таинственность міра духовнаго; в) освободить человѣческій духъ отъ страстей и условій матеріальнаго міра вообще и навсегда; и наконецъ для того, чтобы с) человѣкъ могъ получить и усвоить себѣ какіе либо сверхъестественные дары. Созерцаніе, предпринятое для того только, чтобы временно от-

далить разумъ отъ предметовъ міра вещественнаго, есть созерцаніе низшее; отличительную особенность его составляетъ то, что оно сопровождается видѣніями; цѣль его — освобожденіе человѣка отъ нравственныхъ недостатковъ. Созерцаніе, взятое какъ средство для двухъ послѣднихъ цѣлей, т. е. для полнаго освобожденія духа отъ матеріи и для пріобрѣтенія чудотворныхъ силъ, есть созерцаніе высшее и характеристичную особенность его составляетъ то, что, не сопровождаясь ни какими видѣніями, оно состоитъ изъ однихъ отвлеченныхъ умопредставленій. По формѣ созерцаніе состоитъ изъ самади̇, или глубокихъ внутреннихъ самопогруженій. Яснѣе сказать, подъ именемъ самади̇ буддисты разумѣютъ или непоколебимое утвержденіе мысли на одномъ какомъ нибудь предметѣ; или же опять таки сосредоточенное въ самомъ себѣ состояніе духа, восторженнаго какими либо представленіями. Понятно отсюда, что, смотря по качеству созерцанія, и самади̇ бываютъ различны. Въ низшемъ созерцаніи, въ силу того что оно преслѣдуетъ только частныя цѣли, самади̇ являются отрывочными и отдѣльными; въ созерцаніи высшемъ, имѣющемъ цѣлью вознести духъ человѣка до безконечнаго совершенства, самади̇ образуютъ собою какъ бы постепенную лѣстницу. Въ сложности всѣ эти самади̇ составляютъ рядъ отрѣшеній отъ условій трехъ міровъ, на которые буддисты раздѣляютъ вселенную, т. е. отъ міра вожделѣній, міра прославленныхъ формъ и міра невещественнаго.

Всякій, имѣющій посвятить свою жизнь на подвиги созерцанія, долженъ прежде всего найти для себя опытнаго учителя — друга ( ), который руководилъ бы его на избранномъ имъ поприщѣ, предостерегалъ бы его отъ самообольщеній и навѣтовъ злокозненныхъ шимну́совъ [1]) и разрѣшалъ бы воз-

1) Шимну́сы (разгов. шилму́ тиб. монг. отъ санскр. çama— спокойствіе и nâça — уничтожить), по представленію буддизма, суть духи, которые опутываютъ всѣ существа сѣтями страстей и стараются вовлечь ихъ въ грѣхи, чтобы тѣмъ самымъ поколебать ихъ въ вѣрѣ. Шимну́сы почитаются виновниками чувственныхъ наслажденій, владыками сансары, т. е. міра

рождающіяся въ немъ сомнѣнія при самомъ ихъ началѣ. Рѣшившись однажды навсегда посвятить себя созерцаніямъ, должно прекратить уже всѣ другія занятія, знакомства и посѣщенія товарищей: ученикъ-созерцатель долженъ знать только своего наставника и тѣхъ изъ своихъ сотрудниковъ и собратій, которые собственнымъ примѣромъ, поощреніями и совѣтами могутъ содѣйствовать успѣшному ходу его созерцанія. Во вниманіе къ трудности подвиговъ, избранныхъ ученикомъ, ему дозволяется воспользоваться нѣкоторыми внѣшними удобствами, какъ то достаточнымъ количествомъ одежды и лучшею пищею. Эти удобства въ дѣлѣ созерцанія необходимы для ровнаго и спокойнаго состоянія духа и тѣла. Но въ замѣнъ сего предъ началомъ созерцанія ученикъ не долженъ увлекаться предметами и зрѣлищами, которыя могутъ пріятно поражать его чувства; обязанъ равнодушно принимать всѣ непріятныя впечатлѣнія; сокращать время сна и даже во все не спать, не разсѣяваться мыслями и наконецъ удалять отъ себя колебаніе и сомнѣніе въ дѣйствительности созерцанія, а въ особенности сомнѣніе въ чистотѣ и истинности ученія Будды. Со стороны наставника требуется помимо общихъ обязанностей особенная внимательность къ ученику, который поручилъ себя его руководительству. Наставникъ долженъ тщательно слѣдить за привычками своего ученика, за его наклонностями и за преобладающими въ немъ страстями съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность предложить соотвѣтствующія средства къ искорененію его нравственныхъ недостатковъ. Главнѣйшіе пороки человѣческой природы суть: вожделѣніе, гнѣвъ и помраченіе ([illegible] · [illegible] · [illegible]). Согласно тому наставникъ долженъ предписывать ученику противъ каждаго изъ этихъ пороковъ особую самади. Такимъ образомъ если онъ замѣтитъ, что ввѣренный его руководительству ученикъ обуревается стра-

---

вещественнаго и противниками нирва̀ны—міра духовнаго. Шимну̀сы бываютъ четырехъ родовъ: *шимну̀сы царства тэнгріевъ* суть виновники сладострастія; *шимну̀сы тѣла* суть виновники грѣха помраченія; *шимну̀сы духа* суть виновники грѣха гнѣва; и *шумну̀сы царя смерти* почитаются виновниками грѣха скупости.

стными пожеланіями, то заставляетъ его погружаться въ «самадѝ нечистоты и созерцанія скелетовъ»; если онъ замѣтитъ въ немъ омраченіе ума и уныніе духа, то предлагаетъ ему созерцать будду; если замѣтитъ наконецъ, что ученикъ волнуется гнѣвомъ, или питаетъ въ своемъ сердцѣ ненависть, то совѣтуетъ ему возбуждать въ себѣ, посредствомъ извѣстныхъ пріемовъ, чувство любви..

Прежде чѣмъ подвижникъ, согласно указаній своего наставника, приступитъ къ совершенію самыхъ самадѝ, онъ долженъ соблюсти нѣкоторые внѣшніе пріемы, безъ которыхъ самадѝ для него не возможны. Эти пріемы состоятъ въ слѣдующемъ: Созерцатель удаляется въ уединенное мѣсто и усаживается въ священной позѣ, т. е. загнувъ сперва правую ногу и положивъ ее на колѣно лѣвой, а лѣвую на колѣно правой, — или, если такое положеніе для него трудно, положивъ лѣвую ногу на колѣно правой, а правою загнувъ просто подъ лѣвую. Опустивъ поясъ, онъ складываетъ руки у своего нѣдра и покачивается во всѣ стороны до тѣхъ поръ, пока станъ его не выпрямится, такъ что спинная кость сдѣлается вровень съ затылкомъ (?), а кончикъ носа вровень съ пупкомъ. Потомъ вдохнувъ въ себя свѣжаго воздуха столько, чтобы наполнить имъ всю внутренность своего тѣла, онъ выпускаетъ его изъ себя однимъ вздохомъ, и вслѣдъ за тѣмъ сжимаетъ ротъ и вполовину закрываетъ глаза для устраненія слишкомъ сильнаго дѣйствія свѣта, если это будетъ днемъ. Приведя свое тѣло, по точному буддійскому выраженію, въ «нормальное состояніе», созерцающій приступаетъ къ умѣренію своего дыханія и успокоенію мыслей. Онъ устремляетъ вниманіе на дыханіе носомъ и начинаетъ считать обороты отъ одного до десяти, считая вдыханіе и выдыханіе за одно, и, когда дойдетъ до десяти, начинаетъ счетъ дыханій снова; этимъ средствомъ онъ доводитъ дыханіе свое до такой степени тонкости, что во время вдыханія и выдыханія не слышитъ ни какого звука и не чувствуетъ его движенія. Если при этомъ мысли его разсѣяваются, то онъ устремляетъ взоръ свой на пупокъ; а если почувствуетъ въ душѣ своей сонливость (недостатокъ, противуположный раз-

сѣянности), то сосредоточиваетъ свой взоръ на кончикѣ носа, или между бровями. Продолжительное упражненіе въ этихъ занятіяхъ, несомнѣнно, доведетъ подвижника до желаемаго результата, т. е. расположитъ духъ его къ сосредоточенному и неуклонному вниманію.

Когда подвижникъ освоится съ этими пріемами, то, по указанію своего наставника, приступаетъ къ самадѝ. Для искорененія въ немъ страстныхъ пожеланій и вожделѣнія къ предметамъ орчилàна наставникъ предлагаетъ ему созерцаніе нечистоты и скелетовъ. Самадѝ эта состоитъ въ слѣдующемъ. Подвижникъ устремляетъ взоры и все свое вниманіе на большой палецъ лѣвой ноги и на самой половинѣ его представляетъ небольшой бѣлый нарывъ, но не воображаемо только, а на самомъ дѣлѣ. Нарывъ этотъ мало по малу лопается и вся половина пальца облекается въ бѣлый цвѣтъ; за тѣмъ оконечности всѣхъ другихъ пальцевъ ноги приводятся въ такое же положеніе. При этомъ, какъ и во всѣхъ другихъ самадѝ, подвижникъ отнюдь не долженъ развлекаться сторонними впечатлѣніями, и, если впадетъ въ подобную погрѣшность, долженъ начать созерцаніе снова, т. е. съ половины большаго пальца. Съ приведеніемъ оконечностей пальцевъ въ вышеописанное состояніе, по всему тѣлу созерцателя распространяется теплота и особенно подъ сердцемъ онъ чувствуетъ жаръ. Послѣ этого перваго дѣйствія созерцатель тѣмъ-же представленіемъ нарыва постепенно обходитъ все тѣло, начиная съ подошвъ ногъ, до самой верхушки головы, пока все тѣло его не будетъ представлять собою одну гнойную, бѣлую рану,—послѣ чего самъ онъ дѣлается скелетомъ. Обративъ себя въ скелетъ, онъ такимъ же способомъ превращаетъ въ скелеты всѣ существа, населяющія вселенную. Подвижникъ ясно видитъ, какъ всѣ они, по дѣйствію его воли, отрѣшаются своей верхней оболочки тѣла, мяса, крови, нервовъ, жилъ, — словомъ всего матеріальнаго и образуютъ предъ нимъ массу безобразныхъ костей. Скелеты эти трещатъ, ломаются и разлетаются, какъ обломки глинянаго сосуда; потомъ вдругъ поднимается сильное пламя и въ одно мгновеніе пожираетъ ихъ. Случается, что

во время этихъ видѣній, созерцатель, объятый ужасомъ, дрожитъ и не можетъ очнуться отъ видѣнія, пока не пробудитъ его самъ наставникъ. Если же созерцатель, въ силу разсѣянности своихъ мыслей, долго не удостоивается видѣнія скелетовъ, въ такомъ случаѣ онъ погружается въ созерцаніе собственнаго скелета до тѣхъ поръ, пока въ немъ не отразятся скелеты другихъ существъ также ясно, какъ въ прозрачной водѣ отражаются звѣзды неба. Сильныя душевныя потрясенія, испытываемыя созерцателемъ при вышеописанныхъ видѣніяхъ, равно какъ поперемѣнныя чувства отвращенія и страха служатъ для него спасительнымъ врачеваніемъ противъ чувственныхъ и мірскихъ привязанностей. Если подвижникъ предшествующимъ созерцаніемъ не вполнѣ освободитъ себя отъ страстныхъ пожеланій и привязанности къ міру, то наставникъ предписываетъ ему новый рядъ видѣній, столько же отвратительныхъ и страшныхъ. Все, что только напряженное воображеніе можетъ создать чудовищнаго, снова является предъ нимъ по указанію наставника. Иногда его взорамъ представляется зрѣлище разнообразныхъ нечистотъ, иногда онъ поражается явленіемъ ужасныхъ картинъ, какъ напримѣръ, пожара вселенной, демоновъ, какихъ-то гигантскихъ и чудовищныхъ формъ; борьбы драконовъ, змѣй и дикихъ звѣрей, такъ что подъ конецъ силы совершенно оставляютъ его и онъ лежитъ больнымъ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Признаками совершеннаго освобожденія созерцателя отъ страстныхъ пожеланій бываетъ слѣдующее: онъ усматриваетъ выходящую изъ его собственнаго скелета яркую звѣзду, украшенную золотистыми шариками; и если шариковъ будетъ отъ 25 до 40, то это значитъ, что созерцаніе идетъ успѣшно. Потомъ изо лба его выходитъ свѣтлая жемчужина. Сначала она держится на одномъ мѣстѣ, но потомъ опускается внизъ и проходитъ землю, а равно три другіе слоя мірозданія: воду, огонь и вѣтеръ. Слѣдя за нею, когда она проходитъ сферу земли, созерцатель наблюдаетъ какъ его собственное тѣло и всѣ окружающіе его предметы цѣпенѣютъ и твердѣютъ; когда жемчужина проходитъ сферу огня, то тѣло созерцателя дѣлается легкимъ; когда она проходитъ сферу воды,

то на тѣлѣ и на всемъ окружающемъ является вода; наконецъ, когда она проходитъ сферу вѣтра, то тѣло его дѣлается воздушнымъ. Достигнувъ до пустоты и края вселенной, жемчужина возвращается и, вмѣстѣ съ сопутствующимъ ей свѣтомъ, входитъ въ пупокъ созерцающаго.

Для освобожденія отъ умственнаго омраченія наставникъ предлагаетъ созерцающему самади видѣнія будды. Самади эта состоитъ въ слѣдующемъ. Созерцатель, предварительно своего подвига, въ продолженіе семи дней представляетъ себѣ живо и раздѣльно образъ будды во всемъ его величіи и красотѣ. Запечатлѣвши въ своемъ воображеніи этотъ образъ, онъ уединяется въ своей кельѣ, и, закрывъ глаза, сосредоточиваетъ на немъ свои мысли. Потомъ онъ утверждаетъ свою мысль исключительно на своемъ лбу, — и вскорѣ изо лба его начинаютъ выходить будды, одинъ за другимъ, точно въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ представлялъ будду прежде. Если созерцатель увидитъ безчисленное множество буддъ, выходящихъ изо лба на недалекое пространство и снова возвращающихся, то это значитъ, что онъ стоитъ еще на низшей степени святаго подвижничества; если же они отойдутъ отъ него на гораздо бо̀льшее пространство и снова возвратятся въ голову, — то это признакъ средней степени успѣха въ подвижничествѣ; но если вышедшіе будды удалятся отъ созерцателя на весьма далекое разстояніе, такъ что послѣдній въ ряду ихъ будетъ казаться ему не больше точки, и затѣмъ всѣ они снова возвратятся, то это значитъ, что созерцатель стоитъ уже на высшей степени подвижничества. Во время приближенія буддъ къ созерцателю земля принимаетъ золотистый цвѣтъ и дѣлается ровною какъ ладонь, чистою и прозрачною какъ зеркало. Самое тѣло созерцающаго также становится свѣтлымъ и прозрачнымъ какъ земля. Послѣ этого подвижникъ устремляетъ мысль свою на сердце и изъ этого мѣста вскорѣ также начинаютъ выходить будды, держа въ рукахъ по сапфировому вачиру (ва̀чжра); изъ обоихъ концовъ ихъ жезловъ выходятъ святые трехъ степеней, окруженные бо̀льшимъ, или меньшимъ свѣтомъ, смотря по степени ихъ святости. Когда всѣ

будды до одного выйдутъ изъ сердца, то послѣднiй изъ нихъ останавливается, опершись жезломъ на сердцѣ; спустя же не много времени всѣ они въ послѣдовательномъ порядкѣ снова возвращаются въ сердце созерцателя. Если подвижникъ стоитъ на высокой степени нравственнаго совершенства, то сряду послѣ того изо всѣхъ поръ его начинаетъ выходить безчисленное множество буддъ, которые наполняютъ все видимое пространство во всѣ четыре стороны свѣта, но потомъ снова погружаются въ его тѣло. Послѣ этого явленiя подвижникъ утверждаетъ свои мысли и взоры на своемъ пупкѣ, — и вскорѣ замѣчаетъ на немъ какое то движенiе. Удвоивъ вниманiе, онъ усматриваетъ на пупкѣ своемъ какое то возвышенiе, на подобiе гусинаго яйца, чрезвычайной бѣлизны. Вдругъ это возвышенiе превращается въ великолѣпную пàдму, стебель которой изъ чистѣйшаго сапфира, а коронка цвѣтка изъ золота. На этомъ цвѣткѣ возсѣдаетъ будда, изъ пупка котораго также выростаетъ пàдма, а на ней возсѣдаетъ новый будда и т. далѣе. Когда такимъ образомъ пàдмы съ буддами наполнятъ собою всю даль, представляющуюся въ воображенiи созерцателя, то самый дальнѣйшiй будда входитъ въ пупокъ втораго, слѣдующаго за нимъ, и за симъ, постепенно, всѣ они возвращаются одинъ въ другаго, пока наконецъ и последнiй изъ нихъ не войдетъ въ пупокъ созерцателя. При дальнѣйшемъ созерцанiи изо всѣхъ поръ тѣла подвижника выходятъ пàдмы съ буддами и наполняютъ собой все воздушное пространство въ видѣ безконечной гирлянды изъ ожерелья и потомъ всѣ они возвращаются въ созерцателя чрезъ его пупокъ. При этомъ подвижникъ чувствуетъ въ себѣ необыкновенную легкость и удовольствiе: тѣло его дѣлается чистымъ и свѣтлымъ, какъ будто бы оно состоитъ изъ однихъ драгоцѣнныхъ камней. Но этимъ не ограничивается еще созерцанiе будды. Подвижникъ, по руководству своего наставника, продолжаетъ созерцанiе своего пупка, — и вскорѣ изъ верхушки его головы выходитъ пяти-цвѣтное пламя, совмѣщающее въ себѣ пять дивныхъ вещей. Въ этомъ пламени возсѣдаетъ будда, окруженный свѣтлымъ облакомъ. Изъ устъ будды выпадаетъ безконечное множество пàдмъ,

которыя наполняютъ собою всю вселенную. Потомъ изъ пупка будды выходитъ пять львовъ, которые пожираютъ всѣ выпавшіе изъ устъ будды пàдмы и снова возвращаются въ пупокъ его. Вмѣстѣ съ возвращеніемъ львовъ въ будду и пяти-цвѣтное пламя скрывается въ тѣло будды, а самъ будда погружается въ созерцающаго черезъ верхушку его головы. Эта самади называется прыжкомъ львовъ. При этомъ тѣло созерцателя принимаетъ золотистый цвѣтъ и на пупкѣ его образуется круглое возвышеніе, — бѣлое и чистое, на подобіе небеснаго свѣтила. Около пупка и кругомъ поясницы своей созерцатель видитъ четырехъ буддъ, при чемъ отъ каждаго изъ нихъ исходитъ яркій солнечный свѣтъ, съ помощію котораго созерцатель видитъ всѣ предметы во вселенной. Когда будды исчезнутъ, на мѣстѣ ихъ остается бѣлое пламя, которое пересѣкаетъ созерцателя въ разныя стороны: то выйдетъ сзади, то покажется напереди, то проникнувши въ правый бокъ, выходитъ изъ лѣваго, то наоборотъ, скрывшись чрезъ лѣвый бокъ покажется въ правомъ. Послѣ всѣхъ этихъ явленій тѣло созерцателя дѣлается прозрачнымъ и чистымъ, и яркая бѣлизна, въ видѣ массы воды, совершенно потопляетъ его.

Есть еще другое созерцаніе будды, при посредствѣ котораго подвижникъ достигаетъ духовнаго безстрастія; оно называется созерцаніемъ будды въ смертномъ и духовномъ его тѣлѣ и состоитъ въ слѣдующемъ. Представивъ себѣ образъ будды такъ живо, какъ бы онъ находился предъ нимъ, созерцатель наставляетъ себя слѣдующими размышленіями. «Законъ старости, болѣзни, смерти и страданія въ перерожденіяхъ тяготѣетъ надъ человѣкомъ. Даже перерождаясь въ странѣ небожителей, человѣкъ и тамъ пристращается къ удовольствіямъ и не находитъ ничего такого, что управило бы его душу; когда же онъ низпадаетъ въ низшіе разряды перерожденій, — тамъ, среди мученій и страха, онъ даже и не въ состояніи помыслить ни о чемъ добромъ. Куда я ни обращу свой взоръ, повсюду встрѣчаю скоротечность, разрушеніе и смерть, которые, какъ лютые враги, постоянно нападаютъ на одушевленныхъ существъ и грозятъ имъ

страданіями перерожденій въ теченіе безчисленныхъ галабовъ. Позабочусь же я о спасеніи души своей и сохраню ее какъ кормилица мать хранитъ свое дитя». Послѣ этихъ размышленій созерцатель представляетъ себѣ будду облеченнаго смертнымъ тѣломъ и именно въ тѣ минуты земной его жизни, когда онъ являлъ людямъ свое величіе и свою мудрость, когда онъ, окруженный яркимъ свѣтомъ и украшенный 32-мя тѣлесными отличіями [1]), преподавалъ вѣрнымъ послѣдователямъ своимъ ученіе о средствахъ спасенія и объ истинахъ премудрости. Въ это время созерцатель чувствуетъ въ себѣ наслажденіе, глубоко проникающее въ его душу и нѣсколько похожее на то, когда въ жаркое время опустишься въ прохладную воду, или зимою погрузишься въ теплую.

Созерцаніе духовнаго тѣла будды есть размышленіе о нравственныхъ и разумныхъ совершенствахъ его. Созерцатель размышляетъ о безграничной любви и милосердіи будды, силою которыхъ онъ спасаетъ одушевленныхъ существъ отъ страданій, сопряженныхъ съ перерожденіями и доводитъ эти существа до блаженства Нирваны. Потомъ подвижникъ размышляетъ и о другихъ совершенствахъ будды. Если подвижникъ, по случаю внезапной

---

1) По ученію буддистовъ, будда имѣетъ у себя 32 тѣлесныхъ отличія, которыя состоятъ въ томъ, что: 1) *ладони и подошвы его обладаютъ изображеніемъ хӱрдэ* (колеса). Это отличіе будды является въ силу того, что будды вообще оказываютъ глубочайшее почтеніе при встрѣчѣ и провожаніи высшихъ лицъ, при сидѣніи во время слушанія священнаго писанія, при построеніи храмовъ, монастырей и субурга̂новъ. Это ([illegible]) служитъ отличительнымъ знакомъ того, ([illegible]) что будда будетъ имѣть весьма много приверженцевъ; 2) *ноги его совершенно прямы* для того, чтобы ступать на землю ровно; это есть выраженіе чрезвычайнаго прямодушія ([illegible]) и служитъ признакомъ неизмѣняемости, постоянства; 3) *пальцы у ногъ и рукъ сплошныя*, соединенныя перепонкой, какъ у гусей, — это служитъ признакомъ скораго образованія; 4) *ладони и подошвы нѣжны*, это является слѣдствіемъ ихъ обладанія вкусною пищей и питьемъ; 5) *ростъ очень высокій*, такъ какъ руки, ноги и шея очень длинны, — это также является слѣдствіемъ обладанія вкусною пищей; 6) *пальцы длинные* у буддъ потому, что они разрѣшили узы сансары, спасали жизнь, и отверглись отъ грѣха смертоубійства; 7) *пятки широки;* 8) *тѣло большое и прямое* какъ признакъ долговѣчности; 9) *колѣнная чашка*

кончины, не достигаетъ цѣли этихъ размышленій, то во всякомъ случаѣ онъ перерождается или въ человѣка, принадлежащаго къ благородному происхожденію, или же въ тѣхъ мірахъ, гдѣ преподаютъ свое ученіе воплощенные будды.

Противъ гнѣва и ненависти, послѣдняго изъ недостатковъ человѣческой природы, предлагается самади любви. Для этого подвижникъ представляетъ себѣ одушевленныя существа въ тяжкихъ мученіяхъ. У ногъ его является огненная пропасть, окруженная стѣною и наполненная грѣшниками. Всѣ они съ обезображенными тѣлами и изъ каждой поры ихъ тѣла вытекаетъ кровь: претерпѣвая неописанныя страданія, они издаютъ страшные вопли и стенанія. Еще далѣе подвижникъ представляетъ себѣ грѣшниковъ, бросающихся въ озеро, наполненное гноемъ и кровью, которое превращается въ потоки пламени и пожираетъ всѣ свои жертвы. При таковыхъ явленіяхъ созерцающій возбуждаетъ въ себѣ безстрашіе и, произнесши обѣтъ спасти страдальцевъ, извлекаетъ ихъ изъ этой бездны, — прикасается рукою къ стѣнамъ и они разрушаются. Въ слѣдующемъ пріемѣ созерцанія, при видѣ мучащихся людей, подвижникомъ до такой

не замѣтна ([illegible]), это признакъ того, что они будутъ имѣть неразрушимое ученіе; 10) *волосы на тѣлѣ подобны льну* ([illegible]). Въ Хай-би чжунаѣ иначе — «волосы на тѣлѣ по одиночкѣ подняты вверхъ» ([illegible]); 11) *бедра какъ у звѣря Эная;* 12) *руки, находясь по сторонамъ, достаютъ до колѣнъ.* (Въ Хайби-чжунаѣ: «руки ([illegible]) длинны и прекрасны); 13) *дѣтородный удъ скрытъ внутри;* 14) *кожа цвѣта золота;* 15) *кожа нѣжна и тонка;* 16) *волосы на головѣ поодиночкѣ завиты на правую сторону;* 17) *междубровіе украшено волосами* (въ Хайби-чжунаѣ [illegible]); 18) *грудь подобна львиной;* 19) *мышка круглая;* 20) *плеча широкія;* 21) *съ прекраснымъ обоняніемъ* (въ Хайби-чжунаѣ [illegible]); 22) *пропорціоналенъ въ объемѣ, какъ индійская смоковница;* 23) *чело съ волосами, убранными въ видѣ повязки;* 24) *языкъ широкій и тонкій* (въ Хайби-чжунаѣ [illegible] длинный); 25) *голосъ подобенъ звукамъ Эсру;* 26) *щеки подобны слоновымъ;* 27) *зубы чрезвычайно бѣлы;* 28) *зубы ровные* ([illegible]); 29) *зубы чрезвычайно частые;* 30) *зубовъ по числу сорокъ;* 31) *глаза подобны лазурику;* 32) *рѣсницы подобны слоновымъ.*

степени овладѣваетъ чувство состраданія къ нимъ, что вдругъ изъ глазъ его дождемъ текутъ слезы; онъ отираетъ ихъ и потушаетъ ими свирѣпый пламень. Пламя исчезаетъ и въ озерѣ остается только скопленіе гноя и крови. Силою того-же милосердія, подвижникъ испускаетъ изъ себя потоки воды, которые изгоняютъ изъ озера всю нечистоту и образуютъ озеро чистой и прозрачной воды. Тогда на этомъ озерѣ выростаетъ цвѣтокъ въ видѣ дерева. Увидавъ это дерево, спасенныя существа идутъ къ нему; но подвижникъ заставляетъ ихъ предварительно выпить воды изъ озера и омыться ею, а потомъ, взойдя на цвѣтокъ, возводитъ туда же и существа. Видя, что они томятся голодомъ, онъ накармливаетъ ихъ внезапно явившимися явствами и прекращаетъ ихъ томленіе голодомъ. Мало по малу цвѣтокъ принимаетъ бо́льшіе размѣры и поднимается вверхъ на нѣсколько ярусовъ. Подвижникъ вмѣстѣ съ существами всходитъ на второй ярусъ, гдѣ предлагаетъ имъ трапезу и поученіе о необходимости покаянія, — какъ главнаго условія въ дѣлѣ спасенія. Потомъ, также вмѣстѣ съ существами онъ восходитъ еще выше и здѣсь преподаетъ имъ ученіе о возмездіи за дѣла въ мірѣ существъ. За тѣмъ подвижникъ всходитъ на 4-й ярусъ цвѣтка и приглашаетъ туда всѣхъ, оставшихся внизу существъ. Здѣсь сердце подвижника исполняется радостью: онъ находитъ здѣсь дорогіе металлы и драгоцѣнные камни, одежды и всевозможныя яства, и все это предлагаетъ существамъ. На этомъ пиру небожители поютъ священные гимны и играютъ на инструментахъ. Насладившись этими удовольствіями, подвижникъ преподаетъ существамъ высшее ученіе. Наконецъ подвижникъ и опять таки вмѣстѣ съ существами всходитъ на самый высшій ярусъ цвѣтка и находитъ здѣсь великое множество самыхъ различныхъ сладкихъ и ароматичныхъ плодовъ, которые и предлагаетъ людямъ. Въ это время на цвѣткѣ внезапно является цвѣтистый жертвенникъ, на которомъ лежитъ свитокъ священной книги, называемой «книгою Премудрости» ([illegible]). Подвижникъ приказываетъ существамъ принести въ жертву этой священной книгѣ цвѣты и куренія, а чтобы достойно приготовить ихъ къ воспринятію вы-

сокаго ученія будды, предлагаетъ имъ очистить душу и тѣло посредствомъ созерцанія. Потомъ онъ излагаетъ имъ заключающееся въ книгѣ ученіе будды и продолжаетъ свои поученія до тѣхъ поръ, пока яркій и обильный свѣтъ не озаритъ цвѣтка и всѣхъ людей. Отъ вліянія этого свѣта существа приходятъ въ восторгъ и разлетаются въ разныя стороны, по направленію лучей свѣта. Изъ тѣла самого подвижника также выходитъ свѣтъ, который онъ расширяетъ и простираетъ во всѣ стороны. Въ слѣдъ за тѣмъ все исчезаетъ и кругомъ воцаряется одна пустота. Этимъ оканчивается самадѝ милосердія и здѣсь же заключается граница низшихъ созерцаній, соотвѣтствующихъ міру вожделѣній. Далѣе начинается лѣстница созерцаній, возводящая, по ученію буддизма, на высоту полнаго духовнаго совершенства. Созерцанія эти, какъ я сказалъ уже выше, имѣютъ особый характеръ: они состоятъ изъ однихъ умопредставленій и постепенно очищаютъ душу отъ всѣхъ формъ и условій существованія.

Равнымъ образомъ было сказано и то, что эти высшія созерцанія соотвѣтствуютъ двумъ высшимъ мірамъ буддійской космологіи, состоящимъ вмѣстѣ изъ восьми небесъ. Въ этомъ отношеніи самыя самадѝ, входящія въ составъ высшихъ созерцаній, представляютъ собою неразрывную систему, называемую «восьмью отрѣшеніями» (རྣམ་ཐར་བརྒྱད), «восьмью переходами» или наконецъ восьмью самопогруженіями. Названіе «переходовъ» характеризуетъ ихъ значеніе, потому что онѣ служатъ только ступенями въ лѣстницѣ общаго самоусовершенствованія, такъ что остановка на одной какой нибудь изъ ступеней этой лѣстницы доказываетъ ничто иное, какъ или ограниченную воспріемлемость, или недостоинство подвижника. Первыя четыре «отрѣшенія», или «перехода» соотвѣтствуютъ міру прославленныхъ формъ, въ которомъ, по экзотерическому ученію буддизма, перерождаются люди за обыкновенныя добродѣтели, — въ буддійской же мистикѣ онъ имѣетъ совсѣмъ другое значеніе. Послѣднія четыре ступени, соотвѣтствуютъ міру невещественному, о которомъ точное понятіе можно составить только по созерца-

тельной системѣ буддистовъ,—космографическія свѣденія о немъ очень темны.

Приступающій къ высшему созерцанію долженъ быть уже коротко знакомъ съ трудностями самопогруженія и опытенъ въ дѣлѣ созерцаній. Прежде всего онъ долженъ привести свой духъ, въ единичное состояніе и вкоренить въ себѣ убѣжденіе о нечистотѣ и непрочности чувственныхъ удовольствій, которыми наслаждаются люди. Съ этимъ убѣжденіемъ онъ погружается сначала въ самадй видѣнія нечистоты и бѣлыхъ человѣческихъ скелетовъ, для того чтобы съ одной стороны подкрѣпить свое презрѣніе къ чувственнымъ пожеланіямъ, а съ другой — приготовить себя къ принятію впечатлѣній отъ инаго міра. Онъ остается въ этой самадй до тѣхъ поръ, пока изъ костей собственнаго его скелета не брызнутъ лучи свѣта такого яркаго, что при пособіи его подвижникъ видитъ свое сердце — вмѣстилище мыслей, и пріобрѣтаетъ возможность созерцать измѣненія его такъ ясно, какъ ясно видна струйка воды въ стеклянной трубочкѣ. За тѣмъ онъ погружается въ блаженное бездѣйствіе всѣмъ своимъ существомъ и чувствуетъ невыразимое удовольствіе. Это составляетъ высшую созерцательную степень въ мірѣ чувственномъ. Люди съ высокою воспріемлемостью достигаютъ этого состоянія въ теченіе одной недѣли усиленныхъ занятій, другіе — недѣли въ три, а иные и цѣлую жизнь не могутъ достигнуть этой цѣли. Основнымъ препятствіемъ къ этому служатъ: нравственные недостатки, нераскаяніе въ грѣхахъ, превратныя убѣжденія ума и смертные грѣхи, хотя бы они были совершены и въ прежнихъ перерожденіяхъ. Но созерцатель долженъ всегда помнить, что достигнутая имъ степень высоты по отношенію къ дальнѣйшему совершенствованію есть только переходная ступень, а потому не долженъ въ безпечности засыпать на ней. Здѣсь особенно нужны размышленія о ничтожествѣ чувственныхъ наслажденій. Если въ подвижникѣ начнутъ обнаруживаться какія либо страсти, онъ долженъ заглушить ихъ въ самомъ ихъ началѣ приличными размышленіями. Дремота въ этомъ состояніи бываетъ особенно гибельна для подвижника. Чтобы удалить ее отъ себя онъ представляетъ

страшную силу царя смерти, готоваго поразить его роковымъ мечемъ; — или, если это бываетъ ночью, омываетъ лицо свое холодною водою, смотритъ на всѣ четыре стороны и возвращаетъ чистоту мыслей или созерцаніемъ звѣздъ, или размышленіемъ о буддѣ и его высокомъ ученіи. При подобныхъ пріемахъ и предосторожностяхъ, онъ совершенно отрѣшается наконецъ отъ условій чувственнаго міра и совершаетъ переходъ изъ него въ міръ лучезарныхъ формъ.

Вступленіе подвижника въ первое небо міра лучезарныхъ формъ обнаруживается тѣмъ, что тѣло его внезапно просвѣщается. Чистѣйшія стихіи міра лучезарныхъ формъ такъ проникаютъ все его существо, какъ обильная вода напаяетъ сухую землю, — оттого оно дѣлается легкимъ и гармоничнымъ. Этотъ внезапный переходъ производитъ въ душѣ созерцателя сильное потрясеніе. Онъ какъ будто пробуждается отъ глубокаго сна и чувствуетъ въ себѣ небывалое удовольствіе, похожее на то, какое чувствуетъ погружающійся во время знойнаго жара въ прохладную воду. Сначала это чувство смутно и неопредѣленно, потому что заглушается сильнымъ ощущеніемъ; но когда ощущеніе мало по малу утихнетъ, умъ созерцателя начинаетъ свое дѣйствіе. Онъ разсматриваетъ новую для него сферу, чуждую малѣйшей наклонности къ вожделѣніямъ и прославленную форму своего тѣла. Такъ сильный ударъ въ колоколъ производитъ сначала быстрый, но неровный звукъ, который потомъ мало по малу принимаетъ ровный и спокойный тонъ. Вслѣдствіе этого разсматриванія созерцающій чувствуетъ неописанное удовольствіе, которое еще болѣе возрастаетъ отъ сравненія настоящаго состоянія съ прежнимъ, отъ размышленій о буддѣ и отъ милосердія къ существамъ, связаннымъ еще узами чувственности. На этой степени созерцающій можетъ дѣлать опыты могущества самади и силою ея превращать все безпредѣльное пространство въ разные цвѣта, — синій, желтый, красный, бѣлый, или же въ землю — воду, огонь и вѣтеръ. Но главное, что происходитъ въ душѣ подвижника на этой степени, есть постоянное ощущеніе или воспріятіе впечатлѣній новаго міра и воззрѣніе или дѣйствіе ума, возбуж-

денное ощущеніемъ. Но эти душевныя движенія могутъ быть оковами для него, хотя бы предметъ ихъ былъ нравственно добрый, или безразличный. Когда душа приковывается къ ощущаемому ею удовольствію и отвѣчаетъ впечатлѣніямъ, то она остается на одномъ мѣстѣ и не въ состояніи перейти на высшую степень созерцанія. Въ этомъ отношеніи ощущеніе и воззрѣніе будутъ имѣть на созерцателя такое же дѣйствіе, какъ смѣшанные звуки на человѣка, которому хочется спать. Впослѣдствіи можетъ быть даже и то, что ощущеніе и воззрѣніе снова низведутъ его подъ условія міра вожделѣній, подобно тому какъ вѣтеръ сначала волнуетъ воду, а потомъ поднимаетъ со дна грязь и мутитъ ее. На основаніи этихъ-то размышленій подвижникъ прекращаетъ дѣятельность своего ума и ощущеніе и посредствомъ самопогруженія вступаетъ во второе небо міра лучезарныхъ формъ.

Первый признакъ вступленія на эту степень созерцанія есть глубокое спокойствіе души, какъ слѣдствіе отрѣшенія отъ ощущенія и воззрѣнія. Душа подвижника дѣлается здѣсь столь же чистою и какъ бы прозрачною, какъ вода въ спокойномъ и не подвижномъ состояніи, когда въ ней вполнѣ ясно отражаются небесныя свѣтила и горы. Это чистое спокойствіе души называется священнымъ безмолвіемъ, или внутреннею чистотою. Но по мѣрѣ того какъ подвижникъ подчиняется вліянію этой новой сферы, онъ начинаетъ чувствовать восхищеніе, далеко превосходящее удовольствіе первой степени. Это восхищеніе составляетъ отличительную черту второй степени созерцанія; но подобно ощущенію и воззрѣнію первой степени оно есть не больше и не меньше какъ переходное состояніе для созерцателя. Хотя оно есть чувство безпримѣсное и чистое, но созерцатель не долженъ прилѣпляться къ нему, потому что всякая привязанность есть уже недостатокъ и обыкновенно оканчивается скорбью, или страданіемъ. Восхищеніе на высшихъ степеняхъ созерцанія есть чувство грубое, поэтому подвижникъ спѣшитъ освободиться отъ этого чувства восхищенія и перейти на третье небо.

Сущность третьей степени созерцанія есть наслажденіе, но

не то наслажденіе, которое служитъ удѣломъ для первой и второй степени, а наслажденіе, если можно сказать, безъ удовольствія и безъ восхищенія. Отличительную особенность его составляетъ во 1-хъ то, что оно проникаетъ все существо подвижниковъ, а во 2-хъ его полнота, тогда какъ въ двухъ низшихъ степеняхъ оно не можетъ быть столь обильнымъ вслѣдствіе смутнаго чувства, проистекающаго въ первомъ случаѣ отъ ощущенія и воззрѣнія, а во второмъ—отъ порывистаго свойства восхищенія. Между тѣмъ и другимъ наслажденіемъ существуетъ такое же различіе, какъ между тѣмъ удовольствіемъ, какое ощущаетъ разгоряченный человѣкъ, омывая свое лицо холодною водою и тѣмъ какое чувствуетъ онъ, погружаясь въ жаркое время въ прохладную воду всѣмъ тѣломъ. Однакоже душа созерцателя въ этомъ состояніи наслажденія можетъ испытывать три неудобства, именно, можетъ или потерять свою энергію, или придти въ сильное движеніе, или наконецъ погрузиться въ мракъ и скорбь. Въ первомъ случаѣ подвижникъ усиленно оживляетъ свой умъ, во второмъ—укрощаетъ или останавливаетъ его, а въ послѣднемъ случаѣ возвращаетъ ему прежнее состояніе посредствомъ размышленія о глубокомъ и превосходномъ ученіи будды. Очевидно, что такъ какъ наслажденіе третьей степени слишкомъ высоко, то подвижникъ по необходимости напрягаетъ всѣ свои душевныя силы къ тому, чтобы сохранить его; но это-то самое и ввергаетъ его въ волненіе,—отчего наслажденіе дѣлается страданіемъ. Поэтому созерцатель отвергаетъ его какъ вещь временную, которую притомъ трудно сохранить и ищетъ успокоенія въ четвертомъ небѣ.

При вступленіи въ четвертую степень созерцанія, созерцающій искореняетъ въ себѣ чувство радости и печали, наслажденія и страданія и сохраняетъ душу свою въ совершенной простотѣ. Отсюда отличительный признакъ этой степени есть безстрастное состояніе души, которая не сожалѣетъ и даже не вспоминаетъ о наслажденіяхъ низшихъ степеней. Низшія степени созерцанія не только не могли сообщить душѣ этой простоты, но были для нея тѣмъ же, чѣмъ вѣтеръ для лампады, поставленной на открытомъ

мѣстѣ. Въ этомъ отношеніи четвертая степень есть истинное состояніе, а три первыя служатъ только ступенями къ ней, подобно тому какъ отлогости горы ведутъ на ея вершину. Буддисты называютъ эту степень мѣстомъ неподвижности, мѣстомъ невозмущаемаго самопогруженія, мѣстомъ успокоенія. На высотѣ этой таинственной области, на этой границѣ міра прославленныхъ формъ созерцатель уже господствуетъ надъ всѣми силами природы: онъ видитъ все, что происходитъ въ мірѣ; слышитъ всѣ рѣчи; знаетъ помышленія существъ; вспоминаетъ прежнія перерожденія и можетъ безпрепятственно обтекать вселенную; чувства его принимаютъ безпредѣльную полноту, такъ: когда онъ предается чувству любви, то обнимаетъ ею весь міръ, друзей и враговъ, ближнихъ и дальнихъ, простираетъ ее даже на всѣ движущіяся и летающія существа во вселенной до самыхъ, едва замѣтныхъ насѣкомыхъ; когда онъ предается чувству милосердія, то сострадаетъ всему міру и даже въ самыхъ наслажденіяхъ существъ видитъ однѣ только страданія; когда онъ, при размышленіи о превосходствѣ ученія будды, которое освобождаетъ людей отъ страданія и вводитъ ихъ въ мѣсто успокоенія, приходитъ въ восторгъ, то заставляетъ раздѣлять свою радость всѣ существа, обитающія во вселенной; наконецъ когда онъ, отрѣшившись отъ всякихъ чувствованій, погружается въ безстрастіе, то доводитъ его до отрицанія дѣйствительности явленій и признанія во всемъ одной пустоты. На этой же степени подвижникъ можетъ погружаться въ частныя самади̇, имѣющія цѣлью большую или меньшую благотворительность существамъ. Таковы: самади̇ крѣпости, самади̇ величія, самади̇ заклинаній, уничтожающая дѣйствіе яда и устраняющая физическія бѣдствія, какъ то, градъ, болѣзни и проч., самади̇, прогоняющая демоновъ, самади̇ дождевыхъ облаковъ во время засухи, самади̇ спасенія и храненія людей въ водныхъ путяхъ; самади̇ снабженія людей пищею и питьемъ въ пустынныхъ мѣстахъ, самади̇ доставленія людямъ богатства, самади̇ оживленія людей, лежащихъ въ обморокѣ, самади̇ воскрешенія, самади̇ возвращенія глухимъ слуха, слѣпымъ зрѣнія, нѣмымъ дара слова и др.

Но какъ ни высоко совершенство, достигаемое созерцателемъ на четвертой степени созерцанія, оно не составляетъ собою еще послѣдней грани, ибо за нимъ слѣдуетъ еще цѣлая область міра невещественнаго. Міръ этотъ, подобно міру лучезарныхъ формъ, состоитъ изъ четырехъ небесъ, а въ созерцаніи изъ четырехъ самади. Первое небо называется областью безпредѣльной пустоты, второе—областью безпредѣльнаго вѣденія, третье—областью небытія, и наконецъ четвертое—областью отрицанія мышленія и не мышленія.

Первая степень въ созерцаніи міра невещественнаго есть самади пустоты. Чтобы достигнуть ея, подвижникъ освобождается отъ формъ видимаго міра слѣдующими размышленіями. «Все, что имѣетъ форму,—временно, не самобытно, ничтожно и причиняетъ только страданія. Если подвергнуть анализу формы, то, раздѣливъ ихъ на составныя и тоже дѣлимыя части, мы не увидимъ въ результатѣ ровно ничего; поэтому и тѣло наше, какъ составленное изъ частей, не имѣетъ самостоятельнаго бытія. Возмемъ для примѣра одну часть человѣческаго тѣла, — именно органъ зрѣнія. Глазъ состоитъ изъ десяти элементовъ: четырехъ грубыхъ стихій—земли, воды, огня и вѣтра; четырехъ тонкихъ стихій — цвѣта, запаха, вкуса и осязанія тѣла и наконецъ изъ черныхъ и бѣлыхъ кружковъ. Если же раздѣлить глазъ на эти составныя части, то глаза, очевидно, не будетъ существовать. Чистый и непримѣтный свѣтъ, на которомъ основано отправленіе зрѣнія, есть также произведеніе четырехъ стихій и хотя онъ непримѣтенъ, но при столкновеніи съ предметами обнаруживается и раздѣляется. Притомъ мы называемъ глазомъ то, что можетъ видѣть предметы, но если нѣтъ предметовъ, то значитъ, нѣтъ и зрѣнія». Такимъ же образомъ уничтожаются и всѣ прочія части тѣла, потомъ всѣ матеріальныя формы и наконецъ всѣ существа,—все подвергается дѣленію и оказывается пустотою. Положивши такимъ образомъ на формы печать отверженія, созерцатель устремляетъ вниманіе на пустоту своего собственнаго тѣла, какъ то, ротъ, носъ, горло, глаза, уши, грудь и желудокъ съ твердымъ убѣжденіемъ въ томъ, что формы суть волненіе, а пу-

стота — спокойствіе. Когда душа его будетъ находить спокойствіе въ мысли о пустотѣ, то пустоты его собственнаго тѣла мало по малу начинаютъ расширяться до тѣхъ поръ, пока тѣло его вовсе не исчезнетъ. Затѣмъ подвижникъ приводитъ въ такое же состояніе и всѣ другія формы, такъ что все для него входитъ въ одну общую пустоту; все дѣйствіе его души направляется въ это время единственно къ пустотѣ; въ результатѣ душа его совершенно отторгается отъ представленія формъ и свободно рѣетъ по неизмѣримому и безпредѣльному пространству подобно птичкѣ, вырвавшейся изъ клѣтки, въ которую она заключена была до тѣхъ поръ. Это и есть самади пустоты, заключающая въ себѣ отвлеченную идею пространства.

Но созерцатель не останавливается на этой степени созерцанія, постигая, что пустота есть одно представленіе его, что она тоже подвержена условіямъ существованія, т. е. сначала была, а потомъ не будетъ, прежде не была, а потомъ является: слѣдовательно она не есть нѣчто вѣчное и неизмѣняемое. И такъ подвижникъ прекращаетъ свое отношеніе къ пустотѣ и стремится къ высшему самопогруженію. Онъ познаетъ, что пустота есть произведеніе его личной силы вѣденія и, полагая, что эта сила одна только и истинна, на ней одной и сосредоточиваетъ свои мысли. Въ это время его сила вѣденія мало по малу яснѣетъ и расширяется, подобно пламени лампады, или разливающейся водѣ и обнимаетъ собою прошедшее, настоящее и будущее — въ безпредѣльность и необъятность. Въ этомъ состоитъ самади безпредѣльнаго вѣденія; — въ ней заключается отвлеченная идея времени.

Но созерцающій познаетъ, что сила вѣденія, собственно говоря, есть призракъ, не имѣющій дѣйствительности; потому что, завися отъ постороннихъ предметовъ, она вмѣстѣ съ ними является и вмѣстѣ съ ними исчезаетъ,—такъ точно, какъ исчезаетъ обоняніе, когда нѣтъ запаха. И такъ, вожделѣнія суть обманъ, форма—обманъ, пустота—обманъ и сила вѣденія—обманъ. Все обманъ, слѣдовательно — не бытіе; въ не бытіи поэтому должно скрываться успокоеніе. Съ этою мыслью созерцатель погружает-

ся въ самади не бытія, т. е. состояніе внѣ условій пространства и времени. Однако же въ созерцателѣ все еще есть дѣйствіе души. Что-же такое это дѣйствіе? Убѣжденіе въ небытіи, противоположное убѣжденію въ бытіи, господствующему во всѣхъ низшихъ областяхъ. Убѣжденіе въ небытіи есть исключительный и слѣдовательно превратный взглядъ, за которымъ слѣдуетъ пристрастіе къ этому убѣжденію; за пристрастіемъ слѣдуетъ омраченіе ума, а далѣе перерожденія. По этому подвижникъ отвергаетъ область не бытія и возносится въ самую высшую во всѣхъ трехъ мірахъ — область, въ которой, по выраженію буддистовъ, нѣтъ ни мышленія, ни немышленія,—состояніе чисто отрицательное и заключающее въ себѣ идею разумнаго покоя. Но эта идея покоя такъ не опредѣленна по своему отрицательному свойству, что скорѣе можетъ быть переходною областью, или связью предшествующей области съ конечнымъ отрѣшеніемъ отъ міра. Очевидно, что буддисты, возведши созерцаніе въ высшій мечтательный міръ, дѣйствуютъ только путемъ абсолютнаго отрицанія, опасаясь употребить какое нибудь положительное выраженіе; такъ какъ всякое исключительное понятіе,—какъ положительное, такъ и отрицательное,—въ существѣ своемъ ложно. Эта высшая самади есть восьмая и послѣдняя степень высшаго созерцанія. Она стоитъ на границѣ уничтоженія или вѣчнаго покоя, называемаго нирваной.

Таковы различные отдѣлы созерцаній въ послѣдовательномъ ходѣ развитія созерцательной жизни отъ ея начала и до самаго конца. Я спрашивалъ у своего руководителя, уже ли же въ самомъ дѣлѣ есть у нихъ такіе даянчи, которые, окончивъ жизнь свою, прямо сдѣлаются нирваной? Онъ отвѣчалъ мнѣ, что знать душевное состояніе того или другаго созерцателя трудно, а потому и нельзя отвѣчать положительно на этотъ вопросъ; за всѣмъ тѣмъ едва ли возможно предположить, чтобы таковые созерцатели дѣйствительно были въ настоящее время. Чтобы путемъ созерцанія достигнуть нирваны, нужно пройти всѣ его отдѣлы, а это рѣшительно не возможно не только въ теченіе одной жизни, но даже и нѣсколькихъ галабовъ, ибо каждый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ цѣлые десятки различныхъ самади. Объяснить

мнѣ всѣ эти самадѝ онъ не могъ, но далъ списокъ ихъ названій, который я здѣсь и представляю:

1 [illegible]

2 [illegible]

3 [illegible]

4 [illegible]

5 [illegible]

6 [illegible]

7 [illegible]

8 [illegible]

9 [illegible]

10 [illegible]

11 [illegible]

12 [illegible]

13 [illegible]

14 [illegible]

15 [illegible]

16 [illegible]

17 [illegible]

18 [illegible]

19 [illegible]

20 [illegible]

21 [illegible]

22 [illegible]

23 [illegible]

24 [illegible]

25 [illegible]

26 [illegible]

27 [illegible]

28 [illegible]

29 [illegible]

30 [illegible]

31 [illegible]

32 [illegible]

33 [illegible]

34 [illegible]

35 [illegible]

36 [illegible]

37 [illegible]

---

38 [illegible]

39 [illegible]

40 [illegible]

41 [illegible]

42 [illegible]

43 [illegible]

44 [illegible]

45 [illegible]

46 [illegible]

47 [illegible]

48 [illegible]

49 [illegible]

50 [illegible]

51 [illegible]

52 [illegible]

53 [illegible]

54 [illegible]

55 [illegible]

56 [illegible]

57 [illegible]

58 [illegible]

59 [illegible]

60 [illegible]

61 [illegible]

62 [illegible]

63 [illegible]

---

64 [illegible]

65 [illegible]

66 [illegible]

67 [illegible]

68 [illegible]

69 [illegible]

70 [illegible]

71 [illegible]

72 [illegible]

73 [illegible]

74 [illegible]

75 [illegible]

76 [illegible]

77 [illegible]

78 [illegible]

79 [illegible]

80 [illegible]

81 [illegible]

82 [illegible]

83 [illegible]

84 [illegible]

85 [illegible]

86 [illegible]

87 [illegible]

88 [illegible]

89 [illegible]

---

90 [illegible]

91 [illegible]

92 [illegible]

93 [illegible]

94 [illegible]

95 [illegible]

96 [illegible]

97 [illegible]

98 [illegible]

99 [illegible]

100 [illegible]

101 [illegible]

102 [illegible]

103 [illegible]

104 [illegible]

105 [illegible]

106 [illegible]

107 [illegible]

108 [illegible]

109 [illegible]

110 [illegible]

111 [illegible]

112 [illegible]

113 [illegible]

114 [illegible]

115 [illegible]

116 [illegible]

IV.

Хубилганы.

Особый и самый высшій родъ духовенства составляютъ въ Халхѣ такъ называемые хубилга̀ны, т. е. перерожденцы какихъ либо, прославившихся своею благотворною дѣятельностью на пользу буддизма ламъ. Появленіе въ Халхѣ хубилга̀новъ относится къ самымъ первымъ временамъ возникновенія здѣсь буд-

дизма. Извѣстно, что еще до времени воплощенія въ Халхѣ Чжэбцзунъ-дамба-хутухты сюда явился изъ южной Монголіи Донкоръ-манцзушрійнъ гэгэнъ и дѣятельно заботился какъ о построеніи здѣсь храмовъ и монастырей, такъ и объ увеличеніи числа ламъ, проповѣдниковъ буддизма. По смерти его новый хубилганъ его снова привезенъ былъ въ Халху уже изъ Тибета и съ тѣхъ поръ перерожденцы Донкоръ-хутухты постоянно живутъ въ Монголіи до настоящаго времени. Точно такимъ же образомъ дѣлу распространенія буддизма въ Халхѣ содѣйствовали и цѣлые десятки другихъ, выходившихъ изъ Тибета и изъ южной Монголіи ламъ, а признательные монголы, по смерти таковыхъ ревнителей вѣры и проповѣдниковъ, всегда заботились о томъ, чтобы отыскать въ кого переродилась душа ихъ, призывали къ себѣ таковыхъ перерожденцевъ и оказывали имъ отличныя почести. Такова была первая и основная причина для образованія въ Халхѣ многочисленнаго класса ламъ-хубилгановъ. Впослѣдствіи этому увеличенію до нѣкоторой степени содѣйствовали и маньчжурскіе императоры, которые иногда отличали нѣкоторыхъ настоятелей монастырей и вообще духовныхъ лицъ, оказывавшихъ ту или другую услугу маньчжурскому дому. Отличіе, оказанное маньчжурскимъ императоромъ также точно производило свое обаяніе на монголовъ: отличенный становился въ глазахъ ихъ на высшую ступень іерархіи и, по смерти его, также точно отыскивались его перерожденцы. Примѣръ сказаннаго мы видимъ на хубилганахъ Чинъ-сузукту ламы, живущихъ въ аймакѣ Сайнъ-нояна. Время перваго появленія Чинъ-сузукту ламы въ Халхѣ относится къ 1756-му году и обстоятельства этого появленія были слѣдующія. Извѣстно, что 1756-й годъ былъ ознаменованъ для сѣверной и западной Монголіи возстаніемъ, произведеннымъ чжунгарскимъ княземъ Амурсаною. Чтобы успокоить умы возбужденныхъ Чжунгаръ, императоръ Цянь лунъ въ 9-й лунѣ 20-го года своего правленія издалъ высочайшій указъ, которымъ повелѣвалъ, чтобы халхаскій лама Ноянъ-цорчжи отправился въ кочевья Амурсаны для увѣщаній народа въ духѣ буддійской религіи и для чтенія священныхъ буддійскихъ

нòмовъ. Когда посланный прибылъ въ Чжунгарію, то Чулỳмъ баньчжỳръ, главный лама Амурсаны, не только не воспротивился этой проповѣди, но даже увѣщавалъ весь ȁймакъ Амурсаны слушать наставленія халхаскаго цорчжй. За таковую услугу императоръ пожаловалъ Чулỳмъ-баньчжỳру почетный халатъ, особою грамотою одобрилъ его усердіе и далъ ему титулъ «Чйнъ-сỳзỳктỳ-ном'ỳнъ хȁна», т. е. «истинно благоговѣйнаго царя священнаго ученія», вмѣстѣ съ отлитою на такое прозваніе золотою печатью. Отличенный такимъ образомъ лама съ тѣхъ поръ началъ перерождаться и въ настоящее время въ Халхѣ живетъ уже его пятое перерожденіе. Но еще болѣе увеличенію хубилгȁновъ въ Халхѣ способствовали сами халхаскіе ламы, для которыхъ пріобрѣтеніе въ свой монастырь хубилгȁна равносильно изысканію средствъ къ удвоенію и даже утроенію доходности монастыря, а слѣдовательно и къ обезпеченію его всегдашняго и безбѣднаго состоянія. Въ самомъ дѣлѣ, монастырь, имѣющій въ своихъ стѣнахъ хубилгȁна, привлекаетъ къ себѣ поклонниковъ и милостынедателей уже не однѣми своими хурульными святынями и службами, но и еще болѣе живущимъ въ немъ святителемъ: одни идутъ принять къ нему благословеніе, другіе просить его гаданій и предвѣщаній, третьи надѣются получить отъ него исцѣленіе и т. д. [1]). Стремясь поэтому имѣть побольше хубилгȁ-

1) Постепенное увеличеніе хубилгȁновъ и непосредственное содѣйствіе этому ламъ всего яснѣе выступаетъ въ разсмотрѣніи исторіи буддизма у одного изъ чжунгарскихъ поколѣній,—именно Дỳрбэтовъ. Извѣстно, что ойрȁты до тѣхъ поръ, пока всѣ поколѣнія ихъ нераздѣльно кочевали въ Чжунгаріи, никогда не имѣли у себя перерождающихся святителей, какъ не имѣютъ ихъ до настоящаго времени. Но вотъ въ періодъ маньчжуро-китайскихъ войнъ въ Чжунгаріи, поколѣніе Дỳрбэтовъ должно было отдѣлиться отъ союза и перекочевало въ Улȁнъ комъ, явившись такимъ образомъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Халхою. Нѣтъ сомнѣнія, что именно это сосѣдство Халхи и связь съ Халхасами роковымъ образомъ повліяли на развитіе буддизма среди Дỳрбэтовъ. Съ наступленіемъ нынѣшняго столѣтія у нихъ начало быстро возрастать ламство, построились новыя кумирни, наконецъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ они начали поговаривȁть и о хубилгȁнахъ. Снаряжено было спеціальное посольство къ Нарỳ-баньчэ̀нь хутухтѣ съ просьбою указать перерождающагося святителя, который покровительствовалъ бы вѣрѣ будды въ кочевьяхъ Дỳрбэ̀товъ. Разказываютъ, что Нарỳ-баньчэ̀нь хутухта, принявъ это посольство,

новъ, ламы подѣлали таковыхъ уже не изъ проповѣдниковъ буддизма и не изъ отличившихся на дѣятельности церковно-государственной, а изъ простыхъ и скромныхъ монастырскихъ ламъ. Являлся какой нибудь цорчжй, ширѣтў, шанцзотба, или наконецъ гэбкўй — умный, ученый, а иногда и просто добрый старичекъ, пользовался онъ всеобщею любовью и уваженіемъ и, по смерти его, ламы начинали отыскивать его хубилгана. Въ первомъ своемъ перерожденіи такой хубилганъ, конечно, пользуется сравнительно еще не большимъ уваженіемъ; но проходитъ два три поколѣнія хубилгановъ, имя ихъ предка украшается различными легендарными разказами, досужіе ламы возведутъ его исторію ко временамъ

отвѣчалъ ему, что для страны Дўрбэтовъ въ настоящее время еще нѣтъ ни гэгэна, ни хутухты, но что кумирни ихъ покровительствуются хубилганами Бѣлой и Зеленой Дара эхэ (Цаганъ-Дара эхэ и Ногōнъ-Дара эхэ) и что хубилганы этихъ небесныхъ дѣвъ давно уже возродились и проживаютъ-де въ такихъ то домахъ. Возвратившееся посольство отыскало двухъ, указанныхъ дѣвушекъ въ хошўнѣ дўрбэтскаго вана и съ тѣхъ поръ у Дўрбэтовъ впервые появились хубилганы Дара эхэ. Впрочемъ хубилганъ Ногōнъ-Дара-эхэ прожилъ едва только нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего объявленія и скончался. Тогда ламы отправили новое посольство къ Нарў-баньчэню и просили его указать новаго хубилгана, представляя при томъ особое ходатайство, чтобы этотъ новый хубилганъ былъ бы мужескаго пола, такъ какъ женскій хубилганъ не можетъ-де проживать въ монастырѣ, а потому и покровительствовать вѣрѣ, наставляя народъ и принося жертвы Буддѣ. Нарў-баньчэнь якобы объявилъ тогда: 1) что Дара эхэ можетъ возродиться мужчиной только хубилганомъ духа, ([illegible]) хубилганъ же тѣла ея ([illegible]) непремѣнно долженъ быть женщиной; 2) что этотъ послѣдній хубилганъ тѣла уже появился въ дѣвушкѣ, родившейся у одного изъ прислужниковъ дўрбэтскаго вана, по имени «Нōстў» и наконецъ 3) что искомый хубилганъ духа ([illegible]) Ногōнъ-Дара эхэ, могущій возродиться въ мужчину, еще не проявился. Съ этимъ посольство и возвратилось. Въ 1877 г., уже въ періодъ моего пребыванія въ Монголіи, дўрбэтскіе ламы отправляли еще третье посольство къ Нарў-баньчэнь хутухтѣ, прося его снова указать хубилгана духа Ногōнъ-Дара-эхэ и на этотъ разъ ихъ искательство увѣнчалось успѣхомъ. Когда въ 1879 году я посѣтилъ кочевья Дўрбэтскаго вана, то въ хўрѣ его уже проживалъ шестилѣтній хубилганъ духа Ногōнъ-дара эхэ, возродившійся мужчиной. Видѣть этого ребенка мнѣ не пришлось.

Что касается женскихъ хубилгановъ Дара-эхэ, то я видѣлъ только одного изъ нихъ, именно Цагāнъ-дара-эхэ. Первая моя встрѣча съ этой живой богиней была въ Улясутаѣ. Однажды, проходя по улицѣ, я былъ пораженъ громаднымъ стеченіемъ народа у одной китайской лавки. Освѣдомившись въ чемъ

болѣе отдаленнымъ, найдутъ, что въ прежнихъ своихъ перерожденіяхъ онъ былъ однимъ изъ приближеннѣйшихъ учениковъ Цзонхавы, а нѣтъ, — такъ заведутъ его еще дальше, — въ Индію и — репутація хубилгана готова. А на народъ даже одно слово хубилганъ производитъ достаточное обаяніе: хубилганъ, — слѣдовательно существо, отличное отъ обыкновенныхъ, — существо высшей природы и возможно ли не благоговѣть предъ такимъ святителемъ?

Такъ образовался въ Монголіи многочисленный классъ перерождающихся святителей. Въ обычныхъ разговорахъ съ ламами мнѣ пришлось узнать, что число ихъ въ настоящее время

дѣло, я узналъ, что въ эту лавку пожаловала Дара эхэ и что китаецъ пригласилъ ее въ гости. Такъ какъ китаецъ этотъ былъ моимъ хорошимъ знакомымъ, то я свободно прошелъ къ нему въ комнату. Дара эхэ сидѣла у него на почетномъ мѣстѣ кана, пила чай и закусывала кое-какими сластями. Это была женщина на видъ лѣтъ за 40, не высокаго роста и довольно полнаго тѣлосложенія; одѣта она была въ обыкновенный, дѣвичій халатъ, сдѣланный изъ синяго штофа, на головѣ имѣла обычную женскую шапку, только на тульѣ этой шапки было прикрѣплено металлическое изображеніе вачира Усѣвшись на кану, я спросилъ ее за чѣмъ она пріѣхала, гдѣ живетъ и т. д. Она отвѣчала, что кочевье ея собственно не подалеку отъ Цзабхана, но что тамъ она давно уже не была, такъ какъ переѣзжаетъ съ мѣста на мѣсто по приглашеніямъ, а сюда пріѣхала для покупки платья. Изъ разнаго рода другихъ вопросовъ для меня вполнѣ выяснилось, что Дара-эхэ была обыкновенная монголка, не получившая даже монгольскаго образованія: читать и писать она не умѣла и вообще въ своихъ знаніяхъ далеко уступала, напримѣръ, женамъ и дочерямъ халхаскихъ князей. Впрочемъ, въ разговорахъ ни одинъ изъ моихъ вопросовъ, обращенныхъ къ ней, не оставался безъ отвѣта и это благодаря тому, что особѣ Цаганъ-Дара-эхэ всегда сопутствуетъ одинъ лама гэлўнъ, который и выводитъ ее изъ затруднительныхъ обстоятельствъ своимъ вмѣшательствомъ въ рѣчь. Въ частности меня интересовалъ, напр., вопросъ, какимъ образомъ примиряютъ Дўрбэты существованіе своей Цаганъ Дара-эхэ съ тѣмъ, что, по повѣрью ихъ, Цаганъ-Дара-эхэ воплощается въ русскихъ императоровъ. Я обратился къ ней съ вопросомъ: бывала ли она въ Россіи? Но вмѣсто отвѣта она въ недоумѣніи посмотрѣла на своего ламу, который тотчасъ же объяснилъ мнѣ, что настоящая Цаганъ-Дара-эхэ есть тѣлесный хубилганъ ([illegible]) Дара эхэ, что она воплощалась въ Россіи въ своихъ прежнихъ перерожденіяхъ и оттого въ ту пору и царями на Руси были женщины; нынѣ же тѣлесный хубилганъ Цаганъ-Дара-эхэ воплощается въ кочевьяхъ Дўрбэтовъ, а въ Россіи воплощается хубилганъ духа ([illegible]) Цаганъ Дара-эхэ, оттого русскіе императоры стали мужчинами и по той же причинѣ

восходитъ въ Халхѣ до 118, а въ южной Монголіи ихъ насчитываютъ еще болѣе, хотя точныхъ и опредѣленныхъ свѣденій о томъ, какіе это хубилганы, какъ ихъ зовутъ и въ какихъ именно монастыряхъ живутъ они, пріобрѣсти мнѣ не удалось, какъ не удалось это и моимъ предшественникамъ. Проф. Васильевъ, во время своего десятилѣтняго пребыванія въ Пекинѣ, первый пріобрѣлъ для себя списокъ монгольскихъ хутухтъ и хубилгановъ; но этотъ списокъ, не смотря на довольно значительный объемъ его, является все таки далеко не полнымъ и при томъ относится главнымъ образомъ до хубилгановъ южной Монголіи, а для Халхи онъ едва указываетъ 31-го хубилгана, опуская даже такихъ замѣчательныхъ хутухтъ, какъ Чжэбцзунъ-дамба-ургинскій.

Нарў-баньчэнь-хутухту, указавшій Дўрбэтамъ хубилгана духа ([illegible]) Ногонъ-Дара-эхэ, не могъ указать имъ таковаго же хубилгана Цаганъ-Дара-эхэ.

Вторая моя встрѣча съ Цаганъ-Дара-эхэ была уже при возвращеніи моемъ въ Россію. Подъѣзжая къ перевалу Уланъ-даба въ горахъ Цаганъ шубуту, я увидалъ по дорогѣ совершенно необычайный аиль. Онъ состоялъ изъ шести юртъ и на двухъ изъ нихъ красовалось изображеніе ганчжира, ӧркӧ этихъ юртъ имѣло оторочку краснаго цвѣта, — словомъ было ясно, что это или кумирни, или жилище хубилгана. Освѣдомившись у проводника, я узналъ, что это кочевье Цаганъ-Дара эхэ и завернулъ къ своей знакомой. Вошедши въ юрту, я нашелъ въ ней Цаганъ-Дара-эхэ сидящею на своемъ орон'ѣ (кровати), а у дверей сидѣло человѣкъ шесть простолюдиновъ-дўрбэтовъ, пріѣхавшихъ къ ней на поклоненіе. Разговоры ихъ были самые обычные: Цаганъ-Дара-эхэ распрашивала каждаго о кочевьяхъ, о травѣ, о скотѣ, о знакомыхъ ей Дўрбэтахъ, о кое какихъ совершившихся новостяхъ и т. п. Каждый новоприбывшій дўрбэтъ, входя въ юрту, сначала молился на Цаганъ-Дара-эхэ, потомъ, согнувшись, подходилъ къ ней, при чемъ она возлагала на его голову «адисъ», т. е. благословеніе, подобно тому какъ это дѣлаютъ всѣ ламы. Въ тоже время поклонникъ подавалъ свой подарокъ богинѣ: одинъ несъ барана, другой кусокъ коровьяго масла, третій, наконецъ, пол-кирпича чаю. Поднесши подарокъ, онъ отходилъ къ сторонкѣ и садился: ему подавали чашку чаю и начинался обычный разговоръ. Такова, повидимому, ежедневная жизнь Цаганъ-Дара-эхэ въ степяхъ. Аиль ея, какъ я уже сказалъ, состоялъ изъ шести юртъ. Въ одной помѣщалась кумирня, въ другой жила сама Цаганъ-Дара-эхэ, въ третьей — сопутствующій ей гэлўнъ, въ четвертой — три хуварака, состоящіе при кумирнѣ, пятая и шестая были заняты прислугой. Въ кумирнѣ Цаганъ-Дара-эхэ богослуженія отправляются только по просьбѣ. Сама Цаганъ-Дара-эхэ номовъ не читаетъ, но присутствуетъ при отправленіи хурала, сидя на особомъ сѣдалищѣ, состоящемъ изъ пяти олбоковъ и установленномъ на ряду съ бурханами, по лѣвую сторону ихъ.

Этотъ недостатокъ думалъ было пополнить я и сдѣлалъ для себя соотвѣтствующую выписку изъ ямуня ургинскаго Шанцзотбы; но списокъ шанцзотбинскаго ямуня, во многомъ дополняющій списокъ проф. Васильева и замѣчательный еще тѣмъ, что въ немъ помѣщаются цѣликомъ всѣ титулы, которые носитъ тотъ или другой хубилганъ, тѣмъ не менѣе является опять таки недостаточнымъ въ количественномъ отпошеніи: точнѣе сказать, въ шанцзотбинскомъ ямунѣ находится списокъ только тѣхъ халхаскихъ хутухтъ, которые имѣютъ у себя шабинаровъ, о другихъ же мы не находимъ въ немъ никакихъ извѣстій. Въ видахъ однако того обстоятельства, что не только въ Россіи, но и въ Европѣ до нынѣ не имѣется ровно ни какихъ свѣдѣній о количествѣ хутухтинскихъ каѳедръ въ Монголіи, я почитаю не безполезнымъ представить здѣсь эти два списка.

1) Чахарскій Йогацзари тойнъ хутухту Цзамьянъ-дорчжійнъ хубилганъ Норбо ринчинъ. — 16-ти лѣтъ [1]).
2) Чахарскій . . . . . цорчжи Дава-цзайсани хубилганъ Улцзэй-токтоголъ. — 10 лѣтъ.
3) Чахарскій Эрдэни-мэргэнъ-цорчжійнъ хубилганъ Цзамбалъ-цэрэнъ-нойробъ. — Умеръ.
4) Чахарскій Рачжамба Лубсанъ-дамбайнъ хубилганъ Нима.—
5) Халхаскій Эрдэни Илагухсанъ хутухту Лубсанъ-балданъ-чжигмэтъ. — 30 лѣтъ.
6) Халхаскій Йогацзари - ачиту - эрдэни - мэргэнъ - ханбо - лама Лубсанъ-даньцзинь-намчжилъ. — 49 лѣтъ.

1) Послѣднее имя обозначаетъ имя хубилгана, жившаго въ періодъ составленія списка. Къ этому, какъ видно, прибавлены еще нѣкоторыя замѣчанія о хутухтахъ и, между прочимъ, показаны лѣта ихъ отъ рожденія. Послѣднее обстоятельство является очень важнымъ. За послѣднее время намъ часто не только въ разговорахъ, но и въ печати приходилось встрѣчаться съ мнѣніемъ, что ламы сами убиваютъ своихъ хутухтъ; что, по вѣрованіямъ монголовъ, хутухты должны быть вѣчно юными, а потому и непремѣнно должны умирать по достиженіи 20 лѣтъ. Въ своемъ сочиненіи «Ургинскіе хутухты» мы уже опровергли разъ это мнѣніе; теперь настоящій списокъ хутухтъ еще яснѣе показываетъ его несостоятельность. Очевидно, что хутухты живутъ обычною жизнью и многіе изъ нихъ доживаютъ до лѣтъ весьма преклонныхъ.

7) Халхаскій Ачиту̀-йога̀цзари-дарха̀нъ-хутухту̀йнъ хубилга̀нъ Нава̀нъ-даньцзѝнь. — 10-е перерожденіе. — 15 лѣтъ.

8) Халхаскій Эрдэнѝ-бандѝда хутухту̀ Лубса̀нъ-цэва̀нъ-чжэбцу̀къ. — Умеръ.

9) Халхаскій Цзая̀-бандѝда хутухту̀ Лубса̀нъ-чжигмэтъ-намчжѝлъ. — 46 лѣтъ.

10) Халхаскій Нару̀-баньчэ̀нь-хутухту̀ Тукчжѝ чжа̀бъ.—32 лѣтъ.

11) Халхаскій Эрдэнѝ - мэргэ̀нъ - ноя̀нъ хутухту̀ Цэрэ̀нь - ванцу̀къ. — 40 лѣтъ.

12) Халхаскій Ному̀нъ-ха̀нъ- Бадма̀-дорчжѝ. — 20 лѣтъ.

13) Халхаскій . . . . . . хутухту̀йнъ хубилга̀нъ Банда̀нъ-чо̀ймпулъ. — 18 лѣтъ.

14) Халхаскій Эркэ̀-цорчжі̀йнъ хубилга̀нъ Дамцу̀й-яримпѝлъ.— 65 лѣтъ.

15) Халхаскій Дарпа̀-бандѝдайнъ хубилга̀нъ Лубса̀нъ тубда̀нъванцу̀къ. — 41 года.

16) Халхаскій Шабру̀нъ ламайнъ хубилга̀нъ Шакчжѝ-ба̀лъ. — 50 лѣтъ.

17) Халхаскій Эрдэнѝ - номчѝ - цорчжі̀йнъ хубилга̀нъ Лубса̀нъду̀нга̀-оцзэ̀ръ. — 25 лѣтъ.

18) Халхаскій Цзая̀ - бандѝда хутухту̀йнъ шанцзотба̀ - цзаса̀къ лама̀ Дарма̀. — 59 лѣтъ.

19) Халхаскій Эрдэнѝ-бандѝдайнъ хубилга̀нъ Лу̀бса̀нъ-балда̀нъчо̀ймпулъ. — 10 лѣтъ.

20) Халхаскій Мэргэ̀нъ бандѝдайнъ хубилга̀нъ Цэбэ̀лъ-ванцу̀къдорчжѝ. — 14 лѣтъ.

21) Халхаскій Цзала̀ханцзэ хутухту̀ Лубса̀нъ-бальцзу̀ръ-лунду̀бъ. — Умеръ.

22) Халхаскій Илагу̀хсанъ хутухту̀ Лубса̀нъ - самду̀бъ. — 30 лѣтъ.

23) Халхаскій Ному̀нъ-ха̀нъ Ишѝ-даньцзѝнь. — 45 лѣтъ.

24) Халхаскій Илагу̀хсанъ хутухту̀ Лубса̀нъ самду̀бійнъ шанцзотба̀-цзаса̀къ лама̀ Лубса̀нъ дондо̀бъ. — 56 лѣтъ.

25) Халхаскій Цзалаханцзэ̀ хутухту̀ Лубса̀нъ-бальцзу̀ръ-лундубійнъ шанцзотба̀ Лубса̀нъ-цзамья̀нъ. — 64-хъ лѣтъ.

26) Халхаскій Мэргэнъ-пандида-хутухту Наванъ-лубсанъ-цзамьянъ. — 11 лѣтъ.

27) Халхаскій Да-лама Цэрэнъ-дорчжи. — 47 лѣтъ.

28) Халхаскій Да лама Наванъ-чжалцанъ. — Умеръ.

29) Ургинскій Ачиту-номунъ-ханъ, Донкоръ-хутухту Лубсанъ-чжигмэтъ-цулдамъ. — 14-е перерожденіе. — 23-хъ лѣтъ.

30) Ургинскій Илагухсанъ-хутухту хамбо-номунъ-ханъ Цзамбалъ-дорчжійнъ-хубилганъ Ринчинъ-чжабъ. — 56 лѣтъ. — 8-е перерожденіе.

31) Ургинскій Эрдэни-мэргэнъ пандида, номунъ-ханъ Сандубъ-дорчжи. — Умеръ.

32) Ургинскій Мэргэнъ-хамбо-номунъ-ханъ Чжанцубъ-дорчжійнъ хубилганъ Лубсанъ-цул-цулдамъ-чжигмэтъ. — 11-е перерожденіе. — 39-ти лѣтъ.

33) Ургинскій Эрдэни-мэргэнъ-пандида-номунъ-ханъ Лубсанъ-пиранлай-дандарыйнъ хубилганъ Дорчжи. — 27 лѣтъ. — 9-е перерожденіе.

34) Ургинскій Лама Бамбарыйнъ хубилганъ Лубсанъ-дондобъ.— 5-е перерожденіе. — 32-хъ лѣтъ.

35) Ургинскій Лама Лубсанъ-гэлэгыйнъ хубилганъ Чжигмэтъ дорчжи. — 60 лѣтъ.

36) Алашань'скій Добцзанъ-хутухту Иши-даньцзинь. — Боленъ.

37) Алашаньскій Дакбо-хутухту Иши-цуйлдамъ-дарма-чжамсо. — 26 лѣтъ. — Прибылъ въ Пекинъ.

38) Сунитскій Ганчжурпа-эрдэни-ханбо лама Номунъ сангыйнъ хубилганъ Сададабадари. — 12 лѣтъ.

39) Сунитскій Эрдэни-гуюшири мэргэнъ-хамбо Наванъ-чжамцани хубилганъ Дондобъ. — 31-го года.

40) Учжумуциньскій Мэргэнъ-гуюшири Лубсанъ-ширабъ-нимайнъ-хубилганъ Санцзай-дорчжи. — Умеръ на 21-мъ году отъ рожденія.

41) Учжумуцинскій Да-лама, гуюшири-цорчжи Наванъ-дамба-дорчжійнъ хубилганъ Иши-дампилъ. — Умеръ на 28-мъ году отъ рожденія.

42) Учжумуциньскій Да лама-эрдэни-бандида-мэргэнъ-ханбо

Навȁнъ-дамба́-пиранлȁй-рабчжȁйнъ хубилгȁнъ Урчжинъ-чжȁбъ. — 26 лѣтъ; уѣхалъ въ Тибетъ и не возвращался.

43) Учжумуциньскій Ламȁ Моломъ-рȁчжамба Галсȁнъ-тубдȁни хубилгȁнъ Дамаринъ. — 18 лѣтъ.

44) Абагȁскій Байнъ-шабрȍнъ Навȁнъ-даньцзинь-чжамсȍйнъ хубилгȁнъ Ринчинъ-даши. — 14 лѣтъ отправился въ Тибетъ и не возвращался.

45) Абагȁскій Гуюшири Лубсȁнъ-Гилцагыйнъ хубилгȁнъ Навȁнъ-тубдȁнъ. — 21-го года.

46) Абагȁскій Навȁнъ-лубсȁнъ-пиранлȁйнъ-хубилгȁнъ Намгȁйнорбȍ. — 27-ми лѣтъ.

47) Абагȁскій Дȁ-ламȁ Лубсȁнъ-дамбȁ-рабцзȁй. — 40 лѣтъ.

48) Абагȁскій Дȁ-ламȁ Навȁнъ-отсэръ. — 60 лѣтъ.

49) Абагȁскій Цзанлȕнъ-бандида-ламȁ Навȁнъ-даньцзинь-чжамцȍ.

50) Абаганȁр'скій Эрдэни-мэргэни хубилгȁнъ Лубсȁнъ. — 12-ти лѣтъ.

51) Абаганȁрскій Ламȁ Лубсȁнъ-даньцзинь-чжамсȍйнъ хубилгȁнъ Марайсȁнъ. — 14-ти лѣтъ.

52) Абаганȁрскій Дȁ-ламȁ Иши-чжȁмба-балсанбȕ. — 75 лѣтъ.

53) Абаганȁрскій Да ламȁ Иши-чжамцȁнъ. — 75 лѣтъ.

54) Хȕчитскій Биликтȕ-ном'ȕнъ хȁни хубилгȁнъ Лубсȁнъ. — 31-го года.

55) Цзу-удȁскій Ламȁ-эрдэни-мэргэнъ-хамбȍйнъ хубилгȁнъ Навȁнъ-нирȁкъ-даньцзинь-чжамсȍ. — 26-ти лѣтъ.

56) Хȕхэ-хотȍскій Ширэтȕ-хутухтȕ.

57) Хȕхэ-хотȍскій хубилгȁнъ Санцзȁй-нимȁ. — Еще не принялъ перерожденія.

58) Хȕхэ-хотȍскій Нэйчжи-тȍйнъ хутухтȕ. — Въ 27 г. правленія отправился въ Тибетъ и еще не возвращался.

59) Хȕхэ-хотȍскій Цзасȁкъ ламȁ Галсȁнъ-иши-донрȍбъ.

60) Хȕхэ-хотȍскій Дȁ-ламȁ Янчирчийнъ хубилгȁнъ Махȁ-бирдȁшири.

61) Хȕхэ-хотȍскій Цзая-пандида-хутухтȕйнъ-хубилгȁнъ.

62) Хўхэ̀-хото̀скій Чойгэга̀бъ-дая̀нчи-хутухту̀йнъ хубилга̀нъ.— Еще не достигъ совершеннолѣтія.

63) Хўхэ̀-хото̀скій Омбо̀-чжамса̀ни хубилга̀нъ. — Еще не возродился.

64) Хўхэ̀-хото̀скій Цзаса̀къ лама̀ Донро̀бъ-балда̀нъ. — Умеръ.

65) Хўхэ̀-хото̀скій Цзаса̀къ-да̀-лама̀ Цага̄нъ-дая̀нчи хутухту̀.

66) Хўхэ̀-хото̀скій Ра̀чжамба-дарха̀нъ-цорчжи̇ хутухту̀.

67) Хўхэ̀-хото̀скій Нѣнъ-нѣнъ хутухту̀йнъ хубилга̀нъ.

68) Хўхэ̀-хото̀скій Эрдэни̇ дая̀нчи хутухту̀. — Умеръ.

69) Хўхэ̀-хото̀скій Чаха̀ръ-дая̀нчи хутухту̀йнъ хубилга̀нъ.

70) Хўхэ̀-хото̀скій Цзаса̀къ-лама̀ Содна̀мъ-даньцзи̇нь.

71) Хўхэ̀-хото̀скій Да̀-лама̀ Лубса̀нъ-дамбара̀нъ.

72) Хўрэ̀-хото̀скій Да̀-лама̀ Гунга̀-дава̀.

73) Хўхэ̀-хото̀скій Да̀-лама̀ Иши̇ соно̀мъ.

74) Хўхэ̀-хото̀скій Да̀-лама̀ Лубса̀нъ-гилца̀къ.

75) Хўхэ̀-хото̀скій Да̀-ла̀ма Ракба̀-балда̀нъ.

76) Хўхэ̀-хото̀скій Цзаса̀къ-лама̀ Йондо̀нъ.

77) Хўхэ̀-хото̀скій Да̀-ла̀ма Шара̀бъ-дорчжи̇.

78) Хўхэ̀-хото̀скій Цзаса̀къ-лама̀ Дэмчу̀й-бальчжу̀ръ.

79) Хўхэ̀-хото̀скій Да̀-лама̀ Чжамса̀нъ-нима̀.

80) Хўхэ̀-хото̀скій Да̀-лама̀ Иши̇-дамба̀.

81) Хўхэ̀-хото̀скій Да̀-лама̀ Гунцу̀къ-чжамсо̀.

82) Хўхэ̀-хото̀скій Да-лама̀ Рабчжа̀й.

83) Хўхэ̀-хото̀скій Да̀-лама̀ Лубса̀нъ-дондо̀къ.

84) Хўхэ̀-хото̀скій Да̀-лама̀ Гунга̀-дэлэ̀къ.

85) Хўхэ̀-хото̀скій Да̀-лама̀ Сагичжа̀бъ.

86) Хўхэ̀-хото̀скій Цзаса̀къ лама̀ Лубса̀нъ-самда̀нъ.

87) Хўхэ̀-хото̀скій Да-лама̀ Лубса̀нъ-балда̀нъ.

88) Хўхэ̀-хото̀скій Да̀-лама̀ Ринчи̇нъ-чжамсо̀.

89) Хўхэ̀-хото̀скій Да̀-лама̀ Чжигмэ̀тъ-самда̀нъ.

90) Хўхэ̀-хото̀скій Да̀-лама̀ Намга̀й-балда̀нъ.

91) Хўхэ̀-хото̀скій Да̀-лама̀ Улцзэ̀й.

92) Чжэри̇мскій Ноя̀нъ-хутухту̀ Иши̇-чжалца̀нъ. — Въ 24 г. правленія Цзя-цина (1820 г.) заболѣлъ и умеръ.

93) Чжэри̇мскій Бакши̇ лама̀ Мичжи̇тъ-дорчжи̇.—38 лѣтъ.

94) Чжэримскій Цзасакъ-да-лама Наванъ-ракба.—67 лѣтъ.
95) Чжэримскій Да-лама Гампилъ.—65 лѣтъ.
96) Чжэримскій Да-лама Санцзай.
97) Чжэримскій Да-лама Дамба-чжалсанъ.—42-хъ лѣтъ.
98) Чжэримскій Да-лама Чой-чжамсо.—70-ти лѣтъ.
99) Хорлосскій Шабруни хубилганъ Мани-чжабъ.—47 лѣтъ.
100) Хорлосскій Да-лама Аминдава.—41 годъ.
101) Хорлосскій Да-лама, тойнъ Улцзэй-даму-рарга-бабай.—60 лѣтъ.
102) Хорлосскій Да-лама, тойнъ Санчжи-чжабъ.—61-го года.
103) Хорлосскій Да-лама Иши-ракба.—40 лѣтъ.
104) Хорлосскій Да-лама Лубсанъ-дамцукъ.—80 лѣтъ.
105) Хорлосскій Да-лама Санрэнъ-дорчжи.—85 лѣтъ.
106) Хорлосскій Да-лама Отсэръ.—95 лѣтъ.
107) Хорлосскій Да-лама Лоцой.—88 лѣтъ.
108) Хорлосскій Да-лама Чойракъ.—80 лѣтъ.
109) Хорлосскій Да-лама Бацзая.—78 лѣтъ.
110) Хорлосскій Да-лама Чойракъ.—74 лѣтъ.
111) Хорлосскій Да-лама Дэлэкъ.—67 лѣтъ.
112) Хорлосскій Да-лама Лубсанъ-моломъ.—57 лѣтъ.
113) Хорлосскій Да-лама Яши-цукданъ.—52 лѣтъ.
114) Хорлосскій Да-лама Буни-яранцзанъ.—46 лѣтъ.
115) Хорлосскій Да-лама Чой-отсэръ.—25 лѣтъ.
116) Хорлосскій Да-лама Наванъ-линданъ.—40 лѣтъ.
117) Хорлосскій Да-лама Дансай нима.—48 лѣтъ.
118) Хорлосскій Да-лама Сулчжимъ.—61-го года.
119) Хорлосскій Да-лама Чакдаръ-урчинъ.—50 лѣтъ.
120) Хорлосскій Да-лама Ламгу.—64-хъ лѣтъ.
121) Хорлосскій Да-лама Гомбо-ринчинъ.—48 лѣтъ.
122) Хорлосскій Да-лама Лубсанъ-раши.—50 лѣтъ.
123) Хорлосскій Да-лама Тулцзанъ-балданъ-самбо.—42-хъ лѣтъ.
124) Хорлосскій Да-лама Пирлай.—27 лѣтъ.
125) Хорлосскій Да-лама Наванъ Галсанъ.—35 лѣтъ.
126) Хорлосскій Да-лама Улцзэй-бадаръ.—31-го года.
127) Хорлосскій Да-лама Галсанъ-ширабъ.—63 лѣтъ.

128) Хорлосскій Да-лама Наванъ-даньцзинь. — 62-хъ лѣтъ. — Боленъ.
129) Хорлосскій Да-лама Ашука.
130) Чжалаитскій Да-лама Лэкчитъ. — 65 лѣтъ.
131) Чжалаитскій Да-лама Баньчжабъ. — 72-хъ лѣтъ.
132) Чжалаитскій Да-лама Товаци.—59 лѣтъ.
133) Чжалаитскій Да-лама Баньди.—62-хъ лѣтъ.
134) Чжалаитскій Да-лама Сампилъ.—82-го года.
135) Чжалаитскій Да-лама Чжабъ.—43-хъ лѣтъ.
136) Чжалаитскій Да-лама Чой-ринчинъ.—70 лѣтъ.
137) Чжалаитскій Да-лама Санцзай-ринчинъ.—65 лѣтъ.
138) Чжалаитскій Да-лама Чуань. — 62-хъ лѣтъ.
139) Чжалаитскій Да-лама Хуваргунь.—41-го года.
140) Чжалаитскій Да-лама Энкэ. — Умеръ.
141) Дурбэтскій Да-лама Баянъ-дурангъ.—46 лѣтъ.
142) Дурбэтскій Да-лама Раши. — 61 года.
143) Дурбэтскій Да-лама Номунъ-дэлгэръ.—46 лѣтъ.
144) Дурбэтскій Да-лама Баянъ-кэшикъ.—72-хъ лѣтъ.

По списку шанцзотбинскаго ямуня въ числѣ халхаскихъ хутухтъ значатся:

1) Шашини мандагулху, амитани чжиргагулухчи Чжэбцзунъ-дамба-хутухтуйнъ хубилганъ.
2) Ачиту, номунъ-ханъ Донкоръ-хутухтуйнъ хубилганъ.
3) Илагухсанъ хутухту, хамбо, номунъ-ханъ Цзамбалъ-дорчжiйнъ хубилганъ.
4) Эрдэни-мэргэнъ-хутухту Лубсанъ-гэлэг'унъ хубилганъ.
5) Эрдэни-мэргэнъ-пандида, номунъ-ханъ Цэванъ-дорчжинъ хубилганъ.
6) Мэргэнъ - ханбо, номунъ - ханъ Чжанцзубъ-дорчжiйнъ хубилганъ.
7) Эрдэни-мэргэнъ-пандида, цорчжи-хамбо-номунъ-ханъ Лубсанъ пиранълай-дандар'унъ хубилганъ.
8) Бамбарунъ хубилганъ.
9) Шачжини тодорагулухчи эрдэни Цзая-пандида хутухтуинъ

хубилганъ. (Въ просторѣчіи онъ называется просто Цзая пандида, или Цзаяйнъ гэгэнъ. Кочевья и монастырь его располагаются въ Сайнъ-нойновскомъ аймакѣ и хубилганъ его долженъ быть отличаемъ отъ хухэхотоскаго хубилгана, помѣченнаго въ первомъ спискѣ подъ № 61-мъ.

10) Эрдэни-пандида-хутухту, хамбо, номунъ-ханъ. (Въ просторѣчіи извѣстный подъ именемъ Лама ном'унъ ханъ. Кочевья его располагаются въ Сэцэнъ хановскомъ аймакѣ.

11) Чинъ-сузукту номунъ-ханъ, эрдэни-хамбо хутухту. (Въ просторѣчіи называется Чинъ-суцзукту лама).

12) Эрдэни-мэргэнъ-пандида-цэцэнъ-ном'унъ-ханъ. (Въ просторѣчіи Эрдэни хамбо хутухту).

13) Номчи-мэргэнъ-ханбо-эрдэни-пандида Цзалаханца хутухту.

14) Союл'и бадарагулухчи сумэйнъ Ханбо Нару-банчэнь хутухту. (Въ просторѣчіи извѣстный подъ именемъ Нару-баньчэнь гэгэна.

15) Эрдэни илагухсанъ хутухтуйнъ хубилганъ. (Въ просторѣчіи называется Хла-бэйсэйнъ илагухсанъ).

16) Йогацзари-ачиту-эрдэни-мэргэнъ-сэцэнъ-хамбойнъ хубилганъ.

17) Цзарликъ-йэръ йэхэ ухагату цоло шанънахсанъ цорчжи-хутухту-эрдэни-хамбо-эрхэ-сэцэнъ тойнъ (въ просторѣчіи извѣстный подъ именемъ «мэргэнъ вангыйнъ тойнъ-хамбо». Монастырь и кочевья его располагаются въ хошунѣ Мэргэнъ вана Тушѣту хановскаго аймака.

18) Хамбо-илагухсанъ, сайнъ иругэлту-ширѣту-номчи-номунъ-ханъ (въ просторѣчіи извѣстенъ подъ именемъ Хабчикъ хубилганъ).

19) Хубилганъ-цорчжи-номчи-эрдэни-биширэлту. (Въ просторѣчіи называется Нойнъ лама и жительствуетъ въ монастырѣ Пунсукъ-дорчжи-линъ неподалеку отъ Барунъ-хурѣ).

20) Эрдэни-илагухсанъ-ширѣту-биликту-габчжу-хубилганъ. (Въ просторѣчіи называется «Шабіийнъ галцзанъ-ширѣту»).

21) Шачжини тодорагулухчи, сайнъ иругэлту, номчи, мэргэнъ хамбо-сэцэнъ-ширѣту Дарва-пандида хутухтуйнъ хубилганъ.

22) Хубилгàнъ галцзàнъ-ширѣтỳ. (Въ просторѣчіи — Хатагин'и галцзàнъ ширѣтỳ).

23) Шачжѝни тодорагỳлухчи, эрдэ̀ни-мэргэнъ-ноя̀нъ-хутухтỳ. (Въ просторѣчіи называется «Сàйнъ-нойнъ дỳгъ̀йинъ хубилгàнъ», т. е. хубилгàнъ младшаго брата Сàйнъ-ноя̀на. Кочевья его располагаются въ Сàйнъ ноя̀новскомъ àймакѣ.

24) Тòйнъ-хамбò хубилгàнъ улэмчжѝ сàйнъ-номчѝ-мэргэ̀нъ.

25) Тòйнъ-хамбò хубилгàнъ ỳлэмчжѝ сàйнъ номчѝ мэргэ̀нъ. (Для отличія отъ перваго называется еще Хлà-бэ̀йсэйнъ тòйнъ, подъ каковымъ именемъ и извѣстенъ онъ въ просторѣчіи. Къ канцеляріяхъ эти хутухты различаются между собою только по хошỳнамъ.

26) Цорчжѝ-хубилгàнъ Дамбà-юнъ-нàй.

27) Шачжѝни тодорагỳлухчи эрдэнѝ-мэргэ̀нъ-ноя̀нъ-хутухтỳ. (Для отличія отъ соименнаго ему хубилгàна младшаго брàта Сàйнъ ноя̀на онъ называется Гобіѝнъ-ноя̀нъ-хутухтỳ. Монастырь и кочевья его располагаются въ Мэргэнъ-вàновскомъ хошỳнѣ.

28) Эрдэнѝ-мэргэ̀нъ-ширѣтỳ (въ просторѣчіи — Хлà бэ̀йсэйнъ ширѣтỳ).

29) Хубилгàнъ-дархàнъ-цорчжѝ Лубсàнъ-дамбà-чжалцангъ̀йинъ хубилгàнъ.

30) Илагỳхсанъ-хутухтỳ, ноя̀нъ-номỳнъ-хàнъ.

31) Аймакъ сабàйги барихчѝ, ачитỳ-номỳнъ-хàнъ, эрдэнѝ-Манцзỳшри Донкòръ хутухтỳ. (Нынѣ живетъ постоянно въ Чахàрскомъ аймакѣ близь Долōнъ-нỳра, хотя имѣетъ свои монастыри и въ Халхѣ. Его должно отличать отъ Донкòръ Маньчжỳшри, жительствующаго не подалеку отъ Ургѝ и состоящаго въ вѣдѣніи Чжэбцзỳнъ-дамбà-хутухты.

32) Мэргэ̀нъ-хамбò-номỳнъ-хàни хубилгàнъ.

33) Эрдэнѝ-мэргэ̀нъ-пандѝта-ном'ỳнъ-хàни хубилгàнъ.

34) Мэргэ̀нъ хутухтỳ.

35) Эрдэнѝ хубилгàнъ.

36) Эрдэнѝ-ацоктỳ-хутухтỳ (въ просторѣчіи Арỳйнъ хубилгàнъ, жительствуетъ въ Цзасактỳ-хàновскомъ àймакѣ).

37) Хубилганъ, го-ши-дондобъ-номчи-биликту.
38) Тойнъ-цорчжійнъ хубилганъ.
39) Номчи-номунъ ханъ.
40) Гунъ-бандидайнъ хубилганъ.
41) Цзасакъ, да-лама Оронбо-хутухтуйнъ хубилганъ.
42) Эрдэни-пандита-ламайнъ-хутухту (въ просторѣчіи Ламайнъ гэгэнъ жительствуетъ въ Сайнъ-нояновскомъ аймакѣ).
43) Мэргэнъ-хамбо-хухэнъ-хутухтуйнъ хубилганъ (въ просторѣчіи Хухэнъ хутухту; кочевья и монастырь его располагаются въ сэцэнъ-хановскомъ аймакѣ.
44) Илагухсанъ - хамбо Ганчжорва гэгэнъ (жительствуетъ сэцэнъ хановскомъ аймакѣ).

Всѣ эти хубилганы извѣстны въ народѣ подъ именемъ хутухтъ и гэгэновъ, но въ оффиціальномъ языкѣ сказанные титулы строго различаются. Собственно говоря, всѣ эти святители имѣютъ право на одно общее названіе — «хубилганъ», что значитъ — перерожденецъ, или воплощеніе какого либо знаменитаго ламы; титулъ «хутухты» жалуется хубилганамъ уже богдоханомъ при особомъ рескриптѣ и непремѣнно съ выдачею золотой печати; тоже самое относится и до титула «гэгэнъ», что значитъ собственно — свѣтлый, блестящій и святой. Различія между этими двумя титулами почти не полагается, хотя китайское правительство и приняло въ обычай давать хубилганамъ титулъ «хутухты» за отличную дѣятельность собственно на пользу церкви и религіи, а титулъ «гэгэна» за гражданскія доблести. Титулы эти даются всегда отдѣльно: такъ извѣстный проповѣдникъ буддизма въ Монголіи Донкоръ-хутухту имѣетъ титулъ хутухты, но не имѣетъ титула гэгэнъ; съ другой стороны проживающій теперь въ Тултѣ лама Цаганъ гэгэнъ за усмиреніе мятежныхъ шаекъ въ періодъ дунганскаго возстанія, получилъ отъ богдохана титулъ гэгэна, хотя не имѣетъ званія хутухты. Есть впрочемъ хубилганы, соединяющіе на своей личности и оба эти титула: въ большинствѣ случаевъ это уже старинные перерожденцы, считающіе за собою пятьнадцать и двадцать перерожденій, въ теченіе которыхъ они успѣли отличиться какъ по дѣламъ церковныхъ, такъ и по дѣ-

ламъ гражданскимъ. Что касается молодыхъ хубилгановъ, то они въ первомъ, второмъ и даже третьемъ перерожденіи, почти никогда не имѣютъ у себя титуловъ; мало того ихъ рѣдко зовутъ даже и хубилганами, а чаще называютъ ихъ именемъ «шабрòнъ», что значитъ собственно «молодой хубилганъ».

Получить истинное понятіе о жизни хубилгановъ на основаніи разказовъ самыхъ монголовъ не представляется почти ни какой возможности. Исполненные благоговѣнія предъ своими святителями, они украшаютъ всю жизнь ихъ, начиная съ момента зачатія и до самой смерти, небывалыми чудесами. Попробуйте спросить монгола о жизни какого бы то ни было гэгэна и вы непремѣнно услышите, что родители его были образцомъ чистоты и благочестія, что зачатіе хубилгана совершилось какимъ либо необычайнымъ образомъ, что его пребываніе во чревѣ матери сопровождалось для сей послѣдней многочисленными, знаменательными сновидѣніями, что самое рожденіе не прошло безъ какого нибудь чуда, что ребенокъ съ первыхъ же дней, недѣль, или мѣсяцевъ обнаружилъ необычайныя способности: первыми словами его были непремѣнно слова какой нибудь молитвы и т. д. и т. д. Въ дѣйствительности, современныхъ монгольскихъ хутухтъ можно раздѣлить теперь на два рода. Одни изъ нихъ по происхожденію всегда бываютъ тибетцами; это, въ большинствѣ случаевъ, знатные хутухты, обладающіе громадными монастырями, имѣющіе у себя приписныхъ шабинаровъ и пользующіеся высшимъ почетомъ у народа. Другіе, низшіе хубилганы, духовные родоначальники которыхъ не составили себѣ такого громкаго реноме, возрождаются теперь почти всѣ въ Монголіи. О происхожденіи первыхъ хутухтъ мы не можемъ сказать многаго, такъ какъ не могли собрать по этому вопросу вполнѣ достовѣрныхъ свѣдѣній; намъ извѣстно только, что хубилганы всѣхъ этихъ хутухтъ первоначально указываются въ Тибетѣ или Баньчѐнь эрдэни, или Далай ламою и что за симъ избраніе ихъ происходитъ по одному общему порядку, о которомъ мы уже имѣли случай говорить при описаніи избранія Чжэбцзўнъ-дамба-хутухты (см. Ургинскіе хутухты, стр. 20). Что касается хутухтъ, возрождающихся въ Монголіи,

то въ прежнее время относительно избранія ихъ всегда свято исполнялось постановленіе пекинскаго двора, по которому власти, имѣющіе право объявлять мѣсторожденіе хубилга̀новъ, не смѣли указывать на дѣтей мужескаго пола, родившихся въ семействахъ владѣтельныхъ князей и тайчжіевъ; но въ настоящее время это значительно видоизмѣнилось и хутухты въ большинствѣ случаевъ бываютъ именно одними изъ младшихъ сыновей владѣтельныхъ князей и тайчжіевъ; только старшіе сыновья, какъ наслѣдующіе, по закону, всѣ княжескія права и преимущества своего родителя, хутухтами никогда не оказываются. Въ рѣдкихъ случаяхъ хубилга̀ны являются и въ домахъ не владѣтельныхъ тайчжіевъ и даже простолюдиновъ, но это, повторю, является уже какъ исключеніе. Такъ напр. собирая свѣдѣнія о жизни Ромба̀ гэгэ̀на я узналъ, что онъ родился въ хошу̀нѣ О-ва̀на и былъ сыномъ незамужней дочери одного бѣднаго монгольскаго тайчжи, состоявшей въ связи съ какимъ-то ламою. Въ этой связи она состояла еще до рожденія Ромба̀-гэгэ̀на лѣтъ двадцать пять и тогда послѣдствіемъ ея было также рожденіе святителя, живущаго теперь въ ургинскомъ га̀ндан̀ѣ и извѣстнаго подъ именемъ Даца̀нъ, хубилга̀на. Выборъ хубилга̀новъ, рождающихся въ Монголіи, совершается, въ большинствѣ случаевъ, при посредствѣ Чжэбцзу̀нъ дамба̀ хутухты ургинскаго. Обыкновенно, по смерти каждаго хубилга̀на, монастырскіе ламы отправляются въ Ургу и здѣсь получаютъ отъ Чжэбцзу̀нъ-дамба̀ хутухты указаніе, что ихъ почившій святитель возродился въ такомъ то хошу̀нѣ и въ такомъ то домѣ. Послѣ этого ламы возвращаются въ монастырь, забираютъ съ собою нѣкоторыя изъ вещей умершаго хубилга̀на и ѣдутъ съ ними въ указанное имъ жилище для испытанія ребенка. Прибывъ въ домъ, они проживаютъ тамъ иногда день, а иногда два, три и болѣе; время отъ времени они вынимаютъ захваченныя съ собою вещи, при чемъ ребенокъ всякій разъ долженъ или потянуться къ показываемому ему предмету, или сказать «это мое», если, конечно, онъ находится уже въ такомъ возрастѣ, что можетъ говорить. Этимъ признаніемъ вещей обнаруживается, что въ ребенкѣ дѣйствительно находится душа покойнаго и ламы, убѣдившись въ томъ,

что они нашли искомаго хубилгàна, возвращаются въ монастырь. Такое первоначальное открытіе или избраніе новаго хубилгàна всегда совершается въ теченіе перваго и уже ни какъ не дальше втораго года по смерти того ламы, хубилганъ котораго отыскивается. Если дѣло затягивается на болѣе долгій срокъ, то эту затяжку можно почитать за вѣрный признакъ того, что или монастырь, по имѣющимся у него средствамъ, не въ силахъ отыскать и призвать гэгэ̀на, или же въ дѣлѣ самаго избранія его произошла борьба партій, при чемъ одна партія совѣтуетъ Чжэбцзу̀нъ-дамба̀-хутухтѣ объявить хубилгàномъ одно лицо, а другая рекомендуетъ другое. Случается, что будучи не въ силахъ разобраться, Чжэбцзу̀нъ-дамба-хутухту объявляетъ прибывшимъ къ нему съ просьбою указать мѣсто перерожденія хубилгàна депутатамъ, будто лама ихъ переродился гдѣ нибудь въ царствѣ тэ́нгріевъ, или драконовъ, чтобы проповѣдывать и тамъ вѣру будды. Лѣтъ черезъ пять, шесть, когда волненіе умовъ поутихнетъ, ламы искатели хутухты ѣдутъ въ Ургу снова и тогда, смотря по обстоятельствамъ, получаютъ новое указаніе относительно перерожденія ихъ святителя. Но такъ или иначе, по отношенію къ хубилганамъ, перерождающимся въ Монголіи, можно отмѣтить только одно, что всѣ они отыскиваются малютками не свыше полутора, или двухъ лѣтъ. Послѣ того какъ впервые побываетъ у нихъ депутація монастырскихъ ламъ и убѣдится, что указанный малютка есть дѣйствительно искомый хубилгàнъ, ребенокъ этотъ еще года на два, на три остается жить въ домѣ своихъ родителей. Во все это время при немъ неотлучно живетъ одинъ изъ почтенныхъ монастырскихъ ламъ; раза два, три въ годъ къ ребенку являются монастырскія депутаціи для того, чтобы освѣдомиться объ его здоровьи и совершить въ его домѣ уставныя молебствія; что же касается народа, то онъ приходитъ на поклоненіе новообъявленному хубилгàну почти безпрерывно. Поклонникамъ выноситъ хубилгàна его мать, но не иначе какъ подъ присмотромъ живущаго при немъ ламы: всѣ приношенія, доставляемыя при этомъ хубилгàну, составляютъ уже монастырскую собственность. Лѣтъ четырехъ, или пяти ребенку препо-

даютъ обѣты убашй, послѣ чего совершается торжественный переѣздъ его въ монастырь. Обрядъ этотъ на языкѣ монголовъ называется [illegible] [illegible] [illegible], т. е. «приглашеніе хубилгāна».

Счастливый день для приглашенія хубилгāна назначается ламами-цзурухāйчіями и еще за долго объявляется всѣмъ окрестнымъ жителямъ, чтобы дать имъ возможность присутствовать при церемоніи. Въ назначенный день къ юртѣ родителей хубилгāна прибываютъ всѣ монастырскіе ламы и собирается масса народа. Съ ранняго утра ламы передъ жилищемъ хубилгāна начинаютъ служить молебствіе, извѣстное подъ именемъ «ухіāлъ ӯргӯхӯ» и совершаемое съ спеціальною цѣлью приготовить «аршāнъ», или освященную воду. Этою водою они окропляютъ и людей и вещи, отправляющіяся въ поѣздъ; за симъ входятъ въ юрту, выносятъ изъ нея малютку хубилгāна, сажаютъ его въ носилки и поѣздъ движется въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Впереди ѣдутъ верхомъ на лошадяхъ *хя*, или тѣлохранители князя того хошӯна, въ который приглашается хубилгāнъ. Число ихъ соразмѣряется со степенью знáтности князя и бываетъ отъ 24 до 9-ти. Они везутъ военное знамя хошӯна и военные значки по числу сумӯновъ въ хошӯнѣ.
2) Сумӯнные зангӣны, или ротные командиры хошӯна.
3) Хошӯнный князь.
4) Его адъютанты и прислужники ([illegible]).
За симъ слѣдуетъ собственно поѣздъ духовныхъ лицъ.
5) Два ламы съ свернутыми въ трубку барсовыми шкурами; назначеніе этихъ шкуръ — служить бичами для того, чтобы отгонять забѣгающую впередъ толпу зрителей.
6) Два ламы съ ракōвинами (дӯнъ-бӯрē).
7) Два ламы съ бишкӯрами.
8) Два ламы съ кэнгэрэ̄.
9) Два ламы съ цāнами.
10) Высшее монастырское духовенство, по два въ рядъ, младшіе впереди. Одни изъ нихъ держатъ въ рукахъ благовонныя и медленно горящія, курительныя свѣчи, другіе во все время движенія читаютъ молитвы.

11) Цорчжй, или намѣстникъ монастыря, идетъ одинъ въ концѣ линіи должностныхъ монастырскихъ ламъ.

12) Монастырскіе хя̄, составляющіе свиту цорчжй.

13) Хӯсхō хубилга̇на, или лошади и верблюды, на которыхъ во вьюкахъ везется имущество хубилга̇на.

14) Мори̇нъ эрдэнй (тиб. ཏ) — драгоцѣнная лошадь, на сѣдлѣ которой утверждается изображеніе чиндама̇ни.

15) Старшій со̇йбунъ хубилга̇на, держащій въ рукахъ ящикъ съ священными книгами и нѣкоторыми главнѣйшими бурханами. принадлежащими хубилга̇ну.

16) Шӯкӯръ, или зонтъ, предносимый хубилга̇ну. Онъ бываетъ или священный ([illegible]), составляющій принадлежность каждаго хубилгана и сшиваемый изъ матерій пяти цвѣтовъ; или же богдоха̄нскій, т. е. пожалованный хубилга̇ну за заслуги его богдоха̄номъ. Если хубилга̇нъ имѣетъ у себя такой, жалованный богдоха̄номъ шӯкӯръ, то священный шӯкӯръ ему уже не предносится. По внѣшнему виду богдоха̄нскій шӯкӯръ разнится отъ священнаго тѣмъ, что онъ сшивается изъ одноцвѣтной желтой матеріи.

17) Носилки, въ которыхъ возсѣдаетъ хубилга̇нъ, несомыя 8-ю ламами.

18) По бокамъ носилокъ идутъ толпою монастырскіе ламы.

19) Родители и родственники хубилга̇на.

20) Народъ.

Весь этотъ поѣздъ движется чрезвычайно медленно, такъ какъ большинство народа идетъ пѣшкомъ, да и самаго то хубилга̇на несутъ въ носилкахъ на своихъ плечахъ пѣшіе ламы. Свыше пятьнадцати верстъ въ день процессія никогда не проходитъ. Если по дорогѣ приходится ночевать, то, предварительно остановки поѣзда, ламы служатъ на мѣстѣ условленнаго ночлега молебствіе въ честь генія покровителя этой мѣстности ([illegible]) съ приношеніемъ ему жертвъ и бали̇новъ и только по окончаніи этого молебствія начинаютъ развьючивать лошадей, ставить палатки и проч. Приблизившись къ монастырю, поѣздъ останавливается, чтобы оправиться; а высшее монастырское духовенство

вмѣстѣ съ частью ламъ музыкантовъ тѣмъ временемъ отправляется впередъ въ монастырь, чтобы встрѣтить тамъ хубилга̀на. Эта встрѣча бываетъ у «тахильы̀инъ модо̀», которыя, какъ извѣстно, служатъ знаками для границы земель, принадлежащихъ собственно монастырю. Здѣсь цорчжи̇ снимаетъ хубилга̀на съ носилокъ и далѣе уже пѣшкомъ проводятъ его подъ руки монастырскіе цорчжи̇ и ширēтӯ черезъ «богдо̀йнъ ха̄лга», по «высокому пути» прямо въ главную монастырскую кумирню. Вслѣдъ за хубилга̀номъ въ кумирню вступаютъ ламы и разсаживаются по своимъ мѣстамъ въ то время, какъ цорчжи̇ и ширēтӯ поднимаютъ хубилга̀на и сажаютъ его на «арсалантӯ тэбцэ̀нъ». Когда хубилганъ будетъ посаженъ на свое сѣдалище, а ламы размѣтятся на чжабда̀нахъ, начинается церемонія поднесенія гэгэ̀ну даньши̇ка ([illegible]). Первымъ подносится ма̀ндалъ отъ лица всѣхъ монастырскихъ ламъ. Внѣшній видъ и значеніе этого священнаго прибора мы уже объясняли выше (см. стр. 96), здѣсь же скажемъ только, что, при поднесеніи даньши̇ка живымъ хубилга̀намъ, читается особая краткая молитва, называемая по монгольски «батӯ ороши̇лъ». Самый обрядъ совершается слѣдующимъ образомъ. На средину кумирни, прямо предъ лице хутухты, выходятъ цорчжи̇ и ширēтӯ, держа ма̀ндалъ, а ламы въ это время начинаютъ пѣть:

«Поклоняемся, величественный лама, тебѣ, содержащему въ себѣ основы вѣры, въ совершенствѣ обладающему вѣденіемъ,— великому морю, производящему всякія драгоцѣнности».

«Поклоняемся тебѣ; величественный лама, знаніе котораго ясно какъ свѣтъ, милосердіе котораго глубоко какъ средина моря, спасающія силы котораго равны Ва̀чжрапани».

«Всѣ будды четырехъ собраній та̀нтръ воплотились въ тебѣ, спасительный лама; покланяемся тебѣ, величественный лама, который спокойно и легко можетъ преподать намъ сидди двухъ родовъ [1]).

---

1) Сидди — таинственныя, магическія силы пріобрѣтаемыя посредствомъ созерцаній и произнесенія тарнистическихъ словъ. Обыкновенно, по буддизму,

«Давшіе торжественную клятву геніи хранители священнаго ученія, по слову твоему, исполняютъ дѣла четырехъ родовъ [1]); поклоняемся тебѣ, величественный лама, который можетъ очистить всѣ препятствія (для святости) во всякое время, когда только пожелаетъ.

«Поклоняемся тебѣ, величественный лама, который совмѣщаетъ въ себѣ истинныя свойства всѣхъ спасительныхъ буддъ, который составляетъ собою источникъ всякаго высокаго ученія, который есть владыка всѣхъ хуваракoвъ».

«Источникъ спасенія — Лама и три драгоцѣнности, Будда Аюши, спасительная Дара-экэ и прочіе будды, соизвольте преподать сидди, которыя укрѣпили бы хубилганское тѣло».

«И ты, святитель, воплотившійся, чтобы проявить намъ море милосердія, соизволь жить и утвердить стопы свои, чтобы открыть намъ небесныя драгоцѣнности и падму вѣры».

«Соизволь расширить кругъ своего чрезмѣрнаго знанія, разсыпать лучи своихъ многоразличныхъ достоинствъ, непоколебимо устроить въ вѣрѣ всѣхъ одушевленныхъ существъ и разсѣять по всюду свѣтъ своего ученія».

«Чрезъ благословеніе ламы и величественныхъ трехъ драго-

сидди раздѣляются на восемь отдѣловъ: 1) сидди, дающія возможность превращать все внѣшнее въ иныя, потребныя созерцателю формы; 2) сидди, дающія долгоденствіе; 3) сидди, при посредствѣ которыхъ получается особый напитокъ, сообщающій безсмертіе, 4) сидди, дающія прозорливость въ отыскиваніи кладовъ; 5) сидди, дающія возможность вступать и проводить время въ обителяхъ божествъ; 6) сидди, дающія возможность все превращать въ золото, 7) сидди, дающія возможность превращать въ золото землю и 8) сидди, дающія возможность пріобрѣсти драгоцѣнность чиндамани, удовлетворяющую всякія пожеланія. Эти восемь отдѣловъ соединяются иногда въ три, а иногда въ двѣ группы. Выраженіе «сидди двухъ родовъ» равно выраженію «двухъ группъ», и означаетъ обладаніе всѣми указанными сидди.

1) Дѣятельность эта толкуется какъ вспомоществованіе одушевленнымъ существамъ 1) въ уразумѣніи смысла высочайшихъ законовъ, 2) исполненіи шести парамитъ, 3) въ исполненіи дѣяній преслѣдующихъ пользу двухъ родовъ и 4) въ пріобрѣтеніи истинныхъ воззрѣній ([illegible]).

цѣнностей, чрезъ дѣятельное покровительство могущественныхъ геніевъ хранителей да утвердятся стопы нашего ламы и да распространятся на всякое мѣсто и время благія дѣла его».

«Мы же и всѣ прочіе отселѣ впредь до того времени, когда получимъ святость бо̀ди, да будемъ твоими учениками въ каждомъ перерожденіи, да животворимся рашія̀номъ твоего слова и да чествуемъ тебя жертвами исполненія твоего ученія».

«Вообще да укрѣпится вѣкъ жизни нашего хубилга̀на ламы, да распространятся благія дѣла его на всякое мѣсто и время, да не разстанемся мы, ученики его, съ нимъ никогда и въ концѣ концевъ да сдѣлаемся буддами»!

По прочтеніи этой молитвы цорчжѝ и ширѣту̀ съ преклоненными головами подносятъ ма̀ндалъ хубилга̀ну; послѣдній беретъ съ него нѣсколько зеренъ и подбрасываетъ ихъ вверхъ, за симъ возлагаетъ свои руки на головы поднесшихъ и они отходятъ. Послѣ поднесенія ма̀ндала отъ монастыря слѣдуютъ частныя подношенія ламъ: хамбо̀ ламы, цорчжѝ, ширѣту̀'я и прочихъ въ порядкѣ ихъ старшинства. Каждый изъ желающихъ ламъ можетъ подносить свой ма̀ндалъ отдѣльно и при каждомъ подношеніи непремѣнно читается молитва «бату̀ орошѝлъ». Приношенія ламъ почти всегда ограничиваются поднесеніемъ одного только ма̀ндала.

Вслѣдъ за ламами начинаютъ подносить даньшѝкъ свѣтскіе люди и, конечно, прежде всѣхъ хошу̀нный князь. Внѣшній порядокъ принесенія тотъ же самый, но приношенія свѣтскихъ людей уже не ограничиваются однимъ ма̀ндаломъ. Просматривая приходо-расходныя книги монастыря Оромбо̀ гэгэ̀на, я узналъ, что при возведеніи сего послѣдняго на каѳедру, мѣстный князь его хошу̀на поднесъ ему въ дансу̀къ слѣдующія вещи:

1 серебрянный, позлащенный ма̀ндалъ вѣсомъ въ 10 гино̀въ (около 15 фунтовъ);

3 кумира бронзовыхъ, вызолоченныхъ, литыхъ, вышиною около $1\frac{1}{2}$ аршинъ и 1 кумиръ Шигэму̀нія серебряный, позолоченный, величиною въ четверть.

Олбо̀къ и ту̀шилгэ̀, три перемѣны, шелковыя.

Ному̀нъ хубцасу̀—шелковыя.

Оркимчжи.

Серебряный колокольчикъ.

Дамàру.

Серебряную бу̀мба.

Диншэ̀.

Хадакòвъ шелковыхъ съ вытканнымъ изображенiемъ бурхана Аюши—девять.

Красныхъ тибетскихъ ху̀чжи девять свертковъ.

Шелковой матерiи вишневаго цвѣта — одинъ кусокъ.

Шелковой матерiи желтаго цвѣта—на одну курму.

Сукна русскаго—одинъ кусокъ.

Соболей—девять шкуръ.

Серебра 100 ланъ.

Лошадей съ сѣдлами и уздами — верховыхъ, двѣ.

Лошадей для домашняго употребленiя — пятьдесятъ.

Быковъ—двадцать.

Овецъ—двѣсти.

Четыре перемѣны платья по четыремъ временамъ года (полные костюмы).

Юрту, со всѣми ея принадлежностями сполна.

Въ кумирнѣ всѣ эти предметы подавались хубилгàну вслѣдъ за мàндаломъ на особыхъ блюдахъ, а лошади, коровы и юрта были разставлены на монастырскомъ дворѣ. Послѣ князя точно такiе же подарки вещей, относящихся до домашняго обихода ламъ, были поднесены хубилгàну и другими свѣтскими лицами хошу̀на, конечно въ меньшемъ количествѣ отъ каждаго частнаго лица въ отдѣльности, но въ общемъ далеко перевысившiя единичное приношенiе князя. Такимъ образомъ хубилгàнъ Оромбò гэгэ̀на получилъ напр. всего 1,540 лошадей, 800 быковъ и до 1000 овецъ. По окончанiи даньшѝка народу было предложено отъ монастыря угощенiе, за которымъ слѣдовали народныя игры, состоящiя въ скачкахъ, борьбѣ, стрѣлянiи въ цѣль изъ лука и проч.

По окончанiи церемонiй, для хубилгàна начинается обыденная монастырская жизнь. Онъ живетъ въ своей ӧргō вмѣстѣ съ своимъ воспитателемъ, на каковую должность выбираются обык-

новенно пожилые ламы, лѣтъ шестидесяти. Лѣтъ до семи ребенокъ проводитъ время почти исключительно въ обществѣ этихъ ламъ. Послѣдніе разказываютъ ему легенды изъ исторіи буддизма, или изъ исторіи Монголіи, Тибета и Китая, или наконецъ знакомятъ съ жизнью другихъ народовъ. Игры ребенка состоятъ главнымъ образомъ въ рисованіи, не менѣе часто учатъ хубилгȁновъ лѣпить изъ глины изображенія бурхановъ, людей, домашнихъ животныхъ и пр. Сверстниковъ къ хубилгȁнамъ почти никогда не допускаютъ, такъ что хубилгȁны едва ли не исключительно видятъ передъ собою однихъ лишь взрослыхъ людей. Благодаря такому воспитанію ребенокъ-хубилгȁнъ рѣзвится вообще очень мало. Проживая въ кочевьяхъ Чахаровъ, я имѣлъ возможность почти въ теченіе полугода наблюдать за воспитаніемъ хубилгȁна Борȍ-цэ̆чжійнъ сӯмэ. Бывало, придешь къ нему днемъ, онъ сосредоточенно лѣпитъ какую нибудь птичку, другой разъ—учится играть на какомъ нибудь музыкальномъ инструментѣ; попробуетъ издать какой нибудь дикій звукъ на своемъ маленькомъ бишкӯрѣ, или отбить какую нибудь, небывалую дробь на барабанѣ,— воспитатель тотчасъ же кротко замѣтитъ ему, что это грѣхъ, что нужно бить вотъ какъ, или играть такъ. Случалось приходить мнѣ и вечерами, въ сумерки, и всегда заставалъ я одну и ту же картину: хубилгȁнъ сидитъ на колѣнахъ у своего ламы воспитателя, а тотъ разказываетъ ему о его прежнихъ перерожденіяхъ,— какъ тогда то былъ онъ ламою въ Тибетѣ, какъ проповѣдывалъ ученіе тому то, сотворилъ такое то чудо; какъ въ слѣдующемъ перерожденіи былъ онъ въ странѣ тэнгріевъ, видѣлъ тамъ то-то, сдѣлалъ то-то и проч. и проч. Всѣ эти разказы конечно имѣютъ громадное вліяніе на ребенка. Впослѣдствіи, коротко познакомившись съ Оромбȍ гэгэ̆номъ, которому въ ту пору было уже лѣтъ 19-ть, я имѣлъ случай наблюдать и результаты такого воспитанія. Оромбȍ-гэгэ̆нъ самъ дѣйствительно былъ убѣжденъ, что онъ хубилгȁнъ; онъ могъ разказать свои перерожденія; съ необычайною живостью и восторгомъ разказывалъ мнѣ о дѣятельности своей у тэнгріевъ, картинно описывалъ обитателей этого царства, ихъ яхонтовые дворцы, плоды, которыми они питаются и

т. д. И это не было съ его стороны какимъ либо притворствомъ, или обманомъ; нѣтъ, онъ самъ глубоко былъ убѣжденъ въ справедливости всего разказываемаго имъ, какъ будто онъ дѣйствительно пережилъ все это. Въ зимнее время дѣти-хубилга̀ны уѣзжаютъ иногда къ своимъ родителямъ, но и здѣсь народа они почти не видятъ, проводя время исключительно въ своемъ семейномъ кругу. Лѣтъ съ семи хубилга̀новъ начинаютъ учить грамотѣ и учителями ихъ обыкновенно бываютъ ханбо̀-ламы, или цорчжѝ ламы тѣхъ монастырей, въ которыхъ проживаетъ хубилга̀нъ. Съ этого времени жизнь хубилга̀на нѣсколько измѣняется, ибо онъ занимается науками непремѣнно два раза въ день, приблизительно отъ 9-ти часовъ утра до 12-ти и отъ 4-хъ до 6-ти вечера. Лѣтъ съ 11-ти къ хубилга̀ну начинаютъ допускать всѣхъ монастырскихъ ламъ; съ этого же времени онъ прислушивается къ разказамъ о дѣйствительной жизни и получаетъ возможность наблюдать ее, хотя бы то и въ стѣнахъ своего ӧргō, слушая разказы и доклады приходящихъ ламъ. Свободное отъ занятій время, вмѣсто рисованія, хубилга̀ны съ этой поры посвящаютъ игрѣ въ шахматы и въ большинствѣ случаевъ положительно пристращаются къ ней. Лѣтъ въ 16-ть хубилга̀нъ принимаетъ обѣты гэцӯля; по этому случаю ему снова приносятъ даньшѝкъ и съ этого времени къ хубилга̀ну начинаютъ допускать народъ для ежедневныхъ поклоненій. Хубилга̀нъ такимъ образомъ вступаетъ вполнѣ въ жизнь общественную.

Постороннія лица при посѣщеніяхъ хуту̀хтъ, гэгэ̀новъ и хубилга̀новъ обязаны соблюдать извѣстные этикеты. Важнѣйшіе китайскіе и монгольскіе князья и сановники, намѣреваясь побывать у хутухты, всегда напередъ посылаютъ своихъ посланцевъ съ вопросомъ, можетъ ли принять хутухта въ такой-то день и часъ. При удовлетворительномъ разрѣшеніи вопроса, у хубилга̀на все бываетъ приготовлено къ урочному времени и самъ онъ ожидаетъ своего гостя. Внѣ этихъ условій, какой бы ни былъ посѣтитель у хубилга̀на, онъ никогда прямо не входитъ въ его покои. Случается, что какому нибудь важному князю придется невзначай посѣтить хубилга̀на. Подъѣхавъ къ монастырю, онъ

обыкновенно бываетъ встрѣченъ ламами, его ведутъ въ общую монастырскую пріемную комнату и просятъ обождать, одновременно съ симъ давая знать хутухтѣ о пріѣздѣ гостя. Пока ходитъ посланный, гостя занимаютъ монастырскіе ламы, степень которыхъ соразмѣряется, конечно, съ званіемъ самого гостя: для одного явится монастырскій намѣстникъ, для другаго гэбкӯй, болѣе простаго занимаютъ прислужники гэгэ̀на. Въ это время они непремѣнно уже предложатъ посѣтителю чаю, иногда какихъ нибудь сушеныхъ плодовъ и, между разговоровъ объ обыденныхъ вещахъ, пораспросятъ, зачѣмъ именно явился нежданный гость. Въ случаѣ нужды, или какихъ нибудь чрезвычайныхъ обстоятельствъ они, конечно, не преминутъ обо всемъ увѣдомить своего хубилгàна. Минутъ черезъ 10, или 15 у хубилгàна по большей части уже все бываетъ готово къ пріему, гость получаетъ приглашеніе и отправляется къ хубилгàну въ сопровожденіи двухъ, или трехъ ламъ. Важныхъ князей хубилгàны встрѣчаютъ всегда на крыльцѣ, у входа во внутренніе покои: этимъ знатнымъ гостямъ они не преподаютъ даже своего благословенія, но, какъ говорятъ монголы, только дѣлаютъ взаимный «амугулàнъ», т. е. преклоняютъ другъ передъ другомъ одно колѣно и за симъ начинаютъ торговаться о томъ, кому войти первому. Китайскіе чиновники, обыкновенно, поторговавшись, ссылаются на законы чествованія гостя и входятъ первыми; изъ числа же монгольскихъ князей никто и никогда не рѣшится идти впереди хубилгàна и только въ крайнемъ случаѣ развѣ одни хàны, да начальники сеймовъ проходятъ въ дверь вмѣстѣ. Вступивъ въ комнату, гость и хутухтỳ размѣщаются у стола, стоящаго на кàнѣ опять таки сообразно своему положенію: при менѣе знатныхъ князьяхъ хубилгàнъ садится посреди стола, а гость помѣщается у него съ боку; при болѣе знатныхъ—оба, т. е. и гость и хубилгàнъ, помѣщаются другъ противъ друга по сторонамъ стола, при чемъ хубилгàнъ занимаетъ лѣвую сторону, а гость правую; самыхъ знатныхъ хубилгàны сажаютъ на оборотъ на лѣвую сторону, сами же занимаютъ мѣсто на правой. Знатные гости никогда не уходятъ отъ хубилгàновъ безъ подарка. Лишь только

разговоръ, первоначально, какъ и всегда, ведущійся съ оживленіемъ, начинаетъ истощаться, ламы прислужники тотчасъ же подаютъ гэгэ̀ну вещь, предназначаемую въ подарокъ гостю, вмѣстѣ съ хадако̀мъ и зангя̄. Послѣднее есть не что иное, какъ небольшая связка шелковыхъ нитокъ желтаго цвѣта, длиною нѣсколько меньше трехъ четвертей аршина. Зангя̄ предполагаются освященными чрезъ окропленіе ихъ аршāномъ и раздаются гэгэ̀нами и хубилга̀нами въ видѣ священнаго подарка для ношенія ихъ на шеѣ. Передача гостю хубилга̀номъ зангя̄ обозначаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и его благословеніе, поэтому при уходѣ гостя, хубилга̀нъ разстается съ нимъ, опять таки дѣлая другъ передъ другомъ «амугула̀нъ».

Простой народъ допускается къ хубилга̀намъ во всякое время, безъ доклада, требуется только для сего, чтобы хубилга̀нъ былъ свободенъ, а недостатка въ этомъ досугѣ, особливо послѣ того какъ хубилга̀нъ окончитъ свое обученіе, рѣшительно не бываетъ. Поклонникъ осторожно входитъ въ комнату хубилга̀на и, остановившись у порога, дѣлаетъ здѣсь три земныхъ поклона, молясь на хубилга̀на; послѣ третьяго поклона, онъ на колѣнахъ ползетъ къ сѣдалищу хубилга̀на и когда приблизится, то хубилга̀нъ благословляетъ его или возложеніемъ на голову своей руки, или же вмѣсто руки прикасается къ его головѣ какою либо священною книгой. Послѣ этого поклонникъ тѣмъ же способомъ, на колѣнахъ пятится назадъ, не оборачиваясь къ хубилга̀ну задомъ. Доползши до дверей, онъ или выходитъ, или же становится на колѣна и снова начинаетъ молиться на хубилга̀на. Можно, по истинѣ, удивляться этому непоколебимому и глубоко благоговѣйному вѣрованію народа въ сверхъестественность бытія ихъ святителей и, кажется, ни какія обстоятельства не въ силахъ вложить въ душу монгола какое либо сомнѣніе въ томъ, что хубилга̀нъ такой же человѣкъ какъ и самъ онъ. Когда проживалъ я у Оромбо̀-гэгэ̀на, бывало, сидишь, играя съ нимъ въ шахматы, а въ это время одинъ за другимъ приходятъ благочестивые его почитатели и молятся на него. Молодой человѣкъ, какъ я говорилъ уже выше, былъ и самъ глубоко убѣжденъ въ своемъ божественномъ про-

исхождении, но его юношескій возрастъ бралъ свое: бывало, надоѣдятъ ему эти поклонники страшно и вотъ вмѣсто того, чтобы возложить священную книгу на голову молящагося, онъ стукнетъ его по головѣ шашкой, а нѣтъ толкнетъ его ногой, или ударитъ щелчкомъ по башкѣ. И все это ни мало не оскорбляетъ религіознаго чувства монгола; напротивъ, чѣмъ эксцентричнѣе выходка, тѣмъ больше заставляетъ она задумываться сына степей. Получившій благословеніе шашкой, уходя, пресерьезно разсуждалъ и распрашивалъ ламъ о томъ, что можетъ обозначать такое благословеніе святителя? Случись послѣ сего въ жизни этого монгола какое нибудь важное событіе, невинной выходкѣ хубилгȃна будетъ конечно приданъ ламами соотвѣтствующій смыслъ, и все это еще больше возвыситъ хубилгȃна въ глазахъ народа.

Обѣты гэлȳна хубилгȃны принимаютъ приблизительно въ двадцати-лѣтнемъ возрастѣ и, по большей части, внѣ своего монастыря: съ этою цѣлью они всегда почти уѣзжаютъ къ одному изъ старѣйшихъ монгольскихъ хутухтъ. Кромѣ того каждый изъ монгольскихъ хубилгȃновъ считаетъ своимъ долгомъ хоть разъ въ жизни побывать въ Ургѣ и представиться Чжэбцзȳнъ-дамбȁ-гэгэ̄ну, какъ главѣ всего буддійскаго духовенства въ Монголіи. Поѣздки эти совершаются, конечно, на счетъ монастыря и стóятъ весьма не дешево; но за то и хубилгȃнъ никогда уже не уѣзжаетъ изъ Урги, не получивъ какого либо отличія. Однимъ Чжэбцзȳнъ-дамбȁ даетъ званіе ханбȍ, или цорчжѝ; другимъ увеличиваетъ число олбȍковъ, на которыхъ могутъ сидѣть они при богослуженіяхъ: при соборныхъ службахъ съ другими хутухтами все это имѣетъ значеніе, такъ какъ имѣющій бȍльшее число олбȍковъ садится выше того, у кого ихъ меньше, также точно какъ и имѣющій званіе ханбȍ ламы, считается старше состоящаго въ званіи цорчжѝ. Въ Пекинъ ѣздятъ хутухты только самыхъ богатыхъ монастырей, такъ какъ поѣздка въ столицу сына неба, по словамъ монголовъ, уже никакъ не можетъ обойтись хубилгȃнамъ дешевле сорока, пятидесяти тысячъ рублей на наши деньги. Въ виду того что съ поѣздкою въ Пекинъ непремѣнно соединяется для хублигȃновъ и представленіе богдохāну, каждый хубилгȃнъ, намѣревающійся ѣхать

въ Пекинъ, долженъ предварительно испросить на это разрѣшеніе чрезъ посредство Ли-фань-юаня отъ самаго богдохана. Прошеніе обыкновенно посылается за годъ до поѣздки и, при благопріятномъ исходѣ дѣла, хубилганъ еще въ Монголіи получаетъ всѣ подробныя указанія о томъ, когда онъ долженъ выѣхать изъ своего монастыря, по какой дорогѣ ѣхать, сколько можетъ имѣть онъ при себѣ свиты, кто именно изъ князей долженъ сопровождать его, можетъ ли онъ пользоваться лошадями казенныхъ станцій, или долженъ ѣхать на своихъ подводахъ, когда и гдѣ долженъ онъ останавливаться, когда въѣхать въ Пекинъ, гдѣ раскинуть свои палатки и проч. и проч. На князя, которому поручается сопровождать хубилгана до Пекина, возлагается обязанность доставлять хубилгану равно какъ и его свитѣ всѣ путевыя удобства. Ѣздятъ хубилганы по большей части на своихъ лошадяхъ, или, лучше сказать, на подводахъ монгольскихъ князей, которыя доставляются имъ частнымъ образомъ, безплатно, по благоговѣнію предъ особою святителя. Передъ самымъ выѣздомъ хубилганы вторично извѣщаютъ Ли-фань-юань о днѣ, въ который намѣрены они отправиться въ путь, въ это же время сообщаютъ и подробныя свѣдѣнія о количествѣ и качествѣ подарковъ, которые намѣрены они поднести Хуанди. Въ Ургѣ мнѣ пришлось бесѣдовать съ однимъ престарѣлымъ ламой, который еще съ пятымъ хубилганомъ Чжэбцзунъ-дамба-хутухты, приблизительно въ 1840-мъ или въ 1841-мъ году ѣздилъ въ Пекинъ и вотъ что разказывалъ онъ объ этой поѣздкѣ.

Ѣхали мы, говорилъ онъ, въ сопровожденіи тогдашняго ургинскаго амбаня Дэлэкъ доржжи, черезъ аймакъ Сэцэнъ-хана, на Долонъ-нуръ и Чахарскія кочевья. Въ Долонъ-нурѣ хутухта останавливался и принималъ здѣсь поклоненія отъ монгольскихъ цзасаковъ внутреннихъ хошуновъ, которые съѣхались сюда для встрѣчи хутухты. Отсюда двинулись чахарскими кочевьями по направленію къ Калгану и на второй станціи отъ Калгана хутухту встрѣтили высланные богдоханомъ монгольскій князь Чжигмэтъ, да чиновникъ (лань-чжунъ) Ли-фань-юаня. Они поднесли хутухтѣ первые подарки отъ богдохана; то были: четки,

наперстокъ, употребляемый при стрѣльбѣ изъ лука, и табакерка изъ зеленой яшмы; въ свою очередь и хутухта передалъ свои первые дары богдохану, которые состояли изъ тибетскаго сукна, курительныхъ свѣчъ и русскихъ произведеній, пріобрѣтенныхъ въ Кяхтѣ. Въѣхали мы въ Пекинъ 9-го числа 12-й луны. Палатки для насъ были разбиты за сѣверными воротами, около ламайскаго монастыря Хуанъ-сы. Пекинскіе ламы изъ всѣхъ монастырей, собравшись вмѣстѣ, встрѣтили хутухту съ зажженными факелами, музыкою и курительными свѣчами. Для хутухты была приготовлена большая монгольская юрта, внутри увѣшанная шелковыми тканями и устланная коврами, а снаружи обнесенная желтой оградой изъ холста. Позади этой юрты было расположено до 175 юртъ, для насъ, свитскихъ гэгэна, общее число которыхъ равнялось четыремъ-стамъ. На содержаніе всѣхъ насъ съ лошадьми и верблюдами отпускалось ежедневно по 500 ланъ. Черезъ два дня послѣ своего пріѣзда хутухта представлялся богдохану въ тронной залѣ. Хутухту ввели въ залу два предсѣдателя Ли-фань-юаня Галданъ-ширѣту и Чжанцзя-хутухту: предсѣдатели шли впереди, а двое хутухтъ вели Чжэбцзунъ-дамба-хутухту подъ руки. Войдя въ тронную и ставъ на колѣни, Чжэбцзунъ-дамба произнесъ на монгольскомъ языкѣ привѣтственную рѣчь: «я, рабъ, Чжэбцзунъ-дамба-хутухту, съ благоговѣніемъ кланяясь, освѣдомляюсь о здоровьи святаго государя». Эту рѣчь на маньчжурскомъ языкѣ передалъ богдохану Чжанцзя-хутухту. Хуанди отвѣчалъ, что онъ совершенно здоровъ. Потомъ хутухта такъ же точно стоя на колѣнахъ поднесъ богдохану хадакъ и изображеніе бурхана Аюши. Хуанди, принявъ отъ хутухты изъ рукъ въ руки хадакъ и бурхана, повѣсилъ хутухтѣ на шею свой хадакъ. Хутухта сдѣлалъ въ знакъ благодарности три земныхъ поклона и отступилъ отъ трона назадъ; въ это время богдоханъ пригласилъ Чжэбцзунъ-дамбу сѣсть на заранѣе приготовленный для него диванъ. Объ этомъ диванѣ шла якобы рѣчь еще прежде и будто бы еще до пріѣзда Чжэбцзунъ-дамба-хутухты предсѣдатель Ли-фань-юаня обращался къ богдохану съ вопросомъ, въ какомъ разстояніи отъ трона поставить диванъ для хутухты;

Хуа̀нди будто бы отвѣчалъ на это, что онъ самъ увидитъ гдѣ поставить диванъ, — диванъ оказался стоящимъ на разстояніи никакъ не дальше двухъ маховыхъ саженей отъ трона. Получивъ приглашеніе сѣсть, Чжэбцзу̀нъ-дамба̀ почтительно сѣлъ, поджавъ подъ себя одну ногу, а два старшихъ пекинскихъ хутухты Галда̀нъ-ширѣту̀ и Чжанцзя̀ стояли позади дивана, на колѣнахъ и обращаясь лицемъ къ богдохāну. Послѣ краткихъ вопросовъ о пути, богдохāнъ изъ своихъ рукъ подалъ хутухтѣ чашку чая и за симъ приказалъ его угостить домашнимъ обѣденнымъ столомъ. При концѣ аудіенціи хутухта поднесъ хуа̀нди даньшѝкъ, состоящій изъ золотаго и серебрянаго субурга̀новъ, и нѣкоторыхъ другихъ религіозныхъ предметовъ, сдѣланныхъ изъ драгоцѣнныхъ металловъ; кромѣ того онъ поднесъ еще девять чернобурыхъ лисицъ, девять соболей и девять девятковъ лошадей. Богдохāнъ въ свою очередь отвѣчалъ хутухтѣ подарками: кромѣ шелковыхъ тканей онъ подарилъ хутухтѣ яшмоваго бурхана, шапку, кафтанъ съ драконами и ожерелье. 170 прислужниковъ гэгэ̀на, отправлявшіеся вмѣстѣ съ нимъ во дворецъ, а въ томъ числѣ и мой разказчикъ, представили хуа̀нди 223 лошади: старѣйшіе изъ свитскихъ лично поднесли еще богдохāну по одному хада̀ку̀ и по одному серебрянному бурхану. Хада̀кѝ ихъ богдохāнъ принималъ въ свои руки, но потомъ, въ знакъ благоволенія, обратно вѣшалъ на шею. Послѣ обѣда во дворцѣ, Чжэбцзу̀нъ-дамба̀-хутухту въ сопровожденіи тѣхъ же сановниковъ и хутухтъ ходилъ кланяться во всѣ домашнія капища богдохāна, не исключая и конфуціанскихъ; отсюда же онъ прямо возвратился въ станъ, приготовленный ему подъ квартиру.

Чжэбцзу̀нъ-дамба̀-хутухту прожилъ въ Пекинѣ около двухъ мѣсяцевъ. Въ день новаго года богдохāнъ издалъ указъ, которымъ подтвѐрдилъ права хутухты ѣздить въ желтыхъ носилкахъ, при чемъ ему предносятся желтый зонтъ и два значка изъ желтой же шелковой матеріи. Должно сказать, что эти желтыя носилки, зонтъ и значки были пожалованы гегэ̀ну еще въ третьемъ его перерожденіи по словесному ходатайству предъ богдохāномъ одного монгольскаго князя Сэнгэ̀-ринцѝна. Но какъ, по закону,

каждый новый хубилга̀нъ, всегда долженъ испрашивать особаго разрѣшенія на право пользоваться тѣми отличіями и преимуществами, которыя имѣлъ его предшественникъ, то и пятый хубилга̀нъ Чжэбцзу̀нъ-дамба̀-хутухты своевременно ходатайствовалъ о предоставленіи ему правъ употреблять и желтыя носилки, и зонтъ, и значки. Члены Ли-фань-юаня, вѣроятно, въ надеждѣ получить отъ Чжэбцзу̀нъ-дамба̀-хутухты лишнюю взятку, въ ту пору сдѣлали однако представленіе богдоха̄ну о разрѣшеніи хутухтѣ ѣздить только въ желтыхъ носилкахъ, а зонтъ и значки опустили; въ этомъ видѣ конечно состоялся и указъ богдоха̄на. Прибывъ въ Пекинъ, хутухта, вѣроятно, похлопоталъ о возвращеніи ему утаенныхъ чиновниками правъ, хотя мой разказчикъ и увѣрялъ меня, что все это было замѣчено самимъ богдоха̄номъ. Въ указѣ, изданномъ въ день новаго года, Хуа̀нди, подтвердивъ права хутухты на желтыя носилки, зонтъ и значки, вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣлъ палатѣ государственныхъ чиновъ строго оштрафовать членовъ Ли-фань-юаня и экспедиторовъ за то, что они остановили хутухту употреблять зонтъ и значки, дарованные императоромъ Ця̀нь-лу̀номъ его предмѣстнику и медлили докладомъ испросить у Хуа̀нди указа подтвердить его права на это.

Дней черезъ десять послѣ этого хуа̀нди узналъ стороною, что главный шу̀-бань Ли-фань-юаня — Чэнь-ба̀ вынудилъ Чжэбцзу̀нъ-дамба̀-хутухту подарить ему и другимъ чиновникамъ 10,000 ланъ серебра и повелѣлъ произвести надъ шу̀баномъ строгій судъ. Результатомъ этого суда было то, что сумму, подаренную хутухтою шу̀бан'у и другимъ чиновникамъ императоръ приказалъ Ли-фань-юан'ю возвратить хутухтѣ сполна. На судѣ предсѣдатель Ли-фань-юаня сознался, что кромѣ бобровъ, соболей и сукна, онъ получилъ еще тысячу ланъ серебра; остальныя девять тысячь шу̀-банъ принялъ на себя, сказавъ, что хотѣлъ дать экспедиторамъ по двѣ тысячи, но не успѣлъ этого выполнить.

Передъ самымъ отъѣздомъ хутухты изъ Пекина богдоха̄нъ дозволилъ хутухтѣ прочитать похоронныя та̀рни надъ гробомъ скончавшейся въ ту пору Хуа̀нъ-хо̂у.

Эти разказы о поѣздкѣ Чжэбцзу̀нъ-дамба̀-хутухты въ Пе-

кинъ могутъ дать до нѣкоторой степени понятіе и о поѣздкахъ другихъ монгольскихъ хутухтъ. Пріемы ихъ, конечно, совершаются съ большимъ или меньшимъ великолѣпіемъ, сообразно степени самого хутухты, но способъ путешествія, цѣль его, наконецъ самое времяпровожденіе хутухтъ въ Пекинѣ, совершенно одни и тѣже. Помимо этихъ поѣздокъ, устраиваемыхъ по личному желанію хутухтъ, тѣ изъ нихъ, которые достигли совершеннолѣтія, были въ оспѣ и пріобрѣли отличныя познанія въ ученіи буддизма, по закону, вызываются еще, по очередямъ, въ Пекинъ, для чтенія при дворцѣ Дунъ-ли-ном'а (монг. [illegible] иногда [illegible] [illegible] по тибетски это служеніе называется སྐུ་རིམ་རིམ་འགྲོ).

Очередей этихъ полагается всего шесть. Хубилгàны каждой очереди обязаны пріѣзжать въ Пекинъ попеременно въ 1-й трети одинадцатой луны. Вызванные ѣдутъ по почтовымъ станціямъ съ самымъ ограниченнымъ количествомъ свиты и по прибытіи въ Пекинъ распредѣляются на жительство по ламайскимъ монастырямъ, находящимся въ Пекинѣ. Предъ вступленіемъ въ очередное служеніе они представляются богдохāну. Службу свою начинаютъ съ перваго дня новолѣтія и за симъ въ теченіе цѣлаго года совершаютъ свои богослуженія въ Чжу̀нъ-чжэнъ-дя̄нѣ, распорядокъ же въ дѣлѣ ихъ богослуженій возлагается на пекинскаго Чжанцзя̀ хутухту̀. Въ Монголію очередные хутухты возвращаются по истеченіи срочнаго для нихъ года послѣ 15-го числа первой луны, по совершеніи обычныхъ въ эту пору при дворѣ праздниковъ и пиршествъ, къ которымъ они приглашаются. При окончаніи очереди хутухты обыкновенно представляются богдохāну и въ это время получаютъ отъ него награду. Самою обычною первою наградой служитъ предоставленіе права ѣздить въ желтой телѣгѣ, попавшіе на очередь во второй разъ обыкновенно получаютъ золотой очиръ для ношенія его на шапкѣ. Впрочемъ спеціальныя постановленія объ очередныхъ ламахъ свидѣтельствуютъ, что при отъѣздѣ ихъ представленіе къ богдохāну не составляетъ для нихъ безусловной необходимости; Лифань-юаню вмѣняется только въ обязанность довести до свѣденія

его величества искреннія и непреложныя ихъ желанія и молитвы о многолѣтнемъ его здравіи. По прибытіи хутухтъ на мѣсто ихъ жительства въ Монголіи, хошӯнные цзасакй обязаны извѣстить Ли-фань-юань обо всемъ касательно ихъ возвращенія.

Помимо этихъ поѣздокъ жизнь гэгэ̀новъ и хубилга̀новъ проходитъ весьма однообразно. Жизнь хубилга̀новъ бѣдныхъ монастырей еще нѣсколько обильнѣе дѣятельностью. Вынуждаемые необходимостью добывать средства для своего монастыря они не рѣдко выѣзжаютъ не только въ свои, но даже и въ чужіе хошӯны и никогда не отказываются отъ приглашеній освятить гдѣ либо кумирню, участвовать при богослуженіи на какомъ либо народномъ празднествѣ и пр. Путешествіе хубилга̀новъ въ этихъ случаяхъ, хотя и не сопровождается такою массою народа, какъ это бываетъ при первоначальномъ ихъ приглашеніи на монастырскую каѳедру, тѣмъ не менѣе хубилга̀ны всегда ѣздятъ съ большою свитою, часть которой отдѣляется и ѣдетъ впереди хубилга̀на, возвѣщая приближеніе его звукомъ раковинъ, бишкӯровъ, ца̀новъ и барабановъ. Мнѣ разказывали, что лѣтъ за пять до моего пріѣзда въ Чахарскія кочевья, страшно обѣднѣвшій послѣ дунганскаго погрома гобіинъ Нойнъ хутухту изобрѣлъ и еще средства для своей наживы. Выбравъ изъ своихъ ламъ болѣе способныхъ, онъ научилъ ихъ театральному искуству, устроилъ кое какія декораціи и началъ разъѣзжать по хошӯнамъ, разыгрывая мистерію, сюжетъ которой заимствовалъ онъ изъ извѣстнаго буддійскаго сочиненія «Са̀ранъ-хӯхӯгэн'ӯ намта̀ръ». Впослѣдствіи впрочемъ я узналъ, что это не было выдумкою Нойнъ хутухты; но что точно такимъ же образомъ еще раньше его разыгрывалъ какъ мистерію намта̀ръ Милара̀йбы Алаша̀ньскій хутуха. Что касается хубилга̀новъ богатыхъ монастырей, то они лишены даже и этихъ невинныхъ развлеченій и занятій. Богослуженія вообще они совершаютъ очень рѣдко, развѣ въ дни великихъ, годовыхъ хураловъ и все остальное время съ ранняго утра и до глубокой ночи просиживаютъ въ своемъ лабранѣ, принимая ламъ и поклонниковъ, слушая ихъ разказы, или играя въ шахматы. Поклонники не рѣдко являются къ хутухтамъ для

гаданія и хутухты не отказываются исполнять и обязанности ворожей; замѣчательно только, что они никогда не гадаютъ по книгамъ, какъ это дѣлаютъ цзурухайчи, а исполняютъ это дѣло, бросая особливо приготовленныя для гаданій кости. При такой бездѣятельности и однообразіи жизни хутухты всегда почитаютъ за особенное счастье, если заглянетъ къ нимъ въ монастырь какой-нибудь китаецъ, а еще больше русскій или европеецъ: тутъ разговорамъ нѣтъ и конца. Всякая новая вещь останавливаетъ на себѣ вниманіе хубилгана и, если возможно, непремѣнно пріобрѣтается имъ. Благодаря этому въ жилищахъ хутухтъ всегда можно встрѣтить много европейскихъ вещей: часы стѣнные и карманные, небольшіе органчики, стереоскопы, микроскопы, электрическія машинки, глобусы, статуетки, изображающія человѣческія расы, альбомы разнаго рода фотографическихъ европейскихъ видовъ и литографированные съ содержаніемъ, относящимся главнымъ образомъ до этнографіи и медицины. Все это хутухты никогда не преминутъ показать европейцу и если возможно прослушать отъ него объясненія о каждомъ предметѣ. При такомъ образѣ обученія, весьма неудивительно, что хубилганы на первый разъ могутъ показаться просто замѣчательными людьми; въ сравненіи съ массой они впрочемъ и дѣйствительно стоятъ неизмѣримо выше. Но европейцы вообще посѣщаютъ степи Монголіи крайне рѣдко, вотъ почему, при общей монотонности жизни монголовъ, хубилганамъ приходится не мало скучать и съ возрастомъ очень многіе изъ нихъ не рѣдко впадаютъ въ какую нибудь слабость: одни, болѣе флегматичные пристращаются къ вину, другіе къ женщинамъ, что, по буддизму, составляетъ уже не простительный грѣхъ. По этому поводу нужно замѣтить еще, что монголы смотрятъ болѣе снисходительно на такого рода связи, если хутухта мѣняетъ женщинъ; если же живетъ онъ съ одною, т. е. прямо заводитъ себѣ наложницу, то теряетъ въ народѣ всякое уваженіе. Дабанъ цзаланъ чахарскій разказывалъ мнѣ, что въ ихъ кочевьяхъ лѣтъ десять или двѣнадцать тому назадъ произошелъ скандалъ, въ свое время надѣлавшій шуму по всей степи. Въ простомъ желтомъ знамени проживалъ нѣкій ху-

тухта по имени Ра̀ю, страстно предававшійся любодѣянію. Но вотъ наступила для него очередь на цѣлый годъ ѣхать въ Пекинъ; что было дѣлать ему въ этомъ случаѣ? Онъ и надумалъ, выпросить себѣ, подъ видомъ прислужницы, жену своего племянника, обѣщая ему дать за это 600 ланъ серебра денегъ и сестру свою въ наложницы. Сторговались, хутухта уѣхалъ въ Пекинъ, но серебра не отдалъ, да и сестры своей племяннику не прислалъ. Миновалъ годъ. Ра̀я возвратился изъ Пекина въ свои кочевья уже самъ-третьей, такъ какъ племянница его родила ему сына. Понравилась ли ему эта женщина, или тяжело было ему разставаться съ матерью своего ребенка, но хутухта не отпустилъ своей племянницы и, ссылаясь на прижитаго сына, положительно отказалъ племяннику въ правѣ на его жену, въ то же время не отдавая ему и обѣщанныхъ денегъ. Раздраженный племянникъ подалъ свою жалобу на хутухту. Дѣло разсматривалось въ Синъ-бу, которое, еще до окончательнаго рѣшенія дѣла, подъ благовиднымъ предлогомъ перемѣстило Ра̀ю въ одинъ изъ ху̀хэ-ну̀рскихъ монастырей. Ра̀ю сильно поплатился китайскимъ чиновникамъ, но уѣхалъ все таки съ племянницей и дальнѣйшая судьба его осталась неизвѣстна разказчикамъ.

Въ молодыхъ лѣтахъ хубилга̀ны не рѣдко пристращаются еще къ охотѣ. Подобравъ себѣ компанію изъ молодыхъ гэцу̀лей и гэлу̀новъ, они уѣзжаютъ изъ монастыря иногда недѣли на двѣ и болѣе, проводя все это время подъ открытымъ небомъ и преслѣдуя козъ, антилопъ, волковъ и лисицъ. Страсть эта иногда переходитъ и въ болѣе худшее. Отрядъ мирныхъ охотниковъ нерѣдко превращается въ шайку грабителей. Выше я упоминалъ у̀же о хубилга̀нѣ гобійнъ Нойнъ хутухты. О третьемъ видѣ этого хутухты разказываютъ, какъ постепенно изъ охотника перешелъ онъ въ такого грабителя, что по дорогамъ буквально не было проѣзда отъ его шайки: онъ грабилъ не только отдѣльныхъ кочевниковъ, но и цѣлые купеческіе караваны, забирая все награбленное въ свой монастырь и, путемъ подачекъ, избѣгая всякой отвѣтственности. Мѣра китайскаго терпѣнія и чиновничьяго попустительства исполнилась только тогда, когда хутухта ограбилъ

казенный транспортъ съ серебромъ, шедшій въ кочевья Сэцэнъ-хана. Хутухту поймали и судили въ Пекинѣ, послѣ чего высочайшимъ приказомъ богдохана ему навсегда запрещено было перерождаться. Съ тѣхъ поръ оффиціально гобійнъ Нойнъ хутухты въ Монголіи уже не существуетъ; хотя это не препятствуетъ существовать ему въ дѣйствительности и монголы относятся къ его, непризнаваемымъ правительствомъ хубилганамъ съ своимъ обычнымъ почтеніемъ; о разбойникѣ же хутухтѣ они говорятъ, что это былъ «дошхйнъ дўрй», т. е. жестокій, или свирѣпый видъ хутухты.

Лѣтъ съ сорока, или сорока пяти хубилганы дѣлаются уже степенными и, сколько мнѣ приходилось замѣчать, въ это время они дѣлаются крайне честолюбивыми. Вся жизнь ихъ сосредоточивается на помыслахъ о полученіи наградъ и отличій. Къ сожалѣнію, средствъ для выслуги осталось у нихъ теперь очень не много. Въ былыя времена хубилганамъ было выслуживаться очень легко, стоило только уговарить какую нибудь, возмутившуюся противъ китайской власти шайку монголовъ и—награда заслужена; теперь монголы стали кротки какъ овцы и единственнымъ средствомъ для хубилгановъ пріобрѣсти себѣ какое нибудь повышеніе осталось представленіе пожертвованій въ пользу богдоханской арміи. Просьбы представить такія пожертвованія то отъ одного, то отъ другаго хубилгана богдоханъ получаетъ по нѣскольку разъ въ годъ, хотя и очень рѣдко удовлетворяетъ ихъ. Награды для хутухтъ въ порядкѣ постепенности бываютъ слѣдующія: награда платьемъ; дозволеніе имѣть желтыя поводья у верховой лошади; пожалованіе желтой телѣги для ѣзды; дозволеніе носить вачйръ на шапкѣ; пожалованіе какого нибудь титула къ имени; дозволеніе ѣздить въ желтыхъ носилкахъ; пожалованіе желтаго пояса на юрту, въ которой обыкновенно живетъ хубилганъ; наконецъ пожалованіе желтой ограды вокругъ всего двора хубилгана.

Извѣстіе о болѣзни хубилгановъ, особенно серіозной, всегда производитъ въ окольныхъ степяхъ значительное движеніе. Къ хубилганамъ съѣзжаются всѣ лучшіе окрестные врачи; въ монастырѣ

хубилгана ламы съ ранняго утра и до глубокой ночи непрестанно совершаются гӯрӯмы, т. е. молебствія объ исцѣленіи болящаго; наконецъ, въ крайнемъ случаѣ, хубилгану подносятъ даньшйкъ, съ обычною при этомъ молитвою «батӯ орошйлъ», въ которой просятъ хубилгана не покидать свое настоящее бренное тѣло, не измѣнять свою матеріальную оболочку, но жить для блага его почитателей и руководить ихъ въ дѣлѣ спасенія. Само собою разумѣется, что молитвы эти не всегда бываютъ услышаны и хубилганы умираютъ, какъ и всѣ прочіе люди.

Тѣла умершихъ хубилгановъ предаются погребенію двумя способами: ихъ или сожигаютъ, или же бальзамируютъ и какъ мумій поставляютъ въ субургȧнахъ. Болѣе обычнымъ способомъ погребенія слѣдуетъ однако признать сожженіе. Немедленно послѣ смерти хубилгана, тѣло его сажаютъ въ молитвенное положеніе, т. е. со скрещенными ногами (цзабилāтъ) и правую руку поднимаютъ, согнувъ въ локтѣ и вложивъ между пальцами какую нибудь хурульную принадлежность: колокольчикъ, вачйръ и пр. На второй день начинается уже бальзамированіе трупа, при чемъ его не анатомируютъ, а только натираютъ разнаго рода благовоніями и спиртуозными жидкостями, потомъ обмазываютъ составомъ соли, можжевельника и другихъ веществъ. Такъ поступаютъ въ томъ случаѣ, если тѣло приготовляется къ сожженію. Самое сожженіе бываетъ недѣли черезъ три, или даже черезъ мѣсяцъ послѣ кончины. День для исполненія этого обряда, а равно и мѣсто совершенія его опредѣляется цзурухȧйчіями. Сутокъ за трое до этого дня, тѣло гэгэна, освобожденное отъ всякихъ соляныхъ притирокъ, выносятъ въ дворецъ для поклоненія народа, а на канунѣ сожженія ламы уже окончательно приготовляютъ его къ погребенію. Трупъ съ головы до ногъ обвертывается полотномъ, смоченнымъ въ растопленную смолу и масло, затѣмъ его увязываютъ андреевскихъ крестомъ, на подобіе того, какъ у насъ пеленаютъ дѣтей; поверхъ этого его обматываютъ еще ватою, также точно смоченною смолой, а на макушкѣ дѣлаютъ одинъ рожокъ, долженствующій служить какъ бы фитилемъ. Въ этомъ видѣ трупъ усаживаютъ на носилки, покрываемыя какою нибудь

бѣлою матеріею. Перенесеніе тѣла къ мѣсту погребенія начинается обыкновенно раннимъ утромъ и всегда при многочисленномъ стеченіи народа. Шествіе открываетъ старѣйшій лама, котораго при этомъ случаѣ всегда носятъ въ бѣлыхъ носилкахъ. За нимъ слѣдуютъ носилки съ трупомъ покойнаго, а еще далѣе духовенство и народъ. На самомъ мѣстѣ, гдѣ должно сожигать покойника, въ это время уже бываетъ приготовлена яма, значительно болѣе широкая, чѣмъ нужно для помѣщенія трупа. На дно этой ямы кладется большая желѣзная сковорода, а на ней утверждается большой таганъ. Вокругъ сковороды укладываются цѣлыя поленницы дровъ, высотою до устья ямы. Въ нѣкоторомъ разстояніи по сѣверной сторонѣ ямы устраивается возвышеніе, предназначаемое для постановки на немъ бурхановъ, а равно и для сѣдалищъ, имѣющихъ совершать молебствіе хуваракoвъ.

По прибытіи на мѣсто, ламы усаживаются на свои сѣдалища и начинаютъ чтеніе номовъ; трупъ почившаго поставляется въ это время на носилкахъ въ пространствѣ между ямою и сѣдалищами ламъ. Лишь только оканчивается чтеніе молитвословій, первенствующій лама издаетъ продолжительный звонъ въ колокольчикъ. Въ это время старѣйшіе и почтеннѣйшіе изъ гэлунговъ снимаютъ тѣло хубилгана съ носилокъ и утверждаютъ его на таганѣ, въ видѣ сидящаго человѣка. Послѣ сего предсѣдательствующій въ молебствіи встаетъ съ своего мѣста, въ сопровожденіи главнѣйшаго духовенства подходитъ къ ямѣ и зажигаетъ фитиль, оставленный на макушкѣ завязаннаго трупа; старѣйшіе изъ ламъ вслѣдъ за симъ поджигаютъ горючія вещества, заложенныя между дровами костра: пламя вспыхиваетъ и огонь мгновенно охватываетъ полотно, въ которое бываетъ обвернуто тѣло покойнаго. Вслѣдъ за старшими ламами и каждый изъ присутствующихъ хуваракoвъ точно также считаетъ своею обязанностью увеличить силу огня; поэтому каждый изъ нихъ кидаетъ на костеръ смолу, бересту, шерсть, сухую траву и пр.; другіе льютъ растопленное масло, водку, подбрасываютъ кусочки бараньяго сала и тому подобныя горючія вещества. Когда наброшенный костеръ дровъ бываетъ уже сполна объятъ пламенемъ,

тогда послѣ краткихъ молитвъ и непродолжительнаго тихаго пѣнія, ламы сходятъ съ помоста и въ прежнемъ порядкѣ возвращаются во свояси. При горящемъ трупѣ остается только нѣсколько ламъ, особливо къ тому назначенныхъ. Сожиганіе продолжается иногда до полуночи, а иногда и до утра другаго дня. Изъ пепла, собираемаго потомъ со сковороды, съ примѣсью къ нему лучшей и нарочно приготовляемой для этого глины съ клейкими веществами, дѣлаются небольшія статуетки бурхановъ, которыя ставятся или въ кумирняхъ, или же въ нарочно устраиваемыхъ для сего часовняхъ, на мѣстѣ погребенія хубилгȃна. Такъ поступаютъ, если останки хубилгȃна погребаются въ Монголіи; но есть хубилгȃны, которые въ Монголіи не погребаются, а отвозятся или въ Тибетъ, или въ У-тай-шань. Пепелъ таковыхъ покойниковъ по окончаніи сожженія собираютъ въ особый ящикъ, который потомъ ставятъ въ субургȃнъ и въ этомъ видѣ, на бѣломъ верблюдѣ отправляютъ къ мѣсту назначенія. Говорятъ, что въ Тибетѣ такіе субургȃны ставятъ въ кумирняхъ, а въ У-тай-шан-и на особыхъ кладбищахъ, для которыхъ монголы якобы имѣютъ опредѣленную, испрошенную у богдохȃна землю. Замѣчательно при этомъ, что погребеніе въ У-тай-шан'и считается у монголовъ за болѣе священное, чѣмъ даже въ Тибетѣ. Очень можетъ быть, конечно, что это повѣрье возникло именно по той трудности, съ которою соединяется погребеніе въ У-тай-шан'и. Хубилгȃнъ, желающій быть погребеннымъ на этихъ горахъ, долженъ, еще при жизни своей, испрашивать у богдохȃна позволеніе на таковое погребеніе и внѣ этой оффиціальности и богдохȃнскаго соизволенія похороны въ У-тай-шан'и, по законамъ, рѣшительно невозможны. Это правило относится не къ однимъ хутухтȃмъ, но равнымъ образомъ распространяется на князей и вообще на всѣхъ монголовъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда трупъ хубилгана хотятъ сохранить въ видѣ муміи, его подвергаютъ точно такому же бальзамированію, хотя употребляютъ для этого болѣе сильныя средства и самое бальзамированіе производится гораздо дольше. Было бы весьма интересно, если бы спеціалисты дѣла изслѣдовали весь тотъ со-

ставъ, который употребляютъ монгольскіе медики при бальзамированіи сохраняемыхъ труповъ; для людей же, непосвященныхъ во всѣ тайны медицины, въ этомъ случаѣ разница представляется во 1-хъ въ томъ, что трупъ не только натирается составомъ изъ соли, но при этомъ еще и накалывается очень тоненькимъ шильцемъ, на подобіе иголки; во 2-хъ въ томъ, что поверхъ этой мастики трупъ весь засыпается солью, такъ что, пришедши въ юрту, гдѣ помѣщается бальзамируемый трупъ, можно видѣть только одну груду соли. Въ этомъ положеніи трупъ пробываетъ мѣсяца два и когда его освобождаютъ отъ состава, то онъ является уже совершенно высохшимъ. Послѣ этого части тѣла, свободныя отъ одеждъ и прежде всего лице, покрываютъ позолотою; поверхъ позолоты на лицѣ трупа разрисовываютъ брови, усы и губы, хотя оставляютъ закрытыми глаза. Такой трупъ хубилгана называется «шарилъ»; (отъ санскр. chârîra, — тиб. རིང་བསྲེལ)

его садятъ въ серебряный субурганъ и съ торжественнымъ богослуженіемъ ставятъ въ кумирнѣ, послѣ чего ему воздаютъ божескія почести. Для европейцевъ видѣть мощи хубилгановъ, похороненныхъ въ Ургѣ, кажется, положительно не возможно, потому что ургинскіе ламы придаютъ уже черезъ чуръ много важности этой святынѣ; но въ другихъ монастыряхъ, гдѣ имѣются погребенные такимъ образомъ хутухты, познакомившись съ ламами, всегда можно попросить ихъ показать шарилъ и монастырскіе слуги охотно исполнятъ это даже за самую незначительную плату.

V.

Богослуженія или хуралы.

Выше, при описаніи духовенства и его жизни, я упоминалъ уже, что монгольскіе ламы послѣ того, какъ принимаютъ они высшіе обѣты, начиная съ обѣтовъ гэлўна, почти не участвуютъ въ богослуженіяхъ. Не говоря уже о тѣхъ небольшихъ кумирняхъ, которыя одиноко разбросаны на пространствѣ монгольскихъ

степей и при которыхъ вовсе не совершается богослуженій, потому что причисленные къ нимъ ламы не живутъ при нихъ постоянно, даже въ такихъ большихъ монастыряхъ, каковы Урга, Эрдэнй цзӯ и Барӯнъ-хӯрѣ, богослуженіе въ обыкновенные дни совершается одними только младшими хуваракàми, — учениками, состоящими въ возрастѣ отъ 8 до 18 лѣтъ. Хурàломъ обыкновенно заправляетъ одинъ старый лама гэлӯнъ (лацàбъ); необходимо участвуетъ при каждомъ, совершаемомъ въ кумирнѣ хурàлѣ — унзàтъ; за порядкомъ смотритъ гэбкӯй, или гэйкъ. Вотъ три старшіе члена, всегда присутствующіе въ большихъ монастыряхъ при богослуженіяхъ *малыхъ*, вседневныхъ; болѣе же полное собраніе старшихъ ламъ бываетъ только въ дни *великихъ* хурàловъ, полагаемыхъ по праздникамъ, (монг. ᠶᠡᠬᠡ ᠬᠤᠷᠠᠯ, тиб. དུས་བཟང་) и въ дни постовъ и покаянія (бацàкъ). Такое дѣленіе хурàловъ на великіе и малые принято мною не на основаніи только личнаго наблюденія; нѣтъ, они различаются точно такимъ же образомъ и въ каноникѣ буддизма и, согласно правиламъ послѣдней, монголы отличаются «йэхэ хурàлъ», т. е. *большое* служеніе, совершаемое только въ особые, для сего назначенные дни, отъ «багà хурàла», или служеній *малыхъ*, вседневныхъ. Послѣднія у ламъ какъ халхаскихъ, такъ и чахарскихъ, а равно и бурятскихъ болѣе часто называются «чжисà», что значитъ въ переводѣ служеніе «очередное», обычное.

Согласно правиламъ, которыя были прочитываемы мною въ различныхъ монастыряхъ и исполненіе которыхъ было лично наблюдаемо мною, великіе хурàлы совершаются по монастырямъ Монголіи въ слѣдующіе дни:

Весною съ 1-го по 16-е число включительно 1-й луны, называемой у монголовъ «Цагāнъ-сарà», (тиб. ཟླ་བ་དང་པོ), т. е. бѣлый мѣсяцъ, или что тоже въ теченіе первыхъ шестнадцати сутокъ, начиная со дня новаго года. Цагāнъ сарà считается новолѣтіемъ и главнѣйшимъ изъ годовыхъ праздниковъ въ общественной жизни монголовъ; назначеніе же совершенія великаго хурàла именно въ теченіе шестнадцати сутокъ обусловливается

въ ламской каноникѣ необходимостью принесенія молитвъ во 1-хъ, по случаю новолѣтія; во 2-хъ, по случаю воспоминанія о совершеніи въ эти дни буддою Шигэмӯніемъ различныхъ чудесъ въ доказательство истинности проповѣдуемой имъ вѣры и божественности ея происхожденія; и въ 3-хъ, наконецъ, по случаю воспоминаній о побѣдахъ, одержанныхъ буддою надъ шестью лжеучителями ([illegible]), которые въ Энэткэк'ѣ (Индіи) начали вооружать народъ противъ новой вѣры и желали торжественно опровергнуть шигэмӯніево ученіе. Въ біографіяхъ Шигэмӯнія разказываются подробно обстоятельства этихъ пятнадцати дней, неоспоримо, богатѣйшихъ изъ всей жизни Шигэмӯнія по прославившимъ его событіямъ. Я укажу эти обстоятельства хотя кратко.

Шигэмӯни, послѣ того, какъ пріобрѣлъ онъ достоинство будды и вступилъ на проповѣдь, на первыхъ же порахъ пріобрѣлъ себѣ противниковъ въ лицѣ поборниковъ старыхъ вѣръ, причемъ протесты противъ новаго ученія особенно сильно раздавались со стороны шести богослововъ, свѣденія объ именахъ и дѣятельности которыхъ можно получить въ каждой біографіи Бурхàнъ-бакши. Возмущая народъ противъ новой вѣры, еретики хотѣли еще и торжественно опровергнуть ученіе Шигэмӯнія; но будда избѣгалъ состязаній и уходилъ отъ своихъ враговъ въ разныя царства. Наконецъ ко дню новаго года «мужчины, огня и дракона», онъ прибылъ въ Шравàсту и здѣсь рядомъ чудесъ возвеличилъ свое имя и свое ученіе. Такъ:

1-го числа первой луны, когда Гэгэ̀нъ-илагӯхсанъ [1]) хàнъ приготовилъ духовный пиръ для будды, послѣдній, въ виду всего множества собравшагося народа, воткнулъ свою деревянную зубочистку въ землю, и вдругъ изъ нея выросло дерево, которое по своимъ свойствамъ равнялось семи драгоцѣнностямъ, раскинуло свои вѣтви на 500 миль (бэрэ̀) и имѣло плоды, величиною съ

---

1) Гэгэ̀нъ илагӯхсанъ = санскр. Прасанджита, — названіе царя управлявшаго Шравàстой; по монгольски онъ называется еще иногда «Тодорхòй-илагӯхсанъ.

сосудъ, вмѣщающій въ себѣ пять ведеръ воды. Видъ и блескъ этого дерева подавляли своимъ величіемъ солнце и луну, а когда колыхалъ его вѣтеръ, то отъ него на все царство распространялось благовоніе; въ шелестѣ листьевъ его слышались слова молитвы.

2-го числа, во время принесенія жертвъ царемъ Удіяны [1]) будда по обоимъ сторонамъ своимъ произвелъ высокія горы съ растущими на нихъ великолѣпными лѣсами фруктовыхъ деревьевъ. Такимъ образомъ въ горахъ, находившихся по правую сторону его, вкушали плоды люди; а по горамъ лѣвой стороны паслись животныя, наслаждаясь сочною травою.

3-го числа, во время принесенія жертвъ царемъ Шончжинтала̀ [2]), будда выплюнулъ на землю воду, которою полоскалъ свой ротъ и эта вода превратилась въ громадное озеро, величиною въ 200 миль (бэрэ̀), полное воды. Посреди озера выросло множество разноцвѣтныхъ па̀дмъ, блескъ которыхъ освѣтилъ всѣ страны міра.

4-го числа приносилъ жертвы царь Индра-вармѝ и въ это время будда изъ прежде сотвореннаго имъ озера произвелъ чудесный голосъ, который проповѣдывалъ семь отдѣловъ священнаго ученія.

5-го числа приносилъ жертвы царь Эсру̀нъ-у̀кгухчѝ [3]) и въ это время изъ улыбки будды разсѣялся свѣтъ въ трехъ тысячахъ міровъ; тѣ существа, на которыя упалъ онъ, сдѣлались блаженными.

6-го числа приносили жертву Личжа̀й'цы; въ это время друзья будды, а равно и всѣ собравшіеся къ нему познали мысли одинъ другаго, каждый вполнѣ уразумѣлъ свои добродѣтельные и грѣховные поступки, а равно и послѣдующее за ними возмездіе; вслѣдствіе же вѣрованія въ возмездіе за дѣла, всѣ восхваляли

1) Удія̀на, иначе Уджя̀нъ, по мнѣнію Ѳомы Чоросскаго, тоже, что Уджэйнъ (Ougien) въ Мальвѣ, въ Индіи.

2) У другихъ называется Шучжадала.

3) Въ калмыцкихъ рукописяхъ называется «Цанджійнъ ха̀нъ».

достоинство будды и стяжали собраніе высочайшихъ добродѣтелей.

7-го числа, во время жертвоприношеній Шакъя̀сцевъ, будда возбудилъ у всѣхъ высочайшее благоговѣніе и стремленіе къ священному ученію тѣмъ, что показалъ себя во всемъ своемъ небесномъ величіи, окруженнымъ ха̂нами чакрава̂ртинами, множествомъ мелкихъ царей и толпою чиновниковъ и благородныхъ. Что касается лжеучителей, то они въ это время были совершенно безсильны для того, чтобы произвести какое нибудь чудо: мысли ихъ путались, языкъ онѣмѣлъ, всѣ чувства находились подъ вліяніемъ какого-то внѣшняго давленія, препятствовавшаго имъ обнаружить свои силы и свое искуство въ магическихъ превращеніяхъ.

8-го числа буддѣ съ подобающими почестями приносилъ жертвы тэ̀нгри Хормуста̀; въ это время будда прикоснулся перстомъ правой руки своей къ трону, на которомъ сидѣлъ и внезапно появилось пять мангўсовъ. Они разрушили сѣдалища шести еретическихъ учителей, а Ва̀чжра-па̂ни прогналъ ихъ своимъ вачи̇ромъ. 91,000 почитателей ихъ перешли на сторону будды и приняли духовное званіе.

9-го числа приносилъ жертвы Эсруа̀-тэнгри и въ это время будда, сидѣвшій на львиномъ престолѣ въ городѣ Шрава̀стѣ, вдругъ представился выросшимъ до небесъ и въ этомъ видѣ проповѣдывалъ священное ученіе всѣмъ одушевленнымъ существамъ.

10-го числа, во время принесенія жертвъ четырьмя Махара̀нцзами, обитающими въ четырехъ различныхъ сторонахъ горы Сумэ̀ру, будда сдѣлался видимымъ одновременно по всѣмъ царствамъ матеріальнаго міра и во всеуслышаніе проповѣдалъ свое ученіе.

11-го числа приносилъ жертвы одинъ изъ жителей Шрава̀сты, именуемый по монгольски Итэгэ̀лъ ӱгэ̀й идэгэ̄нъ ӱглигэ̀тӱ (санск. Anâtha pin'd'ada, тиб. མགོན་མེད་།ཟས་སྦྱིན་།) [1]). Будда, сидя на

1) У Калмыковъ имя этаго буддиста называется: [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] (или [illegible]) [illegible]

золотомъ престолѣ, превратилъ свое тѣло въ неизрѣченный свѣтъ, который наполнилъ своимъ сіяніемъ три тысячи міровъ.

12-го числа, во время принесенія жертвы однимъ благочестивымъ поклонникомъ будды, по имени Чанда̀, будда, по силѣ созерцанія, испустилъ изъ своего тѣла златовидный лучъ и освѣтилъ имъ всѣ царства трехъ тысячъ міровъ. Всѣ тѣ существа, на которыхъ упало сіяніе этого луча, исполнились душевнаго спокойствія, сдѣлались любящими другъ друга истинно родственною, братскою любовью и въ этомъ состояніи прослушали ученіе, которое преподавалъ имъ будда.

13-го числа приносилъ жертвы царь Шончжитала̀ и въ это время будда испустилъ кверху изъ своего пупка два луча, которые поднялись на высоту семи саженей; на оконечности ихъ выросло по одной падмѣ, при чемъ изъ средины каждаго цвѣтка вышло по два хубилга̀на будды, въ свою очередь выпускавшіе по два луча, оканчивающихся падмами и служащими сѣдалищемъ для новыхъ хубилга̀новъ. Такимъ образомъ отъ одного хубилга̀нскаго тѣла будды происходило два, отъ двухъ четыре, отъ четырехъ восемь, отъ восьми шестьнадцать и т. д. до тѣхъ поръ, пока этими цвѣтками па̀дмы и хубилга̀нами не наполнилась вся вселенная и будда не проявилъ повсюду своего величія, сдѣлавшись видимымъ по всѣмъ странамъ.

14-го числа приносилъ жертвы царь Удрайя̀на. Когда Удрайя̀на посыпалъ цвѣты на будду, то послѣдній магическою силою произвелъ колесницу на столько высокую, что она достигала до царства Ишвары. Вмѣстѣ съ нею образовалось и еще 1250 другихъ колесницъ, въ каждой изъ которыхъ возсѣдало по одному хубилга̀ну будды. Лучезарное сіяніе, исходившее отъ лица этихъ буддъ, наполнило своимъ блескомъ всѣ три тысячи міровъ.

15-го числа приносилъ жертвы царь Ро̀ба га̀рби [1]). Въ это время будда наполнилъ всѣ сосуды пищею, которая имѣла сто

1) Монг. «Цокцас'ӯнъ чжирӯхэнъ», а калм. «Дӯрсӯтӯ чжирӯкэнъ». Біографія Шигэмӯнія называетъ этого царя сверстникомъ Шигэмӯнія и правителемъ города Варана̀си.

различныхъ вкусовъ и если отвѣдать ее, то разливала довольство и по душѣ, и по тѣлу. Въ тоже время онъ коснулся земли своею правою рукою и въ это мгновеніе для всѣхъ окружающихъ сдѣлались очевидными тѣ многоразличныя страданія, которыя испытываютъ существа, обитающія въ восемьнадцати областяхъ ада. Всѣ смутились, у всѣхъ въ высшей степени зародилось чувство опасенія и страха. Тогда будда началъ свою проповѣдь, результатомъ которой было то, что одни изъ существъ послѣ своей смерти возродились тэ̀нгріями, другіе положили начало стремленію къ святости, третьи пріобрѣли степень побѣдителей враговъ (= архан'овъ) и т. д.

Таковы событія, воспоминаемыя буддистами въ первые пятьнадцать дней мѣсяца Цагāнъ сарà. Что касается богослуженій, то порядокъ ихъ въ Ургѣ и другихъ главнѣйшихъ монастыряхъ Халхи въ эти дни слѣдующій:

Утромъ, 1-го числа 1-й луны, въ трехъ отдѣльныхъ хурàлахъ, совершаются молебствія въ честь трехъ геніевъ повелителей сансàры ([Mongolian script]). Потребности для этого хурàла, необходимыя какъ для храмовыхъ жертвъ бурханамъ, такъ и для всего собранія ламъ, доставляются въ большихъ монастыряхъ совмѣстно всѣми монастырскими àймаками, а въ малыхъ сумўнныхъ сўмэ — ламами, причисленными къ этому сўмэ̀ и совершающими въ немъ служеніе.

2-го числа, утромъ, въ двухъ отдѣльныхъ хурàлахъ, совершаютъ молебствія и приносятъ жертвы Эрлйкъ хāну (གཤིན་རྗེའི་རྒྱལ་པོ་) и Сюльдэ̀-тэ̀нгри. Потребности для этихъ хурàловъ также точно доставляются въ большихъ монастыряхъ въ главное монастырское казначейство изо всѣхъ монастырскихъ àймаковъ.

3-го числа каждый монастырскій àймакъ, въ отдѣльности, чествуетъ своего сакўсуна ཆོས་བསྲུང་, т. е. генія покровителя своего храма.

4-го числа ламы внѣ монастырской ограды служатъ сàнъ и за симъ развѣшиваютъ по угламъ монастырскихъ зданій, а равно

и въ потребныхъ мѣстахъ по стѣнамъ монастырской ограды дарцо̀къ (དར་ལྕོག་).

5-го числа, утромъ каждый а̀ймакъ чествуетъ генія покровителя мѣстности своего монастыря или храма (ᠭᠠᠵᠠᠷ ᠤ ᠡᠵᠡᠨ).

6-го и 7-го числа бываетъ по пяти отдѣльныхъ хура̀ловъ, совершаемыхъ въ честь «Цага̄нъ-шӯхӯртэй».

8-го числа. Въ двухъ отдѣльныхъ хура̀лахъ служатъ «Йэхэ-харигӯлга». Потребности для этого хура̀ла собираетъ монастырскій дэмчѝ со всего прихода. Съ этою цѣлью онъ выходитъ изъ монастыря еще вечеромъ 5-го числа и обходитъ всѣ дома монастырскихъ милостынедателей, принимая ихъ приношенія. Собравши все, онъ привозитъ эти пожертвованія въ монастырскій са̀нъ. Вечеромъ, 8-го числа, въ соборной монастырской кумирнѣ ламами всѣхъ а̀ймаковъ совершается еще одинъ хура̀лъ, въ которомъ исполняется жертвоприношеніе «соносхо̀й тахѝль».

Съ 9-го по 14-е число включительно, ежедневно совершается по три отдѣльныхъ хура̀ла, а именно: утромъ, ламы читаютъ a) ламайнъ тахѝль, b) микчжѝмъ и c) лама̀ бурхану̀ цзальбарѝлъ; въ полдень: a) ухія̄лъ, b) насун'ӯ тарнѝ и c) цага̄нъ балѝнъ; вечеромъ: a) ритѝ хубилга̄ну мактага̄лъ, b) ирӯгэлъ и c) Дара̀-эхэ̀.

15-го числа необходимо служится Ухія̄лъ и Ханга̀лъ, или служеніе до̀кшѝтамъ, при чемъ читаются гимны въ честь Яма̀нтаги (тиб. Чжикчжѝтъ), Эрлѝкъ ха̄на (Чо̀йчжѝль), Ухѝнъ тэ̀нгри (Хла̄ма), Бисма̀нъ тэ̀нгри (тибетск. Намсара̀й), Эгэ̀чи дӯ (Чжамсара̀на), Эсруа̀ (Ца̀нба), Махага̀лы (Го̀мбо) и хубилга̀на сего послѣдняго, именуемаго Цага̄нъ Махага̀ла (Гонго̀ръ). Кромѣ того это единственное время, когда совершается чтеніе гимновъ въ честь докшѝта Хайнкирва, иначе Хаягрѝва (тиб. Да̀мъ-дѝнъ). 16-го числа въ честь его совершается служеніе въ послѣдній разъ и этимъ великій хура̀лъ Цага̄нъ сара̀ оканчивается. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, какъ напр. въ кобдоскомъ Шара̀ сӯмэ̀ и въ Цага̄нъ ӯлаинъ сӯмэ̀ мнѣ пришлось найти въ этотъ день совершеніе церемоній круговращенія Ма̀йдари и ца̀ма. По̀ исполненіи этихъ церемоній ламами снова совершается Ухія̄лъ, а равно читаются макта̄лъ и ирӯгэлы.

За симъ великій хура̀лъ въ 1-й лунѣ полагается 29-го числа. Въ составъ его входитъ служеніе ханга̀лъ, — докшѝтское и чтеніе особыхъ молитвословій объ исполненіи желаній. Такого рода великій хура̀лъ совершается каждый мѣсяцъ, въ послѣдній день его, почитаемый баца̀комъ, т. е. днемъ покаянія и поста. По числамъ дни эти чередуются послѣдовательно, приходясь сначала въ 29-й день мѣсяца, а потомъ въ 30-й.

Во 2-й весенней лунѣ великій хура̀лъ полагается 15-го числа, когда читаютъ «Оточ̀и бурхану̀ цза̀нъ у̀йлэ».

Ханга̀лъ совершается 30-го числа.

Въ третьей весенней лунѣ великій хура̀лъ полагается 15-го числа. Помимо баца̀ка богослуженіе совершается въ этотъ день съ особеннымъ торжествомъ, потому что онъ почитается днемъ, въ который будда впервые проповѣдывалъ тарнист̀ическое ученіе. Въ составъ богослуженія входятъ молебствіе въ честь Биру̀заны (отъ санск. Vâirôtchana, монг. ᠮᠠᠰᠢ ᠭᠡᠢᠭᠦᠯᠦᠨ ᠵᠣᠬᠢᠶᠠᠭᠴᠢ тиб. རྣམ་པར་སྣང་མཛད་), послѣ чего возносятся тах̀илы (жертвоприношенія) отдѣльно генію хранителю (ᠨᠣᠮ ᠤᠨ ᠰᠠᠬᠢᠭᠤᠯᠰᠤᠨ тиб. ཆོས་སྐྱོང) каждаго монастырскаго а̀ймака.

Ханга̀лъ совершается 29-го числа.

Въ лѣтніе мѣсяцы великіе хура̀лы совершаются: въ 1-й лунѣ 7-го числа, когда вспоминается событіе рожденія будды изъ подъ правой мышки царицы Махама̀и въ саду Ло̀мби. 8-го числа, почитаемаго днемъ, въ который будда у священнаго субурга̀на обрилъ свои волосы и принялъ духовное званіе. Съ 8-го по 15-е число включительно великій хура̀лъ совершается ежедневно и назначается въ воспоминаніе двухъ чрезвычайныхъ событій, именно: 15-го числа перваго лѣтняго мѣсяца Шигэму̀ни пріобрѣлъ достоинство будды и 15-го же числа этого мѣсяца онъ переселился въ нирва̀ну, т. е. скончался. Въ этотъ же день скончались: Балда̀нъ-Хла̀ма, будда Амогас̀идди и многіе другіе. По этой-то причинѣ на великомъ хура̀лѣ этихъ дней бываетъ чтеніе гимновъ докш̀иту Хла̀ма, при чемъ возносится особый балинъ, тибетское имя котораго Данъ-ра̀къ-дурма̀, а по монгольски онъ

называется «ачилаху̇ бали̇нъ». Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ въ теченіе трехъ послѣднихъ дней, 13, 14 и 15-го чиселъ, служатъ ганьчжурӹйнъ хура̇лъ, при чемъ прочитывается отъ доски и до доски весь ганьчжу̇ръ, а 15-го числа повсюду совершается Ямандага̇йнъ (Янанъ-така̇) тахи̇ль. Въ тотъ же день приносятся жертвы геніямъ покровителямъ монастырскаго са̇н'а (казначейства).

Ханга̇лъ совершается 30-го числа.

Во второй лунѣ великій хура̇лъ совершается 15-го числа, при чемъ отправляются молебствія въ честь бурхана Аю̇ши (ཨ་ཡུ་ཤི་). Каждое подаяніе, поступившее въ этотъ день въ доходъ монастыря и превышающее цѣну одного ци̇на (около 20 коп. сер.) отдается монастырскими ламами въ главный монастырскій са̇нъ.

Ханга̇лъ совершается 29-го числа.

Въ третьей лунѣ съ 1-го по 8-е число включительно совершается торжество, извѣстное подъ тибетскимъ именемъ Чо̇йнкоръ-ду̇йцзанъ; монгольскіе же ламы зовутъ его на своемъ языкѣ «ному̇нъ ху̇рдэ эргигу̇лху̇й сайнъ у̇ду̇ръ, что значитъ — праздникъ проповѣди. Онъ установленъ въ память того событія, что Шигэму̇ни въ эти дни, по просьбѣ тэнгріевъ Ишвары, Хормустӹ и другихъ, впервые проповѣдалъ основанное имъ у̇ченіе, заключавшееся въ толкованіи о четырехъ истинахъ. Съ 8-го по 15-е число исполняется такъ называемый ма̇ніинъ-хура̇лъ, служеніе котораго совершается какъ въ монастырскихъ кумирняхъ, такъ и за стѣнами монастыря. Въ кумирняхъ ламы читаютъ, смѣняясь по очереди, два, или четыре раза, равнымъ образомъ и для служеній внѣ монастырской ограды образуется также двѣ, или четыре очереди. При восхожденіи солнца служеніе начинается на западной сторонѣ монастыря и продолжается приблизительно часовъ до 2-хъ дня. Въ полдень служеніе начинается на восточной сторонѣ монастыря другою очередью ламъ и, въ то время какъ эта послѣдняя очередь приступаетъ къ чтенію призываній, ламы западной стороны приносятъ въ жертву бали̇нъ и оканчиваютъ

свое чтенiе. При захожденiи солнца снова собирается и начинаетъ свое служенiе третья очередь ламъ на западной сторонѣ монастыря и, въ то время какъ приступитъ она къ чтенiю призыванiй, приносятъ балѝнъ и оканчиваютъ свое чтенiе ламы восточной стороны. Въ полночь начинаетъ служенiе четвертая очередь ламъ опять на восточной сторонѣ кумирни и, въ то время какъ приступитъ она къ чтенiю призыванiй, ламы западной стороны оканчиваютъ свое чтенiе. На другой день при восхожденiи солнца снова собираются ламы на западной сторонѣ и тѣмъ же порядкомъ отправляютъ свое служенiе. Такимъ образомъ мàнiинъ хурàлъ совершается съ 8-го по 15-е число включительно. Но помимо сего 15-е число празднуется съ особеннымъ торжествомъ, основанiемъ для котораго служитъ воспоминанiе о зачатiи Шигэмӯни. До зачатiя своего въ этомъ мiрѣ бурхàнъ бакшѝ находился въ царствѣ тэ̀нгрiевъ (Тушѝта) и былъ бодисàтвою съ именемъ Дамбàдогàръ. (དམ་པ་ཏོག་དཀར་ монг. [illegible]) [1]). Въ этотъ день онъ окончилъ перерожденiе у тэ̀нгрiевъ и, спустившись съ неба подъ видомъ бѣлаго слона, для блага одушевленныхъ существъ Цзамбутѝба, вошелъ въ утробу царицы Махамàи.

Къ этому мѣсяцу у монголовъ относится еще служенiе *Яра* (отъ тибет. དབྱར་གནས་, что значитъ по монг. [illegible]), которое принадлежитъ также къ числу великихъ хурàловъ. Служенiе это совершается въ Монголiи только по большимъ, хутухтѝнскимъ монастырямъ, да и при томъ въ немъ принимаютъ участiе далеко не всѣ ламы. Послѣднее обстоятельство обусловливается прежде всего тѣмъ, что, по правиламъ, служенiе Яра должно быть совершаемо только гэлӯнами и гэцӯлями; но и изъ числа этихъ послѣднихъ опять таки не всѣ участвуютъ въ этомъ богослуженiи, по причинѣ суровости требованiй церковныхъ правилъ, при которыхъ оно должно быть совершаемо. Яръ собственно значитъ лѣто; въ монгольскомъ просторѣчiи служенiе это называется «зун'ӯ тахѝль», что значитъ лѣтнее жертвоприношенiе и содержа-

---

1) Сличи стр. 63—64.

ніе его сполна составляютъ покаянныя молитвы о сдѣланныхъ грѣхахъ. Установляя богослуженіе это въ лѣтнее время, когда всѣ существа болѣе обезпечены со стороны матеріальной, церковныя правила налагаютъ большія требованія на служащихъ. Такимъ образомъ служащіе Яра не имѣютъ права выходить за ограду монастыря во все время своего служенія, для совершенія котораго назначается 45 дней, начиная съ 16-го числа послѣдняго лѣтняго мѣсяца. Учрежденіе служенія Яра буддисты, по обычаю, относятъ ко временамъ будды Шигемӯнія и въ предисловіи къ изложенію его чтеній находится между прочимъ слѣдующій разсказъ, поясняющій происхожденіе этого служенія. Въ одно время всесовершенный будда, находясь въ городѣ Шравастѣ, далъ обѣщаніе провести лѣто въ саду царевича гэгэ̆нъ илагӯхсанъ. Въ это время ученики будды отправились за сборомъ подаяній и, когда такимъ образомъ они переходили съ одного мѣста на другое, противники ученія будды (тиртика) злобно осмѣивали ихъ, распуская такія рѣчи: «слушатели сына сакъяскаго преступаютъ свое основное правило — не лишать жизни животныхъ. Теперь, когда ходятъ они въ лѣтнее время за сборомъ подаяній, множество маленькихъ животныхъ и мельчайшихъ насѣкомыхъ попадается имъ на пути и они, попирая ихъ ногами, лишаютъ ихъ жизни». Ученики будды пришли къ нему и сказали ему объ этомъ, почему всесовершенный и издалъ свое постановленіе о совершеніи лѣтняго служенія[1]). Онъ заповѣдалъ оставить хожденіе въ

---

1) Дословный текстъ этого объясненія таковъ:

།བཅོམ་ལྡན་འདས་མཉན་ཡོད་ན། རྒྱལ་བུ་རྒྱལ་བྱེད་ཀྱི་ཚལ་མགོན་མེད་ཟས་སྦྱིན་གྱི་ཀུན་དགའ་ར་བར་དབྱར་བཞུགས་པར་ཞལ་གྱིས་བཞེས་སོ། །དེའི་ཚེ་དགེ་སློང་དག་དབྱར་གྱི་ནང་ལོགས་སུ་ལྗོངས་རྒྱུ་ཞིང་རོང་ངོ་། །དེ་དག་དབྱར་གྱི་ནང་ལོགས་སུ་ལྗོངས་རྒྱུ་ཞིང་རོང་བ་དག་མི་སྲིད་ཅིང་མ་སྲུངས་ལ་མ་སྲས་པར་སྒྲུར་པ་དག་ལ། སྲུ་སྐྱེགས་ཅན་རྣམས་ཤེས་ལྡན་དག། ཤཱཀྱའི་བུའི་དགེ་སློང་འདི་དག་ནི་སྲོག་གཅོད་པ་

лѣтнее время, но, помѣстившись на одномъ сѣдалищѣ, пребывать въ божественной дiянѣ (созерцанiи). Въ настоящее время ламы, принявшiе на себя обѣтъ совершить служенiе Яра, не сидятъ въ созерцанiи, но всѣ 45-ть дней проводятъ въ кумирнѣ, выходя только на ночь въ свои кельи. По окончанiи 45-ти дневнаго служенiя, ламы въ 46-й день, совершаютъ еще особый хуралъ, называемый Гагъ-и (отъ тиб. དགག་དབྱེ), или по монгольски «Ха̄лга нэгэ̄хў», что значитъ, — отверсти двери (подразумѣвается обѣтовъ, принятыхъ ламами при началѣ служенiя). По мысли своей этотъ послѣднiй хуралъ заключаетъ въ себѣ молитвенное благодаренiе къ буддѣ за благое окончанiе служенiя Яра и прошенiе, чтобы онъ сподобилъ совершать его во вѣки вѣковъ.

Хангалъ совершается 30-го числа.

Осенью великiй хуралъ полагается 15-го числа 1-й луны съ

ཡིན་གྱི། སྲོག་གཅོད་པ་ལས་མ་ལོག་ རྣམ་པར་མ་ལོག་ ཕྱིར་མ་ལོག་པ་འདི་དག་ དབྱར་གྱི་ནང་ལོགས་སུ་ལྡིངས་རྒྱུ་ཉིད་འདོད་སྟེ། དབྱར་གྱི་ནང་ལོགས་སུ་ལྡིངས་རྒྱུ་ ཉིད་འདོད་པ་ན། སྲོག་ཆགས་སྲ་མོ་དང་། ཤིན་ཏུ་སྲ་མོ་མང་པོའི་ཚོགས་རྣམས་བརྫིས་ ནས་སྲོག་དང་བྲལ་བར་བྱས་སོ། །རེ་ཞིག་ཕྱེའུ་ཕྲུག་ཏ་ཡང་དབྱར་ཟླ་བ་བཞི་རང་ གི་ཚེ་ན་ཞུམ་ཞུམ་པོར་བྱས། ཀུན་ཏུ་ཞུམ་པོར་བྱས་ནས་བསྐུམ་ཉིད་བསྐུམས་ནས་ འདུག་ན། དགེ་སློང་མགོ་རེག་འདི་དག་ནི་དབྱར་ཁས་ལེན་པ་ཙམ་ཡང་མི་ཤེས་ན དགེ་སྦྱོང་མགོ་རེག་འདི་དག་ལ་བསོད་སྙོམས་སྦྱིན་པ་དང་། ཕྱག་བྱ་དང་སེམས་པ་ལྟ་ སུ་ཞིག་ཡོད་ཅེས་སྨོད་པར་བྱེད་འཕྱ་བར་བྱེད་ཁ་ཟེར་བར་བྱེད་པའི་སྐབས་དེ་བཅོམ་ ལྡན་འདས་ལ་དགེ་སློང་རྣམས་ཀྱིས་གསོལ་བ་དང་། བཅོམ་ལྡན་འདས་ཀྱིས་བཀའ་ སྩལ་པ། དེ་ལྟ་བས་ན་རྗེས་སུ་གནང་སྟེ། དགེ་སློང་གིས་དབྱར་གནས་པར་དམ་བཅའ་ བར་བྱའོ།། ཞེས་དབྱར་གནས་བྱ་དགོས་པའི་བཅའ་བ་མཛད་དོ།

чтеніемъ молитвословій, извѣстныхъ подъ именемъ «Нигу̇ца хуріянгуй. Въ этотъ день въ большой са̇нъ (казначейство) монастыря приносятъ въ жертву масло.

Ханга̇лъ совершается 29-го числа.

Во второй лунѣ великій хура̇лъ полагается 15-го числа и на немъ совершается служеніе, извѣстное подъ именемъ «Минга̇нъ тахи̇ль». Кромѣ того во второмъ осеннемъ мѣсяцѣ отправляется въ нѣкоторыхъ монгольскихъ монастыряхъ чтеніе ганьчжу̇ра. Обычай относить чтеніе ганьчжу̇ра къ этому времени я находилъ въ монастыряхъ: Эрдэни̇ цзу̇, Бару̇нъ-ху̇рѣ, хи̇тѣ Оромбо̇ гэгэ̇на, чахарскомъ Дунду̇-лама̇йнъ су̇мэ̇ и друг., около этой же поры оно совершается и въ монастыряхъ нашихъ Бурятъ. Въ Ургѣ чтеніе ганьчжу̇ра совершается съ 9-го по 12-е число послѣдняго лѣтняго мѣсяца, слѣдуя непосредственно за праздникомъ Чо̇йнкоръ-ду̇йцзанъ. Такое опредѣленіе времени въ самомъ дѣлѣ весьма логично вытекаетъ изъ мысли предшествовавшаго праздника; почему же въ другихъ мѣстахъ оно не относится къ этому времени, отвѣчать трудно. Впрочемъ на подобные вопросы, обращенные къ ламамъ, я получалъ отвѣтъ, что опредѣленныхъ чиселъ, въ которыя должно быть совершено чтеніе ганьчжу̇ра, буддійская каноника не указываетъ и такимъ образомъ назначеніе этихъ чиселъ зависитъ или отъ воли настоятеля монастыря, или же еще чаще отъ принятыхъ въ монастырѣ обычаевъ; равнымъ образомъ не обозначается и числа дней, въ которые долженъ быть прочитанъ ганьчжу̇ръ. Подобное назначеніе было бы дѣйствительно не сообразно на столько же, на сколько количество ламъ, находящихся въ различныхъ монастыряхъ, разнится одно отъ другаго.

Ханга̇лъ совершается 30-го числа.

Въ третьей осенней лунѣ великій хура̇лъ опредѣленъ 15-го числа, при чемъ совершается молебствіе въ честь Отчи̇-бурха̇на (Ма̇нъла). Въ этотъ день въ большой монастырскій са̇нъ (казначейство) приносятъ жертву хлѣбомъ и зерномъ. 22-го числа совершается еще молебствіе по случаю торжества Хла̇бунъ ду̇йцзанъ. Праздникъ этотъ установленъ въ память того, что въ этотъ день Шигэму̇ни, принявъ на себя видъ слона, сошелъ съ неба на

землю, или собственно спустился изъ царства Тушйта, послѣ чего онъ 15-го числа 3-й лѣтней луны, въ видѣ блестящаго луча, вошелъ въ утробу царицы Махамàи и такимъ образомъ совершилось его плотское зачатіе въ видѣ человѣка.

Хангàлъ совершается 29-го числа.

Зимою великій хурàлъ полагается 15-го числа первой зимней луны, при чемъ совершается молебствіе въ честь бурхана Аю̂ши. 23-го и 24-го чиселъ того же мѣсяца совершается по одному, а 25-го два великихъ хурàла. За всѣ эти три дня совершается такъ называемый Цзу̂лайнъ хурàлъ, что по буквальному переводу будетъ обозначать — «молебствіе лампадъ». Такое названіе дано хурàлу, безъ сомнѣнія, потому, что при служеніи его въ кумирнѣ должна быть зажжена тысяча лампадъ, которыя и поставляются на столахъ, начиная отъ тахилы̀йнъ ширэ̄ вплоть до входныхъ дверей кумирни. Гимны, воспѣваемые въ этомъ хурàлѣ, восхваляютъ Цзонхаву̂ и самый этотъ хурàлъ совершается въ воспоминаніе кончины Цзонхавы̀, великаго основателя желтаго толка ученія будды, къ которому принадлежатъ всѣ монголы.

Хангàлъ совершается 30-го числа.

15-го числа второй зимней луны совершается обычный великій хурàлъ, состоящій изъ чтенія гимновъ въ честь 8-ти докшйтовъ и особаго чтенія въ честь Бирӯзаны.

Хангàлъ совершается 29-го числа.

Въ третьей зимней, или въ послѣдней годовой лунѣ къ служенію назначается три великихъ хурàла. Первый — 15-го числа съ чтеніемъ молитвословія «Нигӯца хурія̀нгуй»; второй совершается 27-го и 28-го чиселъ: въ это послѣднее число совершается великій докшйтскій хурàлъ и сожженіе сòра; третій великій хурàлъ полагается 29-го числа, или въ послѣдній день года — балингы̀йнъ хурàлъ. Въ нóчь подъ новый годъ богослуженіе совершается непрерывно отъ захожденія солнца до появленія зари слѣдующаго дня новолѣтія.

Вотъ дни, въ которые назначаются великіе хурàлы; во всѣ остальные дни, по уставу, бываетъ служеніе малое—багà хурàлъ, или чжисà. Необходимо однако замѣтить, что помянутые великіе

хурàлы обыкновенно совершаются въ монгольскихъ монастыряхъ не всѣ и не сполна. Въ тѣхъ одинокихъ кумирняхъ, которыя разбросаны въ разныхъ частяхъ Монголіи, ламы не совершаютъ всѣхъ великихъ хурàловъ, представляя въ извиненіе этого обстоятельства съ одной стороны отдаленность своего мѣстожительства отъ кумирень и разсѣянность своихъ жилищъ, которая естественно, обусловливаетъ собою трудность общаго собранія; а съ другой—недостаточность средствъ у этихъ сӳмэ. Такія извиненія нельзя не признать основательными. Мнѣ не разъ приходилось быть свидѣтелемъ собранія ламъ для совершенія великихъ хурàловъ къ бѣднымъ сумӳннымъ монастырямъ и сколько тревогъ и волненій переживается монастырскою общиною въ это время! Не явится какой нибудь унзàтъ, и—хурàлъ на половину разстроивается, такъ какъ некому вести служенія,—нѣтъ главнаго запѣвалы; есть за тѣмъ такіе хурàлы, которые необходимо требуютъ присутствія извѣстнаго числа гэлӳновъ: нужно ихъ, положимъ, девять, а собралось восемь; посылаютъ къ одному—боленъ; къ другому—дома нѣтъ; къ третьему—ему оказывается трудно проѣхать по какимъ либо другимъ причинамъ. Бѣдность сумӳнныхъ монастырей такъ же точно не мало стѣсняетъ отправленіе въ нихъ хурàловъ. Правда, обычай установилъ въ Монголіи тотъ порядокъ, что каждый, мало мальски состоятельный лама ѣдетъ въ сӳмэ къ великому хурàлу не иначе, какъ гоня за собою приличное число барашковъ, а иногда и двухъ, или трехгодовалыхъ бычковъ, таща за собою юрту и весь необходимый скарбъ. Въ этомъ убѣжищѣ онъ укроетъ двухъ, или трехъ изъ своихъ собратій, пожалуй даже нѣсколько разъ накормитъ и напоитъ ихъ; но все это оказывается еще недостаточнымъ, и при всякомъ годовомъ хурàлѣ все же приходится производить отдѣльный сборъ отъ всего общества прихожанъ и требовать отъ нихъ не только принадлежности богослуженія, но и содержаніе служащаго духовенства. Такимъ образомъ въ тѣхъ монгольскихъ сӳмэ, при которыхъ ламы не живутъ постоянно, богослуженіе совершается по большей части два раза въ годъ, именно, въ Цагāнъ сарà и въ послѣднемъ лѣтнемъ мѣсяцѣ съ 1-го по 8-е число. Въ болѣе

бѣдныхъ кумирняхъ сокращается даже и это служеніе: въ Цаганъ сара̀, напримѣръ, вмѣсто совершенія его въ теченіе 16-ти дней, служатъ только 8 или 9-ть; лѣтній хура̀лъ исполняютъ, по большой части, сполна, чему конечно способствуетъ самое время года, когда монголы живутъ и тепло и привольно. Въ приходахъ болѣе богатыхъ ламы собираются въ степныхъ кумирняхъ три, и даже четыре раза въ годъ и пробываютъ при нихъ болѣе долгое время. Такъ, къ празднику новолѣтія они сходятся въ монастырь къ 24-му числу послѣдней зимней луны, чтобы вмѣстѣ отправить и великій балингъ̀йнъ хура̀лъ, а расходятся послѣ 16-го числа, окончивъ полное служеніе новолѣтія; въ третьей лѣтней лунѣ также остаются при сӯмэ̀ на болѣе долгое время и наконецъ собираются лишніе разы—осенью, къ празднику Хла̀бӯнъ-дӯйцзанъ и зимою къ служенію Цзӯлаинъ хура̀лъ, оставаясь въ это время при кумирняхъ отъ восьми до пятнадцати дней. Въ императорскихъ кумирняхъ великіе хура̀лы совершаются также болѣе полно, т. е. отъ трехъ до шести разъ въ годъ; кромѣ того въ нѣкоторыхъ императорскихъ кумирняхъ (какъ напр. въ Улясутаѣ) введено въ обычай отправлять ежемѣсячно служеніе въ то число, въ которое совершено освященіе кумирни.

Что касается тѣхъ монастырей, при которыхъ ламы живутъ постоянно, то въ нихъ великіе хура̀лы совершаются всѣ и отличаются отъ малыхъ большею торжественностью, какъ потому что на нихъ присутствуютъ всѣ ламы, такъ и по самой обстановкѣ богослуженій, ихъ продолжительности и т. д.

Монголы простолюдины въ обычные дни являются къ богослуженіямъ очень рѣдко, развѣ у кого явится на дому какая нибудь треба, обязывающая его ѣхать въ монастырь за ламою, или же, проѣзжая мимо стѣнъ монастыря, будетъ привлеченъ въ него кто громовыми завываніями ламскихъ трубъ. Въ дни великихъ хура̀ловъ, наоборотъ, народу въ монастыри собирается много и, кажется, къ этимъ днямъ монголы приберегаютъ исполненіе всѣхъ своихъ религіозныхъ обѣтовъ, къ которымъ, замѣтить кстати, монгольскіе простолюдины особенно склонны. Самое пустое обстоятельство, пропажа какой нибудь овцы, уже вынуждаетъ мон-

голку на обѣтъ сдѣлать столько-то поклоновъ, или «окружить сӯмэ» столько-то разъ если пропажа найдется; я не говорю уже о другихъ, болѣе важныхъ случаяхъ въ жизни, какъ напр. болѣзнь кого либо изъ семейныхъ, вымираніе дѣтей, падежъ скота и пр. Впрочемъ, являясь въ монастыри къ днямъ совершенія великихъ хуралов, монголы простолюдины въ самыхъ хуралахъ совсѣмъ не участвуютъ; они даже не входятъ въ кумирню въ то время, когда происходитъ тамъ ламское служеніе и все ихъ участіе ограничивается одними только поклоненіями, да «круженіемъ» вокругъ кумирни, или даже монастыря. Совершая поклоненіе, монголъ становится предъ дверями сӯмэ, складываетъ впереди себя одну съ другою ладони своихъ рукъ, потомъ поднимаетъ ихъ надъ головою и отсюда опускаетъ, послѣдовательно прикладывая сначала ко лбу между бровями, потомъ противъ горла, захватывая при этомъ и часть лица до рта, и наконецъ къ груди; послѣ сего онъ падаетъ на колѣна и распростирается ницъ на землѣ такъ, чтобы всѣ его члены лежали на землѣ. Поднимается онъ тѣмъ же порядкомъ, сначала становясь на колѣна, а потомъ на ноги. Замѣчательны самыя первыя слова, которыя произноситъ монголъ, становясь на такую молитву: [illegible] » или иногда замѣняя это окончаніе такимъ образомъ: [illegible]; это значитъ: «вслѣдствіе того что я дѣлаю это поклоненіе, да очистятся грѣхи и препятствія (къ спасенію) мои собственныя, а равно и всѣхъ одушевленныхъ существъ и да сдѣлаемся всѣ мы, (т. е. и я и всѣ одушевленныя существа) буддами» [1]). Человѣкъ проситъ ни много, ни мало, какъ только лишь того, что бы и самъ онъ и даже грызу-

1) Всѣ монголы произносятъ эту фразу непремѣнно въ той формѣ, въ какой мы передаемъ ее, т. е. согласно правописанію литературнаго языка монголовъ; болѣе же набожные заучиваютъ ее даже на тибетскомъ языкѣ въ слѣдующихъ словахъ: བདག་གིས་མཆོག་ གསུམ་དམ་པར་ (?) ཕྱག་འཚལ་ནས། །བདག་དང་འགྲོ་ཀུན་སྡིག་སྒྲིབ་དག་པར་ཤོག.

щее его насѣкомое сдѣлались богами! Состояніе, конечно, хорошее и просить его не только для себя, а еще и для другихъ, безспорно, самая высшая степень человѣколюбія; но по истинѣ становится и больно и тяжело, когда подумаешь, что какой нибудь грязный, подвыпившій и, конечно, не имѣющій даже и понятія о духовномъ монголъ тоже мѣтитъ въ будды, да еще съ спеціальною цѣлью спасать потомъ другихъ. Между тѣмъ каждое его тѣлодвиженіе расчитано на этотъ конецъ и такъ или иначе знаменуетъ собою стремленіе къ достиженію степени будды. Такимъ образомъ монголъ складываетъ впереди себя ладони своихъ *обоихъ* рукъ въ ознаменованіе того, что въ своей жизни онъ будетъ руководствоваться *средствами* (арга̀) и *мудростью* (били̇къ) для полученія степени будды; сложенныя руки онъ поднимаетъ надъ головою, чтобы показать свое намѣреніе воспарить въ га̀нданъ,—область всесовершеннѣйшихъ буддъ; прикладывая руки ко лбу, молится, чтобы очистились его грѣхи, происходящіе отъ тѣла; полагая руки противъ горла, проситъ, чтобы очистились грѣхи его языка; низпускаетъ ихъ къ груди, чтобы очистились грѣхи его, происходящіе отъ сердца; преклоняя къ землѣ свои колѣна, онъ выражаетъ желаніе шествовать по стезямъ пяти путей, возводящихъ къ высшему совершенству; соприкасается къ землѣ лбомъ, чтобы получить всѣ одиннадцать лучезарныхъ областей свѣта; распростираетъ по землѣ свои четыре оконечности (двѣ руки и двѣ ноги), чтобы исполнились въ его существѣ всѣ четыре рода благихъ дѣяній; вытягивается всѣмъ тѣломъ и выпрямляетъ всѣ изгибы своего тѣла въ ознаменованіе намѣренія побороть и исправить всякую кривизну въ мірѣ матеріальномъ; поднимается съ земли на ноги въ ознаменованіе того, что онъ не будетъ всегда соприкасаться съ этою матеріальною землею, съ этимъ орчила̀нòмъ, но направится по пути нирва̀ны; въ молитвѣ онъ дѣлаетъ за симъ цѣлую массу поклоновъ, такъ какъ каждое поклоненіе знаменуетъ намѣреніе извлечь одушевленныхъ существъ, обитающихъ въ царствахъ низшихъ перерожденій, изъ населяемыхъ ими странъ и возвысить ихъ въ блаженное царство Сукава̀ди. Таково, по однимъ, значеніе поклоненія монголовъ. Другое толкованіе покло-

ненiй, которое пришлось мнѣ прослушать отъ ламъ, состоитъ въ слѣдующемъ: «Покланяющiйся долженствуетъ изображать своими руками бутонъ цвѣтка падмы, т. е. сложить ихъ такъ, чтобы соприкасались взаимно нижнiя части ладоней и оконечности пальцевъ, образуя въ средину пустоту. Сложенныя такимъ образомъ руки должно класть сначала на темя, что знаменуетъ молитвенное прошенiе о нахожденiи «вачирунъ бэѣ», или драгоцѣннаго тѣла будды, исполненнаго 32-хъ признаковъ и 80-ти примѣтъ [1]); за симъ

1) Выше, на стр. 217, мы уже говорили, что каждое существо, достигшее состоянiя будды, прiобрѣтаетъ себѣ 32 особыхъ тѣлесныхъ отличiя; но помимо сего каждому буддѣ усвояется еще 80 признаковъ красоты, болѣе часто называемыхъ «восьмьюдесятью примѣтами» ([illegible]). Эти примѣты суть слѣдующiя:

1) [illegible] Ногти мѣдянаго цвѣта;

2) [illegible] (или [illegible]) цвѣтъ ногтей лоснящiйся;

3) [illegible] (или [illegible]) Ногти возвышенные;

4) [illegible] (или [illegible]) пальцы круглые;

5) [illegible] (или [illegible]) пальцы широкiе, т. е. полные, жирные;

6) [illegible] (или [illegible]) пальцы постепенно дѣлающiеся тонкими, къ концу тонкiе, заостренные;

7) [illegible] (или [illegible]) подкожныя жилы не явственны, не видны;

8) [illegible] (или [illegible]) жилы — безъ связи и узловъ, — т. е. не имѣютъ желѣзъ;

9) [illegible] (или [illegible]) лодыжки скрытыя;

10) [illegible] (или [illegible]) ноги ровныя;

11) [illegible] (или [illegible]) ходящiй львиною поступью;

ихъ полагаютъ передъ горломъ въ ознаменованіе пріобрѣтенія «вачирту̀ цзарлѝкъ» (драгоцѣннаго слова) и наконецъ на грудь, что знаменуетъ прошеніе о томъ, чтобы исполниться «вачирту̀

---

12) [illegible] (или [illegible]) ходящій гусиною поступью;

13) [illegible] ходящій слоновою поступью;

14) [illegible] ходящій поступью предводителя стадъ;

15) [illegible] (или [illegible]) ходящій поворачивая на право. (По толкованію значитъ: ходящій вокругъ и останавливающійся съ правой стороны, — въ этомъ, будто бы, выражается почтеніе;

16) [illegible] красиво или величественно ходящій;

17) [illegible] (иначе: [illegible] или еще иначе [illegible]) ходящій прямо;

18) [illegible] имѣющій полное и красивое тѣло (по другимъ это соотвѣтствуетъ [illegible] т. е. имѣющій прямое тѣло;

19) [illegible] (у другихъ просто [illegible]) тѣло какъ бы вытертое или отполированное;

20) [illegible] тѣло пропорціональное во всѣхъ членахъ;

21) [illegible] (или [illegible]) тѣло чистое;

22) [illegible] тѣло нѣжное;

23) [illegible] (иначѐ: [illegible]) тѣло чрезвычайно чистое, — святое;

24) [illegible] отличительныя примѣты — въ совершенствѣ;

25) [illegible] имѣющій большое и прекрасное тѣло;

26) [illegible] ходящій ровно, — ровными шагами, т. е. плавно;

27) [illegible] имѣющій свѣтлыя, ясныя глаза;

сэтхйль», или драгоцѣнными мыслями. Въ сочиненіи [illegible] говорится: руки должны быть сложены непремѣнно выгнутыми и образовать въ срединѣ пустоту; потому

---

28) [illegible] (у другихъ [illegible]) имѣющій молодое тѣло;

29) [illegible] имѣющій не худощавое тѣло;

30) [illegible] тѣло полное;

31) [illegible] тѣлосложеніе чрезвычайно крѣпкое;

32) [illegible] всѣ члены тѣла и дѣтородныя части въ высшей степени отдѣлены другъ отъ друга. (По другимъ эта примѣта выражается словами: [illegible] т. е. всѣ члены тѣла расположены весьма отчетливо и ясно.

33) [illegible] Знаніе его не омраченное и чрезвычайно чистое и свѣтлое (по другимъ: [illegible] т. е. буквально зрѣніе его не помраченное; хотя слово [illegible] зрѣніе довольно часто замѣняетъ собою понятіе [illegible] знаніе;

34) [illegible] имѣющій круглый станъ или талію;

35) [illegible] станъ ровный;

36) [illegible] станъ не продолговатый;

37) [illegible] имѣющій ровное т. е. плоское брюхо;

38) [illegible] пупъ глубоко вдавленный внутрь;

39) [illegible] пупъ закрученный вправо;

40) [illegible] прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ;

41) [illegible] руки, при стояніи въ прямомъ положеніи (не наклоняясь), доходятъ до колѣнъ;

42) [illegible] имѣющій изящное обрашеніе (Это по Хайби-чжунай'ю, — по другимъ [illegible] т. е. поведеніе чистое, святое);

что, если сложить ихъ плоско, то это будетъ поклоненіе по обычаю еретиковъ и виновные въ этомъ возродятся въ пограничныхъ странахъ. При поклоненіи

---

43) на тѣлѣ его нѣтъ ни родимыхъ пятенъ, ни веснушекъ;

44) руки мягки и нѣжны какъ древесный пухъ;

45) черты на рукахъ явственны;

46) руки съ глубокими чертами (линіями);

47) руки съ продолговатыми чертами;

48) лице не очень продолговатое;

49) губы красны какъ растеніе бимба;

50) языкъ мягкій или гибкій;

51) языкъ тонкій;

52) языкъ красный;

53) имѣющій голосъ дракона (по другимъ: исполненъ звуковъ слона и дракона);

54) рѣчи его ласковы (въ Хайб. чжун. прибавлено «и нѣжны»; въ Бод. гат. нэр. далай: „ рѣчи его нѣжны и пріятны для слуха);

55) коренные зубы его кругловатые;

56) коренные зубы его острые;

57) коренные зубы его бѣлые;

58) коренные зубы его ровные;

59) коренные зубы его постепенно утончаются;

60) нось возвышенный;

должно держать тѣло прямо и, приложивъ согбенныя ладони къ темени, къ горлу и къ груди, поклониться, совершенно опустивъ на землю пять членовъ тѣла. Когда опустишь тѣло на землю, оно

---

61) [illegible] носъ чистый, т. е. правильный;

62) [illegible] глаза чрезвычайно чистые;

63) [illegible] глаза большіе;

64) [illegible] частыя густыя рѣсницы (въ Хайб. Чжун. [illegible] т. е. прекрасныя рѣсницы);

65) [illegible] глаза подобны листу нюнюфара и въ нихъ рѣзко отдѣляется зрачекъ отъ бѣлка (по другимъ: [illegible] глаза въ которыхъ бѣлое и черное ровно какъ у раскрывшагося листка нюнюфара.

66) [illegible] продолговатыя брови;

67) [illegible] мягкія брови;

68) [illegible] волосы на бровяхъ ровные ([illegible]).

69) [illegible] мочки ушей толсты и длинны;

70) [illegible] уши ровныя;

71) [illegible] уши съ неослабѣвающимъ чувствомъ (слуха; по Хайб. чж. [illegible]; по Нэр. дал [illegible]).

72) [illegible] (въ Хайб. чж. [illegible] или [illegible]) лобъ его весьма широкій;

73) [illegible] голова весьма большая;

74) [illegible] волосы на головѣ черны какъ лазурикъ (по другимъ [illegible] черноваты какъ пчела);

должно быть какъ бы упавшее на землю подсѣченное дерево; а если будешь растягивать и сгибать ноги, то возродишься верблюдомъ. Если не прикладывать къ землѣ голову, то возродишься въ томъ аду, гдѣ мучаются свѣшенные головою въ огонь. «Круженіе» монастыря совершается особымъ порядкомъ поклоненій. Монголъ становится посреди тахилы̆йнъ модо̀ предъ монастырскими воротами, дѣлаетъ здѣсь три поклона, затѣмъ поворачивается лицемъ на западъ и дѣлаетъ первый поклонъ. Распростершись по землѣ, онъ вытягиваетъ впереди себя руки и пальцами проводитъ черту по землѣ, отмѣчая такимъ образомъ то мѣсто, до котораго достигало его тѣло. Поднявшись, онъ дѣлаетъ три шага такъ, чтобы третьимъ шагомъ наступить на проведенную черту и здѣсь снова дѣлаетъ поклонъ, снова распростираясь по землѣ и проводя черту, добравшись до которой въ три шага, кланяется опять. Такими поклонами обходитъ онъ вокругъ всей монастырской ограды и это называется «Сӯмэ̀ эргихӯ̀», т. е. «окружить монастырь». Особенно набожные продѣлываютъ такое круговое поклоненіе вокругъ монастыря нѣсколько десятковъ и даже сотенъ разъ. Есть наконецъ и такіе ревностные, которые приходятъ таковымъ поклоненіемъ отъ дверей своей юрты до стѣнъ монастыря и все это только за тѣмъ, чтобы сдѣлать нѣсколько поклоновъ передъ дверями сӯмэ̀, приложиться лбомъ къ дверной притолкѣ, или наконецъ, въ самомъ крайнемъ случаѣ, войти въ кумирню и

---

75) [illegible] волосы густые;

76) [illegible] волосы мягкіе;

77) [illegible] (по другимъ [illegible] волосы не всклокоченные;

78) [illegible] волосы не жесткіе;

79) [illegible] волосы благовонные;

80) [illegible] руки и ноги означены или запечатлѣны чертами величія и печатью счастія.

приложиться лбомъ къ подножію бурхановъ. Это уже самое высшее, что можетъ получить монголъ въ своей кумирнѣ. Что же касается поклоненій, то въ средѣ Чахаръ у меня былъ знакомецъ лама, который способомъ поклоненій одинъ разъ прошелъ отъ Долонъ-нура до У-тай-шаня, а въ другой, направившись въ Тибетъ, такимъ же образомъ промѣрялъ отъ границъ Тибета до Хлассы.

Обращаясь теперь къ самому совершенію богослуженій ламами и именно къ тому внѣшнему порядку, при которомъ совершаются богослуженія, я считаю за лучшее прежде всего передать тѣ правила внѣшности, которыя предписываетъ буддизмъ своему духовенству и которыя въ извлеченіи можно встрѣтить на стѣнахъ почти каждой кумирни въ Монголіи. Вотъ переводъ этихъ правилъ съ рукописи, находящейся въ цокчинскомъ дуганѣ въ Ургѣ, а равно, по примѣру ургинскихъ ламъ, и въ Гусиноозерскомъ дацанѣ нашихъ забайкальскихъ, селенгинскихъ Бурятъ.

«Всѣ ламы и баньди, твердо храня святѣйшія постановленія, когда наступитъ время служенія молебновъ, при первомъ звукѣ раковины, приготовивъ напередъ сего цзанчи (мантіи) и прочія свои принадлежности, долженствуютъ собраться, не опаздывая, и сидѣть на сѣдалищахъ рядомъ, не кривою, а правильною линіею; свои платье руки и ноги держать въ порядкѣ и служить въ чистотѣ. Въ хуралѣ не должно играть, смѣяться, разговаривать, ссориться и спорить, кашлять и харкать, плевать, сморкаться и бросать на полъ сопли; при подаваніи трапезы не должно глотать громко, чавкать и производить шумъ; не должно сидѣть согнувшись, опершись на колѣна,—выливать остатки изъ чашки, вылизывать чашку языкомъ, курить табакъ, сидѣть въ шапкѣ, или сидѣть не порядочно, покачиваясь туда и сюда; не должно разсѣянно перебѣгать глазами съ одного предмета на другой, а смотрѣть прямо впередъ себя въ воздушное пространство. Гэбкуй, гэйкъ и прочіе не должны дозволять выходить безъ нужды. Въ чтеніи молитвъ должно употреблять мягкій и нѣжный голосъ и читать протяжно и покойно. Въ движеніяхъ голоса, произноше-

нiи звуковъ и прочемъ должно слѣдовать за унзàтомъ и, помимо сего, не должно читать того, что пришло въ голову, по собственному желанiю. При собранiи и во время выхода, должно идти тихо, держа четки и читая микчжѝмъ; не должно громко разговаривать, или выбѣгать быстро; если случится нужда выйти вонъ, можно выйти, взявъ дозволенiе отъ старшаго ламы, или цокчѝнскаго гэбкӱя и не запаздывать возвращенiемъ. Слѣдуя всѣмъ этимъ постановленiямъ и указаннымъ правиламъ, помимо сего не должно измышлять другiя, по собственному желанiю и въ противоборство начальникамъ. Должностные ламы и хуварàки, нарушающiе эти постановленiя,—глупы и въ то же время, воображая себя умными (вслѣдствiе измышленiя своихъ правилъ), гордятся нарушенiемъ постановленныхъ обычаевъ. Непотребно ведущiе себя не должны жить въ хурàлѣ, напротивъ того это должно быть причиною для изгнанiя ихъ изъ хурàла. Безъ нужды шататься по домамъ; разными голосами безобразить пѣнiе; сидѣть въ хурàлѣ и не читать нòмъ (молитвенное чтенiе), хотя бы и зналъ его; не бить въ барабанъ; не трубить въ трубу, или раковину; не выполнять какой бы то ни было порученной обязанности; говорить и дѣйствовать по обману, хотя бы это было въ самомъ малѣйшемъ; не изучать богослужебныхъ книгъ, если есть способности и возможность; гоняться за различными играми, не разбирая ни времени, ни мѣста,—все это проступки, за которые гэбкӱй на обыкновеннаго ламу налагаетъ эпитимiю, отступившiе же отъ другихъ установленныхъ правилъ должны быть судимы согласно постановленiй о различныхъ грѣхахъ и преступленiяхъ.

Такимъ образомъ если мы, чествуя правила вѣры, не будемъ осквернять ее никакими, даже малѣйшими пороками, то это будетъ залогомъ для достиженiя блага и величайшаго счастiя».

Таковы правила внѣшности для ламъ во время совершенiя ими богослуженiй. Глядя на эти правила, такъ какъ они выражены, т. е. со стороны отрицательной, можно судить отчасти о тѣхъ проступкахъ, которые болѣе свойственны ламамъ при богослуженiяхъ, можно вывести за симъ нѣчто и относительно обрядовъ при богослуженiи, хотя и нельзя не согласиться, что эта краткая замѣтка

далеко не въ состояніи дать даже самаго узкаго понятія о внѣшней обстановкѣ богослуженій. Такимъ образомъ мы находимъ здѣсь упоминаніе о способѣ призыванія къ богослуженіямъ, объ одеждахъ ламъ, о трапезахъ во время богослуженія, о порядкѣ чтеній и проч., но это только упоминанія, не дающія намъ никакого образнаго представленія о дѣйствительности. Призываніе къ богослуженіямъ въ буддійскихъ монастыряхъ Халхи совершается главнымъ образомъ четырьмя способами. Самый употребительный изъ нихъ это звукъ раковины (лабай), въ которую трубитъ лама съ такъ называемой «бӯрӗйнъ шата». Устройство этой послѣдней уже было представлено нами выше, теперь же можно сказать, что призываніе къ богослуженію совершается обыкновенно очень не долго; точнѣе о количествѣ этого благовѣста можно судить по самому поставленію о немъ. Звукъ раковины долженъ раздаваться три раза: начавшись съ самаго сильнаго и пронзительнаго, онъ потомъ долженъ постепенно понижаться и ослабѣвать въ силѣ до тѣхъ поръ, пока не замретъ окончательно вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ истощится запасъ воздуха въ груди трубача; затѣмъ, передохнувъ, лама долженъ, начавъ съ того самаго тихаго звука, возвести его опять до степени maximum'а. Полный благовѣстъ заключаетъ въ себѣ три такихъ отдѣленія. Второй способъ призыванія къ богослуженіямъ есть удареніе въ музыкальный инструментъ, извѣстный подъ именемъ «харанъга» и имѣющій форму нашего мѣднаго таза. Третій — звуками особой трубы—«бишкӯра». Четвертый—звуками «ухэръ бӯрӗ», или громадныхъ мѣдныхъ трубъ, величиною отъ $1\frac{1}{2}$ до 2-хъ саженей. Въ тѣхъ большихъ монастыряхъ, гдѣ жилища ламъ раскинуты на обширныхъ пространствахъ, какъ напримѣръ въ Ургѣ, Эрдэни-цзӯ, Барӯнъ-хӯрѣ и проч. время собранія къ богослуженію возвѣщается по большей части двумя ламами и непремѣнно съ бӯрӗйнъ шата, при чемъ, мѣняясь, они трубятъ по три раза во всѣ четыре стороны; такимъ образомъ благовѣстъ производится здѣсь вчетверо дольше. Что касается степныхъ дугановъ, то здѣсь рѣдко даже можно встрѣтить и бӯрӗйнъ шата. Въ періодъ совершенія здѣсь хураловъ ламы призываются къ онымъ звуками

раковины одного трубача, стоящаго просто передъ дверями кумирни. Для непривычнаго человѣка при этомъ особенно поразительною является быстрота собранія ламъ къ кумирнѣ. Если говорить о великихъ хурȁлахъ и объ отправленіи богослуженій собственно старѣйшими ламами, то положительно можно сказать, что опаздывающихъ здѣсь никогда не бываетъ. Такъ какъ время богослуженія извѣстно за ранѣе, то всѣ намѣревающіеся отправиться въ хурȁлъ, приготовляются къ выходу еще до того времени, какъ раздается звукъ раковины. При первомъ звукѣ ея вы видите ламъ, стремящихся къ кумирнѣ со всѣхъ концовъ монастырскаго круга; при второмъ звукѣ они стоятъ уже предъ дверями кумирни, тихо перебирая свои четки и читая микчжи̇мъ. Это коротенькая молитва, которую ламы всегда бормочатъ, направляясь къ хурȁлу. Вотъ ея текстъ въ переводѣ: «Молюсь у ногъ Хонши̇мъ бодисȁтвы — великаго сокровища неизрѣченнаго милосердія; — Маньчжушріія, обладающаго силою благозвучнаго вѣщанія; — Очирвȁни, подавляющаго всѣ полчища смутныхъ шимну̇совъ; — святаго Цзонхавы̇ — украшенія мудрецовъ снѣжной страны и — несравненнаго Сумȁди-ки̇рти-шри̇ гэгэ̇на. Ликъ побѣдоноснаго Цзонхавы̇ во всѣхъ моихъ перерожденіяхъ да будетъ моимъ ламою руководителемъ къ высокимъ добродѣтелямъ и да не отвращаюсь я, ниже на одно мгновеніе, отъ благаго пути, одобреннаго побѣдоносными; да войду я достойно въ собраніе ламъ — драгоцѣнности, — вѣрныхъ наставниковъ и руководителей по пути къ нирвȁнѣ». При третьемъ звукѣ раковины ламы входятъ въ кумирню и разсаживаются по своимъ мѣстамъ. Порядокъ, въ которомъ они садятся, идетъ сообразно старшинству, подобно тому какъ записываются ламы и въ монастырскихъ спискахъ. Въ большихъ монастыряхъ, гдѣ существуетъ дѣленіе ламъ на ȁймаки и гдѣ устраиваются цокчи̇ны, т. е. соборныя кумирни, въ этихъ цокчи̇нахъ кромѣ двухъ переднихъ сѣдалищъ для ханбȍ ламы и цокчи̇нскаго ширѣту̇, остальныя сѣдалища занимаются ламами различныхъ ȁймаковъ прежде всего по старшинству самыхъ ȁймаковъ, а за симъ уже по старшинству проходимыхъ ламами должностей. По отношенію къ низшимъ ламамъ, не несущимъ никакихъ должностей, дол-

жно замѣтить, что въ обыкновенныхъ монастыряхъ, равно какъ и въ отдѣльныхъ аймакахъ большихъ монастырей, случаются не рѣдко различія между старѣйшинствомъ ламъ по монастырскому списку и церковному сѣдалищу. Обусловливается это различіе тѣмъ, что гэбкуй и унзатъ всегда имѣютъ право дать высшее мѣсто лучшему изъ чтецовъ, а худшихъ посадить въ задніе ряды. Какъ общее и всегдашнее постановленіе можно отмѣтить еще то, что ламы въ хуралахъ не имѣютъ права смѣнять указанныя имъ мѣста и занимать чужія, по этому мѣста ламъ, не явившихся въ хуралъ, остаются свободными. Лицъ, которыя живутъ при монастырѣ, но не вошли еще въ монастырскіе списки, сажаютъ по большей части отдѣльно, для чего въ кумирнѣ всегда имѣются еще стоящіе позади и въ нѣкоторомъ отдаленіи чжабданы. Если въ монастырь пріѣдетъ какой либо знатный лама, которому не прилично сидѣть позади, то мѣсто его устанавливается на краю переднихъ сѣдалищъ, но опять таки непремѣнно отдѣльно отъ сѣдалищъ мѣстныхъ, монастырскихъ ламъ.

Свои вседневныя богослуженія ламы совершаютъ въ обыкновенныхъ костюмахъ, т. е. они надѣваютъ халатъ, подпоясываются, пристегиваютъ къ поясу цабри и накидываютъ на лѣвое плечо оркимчжи. Эта послѣдняя одежда составляетъ необходимую принадлежность для каждаго ламы при богослуженіи. Цзанчи или мантія, о которой упоминается въ правилахъ, носится не всѣми ламами и употребляется при особаго рода богослуженіяхъ, каковы, тарнистическія, цанитъ и проч., а въ обыкновенныхъ хуралахъ цзанчи необходимо одѣваетъ только гэбкуй. Великіе хуралы также не исключаются изъ сказаннаго правила и ламы, совершающіе ихъ, являются въ кумирни для служенія въ своихъ обыденныхъ костюмахъ. Принадлежностей службы ламы съ собою никакихъ не носятъ: чтеніе молитвъ совершается ими всегда наизустъ,—лама является въ сумэ, только держа четки. Что касается порядка при богослуженіяхъ, то при великихъ хуралахъ онъ дѣйствительно соблюдается въ самомъ строгомъ видѣ, такъ какъ здѣсь участвуютъ главнымъ образомъ возрастные ламы; то же можно сказать и о богослуженіяхъ въ тѣхъ дуганахъ, гдѣ

мало ламъ малолѣтковъ; но трудно себѣ представить порядокъ при богослуженіи въ ургинскомъ цокчинѣ въ обыкновенные дни, т. е. при служеніи чжиса. Какъ уже было сказано, оно совершается исключительно молодыми хувараками, принадлежащими къ возрасту отъ 8 до 18 лѣтъ. Такихъ ребятъ собирается здѣсь отъ двухъ до двухъ съ половиною тысячъ. Говоръ, смѣхъ, плачъ, все это сливается съ общимъ шумомъ читаемой молитвы, которую каждый изъ служащихъ хочетъ прокричать на столько, на сколько хватаетъ силы въ его дѣтской груди. Правило о выходѣ, испросивъ разрѣшеніе у гэбкуя, должно исполняться слѣдующимъ образомъ: выходящій подходитъ къ гэбкую, становится передъ нимъ на правое колѣно и наклоняетъ голову; дозволеніе свое гэбкуй выражаетъ тихимъ прикосновеніемъ посоха къ плечу просящагося. Но постановленіе это, въ большинствѣ случаевъ не примѣняется къ дѣлу,—оно въ обычаѣ развѣ у болѣе возрастныхъ; что же касается второй половины этого правила, предписывающаго не замедлять возвращеніемъ, то, вѣроятно, научные долгимъ опытомъ о преступленіи его каждымъ, гэбкуи цокчинской кумирни въ Ургѣ постановили, что каждый, возвращающійся въ кумирню, долженъ подходить для полученія наказанія. Это послѣднее совершается такъ: виновный подходитъ къ гэбкую, становится передъ нимъ на оба колѣна и наклоняетъ свою спину; послѣдній отпускаетъ по ней три удара своимъ жезломъ и затѣмъ виновный отходитъ и садится на свое мѣсто. Относительно другихъ, болѣе серьозныхъ проступковъ, я имѣю замѣтить, что къ нимъ относятся, неумѣренныя драки, воровство и проч. Во время одного изъ моихъ посѣщеній цокчина одинъ мальчикъ лѣтъ тринадцати былъ уличенъ другимъ въ кражѣ у него чашки; воришка тутъ же въ кумирнѣ былъ раздѣтъ до нога и высѣченъ. Сцены такого рода повторяются почти ежедневно и по нимъ самымъ картиннымъ образомъ можно представить, что такое цокчинъ во время совершенія въ немъ чжиса; но это только то, что видно глазомъ, впечатлѣнія же слуха едвали и могутъ быть переданы перомъ, или словами.

Кругъ богослужебный, разсматриваемый со стороны читае-

мыхъ въ хуралѣ молитвъ, въ монгольскихъ дуганахъ сравнительно очень ограниченный. Заинтересованный обрядовою стороною буддизма, я рѣдко пропускалъ случай прослушать богослуженіе и нашелъ, что богослуженія вседневныя совершаются въ монгольскихъ дуганахъ положительно безъ всякихъ измѣненій въ содержаніи и порядкѣ,—безъ измѣненій даже такихъ незначительныхъ, каковы тропари и кондаки православной церкви. Вначалѣ я думалъ обусловить это однообразіе незначительностью подготовки малолѣтковъ,—служащихъ; но, познакомившись ближе съ дѣломъ, увидалъ, что порядокъ богослуженій именно таковъ и по правиламъ буддійской каноники. Буддисты хотя и признаютъ сонмъ буддъ и бодисатвъ, по количеству не только не меньшій сонма святыхъ православной церкви, но даже и гораздо большій признаваемаго этою послѣднею, однако чествованіе этихъ буддъ и бодисатвъ собственно въ церкви не распредѣляется у нихъ по извѣстнымъ днямъ, за исключеніемъ не многихъ вышеуказанныхъ празднествъ. При такомъ порядкѣ вещей разнообразіе молитвъ должно подать естественно. Молитвы буддистовъ, ежедневно читаемыя въ ихъ кумирнѣ, по большей части имѣютъ своимъ предметомъ поклоненіе и хвалу тремъ драгоцѣнностямъ: буддѣ, ученію и духовенству, прошенія же ихъ сливаются въ одномъ желаніи — достигнуть состоянія будды.

Буддійскіе молитвенники монголовъ извѣстны у нихъ подъ тибетскимъ именемъ «Сумбу̊м'овъ» и, въ большинствѣ случаевъ, встрѣчаются въ рукописяхъ и читаются въ кумирняхъ на тибетскомъ языкѣ. Впрочемъ въ Сэцэ̊нъ-ха̊новскомъ а́ймакѣ, въ хошӯнѣ Токтохо̊ тӯру̊ богослуженіе совершается на монгольскомъ языкѣ и для отправленія его ламы этого хошӯна пользуются сумбу̊м'омъ Чжанцзя̊ хутухты̊, переведеннымъ съ тибетскаго на монгольскій языкъ и изданнымъ въ Пекинѣ. Тибетскихъ сумбу̊м'овъ (собственно — сборникъ сочиненій, а въ томъ числѣ и молитвъ, одного и того же круга богослуженій, принадлежащій по составленію одному автору)—нѣсколько; они различаются по именамъ своихъ составителей, таковы: сумбу̊мъ Баньчэ̊нь богдо̊, сумбу̊мъ Богдо̊, ламы, или цзонхави̊нскій, сумбу̊мъ Чжанцзя̊ хутухты, сумбу̊мъ

Мэргэ̆нъ-даянчи и др. Ниже мы увидимъ, что у монголовъ есть также и отреченные сумбўмы, хотя это отреченіе не можетъ быть признано полнымъ, потому что монгольскіе ламы пользуются ими въ извѣстныхъ случаяхъ также точно, какъ и признаваемыми ихъ церковью; но о нихъ мы будемъ говорить ниже. Молитвенники, по которымъ совершаютъ монголы свои богослуженія, обыкновенно раздѣляются на три части. Первую часть составляютъ такъ называемые по тибетски рапсалы (རབ་གསལ་ отъ རབ *раб*=монгол. [illegible] *маші*—преимущественно, весьма; གསལ *салъ*=монгол. [illegible] *гэгэнъ*—ясный, свѣтлый). Въ частномъ смыслѣ, это отдѣленіе сумбўмовъ заключаетъ въ себѣ собраніе священныхъ гимновъ въ честь будды ([illegible]). Въ нихъ среди пышныхъ похвалъ находится исчисленіе подвиговъ буддъ на пользу одушевленныхъ существъ. Въ составъ рапсаловъ входятъ: α) *хӑрангу* (монгол. [illegible] ӳберӳнъ аманӳ бисылгӑлъ)—исповѣданіе вѣры молящагося; β) [illegible], хвалебные гимны; γ) [illegible] — молитвы въ полномъ смыслѣ этого слова, т. е. съ изложеніемъ прошеній и δ) [illegible] (йо̆рōль), т. е. благожеланія и благословенія. Вторая часть сумбўмовъ заключаетъ въ себѣ богослужебныя книги, называемыя какъ и бурханы, въ честь которыхъ онѣ составлены,—докшѝтъ, или «хилинътэ̆нъ», или «нѝмъ тэтхӳхчѝ», или «сахихчѝ»—«сахигӯлсунъ». Докшѝтъ, какъ уже было говорено выше, есть собственно названіе буддъ и бодисӑтвъ, хранителей внѣшняго міра и ужасныхъ по внѣшнему виду. Такихъ божествъ и хубилгӑновъ ихъ буддисты насчитываютъ множество, но главнѣйшими изъ нихъ считаются слѣдующіе девять: a) Махагала (монг. [illegible], тиб. མགོན་པོ་); b) Цаганъ Махагала (монг. [illegible], тиб. མགོན་དཀར་); c) Эрликъ-ханъ (монг. [illegible], тиб. ཆོས་ཀྱི་རྒྱལ་པོ་); d) Ӯхинъ-тэнгри (монг. [illegible], тиб. ལྷ་མ); e); f) Бисманъ тэ̆нгри (монг. [illegible], тиб. རྣམ་སྲས); g) Бикцзэ (монг. [illegible]); h) Эсруа (тиб. ཚངས་པ་);

i) Ямандага (отъ санск. Yamantaka, монг. [illegible], тиб. འཇིགས་བྱེད་པ་). Молитвенныя пѣсни и гимны въ честь этихъ восьми божествъ съ приложеніемъ пѣсней болѣе чтимому идамъ (ཡི་དམ་) бурхану Хайнкирвѣ (монг. [illegible], тиб. རྟ་མགྲིན་) и составляютъ второе отдѣленіе сумбу̀мовъ. Третья часть буддійскихъ молитвенниковъ носитъ названіе *ӱндӱсӱнъ* (тиб. чжу̀дъ); она дѣлится на четыре отдѣла: a) ӱйлэйнъ ӱндӱсӱнъ (санскр. крія-та̀нтра); b) ябудалу̀нъ ӱндӱсӱнъ (санскр. ачара-тантра); c) йога̀йнъ ӱндӱсӱнъ (санскр. йога тантра) и d) тэнгсэ̀лъ ӱгэ̀й ӱндӱсӱнъ (санскр. анутара йога тантра). По этимъ четыремъ тантрамъ буддисты размѣстили свои молитвы, равно какъ и всѣхъ, такъ называемыхъ ида̀мъ-бурхановъ и даже издаютъ особыя книги съ изображе ніемъ этихъ божествъ.

Выше я упоминалъ уже о существованіи въ *нѣкоторыхъ* халхаскихъ монастыряхъ отдѣльныхъ кумирень, называемыхъ Чжуды̀инъ су̀мэ; это тѣ кумирни, въ которыхъ исключительно читаются молитвы, причисляющіяся къ послѣдней части буддійскихъ молитвенниковъ — Чжу̀дъ и отсюда заимствовавшіе свое спеціальное имя. Такимъ образомъ третья часть буддійскихъ молитвенниковъ не только не читается во всѣхъ монастыряхъ, но даже и не во всѣхъ большихъ обителяхъ Монголіи совершаютъ служеніе Чжу̀дъ; яснѣе сказать, оно обязательно находится только тамъ, гдѣ изучается высшее богословіе, гдѣ основаны школы цанѝта. И такъ на долю обыкновенныхъ дуга̀новъ и монастырей монгольскихъ приходится совершать богослуженія только по двумъ частямъ сумбу̀м'овъ, именно, — имъ остаются рапса̀лы и докшѝты и эти то двѣ части дѣйствительно и входятъ въ составъ всѣхъ, какъ малыхъ, вседневныхъ, такъ и великихъ хура̀ловъ. Вообще малый и великій хура̀лы, можно сказать, вполнѣ тожественны между собою по содержанію и различаются только количествомъ прочитываемыхъ молитвъ какъ изъ отдѣла рапса̀ловъ, такъ и назначаемыхъ въ честь буддъ хранителей, — докшѝтовъ. При ежедневномъ очередномъ служеніи (чжиса̀) въ Ургѣ и въ другихъ видѣнныхъ мною монастыряхъ читается

не болѣе четырехъ, пяти рапса̀ловъ; что же касается служенія докши̇̀товъ, что въ ежедневныхъ чтеніяхъ чествуется обыкновенно только одинъ докши̇̀тъ, избранный въ геніи хранители монастыря. На великихъ хура̀лахъ прочитываются всѣ рапса̀лы, причемъ иногда ихъ раздѣляютъ попаламъ,—иначе сказать, полное число рапса̀ловъ прочитывается въ два дня; изъ отдѣла докши̇̀тъ на великихъ хура̀лахъ исполняются служенія въ честь пяти, шести и даже всѣхъ восьми докши̇̀товъ, смотря по количеству ламъ и ихъ усердію.

Чтобы познакомить читателей съ общепринятыми богослуженіями буддистовъ, считаю необходимымъ представить въ переводѣ образцы молитвъ, входящихъ въ составъ буддійскихъ хура̀ловъ, т. е. какъ образцы рапса̀ловъ, такъ и докши̇̀товъ. Замѣчу еще, что богослуженія свои ламы совершаютъ сидя, читаютъ и поютъ по большей части всѣ вмѣстѣ и только начало каждой молитвы затягиваетъ унза̀тъ. Впрочемъ есть нѣсколько йо̄ро̄лей, чтеніе которыхъ предоставляется одному только ламѣ, первенствующему въ хура̀лѣ. Йо̄ро̄ли эти возносятся главнымъ образомъ къ буддамъ, уже являвшимся въ мірѣ, каковы, Гарга̀сунди [1]), Ганагаму̀ни [2]), Каши̇̀бъ [3]) и Шигэму̀ни. Въ содержаніи этихъ йо̄ро̄лей отъ лица самыхъ этихъ буддъ объясняются разнаго рода мученія и подвиги, понесенные ими за вѣру и для блага одушевленныхъ существъ и, въ силу такихъ заслугъ ихъ, выражается желаніе распространенія и благоденствія вѣры. Такимъ образомъ рѣчь, произ-

---

1) Гаргасунди (отъ санскр. Krakutchtchanda, монг. [illegible], тиб. འཁོར་བ་འཇིག་, что значитъ «разрушитель сансары» и побѣдитель матеріи). Имя будды перваго изъ тысячи буддъ нынѣшняго періода; онъ явился въ 9-й малой калпѣ, когда люди жили 40,000 лѣтъ.

2) Ганагамуни (отъ санскр. Kanakamuni, монг. [illegible], тиб. གསེར་ཐུབ་, что значитъ могучій надъ золотомъ). Имя втораго будды въ нынѣшнемъ періодѣ; онъ явился когда люди жили 30,000 лѣтъ.

3) Кашибъ (отъ санск. Kaçyapa, монг. [illegible], тиб. འོད་སྲུངས་, что значитъ «хранитель свѣта»). Имя третьяго будды настоящаго періода; онъ явился, когда люди жили 20,000 лѣтъ.

носимая отъ имени самыхъ буддъ, говорится настоятелемъ, а желаніе произносится въ одинъ голосъ всѣми служащими. Напримѣръ:

Первенствующій: «За благо одушевленныхъ существъ я въ древнее время испыталъ всѣ тягостныя невзгоды и пожертвовалъ своимъ спокойствіемъ и блаженствомъ, ради сего...

Всѣ ламы: «Чистая вѣра да свѣтится во вѣки»!

Первенствующій: «Ради больныхъ и увѣчныхъ я въ древнее время указалъ лекарства и средства питанія (діету), спасалъ и оказывалъ милости страдальцамъ, а посему...

Всѣ ламы: «драгоцѣнная вѣра да свѣтится во вѣки»!

Первенствующій: «Я пожертвовалъ женою, сыновьями и дочерьми, скотомъ, слонами и телѣгами ради пріобрѣтенія святости, а потому...

Всѣ ламы: «верховная вѣра да свѣтится во вѣки»!

Такіе припѣвы ламы называются «тунъ-чжӱръ».

Внѣшнихъ тѣлодвиженій при чтеніи рапсàловъ никакихъ не бываетъ и, кажется, единственное исключеніе въ этомъ случаѣ составляетъ рапсàлъ «Цоктӱ цзàнданъ'у цзалбарӣль». Содержаніе его составляетъ покаянная молитва о сдѣланныхъ грѣхахъ, обращенная ко всѣмъ главнѣйшимъ буддамъ и бодисàтвамъ. Ламы читаютъ большую часть этой молитвы стоя и при каждомъ отдѣлѣ ея, оканчивающемся словами «поклоняюсь тому-то», распростираются по землѣ. Но, говорю, это, кажется, единственный рапсàлъ, изъ всего отдѣла рапсàловъ, помѣщаемыхъ обыкновенно въ сумбӱм'ахъ.

Свой переводъ молитвъ я начну съ того, чѣмъ обыкновенно начинается у буддистовъ всякое богослуженіе, именно рапсàломъ, составляющимъ первую главу каждаго сумбӱма. Рапсàлъ этотъ представляетъ собою нѣчто въ родѣ нашего символа вѣры, потому что онъ заключаетъ въ себѣ перечисленіе всѣхъ основныхъ догматовъ, на которыхъ зиждется религіозная система буддизма. Такая молитва естественно должна находить для себя большое употребленіе и, дѣйствительно, ее можно слышать не только при каждомъ богослуженіи, списокъ ея можно находить не только у каждаго ламы, но и почти въ домѣ каждаго просто-

людина. На монгольскомъ языкѣ она озаглавливается «Итэгэль ябугулхуйнъ йосонъ», т. е. образъ исповѣданія вѣры и читается такъ:

«Вѣрую въ величественнѣйшихъ и святѣйшихъ ламъ, которые послужили основою для всякихъ добродѣтелей (происходящихъ отъ) тѣла, языка и мысли моихъ собственныхъ, предковъ моихъ, всѣхъ одушевленныхъ существъ, населяющихъ небо и всѣхъ буддъ десяти странъ и трехъ временъ; — въ ламъ, бывшихъ споспѣшниками въ распространеніи восьмидесяти четырехъ тысячъ отдѣловъ священнаго ученія и послужившихъ главнымъ первообразомъ, корнемъ и основою для всѣхъ хутухтъ и хуваракoвъ.

Вѣрую въ будду.

Вѣрую въ священное ученіе.

Вѣрую въ духовенство.

Вѣрую во всѣ сонмы и собранія религіозно-буддійскія.

Вѣрую въ одаренныхъ очами премудрости, сохраняющей высоко-знаменитую вѣру.

Вѣрую въ будду и въ представителей соборовъ какъ въ святыхъ.

О если бы мнѣ, для пользы одушевленныхъ существъ, сдѣлаться буддою въ награду за свою милостыню и тому подобныя (добрыя) дѣла! (*читается трижды*).

Вѣрую въ три сокровища.

Раскаяваюсь во всѣхъ грѣхахъ вообще и въ каждомъ отдѣльно.

Служа и сорадуясь благу одушевленныхъ существъ, содержу въ сердцѣ своемъ будду и бодисатвъ.

Для лучшаго устроенія блага собственнаго и чужаго полагаю въ основу святыя мысли.

О если бы мнѣ, послѣ того какъ рѣшусь я положить въ своей душѣ начало святымъ мыслямъ, оказывать привѣтъ и сочувствіе всѣмъ живымъ существамъ, а когда въ сердцѣ моемъ всецѣло водворится святость, сдѣлаться буддою для блага одушевленныхъ существъ! (*читается трижды*).

Да обладаютъ всѣ одушевленныя существа благоденствіемъ и причинами благоденствія!

Да освободятся всѣ одушевленныя существа отъ сильныхъ и не сильныхъ страстей и вспышекъ и да пребываютъ равнодушными!

Да исполнятся всѣ одушевленныя существа того благоденствія, въ которомъ нѣтъ страданій! (*читается трижды*).

Покланяюсь тому, который отрѣшился отъ вещественныхъ связей, не имѣетъ вида и перерожденій, ни бренен, ни вѣченъ, ни прибываетъ и ни отбываетъ, не отличается свойствами ни различными, ни исключительными, единственными, который довелъ себя до наслажденія миромъ глубокимъ, блаженствомъ безопаснымъ, который есть будда совершеннѣйшій и большій того, что о немъ сказано.

Покланяюсь тому, который руководитъ къ миру нуждающихся въ мирѣ шраваковъ, который всезнаніемъ помогаетъ какъ одушевленнымъ существамъ, такъ и всему прочему; который вѣдѣніемъ путей созидаетъ благо міровъ; который составляетъ основу не только сонма всесовершенныхъ, могущественныхъ и разнообразно просвѣщенныхъ шраваковъ и бодисатвъ, но и буддъ.

Покланяюсь тому, который разрѣшаетъ сѣти сомнѣній и, обладая многообъятнымъ тѣломъ, посредствомъ лучей самади (созерцанія) исходитъ изъ всего.

Ты, который составляешь всегдашнее упованіе всѣхъ живыхъ существъ, будда, побѣждающій несмѣтныя полчища шимнусовъ, истинно знающій всѣ предметы, гряди въ царство, гдѣ соединяются друзья совершенства!

Какъ я омываю статуи (духовъ) по мѣрѣ принятія ими на себя другаго (неблагообразнаго) вида, такъ посредствомъ омовенія божественною, святою водою чту лики святѣйшаго будды.

О, если бы мнѣ за то, что я благоговѣйно одѣлъ въ божественную хламиду алмазный ликъ бурхана Абиды, пріобрѣсти неразрушимое тѣло!

О, если бы за приношеніе лику будды куренія, земнаго благовонія, разсыпанія цвѣтовъ, украшеній (въ видѣ) четырехъ

двйповъ, горы Сӳмэрӳ, солнца и луны, всѣ одушевленныя существа водворились въ святѣйшемъ царствѣ!»

Если мы станемъ по частямъ разбирать эту молитву, то уже въ ней самой найдемъ всѣ указанныя выше части рапсаловъ: здѣсь есть исповѣданіе вѣры, есть хвала, есть прошеніе, есть благожеланіе, или то, что называется по монгольски «йӧрӧль». Но, раздѣляя рапсалы на эти четыре отдѣла, я имѣлъ въ виду не частное содержаніе каждой молитвы, а то, что часть молитвенниковъ, извѣстная подъ именемъ рапсаловъ, заключаетъ въ себѣ молитвы, спеціально принадлежащія этимъ четыремъ отдѣламъ. Таково понятіе о рапсалахъ у самихъ ламъ и оно основывается, хотя и не во всей своей полнотѣ, на дѣйствительномъ содержаніи молитвъ. Считая приведенное чтеніе за исповѣданіе вѣры (хотя, какъ мы уже видѣли, въ немъ есть и хвала, и прошеніе, и йӧрӧль) ламы читаютъ далѣе мактāлы, или похвальныя молитвы; за тѣмъ цзальбарил'ы, или молитвы просительныя; наконецъ заканчиваютъ чтеніе рапсаловъ произношеніемъ іӧрӧлей, т. е. молитвенныхъ благожеланій. Представляемъ теперь читателямъ образецъ каждой изъ этого рода молитвъ и прежде всего образецъ мактāл'а.

«Покланяюсь стопамъ милосердаго, который вращаетъ колесо священнаго ученія въ верховномъ царствѣ Тушйта, у тэнгріевъ, обладающихъ высокою судьбою и пользующихся благими предопредѣленіями!

«Покланяюсь стопамъ милосердаго, который возбудилъ въ своей душѣ высокія намѣренія, прекрасно упражняется въ дѣлахъ милосердія и даетъ возможность одушевленнымъ существамъ находить путь истины.

«Покланяюсь стопамъ милосердаго, который, исполнивъ свои многоразличныя святыя желанія, намѣренъ теперь явиться пятымъ буддою міроправителемъ на этомъ цзамбу-тибѣ.

«Покланяюсь стопамъ милосердаго, который обладаетъ лучезарнымъ сіяніемъ какъ солнце, чистъ какъ луна, имѣетъ тѣло, разливающее спокойствіе въ душѣ, лишь только на него посмотришь.

«Покланяюсь стопамъ милосердаго, который имѣетъ голосъ Гандарис'овъ [1]), который въ совершенствѣ проникъ въ сокровенный смыслъ высочайшаго и глубокаго священнаго ученія и обладаетъ вѣщаніями, приносящими пользу всѣмъ слушающимъ.

«Покланяюсь стопамъ милосердаго, который знаетъ все, что только можетъ подлежать познанію, который призираетъ всѣхъ одушевленныхъ существъ и во всякое время думаетъ объ ихъ пользѣ.

«Покланяюсь стопамъ милосердаго, который прогоняетъ всякіе страхи, если вспомнить о немъ,—устрояетъ спокойствіе одушевленныхъ существъ, если они вѣруютъ въ него,—даетъ сверхъестественныя сидди, если просятъ его.

«Силою добродѣтели такого поклоненія одушевленныхъ существъ, да получатъ они благословеніе бурхана Ма̀йдари, милующаго всѣхъ одушевленныхъ существъ.

«Когда сдѣлается онъ всесовершеннымъ буддою, да сдѣлаемся мы его приближеннѣйшими друзьями, и, вкусивъ рашіяна его священнаго ученія, достигнемъ до предѣловъ пути къ несравненной святости — боди.

Лишь только окончимъ мы свой настоящій вѣкъ, да возродимся мы въ области тэнгріевъ Туши̇та, и, радуя милосердаго ха̄на, да получимъ святыя предопредѣленія.

Силою истины трехъ драгоцѣнностей, а въ особенности по силѣ истиннаго благословенія бурхана Ма̀йдари, всѣ тѣ благожеланія, которыя теперь были произнесены мною, да исполнятся!

«Да водворится въ средѣ всѣхъ одушевленныхъ существъ

---

1) Гандари — существа, обитающія на восточной сторонѣ горы Сумэру и извѣстныя въ буддизмѣ подъ именемъ небесныхъ музыкантовъ. Ковалевскій почитаетъ правителемъ Гандарис'овъ Махарачжу Дрита-раштра (Монг. Хрест., т. II, стр. 268). Гандари раздѣляются на нѣсколько отдѣловъ, и въ различныхъ будійскихъ сочиненіяхъ мы находимъ слѣдующія названія Гандарисовъ: 1. [illegible] »; 2. [illegible] »; 3. [illegible] »; 4. [illegible] ».

счастіе и святость милосердаго ламы, идамъ-бурхановъ, бодисатвъ и геніевъ хранителей священнаго ученія.

Самымъ распространеннымъ изъ йӧрӧлей у монгольскихъ ламъ является йӧрӧль, извѣстный подъ именемъ «Санчжитъ моламъ», монгольское же полное заглавіе его «Хутухтӯ сайнъ ябудал'ӯнъ ирӯгэл'ӯнъ хаганъ», т. е. царь йӧрӧлей святыхъ и добрыхъ дѣяній. Вотъ и его переводъ:

«Поклоняюсь юному (урй болоксанъ) Маньчжӯшри.

«Какіе бы они ни были, и сколько ихъ ни есть, всѣмъ безчисленнымъ благоотшедшимъ буддамъ, львамъ человѣчества трехъ временъ, обитающаго во всѣхъ десяти странахъ міра,—всѣмъ имъ исповѣдаю я свою вѣру тѣломъ, языкомъ и мыслію и покланяюсь.

«Силою благихъ дѣяній и йӧрӧлей ясно представляя себѣ всѣхъ побѣдоносныхъ и сгибая свое тѣло, низко кланяюсь всѣмъ побѣдителямъ.

«Желаю сидѣть среди безчисленныхъ какъ пыль буддъ и бодисатвъ и чрезъ всѣхъ безчисленныхъ побѣдоносныхъ стяжать всѣ ихъ духовныя свойства.

«Витійствуя о достоинствахъ побѣдоносныхъ, восхваляю ихъ голосомъ, подобнымъ морскимъ волнамъ.

«Чествую всѣхъ этихъ побѣдоносныхъ прекрасными цвѣтами, мастями, превосходнымъ зонтомъ, прекрасною лампадою и благовонными куреніями.

«Превосходными платьями, и высокими благовоніями, привѣсками, равными съ горою Сӯмэръ и всѣмъ, что есть лучшаго изъ изобрѣтеній, чествую я этихъ побѣдоносныхъ.

«Все, что ни есть лучшаго, самыя высшія жертвы приношу всѣмъ побѣдоноснымъ и вѣрую.

«Все грѣховное, сдѣланное мною въ силу присущихъ мнѣ страстей, гнѣва и несовершенствъ моей физической природы, — все грѣховное, сдѣланное тѣломъ, языкомъ и мыслью, умоляю я очистить и всѣ тѣ грѣхи вмѣстѣ, и каждый изъ нихъ въ отдѣльности.

«Сорадуюсь и послѣдую всякаго рода добродѣтелямъ всѣхъ

побѣдоносныхъ десяти странъ, бодисатвъ, пратіекабуддъ, шраваковъ и всѣхъ одушевленныхъ существъ.

«Всѣхъ, имѣющихъ сдѣлаться нирваною, я, благоговѣйно сложивъ ладони рукъ своихъ, умоляю, да благоволятъ они жить въ теченіе безчисленныхъ, какъ земная пыль, галабовъ ради блага и счастія всѣхъ одушевленныхъ существъ.

«Всѣ, стяжанныя мною, малыя добродѣтели поклоненія, принесенія жертвъ, покаянія въ грѣхахъ, послѣдованія, сорадованія и сочувствія добродѣтелямъ, молитвъ и проч. всегда производилъ я исключительно по стремленію къ святости боди.

«Да возносятся почести всѣмъ буддамъ минувшихъ временъ, жившимъ во всѣхъ царствахъ безчисленныхъ міровъ, находящихся въ десяти странахъ.

«И всѣ будды грядущихъ временъ, да исполняютъ они скорѣе свои намѣренія и, сдѣлавшись бурханами, да явятся на землѣ.

«Да очистятъ они до конца отъ всего грѣховнаго всѣ царства міровъ, существующихъ въ десяти странахъ.

«Да исполнится міръ имѣющими направиться къ священному дереву побѣдоносными и сыновьями побѣдоносныхъ.

«Всѣ, сколько ни есть одушевленныхъ существъ во всѣхъ десяти странахъ, всѣ они да будутъ вѣчно безболѣзненны и счастливы.

«Да будутъ удачны всѣ духовныя и добрыя дѣянія у всѣхъ одушевленныхъ существъ и все, искомое ими, да совершится во благое.

«Шествуя по пути святыхъ, да буду я помнить въ каждомъ своемъ рожденіи всѣ бывшія перерожденія.

«Во всѣхъ своихъ перерожденіяхъ, умирая и рождаясь, да буду я всегда оставившимъ свой домъ (т. е. духовною особою).

«Да буду я всегда жить, послѣдуя дѣяніямъ побѣдоносныхъ, всесовершенно исполняя добродѣтели, нескверно и въ чистотѣ сохраняя свои обѣты.

«Да буду я проповѣдывать священное ученіе на всѣхъ языкахъ, сколько ни есть ихъ: и на языкѣ тенгріевъ, и на языкѣ дра-

коновъ [1]), и на языкѣ якшасовъ [2]), и на языкѣ кумбандис'овъ [3])

---

1) Лӯ (тиб. ཀླུ, монг. ᠯᠤᠤ, кит. 龍, санск. naga — драконъ). По вѣрованію буддистовъ, эти чудовища «имѣютъ на головѣ своей олеьи рога, коровьи уши и круглыя глаза; самая голова ихъ имѣетъ форму верблюжьей; шея въ родѣ змѣиной; кожа на брюхѣ похожа на рыбью чешую; вершина спиннаго хребта у затылка и по формѣ и по внѣшнему покрову подобна тигровой; когти во всемъ, за исключеніемъ своей величины, похожи на ласточкины; передняя часть тѣла драконовъ выше, а задняя ниже и къ хвосту дѣлается тоньше. Драконы могутъ дѣлаться невидимыми и произвольно мѣнять величину своего тѣла: могутъ представиться и большими и маленькими, и длинными, и короткими; вообще въ своихъ измѣненіяхъ и превращеніяхъ они очень не постоянны; жизнь ихъ продолжается 80,000 лѣтъ». По вѣрованіямъ буддистовъ, драконы обитаютъ, главнымъ образомъ, въ семи великихъ моряхъ, окружающихъ вселенную и находятся подъ управленіемъ своихъ хановъ. Въ толкованіи на сочиненіе «Чихула̀ хэрэлгэхчѝ» находимъ слѣдующія имена этихъ хановъ: 1) [illegible] 2) [illegible] 3) [illegible] 4) [illegible] 5) [illegible] 6) [illegible] 7) [illegible] 8) [illegible] — Въ сочиненіи «Цаганъ-линхоа» помѣщены еще имена восьми хановъ драконовъ и здѣсь они названы такъ: 1) [illegible] 2) [illegible] 3) [illegible] 4) [illegible] 5) [illegible] 6) [illegible] 7) [illegible] 8) [illegible].

2) Якшасъ (отъ санск. yakcha, монг. [illegible], тиб. གནོད་སྦྱིན་) также чудовища, враждебныя людямъ. Они раздѣляются на три отдѣла: земныхъ, воздушныхъ и небесныхъ, но всѣ одинаково имѣютъ способность принимать на себя, смотря по надобности, какъ ужасныя, такъ и прекрасныя формы; питаются человѣческимъ мясомъ и живутъ безчисленное число лѣтъ. Главнѣйшіе роды якшасовъ носятъ слѣдующіе названія: 1) [illegible] 2) [illegible] 3) [illegible] 4) [illegible] 5) [illegible] 6) [illegible] 7) [illegible] 8) [illegible].

3) Кумбанди (монг. [illegible], тиб. གྲུལ་བུམ་) также названіе мифическихъ чудовищъ.

«Да буду я спокойнымъ и тихимъ, заботливо старающимся объ исполненіи парамитовъ и никогда не забывающимъ о святыхъ мысляхъ.

«Какіе же есть грѣхи, преступленія и препятствія (къ совершенію добродѣтелей), всѣ они всеконечно да очистятся.

«Избавившись отъ дѣяній мірскихъ и отъ навожденій шимнусовъ, да хожу я безпрепятственно въ средѣ одушевленныхъ существъ міра, какъ солнце и луна на небѣ.

«Да живу я, умиротворяя всесовершенно мученія злой судьбы во всѣхъ странахъ и царствахъ, устроя блаженство всѣхъ существъ и помогая всему существующему.

«Да живу я во всѣхъ грядущихъ галàбахъ, исполняя въ совершенствѣ святыя дѣянія, согласуясь съ поступками всѣхъ одушевленныхъ существъ и проявляя только однѣ добродѣтели.

И кто будетъ поступать также какъ я, да буду я съ тѣмъ всегда въ неразлучномъ дружествѣ.

«Со всѣми, кто желалъ бы мнѣ оказать какую либо помощь, или направить меня на добрые поступки, со всѣми тѣми да буду я всегда встрѣчаться.

«Да не опечалю я никогда ихъ духа.

«Да вижу я всегда въ ясности побѣдоносныхъ, окруженныхъ бодисàтвами и во всѣхъ грядущихъ галабàхъ да буду приносить имъ жертвы безъ усталости и утомленія.

«Да живу я во всѣхъ грядущихъ галàбахъ, утверждая высочайшее ученіе побѣдоносныхъ, проявляя по всюду свѣтъ добродѣтельныхъ дѣяній и ходя благочестно и въ святости.

«Вращаясь во всѣхъ сансàрахъ (матеріальныхъ мірахъ), да найду я безконечную добродѣтель и мудрость, средства (къ спасенію) и мудрость созерцанія; да пріобрѣту я безконечное сокровище всесовершенно избавляющихъ (отъ матеріи) достоинствъ.

«А когда буду я возсѣдать въ средѣ бодисàтвъ и невообразимыхъ буддъ въ безчисленныхъ какъ земная пыль царствахъ міровъ, да буду я поступать свято.

«Да проникну я силою своего разума въ голосъ безконечныхъ

повелѣній всѣхъ побѣдоносныхъ, являвшихся въ трехъ временахъ и благопроповѣдавшихъ правила священнаго ученія.

«И когда буду я постигать это ученіе во всѣхъ имѣющихъ придти галабахъ, да проникну я (его) въ одно мгновеніе.

«Да увижу я всѣхъ львовъ человѣчества, появляющихся во всѣхъ трехъ временахъ.

«Да войду я въ царства всѣхъ побѣдоносныхъ, находящихся во всѣхъ безчисленныхъ странахъ.

«Да приду я ко всѣмъ тѣмъ побѣдоноснымъ, которые явятъ собою свѣтильникъ міровъ будущихъ временъ, сдѣлаются буддами, проповѣдующими священное ученіе и указующими страну нирваны, — вѣчнаго успокоенія.

«Да совершу я въ полнотѣ всѣ святыя дѣянія силою вездѣсущаго и скораго ритй хубилгана, силою средствъ (хўлгэ̀), сдѣлавшихся вратами ко всякой добродѣтели, силою мудрыхъ дѣяній Самантабадры, силою вездѣ сущаго милосердія, силою самади и мудрости.

«Очистивъ всесовершенно дѣянія, подавивъ повсемѣстно силу нисваниса, обезсиливъ значеніе шимнусовъ, да исполнюсь я всѣхъ добродѣтелей.

«Очистивъ всеконечно царства, безчисленныя какъ море, да спасу я всесовершенно одушевленныхъ существъ, безчисленныхъ какъ море.

«Да живу я безпечально въ галабахъ, безчисленныхъ какъ море, благоговѣйно изучая священное ученіе, пространное какъ море, вполнѣ проникая въ его мудрость, глубокую какъ море и благоговѣйно чествуя буддъ, безчисленныхъ какъ море.

«Да удостоюсь я святости будды и святыхъ дѣяній всѣхъ благоотшедшихъ и побѣдоносныхъ трехъ временъ и да исполнюсь я всѣмъ этимъ до безконечности.

«Очистивъ свое тѣло, языкъ и мысли, да произведу я всесовершенное очищеніе въ чистѣйшихъ поступкахъ; благія намѣренія мои на сколько они согласуются съ мудростью на столько пусть и исполнятся.

«Ради наслажденія во всемъ благою добродѣтелью, да исполняю я святыя пожеланія Маньчжу̀шри.

«Да исполняю я безъ утомленія всѣ его дѣянія во всѣхъ грядущихъ гала̀бахъ.

«Да будутъ эти дѣянія мои безконечны.

«Достоинства ихъ да будутъ безграничны.

«Для исполненія всѣхъ его (Маньчжу̀шри) дѣяній да пріобрѣту я и всѣ его перерожденія (хубилга̀нства).

«Каковы границы неба, таковыми же да будутъ и предѣлы одушевленныхъ существъ; каковы предѣлы нисва̀ниса, таковыми же да будутъ и границы моихъ благихъ предпріятій».

Служеніе «докшѝт'овъ» несравненно торжественнѣе и сложнѣе простаго чтенія пѣснопѣній изъ отдѣла рапсаловъ, оттого и докшѝтскіе хура̀лы введены въ Монголіи гораздо позднѣе эпохи распространенія въ средѣ монголовъ буддизма, построенія первыхъ храмовъ и начала служеній по отдѣлу рапсаловъ. Что касается отправленія докшѝтскихъ хура̀ловъ въ той блестящей формѣ, въ которой совершается оно въ настоящее время, то оно началось въ Монголіи собственно не ранѣе 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія и этотъ знаменательный въ исторіи монгольскаго буддизма фактъ тѣсно связывается въ преданіяхъ ламъ съ личностью седьмаго намѣстника Эрдэнѝ-цзу'скаго монастыря, гэлу̀на Дакба̀-дорчжѝ. По сказаніямъ монгольскихъ лѣтописей, вся дѣятельность Дакба̀-дорчжѝ гэлу̀на съ самыхъ молодыхъ его лѣтъ не представляла собою ничего кромѣ стараній о благѣ вѣры и человѣчества; отъ этого, всѣ, начиная съ Тушѣту ха̀на, въ хошу̀нѣ котораго проживалъ Дакба̀-дорчжѝ, питали къ нему благоговѣйное расположеніе и, когда открылось мѣсто намѣстника Эрдэнѝ-цзу'скаго монастыря, поручили ему эту должность съ титуломъ «Номчѝ-цорчжи». При немъ основанъ былъ въ Эрдэнѝ-цзу'скомъ монастырѣ цокчѝнскій дуга̀нъ, въ которомъ постановлено было совершать ежедневное богослуженіе; по инщіативѣ Дакба̀-дорчжѝ были установлены также постоянныя правила относительно служеній въ послѣдніе дни года и празднованія новолѣтія; наконецъ Дакба̀-дорчж'ею же былъ основанъ въ Эрдэнѝ-

цзу храмъ Мàнлы и въ 1776 г. поновлены всѣ зданія монастыря. Заботы Дакбà-дорчжи относительно докшитскихъ хурàловъ начались въ томъ же году докладомъ Тушѣтӯ хàну, въ которомъ Д.-д. разъяснялъ, что хотя въ Эрдэни-цзускомъ монастырѣ и съ давняго времени чествуется докшитъ Гонбо-гуру, однако же богослужебныхъ книгъ для отправленія всѣхъ молебствій въ честь этого докшита не имѣется, равно какъ нѣтъ и толковаго изложенія обрядовой стороны таковыхъ молебствій, а между тѣмъ пріобрѣтеніе всего этого было бы весьма полезно для вѣры. Тӯшѣтӯ хàнъ, по обычаю, представилъ этотъ докладъ Чжэбцзӯнъ-дамба хутухтѣ и послѣдній разъяснилъ, что въ Халхѣ и вообще то не имѣется книгъ для полнаго служенія докшитовъ и что поэтому халхасамъ необходимо или составить самимъ всѣ приличествующіе обряды и молитвы, или же, еще лучше, командировать нѣсколькихъ ламъ въ тибетскіе, сакъяскіе монастыри, чтобы они прослушали тамъ ученіе о докшитахъ и пріобрѣли какъ нужныя книги, такъ и все необходимое въ обрядовомъ отношеніи. Номчѝ-цорчжи предпочелъ послѣднее предложеніе и, по его ходатайству, въ 1776 году было отправлено изъ Эрдэни-цзу въ Тибетъ посольство, во главѣ котораго стоялъ тогдашній гэбкӯй цокчинскаго хурàла Лубсàнъ-чойдӯбъ. Послѣдній, прибывъ въ Тибетъ, представился 35-му хубилгану Сакъяскаго гэгэ̀на, по имени Навàнъ-гунгà-лодòнъ-санчжѝ-дамбà-чжанцàн'у и прослушалъ отъ него наставленія о служеніяхъ Гòнбо-гӯру и другимъ докшитамъ. Возвратившись, онъ передалъ преподанныя ему правила и кромѣ того принесъ съ собою: изображенія пяти Сàкъя, рисунки Чòйчжиновъ и Мѝла-лòчжавы, а также книги, по которымъ отправляется имъ служеніе, колокольчикъ, вачѝръ и дамàру сакъяскаго гэгэ̀на и наконецъ раковину, подаренную будто бы Сакъяскому Пакбà ламѣ Хубилàй-сэцэ̀нъ-хàномъ [1]). Такимъ образомъ Номчѝ-цòрчжи первый ввелъ въ Эрдэнѝ-цзу правильное и полное служеніе докшитамъ и бывшаго у Сакъясцевъ ламу

1) Всѣ эти вещи и донынѣ хранятся въ Эрдэни-цзускомъ монастырѣ частію въ кумирнѣ большаго Цзу, а частію въ кумирнѣ Гòнбо-гу'ру.

Лубсанъ-чойдуба поставилъ первымъ лацабомъ, или лобуномъ при служеніяхъ Гонбо-гуру. Изъ Эрдэни-цзу'скаго монастыря порядокъ служенія докшитовъ разошелся по всей Халхѣ, равно какъ проникъ и къ нашимъ Бурятамъ [1]).

Съ тѣхъ поръ докшитское служеніе совершается въ Халхѣ всегда въ первой половинѣ дня, хотя можетъ продолжаться иногда и до глубокой ночи. По своей внѣшности, какъ уже сказано, оно отличается большею торжественностью сравнительно съ служеніемъ рапсаловъ, ибо чтеніе и пѣніе молитвъ его соединяется съ игрою на музыкальныхъ инструментахъ, при томъ же служеніе докшитамъ и болѣе сложно: въ составъ его входитъ не одно чтеніе молитвъ, но еще и принесеніе жертвъ, или балиновъ (тиб. дорма གཏོར་མ་, санск. bali), а самое чтеніе сопровождается различными внѣшними знаками, которые, за однимъ только вышеуказаннымъ исключеніемъ, совершенно чужды чтенію рапсаловъ. Впрочемъ внѣшнихъ тѣлодвиженій не особенно много и въ докшитскихъ хуралахъ и при томъ не во всякомъ докшитскомъ хуралѣ тѣлодвиженій одинаковое количество: въ одномъ ихъ больше, а въ другомъ меньше. Самыя тѣлодвиженія, въ большинствѣ случаевъ, должны быть исполняемы не всѣми служащими ламами, а только главнымъ лицемъ въ хуралѣ, передъ которымъ однимъ только поставляется и столикъ съ необходимыми принадлежностями служенія докшитамъ. Всѣ прочіе ламы участвуютъ въ служеніи докшитовъ почти на столько же, на сколько и въ рапсалахъ, т. е. они поютъ, читаютъ, играютъ на музыкальныхъ инструментахъ и, по временамъ, исполняютъ потребныя тѣлодвиженія.

Разбирая особенности докшитскаго служенія, мы укажемъ

---

1) Впослѣдствіи Номчи-цорчжи ознаменовалъ свое управленіе еще новыми командировками посольствъ въ Тибетъ къ Далай ламѣ и въ Китай къ Чжанцзя хутухтѣ за рѣшеніемъ вопроса, изученіе какой именно книги можетъ доставить пользу эрдэни-цзу'скимъ хуваракамъ. Тотъ и другой изъ гэгэновъ одинаково сказали, что въ Эрдэни, цзу слѣдуетъ изучить «Боди-мўръ». На этомъ основаніи Номчи-цорчжи, въ 1783 году, основалъ въ Эрдэни-цзу училище на 50 ламъ, которые обязаны изучать «Боди-мўръ», — это продолжается и до настоящаго времени.

Лама въ костюмѣ докшитскаго хурала.

Фотот. В. И. Штейнъ. Почтамтская, 13.

прежде всего на одежды, въ которыхъ совершается ламами это служеніе. Выше уже было упомянуто, что служеніе чжисà, — очередное и состоящее изъ чтенія рапсàловъ, ламы совершаютъ въ своихъ обыкновенныхъ костюмахъ; при служеніи докшӣтовъ они одѣваютъ еще поверхъ этихъ обычныхъ костюмовъ: чжодбонъ, додъ-икъ и банцзаль. Чжодбонъ (тиб. ཅོད་པན་, монг. [illegible]) — родъ вѣнца, надѣваемаго на голову. Онъ состоитъ изъ овальной шапки (торджӣкъ), покрытой тонкими, шелковыми снурками черного цвѣта, имѣющими значеніе волосъ. На верху шапки эти волосы собираются въ одинъ пучекъ, и увѣнчиваются фигурою вачӣра, по бокамъ же шапки они должны свѣшиваться въ видѣ косъ на длину одного локтя (хонгорцàкъ ӯсӯнъ). На ряду съ этими косами, на длину $1\frac{1}{2}$ локтя свѣшиваются еще двѣ привѣшенныя ленты (дарчжӣнъ), сшиваемыя изъ пяти отдѣльныхъ кусковъ матеріи цвѣтовъ: синяго, бѣлаго, краснаго, желтаго и зеленаго. Вся шапка вмѣсто околыша имѣетъ у себя пять отдѣльныхъ карточекъ съ изображеніемъ на каждой изъ нихъ отдѣльнаго бурхана и этотъ-то околышъ и называется собственно «чжодбонъ» т. е. тѣмъ именемъ, которое усвояется и общему прозванію шапки. Что касается пяти бурхановъ, изображаемыхъ на чжодбонѣ, то они суть: 1) бурханъ Бирузана (отъ санск. Vâirôtchana, монг. [illegible], тиб. རྣམ་པར་སྣང་མཛད་) — съ тѣломъ синяго цвѣта; 2) бурхана Акшобъ'я (санск. Akchobhya, монг. [illegible], тиб. བསྐྱོད་དུ་མི་རུང་བ་) — съ тѣломъ бѣлаго цвѣта; 3) бурхана Ратна самбава (отъ санск. Ratna sambhava, монг. [illegible], тиб. རིན་ཆེན་འབྱུང་ལྡན་) — съ тѣломъ желтаго цвѣта; 4) бурхана Абида (отъ санск. Amitâbhâ, монг. [illegible], тиб. འོད་དཔག་མེད་) — съ тѣломъ краснаго цвѣта и 5) бурхана Амогасидди (отъ санск. Amoghasiddha, тиб. ཡོད་གྲུབ་པ་) — съ тѣломъ зеленаго цвѣта. Вторую одежду докшӣтскаго служенія — додъ-икъ (отъ тиб. སྟོད་གཡོགས་, монг. [illegible]) монгольскіе ламы надѣваютъ всегда поверхъ сво-

его обычнаго ламскаго халата. Она имѣетъ форму перелины, накидываемой на плечи и свѣшивающейся до оконечности груди. Перелина эта по формѣ круглая, но на нижнемъ концѣ своемъ имѣетъ пять фистоновъ, которые, подобно изображенію бурхановъ, должны быть тѣхъ же пяти цвѣтовъ: синяго, бѣлаго, краснаго, желтаго и зеленаго. О третьей одеждѣ — ба̀нцзаль, называемой въ этомъ случаѣ иногда мад-икъ (отъ тиб. སྨད་གཡོགས་, монг. [illegible] или [illegible]) мы уже имѣемъ понятіе и замѣтимъ только, что при докшѝтскомъ служеніи ламы надѣваютъ ее обыкновенно поверхъ халата.

Что касается происхожденія этихъ одеждъ, то буддисты, какъ всегда и во всемъ, приписываютъ имъ глубокую древность. Они говорятъ, что одежды эти были введены еще при буддѣ, что самъ Шигэму̀ни въ первый разъ надѣлъ ихъ, находясь въ гостяхъ у хана Дова̀-цзанбо̀, при чемъ онъ подробно объяснилъ своимъ ученикамъ, какъ основы своего ученія, такъ и значеніе пяти цвѣтныхъ бурхановъ, изображаемыхъ на титѝмѣ. Каждое одушевленное существо, говорилъ Шигэму̀ни, можетъ достигнуть нирва̀ны и сдѣлаться буддою, но для сего оно должно очистить себя отъ 84,000 грѣховъ (нисва̀нисъ), основу которыхъ составляетъ пять, прирожденныхъ каждому одушевленному существу пороковъ (хоора̀). Эти пороки суть: неразуміе (мунъха̀къ), гнѣвъ (хилѝнъ), гордость (омо̀къ), любострастіе (тачія̀нгуй) и зависть (найданъгу̀й). Существа высшей природы, т. е. будды и боди-са̀твы, стремясь создать благо людей, отъ безначальнаго времени неуклонно заботились о томъ, чтобы уничтожить силу этихъ пяти пороковъ и въ дѣятельности этой особливо прославились Вайро̀чана, какъ уничтожившій неразуміе, Акшо̀бъ'я, какъ уничтожившій гнѣвъ, Ра̀тна самбава̀, какъ уничтожившій гордость, Амогасиддѝ, какъ уничтожившій зависть и Амѝтаба, какъ уничтожившій сладострастіе. Такъ какъ служеніе докшѝтовъ имѣетъ своею основною цѣлью молитву о спасеніи одушевленныхъ существъ отъ всякаго рода грѣховныхъ навожденій, то буддисты и постановили правиломъ носить на головѣ при докшѝтскомъ

служенiи изображенiя этихъ пяти бурхановъ, какъ верховныхъ искоренителей основныхъ причинъ грѣха, таящихся въ природѣ человѣка.

Относительно храмовыхъ принадлежностей мы замѣчали уже выше, что при докшйтскомъ служенiи въ честь Намсарай'я число жертвенныхъ чашекъ передъ бурханами вмѣсто обыкновенно поставляемыхъ семи, должно быть увеличено до девяти. Помимо сего при совершенiи всѣхъ докшйтскихъ хураловъ предъ настоятелемъ ставится столикъ, на которомъ располагаются: a) колокольчикъ—музыкальная принадлежность настоятеля и вачйръ, употребленiе котораго неразрывно связывается съ колокольчикомъ; b) габала, поставляемая на невысокой треножной подставкѣ и наполненная, смотря по тому какому докшйту совершается служенiе, чернымъ чаемъ, виномъ, или же кровью. Жидкостями этими настоятель, въ извѣстное время чтенiя молитвы докшйтамъ, дѣлаетъ кропленiе, имѣющее значенiе жертвы; c) бумба, со вложеннымъ въ него кропиломъ изъ павлиновыхъ перьевъ и заключающая въ себѣ аршанъ, или священную воду: вода эта употребляется для окропленiя балйна при его освященiи; и наконецъ d) блюдечко съ хлѣбными зернами, которыя, какъ и жидкость изъ габалы, также бросаютъ вверхъ въ жертву докшйту.

Жертва, приносимая Чойчжинамъ во время служенiя докшйтскаго хурала состоитъ изъ такъ называемыхъ балйновъ, постановленiя и указанiя о приготовленiи которыхъ излагаются въ особой главѣ докшйтскаго отдѣла сумбумовъ, называемой «гар'унъ абулга». Не входя здѣсь въ подробности всѣхъ предписываемыхъ правилъ, мы скажемъ только, что большинство балйновъ приготовляется изъ пшеничной муки, которую замѣшиваютъ на винѣ, смѣшанномъ съ водою, (нѣкоторые балйны приготовляются изъ ячменной муки, какъ напримѣръ балйнъ Махагалы; въ Чжамсарановомъ балйнѣ къ пшеничной мукѣ должно примѣшивать овсяную и пр. Балйны приносятся и амурлингуй бурханамъ, но эти послѣднiе балйны замѣшиваются исключительно на водѣ). Тѣсто это ставятъ на огонь и, въ то время какъ оно упрѣ-

ваетъ, въ него подкладываютъ сахаръ, изюмъ и другія пряности. Приготовленному такимъ образомъ тѣсту даютъ форму балйновъ. Этихъ формъ нѣсколько и у различныхъ докшйтовъ балйны различны по внѣшнему виду. Обыкновенно въ каждомъ докшйтскомъ хуралѣ приносится три балйна различныхъ формъ. Первый изъ нихъ назначается въ жертву гацзарыйнъ эцзэн'ў, т. е. генію, покровителю той мѣстности, въ которой совершается жертвоприношеніе; второй и третій составляютъ жертву докшйну. Первый, который монголы называютъ «цзамбутибыйнъ шалсай», дѣлается обыкновенно овальный, вторые имѣютъ трехугольную пирамидальную форму. На вершинѣ перваго, сплошь обмазаннаго масломъ и потому имѣющаго бѣлый цвѣтъ, водружаются изображенія солнца, луны и драгоцѣнности Чиндамàни, приготовляемыя изъ масла и окрашиваемыя сообразно своему цвѣту (солнце въ красную краску; луна — въ желтую; чиндамàни дѣлается пятицвѣтною), а по бокамъ онъ украшается цвѣтками, приготовляемыми также изъ масла и окрашиваемыми въ разныя краски. Второй балйнъ, назначаемый въ жертву докшйну, по правиламъ «гар'ўнъ абулгà», долженъ быть окрашенъ въ тотъ цвѣтъ, какой имѣетъ лице докшйна, которому онъ приносится. Онъ оканчивается на вершинѣ своей фигурами солнца, луны и нàда, по угламъ имѣетъ изображеніе пламенѣющаго огня, на сторонахъ же украшается цвѣтками, а въ срединѣ долженствуетъ имѣть букву, почитаемую за букву такъ называемыхъ «сердечныхъ тàрни» докшйна. Такъ какъ нѣкоторые изъ докшйтскихъ балйновъ одинаковы по своему внѣшнему виду, то по этой именно буквѣ и можно узнать какому изъ докшйтовъ назначенъ балйнъ, потому что буква «сердечныхъ тàрни» у каждаго изъ докшйтовъ различна. Впрочемъ опредѣленіе докшйтскаго балйна можетъ быть совершено еще и по количеству окружающихъ его малыхъ балйновъ, которые назначаются въ жертву сотрудникамъ (нўхўръ), сопутствующимъ докшйну и число которыхъ у каждаго докшйна различно (такъ, у Гòмбо ихъ 75, у Махагàлы 62 и т. д.). Третій балйнъ, назначаемый также въ жертву докшйну, не имѣетъ у себя никакихъ украшеній и всегда бываетъ коричне-

ваго цвѣта. По тибетски онъ называется «шатàкъ марчжѝ», что значитъ, какъ мнѣ передавали, — балѝнъ плоти и крови. Таинственное значеніе его — преданіе карѣ докшѝна всѣхъ враговъ и препятствій вѣры и добродѣтели, а потому у основанія этого балѝна кладутся изображенія человѣческихъ ногъ (отъ лядвій до пяты), рукъ (отъ плечевой кости до оконечности кисти), языка, сердца и мозга, какъ главнѣйшихъ факторовъ всякой дѣятельности человѣка. Балѝнъ этотъ, по окончаніи служенія докшѝтамъ сжигается на кострѣ за стѣнами монастыря и никогда не можетъ быть ни раздѣленъ между вѣрующими, какъ два другихъ балѝна, ни оставленъ при кумирнѣ, какъ это часто дѣлается съ балѝномъ «цзамбутибы̏йнъ шалсàй». Правила «гар'ӯнъ абулгà» предписываютъ какъ приготовлять балѝны, такъ и содержать ихъ въ особенной чистотѣ и на этомъ основаніи на нихъ не позволяется даже дышать человѣку: приготовляющіе балѝны, приносящіе ихъ въ хурàлъ и ставящіе ихъ на особый столикъ посреди кумирни надѣваютъ поэтому на ротъ особую волосяную сѣтку, называемую у Монголовъ «халхабчѝ», а у Бӯрятъ «хāбуръ». По окончаніи служенія, два первыхъ балѝна раздѣляются между молящимися и служащими ламами.

Внѣшнія тѣлодвиженія, входящія въ составъ служенія докшѝтамъ, относятся, какъ было уже сказано, или къ одному только первостоятелю, или исполняются всѣми служащими. Къ числу первыхъ принадлежатъ: кропленіе жидкости изъ габàлы въ жертву Чòйчжину; кропленіе аршаномъ освящаемаго балѝна и наконецъ болѣе сложныя тѣлодвиженія, съ которыми должны быть перечисляемы приносимыя въ жертву докшѝтамъ семь предметовъ, помѣщаемыхъ въ цӯгӯцэ̀. Такъ указаніе на первый изъ нихъ *аргамъ* соединяется съ троекратнымъ движеніемъ въ воздухѣ распростертыми ладонями рукъ, какъ бы подгребающихъ къ себѣ воду; второй — *бадъймъ* — движеніемъ въ воздухѣ распростертой, правой ладони съ правой стороны къ лѣвой, похожимъ на то, которое употребляетъ человѣкъ, когда плещетъ водою; третья жертва «*буйби*», подъ которою разумѣется цвѣтокъ или растеніе, внѣшнимъ образомъ выражается бросаніемъ вверхъ нѣ-

сколькихъ зеренъ съ блюда, поставляемаго для этой цѣли передъ настоятелемъ; четвертая — *дӯйбэ*, т. е. благовонное куреніе, выражается поднятіемъ вверхъ указательныхъ пальцевъ обоихъ рукъ, тогда какъ всѣ остальные четыре пальца должны быть пригнуты къ ладони; пятая — *алогй*, т. е. лампада выражается такимъ же поднятіемъ вверхъ двухъ большихъ пальцевъ съ пригнутіемъ къ ладони всѣхъ остальныхъ; шестая — *гàньди*, или благовонная вода выражается приложеніемъ распростертой правой ладони къ правому уху, а лѣвой къ груди; седьмая — *ньйбди* выражается какъ бы указательнымъ движеніемъ рукъ, при чемъ обѣ онѣ должны имѣть согнутыми большой и указательный палецъ такъ, чтобы образовать собою кругъ и распростертыми, или выпрямленными три остальные; наконецъ при указаніи на восьмую жертву — *шабдà*, т. е. музыка, ламы берутся за музыкальные инструменты и играютъ на нихъ. Должно замѣтить, что такъ какъ исчисленіе этихъ восьми жертвъ не входитъ въ составъ молитвъ къ нѣкоторымъ изъ чòйчжиновъ, то естественно, что при совершеніи нѣкоторыхъ докшитскихъ хурàловъ и самыя тѣлодвиженія эти совершенно опускаются. Тѣлодвиженія, общія для всѣхъ служащихъ суть во 1-хъ хлопанье въ ладоши; во 2-хъ хлопанье въ щелчокъ. Первое употребляется тогда, когда въ молитвѣ къ Чòйчжину, просятъ его объ искорененіи зла; напр. въ докшитскомъ хурàлѣ въ честь Махагàлы:

«Все непотребное во всѣхъ странахъ сокруши»! (ударъ правою ладонью лѣвой).

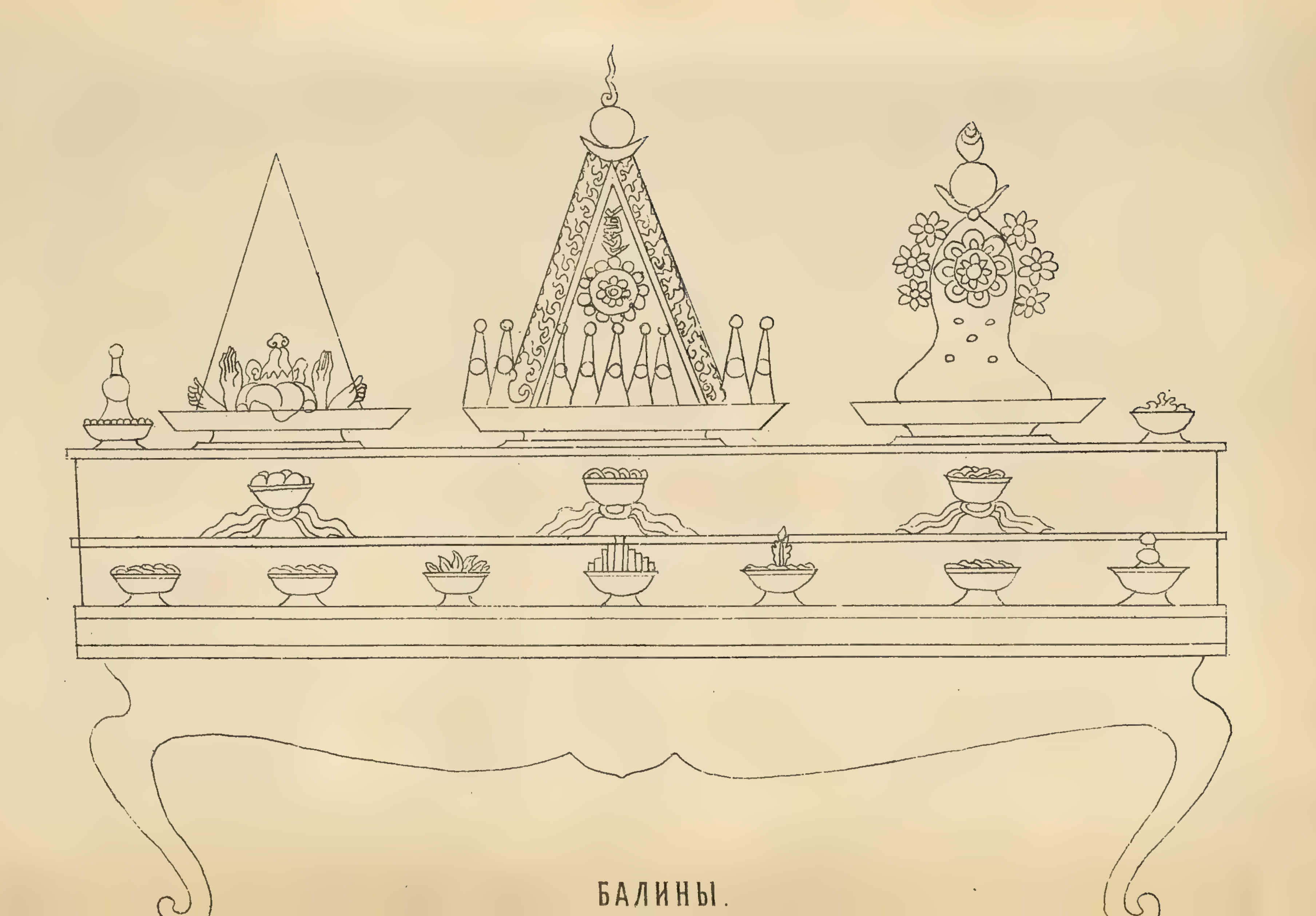
«Уничтожь»! (ударъ правою ладонью лѣвой).

«Укроти»! (ударъ правою ладонью лѣвой).

«Совершенно укроти»! (ударъ лѣвою ладонью правой).

При ударѣ въ щелчокъ произносятся тàрни докшитовъ. Наконецъ возношеніе балйна, поднятіе его кверху и круженіе въ воздухѣ совершается особою личностью (ཇ་མ), которая приготовляетъ балйнъ, вноситъ его въ кумирню и стоитъ при немъ неотлучно во все время его освященія и принесенія въ жертву.

Служеніе докшитамъ начинается обыкновенно чтеніемъ ко-



БАЛИНЫ.

роткаго мактала какому либо изъ идамъ бурхановъ, по большей части Ямандагѣ, или Хайнкирвѣ. Такъ какъ образецъ мактала уже былъ представленъ въ отдѣлѣ рапсаловъ, то я предлагаю здѣсь только образецъ служенія докшиту Чжамсарану того самаго, которое ежедневно совершается въ Ургѣ. Вотъ переводъ этого чтенія со всѣми правилами, по которымъ оно должно исполняться:

«Приносящіе балинъ хувараки передъ началомъ служенія долженствуютъ прежде всего созерцать Чжамсарана, т. е. мысленно прочитать тарни: «омъ-ма-хумъ-сваха» и представить себѣ все пространство міра пустымъ. Въ пространствѣ этой пустоты они должны представить себѣ безграничное море изъ человѣческой и лошадиной крови, въ которомъ трехугольникомъ волнуются волны; въ самой срединѣ этихъ волнъ — четырехугольную мѣдную гору и на вершинѣ ея, какъ бы въ нѣсколько рядовъ настланный коверъ, падму, солнце, человѣческій и лошадиный трупъ, а на нихъ Чжамсарана. Онъ имѣетъ одно, красное лицо и двѣ руки. Въ правой рукѣ, испускающей пламя, онъ держитъ мѣдный мечъ, упираясь имъ въ небо,—этимъ мечемъ онъ посѣкаетъ жизнь нарушающихъ обѣты. На лѣвой локтевой кости у него повѣшены лукъ и стрѣлы, а въ самой рукѣ онъ держитъ сердце и почки враговъ вѣры; подъ лѣвой мышкой онъ прижалъ кожанное, красное знамя. Ротъ страшно открытъ, четыре острые клыка обнажены, онъ быстро движетъ языкомъ, имѣетъ три глаза и страшно гнѣвный видъ. Брови и усы его пламенѣютъ какъ огонь при концѣ міра; желто-красновато-темные волосы заплетены въ косу. Онъ коронованъ пятью человѣческими черепами. На немъ надѣты подъ низомъ мѣдный панцырь, а сверху красная, шелковая одежда, на ногахъ красные сапоги съ желтыми голенищами. Правая нога у него согнута, а лѣвая выпрямлена въ позу пляски. Стоитъ онъ среди пламенѣющаго огня премудрости. По правую сторону этого бурхана должно представить стоящею Ухинъ-тэнгри. Она имѣетъ три лица: красное лицо, синеватое лицо и лицо цвѣта кожи, только что снятой съ животнаго (блѣдно-розовое). Всѣ три лица съ зубами бѣлыми,

какъ раковина, съ изумрудными бровями и огненными волосами, украшенными яшмою и лазурикомъ; на ушахъ привѣшаны золотыя серьги. Она должна быть нагая, а въ лицѣ и глазахъ ея изображается страстное пожеланіе. Въ правой рукѣ ея находится поднятый на враговъ вѣры мѣдный мечъ, а въ лѣвой—желѣзный гвоздь, приколачивающій къ одному мѣсту препятствія (къ спасенію). На лѣвой сторонѣ Чжамсарàна долженъ быть представленъ бурханъ—Амìйнъ эцзэ̀нъ (владыка жизни) съ однимъ лицомъ и двумя руками. Правою рукою онъ поднялъ красное копье; лѣвою — держитъ дьявольскую сѣть ([illegible]), которую бросаетъ на враговъ вѣры. Онъ одѣтъ въ шлемъ и панцырь и сидитъ на бѣшеномъ волкѣ. Ночью онъ разъѣзжаетъ на этомъ волкѣ и призываетъ къ добродѣтели враговъ вѣры и препятствія. По десяти странамъ отъ этихъ бурхановъ должно расположить восемь небесныхъ меченосцевъ (ильдучѝ) и двадцать одного божественнаго палача (яргачѝ); всѣ они краснаго цвѣта и каждый имѣетъ въ правой рукѣ поднятый мѣдный мечъ, а въ лѣвой—одни изъ нихъ держатъ гвозди; другіе придерживаютъ закушенныя зубами легкое, печень и сердце; нѣкоторые лижутъ мозгъ и кровь сердца; нѣкоторые въ лѣвой горсти зажали мясо и кровь; иные грызутъ кости и высасываютъ мозговыя кости; нѣкоторые сдираютъ кожу до краснаго мяса. Всѣ эти смертоносцы ([illegible]) враговъ вѣры одѣты въ человѣческіе трупы и сырыя коровьи кожи. Кромѣ сего должно представить тысячу красныхъ альбиновъ, тысячу шимну̀совъ, тысячу ракшàсовъ, тысячу якшàсовъ и проч. Они окружаютъ Чжамсарàна какъ войско, по безчисленности подобное каплямъ воды великаго моря. У всѣхъ бурхановъ, восьми меченосцевъ, и двадцати одного божественнаго палача должно представить на головѣ букву *омъ*, на горлѣ *ма* и на сердцѣ — *хумъ*.

Когда всѣ присутствующіе въ хурàлѣ ламы утвердятъ въ своихъ мысляхъ это созерцаніе, можно начинать молитву. Вотъ ея текстъ:

«Призываю на одно мгновеніе испускающихъ свѣтозарные лучи изъ *хумъ* своего сердца Чжамсарàна и его сподвижниковъ

изъ дворца ихъ, находящагося на красной, яшмовой скалѣ въ сѣверо-восточной странѣ труповъ.

«Призываю основавшихъ свое вѣчное мѣстопребываніе въ югозападной странѣ труповъ владыку жизни, великихъ красныхъ палачей и шимну̀совъ, не отступающихъ отъ повелѣній Чжамсара̀на, губительныхъ меченосцевъ, двадцать одного блаженныхъ докшѝта, шимну̀совъ и ракша̀совъ три тысячи, да тысячное войско красныхъ альбѝновъ съ ихъ сподвижниками, не отступающими отъ повелѣній бурха̀нъ-бакшѝ.

«Придите по силѣ обѣщанія.

«Высокородный и величественный хранитель Чжамсара̀нъ, соблаговоли придти изъ своего дворца, сложеннаго во много этажей изъ череповъ, имѣющаго стѣны ограды изъ темно-красной яшмы, окруженнаго со всѣхъ сторонъ мѣдными горами, а еще далѣе озерами, которыя наполнены лошадиными и человѣческими трупами и на днѣ которыхъ осѣла лошадиная и человѣческая кровь, — (изъ своего дворца), находящагося за семью пустынными и мрачными царствами ([illegible]).

«Придите сюда общество сподвижниковъ и сонмъ палачей.

«Нынѣ и тотчасъ придите сюда, чтобы дать мнѣ силы исполнить дѣла йогацзари (тиб. རྣལ་འབྱོར་) и попрать десять сильныхъ губительныхъ враговъ.

«Нынѣ и тотчасъ придите сюда и, поспѣшно принявъ жертву — балинъ, уничтожьте всѣ черныя стороны жизни, сокрушите въ прахъ вредоносныхъ враговъ и препятствія.

«Хотя и непоколебимы свойства духовности и сфера спокойствія ([illegible]), однако для исправленія неправоты явились докшѝты, исполненные чрезвычайной силы; они суть хранители вѣры и ученія. Покланяюсь докшѝтамъ и краснымъ палачамъ.

«Покланяюсь гэніямъ мудрости, удовлетворяющимъ желанія йога̀цзари, небеснымъ палачамъ, меченосцамъ, Ма̀мо, Тайра̀н'у и всѣмъ хранителямъ.

«Возношу эти жертвы явныя и тайныя Чжамсарану съ товарищами; примите и исполните мои потребности. Омъ-раг-ма-бар-на-са-ва-ри-ва-ра-ар-гамъ-бра-ди-ца-сва-ха».

«Такимъ образомъ стоящія на жертвенномъ столѣ: воду омовенія ногъ, воду омовенія лица, цвѣты, куреніе, лампаду, благовоніе, яства (*при этомъ перечисленіи поименованіе каждой жертвы сопровождается вышеуказанными тѣлодвиженіями*), музыку (*игра на музыкальныхъ инструментахъ*), а равно предметы, служащіе къ удовлетворенію пожеланій лица, голоса, обонянія и вкуса возношу я въ жертву Вачиръ-бакшѣ и тэнгріямъ хранителямъ, а особенно якша Чжамсарану и его сподвижникамъ.

«Мясо и кровь, пятисортовый рашіянъ и балинъ, сдѣланный изъ муки и масла — губительные красные палачи съ своими сообщниками кушайте! Омъ-раг-ма-я-ра-манъ-ха-я-ба-линъ-та-гарангъ-ха-хи-ха-хи.

«Чтобы порадовать Чжамсарана и его сподвижниковъ чествую ихъ великимъ моремъ разной крови. Омъ-ма-хумъ (*настоятель приподнимаетъ наполненную кровью габалу и троекратно вращаетъ ее въ воздухъ*).

«Покланяюсь якша Чжамсарану съ его сподвижниками, благоговѣю предъ ними тѣломъ, языкомъ и мыслію.

«Возношу различныя жертвы явныя — внѣшнія и сокровенныя — внутреннія.

«Раскаяваюсь въ порокахъ, которые противны душѣ моей.

«Послѣдую радостно по пути бѣлыхъ добродѣтелей.

«Соизвольте наставить меня на дѣла четырехъ родовъ ([illegible]).

«Ради блага одушевленныхъ существъ направьте на путь истины ноги мои.

«Бурханъ, стремлюсь порадовать тебя своими добродѣтелями.

«Хранитель, якша Чжамсаранъ, вмѣстѣ съ сподвижниками, порадовавшись моей вѣрѣ, не гнѣвайтесь на все грѣховное, что я сдѣлалъ и на все несогласное съ священнымъ ученіемъ, совершенное мною по невѣденію, но, почитая все это за дѣянія младенческія, потерпите!

(*Съ душою, проникнувшеюся стремленіемъ къ очищенію, прочитавъ подрядъ 120 разъ мани должно раскаяваться такъ*):

«Вачѝръ дарà ламà, святой хранитель, тэ̀нгри и сонмъ поборниковъ и хранителей священнаго ученія, въ особенности же якшà Чжамсарàнъ съ сподвижниками, будьте милосерды ко мнѣ, йогàцзари. Я, вступивъ въ священное ученіе тàрни, поклялся передъ хранителемъ Вачѝръ бакшѝ въ непремѣнномъ сохраненіи своихъ обѣтовъ; каюсь въ своемъ нарушеніи ихъ, произведенномъ по гнѣву, неразумію, сладострастію и непостоянству своей физической природы.

«Раскаяваюсь въ своемъ нарушеніи обѣтовъ, которое выразилось въ томъ, что я прерывалъ чтеніе молитвъ и исполненіе подвиговъ тарнистѝческихъ, не совершалъ въ должное время благодарственныхъ жертвъ и вообще не исполнялъ того, въ чемъ жестоко поклялся.

«Раскаяваюсь въ своемъ нарушеніи обѣтовъ, которое выразилось въ томъ, что я дѣлалъ упущенія въ совершенствованіи своихъ взглядовъ, созерцаній и дѣяній, давалъ поводъ къ разъединенію собраній и присоединялся къ отрѣшившимся отъ истины сонмамъ. Раскаяваюсь въ томъ, что я оскорблялъ Вачѝръ-бакшѝ-ламỳ и Вачѝръ-эхэ̀, съ которыми связанъ я по силѣ обѣтовъ.

(*Затѣмъ при звукахъ музыки*):

«Передъ очами хранителей вѣры и священнаго ученія, передъ очами побѣдоносныхъ трехъ временъ и ихъ сподвижниковъ, исполненныхъ всякой сверхъестественной силы, возношу до неба разныя вещи; да удовлетворится ихъ желаніе!

«Амарѝта, красный балѝнъ, пища и питье, драгоцѣ̀нное золото и кропленіе лекарственныхъ благовоній, всѣ эти жертвы, вмѣстѣ съ жертвою высочайшаго спокойствія ([illegible]) да удовлетворятъ желаніе высокороднаго и величественнаго Чжамсарàна.

«Да удовлетворятъ желаніе его сообщниковъ.

«Удовлетворивъ свое желаніе, да исполнятъ они нужды моего йогàцзарства! (*трижды*).

«Имѣющему тѣло, величественнѣйшее изъ всѣхъ существъ,

несравненному богатырю, обладающему видомъ страшнымъ до того, что на него нельзя смотрѣть, сему возношу я хвалы и покланяюсь.

«Величественный Чжамсаранъ, силою могущества твоего существа, порѣши злобныхъ враговъ и вредоносныя препятствія, которые устремляются на мое йогацзари'ское существо!

«Имѣющему слово величественнѣйшее и возвышеннѣйшее, жестокое и до безконечности страшное, сему возношу я хвалу и покланяюсь.

«Величественный Чжамсаранъ, силою могущества твоего слова, порѣши злобныхъ враговъ и вредоносныя препятствія, которыя устремляются на мое йогацзари'ское слово!

«Обладающему мыслью милосерднѣйшею, необычайно быстрою, поспѣшною и дающею твердое успокоеніе, сему возношу я хвалу и покланяюсь.

«Величественный Чжамсаранъ, порѣши силою могущества твоей мысли злобныхъ враговъ и препятствія, устремляющіеся на мою мысль.

(*За тѣмъ слѣдуетъ произнесеніе чжамсарановыхъ тарни при звукахъ колокольчика у настоятеля и щелчковъ у прочихъ служащихъ*): «Омъ-вар-на-ад-ма-чира-пу-ра-хлу-ки-да-сар-ва-мадъ-рунъ-марья-хомъ-падъ.

(*Тарни супруги Чжамсарана при тѣхъ же внѣшнихъ тѣлодвиженіяхъ*): «Омъ-раг-ма-я-ма-цзи-да-цза-ла-рамъ-бра-ди-ди-ва-хонъ-са-раг-ла-я-ма-цзи-да-сар-ва-шадъ-рунъ-марья-хомъ-падъ.

(*Прочитавъ эти тарни возможно большее число разъ, продолжаютъ*):

«Языки хранителя священнаго ученія и его сподвижниковъ, сдѣлавшись обладающими трубочкою красно-алмазнаго цвѣта, выходящаго изъ хумъ, вытянули и скушали всю эссенцію балина. «Омъ-раг-ма-а-вар-на-ад-ма-са-вар-гри-ва-ра-сар-ва-бан-цза-шадъ-рунъ-и-дамъ-ба-линъ-ха-ха-ха-хи-ха-хи.

(*Прочитавъ эти тарни семь разъ, приподнимаютъ кверху балинъ и въ это время читаютъ*):

Пребывающій въ индійской странѣ Сюльдэ̀ тэ̀нгри, пребывающій въ царствѣ Ли хранитель священнаго ученія, слушающій словеса Махадэ̀вы, Якша̀, одѣтая въ красный панцырь Ухѝнъ-тэнгрѝ, краснолицые, прекращающіе жизнь, небесные палачи и весь сонмъ геніевъ хранителей, всѣ вы, вкусивъ этого балѝна, краснаго мяса и крови, сохраняйте вѣру будды, возвышайте ликъ драгоцѣнностей, и продлите во вѣки вѣковъ свѣтъ ламства. Меня, йога̀цзари, до тѣхъ поръ пока не сдѣлаюсь я буддою, избавляйте отъ препятствій и всего, что служитъ поводомъ къ препятствіямъ и содѣйствуйте къ исполненію мною всѣхъ, согласующихся съ истиною дѣяній. Всѣ враждебныя силы и препятствія, согласно своихъ строгихъ и жестокихъ законовъ, сдѣлайте прахомъ, подобнымъ тончайшимъ пылинкамъ пепла.

«Стоящій на престолѣ, составленномъ изъ круговъ па̀дмы, солнца и труповъ человѣческаго и лошадинаго, высокій повелитель якша̀совъ, имѣющій цвѣтъ ба̀дма-раги, держащій два меча въ обоихъ рукахъ, держащій лукъ, стрѣлы, легкія и сердце, прижавшій подъ мышкою красно-знаменное копье, подогнувшій правую ногу и вытянувшій лѣвую, открывшій ротъ и обнажившій клыки, имѣющій три глаза на своемъ страшномъ лицѣ, завязавшій въ косу свои желто-темные волосы, возложившій на себя корону изъ череповъ и четки, надѣвшій красно-желтые сапоги, величественный богатырь, одаренный лицемъ, на которое невозможно смотрѣть, тебя восхваляю я!

Стоящую по правой сторонѣ отъ тебя Ухѝнъ-тэ̀нгри, которая держитъ въ своихъ рукахъ мечъ и гвоздь, имѣетъ синеватое тѣло и красноватое лицо, — восхваляю я!

«Стоящаго по лѣвую сторону отъ великаго якша̀ владыку жизни, надѣвшаго красный кожанный панцырь и шлемъ, держащаго копье и сѣть, сѣвшаго на бѣшенаго волка и посѣкающаго препятствія и враговъ вѣры восхваляю я!

«Наконецъ, исполняющихъ повелѣнія твои (Чжамсара̀нъ) восемь докшѝтовъ-меченосцевъ и двадцать одного палача, альбѝновъ, шимну̀совъ, якша̀совъ, ракша̀совъ и тайрѝнговъ, все сонмище твоихъ сподвижниковъ восхваляю я!

«Вы же всѣ высокородные, сохраняя святую вѣру, сдѣлайте блаженными одушевленныхъ существъ и, утверждая стопы ламства, увеличивайте стремленіе къ добродѣтели.

«Побуждайте всѣхъ живыхъ существъ возвеличивать вѣру, возвышать и чествовать ламъ; будьте моею опорою; увеличьте лѣта моей жизни и мои душевныя добрыя качества; истребите все препятствующее къ доброй жизни и расширьте все, способствующее ей; уничтожьте ненавистныхъ враговъ, а въ особенности тѣхъ, которые ограничиваютъ распространеніе вѣры и святости буддійской.

Настало время обѣтовъ.

Величественнымъ Ямандагѐ и Чжамсарȁну съ товарищами ихъ заказываю я: поступайте согласно вашимъ клятвамъ! Царь хранителей-якшȁсовъ, мать краснолицая, владыка жизни, восемь свирѣпыхъ меченосцевъ, страшные палачи, вы, сонмъ, связанный обѣтами, увеличьте свою энергію! Грѣховные враги, поставляя препятствія ламству, держатся еретическаго ученія; поставляя препятствія священному ученію, не признаютъ трехъ драгоцѣнностей; приводя въ смятеніе хуварȁковъ, мѣшаютъ исполнять великую ӱну; поставляя препятствія изучающимъ тȁрни, побуждаютъ ихъ преступать обѣты; поставляя препятствія къ исполненію высокихъ буддійскихъ заповѣдей, приносятъ зло одушевленнымъ существамъ.

«Покажите имъ свою силу и спасите спасительные! Ниспославъ свыше шимнӱсовъ, дѣйствующихъ ножами ([illegible]) и наводя на нихъ (т. е. на враговъ) ужасъ, покажите многія знаменія, схватите ихъ сѣтью, пригвоздите своими гвоздями, перерубите своими мечами, прострѣлите своими стрѣлами, пронзите своими копьями, высосите ихъ сердце; но, заставивъ ихъ покончить свое настоящее, злое существованіе, спасите ихъ души! Давшіе обѣты небесные палачи, прекратите жизнь этихъ злобныхъ враговъ, плоть, кровь и кости ихъ кушайте своимъ ртомъ. Въ древности вы, предъ могущественнымъ Вачѝръ-дарȁ дали твердое обѣщаніе порѣшить враговъ вѣры и препятствія къ до-

бродѣтели, ниспровергнуть все жестокое, трудное для умиротворенія. Время исполненія этихъ обѣтовъ теперь настало.

(*Затѣмъ приподнимаютъ балѝнъ, назначенный въ жертву геніямъ покровителямъ страны и говорятъ*):

«Охраняющіе съ сѣверо-восточной стороны придите сюда и примѝте этотъ балѝнъ, исполненный украшеній; примите эту жертву плоти и крови ненавистныхъ враговъ; примитѐ эти яства цзамбутѝба; примите эту духовную жертву — рактà; примите духовную жертву — цзакàтъ-бадàръ; примите жертву изъ красной водки и вина!

Нынѣ возношу вамъ свои прошенія: заботьтесь милостиво о содержащихъ вѣру! Поручаю вамъ мое, йогàцзари'ское мѣстопребываніе, мое существо, имущество и все необходимое. Могущественные хранители, позаботьтесь присматривать за всѣмъ этимъ и днемъ, и ночью; будьте моими вѣчными друзьями, побуждающими меня къ исполненію всякаго добраго дѣла; направьте меня на добродѣтельный путь, завѣщанный святыми ламами; покажите явныя знаменія ненавиствующимъ врагамъ! О, могущественные и величественные, уничтожьте враговъ ламства и враговъ вѣры вообще, наносящихъ препятствія мнѣ, йогàцзари, и удручающихъ одушевленныхъ существъ; потому что такимъ только путемъ вы сохраните вѣру и священное ученіе! Дарующіе вѐрховныя сѝдди ламы священнаго ученія, истинныя три драгоцѣнности, хранительные божественные тэнгри, безчисленные богатыри, дакѝни и весь сонмъ геніевъ, вашему покровительству вручаю я учителей и учениковъ йогàцзари, всѣхъ одушевленныхъ существъ, всѣ вещи, всѣ мѣста и самый этотъ монастырь, всѣ предметы видимые и невидимые отъ настоящаго дня до времени пріобрѣтенія святости бодѝ-хутỳкъ[1])! Будьте неразрывною опорою для вѣры и всего существующаго!»

---

1) Бодѝ-хутỳкъ = божественная святость, достоинство будды, — переходъ духа изъ подъ бремени матеріи въ страны, обитаемыя блаженными, святыми, пріобрѣтшими мудрость — бэлгэ-билѝкъ. [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] имѣютъ одно значеніе.

Окончаніемъ этой молитвы оканчивается и докшѝтскій хура̀лъ. Ламы встаютъ съ своихъ мѣстъ, выходятъ изъ кумирни и, обошедши ее по̀солонь три раза, расходятся по домамъ. Въ кумирнѣ остается одинъ только джама̀, да два гэцўля, предварительно назначаемые гэбкўемъ въ пособники джамѣ. По уходѣ ламъ, джама̀ беретъ бали̇нъ шата̀къ-марчжи̇ и выноситъ его за монастырскую ограду, на западную сторону монастыря, при чемъ его сопровождаютъ, а иногда и поддерживаютъ подъ руки, два его пособника. Послѣдніе, тотчасъ же по прибытіи на урочное мѣсто, раскладываютъ небольшой костеръ, въ который джама̀ бросаетъ бали̇нъ. Жертва, на половину состоящая изъ масла, сгараетъ очень скоро и ламы возвращаются домой, уже сполна закончивъ этимъ сожженіемъ служеніе докши̇тскаго хура̀ла.

Таковъ въ общихъ чертахъ составъ малыхъ и великихъ хура̀ловъ, т. е. богослуженій, которыя можно видѣть каждый день въ общежительныхъ монастыряхъ буддійскихъ. Кромѣ рапса̀ловъ и служенія докши̇товъ является еще болѣе частымъ въ буддійскихъ обителяхъ служеніе, извѣстное подъ именемъ «Ту̀й ўргўхў», (отъ тиб. ཁྲུས་) или сполна по монгольски «Ухі̇алъ ўргўхў», — что значитъ «вознош̆еніе омовенія». Спеціальная цѣль этого хура̀ла есть приготовленіе раса̄яны, или, какъ говорятъ монголы, арш̄ана, имѣющаго значеніе нашей святой воды и постоянно употребляемаго буддистами въ жизни. Хура̀лъ этотъ въ большихъ монастыряхъ, гдѣ арш̄ана расходится много, совершается ежедневно, а въ малыхъ — смотря по нуждѣ въ арш̄анѣ. Дўльба не назначаетъ для совершенія этого хура̀ла ни мѣста, ни дня, ни времени, ограничивая только то, что послѣдованіе «Ту̀й ўргўхў» не можетъ соединяться въ одно съ служеніемъ докши̇товъ; на этомъ то основаніи разсматриваемый хура̀лъ совершается всегда или непосредственно слѣдуя за чтеніемъ рапса̀ловъ, или же отдѣльно отъ всякихъ другихъ служеній; во всякомъ случаѣ однако служенію «Ту̀й» предшествуетъ чтеніе рапса̀ла «Лама̀йнъ тахи̇ль». Хура̀лъ «Ту̀й ўргўхў» отличается также своею торжественностью: какъ и служеніе докши̇тамъ онъ исполняется при звукахъ музыкальныхъ орудій; что же касается молитвы, входящей въ со-

ставъ этого хура̀ла, то ее можно раздѣлить на три части. Первая—заключаетъ въ себѣ сначала прошеніе объ очищеніи грѣховъ всѣхъ присутствующихъ въ хура̀лѣ, которые могли совершить они тѣломъ, языкомъ и мыслью; а потомъ призваніе буддъ придти и, ради блага одушевленныхъ существъ, вселиться въ кумиры, стоящіе въ хура̀лѣ ([illegible]). Вторая часть молитвы заключаетъ въ себѣ воспоминанія обо всякаго рода омовеніяхъ, начиная съ того которое поднесъ Хорму̇ста Шигэму̇нію при его рожденіи, а равно исчисленіе могўщественныхъ свойствъ буддъ съ просьбою, чтобы чрезъ посредство арша̄на были преподаны эти свойства и одушевленнымъ существамъ. Наконецъ въ третьей части—излагается благодарность буддамъ, перечисляются всѣ жертвы приносимыя въ хура̀лѣ въ знакъ этой благодарности и возсылается похвала могущественнымъ свойствамъ арша̄на. Ламы къ совершенію этого служенія являются въ своихъ обычныхъ костюмахъ; необходимыми же принадлежностями хура̀ла «Ту̀й ўргўхў» являются во 1-хъ Толѝ (མེ་ལོང), во 2-хъ бумба̀ (тиб. བུམ་པ་), въ 3-хъ Кўцэ̀ или Дзабья̀ ([illegible]) и въ 4-хъ ма̀ндалъ, иногда замѣняемый особымъ блюдомъ, спеціально для сего дѣлаемымъ и имѣющимъ тибетское имя «Туй-шонъ» (ཁྲུས་གཞོང་), или по монгольски «ухія̆л'унъ таба̀къ» (или [illegible] блюдо омовенія). Передъ началомъ служенія посреди кумирни и прямо противъ бурхановъ поставляются всѣ эти принадлежности на особомъ столѣ. Когда окончится чтеніе первой части молитвы, четыре ламы встаютъ со своихъ мѣстъ: одинъ изъ нихъ поднимаетъ толѝ передъ бурханами такъ, чтобы въ лакированной поверхности его отпечатлѣлись ихъ лики; другой беретъ дзабья̀, наполненный чистою водой; третій держитъ подъ поднятымъ толѝ ухія̆л'унъ таба̀къ; а четвертый имѣетъ въ рукѣ хада̀къ, или же особый, употребляемый при служеніи Ту̀й, чистый, шелковый платокъ (тиб. ཁྲུས་དར་). Во время чтенія второй части молитвы,

въ различныхъ отдѣлахъ которой, какъ уже сказано, воспоминаются разнаго рода омовенія, поднесенныя буддамъ, лама, держащій дзабья̀, при окончаніи каждаго отдѣла и произнесеніи та̀рни, льетъ воду на толѝ и вода эта, протекая черезъ отражающіеся въ толѝ лики бурха̀новъ, получаетъ чрезъ то, по вѣрованіямъ монголовъ, спасительную и священную силу. Послѣ каждаго возліянія служащіе произносятъ снова та̀рни, а лама, держащій платокъ, отираетъ имъ толѝ; такъ повторяется до окончанія молитвы и всего бываетъ 15-ть возліяній. Частнѣе, обрядъ совершается такъ:

Ламы (*произнося молитву*): «Подобно тому какъ тэнгри совершали (надъ вами) омовеніе, лишь только вы (будды) родились, точно также совершаю и я омовеніе тѣла буддъ чистою водою тэ̀нгріевъ». (*Слѣдуетъ произнесеніе та̀рни, во время котораго лама льетъ воду на толѝ*).

Ламы: «Отираю тѣло ихъ чистымъ одѣяніемъ, надушеннымъ безподобными благовоніями» (*опять произнесеніе та̀рни, во время котораго лама отираетъ толѝ платкомъ*).

Ламы: Хотя въ тѣлѣ побѣдоносныхъ и нѣтъ ничего порочнаго, однако, для очищенія помраченія тѣла одушевленныхъ существъ, я возношу эту воду омовенія на тѣло побѣдоносныхъ. Да очистится помраченіе тѣла одушевленныхъ существъ! (*та̀рни и возліяніе*).

Ламы: Отираю тѣло ихъ чистымъ одѣяніемъ, надушеннымъ безподобными благовоніями (*снова та̀рни и лама снова отираетъ толѝ*) и т. д. [1]). По окончаніи обряда аршāнъ сливается въ бу̀мбо, и поставляется на тахилы̀йнъ ширэ̄. Употребляется онъ ламами а) для освященія приносимыхъ въ жертву бурханамъ

---

1) [illegible]

вещей посредствомъ кропленія ихъ этимъ аршãномъ, b) для освященія цзурỳковъ бурхàновъ; с) для омовенія рта послѣ принятія мàнцзы ламами и проч. Простолюдины берутъ аршãнъ изъ монастырей также въ изобиліи и употребляютъ его совершенно такъ, какъ православные—святую воду. Въ Ламрѝмѣ, составленномъ Цзонхавòю, говорится, что возношеніе «Тỳй» должно быть совершаемо «вслѣдствіе увеличившихся препонъ къ исполненію существами добрыхъ дѣяній ([illegible]); тамъ же излагаются значеніе и свойства аршãна, именно: «аршãнъ, низпустившись по отраженіямъ частей тѣла всѣхъ буддъ и основныхъ ламъ (ундус'ỳнъ-ламà) и будучи воспринятъ одушевленными существами, освящаетъ тѣло и душу; равно и вслѣдствіе омовенія имъ очищаются грѣхи, совершенныя отъ безначальнаго времени, всякія препоны и болѣзни; тѣло исполняется истинныхъ свойствъ чистѣйшаго и яснаго свѣта, лѣта жизни умножаются, увеличивается стремленіе къ добродѣтели, а равно способность разсудочная и всякаго рода достоинства. ([illegible]» (Боди мур'унъ цзэргэ. Л. 79—82).

Оканчивая этимъ изложеніе обыденныхъ малыхъ и великихъ хурàловъ, я перехожу теперь къ одному богослуженію, совершаемому также въ теченіе круглаго года, но уже положительно специальному и по своему составу и по своей цѣли. Я хочу говорить о Сочжѝнѣ, совершаемомъ ламами во всѣхъ монастыряхъ Монголіи 15-го и 30-го числа каждаго мѣсяца. Въ наставленіи

[illegible]

[illegible]

для ламъ, извлеченномъ изъ Дӯльбы, говорится, что «Сочжи̇нъ (གསོ་སྦྱོང་ монг. [illegible]) должно начинать съ 16-го числа 1-го лѣтняго мѣсяца и оканчивать 15-го числа послѣдняго лѣтняго мѣсяца; затѣмъ начинать снова 16-го числа послѣдняго лѣтняго мѣсяца и оканчивать 15-го числа средней осенней луны; снова начинать 16-го числа средней осенней луны и окончивать 15-го числа 1-й зимней луны; снова начинать 16-го числа первой зимней луны и оканчивать 15-го числа послѣдней зимней луны; снова начинать 16-го числа послѣдней зимней луны и оканчивать 15-го числа средней весенней луны; снова начинать 15-го числа средней весенней луны и оканчивать 15-го числа перваго лѣтняго мѣсяца». (Аяга̀ такимлиг'унъ сурта̀лъ. Л. 42). По этому правилу, которое, замѣтимъ кстати, составляетъ дословную выписку изъ Дӯльбы, казалось бы, что служеніе Сочжи̇на должно было совершаться ежедневно въ теченіе всего года; очень можетъ быть, что оно и совершалось такъ въ древнее время; но, какъ было уже сказано выше, во всѣхъ монастыряхъ Монголіи оно совершается теперь только 15-го и 30-го числа каждаго мѣсяца и настоящіе ламы говорятъ, что оно именно такъ и должно совершаться на основаніи того предпочтенія, которое высказываютъ буддійскіе вѣроучители къ указаннымъ числамъ. Сочжи̇нъ буквально значитъ «очищаться» и подъ этимъ именемъ разумѣется то богослуженіе, въ которомъ ламы приносятъ покаяніе въ грѣхахъ, сдѣланныхъ ими въ предыдущіе пятьнадцать дней. Въ служеніи Сочжи̇на участвуютъ только гэлӯны и гэцӯли, ба̀ньди же не принимаютъ въ немъ участія, какъ имѣющіе еще не совершенные обѣты. Служеніе это не ограничивается временемъ: оно можетъ быть отправляемо и по утру, и въ полдень, и вечеромъ, и глубокую полночь (подъ день новаго года оно именно въ полночь и совершается ламами). Истинный характеръ его дышетъ тяжелымъ смиреніемъ и удручающею нищетою духа и тѣла, хотя теперь многое уже измѣнилось при исполненіи.

Въ Ургѣ, въ обыкновенное годовое время Сочжи̇нъ совершается около полудня, спустя часъ или полтора послѣ окончанія докши̇тскаго хура̀ла, однимъ словомъ, спустя такое время, въ ко-

торое ламы могутъ нѣсколько отдохнуть и надѣть на себя «духовныя одежды», исключительно усвоенныя служенію Сочжина. Одежды эти суть:

1) *Иранга* — (одежда, названіе которой монголы заимствовали отъ тиб. རིང་འགག་, а сами зовутъ [illegible]) родъ кофты безъ рукавовъ, низпускающейся до поясницы и надѣваемой прямо на голое тѣло. Иранга не имѣетъ застежекъ и запахивается правою полою поверхъ лѣвой. Она должна быть сшита изъ трехъ матерій разныхъ цвѣтовъ: коричневый воротникъ ея и такого же цвѣта наплечники долженствуютъ имѣть по три вершка ширины каждый. Передняя сторона кофты въ бокахъ сшивается изъ двухъ кусковъ матеріи желтаго цвѣта съ продольною вставкою между ними куска матеріи краснаго цвѣта; спинка кофты дѣлается опять таки изъ трехъ отдѣльныхъ полосъ: двухъ желтыхъ по краямъ и одной, проходящей въ рединѣ ихъ, продольной, красной. Оконечности полъ, прикрывающія грудь, долженствуютъ состоять изъ трехъ трехугольниковъ, а подъ мышками вшиваются еще ластовицы. По объясненію монгольскихъ ученыхъ ламъ, иранга вошла въ употребленіе у ламъ со временъ Цзонхавы; почему она и не входитъ собственно въ счетъ «духовныхъ одеждъ» ([illegible] [illegible]), а причисляется только къ числу вещей, употребляемыхъ ламами ([illegible] [illegible]). Что касается собственно «духовныхъ одеждъ» то происхожденіе ихъ буддисты относятъ ко временамъ Шигэмӯнія. — Онѣ слѣдующія:

2) *Танъгд̀ой* (མཐང་གོས) и 3). *Шамт̀абъ* (ཤམ་ཐབས), по монгольски называемыя «номтӯ хормокчѝ». Обѣ эти одежды одинаковы по своему покрою. Онѣ имѣютъ видъ плата, долженствующаго быть продолговатымъ на столько, чтобы имъ свободно можно было обернуться два раза, а по длинѣ имѣющаго доходить отъ сосковъ груди до пятъ. Какъ танъгд̀ой, такъ и шамт̀абъ сшиваются изъ одиннадцати кусковъ матеріи краснаго цвѣта: десять отдѣльныхъ кусковъ должны быть сначала сшиты по два и образовать собою пять отдѣльныхъ полосъ, а потомъ въ свою очередь сшиваются эти пять полосъ и такимъ образомъ представляютъ собою

продолговатый платъ; вся эта одежда наконецъ окаймляется по краямъ послѣднею, одиннадцатою полосою, которая имѣетъ ширины одну четверть, а длиною должна быть такова, чтобы окаймить ею весь платъ. При одѣванiи этихъ одеждъ, ламы обвертываютъ ими нижнюю часть тѣла, начиная съ груди и притомъ танъгòемъ обвертываются, начиная съ передней стороны, а шамтàбомъ — съ задней. Такъ какъ ни танъгòй, ни шамтàбъ не имѣютъ на себѣ ни какихъ застежекъ, то они сдерживаются на тѣлѣ узкою лентою, — гаракъ (отъ тибет. སྐ་རགས་), которою лама опоясывается у нижней части груди и которая сдерживаетъ такимъ образомъ какъ ирангу, такъ равно и танъгòй съ шамтàбомъ. Величина гарàка въ ширину не опредѣляется правилами, въ длину же онъ долженъ быть такимъ, чтобы одѣвающiйся могъ обвернуться имъ три раза.

Одеждами, покрывающими верхнюю часть тѣла при служенiи Сочжѝна, являются:

4) *Оркимчжй*, ([illegible] отъ тиб. ངལ་གཟན་, что соотвѣтствуетъ монгольскому [illegible]), это — покрывало, дѣлаемое изъ одного куска матерiи желтаго, или краснаго цвѣта. Оно должно имѣть пять локтей въ длину и три локтя въ ширину. Оркимчжи, какъ мы уже знаемъ, надѣвается на лѣвое плечо и долженствуетъ проходить подъ правою мышкою. По тибетски оно называется «Зул-занъ», отъ словъ «зулъ» — потъ и «занъ» предохранять; этими словами характеризуется и назначенiе этой одежды, т. е. служить для предохраненiя лагòя отъ пота.

По верхъ окримчжѝ надѣвается 5) *Лагòй* (བླ་གོས་, называемый по монгольски [illegible]). По ширинѣ и длинѣ своей лагòй совершенно равняется оркимчжѝ и, подобно этой послѣдней одеждѣ, набрасывается на лѣвое плечо. Лагòй состоитъ изъ двадцати одного квадратныхъ клока, сшитыхъ по три въ рядъ. Семь образовавшихся такимъ образомъ полосъ сшиваются вмѣстѣ и вставляются въ четырехугольную рамку изъ той же матерiи.

Пять выше названныхъ одеждъ принадлежатъ одинаково

всѣмъ служащимъ сочжи̇нъ, шестая же *Намчжа̀ръ* (རྣམ་སྦྱར་), носящая у монголовъ санскритское имя *Карша̀* ([illegible]) *дэбэ̀ль*, усвоена исключительно принявшимъ обѣты гэлу̇на. Намчжа̀ръ служитъ прикрытіемъ на все тѣло и представляетъ собою платъ, величина котораго подобно лаго̀ю и оркимчжи̇ равняется въ длину пяти локтямъ, а въ ширину—тремъ локтямъ. Сшиваемый изъ цѣльнаго куска матеріи, намчжа̀ръ почти весь состоитъ изъ поперечныхъ складокъ ([illegible]), которыя скрѣпляются одна съ другою посредствомъ продольно положенныхъ клочковъ ([illegible]) той же матеріи. Смотря по количеству этихъ поперечныхъ складокъ и схватывающихъ ихъ, продольно нашиваемыхъ клочковъ, намчжа̀ръ раздѣляется на три вида: большой, средній и малый, а каждый изъ этихъ видовъ въ свою очередь разбивается на три отдѣла. Большіе намчжа̀ры имѣютъ у себя по первому отдѣлу двадцать пять поперечныхъ складокъ, по второму — двадцать три, по третьему — двадцать одну складку ([illegible]). Эти большіе намчжа̀ры должны имѣть у себя по четыре продольныхъ клочка, налагаемыхъ на каждыя двѣ складки для взаимнаго соединенія ихъ между собою. Средніе намчжа̀ры имѣютъ у себя 19, 17 и 15 поперечныхъ складокъ ([illegible]), долженствующихъ быть сдерживаемыми попарно тремя продольными клочками ([illegible]). Наконецъ малые намчжа̀ры имѣютъ у себя 13, 11 и 9-ть складокъ, сдерживаемыхъ двумя поперечными клочками. Должно замѣтить однако, что количество складокъ не должно измѣнять собою величины Намчжа̀ра и онъ во всякомъ случаѣ долженъ равняться по длинѣ пяти локтямъ, а по ширинѣ — тремъ.

Послѣднюю принадлежность всѣхъ ламъ, служащихъ сочжи̇нъ, составляетъ *Ди̇нва* (тиб. གདན་པ་) — коврикъ, называемый по монгольски *«дэбискэ̀ръ»*. Онъ дѣлается изъ краснаго полотна и долженъ имѣть въ длину три локтя, а въ ширину два локтя. Посреди Ди̇нва должна проходить нашивка мѣрою трехъ пальцевъ ширины и полуаршина длины, кромѣ того ди̇нва имѣетъ еще у себя оторочку, величина которой не опредѣляется правилами. На коврикѣ этомъ ламы долженствуютъ стоять и сидѣть

во время совершенія сочжи̇на. Не трудно догадаться, что всѣ эти одежды изъ клочковъ, вмѣстѣ съ ихъ неуклюжими формами, или, лучше сказать, безформенностью, должны напоминать ламамъ о тяжкомъ бремени жизни, которую, по ученію Шигэму̇нія, долженъ вести нищенствующій би̇кшу. Дѣйствительно, въ сочиненіи извѣстномъ подъ заглавіемъ «наставленія для пріемлющихъ жертву въ чашу» ([illegible]) прямо объясняется, что всѣ эти одежды должны служить видимымъ знакомъ презрѣнія ко всему матеріальному ([illegible]). Но въ настоящее время, при блестящемъ развитіи буддизма, это древнее рубище превратилось у монгольскихъ ламъ въ одну изъ самыхъ дорогихъ одеждъ. Не говоря уже о томъ, что всѣ онѣ дѣлаются теперь изъ прекраснаго штофа и китайскихъ тканыхъ, шелковыхъ матерій, цѣнность ихъ еще болѣе увеличивается отъ того, что при всей массѣ складокъ и клочковъ, составляющихъ одежду, въ нихъ подгоняется цвѣтокъ къ цвѣтку и нитка къ ниткѣ. Можно себѣ представить чего стоитъ этотъ подборъ въ костюмѣ, состоящемъ изъ 177 отдѣльныхъ клочковъ и сколько идетъ на него въ этомъ случаѣ матеріи! Ургинскіе ламы разказываютъ, что сочжи̇нскій костюмъ седьмаго хубилга̇на Чжэбцзу̇нъ-дамба̇-хутухты стоилъ 1,800 ланъ серебра, т. е. около 4,000 руб. сер. на наши деньги; если эта сумма вѣрна хотя бы то на половину, то и она можетъ достаточно ручаться за нынѣшнее великолѣпіе этого древняго ламскаго рубища.

Призываніе къ служенію Сочжи̇на совершается посредствомъ особаго снаряда, носящаго имя *Га̇ньди*. Это—граненое четырехугольное бревно, дѣлаемое по большей части изъ краснаго цза̇ндана и имѣющее въ длину пять локтей, а въ окружности около трехъ четвертей аршина: точнѣе, по правиламъ ду̇льбы, толщина *га̇ньди* опредѣляется такъ, чтобы каждая сторона ея четырехугольника была мѣрою въ шесть пальцевъ. Поверхность га̇ньди совершенно гладкая и только по обоимъ оконечностямъ ея вырѣзывается изображеніе лягушки. Передъ началомъ призыванія, лама беретъ га̇ньди на лѣвое плечо и, войдя на бу̇рѣйнъ шата̇, дѣлаетъ здѣсь три поклона на сѣверъ; за симъ онъ беретъ въ

правую руку *Гàнъ-ййкъ.* Это — небольшая круглая палочка, дѣлаемая изъ того же краснаго цзàндана, выточенная также ровно, какъ и гàньди и имѣющая на своихъ оконечностяхъ изображенія мышиныхъ головъ. Гàнъ-йик'омъ лама дѣлаетъ по гàньди сначала три *шàнцза,* т. е. три раза проводитъ по гàньди и какъ бы гладитъ ее, а потомъ ударяетъ отдѣльно три раза и наконецъ дѣлаетъ трижды по тридцать пять ударовъ. Во время этого призыва къ хурàлу всѣ ламы долженствуютъ собраться передъ дверями кумирни, по обычаю, читая микчжѝмъ, а по окончаніи его всѣ входятъ въ кумирню.

Служеніе Сочжѝна начинается обычнымъ чтеніемъ йòрбо̄лей и цзальбарѝловъ, по окончаніи которыхъ ламы приступаютъ къ исполненію самаго обряда покаянія. Каждый изъ нихъ раскладываетъ свой *динвà* и, ставъ на этотъ коврикъ, прежде всего дѣлаетъ три поклона предъ всею братіею; потомъ всѣ вмѣстѣ, образовавъ кругъ, ламы наклоняются, складываютъ руки на груди и читаютъ краткую молитву къ бодисàтвамъ десяти странъ, въ которой просятъ ихъ принять покаяніе; наконецъ всѣ садятся на корточки, оставляя голову въ томъ же наклоненномъ положеніи. Первенствующій лама читаетъ громко всѣ обѣты и отрѣченія, даваемыя ламами при посвященіи ихъ сначала въ степень гэцỳля, а потомъ гэлỳна, всѣ же прочіе повторяютъ его слова наизустъ и такимъ образомъ каждый въ отдѣльности и всѣ вдругъ исповѣдуютъ предъ всѣмъ сонмомъ грѣхи свои. Глядя на такое исполненіе обряда, трудно даже назвать его покаяніемъ: ламы, какъ бы считая себя преступившими *всѣ* обѣты, прочитываютъ ихъ всѣ сполна и такимъ образомъ признаютъ за собою дѣйствительными грѣхи, сдѣланные и несдѣланные; вотъ почему мнѣ и кажется, что хурàлу этому гораздо ближе подходитъ названіе не «нигỳл'и наманчилахỳ» т. е. раскаянія въ грѣхахъ, а утвердившееся, по видимому, въ послѣднее время «санвàри сэльбѝнъ засахỳ» (གསོ་སྦྱོང), т. е. обрядъ возобновленія (= вторичнаго произнесенія) обѣтовъ; хотя съ другой стороны окончаніе этого чтенія обѣтовъ и походитъ на дѣйствіе покаянія, именно:

по окончаніи чтенія ламами обѣтовъ, первослужащій, обращаясь ко всѣмъ сразу, спрашиваетъ: «признаете ли вы свои грѣхи за дѣянія противузаконныя и вредныя»? — «Признаемъ», — отвѣчаютъ ламы. «Обѣщаетесь ли не дѣлать ихъ впослѣдствіи»? «Обѣщаемся», отвѣчаютъ ламы. Эти вопросы предлагаются отдѣльно по прочтеніи обѣтовъ каждаго класса хуваракoвъ въ виду того, что каждый классъ можетъ участвовать въ этомъ хуралѣ лишь на столько, на сколько онъ къ нему относится. Я уже говорилъ, что служеніе Сочжина начинается обыкновенно всѣми присутствующими въ монастырѣ гэлўнами и гэцўлями; но за симъ гэцўли по прочтеніи своихъ обѣтовъ и по выслушаніи двухъ вышесказанныхъ вопросовъ выходятъ изъ хурала и не имѣютъ права присутствовать при чтеніи обѣтовъ, принадлежащихъ собственно сану гэлўна. Въ свою очередь и гэлўны, прочитавъ свои 253 обѣта, также точно оставляютъ хуралъ и тогда въ немъ остаются только «бодисадўйнъ санвартанъ», т. е. гэлўны, принявшіе на себя обѣты бодисатвъ. Эти послѣдніе, по словамъ ламъ, сверхъ обыкновенныхъ обѣтовъ гэлўна, прочитываютъ еще свои 18-ть основныхъ (коренныхъ) проступковъ ([illegible]) и 46 грѣховныхъ дѣяній ([illegible]); по окончаніи же этого чтенія выходятъ и они, такъ что въ хуралѣ остаются для своего очищенія и поновленія обѣтовъ послѣдніе и высшіе представители буддійской святости на землѣ — «тарнійнъ санвартанъ» Исповѣдью ихъ 14-ти основныхъ проступковъ и 8-ми грѣховныхъ дѣяній оканчивается собственно обрядъ покаянія. Въ чемъ состоятъ эти основные проступки и грѣховныя дѣянія ламъ, принявшихъ обѣты бодисатвъ, равно какъ и ламъ тарніинъ санвартанъ, мнѣ узнать не пришлось, такъ какъ мои учители отказывались мнѣ не только объяснять это, но даже и указать изъ какого именно сочиненія могу я получить объ этомъ свѣдѣнія. Окончивъ обрядъ покаянія, ламы, во всемъ своемъ составѣ, снова собираются въ кумирню для продолженія сочжин'скаго хурала, т. е. для чтенія, извѣстнаго у монголовъ подъ именемъ «тэбчилъ». Для ознакомленія съ этимъ чтеніемъ, ламы рекомендовали мнѣ сочиненіе «Аяга тахимлиг'ўнъ сургалъ», знакомство

съ которымъ съ первыхъ же страницъ убѣдило меня, что это есть ничто иное какъ чтеніе извѣстной сутры «Пратимокша», изданной у насъ, въ Россіи, проф. Минаевымъ въ переводѣ съ санскритскаго, а въ Европѣ издававшейся уже нѣсколько разъ. Впрочемъ въ изданіи и употребленіи монгольскихъ ламъ эта сутра очевидно является значительно видоизмѣненною противъ всѣхъ европейскихъ изданій не только въ порядкѣ расположенія своихъ частей, но по мѣстамъ и въ самомъ содержаніи; вотъ почему мнѣ кажется не безполезнымъ привести хотя бы въ извлеченіи переводъ ея съ монгольскаго. При чтеніи заключающихся въ ней, такъ называемыхъ, *тэбчилъ*, т. е. отрѣченій, ламы раздѣляютъ эти отрѣченія на шесть категорій, изъ которыхъ къ первой относятъ они проступки, называемые ими «илакдалъ», т. е. *побѣждающіе*, или такіе, которые положительно лишаютъ обѣтовъ. Это четыре проступка, которыхъ нельзя уже ни искупить, ни исправить, — они слѣдующіе:

1) Не цѣломудріе.
2) Воровство.
3) Убійство.
4) Ложь и обманъ.

Вторая категорія отрѣченій и грѣховъ называется «ўлэкдэль». Эти грѣхи *отпускаемые*, могущіе быть разрѣшенными чрезъ покаяніе. Такихъ грѣховъ считается тринадцать и они слѣдующіе:

5) Грѣхъ испущенія сѣмени, — подъ которымъ разумѣется у монголовъ не только онанизмъ, но и мужеложство во всѣхъ его многообразныхъ видахъ [1]).

6) Грѣхъ прикосновенія, т. е.—къ обнаженному тѣлу женщины съ сладострастнымъ пожеланіемъ въ душѣ.

7) Грѣхъ произнесенія прелюбодѣйственныхъ рѣчей;—когда

1) Эта вторая часть толкованія показываетъ, что монголы запрещеніе ཁུ་བ་འབྱིན་པ понимаютъ значительно шире, чѣмъ истолковывается оно у буддистовъ въ Индіи и на Цейлонѣ, (сравн. Минаева Пратим. Сутр., стр. 31-я).

духовное лицо съ сладострастнымъ пожеланіемъ будетъ говорить женщинѣ непристойныя и нецѣломудренныя рѣчи.

8) Грѣхъ—одобрять почитаніе, ([illegible]) — когда духовное лицо, съ своекорыстными видами, будетъ восхвалять почтеніе къ ламству вообще и къ себѣ въ частности, увѣряя слушателей, что они будутъ поступать хорошо, если будутъ чествовать его, ламу, и прислуживать ему [1]).

9) Грѣхъ сватовства и сводничества, подъ которымъ разумѣется не только обдуманное и активное участіе ламъ въ сватовствѣ, но даже произнесеніе ими рѣчей, которыя могутъ возбудить въ молодыхъ людяхъ желаніе соединиться брачными узами. Этимъ же правиломъ воспрещается ламамъ и подсылать сватами другихъ людей [2]).

10) Грѣхъ постройки своего жилища — на мѣстѣ нечистомъ и въ объемѣ, превышающемъ мѣру, установленную для ламскихъ жилищъ.

11) Грѣхъ большаго жилища ([illegible]). По этому правилу воспрещается ламамъ имѣть помѣщенія, подобныя жилищамъ мірскихъ людей. Келья ламы предполагается въ вышину такою, чтобы въ ней, стоя, можно было поднять руки и не зацѣпиться за потолокъ; въ длину и ширину она должна быть такою, чтобы въ ней можно было лечь и вытянуть руки и ноги; чтобы за симъ можно было бы свободно сжимать руки и ноги такъ, чтобы при всѣхъ этихъ движеніяхъ онѣ не задѣвали бы за

---

1) По «Пратимокшѣ Сутрѣ», изданной Минаевымъ, этотъ проступокъ является также истолкованнымъ уже, а именно, подъ нимъ разумѣется исключительно то обстоятельство, когда духовный станетъ восхвалять передъ женщиной служеніе плотскимъ страстямъ съ цѣлью воспользоваться ея довѣрчивостью и простотою. Такимъ образомъ помянутое сочиненіе въ «похвалѣ почтенію» видитъ опять таки одно любодѣяніе; между тѣмъ монгольское изданіе своимъ толкованіемъ грѣха «похвалы почтенію» преслѣдуетъ всякое своекорыстное стремленіе ламы безъ различія, будетъ ли оно направлено противъ мужчины, или женщины и будетъ ли его цѣлью любодѣяніе, или какой либо другой изъ пороковъ.

2) Послѣдній видъ сватовства черезъ посредство другихъ не предусматривается въ Пратимокшѣ изд. Минаева.

стѣну; наконецъ, чтобы въ ней свободно можно было сдѣлать три шага и сидѣть въ молитвенной позѣ, поджавши ноги ([illegible]) [1]).

12) Грѣхъ клеветы ([illegible]),—когда одно духовное лицо будетъ обвинять другое въ совершеніи «побѣждающаго грѣха», между тѣмъ какъ дѣйствительнаго совершенія этого грѣха оно не только не видало, но не слыхало о немъ и не имѣло поводовъ къ догадкѣ [2]).

13) Грѣхъ малаго подозрѣнія, — когда кто изъ духовныхъ особъ оклевещетъ другаго, основывая свои утвержденія только на самыхъ незначительныхъ примѣтахъ; напр. если бы кто нибудь совершилъ воровство и вдругъ, на основаній только сходства имени, лама сталъ бы приписывать совершеніе этого воровства другому.

14) Грѣхъ произведенія раздора между духовенствомъ [3]).

15) Грѣхъ содѣйствія произошедшему раздору, подъ которымъ подразумѣвается не только пособничество и принятіе стороны зачинщиковъ раздора, но и всякое сочувствіе имъ.

16) Грѣхъ возбужденія унынія въ (душахъ) людей семейныхъ ([illegible]); когда духовное лицо своими дурными поступками будетъ возбуждать въ душахъ мірянъ-милостынедателей недовѣріе къ чистотѣ всего сонма духовенства и такимъ образомъ удручать религіозное чувство мірянъ.

---

1) Интересно, что въ «Пратимокшѣ» изд. Минаева вычисленіе размѣровъ жилища ведется по счету пядей, и такимъ образомъ является болѣе опредѣленнымъ чѣмъ вычисленіе монгольскаго памятника, въ которомъ размѣры указываются только образно. Не свидѣтельствуетъ ли это, что монгольскія изданія составились на основанія болѣе древнихъ индійскихъ редакцій Пратимокши?

2) Пратимокша изд. Минаева въ пониманіи этого преступленія является опять таки уже: она ограничиваетъ проявленіе клеветы причинами ея, точно опредѣляя, что s-â-s⁰ является только тогда, когда «духовный, гнѣваясь и будучи недоволенъ другимъ, взведетъ на него, безъ основанія, смертный грѣхъ и, наконецъ, когда цѣлью клеветы будетъ именно отвратить другаго отъ подвижничества.

3) Оставленное безъ толкованій преступленіе это является общѣе, чѣмъ въ «Пратимокшѣ» изд. Минаева, гдѣ выясняется, что производство раздора составляетъ s-â-s⁰ только послѣ того, какъ виновный не оставляетъ своей преступной дѣятельности послѣ троекратныхъ увѣщаній санги.

17) Грѣхъ злоязычія и упрямства, — когда братія будетъ увѣщавать ламу, а онъ не только не будетъ слушать, но еще будетъ поносить своихъ наставниковъ.

Третью категорію отрѣченій, или грѣховъ составляютъ тридцать проступковъ ([illegible]), во избѣжаніе которыхъ духовныя особы не должны:

18) Хранить у себя платье не законной мѣры свыше десяти дней.

19) Разлучаться съ тремя духовными одеждами въ продолженіе сутокъ; другими словами, — лама, когда бы и гдѣ бы онъ ни былъ, всегда долженъ имѣтъ при себѣ духовныя одежды.

20) Откладывать въ продолженіе цѣлаго мѣсяца ([illegible]) лоскутки, изъ которыхъ сшивается ламская одежда. По этому правилу лама, если бы износилась у него духовная одежда, можетъ собирать лоскутки чтобы сшить себѣ новую, но не долженъ хранить ихъ у себя свыше мѣсячнаго срока.

21) Отдавать въ мытье платье, т. е. собственно духовныя одежды, монахинямъ неродственницамъ.

22) Принимать платье ([illegible]). По этому правилу ламамъ запрещается во 1-хъ вообще принимать платье въ то время, когда ихъ духовныя одежды еще не износились ([illegible]); а во 2-хъ принимать платье отъ монахинь не родственницъ. Если бы послѣднія предлагали духовному лицу одежду, то, хотя бы эта одежда и была законною во всѣхъ отношеніяхъ (т. е. по мѣрѣ, по матеріалу [illegible]), ее можно только купить, а не принять въ подарокъ [1]).

23) Выпрашивать (духовныя одежды) у не родственниковъ мірянъ ([illegible]). Просить у нихъ можно только въ томъ случаѣ, если бы пришлось какимъ либо образомъ утратить свои одежды и остаться нагимъ.

---

1) По «Пратимокшѣ» изд. Минаева первая половина этого толкованія опущена и духовнымъ вообще воспрещается только принимать платье изъ рукъ монахинь-неродственницъ.

24) Справедливо выпрашивать ([illegible] по Хайб. чж. [illegible]). Когда у ламы дѣйствительно не будетъ трехъ духовныхъ одеждъ, то онъ можетъ, по справедливости, просить ихъ для себя и у мірянъ не родственниковъ; но съ его стороны будетъ грѣхомъ, если возметъ онъ хормокчй, или цэгэ̄чжибчи свыше пары, — онъ долженъ просить столько, сколько нужно.

25) Просить дорогаго ([illegible]) платья, т. е. вообще болѣе лучшаго чѣмъ то, которое приносится въ подарокъ.

26) Просить лучшаго у различныхъ лицъ ([illegible]); когда духовное лицо узнаетъ, что два или нѣсколько различныхъ домохозяевъ собираются сдѣлать ему платье, а онъ придетъ къ каждому изъ нихъ порознь и станетъ уговаривать ихъ сложиться вмѣстѣ и купить одно лучшее платье.

27) Посылать подаренное ([illegible]). Когда какой либо домохозяинъ закажетъ для ламы платье и задержитъ уплату денегъ за него портному, то лама можетъ только три раза принести платье и напомнить домохозяину (т. е. о томъ, что онъ началъ дѣло, да не окончилъ его) въ разговорѣ; за симъ долженъ три раза посидѣть съ этимъ платьемъ на мѣстѣ, съ котораго домохозяинъ видѣлъ бы его ([illegible]). Свыше шести разъ посылать такой подарокъ на глаза подарившему воспрещается [1]).

28) Употреблять подстилку изъ чистой шелковой ваты ([illegible]), равно какъ устраивать изъ шелковой матеріи тюфяки, подушки и пр. Запрещается это въ видахъ того, чтобы духовные не были хотя бы косвенною причиною убіенія шелковичныхъ червей [2]).

29) Употреблять подстилку изъ одной только черной шерсти, хотя бы эта подстилка и была и вполнѣ законна по размѣрамъ.

30) Превышать двѣ части ([illegible]), т. е. чер-

1) По толкованіямъ «Пратимокши» изд. Минаева этотъ проступокъ является совершенно въ другомъ видѣ. См. стр. 38—39.

2) По «Пратимокшѣ» изд. Минаева этимъ правиломъ во 1-хъ воспрещается дѣлать подстилку *на половину* изъ шелку и во 2-хъ не объясняется на чемъ основывается это запрещеніе.

ной шерсти при приготовленіи ковра. По этому правилу, при приготовленіи ковра, должно брать шерсть трехъ родовъ: черную, бѣлую и шерсть, снимаемую съ головы и ногъ животныхъ. Въ общемъ составѣ этого матеріала черная и бѣлая шерсть не должны превышать собою половину, тогда какъ другая половина должна быть дѣлаема именно изъ коротенькихъ оческовъ съ головы и ногъ [1]).

31) Преступать шести лѣтній срокъ при пошитьи себѣ ковра; т. е. лама не долженъ мѣнять своей подстилки ранѣе шести лѣтъ, и дѣлать себѣ новую подстилку ранѣе истеченія шестилѣтняго срока для старой.

32) Преступать правило о пяди ([illegible]); когда лама дѣлаетъ себѣ новый коверъ или подстилку, то онъ долженъ вырѣзать кусокъ, величиною въ пядь, изъ стараго ковра и нашить его на новый (пять считается по правиламъ о пяди Будды).

33) Нести шерсть по большой дорогѣ ([illegible]); когда лама, руководствуясь чисто мірскими, низшими пожеланіями ([illegible]), будетъ нести на своихъ плечахъ шерсть; или что другое на пространствѣ свыше 500 сажень.

34) Отдавать мыть шерсть; собственно — монахинямъ неродственницамъ; этимъ же правиломъ предусматривается возможность красить шерсть, сучить изъ нея нитки и проч. чрезъ помянутыхъ личностей [2]).

35) Принимать драгоцѣнности; — ламѣ запрещается даже прикасаться руками къ золоту, серебру и проч. съ корыстолюбивымъ и грѣховнымъ пожеланіемъ.

36) Мѣнять и покупать драгоцѣнности и металлы у міранъ

---

1) Пратимокша изд. Минаева предписываетъ вмѣсто оческовъ брать шерсть коричневую, т. е. рыжую.

2) По переводу г. Минаева въ палійской «Пратимокшѣ» этотъ проступокъ выражается такъ: «если духовный съ (?) не родственницею духовною моетъ, краситъ или сбиваетъ овечью шерсть». Это значительно разнится отъ пониманія монголовъ.

къ корыстолюбивыми намѣреніями и съ цѣлью увеличить ростъ своихъ имуществъ.

37) Производить торговлю, т. е. и всякими другими товарами помимо драгоцѣнностей ([illegible]).

38) Хранить у себя (лишнюю) чашу свыше десяти дней. Это положеніе одинакое съ положеніемъ относительно храненія трехъ духовныхъ одеждъ.

39) Просить для себя лишнюю чашу, т. е. у мірянъ не родственниковъ и въ то время, когда своя чаша цѣла и годна къ употребленію.

40) Отдавать ткать — одежду мірянину не родственнику и при томъ безплатно.

41) Ускорять тканье (Хаиб. чж. [illegible]); — если кто либо закажетъ для ламы платье, а этотъ послѣдній придетъ къ ткачу и будетъ давать ему деньги, или упрашивать ласковыми словами чтобы соткать поскорѣе.

42) Отнимать отданное, т. е. отнимать то, что дано другому духовному лицу.

43) Принимать случайно доставшееся платье въ неузаконенное время. — Этимъ неузаконеннымъ временемъ считается собственно лѣтнее время (яра — соотвѣтствующе періоду дождей въ Индіи). Только за десять дней до окончанія его лама можетъ принять такое платье да и то въ томъ случаѣ, если время поднесенія подарка не можетъ быть отложено со стороны подавателя; напр. если милостынедатель даритъ платье для излеченія себя отъ болѣзни, отгнанія нечистыхъ духовъ и проч.

44) Удаляться въ уединенное мѣсто, не взявъ съ собою своихъ духовныхъ одеждъ на срокъ свыше семи дней.

45) Просить и употреблять дождевую хламиду, — раньше чѣмъ за мѣсяцъ до наступленія лѣтнихъ дождей.

46) Видоизмѣнять назначенное для другихъ; т. е. лама не долженъ переводить лично на себя то, что милостынедатели захотѣли бы представить въ подарокъ для всего сонма духовныхъ.

47) *Откладывать* ([illegible]) и запасать лекарства на срокъ свыше семи дней; — больной лама могъ просить себѣ масла,

творогу, сахару и меду, но не болѣе какъ на семь дней, въ теченіе которыхъ все приготовленное должно быть имъ уничтожено.

Четвертую категорію отрѣченій и грѣховъ составляютъ 90 проступковъ унизительныхъ; ([illegible]) подъ ними разумѣются:

48) Ложь, равно какъ и всѣ непристойныя и не истинныя дѣянія, клятва, божба и проч.

49) Унижающія рѣчи; — когда одинъ будетъ укорять другаго его низкимъ происхожденіемъ, смѣяться надъ его физическими недостатками ([illegible]) и проч.

50) Сплетни; — когда одинъ будетъ разказывать другому то, что говорилъ про него третій и такимъ образомъ произведетъ раздоръ между братіею.

51) Злобное возбужденіе; — когда лама, съ злобнымъ намѣреніемъ, подниметъ снова споръ между сначала поссорившимися, а затѣмъ помирившимися хувараками.

52) Объясненіе священнаго ученія женщинамъ болѣе чѣмъ въ пяти, или шести словахъ и притомъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ другихъ мужчинъ ([illegible]).

53) Чтеніе священныхъ книгъ вмѣстѣ съ людьми непосвященными (въ духовное званіе) ради забавы, смѣясь и выкрикивая на разныя голоса [1]).

54) Объясненіе дурному сосуду (т. е. непосвященному) въ чемъ состоятъ грѣхи и проступки ламъ.

55) Объясненіе простолюдину, не принявшему посвященія, высшаго ученія, которое можетъ вмѣщаться въ объясняющемъ — духовной особѣ и безполезно для мірянина.

56) Упреки кому либо; собственно — напрасные, сдѣланные за доброе дѣло; напримѣръ, если кто подарилъ платье одному ламѣ, а другой начнетъ упрекать его за это по какимъ либо причинамъ.

---

1) По «Пратимокшѣ», изд. Минаева, этотъ проступокъ выражается такъ: «если духовный въ связанномъ изложеніи объясняетъ законъ не посвященному».

57) Пренебреженіе къ высшему; — когда духовное лицо будетъ разсуждать и говорить: «къ чему это глубокомысленное ученіе?! Это безполезная и утомительная вещь!»

58) Уничтоженіе сѣмянъ и растительности; по этому правилу воспрещается напр. рубить деревья, сжигать ихъ огнемъ, растирать мельничнымъ колесомъ или руками зерна и проч.

59) Насмѣшки; — напримѣръ, надъ хуваракамп, которымъ поручено чистить и поправлять ковры, или исполнять другія низшія обязанности.

60) Отверженіе и нарушеніе наставленій; — когда духовные увѣщаваютъ своего собрата отстать отъ какихъ либо пороковъ, а онъ, презирая эти увѣщанія, посмѣется надъ ними, или же какими либо способами будетъ продолжать свою порочную жизнь, не внимая наставленіямъ [1]).

61) Постель; — когда духовное лицо будетъ невнимательно относиться къ своему ковру, или къ своей кровати, допуститъ ихъ быть замоченными дождемъ, или покрытыми пылью и т. д.

62) Постилка или священный коврикъ; — преступленія, соединяющіяся съ этою принадлежностью духовныхъ лицъ, состоятъ также въ нарушеніи правила хранить эти вещи въ чистотѣ: въ извѣстное время коврикъ должно перевертывать, не допускать до порчи; ради чистоты коврика подкладывать подъ него траву ([illegible]) и листья, которыя въ свою очередь нужно собирать и перемѣнять.

63) Вытѣсненіе; — когда одинъ изъ духовныхъ будетъ нажимать на другаго своимъ тѣломъ и вытолкнетъ его изъ храма.

64) Изгнаніе ([illegible]); — когда одинъ изъ духовныхъ по злобѣ выгоняетъ другаго вонъ изъ его дома.

65) Сидѣніе на высокомъ диванѣ; — когда кто изъ ламъ, съ злобнымъ намѣреніемъ на другаго ламу ([illegible]

1) У г. Минаева: «Тотъ, который ропщетъ или кричитъ, впалъ въ pâci°. (Пратим.-стр. 43).

[illegible]), сѣвши на высокій диванъ, упадетъ и зашибетъ его.

66) Употребленіе воды наполненной животными.

67) Употребленіе лишнихъ настилокъ; — по этому правилу, если у духовнаго, въ періодъ лѣтнихъ дождей, не будетъ на кровлѣ дома покрышки, защищающей отъ дождя, то въ теченіе дня нельзя класть болѣе трехъ покрышекъ [1]).

68) Преподаваніе священнаго ученія монахинямъ; т. е. не будучи особливо призваннымъ къ тому учителемъ монахинь.

69) Преподаваніе священнаго ученія монахинямъ по захожденіи солнца; — хотя бы оно было совершаемо законнымъ учителемъ и въ безопасномъ мѣстѣ.

70) Упреки—въ томъ, будто учитель лама преподавалъ священное ученіе монахинямъ только съ цѣлью получить отъ нихъ награду пищею и питьемъ.

71) Подарокъ платья; — собственно монахинѣ, не родственницѣ.

72) Пошитье платья; — опять таки собственно для монахини, не родственницы.

73) Прохожденіе вмѣстѣ съ монахиней по дорогѣ на пространствѣ свыше 500 саженъ.

74) Плаваніе съ монахиней въ одной лодкѣ вверхъ и внизъ по рѣкѣ (ради прогулки?) на протяженіи свыше 500 саженъ.

75) Сидѣніе въ уединенномъ, укромномъ мѣстечкѣ съ женщиною, не родственницею.

76) Стояніе въ такой же обстановкѣ запрещается какъ и сидѣніе.

77) Убѣжденіе приправить кушанье ([illegible]); — когда духовный, чрезъ посредство монахини, не родственницы,

1) У проф. Минаева этотъ проступокъ, употребленія лишнихъ настилокъ толкуется такъ: «Если духовный строетъ большую вихару передъ воротами для укрѣпленія петлей и для удобнаго дѣйствія ставень, онъ можетъ сдѣлать настилку изъ кирпичей въ два или три ряда, если хижина стоитъ не на зелени; если же сдѣлаетъ выше, хотя бы хижина и не стояла на зелени, это pâci°. (См. Пратим. Сут., стр. 44.)

прикажетъ мірянину-домохозяину приготовить для него (духовнаго) кушанье, повкуснѣе приправленное [1]).

78) Неоднократное принятіе пищи; — по этому правилу духовному лицу воспрещается просить себѣ у семейныхъ пищу въ одинъ день два и три раза.

79) Проживаніе въ одномъ домѣ свыше сутокъ во время сбора подаяній.

80) Принятіе лишняго; т. е. принятіе отъ не родственниковъ подаянія единовременно свыше трехъ чашъ.

81) Доѣданіе брошенныхъ остатковъ ([illegible]); когда духовный, уже насытившись и окончивъ ѣсть, начнетъ потомъ снова доѣдать оставшееся [2]).

82) Поднесеніе ([illegible]); — когда одинъ лама уже насытится и оставитъ пищу недоѣденною, а другой станетъ подносить ему и станетъ просить доѣсть все сполна.

83) Принятіе пищи въ собраніи; — по этому правилу воспрещается удаляться отъ общей трапезы и, по причинѣ несогласія съ братіею, отказываться отъ общаго стола.

84) Несвоевременное принятіе пищи; — если лама будетъ ѣсть послѣ полудня, или до разсвѣта.

85) Оставленіе въ запасъ ([illegible]), т. е. пищи; — ламамъ запрещается ѣсть пищу, оставленную со вчерашняго дня.

86) Вкушеніе не поданной пищи, — т. е. взятой самимъ, украденной и вообще добытой не путемъ подаянія.

87) Выпрашиваніе хорошей пищи ([illegible]); когда лама, выпросивъ у неродственниковъ-мірянъ хорошую пищу, вслѣдъ за симъ, въ тотъ же день, станетъ просить хорошей пищи у другаго домохозяина.

88) Употребленіе воды съ животными; — безъ различія будетъ

1) У проф. Минаева: «Если духовный, завѣдомо, станетъ ѣсть подаяніе, выпрошенное духовною сестрою для него, не будучи сперва приглашенъ къ тому домохозяиномъ, это pâci°.

2) У проф. Минаева: «Если духовный, будучи приглашенъ, окончитъ ѣсть и за симъ станетъ снова вкушать пищу, не предложенную, это pâci°.

ли то на питье, на умыванье, на омовеніе платья, посуды, зубочистки, поливку травъ и пр. [1]).

89) Пребываніе въ спальнѣ; — когда лама будетъ сидѣть на кровати двухъ супруговъ и помѣшаетъ ихъ соитію.

90) Стояніе и сидѣніе въ опочивальнѣ двухъ супруговъ запрещается по той же причинѣ.

91) Подаяніе пищи еретикамъ.

92) Смотрѣніе на войска;—особливо во время ихъ военныхъ упражненій.

93) Проживаніе въ средѣ солдатъ; — особливо безъ нужды и при томъ свыше сутокъ.

94) Подзадориваніе къ сраженію ([illegible]); а особливо если лама безъ нужды схватитъ военное оружіе и будетъ имъ помахивать.

95) Истязаніе; — когда одинъ лама станетъ бить другаго или допуститъ, чтобы этого послѣдняго побилъ кто другой.

96) Поднятіе рукъ на кого нибудь съ цѣлью ударить.

97) Завѣдомое утаиваніе тяжкаго преступленія, сдѣланнаго другимъ ламою.

98) Утаиваніе пищи отъ другаго ламы въ то время, когда уже наступила пора ѣсть.

99) Зажиганіе огня; — съ цѣлью дать возможность другимъ посмѣяться и пошутить.

100) Возмущеніе пришедшихъ въ согласію ([illegible]).

101) Измѣна намѣренію, желанію, а тѣмъ паче обѣщанію сдѣлать что-либо для кого (изъ духовныхъ).

102) Спанье съ непосвященнымъ въ духовное званіе свыше двухъ ночей.

103) Не желаніе оставить грѣховныя воззрѣнія; напр. на истинность словъ будды и пр.

104) Принятіе отрѣшеннаго; — когда лама входитъ въ связь

---

1) У г. Минаева: «Если духовный возметъ въ ротъ немного явства (?) и на воду — или зубочистку, это pâci⁰ (Прат. Сут. стр. 46).

съ другимъ ламою-гэлўномъ, уже отлученнымъ отъ сонма хуваракoвъ, для совершенія вмѣстѣ съ нимъ дурныхъ дѣяній.

105) Вступленіе въ связь съ гэцўл'емъ и шрамани, отлученными отъ сонма духовенства.

106) Ношеніе платья не окрашеннаго ([illegible]); т. е. въ одинъ изъ трехъ узаконенныхъ цвѣтовъ,— желтый, красный и коричневый.

107) Прикосновеніе къ драгоцѣнностямъ; — по этому правилу воспрещается вообще брать въ руки драгоцѣнности, а равно свѣтскіе музыкальные инструменты, военное оружіе и проч., такъ какъ все это способствуетъ развлеченію духа ([illegible]).

108) Омовеніе ([illegible]);—помимо того времени, когда человѣкъ бываетъ боленъ, или періода трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, когда бываетъ жарко.

109) Убіеніе животныхъ; — по умыслу, безъ различія будетъ ли животное большое или малое.

110) Побужденіе къ раскаянію ([illegible]); когда одинъ лама, станетъ смущать духъ другаго съ намѣреніемъ унизить его достоинства ([illegible]) и говорить, что онъ сдѣлалъ грѣхъ, указывая на такое обстоятельство, въ которомъ нѣтъ грѣха.

111) Щекотаніе другаго духовнаго лица съ цѣлью позабавиться.

112) Игра въ водѣ; — съ намѣреніемъ порѣзвиться и посмѣяться ([illegible]).

113) Спанье вмѣстѣ съ женщиною;—этимъ правиломъ предусматривается и вообще пребываніе съ женщиною на время сутокъ.

114) Показываніе чего либо страшнаго;—съ цѣлью испугать другаго духовнаго.

115) Скрытіе ([illegible]); собственно—одежды, чашки, или какой либо иной принадлежности другаго духовнаго лица, съ цѣлью помучить его.

116) Употребленіе недозволеннаго; — какъ напр. ношеніе платья, взятаго у другаго духовнаго безъ спроса.

117) Клевета на кого, или приписываніе какому либо духовному унизительнаго паденія, не основанное ни на собственномъ наблюденіи, ни на слухахъ, ни на догадкахъ.

118) Прохожденіе съ женщиной по дорогѣ такого разстоянія, на протяженіи котораго можетъ быть слышимъ человѣческій голосъ.

119) Прохожденіе съ ворами по дорогѣ такого пространства, на разстояніи котораго слышенъ человѣческій голосъ.

120) Посвященіе въ степень гэлўна человѣка, не достигшаго 20-ти лѣтняго возраста.

121) Копаніе ([illegible]); собственно—земли ножемъ, скребкомъ, лопатою или сохою въ количествѣ свыше одной горсти.

122) Долгое пребываніе въ гостяхъ ([illegible]); — по этому правилу ламѣ воспрещается проживать въ домѣ одного домохозяина болѣе четырехъ мѣсяцевъ, хотя бы онъ былъ приглашенъ даже по дѣлу, — для проповѣди, совершенія требъ и т. п.

123) Отказъ отъ занятій науками, а особливо соединенный съ упорствомъ и порицаніемъ самыхъ наукъ.

124) Подслушиваніе секретовъ; — съ цѣлью препятствовать въ разныхъ дѣлахъ ([illegible]).

125) Уходъ молча, не сказавшись; — когда духовный, находясь при исполненіи обязанности, уйдетъ, не взирая на порученное ему дѣло, въ другое мѣсто [1]).

126) Не почтительность ([illegible]) — къ духовнымъ правиламъ, установленнымъ тою или другою общиною монаховъ, и преступленіе этихъ правилъ на основаніи этой непочтительности.

127) Питье вина.

---

1) У проф. Минаева этотъ «уходъ молча» толкуется иначе, а именно: «если духовный въ то время, когда собраніе занимается рѣшеніемъ вопроса, не изъявивъ согласія, встанетъ и уйдетъ», это pâci^{0}.

128) Хожденіе вечеромъ ([illegible]); по этому правилу запрещается вообще пребываніе у не родственниковъ во время отъ полудня до утра слѣдующаго дня.

129) Хожденіе по городу, — послѣ того какъ миновало уже время общей братской трапезы.

130) Входъ въ ханскій дворецъ въ ночное время и сидѣніе ночью во дворцѣ съ ханьшею.

131) Чрезвычайная хула ([illegible]), подъ которою разумѣется собственно порицаніе священнаго ученія, особливо во время совершенія обряда покаянія.

132) Отдѣлка игольника изъ дуба, рога, или кости.

133) Устройство ножекъ у сѣдалища; собственно—высотою болѣе локтя.

134) Приготовленіе покрышки на сѣдалище изъ древесной шерсти ([illegible]).

135) Приготовленіе ковра; собственно — свыше указанной мѣры.

136) Приготовленіе лѣтняго платья, — свыше указанной мѣры.

137) Приготовленіе дождевика, — свыше указанной мѣры.

138) Приготовленіе духовныхъ одеждъ, — свыше указанной мѣры.

Пятую категорію проступковъ, или грѣховъ, искупаемыхъ отдѣльнымъ покаяніемъ, составляютъ:

139) Выпрашиваніе у монахини пищи, которую она собрала для собственнаго пропитанія.

140) Допущеніе раздавать пищу (ламамъ), не соблюдая того порядка, въ которомъ они сидятъ ([illegible]).

141) Принятіе пищи ламою отъ тѣхъ учениковъ его, которымъ онъ преподавалъ обѣты и наставленія [1]).

---

1) Это правило ламы толкуютъ прежде всего какъ буквальное запрещеніе принимать пищу изъ чаши ученика, посвятившаго себя духовному званію; а во-вторыхъ и какъ воспрещеніе принятія подаяній отъ тѣхъ прихожанъ, ко-

142) Принятіе пищи въ мѣстности опасной отъ воровъ.

Шестую категорію проступковъ составляютъ 112 непристойныхъ дѣяній (ᠰᠠᠬᠢᠯ ᠰᠠᠨᠠᠭ᠎ᠠ ᠰᠠᠬᠢᠯ), въ соотвѣтствіе которымъ существуетъ 112 правилъ приличія. Указывая эти правила, буддизмъ выставляетъ прежде всего девять предписаній относитель-

---

торые пришли въ бѣдность по той или другой причинѣ. Объ отношеніяхъ ламъ къ таковымъ милостынедателямъ у монголовъ есть множество специальныхъ сочиненій, которыя въ различныхъ изданіяхъ и подъ разными заглавіями можно находить рѣшительно во всѣхъ монастыряхъ и почти у каждаго порядочнаго ламы. Въ сочиненіяхъ этихъ обыкновенно предписывается ламамъ никогда не оставлять своихъ милостынедателей и особливо тѣхъ, которые прежде отличались своею благотворительностью, а потомъ обѣднѣли; напротивъ, дома таковыхъ должны быть посѣщаемы по возможности чаще. Лама не долженъ входить въ такой домъ иначе, какъ имѣя свою чашу наполненною яствами. Пришедши, онъ обязанъ сѣсть на почетное мѣсто, поставить передъ собою свою полную чашу (какъ бы это было угощеніе домохозяевъ) и тогда уже говорить слова проповѣди, наставленія и увѣщаній. Если въ такихъ бесѣдахъ для ламы сдѣлается яснымъ, что его бывшій милостынедатель смущается своимъ тяжелымъ положеніемъ, что онъ ропщетъ и, подъ вліяніемъ своей бѣдности, даже близокъ ко вступленію на ложный путь грѣха; то лама обязанъ донести объ этомъ монастырской общинѣ и просить ее принять участіе въ безвыходномъ положеніи своего стараго милостынедателя. Все это дѣйствительно сполна выполняется въ Монголіи: ламы зорко слѣдятъ за матеріальнымъ и нравственнымъ состояніемъ своихъ духовныхъ сыновъ и, въ случаяхъ несчастныхъ обстоятельствъ, всегда доводятъ о томъ до свѣдѣнія монастырской общины, прося помощь обѣднѣвшему. Община, удостовѣрившись въ справедливости ходатайства, разрѣшаетъ, а иногда и предлагаетъ обѣднѣвшей семьѣ перекочевать къ монастырю. Здѣсь бывшему милостынедателю иной разъ назначаютъ жить при стадахъ монастырскаго скота, другой разъ просто поселяютъ его близь монастырской ограды, отдѣливъ ему временно трехъ, четырехъ коровъ, десятокъ овецъ, да одну или двухъ кобылъ. Милостынедатель за оказанную ему помощь платитъ монастырю своими, кое какими услугами и живетъ такимъ образомъ три, четыре и пять лѣтъ. Онъ питается и одѣвается отъ даннаго ему скота, а равно получаетъ въ свою пользу приплодъ его. Года черезъ три, четыре у него оказываются уже свои коровы, овцы и лошади и тогда онъ перестаетъ пользоваться монастырской услугой, откочевываетъ въ степь и снова является домохозяиномъ и милостынедателемъ. Такова круговая порука у монгольскихъ монастырей и ихъ милостынедателей, объясняемая ламами именно разсматриваемымъ правиломъ относительно принятія пищи ламами отъ учениковъ. Примѣняется она къ дѣлу такъ часто; что можно положительно сказать,—въ какое бы время и какой бы изъ общежительныхъ буддійскихъ монастырей мы ни посѣтили, около него всегда найдется десятка два, три семей такихъ бѣдняковъ, живущихъ съ своими женами и семьями на монастырскій счетъ. Нечего и говорить о томъ, что ламы всегда призрѣваютъ сиротъ своихъ милостынедателей.

но нижней одежды (шантабъ) и, согласно этихъ предписаній, должно:

143) Одѣвать шантабъ кругло, т. е. одинаково ровно какъ спереди, такъ и сзади.

144) Не приподнимать шантабъ слишкомъ высоко, — т. е. выше колѣнъ ([illegible]).

145) Не спускать ниже щиколки [1]).

146) Не надѣвать шантабъ такъ, чтобы выдавался верхній конецъ его.

147) Не надѣвать шантабъ такъ, чтобы нижній конецъ его приходился на верху и на оборотъ.

148) Не надѣвать шантабъ такъ, чтобы верхній конецъ его приходился слишкомъ высоко, или низко.

149) Не надѣвать шантабъ такъ, чтобы нижній конецъ его свѣшивался не ровно.

150) Не надѣвать шантабъ такъ, чтобы онъ выдавался изъ скважинъ пояса.

151) Не надѣвать шантабъ такъ, чтобы подъ пупкомъ онъ образовалъ складки на подобіе змѣиной головы.

Далѣе существуетъ три предписанія относительно одѣванія верхней одежды (йранга, или цэгэ̄чжибчи).

152) Ирангу должно одѣвать такъ, чтобы нижніе концы ея свѣшивались кругло,

153) Не слишкомъ спускались, (собственно не ниже колѣнъ).

154) Не были слишкомъ вздернуты.

Нарушившимъ предписанія о томъ, какъ должно входить въ домъ частнаго человѣка, почитается:

155) Отправившійся къ незнакомымъ безъ приглашенія.

156) Не одѣвшій какъ слѣдуетъ своего платья.

157) Озирающійся по сторонамъ ([illegible]).

158) Говорящій много и болтающій пустыя слова.

---

1) По Хайби-чжунай'ю: «шантабъ не долженъ быть слишкомъ опущенъ, волочиться по землѣ, когда подвяжешь его ниже пупа».

159) Смотрящій на верхъ. — За симъ, по входѣ въ чужой домъ.

160) Не должно покрывать голову платьемъ.

161) Не должно поднимать шантабъ такъ высоко, чтобы были видны тайные члены.

162) Не должно вѣшать оркимчжи на правую, или лѣвую ключицу.

163) Не должно закладывать обѣ руки за шею.

164) Не должно заплетать руки назади ([illegible]).

165) При хожденіи не должно припрыгивать.

166) Не должно ходить на цыпочкахъ ([illegible]), т. е. приподнявъ пятки.

167) Не должно прыгать, сидя на корточкахъ, такъ чтобы ноги прилежали къ груди ([illegible]).

168) Не должно ходить согнувши локти.

169) Не должно вытягивать ноги, когда сидишь.

170) Не должно изгибаться тѣломъ ([illegible]).

171) Не должно сгибать руки, приподнимая плечи.

172) Не должно трясти головой.

173) Не должно наваливаться плечомъ на другаго.

174) Не должно ходить съ кѣмъ либо взявшись за руки.

175) Не должно насильно усаживаться на чужое мѣсто.

176) Не должно занимать чужаго сѣдалища, не сказавшись ([illegible]).

177) Не должно садиться, не осмотрѣвъ мѣста.

178) Не должно вытягивать и переплетать свои ноги.

179) Не должно класть ляжку на ляжку.

180) Не должно класть лодышку на лодышку.

181) Не должно подгибать ногъ подъ сѣдалище.

182) Не должно выворачивать наружу ступни ногъ.

183) Не должно сидѣть такъ, чтобы выставлялось срамное мѣсто.

184) Пищу должно принимать пристойно.

185) Не должно принимать въ такомъ видѣ, чтобы пища была выше чашки ([illegible]).

186) Должно съѣдать похлебку вмѣстѣ съ рисомъ и овощами.

187) Должно ѣсть по порядку (т. е. какъ оно положено, а не то чтобы выбирать лучшіе куски).

188) Должно принимать пищу, смотря на чашу.

189) Не должно открывать отверстіе чаши, прежде чѣмъ подана будетъ пища.

190) Не должно закрывать одного куска другимъ, желая, чтобы дали побольше.

191) Не должно класть чашку на пищу и овощи.

192) Должно ѣсть пищу прилично.

193) Не должно много откусывать.

194) Не должно слишкомъ мало откусывать (=щипать зубами).

195) Не должно ѣсть не соразмѣрно (?).

196) Не должно открывать рта, прежде чѣмъ поднесешь къ нему пищу.

197) Не должно разговаривать, наполнивши ротъ пищею.

198) Не должно чвакать, когда ѣшь вкусное.

199) Не должно морщиться, когда ѣшь кислое.

200) Не должно дышать на холодное (чтобы согрѣть).

201) Не должно дуть на горячее (чтобы охладить).

202) Не должно ѣсть, высовывая языкъ.

203) Не должно ѣсть зерновой хлѣбъ по одному зернышку.

204) Не должно охуждать кушанье.

205) Не должно забивать пищу за скулы ([illegible]).

206) Не должно ѣсть чвакая языкомъ.

207) Не должно ѣсть не раскусывая зубами.

208) Не должно облизывать пищу, прилипшую къ рукамъ.

209) Не должно вылизывать чашку языкомъ, или выскребать указательнымъ пальцемъ.

210) Не должно стряхивать съ руки приставшую пищу.

211) Не должно отстранять отъ себя чаши.

212) Не должно дѣлать изъ кушанья форму субургана ([illegible]).

213) Не должно смѣяться надъ чужею чашею.

214) Не должно брать сосуда съ водою руками, къ которымъ пристала пища.

215) Не должно брызгать на другаго ламу грязною водою ([illegible]).

216) Не должно выливать помои безъ спроса въ чужомъ домѣ ([illegible]).

Что касается чаши, то:

217) Не должно бросать въ чашу остатки и объѣдки.

218) Не должно класть чашу на землю.

219) Не должно класть чашу на высокой скалѣ ([illegible]).

220) Не должно класть чашу на обрывистомъ берегу.

221) Не должно класть чашу на неровномъ мѣстѣ.

222) На этихъ четырехъ мѣстахъ.

223) Объ омовеніи.

224) Не должно мыть чашу стоя

225) Не должно черпать воду въ быстротекущемъ источникѣ противъ теченія ([illegible]).

226) Не должно проповѣдывать священное ученіе здоровому, когда онъ сидитъ, а ты стоишь.

227) Не должно проповѣдывать священное ученіе здоровому, когда онъ лежитъ, а ты сидишь.

228) Не должно проповѣдывать священное ученіе сидящему на высокомъ мѣстѣ.

229) Не должно проповѣдывать священное ученіе идущему впереди.

230) Не должно проповѣдывать священное ученіе, идучи по краю дороги (а не посреди; т. е. на главномъ мѣстѣ).

231) Не должно проповѣдывать священное ученіе здоровому, покрывшему голову.

232) Не должно проповѣдывать священное ученіе поднявшему платье.

233) Не должно проповѣдывать священное ученіе поднявшему платье на плечи.

234) Не должно проповѣдывать священное ученіе закинувшему руки за шею.

235) Не должно проповѣдывать священное ученіе заложившему руки за спину.

236) Не должно проповѣдывать священное ученіе всклокотившему свои волосы.

237) Не должно проповѣдывать священное ученіе надѣвшему тіару.

238) Не должно проповѣдывать священное ученіе надѣвшему шапку.

239) Не должно проповѣдывать священное ученіе обвязавшему голову.

240) Не должно проповѣдывать священное ученіе надѣвшему четки изъ цвѣтовъ.

241) Не должно проповѣдывать священное ученіе ѣдущему на слонѣ.

242) Не должно проповѣдывать священное ученіе ѣдущему на лошади.

243) Не должно проповѣдывать священное ученіе ѣдущему на телѣгѣ.

244) Не должно проповѣдывать священное ученіе сидящему въ носилкахъ.

245) Не должно проповѣдывать священное ученіе надѣвшему сапоги.

246) Не должно проповѣдывать священное ученіе держащему въ рукахъ палку.

247) Не должно проповѣдывать священное ученіе держащему въ рукахъ алебарду.

248) Не должно проповѣдывать священное ученіе надѣвшему мечъ и панцырь.

249) Относительно испражненія.

250) Не должно испражняться стоя.

251) Не должно испражняться, сморкать, плевать и харкать въ воду.

252) Не должно испражняться на зеленую траву.

253) Не должно взлѣзать на дерево выше сажени.

Этимъ я покончу свои замѣтки о служеніи сочжи̇на, прибавивъ только, что присутствовать при самомъ этомъ служеніи мнѣ не пришлось ни разу, ибо ламы зорко охраняютъ его тайну, которую я, при всемъ желаніи видѣть этотъ хура̀лъ, не пытался впрочемъ и нарушить. Мнѣ хорошо было извѣстно, что со стороны ламъ это не есть какая либо напущенная скрытность, но что, по самымъ правиламъ буддійской каноники, служеніе это дѣйствительно должно совершаться въ тайнѣ. Мы видѣли уже, что, согласно этой каноники, въ сочжи̇нѣ участвуютъ только гэлу̇ны и гэцу̇ли; такимъ образомъ не только буддисты-простолюдины, но даже и духовныя лица низшей степени — ба̀ньди, подобно простолюдинамъ, лишены права участвовать въ этомъ хура̀лѣ. Еще большая таинственность сочжинскаго хура̀ла явствуетъ изъ того, что даже изъ числа совершающихъ хура̀лъ ламъ каждый остается въ немъ на столько, на сколько дозволяетъ ему принятая на себя степень посвященія. Составить точное описаніе служенія сочжи̇на по отрывочнымъ разказамъ ламъ также не представляется возможнымъ, ибо ламы чрезвычайно неохотно даже и говорятъ о сочжи̇нѣ. На вопросъ, изъ какихъ частей состоитъ этотъ хура̀лъ и какимъ образомъ онъ совершается, они обыкновенно отвѣтятъ, что служеніе это очень сложно, что составныхъ частей его очень много, что ламы, совершая его, должны то стоять, то сидѣть въ различныхъ позахъ, то наконецъ распростираться ницъ передъ начальствующимъ въ хура̀лѣ.

Всѣ вышеуказанные хура̀лы совершаются обязательно въ каждомъ буддійскомъ монастырѣ; хура̀лы, о которыхъ я буду говорить ниже, напротивъ, исполняются только въ большихъ монастыряхъ и при томъ только въ извѣстные, особливо назначенные къ тому дни въ году.

Изъ числа такихъ торжественныхъ годовыхъ хура̀ловъ Мон-

голы съ особенною любовью относятся къ служенію „цзу̀лайнъ-хура̀лъ“, совершаемому, какъ уже было сказано выше, 25-го числа 1-й зимней луны, въ память кончины Цзонхавы̀.

Къ сожалѣнію мнѣ ни разу не пришлось видѣть этотъ хура̀лъ въ Ургѣ, гдѣ, говорятъ, исполненіе его отличается особою торжественностью; но и то, что приходилось мнѣ наблюдать въ сравнительно небольшихъ, хошу̀нныхъ, степныхъ монастыряхъ, производитъ громадное впечатлѣніе на человѣка, привыкшаго къ мрачной и монотонной степи. Цзу̀лаинъ хура̀лъ, это — праздникъ лампадъ. Приготовленія къ нему начинаются въ монастыряхъ дней за десять и всѣ они состоятъ въ дѣланіи лампадъ. Въ самыхъ незначительныхъ монастыряхъ приготовляется ихъ отъ $1^1/_2$ до 2-хъ тысячъ, а въ Ургѣ лампады цзу̀лаинъ хура̀ла считаютъ сотнями тысячъ. Наступленіе праздника полагается въ вечернее время, при восхожденіи созвѣздія Бэчѝ (плеяды). Молодые ба̀ньди, обыкновенно, лишь начинаетъ смеркаться, уже наблюдаютъ за появленіемъ этого созвѣздія, и, какъ только появится оно, тотчасъ же зажигаютъ лампады и внутри своихъ юртъ, и снаружи ихъ, такъ что весь монастырь въ эту пору кажется залитымъ огнемъ отъ блеска горящихъ плошекъ. Въ то-же время предъ дверями соборной кумирни (цокчѝнъ) раздается звукъ хэнгэргэ̀, призывающій ламъ къ самому совершенію хура̀ла. Внутренность су̀мэ̀ на этотъ разъ представляетъ также необычайный видъ. Посреди кумирни тремя уступами поднимается возвышеніе въ видѣ стола. На верху его поставляется всегда 108 лампадъ, на двухъ нижнихъ уступахъ количество поставляемыхъ лампадъ предоставляется усердію ламъ и послѣднее проявляется здѣсь во всей своей силѣ. Лампады покрываютъ собою не только всѣ эти уступы, но еще разставляются въ два порядка отъ южныхъ дверей кумирни до тахилы̀йнъ ширѣ, равно по стѣнамъ кумирни, ея карнизамъ, у колоннъ, словомъ по всюду гдѣ только можно поставить лампаду, она бываетъ поставлена. Снаружи лампады разставляются по кровлѣ кумирни, по землѣ вокругъ кумиренныхъ стѣнъ, въ притворѣ кумирни, на крыльцѣ и т. д. По мимо сего въ кумирнѣ на этотъ разъ приготовляются

въ особенно большомъ видѣ и количествѣ обычно приносимыя бурханамъ жертвы, а тахильіинъ ширѣ бываетъ просто засыпанъ цвѣтами.

Служеніе ламъ начинается благословеніемъ всѣхъ этихъ жертвъ и произнесеніемъ тарни:

«Омъ-бацзаръ ами-рунъ-гунъ-дэли-ха-ха-хумъ-падъ.

Омъ-соб-да-ра-шарва-со-хо-ва-хумъ-ха.

Вслѣдъ за симъ наступаетъ молчаніе минуты на двѣ, въ продолженіе которыхъ каждый изъ служащихъ, по правилу хура̀ла, долженъ представить себѣ пустоту и въ этой пустотѣ выходя̀щіе изъ *омъ* драгоцѣнные сосуды, а въ нихъ лампады, растопившіеся лучами, исходящими изъ *омъ*; равнымъ образомъ онъ долженъ представить и всѣ другія жертвы наполняющими всю вселенную и всѣ царства свѣтлыхъ пространствъ ([illegible]). Потомъ, по запѣву унза̀та, всѣ ламы начинаютъ слѣдующую молитву.

«Омъ-бацзаръ-алоги-а-хумъ-омъ-а-хумъ (трижды).

Омъ-сар-ва-бэтъ-му-ра-му-ра-сура-су-ра-а-вар-та-я-а-вар-та-я-хомъ-бацзаръ-спа-ра-на-ха (трижды).

Омъ-аргамъ-а-хумъ-а-хумъ.

Призываю на небо, вверхъ (себя), ламъ, ида̀мъ бурха̀новъ, бодиса̀твъ, шрава̀ковъ, пратіекабу̀ддъ, богатырей, дакѝни, хранителей священнаго ученія ([illegible]), тэ̀нгріевъ, драконовъ, владыкъ земли—всѣхъ ихъ, разсѣявающихъ свѣтъ изъ *хумъ*, находящагося въ сердцѣ ихъ.

Призываю въ это мѣсто въ настоящій день великаго жертвоприношенія всѣхъ основныхъ ламъ ([illegible]), во главѣ которыхъ Чжи, великій ва̀чжра-да̀ра; сонмъ ида̀мъ бурхановъ, во главѣ которыхъ Са̀нди, Зага̀ръ-самбара̀ и Яма̀ндага; всѣхъ буддъ десяти странъ, во главѣ которыхъ побѣдоносный Шигэму̀ни; всѣхъ бодиса̀твъ, во главѣ которыхъ принадлежащіе къ восьми отдѣламъ — великіе юноши; сонмъ шрава̀ковъ, пратіекабу̀ддъ и всѣхъ святыхъ, во главѣ которыхъ восемь великихъ и верховныхъ шрава̀ковъ; всѣхъ геніевъ, хранителей священнаго ученія, во главѣ которыхъ мудрый Махага̀ла. Соизвольте придти!

Призываю въ это мѣсто въ настоящій день великаго жертвоприношенія сонмъ всѣхъ, обитающихъ вверху тэнгріевъ, во главѣ которыхъ Хормуста̀ и Мэхэ̀швара; всѣхъ, населяющихъ преисподнюю великихъ драконовъ, во главѣ которыхъ На̀нти и Убана̀нти; всѣхъ владыкъ земли, во главѣ которыхъ земная Ухйнъ-тэ̀нгри и Басуда̀ри. Соизвольте придти!

Собирайтесь поскорѣе какъ къ радости и соизвольте каждый сѣсть на своемъ коврѣ! (*Каждое изъ этихъ трехъ призыванiй произносятся стоя и сопровождается поклонами*).

Га-ма-ла-и-сто.

Хумъ! Въ странѣ, принадлежащей къ тремъ тысячеміріямъ, я, съ вѣрою, приношу жертвенную воду ([illegible]), воду прохлажденія ногъ, цвѣты, курящіяся хўчжй, лампаду, благовонную воду, яства и веселые звуки музыки; пять жертвъ, удовлетворяющихъ пять чувствъ, семь драгоцѣнностей ханскаго правленія, восемь знаковъ счастія и святости, четыре тиба, гору Сўмэ̀рў, солнце, луну, лекарства, лѣса и сады — всесовершенное услажденіе своего тѣла ([illegible]) и собраніе добродѣтелей. Примите милостиво и соблаговолите дать верховныя и знаменательныя сидди!

Въ особенности же, съ вѣрою, приношу я просвѣщающую всѣ царства міра и исполненную свѣта солнца и луны лампаду, въ которой посреди драгоцѣннаго сосуда, пространнаго какъ три тысячи міровъ, и въ морѣ колеблющагося масла, воткнутъ напитанный масломъ фитиль, крѣпкій какъ гора Сўмэ̀рў. Приношу я сто восемь лампадъ основнымъ ламамъ всѣхъ родовъ ([illegible]) ученія, во главѣ которыхъ великій Ва̀чжра-да̀ра. Принявъ ихъ, соблаговолите даровать верховное и общее благо!

Возношу я эти лампады, съ вѣрою, всѣмъ буддамъ десяти странъ, во главѣ которыхъ побѣдоносный Шигэмўни. Принявъ ихъ, соблаговолите дать верховное и общее благо!

Возношу ихъ, съ вѣрою, всѣмъ бодиса̀твамъ, во главѣ которыхъ находятся принадлежащіе къ восьми отдѣламъ великіе юноши. Принявъ ихъ, соблаговолите дать верховное и общее благо!

Возношу ихъ съ вѣрою шравàкамъ, пратіекабу̀ддамъ и всѣмъ святымъ, во главѣ которыхъ восемь верховныхъ великихъ шравàковъ. Принявъ ихъ, соблаговолите дать верховное и общее благо!

Возношу ихъ, съ вѣрою, всѣмъ хранителямъ священнаго ученія, во главѣ которыхъ скорый строитель, мудрый Махагàла. Принявъ ихъ, соблаговолите дать верховное и общее благо!

Кромѣ того я благоговѣйно возношу эти лампады тэ̀нгріямъ, драконамъ, владыкамъ земли и всѣмъ благочестивымъ гостямъ. Принявъ ихъ, соблаговолите дать верховное и общее благо!

Всѣ вы соблаговолите дать долголѣтіе!

Соблаговолите дать богатство въ золотѣ и серебрѣ!

Соблаговолите дать богатство въ разнаго рода плодахъ!

Соблаговолите дать богатство въ четвероногихъ животныхъ!

Соблаговолите дать богатство въ быстрыхъ лошадяхъ!

Соблаговолите дать богатство въ лучшихъ сто - вкусныхъ яствахъ!

Соблаговолите дать богатство въ мягкихъ и тонкихъ одеждахъ!

Соблаговолите дать богатство въ молокѣ, маслѣ и творогѣ!

Соблаговолите дать богатство въ доброй славѣ и полномъ довольствѣ!

Соблаговолите дать богатство въ безболѣзненности и спокойствіи!

Соблаговолите дать богатство въ сокѣ разныхъ плодовъ и молокѣ!

Соблаговолите дать всякія блага!

(*Предыдущее должно прочитывать не менѣе трехъ разъ, большее же противъ этого число предоставляется усердію служащихъ*).

Да будетъ сосудъ этой лампады величиною съ царства великаго тысячемірія трехъ тысячъ міровъ; стержень ея да будетъ величиною съ гору Су̀мэру̀,—царя горъ; блескъ ея да будетъ свѣтлымъ и ясно виднымъ, — начиная съ низу отъ оконечности сансàры, къ верху, — у существъ страшныхъ адовъ, еще даль-

ше—въ мѣстопребываніи существъ, живущихъ за внѣшнею желѣзною оградою, у тѣхъ существъ, которыя, будучи препираемы препятствіями своихъ дѣяній, среди непроглядной тьмы не видятъ ни на разстояніи своихъ вытянутыхъ рукъ и ногъ, ни на разстояніи своихъ согнутыхъ рукъ и ногъ.

Да будетъ свѣтла эта лампада на пути спасенія всѣхъ безчисленныхъ буддъ, обитающихъ въ безграничныхъ царствахъ міровъ десяти странъ.

Да будетъ свѣтла и блестяща эта лампада въ царствѣ безформенномъ ([illegible]) и въ то время какъ будетъ она тамъ свѣтить, лишь только возгорятъ желаніемъ къ свѣту этой лампады безформенные тэнгріи, да исполнятся они признаковъ, составныхъ частей и формъ; потомъ, избавившись отъ своихъ четырехъ перерожденій, да исполнятся созерцаній, во главѣ которыхъ стоитъ созерцаніе всесовершеннаго ([illegible]).

Да будетъ свѣтла и блестяща эта лампада въ царствѣ тэнгріевъ, ходящихъ въ формахъ и, вкусивъ діяны мирной радости ([illegible]), да пріобрѣтутъ эти тэнгріи царство не приходящихъ обратно.

Да будетъ свѣтла и блестяща эта лампада въ царствѣ тэнгріевъ, увлекающихся чувственными удовольствіями и эти тэнгріи, увлекающіеся чувственными удовольствіями, отрѣшившись отъ своего страстнаго стремленія къ удовлетворенію чувственныхъ пожеланій и углубляясь въ самихъ себя, да сдѣлаются причастными созерцанію четвертой діяны.

Да будетъ свѣтла и блестяща эта лампада въ царствѣ асуріевъ; да умиротворятся гнѣвъ, злоба и ожесточенность духа этихъ асуріевъ и, исполнившись четырехъ безконечныхъ ([illegible]), да сдѣлаются они блаженными.

Да будетъ свѣтла и блестяща эта лампада въ царствахъ людей четырехъ тибовъ и человѣчество четырехъ тибовъ, избавившись отъ восьми страданій, да исполнится парамитою терпѣнія.

Да будетъ свѣтла и блестяща эта лампада въ царствѣ животныхъ и всѣ животныя, избавившись отъ мученія взаимнаго

истребленія другъ друга, отъ побоевъ, пинковъ, отъ убіенія и употребленія ихъ на работы, освободившись отъ глупости и безумія, да исполнятся трехъ мудростей ([illegible]).

Да будетъ свѣтла и блестяща эта лампада въ царствѣ Эрликъ-хана и всѣ эрлики, освободившись отъ дѣяній убійства, истязаній и побоевъ, да исполняютъ парамиты всѣхъ всесовершенныхъ и да исполнятся мысли о доставленіи помощи всѣмъ одушевленнымъ существамъ.

Да будетъ свѣтла и блестяща эта лампада въ царствахъ биритовъ и бириты эти, избавившись отъ мученій голода и жажды, благословеніемъ великаго милосердія обладающихъ великими сокровищами бодисатвъ да получатъ полное и безконечное удовлетвореніе въ пищѣ и питіи, но притомъ да будутъ они непремѣнно совершенны и въ парамитѣ подаянія милостыни.

Да будетъ свѣтла и блестяща эта лампада въ царствахъ ада. Адскія существа, вслѣдствіе того что они изстари закоснѣли въ злодѣяніяхъ, терпятъ нестерпимыя страданія голода и жажды. Благословеніемъ милосердія святаго и могущественнаго Хоншимъ бодисатвы [1]), да освободятся они отъ безконечныхъ страданій и да получатъ совершенство въ парамитѣ терпѣнія.

Да будетъ свѣтла и блестяща эта лампада въ царствѣ блуждающихъ за предѣлами цзамбутиба среди непроницаемой тьмы, у тѣхъ одушевленныхъ существъ, которые не видятъ ни на разстояніи вытянутыхъ рукъ и ногъ, ни на разстояніи согнутыхъ рукъ и ногъ. Эти существа, вслѣдствіе того что они изстари закоснѣли въ злодѣяніяхъ, когда захотятъ они ѣсть и пить, скребутся своими желѣзными когтями въ небо и, не находя пищи и питья, вырываютъ мясо своего тѣла и ѣдятъ. Благословеніемъ милосердія великаго будды Абиды да избавятся они отъ непроницаемаго мрака, въ которомъ блуждаютъ и да возродятся въ царствахъ плодоносныхъ полей Сукавади.

---

1) Хоншимъ бодисатва, называемый по монгольски [illegible], тиб. སྤྱན་རས་གཟིགས санск. Avalokitêçvara.

Да будетъ свѣтла и блестяща эта лампада въ царствѣ драконовъ и чрезъ нее драконы, освободившись отъ связующихъ ихъ глупости и зависти, да исполнятся добродѣтели подаянія, да избавятся отъ восьми великихъ страховъ, изъ которыхъ главнѣйшій: страхъ летающей по поднебесью гариди [1]), человѣческой клеветы и обмана; да увѣруютъ они въ будду, священное ученіе и сонмъ ламства; да умиротворятъ воскресающую жизнь и да исполнятся всякой добродѣтели въ своихъ пожеланіяхъ.

Да будетъ свѣтла и блестяща эта лампада въ царствахъ великихъ Махаранцза; у владыкъ земли, обитающихъ въ четырехъ тибахъ; у тэнгріевъ, драконовъ, геніевъ земли и великихъ земныхъ хановъ; у геніевъ, обитающихъ въ великихъ моряхъ и малыхъ озерахъ, въ лужахъ и колодцахъ; у геніевъ, живущихъ въ большихъ рѣкахъ и маленькихъ рѣчкахъ, въ ключахъ, въ источникахъ, въ мѣстахъ, находящихся на высокихъ, снѣжныхъ, бѣлыхъ горахъ, на низкихъ, черныхъ горахъ, въ стланцахъ, на большихъ дорогахъ и на горахъ, поросшихъ травою, въ дремучихъ лѣсахъ и одинокихъ деревьяхъ, въ монастыряхъ, въ субурганахъ, въ большихъ городахъ и всѣхъ обитаемыхъ мѣстахъ. Всѣ они, отрѣшившись отъ привязанности къ матеріальному и свойственныхъ каждому заблужденій, да получатъ нерушимое благоговѣніе къ тремъ высочайшимъ драгоцѣнностямъ.

По силѣ принесенія мною этой лампады, самъ я и всѣ без-

---

1) Гариди или гаруди (отъ санскр. garuda въ тиб. ག་རུ་ཌ་, иначе མཁའ་ལྡིང་བདག་པོ་, еще иначе ཁྱུང་, или болѣе полно ཁྱུང་མོ) мифологическое животное, представляемое въ видѣ одаренной рогами птицы и почитаемое врагомъ всякаго рода змѣй, почему гаруда и изображается всегда держащею своимъ клювомъ змѣю. Существа «гаруда» раздѣляются буддистами на нѣсколько отдѣловъ ([illegible]), каждымъ изъ которыхъ управляетъ особый владыка. Намъ извѣстны четыре отдѣльныхъ имени этихъ владыкъ: a) [illegible] b) [illegible] c) [illegible] d) [illegible]

численныя существа, возродившись у ногъ всесовершеннаго Аюши, да сдѣлаемся чрезъ благоотшедшаго будду величественными предметами вѣры для всѣхъ одушевленныхъ существъ.

Послѣ принесенія этой лампады я и всѣ одушевленныя существа

да избавимся отъ мукъ трехъ злополучныхъ судебъ;

да избавимся отъ мукъ рожденія, старости, болѣзни и смерти;

да избавимся отъ мукъ жара, холода, голода и жажды;

да избавимся отъ мукъ неимѣнія и всякаго рода бѣдности;

да избавимся отъ мукъ распрей и ссоры;

да избавимся отъ мукъ физическаго разстройства, болѣзней и всякаго зла;

да избавимся отъ мукъ всякихъ болѣзней, существующихъ въ этомъ мірѣ и всякаго зла.

Да укротится всякое зло, поставляющее преграды тѣлу, жизни и существованію.

Да укротится всякое зло, поставляющее преграды добродѣтели и полному довольству.

Да укротится всякое зло, поставляющее преграды всесильнымъ родамъ и корнямъ.

Да укротится всякое зло, поставляющее преграды доброй славѣ, друзьямъ и рабамъ.

Да укротится всякое зло, поставляющее преграды приросту животныхъ, скота и домашняго скарба.

Да укротится всякое зло, поставляющее преграды увеличенію молока, масла и творога.

Да укротится всякое зло, поставляющее преграды накопленію сока плодовъ и полевымъ растеніямъ.

Да укротятся всякія бѣдствія и несчастія, во главѣ которыхъ болѣзни людей этого міра, болѣзни скота, споры, распри и смуты раздоровъ.

(Послѣ сего ламы поднимаются и становятся на своихъ мѣстахъ. Первенствующему въ хуралѣ опредѣленный для сего прислужникъ подаетъ на тарелкѣ жертву, состоящую изъ риса, или другихъ какихъ либо зеренъ. Когда первенствующій

приметъ эту тарелку, унзàтъ а вслѣдъ за нимъ и всѣ служащіе начинаютъ):

Благословеніе трехъ высочайшихъ драгоцѣнностей приди на счастіе этого мѣста въ настоящій день.

Счастіе и добродѣтель тэ̀нгріевъ, во главѣ которыхъ Эсруà, приди на счастіе этого мѣста въ настоящій день.

Счастіе и добродѣтель драконовъ, во главѣ которыхъ Нàнти, приди на счастіе этого мѣста въ настоящій день.

Счастіе и добродѣтель планетъ, во главѣ которыхъ солнце, приди на счастіе этого мѣста въ настоящій день.

Счастіе и добродѣтель звѣздъ, во главѣ которыхъ созвѣздіе плеяды, приди на счастіе этого мѣста въ настоящій день.

Счастіе и добродѣтель тэ̀нгріевъ богатства, во главѣ которыхъ Чжамбалà, приди на счастіе этого мѣста въ настоящій день.

Счастіе и добродѣтель людей, во главѣ которыхъ проповѣдующіе свящ. ученіе, приди на счастіе этого мѣста въ настоящій день.

Счастіе и добродѣтель семи драгоцѣнностей ханскаго правленія приди на счастіе этого мѣста въ настоящій день.

Величіе, счастіе и добродѣтель удовлетворяющей духъ драгоцѣнности Чиндамàни приди на счастіе этого мѣста въ настоящій день.

Счастіе и добродѣтель благаго жертвеннаго сосуда приди на счастіе этого мѣста въ настоящій день.

Обширныя счастіе и добродѣтель великаго дерева Галбаварàсъ [1]) приди на счастіе этого мѣста въ настоящій день.

Счастіе и добродѣтель великаго и глубокаго моря приди на счастіе этого мѣста въ настоящій день.

Счастіе и добродѣтель высокой Сӯмэ̀ръ-ӯлы приди на счастіе этого мѣста въ настоящій день.

Счастіе и добродѣтель свѣтоносныхъ солнца и луны приди на счастіе этого мѣста въ настоящій день.

---

1) Иначе [illegible], отъ санск. kalpavrikça, тиб. བསམ་ཤིང་

Счастіе и добродѣтель обширнаго, великаго неба приди на счастіе этого мѣста въ настоящій день.

Счастіе и добродѣтель обширныхъ и великихъ земныхъ царствъ приди на счастіе этого мѣста въ настоящій день.

(При каждомъ этомъ призываніи счастія первенствующій въ хуралѣ трижды медленно поднимаетъ надъ головою тарелку съ жертвенными зернами, которую имѣетъ онъ въ рукахъ, всѣ же гэлўны въ это время издаютъ продолжительный звонъ въ колокольчики. По окончаніи призываній счастія первенствующій ставитъ тарелку на тахилыйнъ ширѣ, а всѣ гэлўны кладутъ свои колокольчики на стоящіе передъ ихъ мѣстами столики. Вслѣдъ за тѣмъ они, оставаясь въ стоящемъ положеніи, по запѣву унзата продолжаютъ:)

«Да соберутся здѣсь всѣ добродѣтели и счастіе какъ сущихъ въ мірѣ, такъ и прешедшихъ отъ міра. Да увеличатся величіе, жизнь и добродѣтель всѣхъ милостынедателей и друзей! Да увеличится добрая слава друзей и рабовъ! Да исполнятся всѣ ихъ завѣтныя желанія!»

Да получатъ счастіе и святость тэнгріи!

Да получатъ счастіе и святость драконы!

Да получатъ счастіе и святость асўріи!

Да получатъ счастіе и святость люди!

Да получатъ счастіе и святость всѣ и во всемъ!

Да распространятся счастіе и святость на вѣки!

Этимъ хуралъ оканчивается.

Другимъ торжественнымъ и годовымъ хураломъ, отправляемымъ уже положительно въ каждомъ монгольскомъ сўмэ, является хуралъ Цаганъ-сара и особливо принесеніе жертвы «Сòръ», совершаемое за день до новаго года. Служеніе это начинается докшитскимъ хураломъ и принесеніемъ въ жертву докшитамъ балиновъ. Читателямъ извѣстно уже, что основную мысль докшитскаго хурала составляетъ прошеніе, обращенное къ геніямъ, хранителямъ священнаго ученія объ искорененіи враговъ вѣры и препятствій къ добродѣтели. Предъ наступленіемъ дня новолѣтія такія моленія, согласно наставленіямъ ламъ, должны

быть приносимы усиленно; вотъ почему 28-го числа послѣдней зимней луны докшѝтскій хура̀лъ всегда отправляется не менѣе какъ въ честь пяти докшѝтовъ. Непосредственно вслѣдъ за симъ отправляется хура̀лъ *Линка̀*, чтеніе котораго представляетъ собою молитву, обращенную уже ко всѣмъ докшѝтамъ вмѣстѣ, съ тою же просьбою сокрушить препоны для совершенія всего, что входитъ въ область буддизма и его ученія. Собственно *Линка̀* называется фигурка, которая приготовляется изъ тѣста специально для этого хура̀ла. Она представляетъ собою изображеніе обнаженнаго человѣка, который въ данномъ случаѣ долженъ знаменовать врага вѣры и есть воплощеніе всѣхъ важнѣйшихъ грѣховъ, признаваемыхъ буддизмомъ. Предъ началомъ служенія хура̀ла, монастырскій джама̀ вноситъ линка̀ въ кумирню на особомъ подносѣ и, поставивъ его посреди кумирни на приготовленномъ здѣсь столѣ, не отходитъ отъ него во все время чтенія молитвъ. По окончаніи обращенія къ докшѝтамъ, ламы, во второй части молитвы, произносятъ йо̀ро̀ли, число которыхъ подраздѣляется на 18 отдѣленій, хотя всѣ они могутъ быть выражены въ одномъ желаніи, чтобы «враги и препятствія превратились въ прахъ» ([illegible]). При началѣ третьей части молитвы, джама̀ окуриваетъ линка̀ особыми, зловонными хӯчжи ([illegible]) и беретъ въ руки ножъ, ламы между тѣмъ произносятъ: «этого врага, принесшаго зло тремъ драгоцѣнностямъ, поругавшаго своего ламу, ненавиствовавшаго къ вѣрѣ, доставлявшаго страданія одушевленнымъ существамъ, нарушившаго свои обѣты, ударь, убей! Разлучи его съ тэ̀нгріемъ, который вмѣстѣ съ нимъ родился; сведи его съ шимну̀сомъ, который пришелъ съ нимъ одновременно; разлучи его съ тэ̀нгріемъ — отцемъ его; разлучи его съ тэ̀нгріемъ — матерью его; разлучи его съ тэ̀нгріями—родственниками его; разлучи его съ тэ̀нгріями—свойственниками его; разлучи его съ тэ̀нгріями—друзьями его; разлучи его съ тэ̀нгріемъ счастія его; развей его, низпустивъ на него дождь болѣзней, ядовитыхъ ранъ и мечей!» При этихъ словахъ джама̀ рубитъ линка̀ на двѣнадцать частей, по числу читаемыхъ ламами отдѣльныхъ приказаній, куски же

раскрошеннаго такимъ образомъ тѣста выбрасываетъ вонъ изъ кумирни. Оканчиваютъ ламы служеніе линка̀ благодарностью къ докшитамъ за истребленіе врага вѣры и мольбою быть на будущее время ихъ опорою и защитой ([illegible]). Съ окончаніемъ чтенія линка̀, ламы приступаютъ къ служенію «Со̀ръ» (тиб. [illegible]). Со̀ромъ называется высокая, трехугольная и внутри пустая пирамида, приготовляемая изъ тѣста и окрашиваемая румянами. Рѣзцомъ на ней вырѣзываютъ разныя фигурки въ родѣ цвѣтовъ, кружковъ, огненныхъ языковъ и проч., отчего вся эта пирамида представляется сквозною и общій видъ ея походитъ на огненный, пылающій костеръ. На вершинѣ пирамиды водружаютъ изображеніе головнаго черепа ([illegible]), также приготовленнаго изъ тѣста, за симъ такія же черепа ставятъ по одному на каждой сторонѣ трехугольника у его подножія. Въ средину пирамиды втыкаютъ стрѣлу, увѣшанную хадака̀ми и имѣющую у пера небольшое изображеніе хӯрдэ. Приготовленный такимъ образомъ со̀ръ джама̀ вноситъ въ кумирню и ставитъ его на особомъ столѣ у самыхъ дверей. Вокругъ со̀ра возжигаютъ лампады и хӯчжи, поставляютъ жертвенныя чашки и наконецъ бали̇ны въ количествѣ 64-хъ. Послѣдніе въ этомъ случаѣ называются «Ду̇къ-чжуба̀». Служеніе начинается освященіемъ со̀ра, которое совершается чрезъ произнесеніе различныхъ та̀рни, при этомъ со̀ру испрашивается чудесная сила пожечь всѣхъ враговъ и всѣ препятствія вѣры. Во второй части молитвы излагаются хвалы со̀ру, образецъ которыхъ можетъ представить слѣдующій стихъ: «со̀ръ, превращающій въ прахъ ненавистныхъ враговъ (вѣры) и препятствія; со̀ръ, превращающій въ прахъ давшихъ грѣховные обѣты; со̀ръ, обосновывающій силу и могущество давшихъ восьми членные обѣты; ужасный со̀ръ, отвращающій непристойныя препоны и препятствія»! Такихъ похвальныхъ стиховъ читается сорокъ. По окончаніи чтенія всѣхъ этихъ стиховъ, джама̀, долженствующій стоять у лѣвой стороны со̀ра, беретъ съ этой лѣвой стороны два бали̇на и, перекруживъ ихъ трижды, сначала съ лѣва на право, а потомъ трижды съ права на лѣво, переноситъ и кладетъ ихъ на праву̇ю сторону, гдѣ въ свою очередь

беретъ также два балйна, также кружитъ ихъ и переноситъ на лѣвую сторону. Каждое перенесеніе совершается при звукѣ ламскихъ инструментовъ, которые умолкаютъ, когда джама̀ перенесетъ балйны и ударитъ въ ладоши. Вслѣдъ за симъ ламы снова начинаютъ чтеніе 40 похвальныхъ стиховъ, по окончаніи которыхъ джама̀ подъ звуки музыки снова переноситъ по два балйна съ одной стороны на другую. Когда балйны будутъ всѣ перемѣщены, то богослуженіе, совершаемое собственно въ кумирнѣ, оканчивается и тогда приступаютъ къ сожженію сòра. Всѣ ламы встаютъ съ своихъ мѣстъ, выходятъ изъ кумирни за ворота монастыря и направляются въ степь къ мѣсту, гдѣ предназначено быть сожженію сòра и гдѣ въ эту пору уже бываетъ разведенъ большой костеръ. Шествіе открываютъ два маленькихъ ба̀ньди, идущихъ съ кадильницами, за ними слѣдуютъ ламы музыканты, во все время дороги ни на минуту не прерывающіе своей игры, далѣе джама̀, поддерживаемый подъ руки двумя гэцу̀лями, несетъ сòръ, за нимъ наконецъ слѣдуютъ всѣ ламы, совершавшіе хура̀лъ. По прибытіи на мѣсто сожженія, первенствующій въ хура̀лѣ прежде всего бросаетъ балйны просто по степи, на землю (они дѣлаются добычею собакъ), а потомъ принимаетъ отъ джамы̀ сòръ. Въ это время ламы начинаютъ чтеніе третьей и послѣдней части молитвы, говорящей о сожженіи сòра. «Я, йога̀цзари, бросаю сòръ. Этотъ ужасный сòръ острѣе, чѣмъ оконечность ва̀чжр'оваго копья, крѣпче чѣмъ подножіе ва̀чжр'овой скалы, его ужасающая сила превосходитъ молнію». По прочтеніи этого стиха первенствующій поднимаетъ сòръ надъ головою и кружитъ его въ воздухѣ, ламы между тѣмъ читаютъ новый стихъ «Я, йога̀цзари, бросаю сòръ. Это бросаніе — не для обитающихъ на верху тэнгріевъ, не для живущихъ внизу повелителей драконовъ, не для альбѝновъ, обитающихъ въ промежуточномъ пространствѣ между небомъ и землею, не для владыкъ земли и воды». — Первенствующій снова поднимаетъ сòръ надъ головою и кружитъ его въ воздухѣ, а ламы начинаютъ третій стихъ: «Я, йога̀цзари, бросаю ужасный сòръ. Это бросаніе ужаснаго сòра совершается

(буквально—бросается) для тѣхъ ненавиствующихъ враговъ, совершается для тѣхъ злобныхъ препятствій, совершается для тѣхъ смущающихъ духъ нашъ бук'овъ». Въ это время первенствующій въ третій разъ поднимаетъ сòръ и кружитъ его надъ головою, потомъ онъ медленно, тремя прыжками приближается къ костру и сразмаху бросаетъ сòръ въ огонь. Ламы между тѣмъ поютъ: «Я, йогàцзари бросаю ужасный сòръ! Я, йогàцзари бросилъ ужасный сòръ! Привратники, отворите свои двери! Привратники отворили свои двери, заключили подъ запоръ всѣхъ облеченныхъ формами враговъ. Прислужники закройте всѣ тончайшіе скважины! Прислужники закрыли тончайшія скважины и заключили подъ запоръ всѣ безформенныя ([illegible], т. е. неимѣющія матеріальныхъ формъ, духовныя) препятствія». Засимъ слѣдуетъ произнесеніе многочисленныхъ тàрни, которымъ и оканчивается чтеніе. Ламы возвращаются въ кумирню и, сложивъ здѣсь всѣ принадлежности хурàла, расходятся по домамъ. На мѣстѣ сожженія остается только одинъ джамà, который стоитъ у костра до тѣхъ поръ, пока сòръ не сгоритъ совершенно.

Изъ числа торжественныхъ, годовыхъ хурàловъ отличающихся особою церемоніальностью, у Монголовъ извѣстны главнымъ образомъ два: a) церемонія круговращенія Мàйдари, и b) церемонія, носящая названіе «цàмъ». Обѣ эти церемоніи одинаково совершаются только въ главнѣйшихъ, болѣе обширныхъ и многолюдныхъ монастыряхъ, но при томъ церемонія круговращенія Мàйдари является гораздо болѣе распространенною у Монголовъ, чѣмъ церемонія цàма.

По разказамъ ламъ, церемонія круговращенія Мàйдари введена въ кругъ буддійскихъ обрядовъ со временъ Цзонхавы, но основы для ея существованія можно находить еще въ Винàѣ. Основы эти, какъ оказалось по моему разбору, являются однако довольно двусмысленными. Въ пространномъ толкованіи на Винаю ([illegible]) мои наставники показывали мнѣ слѣдующее выраженіе: «Изображенія будды, по своимъ свойствамъ, несомнѣнно, вполнѣ согласуются съ нòмами (книгами священнаго буддійскаго ученія), ихъ должно перено-

сить по городамъ и весямъ» ([illegible]). Хотя по контекстамъ этого стиха и видно, что здѣсь идетъ рѣчь только о важности значенія буддійскихъ кумировъ и о томъ, что они на ряду съ священными буддійскими книгами должны быть вводимы по всюду, гдѣ будетъ проповѣдана религія будды; но ламы, очевидно, захотѣли дать другое толкованіе этому стиху и упорно убѣждали меня, что здѣсь идетъ рѣчь именно о церемоніи круговращенія Майдари. Такое упорство ихъ впрочемъ и не удивительно: еще со временъ Цзонхавы сказанное толкованіе переходитъ по преданію отъ учителей къ ученикамъ и самъ Цзонхава, основываясь на немъ же, впервые совершилъ церемонію круговращенія Маидари въ первый день новолѣтія года тэмӱръ ӱхэръ, что соотвѣтствуетъ 1409 г. по Р. Х.

По этому примѣру и въ нѣкоторыхъ изъ монастырей Монголіи (какъ напримѣръ въ Кобдо'скомъ Шара сӱмэ) церемонія круговращенія Маидари совершается также въ одинъ изъ первыхъ пятьнадцати дней новолѣтія; но помимо сего для совершенія ея назначаются еще слѣдующіе дни: 7-е, 8-е или 15-е числа четвертой луны; 4-е или 15-е числа шестой луны и наконецъ 22-е число девятой луны. По всѣмъ этимъ числамъ въ различныхъ монастыряхъ совершается церемонія Маидари; но въ частности въ каждомъ монастырѣ она бываетъ только однажды въ годъ и непремѣнно въ одинъ и тотъ же зауроченный день. Въ этомъ отношеніи каждый монастырь создаетъ, такъ сказать, свой уставъ: въ Ургѣ церемонію Маидари принято совершать 15-го числа 6-й луны, въ Эрдэни-цзу 22-го числа 9-й луны и въ эти именно дни совершается она здѣсь постоянно. Такимъ образомъ кореннымъ жителямъ Монголіи всегда можетъ быть извѣстно, въ какомъ монастырѣ и когда совершается этотъ праздникъ Маидари и, не смотря на то, изъ монастыря каждый разъ за нѣсколько дней до церемоніи разсылаются повѣстки о томъ, что въ такой-то де день предположено совершить церемонію кру-

говращенія Маидари. Все это дѣлается для того, чтобы вѣрующіе въ возможно большемъ количествѣ могли собраться для оказанія почестей и для поклоненія будущему правителю міра.

Въ самомъ монастырѣ приготовленія къ церемоніи начинаются по крайней мѣрѣ недѣли за двѣ и состоятъ они главнымъ образомъ въ приведеніи въ должный порядокъ всѣхъ аттрибутовъ церемоніи. Прежде всего заботятся о телѣгѣ, на которой совершается круговращеніе: ее каждый годъ отдѣлываютъ почти заново и уже непремѣнно каждый годъ если ни красятъ, то полируютъ. Телѣга эта дѣлается двухколесная и имѣетъ форму большой арбы, причемъ вышина настилки, на которой собственно поставляется кумиръ Маидари, полагается не менѣе какъ на 6-ть локтей отъ земли. Съ трехъ сторонъ настилка телѣги ограживается рѣшеткой, которая на задней сторонѣ телѣги дѣлается на вышину двухъ локтей, боковыя же рѣшетки, будучи одинаковой вышины между собою, имѣютъ высоты не больше полу-аршина. Вся телѣга окрашивается въ четыре краски: колеса дѣлаются непремѣнно всѣ сполна красныя, а въ рѣшеткѣ и настилкѣ чередуются цвѣта желтый, синій, красный и зеленый. Сверхъ сего на колышкахъ рѣшетки рисуются изображенія семи драгоцѣнностей (долōнъ эрдэни), восьми жертвъ (наиманъ тахиль), дōцзы, бадан'овъ и проч. Сверху все это покрывается китайскимъ лакомъ и пестрая телѣга эта имѣетъ въ самомъ дѣлѣ довольно красивый видъ. Ко дню круговращенія между колышками рѣшетки пропускаютъ еще куски разноцвѣтныхъ шелковыхъ матерій, которыя съ одной стороны дѣлаютъ телѣгу еще цвѣтистѣе и богаче, а съ другой служатъ и поддержкою для разнаго рода мелкихъ предметовъ, которые поставляются на телѣгу вмѣстѣ съ бурханомъ. По угламъ телѣги ставятъ четыре шелковыхъ, пятицвѣтныхъ чжалцана, а посреди телѣги на высокомъ шестѣ водружаютъ шелковый, атласный шўхўръ на столько большой, что онъ закрываетъ собою бoльшую часть телѣги. Таково обыкновенное устройство телѣги, на которой совершается церемонія круговращенія Маидари въ Халхѣ. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ южной Монголіи, по разказамъ ламъ, принято въ обы-

чай при круговращеніи Ма̀йдари ставить бурханъ его на носилки. Устройство этихъ носилокъ впрочемъ весьма походитъ на устройство телѣги: тѣже рѣшетки, тѣже чжалца̀ны по четыремъ угламъ и тотъ же шу̌ху̌ръ, водружаемый посреди носилокъ. Главнѣйшее отличіе того и другаго способа круговращенія состоитъ въ томъ, что во время круговращенія носилки несутъ обыкновенно на своихъ плечахъ ламы, а въ телѣгу непремѣнно впрягаютъ лошадь или слона, сдѣланные опять таки или изъ дерева, или изъ картона и окрашенные въ зеленую краску. Фигуры эти прикрѣпляются къ доскѣ, снабженной колесами совершено подобно тому, какъ это дѣлается въ нашихъ дѣтскихъ игрушкахъ. Пристегиваются эти лошадь, или слонъ къ телѣгѣ особыми ремнями на подобіе нашихъ шоръ; на спинахъ же какъ у того, такъ и у другаго животнаго вмѣсто сѣделки устанавливается изображеніе драгоцѣнности чиндама̀ни. Весь этотъ приборъ поставляется передъ дверями храма еще съ вечера подъ тотъ день, когда назначено быть церемоніи.

Въ день совершенія круговращенія Ма̀йдари ламы начинаютъ свое обычное чтеніе рапса̀ловъ въ храмѣ часовъ въ пять утра и оканчиваютъ этотъ хура̀лъ часовъ въ шесть. Къ этому времени всѣ низшіе члены духовенства уже собираются предъ дверями кумирни и становятся въ указанномъ имъ порядкѣ, держа каждый ту принадлежность церемоніи, которую обязанъ онъ нести при торжественномъ шествіи. По окончаніи хура̀ла, приступаютъ къ совершенію церемоніи: ханбо̀ лама̀ вмѣстѣ съ двумя или тремя монастырскими ширѣту̌ями открываютъ шествіе изъ кумирни, неся позлащенный кумиръ Ма̀йдари и, дошедши до телѣги, ставятъ его на приготовленное здѣсь мѣсто. Вслѣдъ за ними, въ порядкѣ старшинства, слѣдующіе ламы несутъ пять томовъ священныхъ книгъ ученія о Ма̀йдари ([illegible] [illegible]) и складываютъ ихъ передъ бурханомъ, обративъ ихъ къ кумиру; слѣдующіе ламы, по порядку, несутъ зажженныя, благовонныя ху̌чжи̌, дымящуюся кадильницу ([illegible]), цвѣтокъ, доло̌нъ эрдэни̌, у̌лцзэйту̌ на̀йманъ тэмдэ̀къ и табу̌нъ ху̌сэ̀ль. Всѣ эти предметы ламы берутъ съ тахилы̌йнъ ширѣ и ставятъ на

колесницу предъ изображеніемъ Ма̀йдари. Когда все это будетъ установлено, начинается движеніе. Впереди процессіи идутъ два ламы, несущіе свернутыя барсовыя шкуры, предназначенныя для того, чтобы ими, какъ бичами, разгонять народъ. Впрочемъ эти церемоніальные блюстители порядка идутъ только для вида, на дѣйствительную же полицейскую службу отряжается, обыкновенно, человѣкъ пятьдесятъ ламъ съ настоящими нагайками, которые идутъ въ разныхъ мѣстахъ процессіи и появляются тамъ, гдѣ самыя обстоятельства требуютъ ихъ присутствія: надавитъ толпа на поющихъ ламъ, стѣснитъ дорогу, по которой движется церемоніальное шествіе, полицейскіе, не разбирая, дерутъ своими нагайками кого по чемъ попало, а то такъ и прямо разложатъ, да и выпорютъ какого-нибудь уже черезъ чуръ нахальнаго нарушителя благочинія. За оффиціальными блюстителями порядка церемоніи идутъ по парно два ламы, трубя въ раковины; далѣе два ламы съ ца̀нами; два ламы съ цэльнѝнами; два ламы съ дѝншэ, два ламы съ кэнгэрэ̀; два ламы съ бишку̀рами; два ламы съ ганлѝнами; два ламы, играющіе на бу̀рѣ и два ламы, трубящіе въ у̀хэръ-бу̀рѣ; такъ какъ два послѣдніе инструмента очень велики, то переднюю часть ихъ кладутъ на особый поставецъ, который несутъ на плечахъ два ламы; за у̀хэръ бу̀рѣчин'ами слѣдуетъ одинъ лама съ колокольчикомъ; за нимъ два лама съ чима̀-пурма̀, а позади еще лама, несущій желтый, шелковый зонтъ Ма̀йдари. Далѣе слѣдуетъ колесница Ма̀йдари со впряженною въ нее зеленою лошадью. Человѣкъ двадцать ламъ тянутъ сначала эту лошадь за ремни, привязанные къ ея колесянкѣ, за тѣмъ такіе же ремни прикрѣплены и къ телѣгѣ, которую также тащатъ ламы, закинувъ ремни на плечи на подобіе того, какъ наши бурлаки тянутъ лямку. Непосредственно за колесницей слѣдуютъ два ламы съ у̀хэ̀ръ бу̀рѣ, а за ними сопровождаетъ колесницу высшее монастырское духовенство. Такова самая срединная линія процессіи, въ которой движется колесница Ма̀йдари. Что касается средняго и низшаго духовенства, то оно располагается рядами на всю длину процессіи и по обоимъ сторонамъ ея въ слѣдующемъ порядкѣ. Въ первомъ ряду по правую и по лѣвую стороны идутъ

гуськомъ ламы, служащіе хура̀лъ; они несутъ всѣ принадлежности хура̀ловъ, т. е. всѣ тѣ предметы, которые стоятъ въ кумирнѣ на тахилы̀инъ ширѣ; второй рядъ составляется изъ гэлу̀новъ, идущихъ также гуськомъ: каждый изъ нихъ держитъ въ рукѣ колокольчикъ и звонитъ въ него во все время движенія процессіи; въ третьемъ ряду идутъ ламы съ цэльнѝнами; въ четвертомъ—ламы съ ду̀дарма; въ пятомъ—съ ца̀нами и ха̀ранга; въ шестомъ — съ бишку̀рами, ганлѝнами и бу̀рѣ; въ седьмомъ — съ у̀хэ̀ръ бу̀рѣ; въ восьмомъ — съ барабанами (хэнгэргэ̀), причемъ для меньшихъ барабановъ назначается по одному ламѣ, а для большихъ по три ламы. Эти большіе барабаны, будучи вставлены въ четырехугольную деревянную рамку, возятся на телѣжкахъ: два ламы тащатъ телѣжку, а третій доку̀р'омъ ударяетъ въ барабанъ. Послѣдній, девятый рядъ составляется изъ несущихъ такъ называемые «чимэ̀къ». Здѣсь по обѣимъ сторонамъ процессіи располагается въ послѣдовательномъ порядкѣ сначала долбнъ эрдэнѝ, потомъ у̀лцзэйту̀ на̀йманъ тэмдэ̀къ, табу̀нъ ху̀сэ̀ль и др.; изображенія всѣхъ этихъ предметовъ для церемоніи Ма̀йдари дѣлаются деревянныя, на высокихъ шестахъ и носятъ ихъ на подобіе металлическихъ хоругвей нашихъ церквей. За этими изображеніями въ томъ же девятомъ ряду слѣдуетъ длиннѣйшая линія бада̀н'овъ и шу̀ху̀р'овъ, которые то несутъ на рукахъ, то везутъ на колесянкахъ. Все это блещетъ позолотой, пеститъ разными цвѣтами шелковыхъ матерій и издали представляетъ собою необычайное зрѣлище. О громадности процессій можно судить потому, что на видѣнной мною въ Ургѣ церемоніи Ма̀йдари въ 1877 году, однихъ только ламъ участвовало до 30,000 человѣкъ, не считая благочестивыхъ поклонниковъ, число которыхъ было ни какъ не меньше числа ламъ. Въ монастырѣ Эрдэнѝ цзу̀ въ томъ же 1877 году на церемоніи Ма̀йдари участвовало ламъ до 10,000, а число поклонниковъ превосходило даже Ургу. Я забылъ еще сказать, что если въ церемоніи Ма̀йдари участвуютъ хутухты и хубилганы, то они никогда не идутъ на ряду съ духовенствомъ, но каждаго изъ нихъ ламы несутъ въ носилкахъ, сбоку колесницы Ма̀йдари. Носилкамъ хутухтъ

предшествуютъ въ этомъ случаѣ по парно два ламы съ бишкӯрами, два ламы съ бӯрѣ, и одинъ лама съ дымящеюся кадильницею; позади носилокъ идутъ также два бӯрѣчи и за ними штатъ хутухты.

Процессія, двинувшаяся въ сказанномъ порядкѣ отъ дверей монастырскаго гōлъ сӯмэ, проходитъ черезъ весь монастырскій дворъ и, вышедши за главныя монастырскія ворота, тотчасъ же останавливается. Колесницу Ма̀йдари поворачиваютъ обратно лицемъ на сѣверъ, т. е. къ монастырскимъ воротамъ и здѣсь дѣлается первое поклоненіе бурха́ну, совершается первый хура̀лъ[1]). Онъ состоитъ въ поднесеніи бурхану ма̀ндала, главнѣйшее же содержаніе молитвы, читаемой при этомъ, составляетъ просьба, что бы Ма̀йдари, какъ владыка всѣхъ побѣдоносныхъ буддъ, сподобилъ своихъ поклонниковъ насладиться величіемъ его проповѣди въ то время, когда будетъ онъ вращать колесо священнаго ученія; чтобы всѣ они сподобились счастливой доли быть его учениками и во вѣки вѣковъ воздавать ему почести. По окончаніи этого хура̀ла, колесницу поворачиваютъ лицемъ на за-

1) Въ монастырѣ Эрдэни̇̀ цзӯ какъ вмѣсто этого, такъ и вмѣсто другихъ хура̀ловъ, о которыхъ я буду говорить ниже, на всѣхъ четырехъ сторонахъ монастыря совершалась церемонія «ца̀мъ». Въ ча̀харскомъ Цага̀нъ ӯлайнъ сӯмэ, по разказамъ мѣстныхъ ламъ, вмѣсто хура̀ловъ, или церемоніи «ца̀мъ», совершаются будто бы въ то же время цанитскія состязанія по вопросамъ, относящимся до ученія о бурханѣ Ма̀йдари. Внѣшнимъ отличіемъ этого цани̇̀та служитъ то, что состязующіеся ламы производятъ свои состязанія въ шасэ̀р'ахъ, тогда какъ обыкновенно цанитскіе диспуты совершаются ими съ непокрытою головою. Въ объясненіе этой особенности ламы приводятъ преданіе, что въ глубокой древности, еще въ Индіи и до времени распространенія буддизма въ Тибетѣ, ученикамъ будды приходилось выдерживать споры съ тиртиками относительно почитанія Ма̀йдари. Въ первое время состязанія шли очень не успѣшно для послѣдователей будды и тиртики готовы были уже побѣдить ихъ. Но истина восторжествовала! Одному изъ послѣдователей будды явилась въ сонномъ видѣніи Хла̀-ма и сказала, будто бы неуспѣхъ буддистовъ обусловливается тѣмъ, что они производятъ свои состязанія не вѣрно и что для побѣды надъ тиртиками имъ должно надѣть «шапки, подобныя щетинѣ дикаго кабана». Въ ту пору былъ изобрѣтенъ «шасэ̀ръ», шерстяной гребень котораго, въ самомъ дѣлѣ, напоминаетъ собою поднявшуюся на спинѣ щетину. Въ Халхѣ нѣтъ обычая состязаться въ цани̇̀тѣ при круговращеніи Ма̀йдари, но, замѣчательно, что всѣ цанитскіе ламы и въ Халхѣ имѣютъ своею обычною шапкою «шасэ̀ръ».

падъ и шествіе, подъ мягкіе звуки музыки ([illegible]), направляется къ западнымъ воротамъ, или точнѣе сказать на западную сторону монастыря. Движется церемонія чрезвычайно медленно и такое именно шествіе требуется по уставу, который предписываетъ движеніе «походкою слона». Достигши до западныхъ воротъ монастыря часовъ въ 10 утра, церемонія останавливается снова и передъ колесницею, обращенною теперь на западъ, снова совершается хура̀лъ. Въ двухъ, видѣнныхъ мною церемоніяхъ круговращенія Ма̀йдари этотъ хура̀лъ на западной сторонѣ монастыря былъ различенъ. Въ Барӯнъ хурѐнь'скомъ монастырѣ здѣсь совершался ца̀мъ; въ Ургѣ— отправлялось жертвоприношеніе, носящее названіе «тахил'унъ эгӯлэнъ», что по буквальному переводу значитъ—облако жертвъ. Въ молитвѣ, читаемой при этомъ хура̀лѣ сначала возсылаются хвалы бурхану, какъ несравненному наставнику, какъ верховному изъ побѣдоносныхъ, какъ непреоборимому защитнику вѣры и неизмѣнному предмету вѣрованія, а потомъ поочередно поминаются и приносятся всѣ тѣ жертвы, которыя обыкновенно стоятъ на каждомъ тахильiинъ ширэ̄. Отсюда церемонія движется далѣе по направленію къ сѣверу и, прибывъ къ сѣвернымъ воротамъ, останавливается, будучи обращенною лицемъ на востокъ. Здѣсь снова начинается хура̀лъ, состоящій въ принесеніи бали̇на владыкѣ земли ([illegible]), послѣ чего ламы оставляютъ колесницу на мѣстѣ и расходятся по домамъ, чтобы отдохнуть и подкрѣпить свои силы пищею и питьемъ. Новое собраніе ихъ къ колесницѣ совершается часа въ три по полудни. По звуку раковины ламы усаживаются снова передъ бурханомъ и прежде всего совершаютъ «ухiя̀лъ», а потомъ отправляютъ еще чтеніе извѣстное подъ именемъ «ӯлцзэй хуту̀къ», т. е. счастіе и святость, которое въ сущности есть ничто иное, какъ обычный йорōль правовѣрныхъ буддистовъ, желающихъ достигнуть званія будды и возродиться въ блаженномъ царствѣ Сукава̀ди. По окончаніи этого хура̀ла колесница передвигается къ восточнымъ воротамъ монастыря и обращается лицемъ къ югу. Здѣсь ламы прочитываютъ пять томовъ ученія о Ма̀йдари, при

чемъ каждому ламѣ дается по два, или по три листочка книги. Отсюда церемонія снова направляется къ южнымъ монастырскимъ воротамъ и, прошедши чрезъ нихъ, останавливается предъ дверями гōлъ сӯмэ̇. Здѣсь совершается послѣдній хура̇лъ, состоящій изъ чтенія йōрōля Ма̇йдари ([illegible]), по окончаніи котораго бурхана снимаютъ съ колесницы и вносятъ въ сӯмэ, равно какъ и всѣ тѣ нōмы и принадлежности церемоніи, которыя при началѣ ея были вынесены изъ храма. Этимъ церемонія круговращенія Ма̇йдари и оканчивается.

Другимъ, не менѣе торжественнымъ годовымъ богослуженіемъ является Ца̇мъ (тиб. [illegible], монг. [illegible]), хура̇лъ котораго состоитъ собственно изъ представленій пантомимическихъ плясокъ божествъ, причисляемыхъ къ разряду докшитовъ. По разказамъ ламъ, божества представляются здѣсь въ томъ видѣ, въ какомъ являлись они въ сновидѣніяхъ буддійскимъ ламамъ и въ созерцаніяхъ діянчи; далѣе мои наставники говорили мнѣ, что нынѣ торжество это устраивается въ знакъ того, чтобы, явивъ врагамъ вѣры и добродѣтели ясное присутствіе на землѣ божества, отвратить всѣхъ этихъ злонамѣренныхъ существъ отъ послѣдователей вѣры будды. Въ сумбӯмѣ Цага̇нъ-дая̇нчи о назначеніи цама говорится болѣе полно: «Существа, вступившія на путь таинственныхъ та̇рни и спасающія свой духъ отъ узъ нисва̇ниса, кромѣ изученія начинаній ([illegible]) и окончаній ([illegible]), долженствуютъ очистить свои порочныя дѣянія; а для сего должны изучить поклоненія ([illegible]), круговращенія ([illegible]) и ца̇мъ, такъ какъ все это весьма способствуетъ къ очищенію нечистоты и порочности. Учрежденіе ца̇ма внѣшнею пляскою уничтожаетъ шимнӯсовъ, а внутреннею жертвою радуетъ буддъ десяти странъ». Изъ этого же сочиненія видно, что есть много различныхъ положеній о ца̇мѣ, хотя всѣ они одинаковы по сущности и различіе ихъ заключается главнымъ образомъ въ порядкѣ выхода и пляски того или другаго божества, времени принесенія той или другой жертвы и проч. Изъ сказаннаго явствуетъ, что празднованіе ца̇ма не имѣетъ за собою ни какой исторической подкладки и въ основѣ его не лежитъ ни какого исто-

рическаго событія; отсюда весьма естественно вытекаетъ, что цамъ не можетъ быть пріуроченъ къ какому нибудь одному опредѣленному дню, но совершается въ различныхъ мѣстахъ въ различное время. Изъ всѣхъ наблюденій и разспросовъ, которые удалось мнѣ произвести, я могъ вывести только одно заключеніе, что какъ въ Монголіи, такъ и у нашихъ Бурятъ цамъ ежегодно совершается въ тотъ день, въ который впервые въ монастырѣ введено его служеніе. Во время пребыванія моего въ Эрдэни цзу, тамъ устроялось служеніе цама при празднованіи круговращенія Майдари, а именно цамъ былъ совершаемъ на всѣхъ четырехъ сторонахъ монастыря вмѣсто тѣхъ четырехъ хураловъ, которые совершаются при этомъ обстоятельствѣ въ другихъ монастыряхъ и въ Ургѣ. Нельзя не сказать однако, что, являясь какъ нѣчто то прикладное къ процессіи Майдари, цамъ не имѣлъ въ это время ни того убранства, ни того объема, ни тѣхъ жертвъ, которыя бываютъ при совершеніи его, какъ исключительнаго торжества.

Въ тѣ дни, когда цамъ составляетъ собою спеціальный хуралъ, сборы къ его совершенію, какъ и при отправленіи церемоніи Майдари, начинаются недѣли за двѣ. Они состоятъ главнымъ образомъ въ приготовленіи новыхъ и исправленіи старыхъ масокъ, а равно въ поправкѣ одежды и украшеній, которыя должны одѣвать на себя ламы, маскирующіеся божествами. Такъ какъ церемонія цама всегда совершается на монастырскомъ дворѣ, то подъ день церемоніи приготовляется все нужное къ ея совершенію и здѣсь. Дворъ на чисто выметается; посреди его и какъ разъ противъ дверей голъ сумэ воздвигается на четырехъ столбахъ родъ балдахина съ навѣсомъ изъ шелковыхъ матерій цвѣтовъ синяго, краснаго и желтаго; по бокамъ этого навѣса устанавливаются иногда четыре, а иногда два значка въ родѣ знаменъ. Подъ навѣсомъ ставится столикъ, покрываемый сначала барсовою кожею, а поверхъ ея шелковою пеленою. Это мѣсто для постановки сора; оно должно служить центромъ для круга, въ которомъ совершаются пляски божествъ. Вокругъ этого балдахина на разстояніи не свыше одного аршина отъ колоннъ, ко-

торыя поддерживаютъ балдахинъ, проводится первый кругъ ца̀ма. Обозначается онъ узкою чертою посыпанной муки, или мѣлу, словомъ, какого либо бѣлаго вещества, которое рѣзче обозначало бы кругъ на общемъ фонѣ землянаго двора. Отъ этого перваго круга на разстояніи саженей двухъ, или двухъ съ половиною обозначаются такіе же два бѣлые круга, отстоящіе другъ отъ друга аршина на полтора, или на два. Образующаяся между ними дорожка предназначается мѣстомъ, на которомъ должны совершаться пляски собственно тѣхъ масокъ, которыя изображаютъ собою бурха̀новъ—докши̇товъ. Позади этихъ круговъ опять таки на разстояніи отъ нихъ двухъ, или двухъ съ половиною аршинъ снова намѣчается два круга, а образующаяся между ними дорожка предназначается для пляски шана̀к'овъ, которые изображаютъ собою уже не божествъ, а ламъ созерцателей Ямандаги̇. Отъ этихъ двухъ круглыхъ дорожекъ, на которыхъ имѣютъ быть совершаемы пляски, до самыхъ дверей го̀лъ су̀мэ̀ такими же бѣлыми линіями очерчивается еще дорога, по которой маски, выходя изъ кумирни, должны доходить до круговъ, или мѣста своей пляски. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ эта дорожка пересѣкаетъ круги, очерчивается еще небольшими кругами мѣсто, на которомъ маски, выходящія изъ кумирни, должны останавливаться передъ началомъ своей пляски.

Въ кумирнѣ съ самаго ранняго утра начинается костюмировка ламъ. Одежды масокъ, изображающихъ божества, равно какъ и одежды шана̀к'овъ шьются изъ превосходныхъ шелковыхъ матерій, преимущественно изъ одноцвѣтнаго атласа и всѣ по одному покрою. Хубцасу̀нъ, т. е. одежда, покрывающая все тѣло костюмирующихся, по формѣ значительно подобна нашему стихарю: другими словами, она представляетъ собою два ровныя полотнища, сшитыя по бокамъ, со вставкою въ нижней части клиновъ и съ вырѣзаннымъ на верху отверстіемъ для продѣванія головы; отличіе ея отъ стихаря представляетъ только форма рукавовъ. Эти послѣдніе дѣлаются здѣсь очень широкими и по виду напоминаютъ фигуру колчана ([illegible]), каковой и дѣйствительно должны изображать они собою въ озна-

менованіе того, что всѣ докшиты постоянно скрываютъ въ своихъ рукавахъ лукъ и стрѣлы, которыми готовы поразить они враговъ вѣры. По верхъ этого хубцасў накидывается еще отдѣльная пелерина о пяти фистонахъ, называемая дȍдъ-икъ, описаніе которой уже было представлено нами въ разказѣ объ одеждѣ ламъ во время докшитскихъ хурȁловъ. На нижнюю половину хубцасў повязывается родъ фартука (мȁдъ-икъ), средину котораго составляетъ кусокъ матеріи или краснаго, или синяго, или зеленаго цвѣтовъ; кусокъ этотъ оторачивается за тѣмъ узкою полосою чернаго атласа, а къ нижней сторонѣ этой оторочки фартука пришиваются еще полоски изъ желтаго и краснаго атласовъ. По верхъ этой одежды на шею накидывается восемь нитокъ громадныхъ четокъ съ золотыми шариками. Четки эти должны быть такъ велики, чтобы накинутые на шею они доходили до пояса спереди и сзади. Здѣсь у пояса, какъ на передней, такъ и на задней сторонѣ они скрѣпляются всѣ вмѣстѣ фигурою восьмирадіуснаго «номўнъ хўрдэ̑», отъ котораго къ низу висятъ еще три золотыхъ снура; къ среднему изъ нихъ привязывается колокольчикъ, къ двумъ боковымъ — такія же золотыя кисти. Маски, надѣваемыя ламами, дѣлаются изъ папье-маше по формѣ лицъ тѣхъ докшитовъ, которыхъ должны изображать они; такимъ образомъ здѣсь являются и ужасно извращенныя человѣческія лица и наконецъ головы львовъ, быковъ, слоновъ и проч. Всѣ онѣ окрашиваются сообразно цвѣту того бурхана, котораго должны изображать. По величинѣ онѣ являются раза въ полтора или даже два больше обыкновеннаго человѣческаго лица и потому маскирующійся кажется безобразно большеголовымъ. Помимо лица маска изображаетъ еще и діадему изъ пяти человѣческихъ череповъ, которою украшается каждый докшитъ. Само собою разумѣется, что это еще болѣе увеличиваетъ объемъ маски. Сзади у масокъ, изображающихъ человѣческія головы, придѣлываются большія кисти изъ красныхъ шелковыхъ нитокъ, которыя обозначаютъ собою волосы докшитовъ. Шанȁки масокъ не одѣваютъ, но взамѣнъ ихъ имѣютъ особыя шапки. Эти шапки составляются изъ черной овальной тульи съ широкими полями; на верху тулья

ихъ увѣнчивается деревянною фигуркою человѣческаго скелета, усѣченнаго до пояса, а надъ всѣмъ этимъ, начинаясь отъ полей, возвышаются два дугообразныхъ, сдѣланныхъ изъ папье-маше рога, которые соединяются между собою вставленнымъ между ними изображеніемъ чиндама̀ни. Таковы одежды главныхъ дѣйствующихъ лицъ ца̀ма.

Въ храмѣ служеніе въ день совершенія ца̀ма на́чинается часовъ съ пяти утра. Послѣ обычнаго утренняго хура̀ла, оканчивающагося часовъ въ 7-мь, ламы расходятся по домамъ и ко второму хура̀лу, на которомъ всегда совершается чествованіе Ямандагѝ, собираются часовъ въ 10-ть. Послѣ чтеній Ямандагѝ бываетъ освященіе со̀ра, о которомъ мы уже говорили выше. Окончивъ двѣ первыхъ части служенія со̀ра, ламы встаютъ съ своихъ мѣстъ, и выходятъ изъ хура̀ла въ слѣдующемъ порядкѣ: Впереди идутъ ламы, несущіе фонари съ лампадами, далѣе ламы съ дымящимися хӯчжѝ, потомъ по одному ламѣ: первый съ балѝномъ владыкѣ мѣстности ([illegible]); слѣдующій несетъ бумба̀ съ налитымъ въ него аршàномъ, въ данномъ случаѣ носящимъ названіе золотаго кропленія ([illegible]); далѣе лама, несущій со̀ръ; за нимъ ламы съ разнаго рода храмовыми украшеніями и значками; еще далѣе ламы музыканты: спачала съ ганлѝнами, потомъ съ ца̀нами, бишкӯрами, барабанами и проч. Вся эта процессія, выступивъ изъ сӯмэ̀, останавливается въ его притворѣ и ставитъ со̀ръ на особливо приготовленномъ здѣсь столикѣ. Немедленно раздается звукъ ганлѝна и по этому звуку являются первые провозвѣстники ца̀ма. Выходятъ двѣ маски, такъ называемые хохима̀й. Маски эти изображаютъ собою мертвыя головы, одѣты же они въ бѣлыя полотняныя одежды, плотно охватывающія всѣ части ихъ тѣла, какъ трико нашихъ гимнастовъ; по бокамъ этого костюма намѣчены у нихъ ребра, нѣкоторыя кости, словомъ весь этотъ костюмъ имѣетъ претензію на то, чтобы изобразить скелетъ. Вмѣстѣ съ этими двумя масками выходитъ и третья, изображающая ворону. Морда ея выдѣлывается довольно удачно, костюмъ же составляютъ узкіе, черные, калинкоровые шаровары съ такою же курткой. Немедленно по

выходѣ, хохимȧй становятся по бокамъ сȯра, а ворона набрасывается на сȯръ, какъ бы желая похитить его, но хохимȧй'и отгоняютъ ее палками, которыя держатъ въ рукахъ. Этимъ оканчивается ихъ первое представленіе. Вслѣдъ за тѣмъ вмѣсто продолженія чтенія третьей части хурȧла «сȯръ», начинается музыка, необычайно быстрая; когда она умолкаетъ, изъ сӯмэ̇ появляется лама, несущій въ одной рукѣ габȧлу, наполненную кровью, а въ другой мȧндалъ съ насыпанными въ него зернами и поставленными на немъ четырьмя балӣнами. Ставъ передъ сȯромъ, онъ, съ крикомъ «аргȧмъ», переливаетъ кровь изъ габȧлы на мȧндалъ. Послѣ этого всѣ встаютъ снова и, перенесши сȯръ на приготовленное для него мѣсто посреди двора подъ балдахиномъ, усаживаются на свои мѣста.

Немедленно по постановкѣ сȯра, передъ фигурою его начинается пляска двухъ хохимȧй: помимо разныхъ движеній всѣмъ тѣломъ, они перебрасываются своими палками, перебѣгаютъ послѣдовательно то на право, то на лѣво отъ сȯра, наконецъ шесть разъ обѣгаютъ вокругъ него и становятся на свои мѣста по бокамъ балдахина. Этимъ роль ихъ оканчивается, во все дальнѣйшее продолженіе цȧма они неподвижно стоятъ на своихъ мѣстахъ, изрѣдка только отгоняя своими палками нападающую на сȯръ ворону.

Снова раздается звукъ ганлӣна и въ это время выходятъ изъ сӯмэ̇ двѣ маски, называемыя ацзȧръ. Они изображаютъ собою жителей Индостана. Маски ихъ представляютъ собою обыкновенныя человѣческія лица, только каррикатурно-извращенныя, окрашенныя въ буровато-коричневый цвѣтъ и, подобно всѣмъ другимъ маскамъ, увеличенныя раза въ $1\frac{1}{2}$ противъ обыкновеннаго человѣческаго лица. Одѣты ацзȧр'ы въ прямые халаты изъ коричневаго шелка и опоясаны синимъ поясомъ; волосы ихъ всчесаны на верхъ въ одинъ пучекъ (уснӣръ) подобно тому, какъ это находимъ мы на фигурахъ дэгэ̄дӯ амугулантӯ бурхȧновъ. Ацзȧры не входятъ въ кругъ цȧма, но пляшутъ почти у дверей храма и затѣмъ остаются на все время онѣ круга цȧма. Послѣ первой пляски дальнѣйшая роль ихъ состоитъ во встрѣчѣ Чак-

равартинъ хана, за симъ вовсе остальное время они бродятъ около круга цама, кое когда бросаются на надвигающуюся близко къ кругу толпу зрителей и отстраняютъ ее назадъ, доставляя при томъ не мало смѣха толпѣ своими выходками.

Вслѣдъ за ацзарами, по звуку ганлипа, изъ кумирни выходитъ Чакравартинъ ханъ, съ супругою и сыномъ. Всѣ эти лица одѣты въ обычные китайскіе костюмы, каковы: халатъ, курма и пр.; отличительную особенность въ ихъ костюмѣ составляетъ только то, что всѣ они имѣютъ у себя накинутую на плечи пелерину додъ-икъ. Чакравартинъ ханъ имѣетъ при томъ особаго устройства шапку и держитъ въ рукахъ бумба. Семья Чакравартина выходитъ въ сопровожденіи двухъ маленькихъ ацзаровъ, которые послѣдуютъ за нею, держа на плечахъ обнаженные мечи. Роль всѣхъ этихъ лицъ весьма безцвѣтная. Когда подходятъ они къ первому кругу цама, ихъ встрѣчаютъ здѣсь только что окончившіе свою пляску ацзары, кланяются предъ ними, посыпаютъ предъ ними цвѣты и отводятъ на приготовленный внѣ круга цама диванъ. Здѣсь Чакравартинъ ханъ усаживается съ своею супругою, сына своего усаживаютъ въ срединѣ, а сопровождающіе ихъ ацзары устанавливаются по бокамъ у нихъ, по старому держа наголо свои мечи.

Слѣдующій звукъ раковины вызываетъ изъ сумэ семью Хашинъ-хана, которая состоитъ изъ самого хана и шести сыновей его, малъ-мала меньше. Ханъ одѣтъ въ обычный халатъ монгольскихъ простолюдиновъ и курму, но по верхъ сего имѣетъ еще накинутое на плечи оркимчжи; дѣти его одѣты въ обычные халатики и курмы; каждый изъ нихъ держитъ въ рукахъ какую нибудь музыкальную принадлежность хурала: одинъ домбуръ, другой колокольчикъ, третій диншэ, четвертый маленькій цанъ, пятый цэльнинъ, шестой дунъ-бурэ. Маски этихъ лицъ представляютъ обыкновенныя, каррикатурныя лица монголовъ и препотѣшны по тѣмъ добродушнымъ выраженіямъ, которыя имъ приданы. Хашинъ-ханъ выдается ламами за хубилгана хановъ Качийскихъ, которые, по преданіямъ, встрѣчали въ своемъ домѣ каждаго будду, приходящаго въ міръ. Роль Хашинъ (или Качинъ)

ха̄на также точно состоитъ въ томъ, что онъ вмѣстѣ съ своими дѣтьми выходитъ на встрѣчу каждой, впервые появляющейся маскѣ; сообразно этой роли, Хашӹнъ ха̄нъ держитъ въ рукахъ громадный хада̀къ, какъ привѣтственный подарокъ появляющимся маскамъ.

Всѣ вышепоказанныя маски не входятъ собственно въ составъ пляшущихъ божествъ и служатъ только для обстановки ца̀ма; самый же ца̀мъ на̀чинается только по выходѣ Хашӹнъ-ха̄на.

Раздается троекратный ударъ ца̀на, вслѣдъ за нимъ звуки ганлӹна и изъ сӯмэ̀ выходятъ два почжӯт'а, изъ числа восьми почжӯт'овъ—сотоварищей Чо̀йчжила. Маски ихъ представляютъ искаженныя злобою лица темножелтаго цвѣта, увѣнчанныя пятью черепами, въ рукахъ они держатъ въ лѣвой — габа̀лу, а въ правой — пӯрбӯ, родъ кинжала, у котораго вмѣсто ручки сдѣланъ очӹръ. При появленіи ихъ изъ сӯмэ̀, изъ среды участниковъ ца̀ма выходитъ Хашӹнъ-ха̄нъ съ своими сыновьями и съ поклономъ встрѣчаетъ ихъ, дѣти привѣтствуютъ ихъ нестройными звуками своихъ орудій. Окончивъ это привѣтствіе, Хашӹнъ-ха̄нъ возвращается съ своею семьею назадъ, а слѣдомъ за нимъ идутъ и маски почжӯт'овъ. Когда эти маски дойдутъ до перваго круга, съ котораго должны начаться пляски, ихъ встрѣчаютъ ацза̀ры и, посыпавъ предъ ними муку, отходятъ. Маски начинаютъ пляску сначала на первомъ кругу, а потомъ во второмъ и наконецъ передъ со̀ромъ. Пляски состоятъ то изъ тяжелыхъ и неловкихъ скачковъ съ одной ноги на другую, то изъ подпрыгиванія обоими ногами; не мало также бѣгаютъ, вертятся кругомъ и присѣдаютъ. Окончивъ пляску, маски возвращаются въ сӯмэ̀. Таковы выходъ и пляски всѣхъ прочихъ масокъ, такъ что разница происходитъ здѣсь только въ маскахъ, да въ веществѣ, которое ацза̀ры посыпаютъ на землю при ихъ встрѣчѣ.

Вторые два почжӯта Чо̀йчжила имѣютъ коричневыя лица; встрѣчающіе ихъ ацза̀ры посыпаютъ предъ ними муку.

Третья пара почжӯтовъ Чо̀йчжила имѣетъ синія лица; ацза̀ры также посыпаютъ предъ ними муку.

Четвертая пара почжу̀товъ Чо̀йжила имѣетъ зеленыя лица; выходъ и пляски ихъ тѣже самыя.

Вслѣдъ за симъ послѣ девяти-кратныхъ ударовъ ца̀на и звуковъ габа̀лы выходятъ двѣ маски, извѣстныя подъ общимъ именемъ Ша̀ма; въ частности одна изъ нихъ съ коровьей головой называется Манхѝ, а другая съ головою изюбря — Бугу̀; держатъ они въ правой рукѣ мечи, а въ лѣвой габа̀лы; при появленіи ихъ ацза̀ры поливаютъ предъ ними кровь. Образъ пляски ихъ одинаковъ съ предыдущими.

Вслѣдъ за ними появляется маска Очѝръ-ва̀ни, держащая въ правой рукѣ очѝръ, а въ лѣвой петлю, сдѣланную изъ шелковаго спура; по толкованію, этою петлей Очѝръ-ва̀ни ловитъ враговъ вѣры. Ацза̀ры встрѣчаютъ его также съ кровью; пляшетъ онъ какъ и всѣ въ первомъ и второмъ кругахъ и передъ со̀ромъ.

Далѣе слѣдуетъ маска черполицаго Го̀нбо. Онъ держитъ въ рукахъ: въ правой — ди-гу̀къ, — орудіе родъ нашей сѣчки, съ ручкою на подобіе очѝра, а въ лѣвой — габа̀лу. Ацза̀ры встрѣчаютъ его посыпаніемъ цвѣтовъ.

За Очиръ-ва̀ні'емъ выходитъ маска Хла̀ма, съ синей человѣческой головой; въ правой рукѣ она держитъ ди-гу̀къ, а въ лѣвой — габа̀лу. Ацзары встрѣчаютъ ее съ кровью.

Когда Хла̀ма, окончивъ свою пляску, скрывается въ су̀мэ̀, по девятикратному звуку ганлѝна являются два хубилгана Хла̀мы — Сэнгэ̀й-донъ-чжанъ съ львиною головою и Чус-ринъ-донъ-чжанъ съ головою Матара. Въ правой рукѣ они держатъ мечи, а въ лѣвой—змѣй, весьма искусно дѣлаемыхъ изъ синели. Ацза̀ры встрѣчаютъ ихъ съ посыпаніемъ травы—гуша.

За ними слѣдуетъ выходъ Сэ̀ндамы, держащей въ рукахъ трезубецъ и габа̀лу. Ацза̀ры встрѣчаютъ эту маску съ кровью.

Потомъ выходитъ Намсара̀й, въ правой рукѣ держащій чжалца̀нъ, а въ лѣвой—сѣть. Ацза̀ры встрѣчаютъ его посыпаніемъ цвѣтовъ.

Ему послѣдуетъ Го̀нбо-гу̀ру, держащій въ правой рукѣ

бумбȁ, а въ лѣвой — изображенie Чиндамȁни; его встрѣчаютъ также посыпанiемъ цвѣтовъ.

Далѣе слѣдуетъ попарный выходъ восьми сотоварищей Чжамсарȁна; всѣ они держатъ въ правой рукѣ мечи, а въ лѣвой—габȁлы. Монголы даютъ всѣмъ этимъ маскамъ названiе сэльмэчй, т. е. меченосцевъ. Ацзȁры встрѣчаютъ ихъ кропленiемъ крови, равно какъ и являющагося послѣ нихъ самаго Чжамсарȁна. Эта маска одна изъ самыхъ ужасныхъ. Лице ея хотя и человѣческое, но извращено до крайней степени. Чжамсарȁнъ, какъ и всѣ другiе докшйты, коронованъ пятью человѣческими черепами, но помимо сего надъ каждымъ черепомъ его короны водруженъ еще значекъ въ родѣ знамени; въ одной рукѣ онъ держитъ пламенѣющiй мечъ, а въ другой сердце, облитое кровью.

Пляски всѣхъ этихъ докшйтовъ чрезвычайно медленны и до нельзя однообразны, почему смотрѣть цȁмъ крайне утомительно; но послѣ выхода Чжамсарȁна представленiе нѣсколько оживляется выходомъ Цагȁнъ эбўгэ̀на. Маска Цагȁнъ эбўгэ̀на изображаетъ согбеннаго и лысаго старика съ большою сѣдою бородою; одѣтъ онъ бываетъ въ бѣлый халатъ и опоясанъ поясомъ, къ которому пристегиваются кошельки для табаку, ножа и вилокъ; вообще онъ является со всѣми аттрибутами костюма монгольскаго простолюдина и держитъ въ рукахъ палку съ набалдашникомъ, изображающимъ драконову голову. По началу Цагȁнъ эбўгэ̀на выносятъ на коврѣ изъ сўмэ̀ и кладутъ передъ сȍромъ въ срединѣ круга. Пролежавъ нѣкоторое время, онъ медленно и старчески приподнимается, встаетъ на ноги, расправляетъ свои усы, бороду и густыя, нависшiя брови, потомъ изъ подъ руки оглядываетъ все собранiе, шатаясь, ходитъ то въ одну, то въ другую сторону; въ это время одинъ изъ хохимȁй'евъ подаетъ ему стклянку съ виномъ, онъ выпиваетъ вино, и начинаетъ плясать, подоткнувши полы, засучивъ рукава и разставивъ руки. Пляшетъ онъ, какъ пьяный, до тѣхъ поръ, пока не падаетъ отъ изнеможенiя. Затѣмъ онъ встаетъ снова, выходитъ изъ круга, садится и начинаетъ мять овечью кожу, которую подаетъ ему одинъ изъ ацзȁровъ.

За этою, всегда возбуждающею веселый смѣхъ публики сценою слѣдуетъ выходъ по парно 32-хъ шанаковъ; всѣхъ ихъ встрѣчаетъ, по обычаю, Хашинъ-ханъ съ дѣтьми и предъ всѣми ими ацзары посыпаютъ цвѣты; пляшутъ шанаки только въ первомъ кругу, но чрезвычайно медленно. Разнообразія здѣсь нѣтъ даже и въ маскахъ, такъ какъ шанаки не маскируются; костюмы всѣхъ ихъ совершенно одинаковы и всѣ они держатъ въ правой рукѣ пурбу, а въ лѣвой—габалу. По выходѣ шанаковъ является послѣдняя маска—Чойчжила съ громадною, синей, бычачьей головой и необыкновенно большими рогами, пламенѣющими огнемъ; помимо пяти череповъ Чойчжилъ коронованъ еще очиромъ. Его встрѣчаетъ Хашинъ-ханъ и ацзары выливаютъ предъ нимъ цѣлую габалу крови. Пляска Чойчжила таже что и у всѣхъ докшитовъ, но окончивъ ее онъ не уходитъ въ сумэ, а остается въ срединѣ круга. Доселѣ въ служеніи цама ламы принимали участіе только игрою на музыкальныхъ инструментахъ, съ окончаніемъ пляски Чойчжила они начинаютъ чтеніе *Линъка*. Джама изъ сумэ выноситъ фигуру линка, на этотъ разъ дѣлаемую нѣсколько больше обыкновенной, то есть въ ростъ пяти-годовалаго ребенка. Вслѣдъ за линка изъ сумэ выходитъ Чжамсаранъ съ своими меченосцами. Во все время чтенія линка, Чойчжилъ и Чжамсаранъ, равно какъ и всѣ его товарищи пляшутъ вокругъ принесенной фигуры линка; при извѣстныхъ же заключительныхъ словахъ: «этого врага. . . ударь, убей», они разрубаютъ ее на части. Вслѣдъ за симъ изъ сумэ выходятъ всѣ маски и, образовавъ два круга, (въ первомъ—ближайшемъ къ сору — докшиты, а во второмъ — шанаки) пляшутъ всѣ вмѣстѣ. На половинѣ этой пляски ламы поднимаются съ своихъ мѣстъ и, начавъ чтеніе послѣдней части хурала—соръ, выходятъ за монастырскія ворота, гдѣ на степи бываетъ уже разложенъ костеръ для сожженія сора. Сожженіе это бываетъ тѣмъ же порядкомъ, который уже былъ описанъ нами выше, при изложеніи спеціальнаго служенія соръ; но, окончивъ его, ламы снова возвращаются на монастырскій дворъ, гдѣ все еще продолжается пляска боговъ въ двухъ кругахъ. Когда ламы придутъ на мѣсто и разсядутся снова по своимъ сѣдалищамъ, начи-

нается ускоренная музыка, подъ акомпаниментъ которой маски начинаютъ быстро совершать круги, по которымъ они пляшутъ. Чо̀йчжилъ, находящійся во главѣ всѣхъ масокъ, идетъ впереди и какъ только доходитъ до начала круга, приходящагося противъ дверей сӯмэ̀, такъ оканчиваетъ свою пляску и скрывается въ храмѣ;—остальные маски совершаютъ новый кругъ, теперь уже имѣя во главѣ Чжамсара̀на; когда будетъ сдѣланъ новый кругъ до дверей сӯмэ̀, то уходитъ Чжамсара̀нъ и такъ далѣе пока не уйдутъ всѣ. Послѣдній шана̀къ кружится обыкновенно очень долго и своею пляскою доходитъ до самыхъ дверей сӯмэ̀. Уходомъ его оканчивается и церемонія ца̀ма.

Переходя теперь къ богослуженіямъ, совершаемымъ по нуждамъ, требованіямъ и просьбамъ народа, мы должны раздѣлить эти богослуженія на общественныя и частныя.

Къ числу первыхъ изъ этихъ хура̀ловъ относимъ прежде всего «чествованія обо̄», или по монгольски «Обо̄ной тахилга̀», совершаемыя отдѣльно въ каждомъ родѣ, въ каждомъ сумӯнѣ и въ каждомъ монастырѣ, безъ различія будутъ ли этотъ родъ, сумӯнъ, или монастырь большіе, или малые. Въ основѣ этого празднества, для совершенія котораго назначается одинъ изъ дней въ теченіе трехъ лѣтнихъ, или трехъ осеннихъ мѣсяцевъ, лежитъ чисто шаманская подкладка. По вѣрованію Монголовъ, каждый лѣтній и осенній мѣсяцъ спускается съ неба на землю «Лӯсӯнъ ха̄нъ тэнгрѝ», что значитъ—духъ, царь драконовъ. Этими духами драконовъ населено небо въ громадномъ количествѣ: есть древесные духи драконовъ ([illegible]), есть водяные духи драконовъ ([illegible]), есть горные духи драконовъ ([illegible]), есть вѣтровые духи драконовъ ([illegible]), далѣе существуетъ еще различіе ихъ по цвѣтамъ, есть синіе духи драконовъ ([illegible]), желтые духи драконовъ ([illegible]), черные духи драконовъ ([illegible]) и проч. Всѣ эти драконы спускаются въ различные дни лѣтомъ и осенью; но владыка ихъ — бѣлый царь драконовъ ([illegible]

[illegible]) постоянно нисходитъ съ неба только 2-го и 16 чиселъ каждаго лѣтняго мѣсяца. Зимою всѣ лусы, или драконы, спятъ[1]). Духи драконовъ суть причина всѣхъ несчастій человѣка: отъ нихъ зависитъ болѣзнь людей, падежъ скота и другія бѣдствія природы; вотъ почему Монголы чествуютъ этихъ духовъ, стараясь задобрить ихъ жертвами. Чествованіе драконовъ распространено по всей Монголіи и состоитъ теперь въ принесеніи жертвъ и чтеніи молитвъ около обō, которое нарошно устраивается для этой цѣли и посвящается духу драконовъ. Обō представляетъ собою ничто иное какъ груду камней, безпорядочно наваленныхъ на вершинѣ какой нибудь горы. Въ этомъ видѣ является обō у шаманистовъ, въ этомъ же видѣ воздвигаются и въ Монголіи собственно тѣ обō, которыя чествуются дѣтьми; но обō, при которомъ чествуютъ драконовъ взрослые, приглашая для сего цѣлый сонмъ ламства, является теперь уже въ измѣненной формѣ, въ которой все пріурочено ламами къ буддійской космологіи. Обō, чествуемое ламами, представляетъ теперь собою не одну груду камней, а цѣлыхъ тринадцать: срединная изъ нихъ бываетъ самая большая и, по толкованію ламъ, она знаменуетъ собою гору Сӯмэрӯ; отъ нея по сторонамъ свѣта располагаются груды по меньше,—онѣ знаменуютъ собою четыре тиба; по бокамъ этихъ послѣднихъ находится еще по одной еще меньшей грудѣ—это восемь малыхъ тибовъ. Все это однако уже измышленія позднѣйшаго времени, къ каковому должно отнести и составленіе молитвъ и учрежденіе обрядовъ, при которыхъ совершается нынѣ чествованіе обō. Въ предисловіи къ «послѣдованію чествованія обō» ([illegible]), по которому совершается нынѣ этотъ обрядъ въ Ургѣ, неизвѣстный авторъ его прямо говоритъ; что «хотя въ настоящее время, въ нашей странѣ и въ высшей степени усилилось обыкновеніе поставлять и чествовать обō, но это обычай древній ([illegible]

1) Кажется, такое представленіе и дѣленіе драконовъ—чисто шаманское, понятія буддистовъ о драконахъ, какъ мы видѣли на стр. 317-й, совсѣмъ иныя.

[illegible]); далѣе авторъ признается, что не смотря на это, онъ во всю свою жизнь «не видалъ ни тибетской буддійской книги, ни даже книги, составленной мѣстными, монгольскими избранными учёными, по которой можно было бы отправлять эту церемонію ([illegible]); наконецъ еще далѣе заявляетъ, что хотя за свое настоящее сочиненіе «онъ и сдѣлается предметомъ презрѣнія для истинныхъ мудрецовъ, тѣмъ не менѣе, такъ какъ явилось очень много просящихъ чествовать обō, то онъ, не имѣя возможности противиться»... все таки написалъ этотъ обрядъ чествованія ([illegible]...). Во всѣхъ этихъ разглагольствованіяхъ нельзя, конечно, не видѣть отчасти обычную авторскую скромность, но вмѣстѣ съ тѣмъ невольно приходитъ на мысль и то, не было ли и самое это смиреніе внушено автору, буддійскому ламѣ, именно тѣмъ сознаніемъ, что составляя это «послѣдованіе», онъ поступается буддизмомъ въ пользу шаманизма?

Впрочемъ какъ бы тамъ ни было, въ настоящее время обō чествуется уже совершенно буддійскими обрядами и торжество это отправляется для себя не только обществами простолюдиновъ, но даже и ламскими. Въ Ургѣ, гдѣ населеніе сгущенно, чествованіе обō совершается нѣсколько разъ: въ первомъ лѣтнемъ мѣсяцѣ празднуютъ ламы, во второмъ — простолюдины, въ третьемъ — дѣти, при томъ каждые совершаютъ свое чествованіе отдѣльно и одни не ходятъ на праздникъ другихъ. О днѣ праздника, т. е. о томъ днѣ и часѣ, въ который Лӯс'ӯнъ тэнгри̇ спустится на землю, знаютъ цзурухāйчи по своимъ книгамъ. Видимыми знаками схожденія должны быть дождь и радуга, которая и есть собственно ничто иное какъ дорога, по которой спускается духъ на землю съ неба. Цзурухāйчи впрочемъ не знаютъ, гдѣ именно спустится духъ, оттого и не могутъ сказать, гдѣ именно будутъ дождь и радуга.

Въ Ургѣ 28-мь ламскихъ аймаковъ не всѣ въ одинъ день чествуютъ свои обо̄, а раздѣляются по частямъ. Всѣ 28-мь аймаковъ имѣютъ только восемь обо̄ и такимъ образомъ иногда одно обо̄ совокупно чествуется двумя и тремя аймаками; однако эта совокупность относится только къ самому обо̄, — аймаки чествуютъ его отдѣльно хотя бы то въ одинъ и тотъ же день: одни, напримѣръ, — до полудня, другіе — послѣ полудня. Съ наступленіемъ перваго лѣтняго мѣсяца гэбкӯй распоряжается объ изслѣдованіи цзурухайчіями дня схожденія драконовъ и цзурухайчи назначаютъ его, а гэбкӯй даетъ приказаніе оповѣстить объ этомъ хувараковъ. Къ назначенному дню каждый лама, по состоянію, передаетъ своему даргѣ (лама, исполняющій обязанности полицейскаго надзирателя надъ десятью домами) деньги, въ количествѣ отъ 2-хъ чаевъ до $1/2$ чая (кирпичнаго). Дарги передаютъ собранное нирбѣ, а послѣдній употребляетъ эти пожертвованія на приготовленіе всего необходимаго для чествованія обо̄. Онъ пріобрѣтаетъ пять овецъ, муки для балиновъ, масло, хӯчжи, ячмень, вино (для принесенія въ жертву), хлѣбъ, сыръ и проч. Все это вмѣстѣ называется у монголовъ «Обо̄най чойнкоръ».

Въ назначенный день и въ условный часъ всѣ ламы аймака, который собирается чествовать обо̄, сходятся къ Чжиса-санъ (казначейству аймака Чжиса) и отсюда направляются къ обо̄ толпою, иногда человѣкъ въ 500, что впрочемъ больше обусловливается погодою. Пришедши къ обо̄, ставятъ вокругъ обо̄ по четыремъ странамъ свѣта четыре шеста, между коими растягиваютъ веревки, а къ послѣднимъ прикрѣпляютъ множество разноцвѣтныхъ дарцок'овъ; затѣмъ на южной сторонѣ обо̄ растягиваютъ три палатки. Въ первой изъ нихъ отправляется хуралъ, — она называется «асаръ»; вторая и третья — назначаются для верховныхъ ламъ аймака. У самаго обо̄ расчищается мѣстечко и разстилается кусокъ бѣлаго полотна, а на немъ поставляется ширē, въ свою очередь покрытое бѣлою пеленою. Здѣсь ставятся изображенія Шигэмӯни и другихъ бурхановъ, въ числѣ коихъ непремѣнно долженъ быть кумиръ Вачжра-пани, равно какъ всѣ предметы, поставляемые на тахилыйнъ ширē. Передъ ними ста-

вится пять балѝновъ, изъ которыхъ первый назначается въ жертву дракону, а второй—«гацзарыѝнъ эцзэ̀н’у»,—владыкѣ мѣстности. Всѣ эти балѝны дѣлаются изъ ячменной муки, затертой на коровьемъ маслѣ, съ примѣсью благовонныхъ и вкусныхъ травъ (э̀мъ). Передъ начальствующимъ въ хура̀лѣ кладется вачѝръ, колокольчикъ, блюдечко съ ячменными зернами и чашка съ водою. На особомъ столикѣ за симъ раскладываются принадлежности ухія̄л’а, — бумба̀, толѝ, хада̀къ для отиранія толѝ и ма̀ндалъ. Установивъ все на должныя мѣста, хувара̀ки берутъ музыкальные инструменты и разсаживаются на своихъ сѣдалищахъ. Хура̀лъ начинается принесеніемъ балѝна Очѝръ-ва̀ни. Въ молитвѣ, читаемой при этомъ случаѣ, его восхваляютъ какъ верховнаго изъ обладающихъ таинственными та̀рни, какъ искоренителя препятствій, влекущихъ за собою все злое и какъ побѣдоноснаго врага всего грѣховнаго ([illegible]) и согласно этихъ, приписываемыхъ ему свойствъ его умоляютъ, чтобы силою своихъ та̀рни онъ очистилъ грѣхи какъ приносящихъ этотъ балѝнъ, такъ и всѣхъ другихъ существъ, а равно своимъ пламенемъ пожегъ бы всѣхъ демоновъ ([illegible]), обитающихъ вверху, внизу и въ промежуточномъ пространствѣ. За симъ слѣдуетъ принесеніе балѝна «гацзарыѝнъ эцзэ̀н’у», котораго просятъ ниспослать свое благословеніе на эту мѣстность великое какъ дождь. За этимъ балѝномъ слѣдуетъ балѝнъ драконамъ и владыкамъ вселенной. Ламы поютъ: «Въ настоящій день мы, обращаясь съ вѣрою ко всѣмъ духамъ — драконамъ, возносимъ хвалы и жертвы. Владыки, обитающіе въ трехъ тысячахъ царствъ, владыки мѣстностей и драконы, обитающіе въ Ута̀йша̀ни верховной странѣ Маньчжурія, въ Будалѐ — царствѣ Хоншѝмъ бодиса̀твы, въ Шамбалѐ — странѣ таинственныхъ та̀рни, въ Тибетѣ, въ Кӯкӯ-норѣ и другихъ мѣстахъ, въ странѣ Ойратовъ, въ оз. Сангі̀йнъ дала̀й и въ другихъ мѣстахъ, въ Амдо̀, въ Пекинѣ и другихъ мѣстахъ, въ (такомъ то имя рекъ) монгольскомъ хошӯнѣ и особливо въ настоящемъ урочищѣ (имя рекъ), вамъ воздвигли мы это обо̄ и приносимъ хвалы и жертвы, —

смилосердитесь и соизвольте придти сюда». За симъ настоятель начинаетъ подбрасывать зерна ячменя, и дѣлать кропленіе виномъ, а ламы въ это время поютъ: «Эти тринадцать обō, воздвигнутые во вниманіе многоразличныхъ достоинствъ драконовъ, подобны горѣ Сӯмэрӯ царю горъ, четыремъ большимъ тӥбамъ и четыремъ малымъ тӥбамъ. Эти жертвоприношенія, представляя собою все необходимое для жизни (хлѣбъ, мясо, водка), составляютъ основу для существованія; поэтому мы и приносимъ ихъ вамъ, предметамъ вѣры. Укрѣпите основы умиротворенія всего злобнаго; укрѣпите основы стяжанія всего, что мы ни пожелаемъ; укрѣпите основы истребленія враговъ; укрѣпите основы жизни нашего ламы; укрѣпите основы распространенія вѣры и священнаго ученія; укрѣпите основы мира и единенія хувараковъ; укрѣпите основы дружества народовъ; укрѣпите основы долголѣтія; укрѣпите основы увеличенія рода; укрѣпите основы плодовитости скота. Укрѣпивъ основы всего этого, очистите 80,000 препятствій; очистите демоновъ 360-ти родовъ; очистите болѣзни 404-хъ родовъ; очистите 84 зловѣщихъ предзнаменованія; исполните съ легкостью всѣ благія начинанія; на всегда относясь къ намъ дружественно, заботьтесь и охраняйте насъ». — Вслѣдъ за принесеніеъ балина драконамъ читаются слѣдующія молитвы изъ отдѣла рапсаловъ: 1) Арбȧнъ цзӯгӯнъ харангӯй арилгахӯ цагȧнъ шӯхӯртэй, 2) Улцзэй хутӯкъ цокцалаксȧнъ аюшийнъ судӯръ, 3) Октаргӧй гацзар'ӯнъ нȧйманъ гэгэнъ, 4) Модȯнъ чимэкъ, 5) Лӯсӯнъ тагалали хангакчӥ и 6) Гурбȧнъ эрдэнийнъ ӯлцзэйтӯ шӯлӯкъ. Наконецъ начинается длинное произнесеніе йӧрōлей, которое въ кратцѣ представляетъ слѣдующій стихъ: «цари драконовъ Нȧнти и Убанȧнти и всѣ тэнгріи, благоговѣющіе предъ вѣрою, да пріобрѣтутъ черезъ васъ вѣчное блаженство и хāны, и милостынедатели, и всѣ обѣднявшіе существа!» Этимъ йӧрōлемъ оканчиваются чтенія передъ ламскимъ обō. Ламы выходятъ изъ асȧра, разбираютъ верхушку обō и кладутъ въ средину его: балӥнъ и части барана, — голову, лопатку и ребра съ западной стороны балӥна; кончикъ хвоста и бедро — съ восточной стороны; кусочекъ серебра — съ южной стороны; и хадакъ — съ сѣверной.

За тѣмъ все это снова закладываютъ сверху камнями и обō поливаютъ виномъ и водою, приносимыми въ жертву. Возвратившись въ палатку, ламы совершаютъ ухіялъ и, совершивъ надъ собою омовеніе аршаномъ, возвращаются домой.

Чествованіе обō простолюдинами отличается отъ ламскаго нѣсколькими вставками, относящимися какъ до жертвъ, такъ и до чтеній. Въ степи о днѣ чествованія обō узнаетъ отъ гэлўновъ или хошўнный тусалакчй (помощникъ князя — правителя), или сумўнный цзангйнъ, или наконецъ хотòнный даргà, послѣ чего, получивъ должныя указанія, каждый изъ нихъ передаетъ состоящему при немъ ачжйку (надсмотрщикъ) полученныя изъ хурўла извѣстія для дальнѣйшихъ распоряженій по этому предмету. Ачжйкъ посылаетъ демчѐевъ (сборщиковъ) въ улусъ для сбора необходимыхъ предметовъ для жертвоприношеній, каковы, архй, бислыкъ, ўрмэ, арўлъ, àйракъ, чай, хадàки, деньги и проч. Все это дается каждымъ, смотря по тому кто что можетъ и сколько можетъ. Что касается пяти барановъ, необходимыхъ для принесенія жертвы, то они берутся только съ богатыхъ и при томъ съ соблюденіемъ очереди. Изъ всего собраннаго, по распредѣленію дарги, часть идетъ на жертву обō, часть на подарки ламамъ, а часть на угощеніе народа, который впрочемъ, собираясь къ обō, и самъ приноситъ съ собою, какъ угощеніе, архй, àйракъ и пряженцы. Въ назначенный день къ обō съ ранняго утра начинаютъ тянуться ѣдущіе верхами на лошадяхъ, быкахъ и верблюдахъ домохозяева. Жены и дѣти ихъ не участвуютъ въ чествованіи обō и развѣ только сыновья богатыхъ начинаютъ ходить къ этому жертвоприношенію лѣтъ съ 18-ти. Когда соберется народъ, являются ламы. Приготовленія ихъ у обō тѣже самыя, что видѣли мы и выше, только при чествованіи народнаго обо, помимо всѣхъ вышеисчисленныхъ жертвъ у самаго подножія обō полагаются еще: панцырь, шлемъ, лукъ, нѣсколько стрѣлъ, копье, мечъ и другіе предметы вооруженія. Согласно этой прибавкѣ жертвъ и въ чтеніи при возношеніи балйна драконамъ прибавляется: «Шлемъ и панцырь, непроницаемые въ битвѣ и неподдающіеся мечу, составляютъ основу для сохраненія

человѣческой жизни; по этому мы и приносимъ ихъ вамъ, предметамъ вѣры. Укрѣпите основы умиротворенія всего злобнаго, . . . (и т. д. до конца всѣхъ 17-ти стиховъ). Лукъ и стрѣлы, имѣющіе свойство попадать въ самое сердце злобныхъ враговъ, составляютъ основу для разсѣянія всякаго рода препятствій; поэтому мы и приносимъ ихъ вамъ, предметамъ вѣры. Укрѣпите основы умиротворенія. . . и т. д. Острое, стальное копье, украшенное роговою обложкой, уничтожая всѣхъ злобствующихъ, составляетъ основу для богатырской храбрости; поэтому мы и приносимъ его вамъ, предметамъ вѣры. Укрѣпите основы умиротворенія всего злобнаго, . . . и т. д. Многоразличные острые, стальные мечи, разсѣкающіе въ прахъ всякаго врага, составляютъ основу для возвышенія боевой славы; поэтому мы и приносимъ ихъ вамъ, предметамъ вѣры. Укрѣпите» . . . . и пр. Въ йо̄ро̄лѣ существуетъ еще слѣдующая прибавка: «да потребятся отъ насъ всѣ враги наши, да отвратятся отъ насъ моръ, голодъ, болѣзни, несчастія дневныя, мѣсячныя и годовыя, набѣги волковъ на скотъ, воры и грабители, роса, градъ, вѣтеръ, засуха и другія причины страданій, да будутъ идти дождь и разливаться рѣки въ потребное время, да увеличится у насъ урожай на хлѣбъ и траву, да умножится довольство всѣхъ одушевленныхъ существъ». Въ жертву обо̄ закладывается при народныхъ чествованіяхъ только самая незначительная часть мяса, все же остальное раздѣляется между присутствующими. Домохозяева считаютъ необходимостью привезти это мясо домой и раздѣлить по кусочку всѣмъ своимъ домочадцамъ. Если дома остался у кого старый старикъ, то ему посылаютъ часть его черезъ сына, или черезъ кого либо изъ присутствующихъ родственниковъ, или сосѣдей. По окончаніи чествованія народнаго обо̄, близь него устраиваются народныя игры.

Обо̄ны, чествуемые дѣтьми, не находятся на горахъ, а на равнинахъ; воздвигаютъ ихъ сами же дѣти во время игры. Чествованіе обо̄ дѣтьми происходитъ въ послѣднемъ лѣтнемъ мѣсяцѣ, причемъ день для торжества назначаетъ также цзууухайчи. Дѣти, собравъ деньги, выбираютъ себѣ распорядителя старика,

который озабочивается приготовленіемъ необходимаго. Если денегъ много, то приносятъ въ жертву барана, нѣтъ, — чествуютъ только пирожками и молочными продуктами, а вмѣсто вина—водою. Къ совершенію хурала приглашаютъ ламу, который бы не пилъ вина и не курилъ табаку, потому что перваго не любитъ бурханъ, а второе не нравится драконамъ. У дѣтскаго обо̄ лама читаетъ только лӯсыйнъ са̀нъ, не употребляя при этомъ ни какихъ музыкальныхъ инструментовъ помимо колокольчика.

О другихъ какихъ либо хурала̀хъ, совершаемыхъ по просьбѣ цѣлыхъ обществъ, мнѣ не приходилось слышать въ Монголіи. Правда, во время моего пребыванія въ Ба̄рунъ хурѣ̄ лѣтомъ 1877 года, случилось обстоятельство, что по случаю стоявшей въ ту пору долгое время ненастной погоды и холодовъ, Тӯшѣ̄тӯ ха̀нъ отъ лица всего своего хошӯна обратился въ этотъ монастырь съ просьбою умилостивить боговъ и отвратить тяготѣвшее надъ хошӯномъ несчастіе; но средство, которое было указано ламами, уже нельзя назвать хура̀ломъ. Они объявили, что для отвращенія бѣды необходимо обнести Ганьчжу̀ръ вокругъ всего хошӯна, что и было исполнено. Ганьчжу̀ръ былъ положенъ на 9 бѣлыхъ верблюдовъ и отправленъ по границѣ хошӯна съ двадцатью ламами. Возвратившіеся разказывали мнѣ, что на границѣ хошӯна, по четыремъ странамъ свѣта, они четыре раза прочитали весь ганьчжу̀ръ. Сборы при этомъ случаѣ были по большей части мелкіе: чай, далимба, дабу и куски другихъ бумажныхъ матерій. Все это было отдано монастырскимъ начальствомъ сопровождавшимъ ганьчжу̀ръ ламамъ; собранный же ими скотъ, въ количествѣ 34 лошадей, 40 коровъ и около 200 барановъ, поступилъ въ монастырское казначейство.

Въ совершенную противуположность этому число богослуженій, совершаемыхъ по просьбамъ народа въ отдѣльныхъ, частныхъ домахъ у современныхъ монголовъ-буддистовъ, уже ни какъ нельзя назвать незначительнымъ, такъ какъ не только ни одно выдающееся событіе въ жизни человѣка не проходитъ у нихъ безъ религіознаго освященія, но и проводя свою обыденную и мирную жизнь, монголы постоянно приглашаютъ ламъ для совер-

шенія молебствій. Такимъ образомъ рожденіе, бракосочетаніе и смерть человѣка теперь у всѣхъ монголовъ безъ исключенія необходятся безъ ламскихъ молитвословій; помимо же того молебствія совершаются еще надъ каждымъ человѣкомъ: a) въ годовщину мэнгэ̀ его рожденія (мэнгэ̀йнъ цзасàлъ, или мэнгэ̀йнъ оролгòнъ), что бываетъ періодически черезъ девять лѣтъ и b) въ годовщину циклическаго знака его рожденія (чжилѝинъ оролгòнъ), что повторяется черезъ двѣнадцать лѣтъ. Не менѣе вàжною и непремѣнною обязанностью каждый богатый монголъ почитаетъ отправить въ своемъ домѣ молебствіе однажды въ годъ съ цѣлью освятить свое имущество и свой скотъ ([illegible]); еще болѣе состоятельные приглашаютъ ламъ, помимо сего, въ каждый изъ главнѣйшихъ праздниковъ, а именно: въ праздникъ «Чòйнкоръ дỳйчинъ», — въ одинъ изъ дней съ 1-го по 8-е число послѣдняго лѣтняго мѣсяца; въ праздникъ «Хлабỳнъ-дỳйчинъ», — 22-го числа послѣдняго осенняго мѣсяца; въ праздникъ «Цзулà», — 25-го числа 1-й зимней луны; въ дни новолѣтія, т. е. въ одинъ изъ первыхъ 15-ти дней Цагàнъ сарà и наконецъ въ праздникъ воспоминанія кончины Шигэмỳнія, что бываетъ 15-го числа 1-й лѣтней луны. Отличающіеся особеннымъ богатствомъ и религіозностью призываютъ къ себѣ ламъ въ мацàки, или дни поста, т. е. 8-го, 15-го и 30-го числа каждаго мѣсяца и также точно заставляютъ ихъ служить молебствія. Скажемъ теперь обо всемъ этомъ болѣе подробно.

По рожденіи ребенка монголы совершаютъ надъ нимъ обрядъ «хӯхэтъ аршāлаху», вмѣстѣ съ которымъ соединяютъ еще обрядъ названія ребенка по имени. Собственно опредѣленныхъ дней и сроковъ для совершенія этихъ обрядовъ въ буддизмѣ не полагается; ламы, въ своихъ устныхъ бесѣдахъ, выставляютъ правиломъ, что обряды эти должны быть совершаемы не ранѣе какъ черезъ три дня послѣ рожденія, обычай же установилъ въ средѣ монголовъ только то, что обряды эти совершаются въ первый же мѣсяцъ по рожденіи дитяти. Намѣреваясь приступить къ совершенію религіозныхъ обрядовъ надъ новорожденнымъ, отецъ ребенка отправляется въ монастырь къ цзурухàйчи и,

подробно разказавъ ему о днѣ, часѣ и обстоятельствахъ рожденія своего ребенка, проситъ его опредѣлить во 1-хъ то, счастливъ ли этотъ ребенокъ или нѣтъ, а во 2-хъ—назначить день, когда слѣдуетъ совершить надъ нимъ религіозные обряды, что именно должно исполнить, какіе номы прочитать, и кѣмъ именно они должны быть прочитаны. Цзуруха̀йчи, при производствѣ своихъ указаній по этому поводу, пользуются астрологическимъ сочиненіемъ Вайду̀рья-ка̀рпо[1]) и медицинскимъ «Хланта̀бъ». Ребенокъ признается счастливымъ, если онъ родился правильно, если по выходѣ изъ утробы онъ упалъ навзничь[2]) и грудь его обвилась пуповиною, если тотчасъ же по рожденіи онъ сильно закричалъ, если у него высокая макушка, твердыя головныя кости, небольшое темя, оконечности волосъ подняты кверху, тѣло чистое, уши оттопыренные, если онъ сильно сосетъ грудь и дрожитъ при сосаніи. Если напротивъ ребенокъ не будетъ имѣть этихъ примѣтъ, если онъ будетъ имѣть ихъ не въ достаточной степени, если, особенно, онъ родится съ зубомъ, то это почитается предзнаменованіемъ дурной судьбы, для исправленія которой нужно совершать еще особыя молебствія, помимо обычнаго обряда «хӯхэтъ аршалаху». Соображая всѣ такого рода обстоятельства съ ученіемъ, изложеннымъ въ книгахъ, цзуруха̀йчи указываетъ счастливый день для омовенія, разказываетъ, какія именно молебствія должны быть совершены надъ ребенкомъ и какимъ числомъ духовенства можно обойтись при совершеніи этихъ молебствій. Въ домахъ ха̄новъ, князей и богатыхъ монголовъ при совершеніи надъ новорожденнымъ обряда «хӯхэтъ аршалаху», независимо отъ указаній цзуруха̀йчи, собирается до сотни ламъ; но самыя правила совершенія этого обряда требуютъ участія въ немъ только *четырехъ* гэлӯновъ, изъ числа которыхъ одинъ необходимо долженъ быть вмѣстѣ съ

1) Вайду̀рья ка̀рпо—сочиненіе, извѣстное на языкѣ Монголовъ въ искаженномъ названіи Бида̀ръ гарбо̀, составлено въ 1686 г. Дэрѝдъ Сангджай-Чжамцо̀. Монголы почитаютъ этого автора хубилганомъ, или воплощеніемъ Маньчжу̀шри.

2) Монголки рождаютъ сидя на корточкахъ.

тѣмъ и цзуруха̀йчи. Такое число ламъ обыкновенно и приглашаютъ къ себѣ монгольскіе простолюдины. Впрочемъ, такъ какъ приглашеніе четырехъ гэлу̀новъ изъ монастыря обходится сравнительно весьма не дешево, то гораздо чаще изъ монастыря берутъ только одного гэлу̀на, остальные же три лица дополняются изъ степныхъ ламъ, имѣющихъ степени гэцу̀ля и ба̀ньди. При крайней бѣдности монгола весь обрядъ совершается наконецъ и однимъ лицемъ; другими словами, — бѣдные монголы приглашаютъ къ себѣ одного только цзуруха̀йчи, имѣющаго посвященіе въ санъ гэлу̀на: онъ совершаетъ имъ астрономическія и религіозныя опредѣленія надъ ребенкомъ, онъ же исполняетъ и обрядъ омовенія.

Подробное изслѣдованіе относительно молитвъ, долженствующихъ быть прочитанными надъ ребенкомъ при совершеніи обряда ху̀хэтъ арша̀лаху, совершается по «ку̀лѝл'амъ». Извѣстно, что въ буддійской астрологіи каждый день опредѣляется одною изъ восьми, послѣдовательно смѣняющихъ другъ друга стихій и что эти стихіи носятъ названіе «ку̀лѝл'овъ». Каждому ку̀лѝл'у соотвѣтствуетъ особое чтеніе и именно надъ ребенкомъ, родившимся

1) въ ку̀лѝлъ *Ли* (монг. ᠯᠢ, тиб. ལི་ соотвѣтствуетъ стихіи огня), должно читать: a) Бацза̀ръ бадарана̀, b) Билѝкъ бара̀митъ, c) Сѝдда, d) Уснѝха бицзэя̀ и e) Ча-дудба̀.

2)—въ ку̀лѝлъ *Конъ* (монг. ᠬᠣᠨ, тиб. ཁོན་ соотвѣтствуетъ стихіи земли) читается: a) Нама̀ сангадѝ, b) Рэмо̀-шуй-ба̀, c) Зунъ-ду̀; d) Чжа̀т-дамба, e) Ланга̀ръ-шэкъ-ба̀, f) Са̀й-нинбо̀.

3)—въ ку̀лѝлъ *Два* (монг. ᠳᠸᠠ, тиб. དྭ་ соотвѣтствуетъ стихіи желѣза) читается: a) На̀йманъ гэгэ̀нъ, b) Тэму̀ръ хошу̀нъ, c) Очѝръ хошу̀нъ, d) Бацза̀ръ бадарана̀, e) Бацза̀ръ-махага̀ла, f) Билѝкъ бара̀митъ, g) Сѝдда и h) Нама̀-сангадѝ.

4)—въ ку̀лѝлъ *Кэнъ* (монг. ᠬᠡᠨ, тиб. ཁེན་ соотвѣтствуетъ стихіи неба) читается: a) На̀йманъ гэгэ̀нъ, b) Билѝкъ бара̀митъ, c) Ба́нза-ра̀кша, d) Алта̀нъ гэрэ̀ль, e) ӳльдзэ̀й дабху̀ръ и f) Намка̀-нинбо̀.

5)—въ ку̀лѝлъ *Камъ* (монг. [illegible], тиб. [illegible] соотвѣтствуетъ стихіи воды) читается: а) Бонго̀мъ-шак-чжа̀, b) Лу̀нъ-бан-го̀нъ, c) Усу̀нъ-дурма̀, d) Галдза̀нъ, e) Бирѝнъ-чэнбо̀ и f) Дорчжэ̀-намчжйкъ-чу̀.

6)—въ ку̀лѝлъ *Гинъ* (монг. [illegible], тиб. [illegible] соотвѣтствуетъ стихіи горъ) читается: а) Мачжа̀-чэн бо̀, b) Добочэ̀, c) Бицзэя̀, d) Ланъ-ро̀, e) Лу̀нъ-да̀нъ, f) Сѝдда, g) Юмъ, h) Бацза̀ръ-бадарана̀ и i) Дорчжэ̀ ри-ра̀бъ.

7)—въ ку̀лѝлъ *Цзэнъ* (монг. [illegible], тиб. [illegible] соотвѣтствуетъ стихіи дерева) читается: а) Алта̀нъ гэрэ̀ль, b) До̄-дамба̀, c) Цэ-бэ̀къ (аюши), d) Бацза̀ръ-бадарана̀, e) Ба̀нза ра̀кша, f) Галдза̀нъ и g) Зунъ-ду̀,

8)—въ ку̀лѝлъ *Сонъ* (монг. [illegible] тиб. [illegible] соотвѣтствуетъ стихіи воздуха), читается: а) Галдза̀нъ, b) Сѝдда, c) Билѝкъ ба-ра̀митъ, d) На̀йманъ гэгэ̀нъ, e) Бацза̀ръ бадарана̀, f) Цэбэ̀къ (аюши), g) Лукдо̀ръ-накбо̀ и h) Доквзу̀нъ-рито̀тъ лама̀ чотба̀.

Совершая обрядъ, лама по окончаніи соотвѣтствующихъ чтеній, приступаетъ къ самому омовенію: для сего беретъ въ чашку воды, соединяетъ эту воду на половину съ молокомъ, а сверхъ сего посыпаетъ нѣсколько щепотокъ благовонной травы (са̀нгы̀йнъ идѣ), употребляемой для куренія передъ бурханами. За симъ на̀дъ этимъ составомъ лама прочитываетъ молитву, преподаетъ ему благословеніе (адистѝдъ) чрезъ возложеніе на содержащую его чашку но̀ма, или священной книги и наконецъ освящаетъ его собственнымъ дуновеніемъ съ произнесеніемъ та̀рни. Приготовленною такимъ образомъ водою, которая получаетъ названіе «чойгы̀йнъ усу̀» и омывается ребенокъ. По началу лама омокаетъ въ чойгы̀йнъ усу̀ средній палецъ лѣвой руки и мажетъ имъ ро̀тикъ ребенка; за симъ, такъ какъ ребенокъ самъ не въ состояніи отплюнуть чойгы̀йнъ усу̀, лама высасываетъ каплю, попавшую въ ротикъ малютки и отплевываетъ за него. Это дѣйствіе повторяетъ онъ три раза. Потомъ наливаетъ нѣсколько капель воды на правую руку и омываетъ ими лице и голову ребенка; этимъ обрядъ омовенія оканчивается и лама

объявляетъ, что посредствомъ этого обряда, малютка очистился отъ грѣховъ, которыя совершилъ онъ еще въ прежнихъ своихъ перерожденіяхъ; для того же чтобы и въ будущемъ былъ онъ стойкимъ въ добродѣтели, легко совершалъ добрыя дѣла и удобнѣе достигалъ спасенія, лама назначаетъ ребенку особыята̀рни, или магическія слова, которыя, возросши, онъ долженъ постоянно произносить въ теченіе всей своей жизни. Эти та̀рни также точно какъ и молитвенныя чтенія распредѣляются по кӯли̇л'амъ и именно для родившагося

1) въ кӯли̇лъ *Ли*, назначаются та̀рни: «Омъ-на-надъ-ѣ-сваха»;

2) — въ кӯли̇лъ *Конъ*, назначаются та̀рни: «Омъ ка-ка-шакъ-сваха»;

3) — въ кӯли̇лъ *Два*, назначаются та̀рни: «Омъ-намъ-намъ-дамъ-сваха»;

4) — въ кӯли̇лъ *Кэнъ*, назначаются та̀рни: «Омъ-гарши-сваха»;

5) — въ кӯли̇лъ *Камъ*, назначаются та̀рни: «Омъ-камъ-сваха»;

6) — въ кӯли̇лъ *Гинъ*, назначаются та̀рни: «Омъ-сы-шикъ-сваха»;

7) — въ кӯли̇лъ *Цзэнъ*, назначаются та̀рни: «Ӧмъ-нама-шэдъ-сваха»; наконецъ

8) — въ кӯли̇лъ *Сонъ*, назначаются та̀рни: «Омъ на-надъ сваха».

Если родители новорожденнаго пожелаютъ, чтобы лама одновременно съ омовеніемъ ребенка далъ ему и имя, то въ такомъ случаѣ при этомъ обрядѣ опять таки является необходимымъ участіе цзурухàйчи. Послѣдній соображаетъ годъ, мѣсяцъ и день рожденія ребенка съ показаніями, изложенными въ 12-й главѣ сочиненія Вайдӯрья кàрпо и, на основаніи этихъ показаній, дается имя новорожденному. Въ Монголіи самый употребительный способъ для опредѣленія именъ новорожденнымъ есть изслѣдованіе такъ называемыхъ пяти гаpàковъ, на которыя раздѣляются въ буддійской астрологіи всѣ числа мѣсяца. Каждый изъ гараковъ имѣетъ свое особое названіе и это-то названіе и дается новорожденному какъ его имя, сообразно тому гаpàку, въ который онъ родился. Такимъ образомъ

гарàкъ 1-го, 6-го, 11-го, 16-го, 21-го и 26-го чиселъ каждаго мѣсяца носитъ названіе *Дорчжй* (རྡོ་རྗེ་མཁའ་འགྲོ་) и сообразно этому, человѣку, родившемуся въ показанныя числа, дается имя Дорчжй.

Гарàкъ 2-го, 7-го, 12-го, 17-го, 22-го и 27-го чиселъ называется *Ринчйнъ* (རིན་ཆེན་མཁའ་འགྲོ་), поэтому и человѣку, родившемуся въ одно изъ этихъ чиселъ, дается имя Ринчйнъ.

Гарàкъ 3-го, 8-го, 13-го, 18-го, 23-го и 28 чиселъ называется *Бадмà* (པད་མ་མཁའ་འགྲོ); поэтому и человѣку, родившемуся въ одно изъ этихъ чиселъ, дается имя Бадмà.

Гарàкъ 4-го, 9-го, 14-го, 19-го, 24-го и 29-го чиселъ называется *Лійчжй* (ལས་ཀྱི་མཁའ་འགྲོ); поэтому и человѣку, родившемуся въ одно изъ этихъ чиселъ, дается имя Лійчжй.

Гарàкъ 5-го, 10-го, 15-го, 20-го, 25-го и 30-го чиселъ называется *Санчжй* (སངས་རྒྱས་མཁའ་འགྲོ་); поэтому и человѣку, родившемуся въ одно изъ этихъ чиселъ, дается имя Санчжй.

Другой, также не рѣдко употребляемый способъ для опредѣленія имени есть усвоеніе новорожденному какъ имени названія той звѣзды, которая управляла днемъ его рожденія[1]). Жен-

---

1) Спеціалистамъ мы представляемъ здѣсь перечисленіе всѣхъ этихъ 28 звѣздъ съ показаніемъ ихъ монгольскихъ и тибетскихъ именъ, которыя даются и людямъ:

1-го числа монг. имя звѣзды [illegible] (отъ санскр. tchâitra, тиб. ཙཻ་ཏྲ).

2-го числа монг. имя звѣзды [illegible] (отъ санскр. çvati, тиб. ས་རིས་).

3-го числа монг. имя звѣзды [illegible] (отъ санскр. vaisâkha, тиб. ས་ག་).

4-го числа монг. имя звѣзды [illegible] (отъ санскр. anourâdhâ, тибетск. ལྷ་མཚམས).

5-го числа монг. имя звѣзды [illegible] (отъ санскр. djyechta, тиб. སྣྲོན་ཟླ་).

6-го числа монг. имя звѣзды [illegible] (отъ санскр. mûla, тиб. མུ་ལ་).

7-го числа монг. имя звѣзды [illegible] (отъ санскр. pûrvachadh'a, тибет. ཆུ་སྟོད་).

щинамъ имена даются по тѣмъ же правиламъ и основаніямъ, оттого женскія имена у монголовъ въ сущности нисколько не должны разниться отъ мужскихъ и дѣйствительно почти не разнятся отъ нихъ. Впрочемъ монгольскіе ламы, конечно уже самовольно, ввели въ обычай нѣсколько отличать имена женщинъ, переводомъ тибетскихъ именъ на языкъ монгольскій. Предположимъ напр., что 1-го числа извѣстнаго мѣсяца родились мальчикъ и дѣвочка. Лама, давая обоимъ этимъ новорожденнымъ имена по гараку, назоветъ перваго тибетскимъ, именемъ *Дорчжй*, а вторую *Очйръ*, каковое слово монголы усвоили себѣ съ санскритскаго для перевода слова—«дорчжй». 2-го числа, при тѣхъ же обстоятельствахъ лама даетъ новорожденному мальчику имя Ринчйнъ, а дѣвочку назоветъ Эрдэнй; получается такимъ образомъ два различныхъ имени, хотя въ сущности онй значатъ одно и тоже, ибо монгольское слово «эрдэнй» есть не что иное какъ пе-

---

8-го числа монг. имя звѣзды [illegible] (отъ санскр. uttarâchâdhâ тибет. ཆུ་སྨད་).

9-го числа монг. имя звѣзды [illegible] (отъ санскр. abhitchit, тибетск. བྱི་བཞིན་).

10-го числа монг. имя звѣзды [illegible] (отъ санскр. çrâvana, тибетское གྲོ་བཞིན་).

11-го числа монг. имя звѣзды [illegible] (отъ санскр. dhaniçta, тибетское མོན་གྲེ་).

12-го числа монг. имя звѣзды [illegible] (отъ санскр. çatabhicha, тибет. མོན་གྲུ).

13-го числа монг. имя звѣзды [illegible] (отъ санскр. pûrvabhadrapadâ, тибет. ཁྲུམས་སྟོད་).

14-го числа монг. имя звѣзды [illegible] (отъ санскр. uttarabhadrapadâ, тибет. ཁྲུམས་སྨད་).

15-го числа монг. имя звѣзды [illegible] (отъ санскр. rivati, тиб. ནམ་གྲུ་).

16-го числа монг. имя звѣзды [illegible] (отъ санскр. açwini, тибетское ཐ་སྐར).

реводъ тибетскаго «ринчи̂нъ». Безъ перевода въ этомъ случаѣ остается только наименованіе одного, послѣдняго гара̂ка — санчжи̂. Слово это въ переводѣ на монгольскій языкъ обозначаетъ «бурханъ»; но называть человѣка такимъ именемъ ламы считаютъ уже неудобнымъ, хотя и не стѣсняются давать ему тибетское имя того же значенія — «санчжи̂», иногда являющееся въ болѣе удлиненной формѣ «сангачжи̂».

Нельзя не замѣтить однако, что иногда ламы ухищряются давать имена и болѣе сложныя. При мнѣ, напр., у халхаскаго Тӯшѣтӯ ха̄на родилась дочь. По обычаю, на эти родины (милягӯдыйнъ хури̂мъ) собралась масса ламъ, приблизительно человѣкъ въ 200, или 250; всѣ они читали молебствія, когда же дошло дѣло до названія ребенка именемъ, то по собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что дѣвочка родилась въ мѣсячный гара̂къ луны (тиб. ཟླ་བ་ да-ва) и что имя звѣзды, правившей въ тотъ день, было

17-го числа монг. имя звѣзды [illegible] (отъ санскр. bharani, тиб. བྲ་ཉེ་).

18-го числа монг. имя звѣзды [illegible] (отъ санскр. kartika, тиб. ཀྲི་ཀ་).

19-го числа монг. имя звѣзды [illegible] (отъ санскр. rôhinî, тибетское སྣར་མ).

20-го числа монг. имя звѣзды [illegible] (отъ санскр. mârgaçira тибетское མགོ་ཟླ་).

21-го числа монг. имя звѣзды [illegible] (отъ санскр. ardrâ).

22-го числа монг. имя звѣзды [illegible] (санскр. также, тиб. ནབས་སོ་).

23-го числа монг. имя звѣзды [illegible] (санскр. pauchya, тиб. རྒྱལ་ཟླ་).

24-го числа монг. имя звѣзды [illegible] (отъ санскр. aslecha).

25-го числа монг. имя звѣзды [illegible] (отъ санскр. maghâ, тиб. མཆུ་).

26-го числа монг. имя звѣзды [illegible] (отъ санскр. pûrvaphalguni, тибетск. གྲེ་).

27-го числа монг. имя звѣзды [illegible] (отъ санскр. uttaraphalgunî, тибетскій སྣར་མ་དབོ་).

28-го числа монг. имя звѣзды [illegible] (отъ санскр. hasta, тиб. མེ་བཞི་).

Нарма (тиб. སྣྲང་མ་). Ламами рѣшено было въ имени дѣвочки смѣшать названіе гарȁка и звѣзды и такимъ образомъ, отдѣляя по одному слогу отъ того и другаго названія, они дали ей имя Данȁръ. Несомнѣнно, что такая искуственность въ образованіи именъ обосновывается на правилахъ буддійской астрологіи; но, по отзывамъ самихъ ламъ, они пользуются этими правилами рѣдко,—только для людей избранныхъ и высокородныхъ. Мнѣ нельзя было не повѣрить этимъ рѣчамъ, ибо съ одной стороны, я не зналъ ни одной простолюдинки, носящей сложное имя, а съ другой — мнѣ припомнилось, что и у нашихъ Калмыковъ тѣмъ же именемъ Данȁръ называлась младшая сестра хȁна Дондȕкъ-дашѝ, бывшая за-мужемъ за хошоутовскимъ владѣльцемъ Замьяномъ.

Одновременно съ симъ опредѣляется для новорожденнаго и геній — хранитель его существа: тотъ же цзурухȁйчи, по соображеніи стихіи года рожденія (чжилѝйнъ махамудȁръ), объявляетъ родителямъ, что ребенокъ ихъ будетъ находиться подъ покровительствомъ такого то божества, которому по преимуществу долженъ онъ молиться и котораго по преимуществу долженъ чествовать (шȕтȕчжѝ ябухȕ), чтобы избавиться отъ несчастій, могущихъ случиться въ жизни.

Въ зависимости отъ этого опредѣленія божества является еще и указаніе масти скотинъ, которыя будутъ доставлять счастіе новорожденному. Извѣстно, что, по представленіямъ буддистовъ, каждый изъ ихъ бурхановъ ѣздитъ на лошади особой масти; эта то масть и рекомендуется новорожденному для его блага. Если впослѣдствіи онъ будетъ богатымъ и захочетъ ради увеличенія и здоровья своихъ табуновъ посвятить одну лошадь богамъ (сэтэрлэхȕ), то онъ всегда долженъ посвящать именно лошадь указанной ему масти; если онъ будетъ бѣднякомъ, то, покупая лошадь, долженъ опять сообразоваться съ своею мастью, ибо, только ѣздя на такой лошади, онъ и можетъ быть счастливъ: Вотъ точная выписка относительно того какихъ бурхановъ должны чествовать и какихъ лошадей должны употреблять люди, родившіеся въ теченіе всего, признаваемаго монголо-буддистами шестидесятилѣтняго цикла.

1) Родившіеся въ годъ Эрэ-модòнъ-хулугунà[1]) должны чествовать бурхана Маньчжỳшри и имѣть буланую лошадь.

2) Родившіеся въ годъ Эмэ-модòнъ ỳхэ̀ръ д. ч. бурх. Ямандàга и имѣть голубовато-сѣрую лошадь (ᠬᠥᠬᠡ ᠪᠣᠷᠣ).

3) Родившіеся въ годъ Эрэ̀-гàлъ-бàрсъ д. ч. бурх. Очѝръвàни и имѣть черновато-сѣрую лошадь.

4) Родившіеся въ годъ Эмэ̀ гàлъ тỳлàй д. ч. бурх. Окѝнъ-тэнгрѝ и имѣть соловую съ лысиной лошадь.

5) Родившіеся въ годъ Эрэ̀ шорòй лỹ д. ч. бурх. Сѝдда и имѣть бѣлую лошадь.

6) Родившіеся въ годъ Эмэ̀ шорòй могòй д. ч. бурх. Амитабà и имѣть рыжую лошадь.

7) Родившіеся въ годъ Эрэ̀ тэмỳръ морѝнъ д. ч. бурх. Махагàла и имѣть гнѣдую съ лысиной лошадь.

8) Родившіеся въ годъ Эмэ̀ тэмỳръ хонѝ д. ч. бурх. Базàръ бадаранà и имѣть гнѣдую лошадь.

9) Родившіеся въ годъ Эрэ̀-усỳнъ-мэчѝнъ д. ч. бурх. Уснѝхабицзэѝ и имѣть голубую лошадь.

10) Родившіеся въ годъ Эмэ̀ усỳнъ-тахя̄ д. ч. бурх. Юмъ и имѣть голубовато-сѣрую лошадь.

11) Родившіеся въ годъ Эрэ̀ модòнъ нохòй д. ч. бурх. Маньчжỳшри и имѣть буланую лошадь.

12) Родившіеся въ годъ Эмэ̀ модòнъ гахàй д. ч. бурх. Базàръ бадаранà и имѣть гнѣдую лошадь.

13) Родившіеся въ годъ Эрэ̀ гàлъ хулугунà д. ч. бурх. Нидỳбэ̄ръ ỳцзэкчѝ и имѣть бѣлую лошадь.

14) Родившіеся въ годъ Эмэ̀ гàлъ ỳхэ̀ръ д. ч. бурх. Амитабà и имѣть рыжую лошадь.

15) Родившіеся въ годъ Эрэ̀-шорòй-бàрсъ д. ч. бурх. Хайнъ-рабà[2]) и имѣть голубую лошадь.

---

1) Полный переводъ этого цикла съ показаніемъ соотвѣтствующихъ ему годовъ христіанскаго лѣтосчисленія читатели найдутъ въ приложеніи къ нашему изданію «Монгольская лѣтопись «Эрдэнійнъ эрихэ».

2) Иначе Хаинкирвà, Хаягрѝва, тиб. Дамдѝнъ, или Дамрѝнъ.

16) Родившіеся въ годъ Эмэ̀ шоро̀й тӯла̀й д. ч. бурх. Усни̇хабицзэя̀ и имѣть голубую лошадь.

17) Родившіеся въ годъ Эрэ̀ тэму̇ръ лӯ д. ч. бурх. Нид̆у бэ̄ръ ўцзэкчѝ и имѣть бѣлую лошадь.

18) Родившіеся въ годъ Эмэ̀ тэму̇ръ мого̀й д. ч. бурх. Юмъ и имѣть голубовато-сѣрую лошадь.

19) Родившіеся въ годъ Эрэ̀-усу̇нъ-мори̇нъ д. ч. бурх. Намсара̀й и имѣть бѣлую лошадь.

20) Родившіеся въ годъ Эмэ̀-усу̇нъ-хонѝ д. ч. бурх. Усни̇хабицзэя̀ и имѣть голубую лошадь.

21) Родившіеся въ годъ Эрэ̀ модо̀нъ мэчи̇нъ д. ч. бурх. Аю̄ши и имѣть бѣлую лошадь.

22) Родившіеся въ годъ Эмэ̀ модо̀нъ тахя̄ д. ч. бурх. Уснирт̆у и имѣть соловую лошадь.

23) Родившіеся въ годъ Эрэ̀ га̀лъ нохо̀й д. ч. бурх. Амитаба̀ и имѣть рыжую лошадь.

24) Родившіеся въ годъ Эмэ̀ га̀лъ гаха̀й д. ч. бурх. Ма̀йдари и имѣть буланую лошадь.

25) Родившіеся въ годъ Эрэ̀ шоро̀й хулугуна̀ д. ч. бурх. Маньчжу̇шри и имѣть буланую лошадь.

26) Родившіеся въ годъ Эмэ̀ шоро̀й ўхэ̀ръ д. ч. бурх. Цэбэ̀къ (Аю̄ши) и имѣть рыжую съ лысиной лошадь.

27) Родившіеся въ годъ Эрэ̀ тэму̇ръ ба̀рсъ д. ч. бурх. Амитаба̀ и имѣть рыжую лошадь.

28) Родившіеся въ годъ Эмэ̀ тэму̇ръ тӯла̀й д. ч. бурх. Били̇къ бара̀митъ и имѣть соловую лошадь.

29) Родившіеся въ годъ Эрэ̀ усу̇нъ лӯ д. ч. бурх. Чжа̀тдамба и имѣть бѣлую лошадь.

30) Родившіеся въ годъ Эмэ̀ усу̇нъ мого̀й д. ч. бурх. Махага̀ла и имѣть гнѣдую съ лысиной лошадь.

31) Родившіеся въ годъ Эрэ̀ модо̀нъ мори̇нъ д. ч. бурх. Оки̇нъ тэнгрѝ и имѣть соловую съ лысиной лошадь.

32) Родившіеся въ годъ Эмэ̀ модо̀нъ-хонѝ д. ч. бурх. Ба̀нзара̀кша и имѣть соловую лошадь.

33) Родившіеся въ годъ Эрэ̀-га̀лъ-мэчи̇̀нъ д. ч. бурх. Били̇̀къ-бара̀митъ и имѣть соловую лошадь.

34) Родившіеся въ годъ Эмэ̀-га̀лъ-тахя̄ д. ч. бурх. Очи̇̀ръ-ва̀ни и имѣть черно-сѣрую лошадь.

35) Родившіеся въ годъ Эрэ̀ шоро̀й нохо̀й д. ч. бурх. Са̀йнъ цагі̇̀йнъ но̀мъ и имѣть соловую лошадь.

36) Родившіеся въ годъ Эмэ̀ шоро̀й гаха̀й д. ч. бурх. Маньч-жу̇̀шри и имѣть буланую лошадь.

37) Родившіеся въ годъ Эрэ̀ тэму̇̀ръ хулугуна̀ д. ч. бурх. Оки̇̀-саба̀ и имѣть бѣлую лошадь.

38) Родившіеся въ годъ Эмэ̀ тэму̇̀ръ у̇̄хэ̀ръ д. ч. бурх. Си̇̀дда и имѣть бѣлую лошадь.

39) Родившіеся въ годъ Эрэ̀ усу̇̀нъ ба̀рсъ д. ч. бурх. Амитаба̀ и имѣть рыжую лошадь.

40) Родившіеся въ годъ Эмэ̀ усу̇̀нъ тӯла̀й д. ч. бурх. Намсара̀й и имѣть бѣлую лошадь.

41) Родившіеся въ годъ Эрэ̀ модо̀нъ лӯ д. ч. бурх. База̀ръ-бадарана̀ и имѣть гнѣдую лошадь.

42) Родившіеся въ годъ Эмэ̀ модо̀нъ мого̀й д. ч. бурх. Намса-ра̀й и имѣть бѣлую лошадь.

43) Родившіеся въ годъ Эрэ̀ га̀лъ мори̇̀нъ д. ч. бурх. Хайнъ-раба̀ и имѣть голубую лошадь.

44) Родившіеся въ годъ Эмэ̀ га̀лъ хони̇̀ д. ч. бурх. Лӯйнъ-ха̀нъ и имѣть голубую лошадь.

45) Родившіеся въ годъ Эрэ̀ шоро̀й мэчи̇̀нъ д. ч. бурх. Очи̇̀ръ-ва̀ни и имѣть черно-сѣрую лошадь.

46) Родившіеся въ годъ Эмэ̀ шоро̀й тахя̄ д. ч. бурх. Бадма̀-ху̇̀читу̇̄ и имѣть вороную лошадь.

47) Родившіеся въ годъ Эрэ̀ тэму̇̀ръ нохо̀й д. ч. бурх. Ами-таба̀ и имѣть рыжую лошадь.

48) Родившіеся въ годъ Эмэ̀ тэму̇̀ръ гаха̀й д. ч. бурх. Ма-хага̀ла и имѣть гнѣдую съ лысиной лошадь.

49) Родившіеся въ годъ Эрэ̀ усу̇̀нъ хулугуна̀ д. ч. бурх. Били̇̀къ бара̀митъ и имѣть соловую лошадь.

50) Родившіеся въ годъ Эмэ̀ усу̀нъ у̀хэръ д. ч. бурх. Нидубэ̀ръ у̀цзэкчѝ и имѣть бѣлую лошадь.

51) Родившіеся въ годъ Эрэ̀ модо̀нъ ба̀рсъ д. ч. бурх. Оки̇̀нъ тэнгрѝ и имѣть соловую съ лысиной лошадь.

52) Родившіеся въ годъ Эмэ̀ модо̀нъ тӯла̀й д. ч. бурх. Махага̀ла и имѣть гнѣдую съ лысиной лошадь.

53) Родившіеся въ годъ Эрэ̀ га̀лъ лӯ д. ч. бурх. Номъ̇йнъха̄нъ и имѣть голубовато-сѣрую лошадь.

54) Родившіеся въ годъ Эмэ̀ га̀лъ могөй д. ч. бурх. Намсара̀й и имѣть бѣлую лошадь.

55) Родившіеся въ годъ Эрэ̀ шоро̀й мори̇̀нъ д. ч. бурх. Хайнъраба̀ и имѣть голубую лошадь.

56) Родившіеся въ годъ Эмэ̀ шоро̀й хонѝ д. ч. бурх. Махага̀ла и имѣть гнѣдую съ лысиной лошадь.

57) Родившіеся въ годъ Эрэ̀ тэму̀ръ мэчи̇̀нъ д. ч. бурх. Махага̀ла и имѣть гнѣдую съ лысиной лошадь.

58) Родившіеся въ годъ Эмэ̀ тэму̀ръ тахя̄ д. ч. бурх. Намсара̀й и имѣть бѣлую лошадь.

59) Родившіеся въ годъ Эрэ̀ усу̀нъ нохо̀й д. ч. бурх. Амитаба̀ и имѣть рыжую лошадь.

60) Родившіеся въ годъ Эмэ̀ усу̀нъ гаха̀й д. ч. бурх. Хайнъкирва̀ и имѣть голубую лошадь.

Какъ талисманъ, способный предохранить человѣка отъ могущихъ приключиться съ нимъ несчастій, ребенку, со дня совершенія надъ нимъ обряда омовенія, привязываютъ пять такъ называемыхъ *бӯ*, которыя потомъ онъ долженъ носить собственно въ теченіе всего перваго года, хотя обыкновенно этого и неисполняется, ибо привязанныя къ ребенку *бӯ* не болѣе какъ черезъ день, или два сползаютъ, отрываются и пропадаютъ. Эти пять дѣтскихъ *бӯ* по формѣ своей почти одинаковы. Они состоятъ собственно изъ пяти отдѣльныхъ клочковъ бумажки, на каждомъ изъ которыхъ начертываются фигуры двухъ, перекрещивающихся очи̇̀ровъ и надписываются соотвѣтствующія та̀рни; бумажки эти свертываются потомъ квадратнымъ четырехъ-угольникомъ, зашиваются въ лоскутокъ матеріи и въ этомъ видѣ привѣшиваются.

Положеніе, которое занимаютъ *бу* на тѣлѣ ребенка, слѣдующее: одно *бу*, зашитое въ матерію краснаго цвѣта, одѣвается на шею, — на немъ, помимо общаго всѣмъ пяти *бу* изображенія двухъ, взаимно перекрещивающихся очировъ, начертывается тарнистическая формула: «омъ-сомъ-я-бамъ-хумъ-ди-хумъ-хо-ри»; два *бу*, зашитыя въ матерію бѣлаго цвѣта, привязываются къ рукамъ, при чемъ на *бу* правой руки пишутся та̀рни «омъ-суди-лэ-му-ни-хумъ-ри-содъ-содъ», а на *бу* лѣвой руки — та̀рни: «омъ-зэнъ-са-мадъ-ни-хумъ-ри-хумъ-бамъ-ха»; два *бу*, зашитыя въ матерію желтаго цвѣта, привязываютъ къ ногамъ, написанныя же на нихъ та̀рни звучатъ для правой ноги: «омъ-сри-хумъ-са-а-судамъ-омъ-суба-падъ», а для лѣвой — «накъ-рикъ-ди-бамъ-хумъ-да-часа-омъ-му-ли-са». По прошествіи года дѣтскія *бу* должно смѣнять и тогда они замѣняются однимъ, такъ называемымъ «ба̀нза-ра̀кшайнъ *бу*». Это также клочекъ бумажки съ начертанными на немъ словами молитвы и тарнистическими изрѣченіями; онъ зашивается въ какую либо матерію краснаго, или желтаго цвѣтовъ и носится на груди на подобіе того, какъ христіане носятъ крестъ. Молитвы и тарнистическія изрѣченія ба̀нза-ра̀кшаинъ бӯ бываютъ весьма различны въ силу различія самаго ихъ назначенія. Въ сочиненіи Га̄-чжа̄ма, составленномъ бодисатвою Дурма̀ мунру̀мъ, хубилганомъ Оточѝ, или Ма̀нлайнъ бурхана, подробно разказывается о существованіи въ мірѣ 360 злыхъ духовъ, 404-хъ болѣзней, и 80,000 препятствій ([illegible]), мѣшающихъ человѣку проводить жизнь счастливо и вѣрнымъ путемъ идти къ совершенствованію своего духа. Какъ средство, подавляющее силы этихъ духовъ, болѣзней и препятствій, является бӯ. Соображая годъ, мѣсяцъ, день и часъ рожденія ребенка, цзуруха̀йчи опредѣляетъ, какіе именно духи могутъ имѣть вліяніе на судьбу новорожденнаго, какимъ можетъ онъ подвергнуться болѣзнямъ, какія препятствія къ совершенствованію себя, могутъ встрѣтиться ему въ жизни. Для подавленія каждаго изъ этихъ духовъ, каждой болѣзни, каждаго препятствія есть свои особыя молитвы и та̀рни, иногда заключающіяся только въ одномъ словѣ. Эти то та̀рни, сообразно участи каждаго отдѣльнаго

лица и пишетъ цзурухайчи, приготовляя бў для каждаго монгола буддиста. Такъ какъ бумажное и зашитое въ клочекъ холстины бàнза-рàкшаинъ бў скоро изнашивается, то каждый монголъ мѣняетъ его почти ежегодно. На этотъ конецъ цзурухàйчи назначаютъ при себѣ особыхъ учениковъ, на обязанности которыхъ состоитъ писать бў. Богатые вмѣсто бў съ начертанными на нихъ тàрни, носятъ небольшіе золотые и серебрянные складни, въ которые вставляется рисованное изображеніе ихъ генія хранителя вмѣстѣ съ изображеніемъ того бурхана, хубилганомъ котораго этотъ геній хранитель почитается.

Читатели помнятъ конечно, что большая часть дѣтей мужескаго пола лѣтъ четырехъ, пяти, или шести, принимаетъ у монголовъ обѣты бàньди (гэнйн'а); это обстоятельство вынуждаетъ каждаго монгола, имѣющаго сына, соотвѣтствующаго возраста, призывать къ себѣ ламъ для совершенія надъ нимъ должныхъ обрядовъ. Такъ какъ обряды эти уже были описаны нами въ главѣ о духовенствѣ, то, обходя ихъ, мы перейдемъ къ слѣдующимъ въ хронологическомъ порядкѣ обрядамъ, называемымъ «мэнгэйнъ цзасàлъ и чжилийнъ оролгòнъ».

Обрядъ мэнгэйнъ цзасàлъ, какъ было уже сказано выше, совершается надъ каждымъ человѣкомъ во всю его жизнь періодически черезъ девять лѣтъ, т. е. на 9-мъ, 18-мъ, 27-мъ, 36-мъ и т. д. годахъ его возраста. О происхожденіи этого обряда ламы разказываютъ слѣдующую легенду. Въ Индіи проживалъ когда-то въ древности хāнъ, по имени Накбò. У него было 5 сыновей и одна дочь; блестящій дворецъ его былъ поразителенъ по своей высотѣ и по своей обширности; чиновники у этого хāна отличались глубиною мудрости въ управленіи дѣлами и старались превзойти другъ друга въ милосердіи къ народу. Накбò-хāнъ по рожденію своему принадлежалъ къ году барса. Но вотъ наступилъ годъ дракона, въ который хāну исполнилось 27-мь лѣтъ и все перемѣнилось: что ни предпринималъ хāнъ, ничего ему не удавалось; семья заболѣла, высокій дворецъ началъ осѣдать и какъ бы опускаться въ землю, наконецъ и самъ хāнъ началъ помрачаться въ разсудкѣ. Однажды, пришедши въ себя, началъ онъ

искать выхода изъ бѣдъ, сталъ на молитву и молился до тѣхъ поръ, пока заснулъ. Во снѣ слышитъ онъ голосъ: «ха̄нъ, то, что не спорится у тебя ни какое дѣло и что со всѣхъ сторонъ сыплются на тебя бѣды, происходитъ отъ того, что попалъ ты подъ девять глазъ годовыхъ и подъ девять глазъ коровьихъ (чжилі̀йнъ йэсу̊нъ нюду̊нъ, у̊ху̊рьі̀йнъ йэсу̊нъ ниду̊н'ду орохсо̀ни тула̀). Къ востоку отъ тебя живетъ повелитель черныхъ китайцевъ ([illegible]), хубилганъ Гуйсцзэ'я. Пошли къ нему своего высшаго чиновника, пригласи его, поднеси ему въ подарокъ золота, поднеси ему ко рту золотое питье и попроси его сжечь всѣ несчастія твоего существа». Проснувшись, ха̄нъ поступилъ по этому приказу: пригласилъ Гуйсцзэ̀'ева хубилгана, и попросилъ его сжечь свои несчастія. По окончаніи церемоніи хубилганъ Гуйсцзэ̀'я снова повторилъ ха̄ну, что всѣ его несчастій происходили съ глазу и завѣщалъ повторять обрядъ очищенія несчастія черезъ девять лѣтъ. Нынѣ при совершеніи этого обряда читается особая молитва, называемая «мэнгэйнъ го̄лъ» и принадлежащая къ отдѣлу йёро̄лей. Въ ней испрашивается человѣку счастіе и благоденствіе во всемъ, что относится до его нравственнаго и физическаго существованія; всѣ благожеланія раздѣляются на 108 отдѣловъ и каждый отдѣлъ заключается произнесеніемъ особыхъ тарни. По прочтеніи йёро̄л'я, человѣка, надъ которымъ совершается обрядъ, омываютъ «чо̀йгьі̀йнъ усу̊», послѣ чего читаются еще двѣ молитвы, извѣстныя подъ именами «Чжана̀къ гакду̊нъ» и «На̀йманъ гэгэ̀нъ».

Послѣдняя молитва почитается самою основною молитвою для отгнанія отъ человѣка всякаго рода жизненныхъ препонъ и несчастій, хотя содержаніе ея въ сущности весьма немногосложно. Вся молитва состоитъ изъ призыванія разнаго рода существъ и геніевъ, которыми населилъ буддизмъ весь видимый и невидимый міръ и которыя, по вѣрованіямъ его, имѣютъ вліяніе на судьбу человѣка. Такимъ образомъ въ этой молитвѣ послѣ обычныхъ поклоненій буддѣ начинается общее призваніе геніевъ, обитающихъ на небѣ, въ воздухѣ, на землѣ и въ водѣ и всѣхъ ихъ вообще умоляютъ придти и отнестись дружественно къ ми-

лостынедателю (имя рекъ), на которымъ совершаетяс обрядъ. Засимъ начинаются частныя призыванія этихъ существъ, для образца которыхъ мы приведемъ нѣсколько параграфовъ этой молитвы дословно:

«Дрѝти-ра̀штра, — великій Махара̀нцза тэнгрѝ, Вирута̀ки — великій Махара̀нцза тэнгрѝ, Вирупа̀кши — великій Махара̀нцза тэнгрѝ, Вайсрава̀ни — великій Махара̀нцза тэнгрѝ, великій тэнгрѝ — хранитель странъ, великій тэнгрѝ На̀нти-ка̀рти тэнгрѝ, великій Эсруа̀ тэнгрѝ, великій Хормуста̀ тэнгрѝ, великій Маха-дэ̀ва тэнгрѝ, великій Ра̀ху тэнгрѝ, Великій Га̀риди тэнгрѝ, великій тэнгрѝ, отрѣшившійся отъ споровъ ([illegible]), великіе тэнгрѝ, находящіе радость въ превращеніяхъ, великіе семьнадцать тэнгріевъ, обитающіе въ мірѣ матеріальномъ ([illegible]), великіе четыре тэ̀нгрі̀я, обитающіе въ мірѣ безформенномъ ([illegible]) и всѣ прочіе тэнгрѝ соизвольте придти въ дружество съ милостынедателемъ (имя рекъ); соизвольте сдѣлать его мирнымъ, благополучнымъ и здоровымъ».

«Великій повелитель драконовъ, охраняющій царскій родъ; великій повелитель драконовъ, охраняющій родъ простолюдиновъ; великій повелитель драконовъ, охраняющій родъ браминовъ; великій повелитель драконовъ, охраняющій родъ чанда̀ла; великій повелитель драконовъ, — сынъ обладающаго обширными богатствами; великій повелитель драконовъ, охраняющій раковины ([illegible]), великій повелитель драконовъ Па̀дма; великій повелитель драконовъ-геніевъ воды, и всѣ прочіе великіе повелители драконовъ; великій повелитель драконовъ, именуемый сторотымъ и тысяче-глазымъ, великій повелитель драконовъ и властитель трехъ міровъ со своими товарищами, и прочіе повелители драконовъ, именуемые радостными и всерадостными, всѣ вы соизвольте придти въ дружество съ милостынедателемъ (имя рекъ); соизвольте сдѣлать его мирнымъ, благополучнымъ и здоровымъ».

Подобнымъ образомъ идутъ обращенія къ геніямъ покровителямъ a) гара̀к'овъ, b) ку̀ли̇л'овъ, c) къ восьми бодисатвамъ,

устрояющимъ безмятежіе человѣческой жизни, и d) къ шестидесяти геніямъ, покровителямъ каждаго изъ годовъ шестидесятилѣтняго цикла. Къ послѣднимъ, помимо обычной просьбы придти нъ дружество съ милостынедателемъ и сдѣлать его благополучнымъ и здоровымъ, обращается еще молитва, чтобы въ теченіе послѣдующаго времени своего правленія они не низпускали бы на милостынедателя эрликовъ гацзарыйнъ эцзэна, не посылали бы на него никакихъ жизненныхъ несчастій, но положили бы въ его жизни начало къ пріобрѣтенію славы и блаженства тэнгріевъ. Это моленіе заключается произнесеніемъ тàрни «Омъ-гили-гили-тили-тили-хумъ-падъ-ати-бадили-хумъ-падъ-сваха.

Послѣ сего слѣдуютъ снова призыванія, обращенныя прежде всего къ владыкамъ семи созвѣздій восточной стороны, во главѣ которой полагается созвѣздіе плеяды (бэчѝ); потомъ къ семи владыкамъ созвѣздій южной стороны, во главѣ которыхъ полагается созвѣздіе хошигӯнъ (?); потомъ къ семи владыкамъ созвѣздій западной стороны, во главѣ которыхъ поставляется созвѣздіе цзабсàръ тэнгрѝ (?); наконецъ къ владыкамъ семи сѣверныхъ созвѣздій, во главѣ которыхъ поставляется созвѣздіе — Мунъкирѝ; всѣхъ ихъ также точно просятъ придти въ общеніе съ милостынедателемъ и помогать ему. Въ противность сему тѣ звѣзды, подъ лучемъ свѣта которыхъ не спорится работа, получается несчастное возрожденіе, совершается смерть людей и проч., просятъ никогда не бросать своихъ лучей на того, который съ благоговѣніемъ принимаетъ этотъ религіозный обрядъ.

Еще далѣе слѣдуютъ призыванія къ геніямъ владыкамъ a) снѣжныхъ горъ, b) черныхъ (т. е. не покрытыхъ снѣгомъ) горъ, c) ровныхъ пространствъ и степей, d) лѣсовъ, e) большихъ рѣкъ, f) морей на малыхъ озеръ, — всѣхъ ихъ также просятъ объ устроеніи блага и счастія молящагося. Заканчивается эта молитва произнесеніемъ многочисленныхъ заклинаній всѣхъ этихъ геніевъ исполнить просьбу и принять приносимый имъ по этому случаю балѝнъ.

По окончаніи чтенія «Нàйманъ гэгэ̀нъ», какъ при совершеніи мэнгэ̀йнъ цзасàлъ, такъ и при служеніи чжилѝнъ орол̀гòнъ, со-

вершается еще обрядъ, извѣстный подъ именемъ «дзолйкъ гархаў». Для совершенія его какъ необходимую принадлежность приготовляютъ землю, взятую съ девяти горъ, песокъ со дна большой рѣки и землю съ могилы покойника; затѣмъ приготовляютъ еще девять дощечекъ съ нарисованными на нихъ изображеніями девяти эрлйковъ, наконецъ девять черныхъ и девять бѣлыхъ камней. Самъ лама дѣлаетъ изъ тѣста небольшое изображеніе человѣка и одѣваетъ эту фигурку во всѣ тѣ одежды, которыя долженъ по своему общественному положенію носить тотъ, за счастіе котораго совершается обрядъ. Фигурка эта называется дзолйкъ; она долженствуетъ знаменовать собою именно того человѣка, который совершаетъ надъ собою мэнгэйнъ цзасалъ, или чжилійнъ оролгонъ. Когда все это будетъ готово, у лѣвой стѣны юрты разстилаютъ двѣ овчины, одну — бѣлую, а другую — черную. На послѣдней сажаютъ человѣка, надъ которымъ совершается обрядъ, а впереди его ставятъ дзолйка. Отъ этой черной овчины по направленію къ правой стѣнѣ, къ тому мѣсту, гдѣ сидитъ совершающій обрядъ лама, разстилаютъ бѣлую кошму и поперегъ ея дѣлаютъ девять дорожекъ изъ вышепомянутой земли, взятой съ девяти горъ, дна большой рѣки и изъ могилы. У каждой такой дорожки ставится по одной дощечкѣ съ изображеніемъ эрлйка. Обрядъ начинается чтеніемъ молитвы, основное содержаніе которой составляетъ изложеніе девяти главнѣйшихъ причинъ смерти человѣка, съ просьбою избавить милостынедателя (имя рекъ), надъ которымъ совершается обрядъ, отъ каждой изъ этихъ причинъ. Окончивъ чтеніе каждаго изъ отдѣловъ, лама бросаетъ чернымъ камешкомъ въ дзолйка, и, прося, чтобы черная стрѣла смерти упала бы именно на дзолйка, произноситъ тàрни; потомъ бѣлымъ камешкомъ бросаетъ въ человѣка и произноситъ новыя тàрни, которымъ приписывается чудотворная сила сообщать человѣку бѣлый лучъ жизни. По прочтеніи такимъ образомъ перваго отдѣла, человѣкъ, надъ которымъ совершается обрядъ, встаетъ съ черной овчины и, перешагнувъ черезъ одну изъ дорожекъ, намѣченныхъ посыпанной землею, произноситъ: «я перешагнулъ черезъ одинъ перевалъ, ушелъ отъ одной смерти»

([illegible]). За симъ начинается чтеніе втораго отдѣла, и по окончаніи его новое бросаніе камней и новое перешагиваніе черезъ одну дорожку. Такъ до девяти разъ пока ни будутъ пройдены всѣ дорожки. Прошедши ихъ, человѣкъ, надъ которымъ совершается обрядъ, поворачивается на правую сторону и, возвратившись назадъ къ своему сѣдалищу у лѣвой стѣны, садится уже на бѣлую овчину. Вслѣдъ за симъ къ нему приближается лама. Онъ беретъ дзолѝка и, произнося тàрни, трижды оборачиваетъ его противъ солнца надъ головою милостынедателя; за симъ опускаетъ дзолѝка къ лицу милостынедателя, тотъ три раза плюетъ на него. Окончивъ это, лама передаетъ дзолѝка прислужникамъ и начинаетъ снова произносить тàрни, учащенно хлопая въ ладоши. Въ это время дзолѝка выносятъ и бросаютъ въ степь, а человѣка, надъ которымъ совершался обрядъ, окропляютъ аршàномъ. Этимъ обрядъ и оканчивается.

Таково служеніе обряда мэнгэ̀йнъ цзасàлъ обычное, т. е. когда послѣдующіе девять лѣтъ жизни человѣка не осложняются никакими особенно несчастными обстоятельствами, оградить отъ которыхъ и составляетъ цѣль совершенія обряда. Но должно замѣтить, что среди 60-ти лѣтняго цикла находятся еще четыре черныхъ или несчастныхъ года, это—21-годъ цикла, называемый хухэ̀ модòнъ мэчѝнъ; 28-й,—называемый Цагахчѝнъ тэму̀ръ ту̀лàй; 30-й, — называемый харахчѝнъ усу̀нъ могòй и 36-й,—называемый Шарахчѝнъ шорòй гахàй. Если въ числѣ послѣдующихъ девяти лѣтъ жизни человѣка, надъ которымъ совершается обрядъ, случится хотя бы то и одинъ изъ указанныхъ годовъ, то служеніе мэнгэ̀йнъ цзасàлъ, для исправленія несчастій собственно этого года, осложняется еще слѣдующимъ обрядомъ. На ближайшей изъ прилежащихъ къ юртѣ проѣзжихъ дорогъ ламы дѣлаютъ изъ песку, или изъ пыли небольшое возвышеніе, покрываютъ его хадакомъ, а на хадакѣ ставятъ дурмà, кладутъ девять драгоцѣнностей, девять сортовъ различной пищи и одну лампаду. По четыремъ сторонамъ возвышенія втыкаютъ четыре ху̀чжѝ. Изъ муки приготовляютъ изображеніе человѣка и въ сре-

дину его кладутъ бумажку съ написаннымъ именемъ человѣка и годомъ его рожденія (напр. Лійчжй, родившійся въ годъ хонй). Въ сторонѣ отъ возвышенія ставятъ одно животное (лошадь, корову, или овцу) непремѣнно черной масти, а у ногъ этого животнаго кладутъ полный костюмъ человѣка, надъ которымъ совершается обрядъ, нарошно приготовляемый для сего обряда изъ матеріи чернаго цвѣта. Самого виновника обряда сначала омываютъ Чойгы̆йнъ усў, а потомъ надѣваютъ на него бѣлую одежду и даютъ ему въ руки чашку, наполненную хлѣбными сѣменами. Служеніе состоитъ изъ чтенія Нӑйманъ гэгэнъ, ўлдзэй-дабхўръ, Сая̆-нинъ-бӑ, Окто̆рго̆йнъ цзўрўхэнъ, Сиддидў и Билйкъ барӑмитъ. При чтеніи йо̆ро̆лей, входящихъ въ составъ каждой изъ этихъ молитвъ, человѣкъ, надъ которымъ совершается обрядъ, долженъ подбрасывать вверхъ хлѣбныя зерна, которыя онъ держитъ въ рукахъ. По окончаніи хурӑла, приготовленное возвышеніе тотчасъ же срывается, а приносимыя жертвы, равно какъ стоящее при обрядѣ животное и лежащее здѣсь платье поступаютъ въ награду ламамъ.

Обрядъ «Чжилі̆йнъ оролго̆нъ» совершается надъ монголомъ-буддистомъ періодически черезъ двѣнадцать лѣтъ, т. е. въ годовщину того циклическаго знака, въ который каждый родился. Обрядъ совершается собственно ради испрошенія человѣку долгоденствія и отгнанія причинъ его смерти, которыхъ почитается такъ много, что, по отзыву буддистовъ, не помѣстится и на бумагѣ, если описывать ихъ всѣ ([illegible]) Богослуженіе совершается въ степи. Въ землю втыкаютъ палку, гладко выточенную и высотою нѣсколько больше маховой сажени; посрединѣ ея привязываютъ шелковую нитку краснаго цвѣта, а на верхушку надѣваютъ шапку, нарошно сшиваемую къ обряду, изъ заячей кожи. Относительно этой кожи существуетъ то постановленіе, что къ ней не должны были прикасаться собачьи зубы, почему зайца, изъ шкуры котораго приготовляютъ шапку обряда чжилі̆йнъ оролго̆нъ, непремѣнно стрѣляютъ, а не охотятся на него съ собаками. За симъ на особомъ клочкѣ бумаги пишутъ имя человѣка, надъ которымъ совершается обрядъ, а

равно названіе его рода и кости; бумажку эту зашиваютъ въ бѣлый, шерстяной мѣшочекъ и привязываютъ къ палкѣ. Впереди палки разстилаютъ бѣлый, полотняный платокъ, на которомъ тушью очерчивается кругъ, а въ этомъ кругу пишутся наименованія животныхъ двѣнадцатилѣтняго цикла въ слѣдующемъ порядкѣ: на сѣверной сторонѣ—года свиньи и мыши; на сѣверо-восточной—коровы; на восточной—барса и зайца; на юго-восточной—дракона; на южной—змѣи и лошади; на юго-западной—овцы; на западной—обезьяны и курицы; на сѣверо-западной собаки. Потомъ приготовляютъ изъ тѣста фигурныя изображенія этихъ двѣнадцати циклическихъ животныхъ и каждую фигурку ставятъ на ея надписи; при этомъ наблюдаютъ еще, чтобы привязанный къ палкѣ мѣшочекъ съ именемъ человѣка, за котораго совершается обрядъ, былъ обращенъ именно къ фигуркѣ того животнаго, которое знаменуетъ годъ его рожденія. Помимо сего дѣлаютъ изъ того же тѣста изображеніе тэнгрія—повелителя годовъ, извѣстнаго подъ именемъ Тэ̀съ-ха̄на и фигурку его сажаютъ верхомъ на фигурку того года, въ который человѣкъ родился. Въ срединѣ круга, образуемаго двѣнадцатью животными, кладутъ девяти сортовъ яства и девять драгоцѣнностей; сбоку же платка кладутъ чулокъ съ лѣвой ноги и гашникъ отъ штановъ человѣка. На южной сторонѣ платка ставятъ еще лампады (зула̀), количество которыхъ должно соотвѣтствовать числу лѣтъ человѣка; по окончаніи хура̀ла эти лампады бросаютъ въ ту сторону, гдѣ, по указаніямъ цзурухàйчи, обитаютъ пять читку̀ровъ человѣка, надъ которымъ совершается обрядъ. Чтеніе составляютъ двѣ молитвы: ўлцзэй-дабху̀ръ и Найманъ гэгэ̀нъ.

Послѣ совершенія обрядовъ мэнгэйнъ цза̀са̀лъ и чжилі̀инъ оролго̀нъ, почти каждому монголу лама является необходимымъ при совершеніи свадебнаго обряда. Слѣдуетъ замѣтить, что участіе ламъ при свадьбахъ чаще замѣчается у богатыхъ, чѣмъ у бѣдныхъ: у богатыхъ ламы помимо разрѣшенія вопроса о возможности брака, совершаютъ еще гўрюмы, отправляютъ свадебный обрядъ, служатъ молебствіе, когда ставятъ особую юрту для новобрачныхъ, освящаютъ эту юрту въ первый день пребы-

ванія въ ней новобрачныхъ,—ничего этого не бываетъ у бѣдныхъ; но ни бѣдные, ни богатые не могутъ обойтись безъ совѣщанія съ ламами о возможности брака и о назначеніи дня для совершенія онаго. Каждый монголъ, намѣреваясь женить своего сына и намѣтивъ для него невѣсту, непремѣнно отправляется въ монастырь къ цзурухайчи и спрашиваетъ его, возможенъ ли предполагаемый бракъ. Цзурухайчи подробно распрашиваетъ о лѣтахъ жениха и невѣсты, о годѣ, мѣсяцѣ и днѣ ихъ рожденія, объ ихъ именахъ, отличительныхъ примѣтахъ и всѣ эти показанія соображаетъ съ показаніями астрологическихъ священныхъ книгъ. При этомъ оказывается иногда, что судьба подлежащихъ двухъ лицъ такъ различна, что соединить ихъ было бы положительнымъ несчастіемъ, бракъ въ этомъ случаѣ конечно не возможенъ; по большей части однако случается, что однѣ примѣты жениха и невѣсты предвѣщаютъ имъ взаимное счастіе, а другія, напротивъ, рисуютъ имъ невзгоды въ жизни. При такихъ обстоятельствахъ цзурухайчи даетъ разрѣшеніе на бракъ, но предупреждаетъ, что для устраненія могущихъ быть такихъ-то и такихъ-то несчастій, необходимо отслужить такіе-то и такіе-то гурюмы. Молебствій этого рода множество: одни предотвращаютъ безплодіе, другіе—смертность дѣтей, третьи—рожденіе однѣхъ только дѣвочекъ, четвертые—главенство жены надъ мужемъ, пятые удаляютъ болѣзни, шестые — бѣдность, седьмые — падежъ скота и т. д. и т. д. По совершеніи этихъ гурюмовъ, монголъ снова отправляется къ цзурухайчи, чтобы узнать отъ него счастливый день для свадьбы и обстоятельства, при которыхъ она должна быть совершена. Цзурухайчи опять соображаетъ возрастъ жениха и невѣсты, годы, мѣсяцы и дни ихъ рожденія съ показаніями астрологическихъ священныхъ книгъ. Главнѣйшія данныя для опредѣленій дня свадьбы извлекаются изъ 23-й главы Вайдурья-карпо и сообразно указаній этого же сочиненія цзурухайчи опредѣляетъ какъ всѣ побочныя обстоятельства, такъ и то какой номъ долженъ быть прочитанъ при совершеніи брачнаго обряда.

Что касается этихъ побочныхъ обстоятельствъ при свадьбѣ, то они состоятъ: а) въ выборѣ часа, въ который должна невѣста

выѣхать изъ своего дома и пріѣхать въ домъ жениха; б) въ указаніи мужчины, который долженъ сажать невѣсту на лошадь; в) въ опредѣленіи масти лошади, на которой невѣста должна ѣхать и г) въ указаніи «приносящаго счастіе и святость» человѣка ([illegible]), который долженъ перевести невѣсту черезъ порогъ жениховой юрты. Въ частности, выборъ часа, въ который невѣста должна выѣхать изъ своего дома, обусловливается положеніемъ на небѣ тѣхъ двѣнадцати свѣтилъ, которыя управляютъ жизнью каждаго человѣка; необходимо, чтобы на путь невѣсты не бросали своихъ лучей тѣ звѣзды, подъ вліяніемъ свѣта которыхъ совершается ея несчастіе и напротивъ она можетъ ѣхать только тогда, когда ей будетъ сопутствовать ея счастливая звѣзда, — только съ восходомъ этой звѣзды можно сажать невѣсту на лошадь для переправы къ жениху, что совершается особымъ человѣкомъ, который стоитъ къ невѣстѣ въ извѣстномъ отношеніи по годамъ рожденія и потому называется ея «ибэ̄ль» ([illegible]). Слово «ибэ̄ль» нѣсколько не точно передается въ нашихъ словаряхъ словомъ «сверстникъ»; но это послѣднее означаетъ однолѣтка, ибэ̄ль же бываетъ всегда или на четыре, или на восемь лѣтъ старше. Такимъ образомъ для человѣка, родившагося въ годъ мыши, ибэ̄ль будетъ въ человѣкѣ, родившемся въ годъ зайца и курицы; къ году коровы ибэ̄ль — годъ дракона и собаки и т. д. весь двѣнадцати лѣтній циклъ. Для опредѣленія масти лошади, на которой должна ѣхать невѣста, служитъ уже представленный выше шестидесяти-лѣтній циклъ съ указаніемъ соотвѣтствующихъ каждому году бурхановъ и ихъ лошадей; невѣста должна ѣхать на лошади, соотвѣтствующей году ея рожденія. Наконецъ опредѣленіе «приносящаго счастье и святость» человѣка, который долженъ перевести невѣсту черезъ порогъ жениховой юрты, обусловливается также годами рожденія невѣсты. Точнѣе, для опредѣленія его, двѣнадцати-лѣтній циклъ въ его послѣдовательномъ порядкѣ разбивается на три части, по три года въ каждой, и четвертый годъ будетъ годомъ человѣка «приносящаго счастіе и святость»; такимъ образомъ для невѣстъ, родившихся въ 1-й, 2-й и 3-й годъ цикла, человѣкомъ «принося-

щимъ счастіе и святость» будетъ родившійся въ 4-мъ году; для родившихся въ 5-й, 6-й и 7-й годъ цикла — родившійся въ 8-мъ году; для родившихся въ 9-й, 10-й и 11-й годъ цикла — родившійся въ 12-мъ году. Но понятно, что при такомъ дѣленіи было бы невозможно удовлетворить всѣхъ невѣстъ и дѣвицы, родившіяся въ года 4-й, 8-й и 12-й года, не имѣли бы для себя «приносящихъ счастіе и святость»; на этотъ конецъ означенные годы поставляются на второе мѣсто послѣдующаго порядка. По сему формула о человѣкѣ «приносящемъ счастіе и святость», излагается такъ:

Для невѣстъ, родившихся въ 1-мъ, 12-мъ, 2-мъ и 3 годахъ, человѣкъ, «приносящій счастіе и святость» есть родившійся въ 4-мъ году.

Для невѣстъ, родившихся въ 5-мъ, 4-мъ, 6-мъ и 7-мъ годахъ, человѣкъ, «приносящій счастіе и святость» есть родившійся въ 8-мъ году, и наконецъ.

Для невѣстъ, родившихся въ 9-мъ, 8-мъ, 10-мъ и 11-мъ годахъ, человѣкъ «приносящій счастіе и святость», есть родившійся въ 12-мъ году.

Что касается до чтенія нȯмовъ, отправляемаго при бракосочетаніи, то здѣсь читаются въ первыхъ мактȧлы тѣхъ бурхановъ, въ года которыхъ родились женихъ и невѣста, а потомъ еще особый йӧрӧ̄ль, спеціально составленный на случай бракосочетанія. Йӧрӧ̄ль этотъ называется «послѣдованіе поклоненія невѣсты» ([illegible]) и отправляется такъ:

Предварительно прибытія невѣсты въ юрту жениха, здѣсь открываютъ бурхановъ, среди которыхъ необходимо ставится изображеніе бурхана Аюши и передъ всѣми ними ставятъ лампаду и хӱчжѝ, а равно семь обычныхъ жертвъ. Помимо сего на особомъ столикѣ, въ красномъ углу, приготовляются жертвы «табу̇нъ хусэ̇ль», на этотъ разъ состоящія изъ маленькаго оловяннаго зеркала (толѝ); небольшой деревянной дудочки, мушкатнаго орѣшка, нѣсколькихъ кусочковъ леденцоваго сахара и клока шелковой матеріи, или шелковаго хадака. Къ этому присоединяется еще блюдо съ растопленнымъ масломъ, или курдючнымъ

жиромъ, разрѣзаннымъ кусочками. Все это назначается въ жертву богу огня, а потому и не ставится передъ бурханами. По прибытіи невѣсты, ее сажаютъ вмѣстѣ съ женихомъ у порога, а ламы начинаютъ сначала читать йӧрӧли бурханамъ, окончивъ же ихъ приступаютъ къ обряду «поклоненія невѣсты». Первенствующій лама встаетъ съ своего мѣста и произноситъ слѣдующую рѣчь:

«Подобно тому какъ, начиная отъ временъ Маха̀-самадѝ-сэцэ̀нъ-ха̄на, впослѣдствіи владыка верховнаго, священнаго ученія Сронцза̀нъ-гамбо̀-ха̄нъ, святой повелитель Чинги̇̀съ-ха̄нъ и прочіе, многоразличные, большіе и малые ха̄ны, а равно и ихъ данники привозили невѣстъ отъ чужихъ, неродственныхъ очаговъ, совершали йӧрӧли при посредствѣ могущественныхъ и важныхъ особъ, устраивали нарочито большіе и радостные пиры и веселились въ полномъ безмятежіи,—нынѣ, послѣдуя всѣмъ старымъ обычаямъ, отцы и матери, соединившись въ своихъ намѣреніяхъ, испросили одобренія у всѣхъ родственниковъ и свойственниковъ, получили указанія отъ верховныхъ мудрецовъ, приготовили различные прекрасные дары и привезли эту, извѣстную своимъ благонравіемъ дѣвушку. Ее отправилъ въ путь ея ибэ̄ль по лѣтамъ и прибыла она, по волѣ предопредѣленія, въ счастливый часъ, исполненный превосходныхъ предзнаменованій. Въ настоящемъ мѣстѣ чрезвычайной радости эту дѣвушку встрѣтилъ человѣкъ, «приносящій счастіе и святость», онъ отворилъ (передъ нею) широкія, большія двери, онъ перевелъ ее черезъ высокій, большой порогъ. Пришелъ женихъ и теперь, посадивши ихъ обоихъ на урочное мѣсто и заставивъ ихъ нелицемѣрно преклонить колѣна передъ всѣмъ, что составляетъ предметъ нашихъ чествованій, мы, при обстоятельствѣ этого перваго поклоненія невѣсты, воспоемъ по обычаю».

(*При этомъ приглашеніи первенствующаго въ совершеніи обряда ламы̀, унзатъ немедленно начинаетъ, а прочіе участвующіе ла̀мы подхватываютъ слѣдующую молитву*).

«Спасительный лама и три драгоцѣнности, обладающіе чрезвычайными силами геніи-хранители священнаго ученія, чрез-

мѣрно просвѣщающій всѣхъ и все тэнгри огня съ своими сотоварищами, милосердуя, соизвольте придти сюда!

«Эту дѣвушку, пришедшую во благовременіи года и обладающую превосходными благожеланіями, мы преклоняемъ предъ руководительнымъ ламою-хранителемъ. Соизволь преподать ей благословеніе на всегдашнее довольство!

«Эту дѣвушку, пришедшую во благовременіи мѣсяца и обладающую нерушимыми благожеланіями, мы преклоняемъ предъ благопришедшимъ бурханомъ. Соизволь благословить ее быть полезною ханскому правленію!

«Эту дѣвушку, пришедшую во благовременіи дня и обладающую исключительно хорошими благожеланіями, мы преклоняемъ передъ верховымъ и высокимъ ученіемъ ([illegible]). Соизволь исполнить ее всякаго рода добродѣтелями!

«Эту дѣвушку, пришедшую во благовременіи часа и обладающую неизчислимыми благожеланіями, мы преклоняемъ предъ сонмомъ высокихъ хувараковъ. Соизволь сдѣлать ее нарочито счастливой и удачливой!

«Эту дѣвушку, пришедшую изъ урочища, въ которое пріятно ходить, и обладающую старинными, прекрасными благожеланіями, мы преклоняемъ предъ Акши бурханомъ,—руководителемъ. Соизволь пожаловать ей святость долголѣтія!

«Эту дѣвушку, пришедшую изъ мѣстъ, извѣстныхъ своимъ добрымъ правленіемъ и обладающую кроткимъ нравомъ, мы преклоняемъ предъ неудержимыми геніями-хранителями священнаго ученія. Соизвольте умирить все, что способно поставить ей препятствія къ доброй дѣятельности!

«Эту дѣвушку, введенную человѣкомъ, приносящимъ счастіе и святость и прибывшую съ разрѣшенія правителей, мы преклоняемъ передъ геніемъ хранителемъ имущества. Соизволь преподать ей полныя добродѣтель и счастіе!

Эту дѣвушку, пришедшую изъ всегда радостнаго урочища и обладающую прочнымъ спокойствіемъ, мы преклоняемъ передъ могущественнымъ геніемъ-хранителемъ огня. Соизволь обосновать ей распространяющееся во всѣ стороны благо!

При каждомъ этомъ отдѣльномъ стихѣ невѣста встаетъ съ своего мѣста и дѣлаетъ земной поклонъ; по окончаніи же поклоненій она садится рядомъ съ женихомъ, по правую сторону его; обоимъ имъ подаютъ баранью ляжку ([illegible])*, которую они обязаны принять и держать за края каждый правою рукою. Съ этого времени начинается принесеніе жертвъ собственно огню. Первенствующій при совершеніи обряда гэлӱнъ принимаетъ въ руки оловянное толй, а прочіе ламы поютъ:*

«Этотъ прекрасный предметъ, вполнѣ пріятный для зрѣнія мы приносимъ прекраснѣйшему тэ̀нгрію огня и приглашаемъ поклониться (ему невѣсту).—Да распространятся величіе и красота этой по истинѣ счастливой дѣвицы!» (*При этихъ словахъ невѣста дѣлаетъ поклонъ, а первенствующій бросаетъ въ огонь толи и беретъ съ жертвеннаго столика деревянную дудочку. Ламы поютъ*).

«Этотъ прекрасный инструментъ, издающій вполнѣ пріятные для слуха звуки, мы приносимъ могущественному тэ̀нгрію огня и приглашаемъ поклониться. (*Снова поклонъ невѣсты; первенствующій лама бросаетъ въ огонь дудочку и принимаетъ въ руки мушкатный орѣхъ; ламы между тѣмъ заканчиваютъ стихъ йӧрӧлемъ*): Да звучитъ добрая слава объ этой, обладающей прекрасною участью дѣвушкѣ»!

«Эту благовонную вещь, чрезвычайно пріятную для обонянія, мы приносимъ просвѣщающему мракъ тэ̀нгрію огня и приглашаемъ поклониться! (*Поклонъ невѣсты; первенствующій бросаетъ въ огонь мушкатный орѣхъ и принимаетъ въ руки кусочки сахара и другія пряности, а ламы заканчиваютъ стихъ йӧрӧлемъ*): Да будетъ въ совершенной милости у всѣхъ эта, имѣющая неотвратимыя, добрыя предопредѣленія дѣвушка!

«Эти прекрасныя яства, вполнѣ пріятныя для вкуса, мы приносимъ высочайшему генію огня и приглашаемъ поклониться. (*Поклонъ невѣсты; первенствующій лама бросаетъ въ огонь кусочки сахара и беретъ въ руки шелковую ткань; ламы между тѣмъ заканчиваютъ стихъ йӧрӧлемъ*): Да исполнится всѣми, какія только есть,

вещами и имуществами эта, имѣющая непоколебимую и прекрасную судьбу дѣвушка»!

«Эти шелковыя ткани, пріятныя на осязаніе, мы приносимъ мудрѣйшему тэнгрію огня и приглашаемъ поклониться. (*Поклонъ невѣсты; первенствующій лама бросаетъ въ огонь шелкъ, а ламы заканчиваютъ стихъ йорōлемъ*). Да исполнится прекраснѣйшихъ нарядовъ и украшеній эта дѣвушка, обладающая счастливою судьбою, по которой ей приноситъ удачу всякій подарокъ!

Принесши эти пять жертвъ, лама беретъ чашку съ растопленнымъ масломъ, а всѣ присутствующіе по пяти кусочковъ сала; ламы снова начинаютъ чтеніе:

«Могущественнѣйшій тэнгри огня вмѣстѣ съ своими товарищами, вкусивъ этихъ жертвъ, соизвольте преподать покой, миръ, блескъ, величіе, долгоденствіе, богатство и силы этимъ (имя рекъ) брачущимся! (*Первенствующій лама льетъ на огонь масло, а всѣ прочіе бросаютъ по кусочку сала*).

«Всѣ дѣла, клонящіяся къ ихъ спокойствію и прославленію, устрояйте мирно и легко; кротко и благопристойно жалуя ихъ своимъ дружествомъ, исполняйте во благое все, что они задумаютъ! (*Первенствующій снова льетъ въ огонь масло, а прочіе бросаютъ по кусочку сала*).

«Соизвольте навсегда исполнить ихъ единомыслія и здоровья, безграничнаго увеличенія рода, полнаго согласія въ дѣятельности съ священнымъ ученіемъ и всего добраго! (*Первенствующій снова льетъ масло, а прочіе бросаютъ по кусочку сала*).

«Небо и земля, представляя собою мудрость и средства, производятъ все доброе; подобно сему и эти двое (имя-рекъ), соединившись вмѣстѣ, да распространяютъ во кругъ себя добродѣтели! (*Первенствующій льетъ въ огонь масло, а прочіе бросаютъ по кусочку сала*).

«Солнце и луна, представляя собою мудрость и средства, постоянно освѣщаютъ своимъ свѣтомъ всю вселенную; подобно сему и эти двое (имя-рекъ), соединившись вмѣстѣ, да пребываютъ во вѣки въ чистотѣ! (*Первенствующій льетъ въ огонь масло, а прочіе бросаютъ по кусочку сала*.

Омъ-ма-хумъ, Омъ-ма-хумъ, Омъ-ма-хумъ».

Этимъ оканчивается при бракосочетаніи обрядъ религіозный.

Лѣтъ 35-ти, или 40-ка каждый монголъ если не принимаетъ обѣтовъ убаши̇, то уже непремѣнно налагаетъ на себя такъ называемый въ просторѣчіи «бацагы̇йнъ санваръ», т. е. обѣты поста, а на языкѣ ламъ имянующійся «на̇йманъ гэшигӯтӯ санва̇ръ» т. е. обѣтъ, состоящій изъ восьми членовъ. Собственно особаго посвященія при принятіи этого обѣта не существуетъ. Желающій исполнять бацагы̇йнъ санва̇ръ, долженъ только получить наставленіе и подробное указаніе отъ ламы о томъ, какъ должно принимать и выполнять обѣты, а за тѣмъ можетъ уже принимать этотъ обѣтъ по своей доброй волѣ и самъ просто передъ кумиромъ будды, когда хочетъ и на какое хочетъ время. Наставленія и подробныя указанія ламъ изучиваются при этомъ обыкновенно практически. Яснѣе сказать, если кто изъ монголовъ захочетъ принимать обѣты, онъ является къ ламѣ, сообщаетъ ему о своемъ желаніи и проситъ его руководства. Лама распрашиваетъ, какъ именно хочетъ исполнять обѣты его милостынедатель, ибо въ этомъ исполненіи бываетъ большая разница. Одни, и это будетъ громадное большинство монголовъ, принимаютъ обѣты поста такъ, чтобы выполнять ихъ каждый баца̇къ, или что тоже 8-го, 15-го и 30-го чиселъ каждаго мѣсяца; другіе обѣщаются держать постъ только въ дни великихъ праздниковъ (дуйчингы̇йнъ санва̇ръ); иные желаютъ наконецъ исполнять постъ только въ извѣстный день, разъ въ годъ. Въ первомъ случаѣ лама, приглашенный быть руководителемъ, ѣздитъ обыкновенно въ юрту своего милостынедателя въ каждый день баца̇ка, читаетъ съ своимъ милостынедателемъ молитву обѣтовъ и учитъ его всей обрядности до тѣхъ поръ, пока тотъ не изучитъ всего, что должно ему дѣлать; также поступаютъ во второмъ случаѣ; постники третьяго рода обыкновенно остаются въ юртѣ своего ламы руководителя, или приглашаютъ его къ себѣ на домъ и выучиваютъ молитву поста, и обрядъ исполненія его сразу. Принятіе и исполненіе этихъ обѣтовъ совершается такъ.

Желающій принять обѣтъ долженъ встать рано по утру,

вымыть себѣ руки до той степени, пока на нихъ будутъ видны всѣ черты, потомъ раскрыть находящееся въ его юртѣ изображеніе будды, приготовить жертвы и лампаду, наконецъ разуть ноги, стать шагахъ въ пяти отъ кумировъ, трижды поклониться и произнести:

«Омъ-сарва-та-та-га-та-идамъ-гуру-ратна-ман-да-ла-ганирья-да-я-ми. (При этихъ тàрни должно поднести бурхану мàндалъ). За тѣмъ ставъ на колѣна, сложивъ ладони на груди и представляя находящееся впереди изображеніе будды дѣйствительнымъ буддою, принимающій обѣтъ долженъ такъ подумать: «Я, услышавъ чистымъ сердцемъ, что будды говорили: «съ этой минуты пока не взойдетъ завтрашнее солнце, приму и сохраню обѣты поста ради блага всѣхъ одушевленныхъ существъ»; «пожелалъ подражать имъ». За симъ онъ произноситъ вслухъ:

«Я (имя рекъ) съ этого времени и пока живъ, вѣрую въ будду, высочайшаго изъ двуногихъ; вѣрую въ высочайшее ученіе, отрѣшенное отъ страстей; вѣрую въ сонмъ хувараковъ, — верховный изъ сонмовъ. Соблаговолите принять мнѣ съ этой минуты и пока не взойдетъ завтрашнее солнце обѣты восьмичленнаго поста!

(Эти слова принимающій обѣтъ долженъ произносить трижды, и когда скажетъ ихъ въ третій разъ, то долженъ думать, что онъ уже сподобился принять обѣты; а потому можетъ говорить такъ):

«Всѣ святые и побѣдители враговъ рѣшали въ теченіе всей своей жизни никогда не лишать жизни ни какихъ существъ и воздерживались отъ убійства. Такимъ же образомъ и я (имя рекъ) съ этого времени пока не взойдетъ завтрашнее солнце, порѣшивъ не лишать жизни существъ, буду воздерживаться отъ убійства. Въ этомъ первомъ членѣ (обѣтовъ) я послѣдую ученію святыхъ, изучу его, выполню его, совершу его. Кромѣ того всѣ святые и побѣдители враговъ рѣшали оставить на всю жизнь захватывать (присвоивать себѣ) то, что не дано, любострастіе, ложь, употребленіе вина изъ плодовъ и варенаго вина, пьянство и неосмотрительность, пляски, пѣніе, звуки радости и ликованія, привѣшиваніе украшеній, натираніе благовоніями и сидѣніе на

высокихъ сѣдалищахъ, безвременное принятіе пищи и отъ всего этого они воздерживались. Такимъ же образомъ и я (имя рекъ), начиная съ этой минуты и пока не взойдетъ завтрашнее солнце, рѣшилъ оставить захватъ того, что не отдано, любострастіе, ложь, фруктовое вино и вареное вино, пьянство и неосмотрительность, пляски, пѣніе, звуки радости и ликованія, привѣшиваніе украшеній, натираніе благовоніями, сидѣніе на высокихъ сѣдалищахъ и безвременное принятіе пищи; отъ всего этого я воздержусь и чрезъ сіе изучу наставленія святыхъ и побѣдителей враговъ, выполню ихъ, совершу ихъ».

Слова эти должно произнести три раза. Потомъ принявшій обѣты поста долженъ встать, снова сдѣлать три поклона, помолиться сколько онъ хочетъ, сѣсть на коверъ и размышлять о вѣрѣ. Вообще въ теченіе этого дня онъ долженъ ходить вокругъ священныхъ предметовъ, покланяться имъ, возносить предъ ними жертвы, лампады и куренія, читать мàни и микчжѝмъ, читать какія либо священныя книги и прилежатъ ко всему доброму. Онъ постоянно долженъ быть осмотрительнымъ въ отношеніи своего тѣла, языка и мысли и воздерживаться отъ грѣховныхъ дѣлъ; въ особенности же необходимо ему стараться о должномъ исполненіи принятыхъ обѣтовъ 8-ми членнаго поста. Утромъ ему позволяется выпить чаю и съѣсть бульону, приправленнаго мукою, въ полдень съѣсть обѣдъ но не иначе какъ изъ растительныхъ веществъ (пища такого рода, т. е. постная называется [illegible]); послѣ полудня кромѣ питья и растворяющагося въ питьѣ, подобно тому какъ напр. сахаръ растворяется въ чаю, ему должно оставить употребленіе всякой пищи. Предъ началомъ обѣда и послѣ принятія пищи должно полоскать ротъ водою. Исполнивъ такимъ образомъ въ теченіе одного дня это дѣло чистой добродѣтели и переночевавъ, принявшій обѣты на другой день встаетъ съ разсвѣтомъ, покланяется предъ изображеніемъ будды, читаетъ молитву, какую знаетъ, снова приноситъ мàндалъ или жертвы и, попросивъ себѣ у будды святости, считаетъ обѣтъ оконченнымъ.

Но принятіе обѣтовъ поста, по ученію буддистовъ, служитъ

лишь однимъ изъ главнѣйшихъ способовъ для личнаго совершенства человѣка; между тѣмъ такое совершенство, находясь даже на самой высокой степени, еще не можетъ служить залогомъ для пріобрѣтенія святости. Буддійская святость исключаетъ всякое субъективное стремленіе и чтобы быть святымъ по буддизму, человѣкъ долженъ дѣлать добро не для собственнаго блага, не для возвышенія нравственныхъ достоинствъ своего *я*, а ради блага всѣхъ одушевленныхъ существъ. Для людей, не посвященныхъ въ духовное званіе, вспомогательнымъ и чрезвычайнымъ средствомъ къ такому отрѣшенію отъ своего *я* и къ пріобрѣтенію силы дѣйствовать на благо одушевленныхъ существъ, служитъ принятіе такъ называемыхъ абишйковъ, или посвященій, въ которыхъ буддистъ ввѣряетъ себя покровительству того или другаго бодисатвы и обѣщается идти и дѣйствовать по пути его. Самые распространенные въ Монголіи абишйки это—абишйкъ Аюши и абишйкъ Ямандагй. Мнѣ лично не приходилось ни разу видѣть совершеніе этого хурала, хотя и случалось бывать въ тѣхъ улусахъ и хотонахъ, гдѣ преподавался абишйкъ. Дѣло въ томъ, что принятіе абишйка ламы считаютъ великимъ таинствомъ и не допускаютъ къ нему даже не изъявившихъ желаніе принять самый абишйкъ буддистовъ; нечего говорить конечно о невѣрующемъ иностранцѣ. Впрочемъ, благодаря бесѣдамъ съ ламами и нѣкоторыми простолюдинами, а равно и кое какимъ личнымъ наблюденіямъ я узналъ кое что объ этомъ обрядѣ и считаю долгомъ сообщить о немъ хотя бы то отрывочныя свѣдѣнія.

Въ Монголіи абишйкъ ни когда не дается одному человѣку и для принятія его собираются цѣлыя компаніи въ 200,300 человѣкъ. Преподаетъ абишйкъ всегда какой нибудь знатный лама, или же одинъ изъ болѣе старѣйшихъ и почтеннѣйшихъ хубилгановъ. Когда такимъ образомъ соберется общество желающихъ принять абишйкъ, оно выбираетъ изъ себя членовъ, которые должны отправиться къ намѣченному ламѣ, или хубилгану съ просьбою преподать абишйкъ. Такое посольство бываетъ обыкновенно, по крайней мѣрѣ, за годъ до принятія абишйка, такъ

какъ, по правиламъ, просить ламу о подаяніи абишѝка должно три раза и только въ третій разъ лама можетъ изъявить свое согласіе и назначить мѣсто, гдѣ должны собраться для совершенія этого обряда ревнующіе о святости милостынедатели. Къ назначенному дню и въ условленномъ мѣстѣ воздвигается новая, бѣлая юрта, въ которой долженъ совершаться обрядъ. Посреди ея на особомъ столѣ раскладывается рисунокъ «хото̀ ма̀ндала» того бурхана, въ честь котораго дается абишѝкъ; на первое время обряда этотъ рисунокъ бываетъ впрочемъ покрытъ шелковою пеленою; тѣмъ не менѣе во все время обряда вокругъ него, по четыремъ сторонамъ стола, устанавливаются четыре тахилы̀йнъ ширэ̄, наполненные жертвами, лампадами, дымящимися хӯчжѝ и проч. Надъ всею этою святыней устраивается родъ балдахина ([illegible]), кругомъ увѣшаннаго хадака̀ми, чжалца̀нами, бада̀нами, фонарями и проч. украшеніями. Съ лѣвой стороны юрты устраивается возвышенное сѣдалище для ламы, преподающаго абишѝкъ; передъ нимъ поставляется столикъ, на которомъ кладутъ очѝръ, колокольчикъ, дама̀ру, бумба̀ съ арша̀номъ и ма̀ндалъ съ ячменными зернами. По бокамъ отъ этого сѣдалища ламы располагаются чжабда̀ны сослужащихъ ему хувара̀ковъ. За день до совершенія обряда, всѣ, принимающіе абишѝкъ, совершаютъ обрядъ восьмичленнаго поста. Въ самый день совершенія абишѝка, ламы предварительно совершаютъ хура̀лъ «тӯй ӯргӯхӯ,» по окончаніи же его, по звуку раковины собираются всѣ, желающіе принять абишѝкъ. Въ это время по бокамъ дверей юрты становятся два гэлӯна, держащіе цзабья̀ съ арша̀номъ. Каждый, имѣющій войти въ юрту, напередъ подходитъ къ одному изъ гэлӯновъ и получаетъ отъ него арша̀нъ, которымъ полощетъ ротъ, отираетъ голову, руки и ноги. Это называется обрядомъ омовенія пяти членовъ тѣла ([illegible]) и только по совершеніи этого обряда каждый получаетъ право войти въ юрту. Когда всѣ, омывшись, войдутъ въ юрту и сядутъ на свои мѣста (обыкновенно народу бываетъ такъ много, что принимающіе обѣты буквально сидятъ одинъ на другомъ), лама начинаетъ свою рѣчь къ собравшимся. Онъ говоритъ имъ о

важномъ значенiи таинства, о томъ, какъ должно приступать къ нему и предупреждаетъ, что всѣ, принявшiе абишѝкъ, должны свято хранить его тайну послѣ того, какъ хуралъ будетъ оконченъ и посвященiе преподано.

Самое совершенiе обряда начинается принесенiемъ мàндала имѣющему совершать посвященiе ламѣ; подносятъ мàндалъ обыкновенно самые почетнѣйшiе изъ готовящихся принять таинство, остальные же только почтительно вытягиваютъ свои руки, дѣлая видъ, что и они участвуютъ въ этомъ поднесенiи. По окончанiи церемонiи мàндала, лама начинаетъ свою рѣчь о чрезвычайномъ значенiи таинства, при которомъ все, поврежденное нравственно существо принимающихъ абишѝкъ должно будетъ придти въ соприкосновенiе съ божествомъ, неизъяснимымъ, сильнымъ и великимъ. Это соприкосновенiе должно будетъ очистить всѣ ихъ пороки, исправить всѣ недостатки ихъ духа. Но съ другой стороны это необычайное соприкосновенiе можетъ быть и гибельно для неприготовленныхъ къ оному, прiемлющихъ абишѝкъ, подобно тому какъ можетъ гибельно подѣйствовать цѣлебная мазь, заставляющая прорваться еще не созрѣвшiй нарывъ ([illegible]): явленiе божественнаго духа можетъ ослѣпить не привыкшихъ къ общенiю съ нимъ. Въ предохраненiе этой опасности лама почитаетъ необходимымъ дать повязку на глаза готовящихся къ таинству, которая при томъ будетъ способствовать и сосредоточенiю ихъ духа въ самомъ себѣ, препятствуя ему развлекаться предметами видимаго мiра. Послѣ этого лама встаетъ и, произнося тàрни, повязываетъ глаза каждому, принимающему абишѝкъ, особою повязкою, дѣлаемою изъ шелковой матерiи (флеръ) краснаго цвѣта. Ламы между тѣмъ начинаютъ чтенiе молитвъ, въ которыхъ призывается божество, долженствующее низойти на всѣхъ этихъ людей и освятить ихъ. Всѣ эти молитвы испещрены произнесенiемъ тарнистическихъ словъ, послѣднiя же изъ этихъ тàрни имѣютъ силу очистить тѣло, языкъ и мысль принимающихъ абишѝкъ. Ихъ произноситъ только одинъ лама, дающiй посвященiе и произноситъ надъ каждымъ посвящаемымъ отдѣльно, вливая ему при этомъ въ ротъ три

чайныхъ лошечки аршана, смѣшаннаго съ камфорой. Окончивъ эту раздачу, лама повелѣваетъ имъ быть убѣжденными, что они очистились отъ грѣховъ и представить себѣ, что тѣло ихъ сдѣлалось прозрачно и чисто какъ хрусталь. За симъ читается молитва къ буддамъ, въ которой посвящаемымъ испрашиваются духовныя силы, чтобы положить въ своей душѣ начало возрожденію святыхъ мыслей. Какъ видимый знакъ этого возрожденія лама знаменуетъ крестообразно грудь каждаго посвящаемаго очиромъ; а чтобы не дать злымъ духамъ похитить у нихъ спасительные ростки добродѣтели, даетъ еще каждому посвящаемому сакусунъ (предохранительный талисманъ), являющійся въ видѣ одѣваемой на лѣвую руку повязки изъ шелковыхъ ниток (цзангя), въ три пяди длиною. Этимъ обыкновенно и оканчивается обрядъ посвященія въ первый день. Я уже говорилъ выше, что число посвящаемыхъ обыкновенно бываетъ отъ 200 до 300 человѣкъ, такая масса народа значительно затягиваетъ обрядъ: не рѣдко одна раздача аршана занимаетъ времени часа полтора, или два, тоже самое время проходитъ при наложеніи на грудь очира и при повязкѣ сакусуна. Оканчивая обрядъ на первый день, лама завѣщаетъ каждому изъ принимающихъ таинство слѣдить въ ту ночь за своими сновидѣніями, такъ какъ послѣднія служатъ лучшимъ свидѣтельствомъ того, насколько святость абишика проникла въ душу принимающаго его. Съ этою цѣлью онъ раздаетъ каждому изъ посвящаемыхъ по два стебелька травы — гуша и приказываетъ на ночь положить одинъ изъ этихъ стебельковъ подъ голову, а другой подъ ноги. Лучшими сновидѣніями почитается: пить вино, ѣсть сырое мясо, видѣть бурхановъ, сидѣть среди собранія духовенства, всходить на высокую гору; худые признаки выражаются въ сновидѣніяхъ: ѣздить на верблюдѣ, быть въ грязи, видѣть черный цвѣтъ, быть одѣтымъ въ тяжелое платье и проч.

На другой день, изъяснивъ сновидѣнія видѣвшимъ ихъ, лама продолжаетъ обрядъ опять таки удостовѣреніемъ посредствомъ гаданія дѣйствительно ли всѣ изъ принимающихъ абишикъ очистились и готовы къ принятію посвященія. Теперь онъ садится

на своемъ сѣдалищѣ, а одинъ изъ прислуживающихъ ламъ ставитъ предъ нимъ мàндалъ съ насыпанными на немъ зернами. Взявъ маленькую палочку, называемую стрѣлою (сумӯнъ, вѣроятно, по наружному сходству ея съ этимъ оружіемъ, такъ какъ съ одной стороны она заострена, а съ другой на ней наклеены лепестки замбагàй), лама передаетъ ее въ руки первому, подходящему для принятія абишùка и произноситъ при этомъ тàрни: «омъ-базаръ-хаса-ха». Принимающій абишùкъ беретъ эту палочку, устанавливаетъ ее между двумя большими и двумя безыменными своими пальцами и, произнося тѣ же тàрни «омъ-базаръ-хаса-ха», спускаетъ палочку на зерна, находящіяся на мàндалѣ. Такимъ же образомъ продѣлываютъ это гаданіе и всѣ прочіе. Если палочка, упавъ на зерна, станетъ стойкомъ, это самый лучшій признакъ; если упадетъ по направленію къ ламѣ, то это тоже хорошо; но худой признакъ, если упадетъ она на полъ,—въ такомъ случаѣ бросаніе повторяется до трехъ разъ. По правиламъ, тотъ у кого палочка упадетъ на полъ три раза, долженъ быть изгоняемъ изъ среды принимающихъ абишùкъ, но этого никогда не соблюдается. За симъ, когда гаданіе бываетъ окончено, лама встаетъ съ своего мѣста, подходитъ къ столу, на которомъ разложенъ хото̀ мàндалъ, снимаетъ покрывающую его пелену и приглашаетъ всѣхъ «войти въ мàндалъ», то есть посмотрѣть все устройство жилища бурхàна. Посвящаемые раздѣляются на партіи человѣкъ въ 20-ть или 30-ть и по очереди окружаютъ столъ, а лама беретъ въ руки зажженную хӯчжù и, употребляя ее вмѣсто указки, объясняетъ слушателямъ каждой партіи значеніе мàндала, его раздѣленіе и принадлежности, называетъ по именамъ всѣхъ, изображенныхъ на немъ бурхàновъ и т. д. Когда всѣ будутъ введены въ мàндалъ, лама приступаетъ къ новому отдѣлу обряда, называемому «возвышеніемъ золотаго цвѣтка» ([illegible]). Для этого онъ раздаетъ всѣмъ принимающимъ абишùкъ по пяти зеренъ, приказываетъ каждому выбрать изъ нихъ самое большое и положить на голову; засимъ онъ произноситъ тàрни, послѣ которыхъ каждый изъ посвящаемыхъ долженъ представить, что лежащее на головѣ его зерно уже превратилось въ золотой цвѣ-

токъ. Вслѣдъ за новымъ произнесеніемъ тàрни каждый долженъ подходить къ ламѣ, передать ему свое зерно и, получивъ отъ него это зерно обратно, утвердить его между двумя безымянными пальцами, а потомъ бросить его на мàндалъ. Имя того бурхана, на котораго упадетъ зерно, дается посвящаемому. Послѣ этого, при чтеніи особыхъ молитвъ, посвящаемымъ даются священныя одежды: бàнцзаль, додъ-йкъ и чжодбòнъ; но, за недостаткомъ костюмовъ, надѣваютъ ихъ обыкновенно не всѣ: лама, давъ ихъ пяти или шести человѣкамъ, остальнымъ предоставляетъ вообразить, что они также одѣлись въ эти костюмы. Обрядъ послѣ сего оканчивается чтеніемъ йōрōля посвященнымъ.

Всѣ вышеуказанныя молебствія монголъ совершаетъ собственно ради спасенія лично своихъ души и тѣла; но, какъ я сказалъ уже выше, каждый хозяинъ, и особливо богатый, считаетъ необходимымъ для себя по крайней мѣрѣ разъ въ годъ освятить весь свой скотъ и все свое имущество. Молебствіе, совершаемое по этому случаю, носитъ названіе «сацу̀ли», т. е. «кропленіе». Совершается оно по большей части въ лѣтнее время, когда уже скотъ совершенно оправится послѣ зимней голодовки и монгольскія хозяйки успѣютъ понакопить порядочное количество всякаго рода молочныхъ продуктовъ для угощенія духовенства. Особенно избранцыми днями для совершенія «сацу̀ли» считаются 2-е и 16-е числа мѣсяца; хотя можно совершать его и во всѣ другіе дни. Пригласивъ изъ монастыря ламъ, монголъ, ко времени прихода ихъ, на дому у себя дѣлаетъ слѣдующія приготовленія. Въ чистое ведро наливаетъ онъ молоко отъ коровы, отелившейся въ первый разъ; богатые скотомъ стараются при этомъ непремѣнно приготовить молоко именно отъ бѣлой коровы, потому что такая жертва считается пріятнѣе богамъ. На отдѣльныхъ тарелочкахъ (табàкъ) и въ отдѣльныхъ чашкахъ раскладываютъ и разливаютъ масло, таракъ, àйракъ, ӯру̀мэ, изюмъ, леденцовый сахаръ, жужубы, кедровые орѣхи и другіе плоды, пріобрѣтаемые покупкою отъ китайцевъ. Съ ранняго утра къ юртѣ сгоняется весь скотъ домовладѣльца, всѣ одѣваются въ лучшіе костюмы,—

оживленіе во всемъ хотонѣ полнѣйшее. Часовъ въ девять утра пріѣзжаютъ не менѣе разряженные ламы, усаживаются и начинаютъ хура̀лъ, или сначала приготовленія къ хура̀лу. Они дѣлаютъ одинъ балѝнъ въ честь докшѝта своего монастыря, другой — въ честь генія-хранителя имущества, третій — въ честь пяти тэ̀нгріевъ-хранителей хозяина дома и четвертый — въ честь генія покровителя той мѣстности, гдѣ живетъ совершающій молебствіе домохозяинъ; за симъ ламы приготовляютъ кадильницу и куренія; наконецъ берутъ помянутое ведро съ молокомъ, разбавляютъ его водою, покладываютъ нѣсколько благовонныхъ травъ и приготовляютъ такимъ образомъ такъ называемую Чойгы̀йнъ усу̀.

Первымъ дѣломъ хура̀ла является освященіе всѣхъ этихъ жертвъ и такъ какъ оно совершается черезъ произнесеніе та̀рни, то служеніе начинается именно ими.

«Омъ-а-хумъ-омъ-сарва-бадъ-бхура-бхура-говара-говара, аваратайя-аваратайя бацзаръ сапарана ха»!

При этихъ словахъ первенствующій возвышаетъ балѝны въ воздухѣ и въ тоже время остальные ламы начинаютъ читать призваніе божествъ.

«Геніи хранители священнаго ученія, геніи хранители имущества, совмѣстно (съ домохозяиномъ) появившіеся пять тэ̀нгріевъ и геній покровитель этой мѣстности, васъ призываемъ мы! Соизвольте придти и сѣсть на коврѣ, который для васъ приготовленъ! — Ба̀дма гамала̀я.

«Съ великою вѣрою приносимъ вамъ, наполняя безъ конца все пространство между небомъ и землею, облако жертвъ, могущихъ возбудить вашу радость. Соизвольте вкусить ихъ радостно!

«Приносимъ кажденіе благовоннаго дыма—жертвенную вещь. ([illegible]).

Приносимъ кажденіе [1]) всѣмъ ламамъ начиная съ Вачѝръ

---

1) Это выраженіе «приносимъ кажденіе» въ высшей степени интересно. Дѣло въ томъ, что по буквальному монгольскому тексту слово «арчигӯлумуй», значитъ «очищаемъ», а не «приносимъ кажденіе»; но ламы, съ которыми приходилось прочитывать мнѣ «сацӯли», толковали мнѣ слово «арчигӯлумуй»

дàры. ([illegible]).

«Приносимъ кажденіе буддамъ четырехъ тàнтръ.

«Приносимъ кажденіе Махагàлѣ, Эрлѝкъ-хāну, Ухѝнъ тэнгрѝ, Бисмàнъ тэнгрѝ и проч.

«Приносимъ кажденіе всѣмъ тэ̀нгріямъ-хранителямъ, вводящимъ въ жизнь, въ главѣ которыхъ тэ̀нгріи, появившіеся совмѣстно (съ каждымъ изъ насъ).

«Приносимъ кажденіе девяти тэ̀нгріямъ, тэ̀нгріямъ жизни и тэ̀нгріямъ имуществъ.

«Приносимъ кажденіе всѣмъ тэ̀нгріямъ, во главѣ которыхъ тэ̀нгріи мужчинъ и тэ̀нгріи женщинъ.

«Приносимъ кажденіе двѣнадцати могущественнымъ матерямъ, во главѣ которыхъ пять долговѣчныхъ Ухѝнъ тэнгрѝ.

«Приносимъ кажденіе тремъ тысячамъ покровителей (различныхъ) мѣстъ, и во главѣ ихъ генію покровителю, обитающему въ этой мѣстности.

«Приносимъ кажденіе всѣмъ, которые угнетены здѣсь разнаго рода препонами и долгами.

При каждомъ этомъ стихѣ первенствующій лама по три раза приподнимаетъ бу̀йпуръ (кадильницу) съ благовонными куреніями. По окончаніи приношенія кажденія, встаетъ съ своего мѣста хозяинъ дома вмѣстѣ съ какимъ либо изъ старшихъ своихъ родственниковъ: они берутъ въ руки помянутое ведро съ молокомъ, превращенное теперь въ Чойгы̀йнъ усу̀ и подносятъ къ первен-

---

именно какъ—приносить кажденіе; точно также слова «тулэксэ̀нъ утагàнъ» что значитъ собственно «горящій, или чадѣющій дымъ» они рекомендовали мнѣ понимать какъ «благовонное куреніе». Въ доказательство справедливости своихъ словъ они ссылались мнѣ на тибетскій текстъ молитвы этого хурàла. Однако несомнѣнно, что этотъ послѣдній текстъ составляетъ уже ламскій переводъ съ древняго монгольскаго текста, и слѣдовательно будетъ правильнѣе переводить такъ:

«Очищаемъ горящимъ дымомъ, жертвенною вещью.

«Очищаемъ всѣхъ ламъ, начиная съ ламы Вачѝръ—дàры.

Все это служеніе несомнѣнно шаманскаго происхожденія и кажется только натяжки ламъ придали ему теперь буддійскій характеръ. Очищать чрезъ огонь также вѣрованіе шаманистовъ.

ствующему въ хура̀лѣ, а послѣдній омокаетъ въ него кропило и девять разъ кропитъ вверхъ. Ламы между тѣмъ поютъ.

«Приносимъ жертву благодѣтельнымъ, основнымъ ламамъ, во главѣ которыхъ Вачѝръ Дара̀.

(Нижеслѣдующимъ кропятъ по три раза).

«Приносимъ жертву сонму ида̀мъ бурха̀новъ четырехъ та̀нтръ

«Приносимъ жертву всѣмъ геніямъ хранителямъ священнаго ученія, во главѣ которыхъ Махага̀ла.

«Приносимъ жертву тэ̀нгріямъ, родившимся совмѣстно (съ нами).

«Приносимъ жертву тэ̀нгріямъ, дающимъ жизнь.

«Приносимъ жертву сюльдэ̀ тэ̀нгріямъ.

«Приносимъ жертву тэ̀нгріямъ возраста ([illegible]).

«Приносимъ жертву тэ̀нгріямъ жизни ([illegible]).

«Приносимъ жертву тэ̀нгріямъ имущества.

«Приносимъ жертву тэ̀нгріямъ мужчинъ.

«Приносимъ жертву тэ̀нгріямъ женщинъ.

«Приносимъ жертву пяти долговѣчнымъ Ухѝнъ тэнгрѝ.

«Приносимъ жертву двѣнадцати могущественнымъ матерямъ.

«Приносимъ жертву тремъ тысячамъ покровителей различныхъ мѣстностей.

«Приносимъ жертву генію покровителю, обитающему въ здѣшней мѣстности.

Вкусивъ этой чрезвычайной жертвы кропленія, соизвольте преподать всѣ высочайшія си̇дди всѣмъ: и учителямъ, и ученикамъ, и милостынедателямъ:

держите стражу трижды въ день,
имѣйте надзоръ трижды въ ночь,
при отправленіи изъ дому — провожайте,
при возвращеніи назадъ — встрѣчайте,
содѣйствуйте къ совершенію вѣка долгаго, безболѣзненнаго, къ исполненію всякаго желанія,
исполните до совершенства домъ имуществомъ,
устройте и увеличьте тишину и довольство,

умирите причины разлуки, болѣзнь, демоновъ ([illegible]), препоны, ссоры и распри.

разширьте, какъ полную луну, причины согласія, вѣкъ, добродѣтели, счастіе, могущество и дружество,

преподайте богатства трехъ царствъ,

уничтожьте враговъ и препятствія, возстающихъ и на учителей, и на учениковъ, и на милостынедателей!

Чтобы ни дѣлали они и дома и внѣ онаго, соблюдите, сохраните, умирите.

Соблаговолите совершиться въ этомъ мѣстѣ вѣрѣ, спасенію и счастію десяти странъ, благому развитію имущества и скота.

За симъ всѣ вы, призванные въ это мѣсто жертвоприношеній и кропленія тэ̀нгріи, порадовавшись и удовлетворивъ свое желаніе, возвращайтесь каждый въ свое мѣсто; но въ потребное время соизвольте быть нашею вѣрою, защитою и силою.

Да водворится по всюду счастіе и святость силою исполненныхъ величія геніевъ хранителей священнаго ученія, пяти тэ́нгріевъ, появляющихся совмѣстно (съ нами) и генія хранителя этой мѣстности!»

По окончаніи этихъ чтеній всѣ выходятъ изъ юрты; первенствующій въ хура̀лѣ обходитъ собранные табуны и скотъ домохозяина и окропляетъ ихъ равно какъ и все прочее его имущество.

Доселѣ мы излагали только тѣ хура̀лы, которые совершаетъ монголъ при обычномъ теченіи своей жизни, проходящей безъ всякихъ треволненій и заботъ; но вѣдь въ жизни встрѣчаются и несчастія, которыя въ свою очередь побуждаютъ монголовъ обращаться къ буддѣ и къ посредникамъ его между простолюдинами — ламамъ. Главнѣйшее и болѣе часто встрѣчающееся бѣдствіе это — болѣзнь. Должно однако замѣтить, что не при всякой, даже тяжкой болѣзни монголъ непремѣнно зоветъ ламу совершать молебствіе: это бываетъ только въ тѣхъ случаяхъ, если болѣзнь затягивается, если она не поддается медицинскимъ средствамъ, если она нѣсколько разъ повторяется и проч. Въ первой главѣ сочине́нія, носящаго у ламъ названіе «Ма̀нлайнъ тайльбурѝ»

и составленнаго якобы Далай ламою Габа̀нъ-Лубса̀нъ-чжамцо̀ (?) подробно перечисляются всѣ случаи болѣзней, когда нужно призывать ламу для совершенія молебствій; тамъ-же между прочимъ разказывается, что въ одно время бодиса̀тва Чжанбара̀лъ, хубилга̀нъ Нидӯбэ̀ръ ӯзэкчі̀я (-Аръявалокитешвара), явился къ буддѣ Шигэмӯнію и спросилъ его, что должно дѣлать больному человѣку въ извѣстныхъ случаяхъ болѣзни и будда прямо рекомендовалъ ему, отправлять гурю̀мы (т. е. молебствія). Основываясь на этомъ завѣщаніи будды, ламы и назначаютъ теперь хура̀лы при одрѣ больныхъ. Хура̀лы эти весьма разнообразны и число ихъ очень велико: ламы говорятъ обыкновенно, что подобно томӯ, какъ велико число болѣзней и какъ велико количество приписываемыхъ противъ нихъ медицинскихъ средствъ, такъ же точно велико и разнообразно и число могущихъ быть отслуженными для вспомоществованія больному молебствій. Вотъ почему родственники больнаго, получивъ отъ ламы-медика (эмчѝ) совѣтъ отслужить молебенъ, отправляются не прямо къ ламамъ, а напередъ идутъ къ цзурухаѝчи. Послѣдній спрашиваетъ о возрастѣ больнаго, разузнаетъ годъ, мѣсяцъ и день его рожденія и, соображая эти показанія съ наставленіями, изложенными въ 5-ой главѣ сочиненія, извѣстнаго подъ заглавіемъ Чжун-ба̀-ринчѝнъ-гун-дӯ и составленнаго хутӯхтою Чжонъ-но̀къ-шакъ-жа̀-дарба̀, хубилганомъ Маньчжӯшри, указываетъ, какое именно молебствіе должно быть совершено надъ болящимъ. Иногда, оставляя въ сторонѣ возрастъ больнаго и время его рожденія, цзурухаѝчи опредѣляетъ гӯрю̀мъ (молебствіе) по дню, въ который больной слегъ въ постель; такого рода опредѣленіе совершается по 23-ей главѣ Вайдӯрья-ка̀рпо.

Въ случаяхъ особенно тяжкой болѣзни къ гӯрюму, совершаемому надъ больнымъ, присоединяется еще обрядъ «дзолѝкъ гаргахӯ». Постановленія о совершеніи этого обряда излагаются въ 3-ей главѣ вышеуказаннаго сочиненія Чжун-ба̀-ринчѝнъ-гун-дӯ и чрезвычайно разнообразны въ деталяхъ, хотя сущность ихъ одна и таже, это — замѣнъ больнаго другою какою либо личностью и выкупъ его души у владыки смерти. Отсюда при каждомъ об-

рядѣ «дзоли̇къ гаргаху̇» является необходимымъ другой человѣкъ, который долженъ принять на себя, или на котораго должно перенести всѣ грѣхи и болѣзни страждущаго. Само собою разумѣется, что найти такого человѣка, особливо для обыкновенныхъ смертныхъ, довольно трудно; поэтому то, какъ и при хура̇лѣ чжиліинъ оролго̇нъ, или мэнгэйнъ цзаса̇лъ, — дзоли̇къ въ данномъ случаѣ дѣлается обыкновенно изъ муки, въ формѣ человѣка различной величины (отъ одной пяди до трехъ четвертей аршина); его кладутъ передъ больнымъ, переносятъ на него всѣ болѣзни страждущаго и затѣмъ эту куклу или выбрасываютъ въ степь, или спускаютъ внизъ по теченію рѣки, или наконецъ сожигаютъ. Съ богатыми и владѣтельными князьями и та̇йчжіями ламы, конечно уже въ видахъ чисто корыстныхъ, поступаютъ менѣе церемонно и почти всегда приказываютъ имъ выставлять какъ дзоли̇ка кого либо изъ живыхъ своихъ данниковъ. При совершеніи обряда, на этого живаго дзоли̇ка переносятся всѣ княжескія бѣдствія, а по окончаніи обряда его выгоняютъ изъ того хошу̇на, въ которомъ живетъ князь и опредѣляютъ въ число шабина̇ровъ того хутухты̇, изъ монастыря котораго были приглашены ламы для совершенія обряда. Шабина̇ры, образовавшіеся у хуту̇хтъ такимъ образомъ, носятъ названіе «дзоли̇къ гаргахса̇нъ улу̇съ», или еще чаще въ послѣднее время называютъ ихъ «барица̇най улу̇съ», т. е. народъ взятки, что чрезвычайно мѣтко характеризуетъ появленіе этихъ личностей въ числѣ данниковъ хуту̇хтъ. Въ числѣ шабина̇ровъ ургинскаго хутухты̇ до нынѣ существуетъ еще три ото̇ка, или рода, называемыхъ «га́йда гаргахса̇нъ улу̇съ: два изъ нихъ въ количествѣ 150 семей, кочуетъ по берегамъ р. Иро̇, а одинъ, въ 50 семей, живетъ у истоковъ Оно̇на. О перечисленіи ихъ изъ хошу̇ннаго въ шаби̇нское вѣдомство существуетъ такой разказъ: въ одно время Унду̇ръ гэгэ̇нъ (первый монгольскій хубилга̇нъ Чжэбцзу̇нъ-дамба̇-хутухты̇) заболѣлъ: онъ не могъ принимать пищи и уже готовился къ смерти; врачи отказались лечить его обыкновенными средствами и полагали единственную надежду на «выкупъ», т. е. на замѣну личности Унду̇ръ гэгэ̇на другими людьми. Тогда со всѣхъ хошу̇новъ

Тӯшѣтӯ ха̄новскаго а̊ймака было собрано не менѣе какъ по десяти семей съ каждаго хошӯна и, согласно правиламъ о дзолйкѣ, этимъ людямъ приказано было одѣться въ одежды Ундӯръ гэгэ̀на, надъ всѣми ими совершили гӯрю̀мъ, а за тѣмъ выгнали ихъ въ лѣсистыя и болотистыя мѣстности съ тѣмъ, чтобы они никогда уже не показывались въ кочевьяхъ Ундӯръ-гэгэ̀на. Постановленіе это строго соблюдалось при Ундӯръ гэгэ̀нѣ и только со временъ втораго хутухты̀ эти изгнанники получили право входить въ Ургу, а до того времени, избравъ своимъ мѣстопребываніемъ берега Иро̀ и Оно̀на, они занимались охотою и звѣроловствомъ. При Ундӯръ гэгэ̀нѣ «га̀йда гаргахса̀нъ» были избавлены отъ всякихъ податей; но со временъ 3-го хутухты̀ (1758—1773 г.) они начали представлятъ гэгэ̀ну по десяти кабановъ съ каждаго ото̀ка, которыхъ хутухтӯ обыкновенно тотчасъ же отсылаетъ въ подарокъ китайскому богдо-ха̄ну: Вообще дань съ этихъ шабина̄ровъ и до сего времени считается неблаговиднымъ расходовать на пищу и необходимости хутухты̀: ее употребляютъ на содержаніе шабина̄ровъ, заключенныхъ въ темницахъ, на подарки китайскимъ властямъ, или же сбываютъ продажею на сторону.

Если больной приближается къ смерти, то присутствіе въ его домѣ и при одрѣ его ламы, по обычаямъ монголовъ, уже безусловно необходимо для того, чтобы напутствовать душу умирающаго полезными совѣтами относительно загробной жизни. Обычай этотъ такъ распространенъ въ Монголіи, что, кажется, здѣсь небываетъ ни одного человѣка, умирающаго безъ ламы, и ни одинъ ла́ма, будучи приглашенъ къ одру умирающаго, не имѣетъ права отказаться отъ исполненія этого приглашенія, такъ какъ избавить душу отъ злыхъ перерожденій и направить ее въ блаженныя нивы Сукава̀ди составляетъ его священный долгъ. Въ 12-ой главѣ сочиненія «Пэцэ̀», составленнаго Чжонха̀нъ гэ̀гэ̀номъ, ламамъ предписывается въ этихъ случаяхъ читать умирающему такъ называемую Цзӯрда̀йнъ судӯръ, написанную, по преданію, Падма̀-Самбаво̀ю. Большинство ламъ знаетъ это сочиненіе наизустъ и читаетъ его умирающему на монгольскомъ

языкѣ; оно заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о томъ, что именно должна встрѣтить и испытать душа по разлученіи съ тѣломъ. Въ виду интереса самаго вопроса, я остановлюсь на описаніи этого предсмертнаго обряда возможно подробнѣе, тѣмъ болѣе, что мнѣ самому приходилось нѣсколько разъ присутствовать въ юртахъ умирающихъ и слушать эту «цзӯрдӑйнъ судӯръ».

Лама, призванный къ умирающему, вошедши въ юрту, ни съ кѣмъ не видается, но прямо проходитъ къ больному, садится у его изголовья, нѣкоторое время смотритъ на него, пока больной не освоится съ его видомъ, затѣмъ онъ кладетъ на грудь больнаго свой гусӯнъ-тӯкъ, послѣ чего больной обыкновенно уже сознаетъ безнадежность своего положенія. Тогда лама начинаетъ къ нему приблизительно такую рѣчь: «слушай благородное чадо»! Теперь приходитъ къ тебѣ смертный часъ; положи же въ своей душѣ начало желанію сдѣлаться буддою ради блага всѣхъ одушевленныхъ существъ; въ особенности же если ты пожелаешь даже умереть за благо одушевленныхъ существъ, то добродѣтель твоя возрастетъ безъ числа, какъ сказалъ то учитель нашъ Тӯрбэ̆лъ-ӯгэ̆й. Когда духъ твой разстанется съ этимъ бреннымъ тѣломъ, онъ ясно сознӑетъ тѣ три основныхъ зла, на которыхъ зиждутся всѣ наши пороки; предъ нимъ предстанутъ всѣ его грѣховныя дѣянія, всѣ тѣ грѣхи, которые служатъ препоною къ возвышенію его въ будущемъ. Въ ужасѣ ты вскрикнешь и въ это мгновеніе покажется тебѣ въ небѣ послѣдовательно, одинъ за другимъ необычайный и лучезарный свѣтъ пяти буддъ. Не страшись и не пугайся этого свѣта, но молись предъ нимъ. Среди этого свѣта будетъ находиться бурханъ Бирӯзапа, блистающій и имѣющій синеватый цвѣтъ. Но одновременно съ этимъ покажется тебѣ и другой, не издающій лучей, бѣловатый свѣтъ тэ̆нгріевъ. У тебя явится чувство неудовольствія къ свѣту Бирӯзаны и напротивъ съ радостью будешь ты смотрѣть на свѣтъ тэ̆нгріевъ. Однако знай, что этотъ послѣдній свѣтъ есть свѣтъ невѣжества; онъ то именно и есть препона, заграждающая путь къ спасенію, а потому не стремись къ нему страстно. Если въ душѣ твоей явится желаніе соединиться съ этимъ свѣтомъ, ни-

когда не разставаться съ нимъ, то пресѣки это желаніе, иначе ты возродишься въ царствѣ тэнгріевъ и понесешь всѣ тѣ мученія, которыя они испытываютъ. При этомъ лама подробно разказываетъ умирающему, какія именно страданія претерпѣваютъ тэнгріи и наконецъ совѣтуетъ ему, отвратившись вовсе отъ свѣта тэнгріевъ, молиться свѣту Бирўзаны и сказать такой йŏрŏль: Бирўзана, обладающій лучезарно-синеватымъ свѣтомъ духовной премудрости! Когда буду я возрождаться въ орчила̀нѣ, соизволь возвысить меня, соизволь спасти меня изъ утесовъ промежуточнаго періода ([illegible])!

Послѣ сего весь этотъ свѣтъ скроется въ сердцѣ Бирўзаны и самъ онъ исчезнетъ, какъ радуга, въ обителяхъ Аганѝшты. За тѣмъ съ правой стороны отъ того мѣста, гдѣ показывался свѣтъ Бирўзаны, появится другой, величественный и лучезарный, бѣлый свѣтъ бурхана Акшо̀бі'я, а на ряду съ нимъ придетъ другой, адскій свѣтъ, опять таки не издающій лучей и имѣющій цвѣтъ дыма. Снова явится у тебя непріязненное чувство къ свѣту Акшо̀бі'я и почувствуешь ты влеченіе къ этому второму, адскому свѣту. Но этотъ послѣдній свѣтъ является по силѣ гнѣва, онъ заграждаетъ путь спасенія и ты не долженъ стремиться къ нему, иначе возродишься въ аду и будешь испытывать мученія адскихъ существъ. Слѣдуетъ выясненіе адскихъ мученій, послѣ котораго лама совѣтуетъ умирающему во все отвратиться отъ адскаго свѣта и въ молитвѣ къ Акшо̀би сказать такой йороль: «Акшо̀би, обладающій бѣлымъ свѣтомъ премудрости, ясной какъ зеркало, когда буду я возрождаться въ орчила̀нѣ, соизволь возвысить... и проч.» Вслѣдъ за произнесеніемъ этого йŏрŏля свѣтъ Акшо̀бія долженъ будетъ также скрыться. На смѣну его, съ лѣвой стороны отъ того мѣста, гдѣ показывался свѣтъ Бирўзаны, покажется еще новый, лучезарно-желтый цвѣтъ бурхана Ра̀тна-самбавы̀, а на ряду съ нимъ появится голубоватый, человѣческій свѣтъ. Отвратившись отъ желтаго свѣта Ра̀тна-самбавы̀, ты почувствуешь влеченіе къ голубоватому, человѣческому свѣту. Но знай, что этотъ свѣтъ является по силѣ гордости и заграждаетъ путь спасенія, а потому не стремись къ

нему; иначе ты возродишься между людьми и будешь испытывать ихъ страданія. Перечисливъ умирающему страданія людей, начиная съ момента ихъ рожденія, лама совѣтуетъ ему отвратиться отъ этого голубоватаго цвѣта и сказать Ра̀тна самбавѐ такой йōрōль: «Ра̀тна-самбава̀, обладающій яснымъ, желтымъ цвѣтомъ непоколебимой премудрости, когда я буду возрождаться... и т. д. Послѣ этого съ правой стороны отъ того мѣста, гдѣ показывался свѣтъ Акшо̀біа, появится нестерпимо блестящій, красный свѣтъ бурхана Амитабы̀, а на ряду съ нимъ желтый цвѣтъ бирѝтовъ. Этотъ цвѣтъ является по силѣ сладострастія, онъ заграждаетъ собою путь спасенія, и стремленіе къ нему влечетъ за собою возрожденіе въ царствѣ бирѝтовъ, а потому лама совѣтуетъ умирающему отвратиться отъ него и сказать йōрōль Амитабѐ: «Амитаба̀, обладающій яснымъ, краснымъ свѣтомъ премудрости, вѣдающей все до мельчайшихъ подробностей, когда я буду возрождаться... и т. д. Наконецъ по правую сторону отъ этого послѣдняго свѣта появится лучезарный зеленый свѣтъ бурхана Амогасѝдди, а вслѣдъ за нимъ красноватый свѣтъ асуріевъ. Подобно тому какъ это будетъ и при появленіи всѣхъ предыдущихъ свѣтовъ, духъ умершаго долженъ будетъ почувствовать непріятное чувство къ свѣту бурха̀на и напротивъ ощутить тяготѣніе къ свѣту асу̀ріевъ. «Но, говоритъ лама, умирающему, этотъ свѣтъ асу̀рі'евъ является по силѣ зависти, онъ заграждаетъ собою путь спасенія и ты не долженъ стремиться къ нему, въ противномъ случаѣ ты возродишься въ странѣ удручаемыхъ битвами асу̀ріевъ. Молись тогда свѣту Амогасѝдди и скажи такой йōрōль: «Амогасѝдди, обладающій зеленоватымъ свѣтомъ премудрости, когда буду я возрождаться въ орчила̀нѣ, соизволь возвысить меня, соизволь спасти меня изъ утесовъ промежуточнаго періода!

Слушай дальше, благородное чадо! Когда минуютъ всѣ эти видѣнія въ отдѣльности, то вслѣдъ за симъ они явятся всѣ вмѣстѣ, расположившись въ такомъ порядкѣ: въ срединѣ будетъ синеватый свѣтъ бурхана Биру̀заны, на восточной сторонѣ — бѣлый свѣтъ Акшо̀бі'я, на южной — желтый свѣтъ Ра̀тна-сам-

бавы̀, на западной — красный свѣтъ Амитабы̀ и на сѣверной — зеленый свѣтъ бурхана Амогасѝдди. Вокругъ нихъ расположатся лучезарные свѣта Хормусты̀ — повелителя тэнгріевъ, Бимчжидàри, — повелителя асỳріевъ, Шигэмỳни — повелителя человѣковъ, многосильнаго льва — повелителя животныхъ, Кэбирмà, — повелителя бирѝтовъ и Эрлѝкъ-хàна — повелителя ада. Вмѣстѣ со всѣми этими свѣтами появятся не издающіе лучей: бѣлый свѣтъ тэнгріевъ, красный свѣтъ асỳріевъ, синій свѣтъ людей, зеленый цвѣтъ животныхъ, дымчатый свѣтъ ада и желтый свѣтъ бирѝтовъ[1]). Ты почувствуешь тяготѣніе къ этимъ шести цвѣтамъ; но не стремись къ нимъ, такъ какъ эти цвѣта являются по силѣ пристрастія къ предметамъ міра матеріальнаго и если ты въ самомъ дѣлѣ допустишь развиться въ своемъ духѣ любви къ нимъ, то возродишься въ одной изъ странъ матеріальнаго міра; напротивъ, ты долженъ молиться свѣту бурхановъ и сказать такой йорõль: «представшіе предо мною будды пяти родовъ и всѣ прочіе владыки, обладающіе пятью сортами премудрости, когда буду возрождаться я въ орчилàнѣ, вознесите меня и спасите отъ утесовъ промежуточнаго періода»! Когда ты произнесешь такой йорõль, каждый свѣтъ скроется въ сердцѣ своего бурхàна и сами они исчезнутъ подобно радугѣ, а ты исполнишься святости.

Вслѣдъ за тѣмъ онъ разказываетъ умирающему о предстоящихъ явленіяхъ другихъ буддъ и совѣтуетъ ему предъ всѣми ими произносить тотъ же йорõль.

Но можетъ быть, говоритъ онъ далѣе, ты, увлекшись однимъ, какимъ либо грѣховнымъ свѣтомъ, забудешь сдѣлать йорõль, тогда полное полученіе святости для тебя будетъ уже невозможно. Въ такомъ случаѣ ты все таки помни мои наставленія и

---

1) Ламы, изучающіе цанитъ, разказывали мнѣ, что по ихъ ученію, свѣтъ различныхъ царствъ одушевленныхъ существъ отличается отъ этого, а именно: по цаниту, свѣтъ людей и безплотныхъ тэнгріевъ не синій, а желтый; свѣтъ тэнгріевъ облеченныхъ въ формы — бѣлый; свѣтъ животныхъ — дымчатый; свѣтъ бирѝтовъ походитъ на свѣтъ воды, а свѣтъ адскихъ существъ — на горящую головню.

примѣчай тѣ видѣнія, которыя покажутся тебѣ послѣ явленія свѣта бурхановъ. Если покажется тебѣ озеро, на которомъ будутъ плавать гусаки и гусыни, то это—признакъ того, что ты возродишься на ӯлэмчжй бэѣтӯ тйбѣ (островѣ, обитаемомъ великанами); если покажется тебѣ какой нибудь прекрасный городъ, то это—признакъ, что ты возродишься въ цзамбутйбѣ (островѣ, населенномъ людьми); если покажется тебѣ озеро съ людьми, лошадьми и другими домашними животными, то это—признакъ, что возродишься ты на ӯхэ̀ръ эдлэхчй тйбѣ (островѣ, привольномъ для рогатаго скота); если покажется тебѣ озеро съ коровами, или покрытое фруктовыми деревьями, то это—признакъ, что ты возродишься на магӯ дагӯту тйбѣ (на островѣ, гдѣ слышится зловѣщій голосъ); если покажется тебѣ дворецъ, украшенный различными драгоцѣнностями, то это—признакъ, что ты возродишься у тэ̀нгріевъ, если покажутся тебѣ пещеры, скалы, рвы и пр., это—признакъ, что ты возродишься въ среди животныхъ; если покажется тебѣ короткая головня, это—признакъ, что ты возродишься у бирйтовъ; если послышатся тебѣ насмѣшки, или покажется мрачный домъ, красный домъ, пустынная степь, или черная тернистая дорога, это признакъ того, что ты возродишься въ аду. Теперь ты знаешь всѣ эти примѣты и если уже не пріобрѣтешь святости, то старайся пробудить въ себѣ стремленіе къ возрожденію въ царствѣ человѣковъ, такъ какъ всѣ остальныя перерожденія влекутъ за собою неисчилимыя страданія.

Таковы наставленія, даваемыя ламою, умирающему монголу; помимо того лама читаетъ еще надъ нимъ тибетскіе нòмы, называемые Майдаріѝнъ дамчжа̀й, Минтингѝйнъ токтōлъ, и Гундэлэгѝйнъ зара̀къ. Содержаніе этихъ трехъ нòмовъ составляютъ цѣликомъ покаянныя молитвы, устрояющія спокойствіе духа, а въ Майдаріѝнъ дамчжа̀й помимо того приводится еще разказъ о торжественной клятвѣ Ма̀йдари не допускать души одушевленныхъ существъ до ниспаденія въ три злополучныя перерожденія.

Когда монголъ умираетъ, всѣ окружавшіе его одръ, уходятъ изъ юрты, такъ что въ ней не остается никого за исключеніемъ покойника. Немедленно же одинъ изъ родственниковъ

покойника отправляется въ монастырь къ цзурухайчи и сообщаетъ ему о смерти больнаго, прося опредѣлить, кто именно можетъ приготовить покойника къ погребенію, какіе хуралы должно служить надъ нимъ, въ какой день можно хоронить его, въ какой часъ и въ какую сторону должно его вынести и наконецъ какимъ образомъ должно быть совершено его погребеніе.

Правильное рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ составляетъ для монголовъ предметъ первой важности. Прежде всего, по повѣрью ихъ, никто не можетъ безъ вреда для себя и для будущности покойника прикоснуться къ нему, а тѣмъ болѣе ухаживать за нимъ и убирать его; для этого нуженъ человѣкъ въ извѣстномъ отношеніи соотвѣтствующій по годамъ своего рожденія покойнику и только онъ вполнѣ безопасно можетъ приближаться къ трупу. Цзурухайчи разрѣшаетъ этотъ вопросъ о лицѣ, имѣющемъ убирать покойника, равно какъ и всѣ прочіе вопросы, относящіеся до погребенія, на основаніи показанія различныхъ астрологическихъ сочиненій и между прочимъ по 29-й главѣ Вайдурья карпо. Въ сочиненіяхъ этихъ относительно лица, которое должно убирать покойника, предписывается, чтобы покойниковъ, принадлежащихъ по рожденію къ годамъ барса, зайца и дракона, убирали люди, принадлежащіе по рожденію къ году змѣи, при чемъ сообщается, что если покойника будетъ убирать человѣкъ, принадлежащій къ году коровы, то впослѣдствіи въ этомъ домѣ непремѣнно умретъ еще человѣкъ. Покойниковъ, родившихся въ годы: лошади, змѣи и овцы, должны убирать принадлежащіе по рожденію къ году дракона; а если будутъ убирать принадлежащіе къ годамъ мыши и свиньи, то послѣ въ этомъ домѣ умретъ человѣкъ. Покойниковъ, родившихся въ годы: обезьяны, курицы и собаки, должны убирать принадлежащіе по рожденію къ году овцы; въ противномъ случаѣ въ домѣ умретъ два, или три человѣка. Наконецъ покойниковъ, принадлежащихъ по рожденію къ годамъ мыши, свиньи и коровы, должны убирать родившіеся въ годъ собаки; въ противномъ случаѣ въ домѣ умретъ одинъ, или два человѣка. Согласно этихъ указаній, монголъ и приглашаетъ подходящаго человѣка ухаживать за своимъ по-

койникомъ. Лицо это носитъ у монголовъ названіе «буянчѝ», что значитъ собственно—«человѣка, дѣлающаго добродѣтельное дѣло», и называется онъ такъ, безсомнѣнія, потому, что исполняетъ свои обязанности безъ всякой награды. Призванный буянчѝ, по обычаю, омываетъ тѣло покойника, обвертываетъ его дабо̀ю, кладетъ на правый бокъ, подкладываетъ правую руку покойника подъ правую его щеку и безымяннымъ пальцемъ затыкаетъ правую ноздрю, выпрямляетъ правую ногу, а лѣвую сгибаетъ въ колѣнѣ, лѣвую руку напротивъ вытягиваетъ по возможности больше и кладетъ ее на тазъ покойника. Поза эта одинаково сохраняется для всѣхъ тѣхъ труповъ, которые не подвергаются бальзамированію и не хоронятся въ сидячемъ положеніи. Монголы особенно дорожатъ этой позой, такъ какъ, по свидѣтельству но̀мовъ, въ этой позѣ скончался Шигэму̀ни; называется она на языкѣ монголовъ «арсалангѣ̀инъ хэ̀бтэльгэ», т. е. лежаніе (на подобіе) льва, или, если можно такъ выразиться,—полежка льва. Таковы обычные уходы буянчѝ за покойникомъ; но помимо сего при смерти покойника не рѣдко обнаруживаются еще худыя примѣты, для подавленія которыхъ буянчѝ приглашаетъ уже ламу какъ совѣтника и наставника въ своемъ дѣлѣ. Чаще всего случается, что покойникъ умираетъ съ открытымъ ртомъ, что почитается дурнымъ признакомъ для живущихъ; для подавленія могущихъ произойти по этой примѣтѣ несчастій, необходимо во 1-хъ, нарисовать на бумажкѣ фигуры перекрещенныхъ очи̇ровъ, и заклеить ею ротъ покойника; а во 2-хъ, при похоронахъ вмѣстѣ съ трупомъ покойника нужно вынести изъ юрты изображенія девяти человѣческихъ головъ, фигуры которыхъ приготовляются изъ тѣста; если не сдѣлать этого, то въ теченіе года непремѣнно случится несчастіе. Если покойникъ умретъ съ открытыми глазами, то это опять худой признакъ, ибо покойникъ предполагается смотрящимъ на своихъ живыхъ. Въ этомъ случаѣ глаза его зашиваютъ нитками и прикрываютъ черной шелковой матеріей. Вообще монголы крайне боятся примѣтъ отъ покойника и потому передъ смертью поворачиваютъ умирающаго ничкомъ; смерть въ такой позѣ почитается самою счастливою для остающихся.

Но при этомъ бываютъ случаи, что покойникъ судорожно сжимаетъ руки и умираетъ съ жестомъ, какъ бы манящимъ кого либо; это самый худой признакъ, такъ какъ онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что покойникъ зоветъ за собою живыхъ. При такой примѣтѣ грудь покойника придавливаютъ желѣзнымъ концемъ плуга. Всѣ эти исправленія худыхъ примѣтъ производитъ также буянчй и только по окончаніи всѣхъ его уходовъ надъ покойникомъ можно совершать чтеніе номовъ. Послѣднее исполняется ламами въ большинствѣ случаевъ не въ той юртѣ, гдѣ находится покойникъ, а въ сосѣдней съ нею и не прерывается ни днемъ, ни ночью; по этому то ламы, призванные къ совершенію погребальныхъ обрядовъ, всегда почти раздѣляются на очереди. Чтеній надъ покойникомъ, по свидѣтельству ламъ, безчисленное множество; но мнѣ, сколько разъ ни приходилось видѣть похороны, всегда я находилъ, что ламы читали только йорбль, извѣстный подъ именемъ «ўлцзэй дабхўръ», да «найманъ-гэгэнъ»; и два раза я встрѣчалъ еще чтеніе сочиненія «Соносогатъ йэхэдэ тонилгахчй нэрэтў йэхэ хўлгэнъ судўръ». Помимо этихъ, читающихъ ламъ, при похоронахъ являются какъ необходимость еще два ламы, которые отправляютъ хуралъ по книгѣ «Сэрдэбэ чакчжай» внѣ юрты и время отъ времени обходятъ юрту покойника съ кадильницею ([illegible]); назначеніе совершаемыхъ ими чтеній и обрядовъ—отгонять злыхъ духовъ какъ отъ трупа, такъ и отъ живущихъ въ хотонѣ его родственниковъ. Такія чтенія совершаются обыкновенно вплоть до самаго выноса покойника изъ дома и его погребенія, что бываетъ весьма различно по времени: у бѣдныхъ покойниковъ хоронятъ, по большей части, на другой же день по смерти, а болѣе состоятельные держатъ у себя трупы своихъ родныхъ дня три, четыре и даже до шести. Вообще на указаніе дня, въ который должно хоронить покойника, ламы не претендуютъ, но непремѣнно уже подъ ихъ руководствомъ опредѣляется, въ которомъ часу должно выносить умершаго изъ дома, въ какую сторону нести его и какимъ образомъ похоронять. По точнымъ указаніямъ астрологическихъ сочиненій предписывается:

покойника, умершаго въ часъ барса, выносить изъ дому въ часъ обезьяны;

покойника, умершаго въ часъ зайца, выносить изъ дому въ часъ курицы;

покойника, умершаго въ часъ дракона, выносить изъ дому въ часъ собаки;

покойника, умершаго въ часъ змѣи, выносить изъ дому въ часъ свиньи;

покойника, умершаго въ часъ лошади, выносить изъ дому въ часъ мыши;

покойника, умершаго въ часъ овцы, выносить изъ дому въ часъ коровы;

покойника, умершаго въ часъ обезьяны, выносить изъ дому въ часъ барса;

покойника, умершаго въ часъ курицы, выносить изъ дому въ часъ зайца;

покойника, умершаго въ часъ собаки, выносить изъ дому въ часъ дракона;

покойника, умершаго въ часъ свиньи, выносить изъ дому въ часъ змѣи;

покойника, умершаго въ часъ мыши, выносить изъ дому въ часъ лошади;

покойника, умершаго въ часъ коровы, выносить изъ дому въ часъ овцы.

Что касается способовъ погребенія покойниковъ, то вообще трупы умершихъ, по буддизму, предписывается предавать существующимъ въ мірѣ стихіямъ: землѣ, водѣ, огню, воздуху и дереву. Разказываютъ, что такое предписаніе всегда и самымъ строгимъ образомъ соблюдалось въ старину и что трупы умершихъ, которые нужно было предавать землѣ, закапывали въ землю; долженствовавшіе къ погребенію въ водѣ бросали прямо въ рѣку; предназначавшіеся для преданія огню,—сжигали; для погребенія въ воздухѣ обыкновенно устраивали родъ качелей и трупъ покойника, завязавъ предварительно въ мѣшокъ, привѣшивали къ перекладинѣ, или матицѣ качелей; наконецъ при нуж-

дѣ предать тѣло покойника стихіи дерева, трупы полагали въ дуплахъ деревьевъ, иногда приготовляемыхъ природою, а иногда нарочно устраиваемыхъ для этой цѣли рукою человѣка.—Все это формальнымъ образомъ соблюдается и доселѣ; поэтому въ ламскихъ, астрологическихъ книгахъ относительно стороны, въ которую должно выносить покойника изъ дому, въ которую должно положить его головою на самомъ мѣстѣ погребенія, наконецъ для опредѣленія того какимъ образомъ должно быть совершено погребеніе, существуютъ особыя указанія. Вотъ эти главнѣйшія постановленія.

Для покойниковъ, принадлежащихъ по рожденію къ годамъ барса и зайца, самымъ счастливымъ погребеніемъ какъ для нихъ самихъ, такъ и для оставшихся живыми ихъ родственниковъ, можетъ быть то, когда ихъ возможно вынести изъ дому и положить головою въ восточную сторону; среднее—если можно вынести ихъ на сѣверъ и худое, совершенно несчастное погребеніе, если придется выносить ихъ на западъ. Если, по обстоятельствамъ, покойника придется выносить на западъ, то смерть несомнѣнно не прекратится въ его домѣ; а если придется вынести его въ одно изъ четырехъ междустраній (сѣверо-востокъ юго-западъ и пр.), то въ домѣ, хотя и не будетъ смертнаго случая, однако непремѣнно совершится какое нибудь несчастіе. За симъ въ какомъ бы году ни умеръ человѣкъ, принадлежащій по рожденію къ годамъ барса или зайца,—самое счастливое, если можно похоронить его въ воду, среднее—если положить въ дерево и худшее—если предать огню. Наконецъ если похоронить такого покойника въ землю, или бросить въ воздухѣ, то въ домѣ его непремѣнно случится еще смерть, ибо, по точному выраженію астрологическихъ сочиненій, такимъ погребеніемъ «не будутъ закрыты уста смерти».

Для покойниковъ, принадлежащихъ по рожденію къ годамъ лошади и змѣи, самое лучшее погребеніе—на южную сторону; среднее—на востокъ; худшее—если придется выносить ихъ изъ юрты и полагать головою въ сторону одного изъ междустраній. Хоронить такихъ покойниковъ на западъ и на сѣверъ безусловно

воспрещается. За симъ въ какомъ бы году ни умеръ человѣкъ, родившійся въ годъ лошади, или змѣи, самое лучшее—если возможно положить его въ дерево, среднее—если предать огню и худшее—если закопать въ землю; наконецъ если бросить его въ воду, то послѣдствіемъ сего явится смерть девяти человѣкъ изъ его однохотонцевъ.

Для покойниковъ, принадлежащихъ по рожденію къ годамъ обезьяны и курицы, лучшее погребеніе—на западную сторону; среднее—на одно изъ четырехъ междустраній; худшее — на сѣверъ; выносить изъ дому и полагать такихъ покойниковъ головою на востокъ и на югъ—воспрещается. Относительно способа погребенія рекомендуется какъ самое лучше закапывать трупъ въ землю, среднее—полагать его въ воздухѣ и худшее—бросать въ воду. Предать такого покойника дереву и огню почитается невозможнымъ.

Для покойниковъ, принадлежащихъ по рожденію къ годамъ свиньи и мыши, самое лучшее погребеніе на сѣверную сторону; среднее—на западъ; худшее—на сторону одного изъ четырехъ междустраній. За симъ въ какомъ бы году ни умеръ человѣкъ, родившійся въ годъ свиньи, или мыши, самое лучшее—если положить трупъ его въ воздушномъ пространствѣ, среднее—если бросить его въ воду и худшее—если положить въ дерево. Предавать останки такого покойника огню воспрещается.

Наконецъ для покойниковъ, принадлежащихъ по рожденію къ годамъ коровы, овцы, собаки и дракона лучшее погребеніе—въ сторону одного изъ четырехъ междустраній; среднее — на югъ и худшее—на сѣверъ. За симъ въ какомъ бы году ни умеръ такой человѣкъ лучшее погребеніе для него это—предать его тѣло огню, среднее—закопать въ землю и худшее—положить въ воздухѣ; полагать въ дерево или бросать въ воду такихъ покойниковъ безусловно воспрещается.

Спросятъ, къ чему такая масса указаній и отчего, если уже вѣрить всякаго рода несчастіямъ, не хоронить покойника всегда въ самую счастливую сторону? Но дѣло въ томъ, что въ соображенія относительно выноса и погребенія мертвеца входятъ не

одни эти правила, а еще множество и другихъ обстоятельствъ. Когда зимою 1877 г. я проживалъ въ кочевьяхъ Чахаровъ, то у моего квартиро-хозяина дабāнъ-цзалāна умеръ племянникъ одиннадцати лѣтъ. Родился онъ въ 1866 году, именовавшемся годомъ мужчины, огня и барса, а умеръ по утру въ часъ зайца. По правиламъ, выносить его изъ дому слѣдовало въ часъ курицы и лучшее погребеніе для него, какъ рожденнаго въ годъ барса, было бы на востокъ. Но часъ курицы, соотвѣтствующій нашимъ 6-му и 7-му часамъ вечера, приключился такой, въ который свѣтила несчастная звѣзда покойника—Венера, имѣвшая свое движеніе на западъ. Если бы поэтому, вынесши покойника изъ юрты, нести его на востокъ, то покойнику пришлось бы двигаться на встрѣчу его несчастной звѣздѣ. Ламы должны были указать такимъ образомъ среднее направленіе на сѣверъ. Что касается способа погребенія покойника, то самымъ лучшимъ было бросить его тѣло въ воду, а среднимъ положить его въ дерево; но мы видѣли, что въ годъ рожденія этого мальчика входила стихія огня, которая совершенно противна стихіямъ воды и дерева; на этомъ то основаніи для бѣдняги можно было выбрать только худшее погребеніе, т. е. предать его тѣло огню,—и его дѣйствительно сожгли.

Соблюдая формальную сторону въ погребеніи — преданія своихъ покойниковъ стихіямъ, современные монголы однако очень упростили теперь погребальные обряды. Прежде всего, напримѣръ, огню они предаютъ очень не многихъ, а трупы бѣдняковъ положительно никогда не сжигаютъ. Могилы роютъ только тогда, когда нужно предать тѣло умершаго землѣ; но эти могилы, за недостаткомъ потребныхъ орудій, обыкновенно выкапываются очень не глубоко: лишь бы можно было помѣстить трупъ и покрыть его сверху землянымъ слоемъ. Во всѣхъ остальныхъ способахъ погребенія они просто выносятъ покойниковъ въ степь и кладутъ на открытомъ пространствѣ; при этомъ на мѣстѣ погребенія тѣхъ, которыхъ нужно хоронить въ водѣ, они въ изобиліи льютъ воду, такъ что трупъ кладется въ грязь; долженствующихъ быть преданными дереву кладутъ так-

же на степи, только положивъ предварительно на доску; наконецъ тѣхъ, которыхъ назначено погребать въ воздухѣ, просто выносятъ и кладутъ въ степи. По четыремъ сторонамъ могилы, или трупа покойника, ламы вбиваютъ четыре кола, аршина въ $1^1/_2$ вышиною и къ нимъ прикрѣпляютъ четыре веревки изъ конскаго волоса; къ послѣднимъ привязываются разноцвѣтные дарцо̀ки съ начертанными на нихъ ма̀ни. Иногда на этихъ дарцо̀кахъ помимо ма̀ни изображаются рисунки бурха̀новъ, субурга̀новъ, или цвѣтка па̀дмы, но ма̀ни пишутся уже непремѣнно. Въ Халхѣ принято въ обычай дѣлать дарцо̀ки изъ матерій пяти цвѣтовъ, безъ различія надъ какой бы могилой эти дарцо̀ки ни вѣшались; но въ южной Монголіи дарцо̀ки строго различаются: дарцо̀ки краснаго и желтаго цвѣтовъ здѣсь ставятся только надъ трупами ламъ, а простолюдинамъ усвояются исключительно бѣлые дарцо̀ки; тотъ же обычай соблюдается и въ Чжунгаріи у калмыковъ, или ѳо̀товъ. Болѣе состоятельные монголы, помимо такой незатѣйливой ограды могилъ, врываютъ въ головахъ покойника столбъ и на вершинѣ его прикрѣпляютъ ху̀рдэ, устраиваемое въ родѣ вѣтряной мельницы, крылья которой ворочаютъ небольшой, наполненный рукописными ма̀ни барабанчикъ. Не рѣдко внутренность такого столба выдалбливается и въ выдѣланную такимъ образомъ впадину ламы помѣщаютъ рисованное изображеніе какого нибудь бурхана. Всѣ эти святыни охраняютъ трупъ впрочемъ не долго и, обыкновенно, лишь только разойдутся погребавшіе, какъ къ трупу собирается масса собакъ, такъ что черезъ какихъ нибудь два, три часа отъ него не всегда остаются цѣлыми даже и бѣлыя кости.

Погребеніе князей и богатыхъ монголовъ совершается конечно такимъ же образомъ, т. е. читаются тѣже но̀мы и совершаются тѣ-же хура̀лы, только обрядовая сторона отличается въ нихъ большею роскошью. Къ погребенію князей собирается, напримѣръ, по 300 и по 500 ламъ, цѣлые дни воздухъ оглашается ихъ молитвенными чтеніями и звуками музыкальныхъ орудій. При самомъ погребеніи, тѣла князей не оставляютъ на открытой степи, но непремѣнно строятъ особаго рода пирамидки,

называемыя бунхȁнъ. Это четырехугольныя зданьица, устраиваемыя изъ сырцеваго кирпича въ величину не больше квадратной сажени. Въ средину такого бунхȁна и полагаютъ трупъ. По большей части тѣла князей хоронятся въ сидячемъ положенiи, причемъ руки и ноги ихъ складываются въ молитвенную позу. Проѣзжая по кочевьямъ хэрулэнскаго бэйсэ, я осматривалъ бунхȁнъ года за три передъ тѣмъ похороненнаго князя. Трупъ былъ кругомъ окутанъ шелковыми матерiями и дабȍю, исписанными тарнистическими изрѣченiями и представлялъ изъ себя какъ бы одинъ большой узелъ, положенный на подставку изъ семи полныхъ цибиковъ кирпичнаго чая. По разказамъ ламъ, тѣло почившаго князя слѣдовало предать стихiи дерева и они, очевидно, ухитрились изобразить дерево этими цибиками чая. Но еще чаще тѣла князей предаются сожженiю, каковой обрядъ уже описанъ нами выше. Тѣхъ князей, которые умираютъ гдѣ-либо на чужой сторонѣ, помимо впрочемъ Тибета и У-тай-шан'и, монголы всегда перевозятъ для погребенiя въ свой хошӯнъ. Съ такимъ печальнымъ поѣздомъ я повстрѣчался только однажды на берегахъ Чернаго Иртыша. Перевозимы были останки умершаго торгоутскаго князя, скончавшагося въ Пекинѣ. Трупъ былъ положенъ въ обыкновенный, китайскiй гробъ, который былъ установленъ на двухъ-колесной китайской телѣгѣ и, по обычаю китайцевъ, на верху гроба помѣщалась клѣтка съ пѣтухомъ. Покойника сопровождали отрядъ солдатъ и два ламы. Послѣднiе ѣхали съ покойникомъ изъ самаго Пекина. По дорогѣ хурȁловъ они ни какихъ не служили, но, при своемъ выѣздѣ изъ Пекина, получили отъ Чжанчжȁ хутухты цѣлую пачку билетовъ, имѣвшихъ продолговатую форму и походившихъ на китайскiя визитныя карточки. На этихъ билетахъ были начертаны разнаго рода тибетскiя, тарнистическiя выраженiя. При каждой переправѣ черезъ рѣку и при каждомъ перевалѣ черезъ гору, ламы обязаны были сожигать по одному билету, — этимъ обрядомъ якобы давалось знать мѣстному духу, что покойникъ имѣетъ право на безпрепятственный пропускъ. По прибытiи останковъ въ родное кочевье князя, надъ ними предполагалось совершить весь тотъ обрядъ похо-

ронъ, который ламы исполнили бы, если бы этотъ князь умеръ дома.

Покончивъ погребальные обряды надъ трупомъ монгола, ламы всегда возвращаются въ его юрту и отправляютъ здѣсь еще одинъ, очистительный хура̀лъ, цѣль котораго охранить оставшихся живыхъ отъ несчастій, могущихъ быть навѣянными духомъ покойника. Молитва, читаемая при этомъ обрядѣ, исполняется въ присутствіи всѣхъ однохотонцевъ почившаго. Вотъ ея содержаніе:

«Покланяюсь Маньчжўшри! Несчастія, ниспосылаемыя свыше отъ владыкъ семи гара̀ковъ, отъ 27 звѣздъ и отъ тэ̀нгріевъ; несчастія, наводимыя снизу владыками различныхъ мѣстностей и урочищъ, во главѣ которыхъ Тэ̀съ-ха̀нъ; восемьдесятъ тысячъ препятствій ([illegible]); триста шестьдесятъ демоновъ; четыреста четыре болѣзни и несчастія, наводимыя ада̀'ми, альби̂нами и читкўрами; всѣ эти несчастія вообще да отрѣшатся отъ обитателей этого дома!

Ты, преданный владыкѣ смерти — Эрли̂ку, не отнимай отъ насъ добродѣтель и счастіе; но соблаговоли пожаловать ихъ намъ!

Самъ ты уходи туда, вдаль!

Не уноси добродѣтель и счастіе твоихъ родителей! (всѣ присутствующіе возглашаютъ при этомъ: «хура̂й! хура̂й!»)

Не уноси добродѣтель и счастіе твоихъ старшихъ и младшихъ братьевъ (всѣ: «хура̂й! хура̂й!»).

Не вырывай изъ нашихъ рукъ, но дай намъ добродѣтель и счастіе «Па̀дъ», охраняющее отъ Эрли̂ка, альби̂новъ и прочихъ! (всѣ: хура̂й! хура̂й!).

Если же не дашь ты счастіе и святость по звуку страшныхъ та̀рни «Па̀дъ», то да разлетится твоя голова на сто частей силою заступничества трехъ драгоцѣнностей!

Сверхъ того:

добродѣтель и счастіе низшихъ тэ̀нгріевъ (всѣ: «хура̂й! хура̂й!») [1]).

1) Значеніе этого восклицанія не разъяснено съ точностью; но кажется оно составляетъ повелительную форму отъ глагола хурахў—собираться.

добродѣтель и счастіе низшихъ хāновъ драконовъ (всѣ: «хурȁй! хурȁй»!).

добродѣтель и счастіе Бисмȁнъ-тэнгри и ракшȁсовъ (всѣ: «хурȁй! хурȁй!»).

Вкратцѣ сказать: да повстрѣчаютъ насъ всякіе случаи всесовершеннаго довольства всѣхъ одушевленныхъ существъ трехъ міровъ! (всѣ: «хурȁй! хурȁй!»).

Да упрочится въ нашей средѣ счастіе и святость! (всѣ: «хурай! хурȁй! хурȁй!»).

Эта очистительная и охранительная отъ покойника молитва читается непремѣнно послѣ всякаго погребенія; но мы говорили уже, что бываютъ случаи, когда покойникъ умираетъ съ явными, несчастными признаками для живущихъ. Въ этомъ случаѣ почитается весьма важнымъ опредѣлить кому именно грозитъ это несчастіе, чтобы вò время принять противъ него должныя мѣры. Въ ламскихъ астрологическихъ книгахъ по этому поводу сообщаются свѣдѣнія довольно положительныя, а именно:

Если умретъ человѣкъ, принадлежащій по рожденію къ годамъ мыши и коровы, то будетъ худо принадлежащимъ по рожденію къ годамъ лошади и зайца и особенное несчастіе принадлежащимъ къ году курицы.

Если умретъ человѣкъ, принадлежащій по рожденію къ годамъ барса и зайца, то будетъ худо принадлежащимъ по рожденію къ годамъ змѣи и лошади и особенное несчастіе принадлежащимъ къ году свиньи.

Если умретъ человѣкъ, принадлежащій по рожденію къ годамъ дракона и змѣи, то будетъ худо принадлежащимъ по рожденію къ годамъ овцы и свиньи и особенное несчастіе принадлежащимъ къ году коровы.

Если умретъ человѣкъ, принадлежащій по рожденію къ годамъ лошади и овцы, то будетъ худо принадлежащимъ по рожденію къ годамъ мыши и курицы и особенное несчастіе принадлежащимъ къ году зайца.

Если умретъ человѣкъ, принадлежащій по рожденію къ годамъ обезьяны и курицы, то будетъ худо принадлежащимъ по

рожденію къ годамъ барса и свиньи и особенное несчастіе принадлежащимъ къ году змѣи.

Если умретъ человѣкъ, принадлежащій по рожденію къ годомъ собаки и свиньи, то будетъ худо принадлежащимъ по рожденію къ годамъ дракона и коровы и особенное несчастіе принадлежащимъ къ году овцы.

Для отвращенія несчастій отъ живыхъ людей, которымъ угрожаетъ опасность со стороны покойника вслѣдствіе соотвѣтствія года ихъ рожденія съ годомъ рожденія покойника, совершается еще особый обрядъ обыкновенно на второй, или на третій день послѣ похоронъ. Къ совершенію этого хура̀ла ламы приготовляютъ изъ муки двѣ фигурки, изображающія человѣка и одну изъ нихъ окрашиваютъ въ бѣлый цвѣтъ, а другую въ черный. За симъ разстилаютъ посреди юрты двѣ овчины, также одну бѣлую, а другую черную и на бѣлую овчину кладутъ бѣлаго человѣка, а на черную чернаго, присоединяя къ этимъ фигуркамъ еще, по цвѣту, семь бѣлыхъ и семь черныхъ камешковъ. Самый хура̀лъ состоитъ въ чтеніи молитвы, извѣстной подъ именемъ «тачія̄л'унъ харигӯлга» и оканчивающейся произнесеніемъ чжиру̀кхэн'ӯ та̀рни семи бурхановъ; при произнесеніи каждой та̀рни ударяютъ бѣлыми камешками въ бѣлаго человѣка, а черными — въ чернаго и за симъ все это выбрасываютъ въ степь. Возвратившись изъ степи въ юрту, снова дѣлаютъ трехсторонній бали̇̀нъ, какъ умилостивительную жертву докши̇̀тамъ и приготовляютъ лампаду и блюдо съ какими либо хлѣбными зернами. Въ краткой молитвѣ «Лу̀дъ», читаемой при этомъ, испрашивается покровительство докши̇̀товъ человѣку, имѣвшему несчастіе соотвѣтствовать покойнику по годамъ своего рожденія; и за симъ произносятся три йӧрӧ̄ля, выражающихъ благожеланія этому человѣку. При произнесеніи каждаго изъ этихъ йӧрӧ̄лей несчастливца осыпаютъ помянутыми хлѣбными зернами. Этимъ обрядъ и оканчивается.

Защитивъ силою своихъ молитвъ и заклинаній живыхъ людей отъ вліяній на ихъ жизнь покойника, ламы продолжаютъ исполненіе своихъ обязанностей въ отношеніи къ этому послѣд-

нему. Эти обязанности состоятъ теперь въ совершеніи «тӯлэшй», или поминокъ, которыя у князей и у богатыхъ монголовъ продолжаются непрерывно въ теченіе 49 сутокъ, а у бѣдныхъ ограничиваются хура̀ломъ, отправляемымъ въ одинъ день. По большей части для сего избирается или третій, или седьмой день по смерти человѣка. Основаній, по которымъ совершаются поминки въ третій день, мнѣ не пришлось узнать; что же касается до седьмаго дня, то обычай отправлять въ это время хура̀лъ, основывается на изложенномъ Цзонхаво̀ю въ сочиненіи «Бодй мӯрӯнъ цзэргэ» мнѣніи, будто бы душа умершаго на седьмой день получаетъ возрожденіе въ Цзагӯрату. Различіе поминокъ, совершаемыхъ у бѣдныхъ и богатыхъ впрочемъ только количественное, по содержанію же хура̀лъ этотъ одинъ и тотъ же. Онъ состоитъ изъ чтенія тибетскаго но̀ма «Додъ-янга̀»; къ этому, по правилу, завѣщанному далай ламою Габанъ-лубсанъ-чжамцо, присоединяется еще чтеніе Ма̀нлайнъ чога̀. Хура̀лъ этотъ не можетъ быть совершенъ менѣе какъ четырьмя ламами и доставляетъ монастырямъ очень большой доходъ. По правиламъ, преподаваемымъ ламами монголамъ, на поминъ души покойника въ пользу монастыря должна идти десятая часть всего имущества покойника; но обыкновенно берется и еще больше. Слѣдуетъ однако замѣтить, что ревнующіе о счастіи въ загробной жизни монголы никогда не жалуются на тягость для себя этихъ поборовъ и охотно выдаютъ ламамъ все, что надлежитъ имъ получить не только по обычаю, но и сверхъ онаго.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

ЛИЧНЫХЪ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ ИМЕНЪ.

Сокращенія: будд=буддійскій; дух=духовный; кит=китайскій; миө=миөическій; почт=почтовый; свящ=священный; см=смотри; тиб=тибетскій; т. ч.=тоже что.

Г.

Д.

З.

И.

І.

К.

Ц.

Ч.

Ш.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

ПРЕДМЕТНЫХЪ ИМЕНЪ.

Б.

Ж.

З.

И.

К.

Л.

О.

П.

Р.

С.

Т.

Ц.

Ч.

Й.

ОПЕЧАТКИ.

СТРАН.	СТРОК.	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
4	5	милитвенный	молитвенный
7	16	Долōнъ нӯра	Долōнъ нӯра
11	13	храмы	храмы:
12	14	саймака	ȁймака
38	30	Будды	будды
46	2	нөй	ней
58	22	обыкновенно	обыкновенно
69	6	изображеніе	изображенія
91	7	Ди габъ	Ди чабъ
91	26	Агамъ	Аргамъ
138	22	друхъ	двухъ
141	26	[illegible]	[illegible]
157	23	чжукбо	чжукдо и др.
193	38	མཚན་ཞིད་	མཚན་ཉིད་
194	1	ཞིད་	ཉིད་
271	17	уговарить	уговорить
191	4	большой	большей
308	5	ཏ་མདིན་	ཏ་མདྲིན་
309	5	попаламъ	пополамъ
397	38	онѣ	внѣ
419	38	цзуууххайчи	цзурухȁйчи
419	16	བྲ་ཞི	བྲ་ཉི
445	26	цзабья	дзабья